3 1761 08106188 9

ΠΡΟΚΟΠΙΟΣ

1

1909

Probuzhdenie
g. 4
vyp. 1-12

1-го Января 1909 года.

Пробужденіе

Годъ 4-й.

Вып. 1-й.

1 ЯНВАРЬ

Эта ночь не для насъ...

Эта ночь не для насъ, загрязненныхъ порочной любовью,
Пьяной страстью на мигъ окрыленныхъ въ полуночный часъ;
Этотъ свѣтъ не для насъ, что, стыдливо припавъ къ изголовью,
Помутился... погасъ.
Въ эту ночь въ небесахъ херувимы зажгли для молитвы
Сонмы яркихъ лампадъ и кадилъ съ ароматами розъ,
И на землю кропятъ слезы павшихъ за братьевъ средь битвы,
Какъ изъ чаши и крови, и слезъ.
Эта ночь не для насъ, оскверненныхъ порочной любовью.
Въ эту ночь хоры птицъ славятъ въ гимнахъ божественныхъ тѣхъ.
Кто, томясь въ нищетѣ и въ неволѣ, страдальческой кровью
Искупаетъ нашъ грѣхъ.

Н. Корецкій.

LIBRARY
743150

№ 1 ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

Литературно-Художественный Журналъ

Эдгардъ Максенсъ. ВЪ ЗАБРОШЕННОМЪ ПАРКѢ.

„Преступники".

Новогодній этюдъ.

(Посвящается дорогой матери).

I.

Ночью разыгралась метель.

Занесенныя снѣгомъ, чернѣвшія на бѣлесоватомъ фонѣ, маленькія избенки села Медвѣдкина смотрѣли въ мглистую улицу свѣтящимися оконцами. Снѣжные вихри, точно сказочныя великанши въ бѣлыхъ платьяхъ съ длинными шлейфами, крутились всюду, исполняя бѣшеный шумный танецъ подъ дикую музыку вьюги, подъ рѣдкій, разбрасывающійся въ разныя стороны клочьями, звонъ церковнаго колокола... Обрывки его разносились вѣтромъ далеко окрестъ и по широкому раздолью скованной морозами Волги, зовя заблудившихся въ эту ужасную, бурную ночь.

Сквозь щели ставней деревяннаго священническаго дома пробиваются желтыя полосы свѣта. Въ чистенькой и простенькой, съ изразцовой горячей печкой въ углу, столовой о. Павла тепло и уютно. На крытомъ бѣлой клеенкой кругломъ столѣ кипитъ огромный пузатый самоваръ и матушка, старушка съ добрымъ сморщеннымъ лицомъ, разливаетъ чай. Однако самъ о. Павелъ хмуръ и молчаливъ. Онъ поглаживаетъ своей большой рабочей рукой огромную бѣлую бороду и смотритъ почти сердито изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей маленькими карими глазами.

Матушка, видимо, что-то хочетъ сказать; но, посмотрѣвъ на о. Павла, всякій разъ откладываетъ свое намѣреніе.

Вотъ вѣтеръ съ шумомъ и воемъ порывисто налетѣлъ на домъ; застучали ставни и заскрипѣли неплотно припертыя ворота...

— Погодка...—замѣтила старушка.

— Да-а,—неопредѣленно протянулъ о. Павелъ.

— А помнишь, Павлуша, вотъ эдакъ-же... насъ въ полѣ вьюга застала? Сережа еще маленькимъ...

— Ну-у?—вдругъ грозно спросилъ о. Павелъ.

Блюдечко задрожало въ рукѣ матушки, и она смолкла, учащенно замигавъ вдругъ покраснѣвшими глазами.

О. Павелъ искоса взглянулъ на нее и уже болѣе мягко сказалъ.

— Этого имени въ домѣ моемъ болѣе нѣтъ. Сергѣй для меня умеръ... слышишь?

Онъ помолчалъ немного и, звучно втянувъ съ блюдечка горячую влагу, прибавилъ:

— И зачѣмъ, мать, ты всегда отвлеченіе мысли дѣлаешь? Завтра для Новаго года долженъ я проповѣдь произнести... Но она еще не написана.

— Ты вѣдь писалъ?

— Но не кончилъ. Позаботилась-бы лучше о Бѣлянкѣ... отелится не сегодня—завтра. Не мѣшало-бы Марѳѣ въ хлѣвъ-то понавѣдываться. О, Господи, помилуй и спаси насъ, грѣшныхъ!..

Онъ всталъ, огромный, сутулый, и сразу какъ-бы наполнилъ собою всю комнату, слегка содрогнувшуюся въ своихъ основаніяхъ.

— Пойду я... начатое писаніе ждетъ. Странники есмы и пришельцы на землѣ сей, и нѣсть отдохновенія намъ... дондеже...

— Павлуша,—робко начала матушка.

О. Павелъ покосился на нее.

— Доброе молвишь?

— По моему, доброе. Завтра, послѣ обѣдни ужъ обязательно надо молебенъ отслужить о здравіи...

— Кого?—быстро и сурово перебилъ ее о. Павелъ.

— Ахъ ты, безчувственный!—вспыхнула матушка.—Истуканъ ты, а не человѣкъ! Такъ поди и не знаетъ, кого? Про Сережу говорю я!—И старушка высоко подняла слегка трясущуюся голову.

О. Павелъ съежился точно отъ удара, втянувъ голову въ плечи, и крякнулъ. Нѣсколько мгновеній длилось тяжелое молчаніе. Потомъ о. Павелъ глухо сказалъ:

— Заруби себѣ на носу, мать: Царевъ и Господень врагъ—мой врагъ, хотя-бы онъ былъ...—густой голосъ его дрогнулъ,—сыномъ единоутробнымъ...

И нетвердой походкой онъ направился въ свой кабинетъ,—маленькое помѣщеніе съ простымъ столомъ, шкафомъ съ книгами и некрашенными полками, на которыхъ тѣснились пустыя кадушки и разныя столярные инструменты.

— О Бѣлянкѣ-то не забывай!—крикнулъ онъ, садясь въ плетеное кресло.

Съ минуту онъ прислушивался къ завыванію метели, а потомъ углубился въ свою работу.

— ... сей день, братія,—читалъ онъ, слегка шевеля губами,—первая зарубежная черта, за коей—пустыня, имѣющая наполниться—чѣмъ братія?—Вотъ сіе-то и будетъ нашимъ вопросомъ. Прошлый годъ чреватъ былъ побѣдами Врага рода человѣческаго, о немъ-же сказано: „искій, кого поглотити". Кознямъ Прельстителя предался народъ! Татьбы, хищенія и мерзостный мятежъ!.. И аки-бы въ отвѣтъ на сіе: трусъ, огнь, гладъ и мечъ. Великій „отецъ лжи", о коемъ въ Писаніи сказано, что онъ „человѣкоубійца бѣ искони", избралъ сосуды прельщенія человѣковъ...

О. Павелъ взялъ перо, подумалъ и приписалъ:

„Сіи мерзостные сосуды діавола сѣютъ лживо-суетныя словеса, въ нихъ-же ядъ и смрадъ тлѣнія"...

Онъ остановился и нервнымъ жестомъ руки бросилъ перо, такъ какъ въ его воображеніи неожиданно всталъ одинъ изъ этихъ „сосудовъ"—его единственный сынъ Сергѣй...

Полное, розовое, окаймленное свѣтлой бородкой, лицо, живые голубые глаза и вся фигура чисто русскаго богатыря съ широкой и высокой грудью, мускулистыми руками и плечами „въ косую сажень".

„Да, славнаго молодца выростилъ, только не въ радость, а въ поношеніе себѣ и дому своему"...

Онъ сдѣлалъ усиліе, взялъ перо; но мысли, туманныя, разбросанныя, какъ подгоняемыя вѣтромъ снѣжинки, роились въ его головѣ, и не мало времени понадобилось, чтобы собрать ихъ и направить по опредѣленному руслу.

„Учась въ семинаріи, пріѣзжалъ онъ на Рождество домой... веселый, забавникъ... И съ бабами шутки шутить мастеръ былъ!.. Въ Новый годъ, бывало, Апо-

П. Бартель.

СЪ НОВЫМЪ СЧАСТЬЕМЪ!

столъ читалъ... какъ читалъ!.. басокъ молодой, но преизрядный, и святыя слова вонзались въ душу молящагося. Тѣломъ и видомъ хорошъ, сущій Алеша-Поповичъ... а вотъ помутилъ душу лукавый!.."

Онъ взялъ перо и твердымъ, размашистымъ почеркомъ приписалъ;

„... ибо злокозненный человѣкоубійца присно, аки дурной глазъ, на стражѣ стоитъ"...

„Да... хорошимъ-бы попомъ былъ. Любая невѣста пошла-бы... дочку протоіерея о. Геннадія высватали-бы... И не малаго ума человѣкъ! Живой рукой благочиннымъ-бы сталъ. Нѣтъ! захотѣлось вишь въ университетъ... И пошло! И пропалъ человѣкъ!.. Слушаетъ поди теперь пѣсни таежной метели"...

Глаза старика потемнѣли и густыя брови сошлись въ глубокой складкѣ.

Чу!.. что это? послышалось?

О. Павелъ вздрогнулъ и, подавшись насторожившимся корпусомъ впередъ, испуганно посмотрѣлъ на подмороженное снизу окно, прикрытое снаружи сѣрой ставней. И словно электрическій токъ прошелъ по всѣмъ его членамъ...

Ему показалось, будто кто-то провелъ рукой по ставнѣ, а потомъ раздался легкій хрустъ снѣга.

— Воръ?—прошепталъ онъ;—но въ нашей округѣ не слышно такого баловства. Заблудшая скотинка?—она до окна не достанетъ.

Неясное, но мучительно-тягостное предчувствіе овладѣло существомъ о. Павла, и сердце сильно заколотилось въ груди. Онъ долго сидѣлъ, не спуская пристальныхъ глазъ съ окна; но, кромѣ шума вьюги и еле слышнаго шуршанія по ставнѣ снѣжной пыли, ничего не было болѣе слышно.

„Почудилось"?—И о. Павелъ, склонясь надъ листомъ, снова принялся за сочиненіе новогодняго „слова". Казалось, старый священникъ совершенно ушелъ въ витіеватые обороты византійскаго церковнаго краснорѣчія; но странно: въ душѣ его все еще продолжалъ жить,— и онъ это ясно чувствовалъ,— осадокъ какого-то нуднаго, томительно безпокойнаго чувства... Это чувство даже росло,—точно тамъ, за бревенчатыми стѣнами занесеннаго снѣжными сугробами дома, окутанная вихрями и буйной музыкой метели, стояла какая-то непонятная сила, находившаяся въ странной таинственной связи съ встревоженной душою о. Павла...

„Ужъ не сатанинское-ли искушеніе?—мелькнуло въ головѣ священника.—Любитъ *онъ* отвлекать человѣка томленіемъ духа его отъ добраго дѣла"...

И онъ, какъ-бы боясь очутиться въ полной власти „томленія духа", невольно удлиннялъ свою проповѣдь, не рѣшаясь написать послѣднее: „аминь".

„... пуще-же глада и мора страшитесь, православные, сихъ волковъ въ овечьей шкурѣ, ибо внушаютъ они маловѣрамъ нетерпѣніе. Море зла—въ мірѣ семъ. Страждетъ человѣкъ! Но „ничего-же преходитъ во единый мигъ". И все придетъ своимъ чередомъ. Все минется, одна правда останется!.. Господь нашъ на Голгоѳѣ"...

— Павлуша!—раздался за его спиной испуганный голосъ матушки.

— Охъ, чтобы тебѣ... какъ напугала меня!

— Да ты слушай...

— Мать на тебѣ лица нѣтъ?

— Въ хлѣвушкѣ-то, гдѣ Бѣлянка... человѣкъ...

— Брешешь?—О. Павелъ всталъ и рука его невольно потянулась къ мѣховому подряснику.

— Марѳа пошла... вьюжитъ... шаговъ ея не слышно... Подошла, прислушалась, а тамъ кто-то съ коровой разговариваетъ: „Бѣлянка... охъ ты, Бѣлянка"!

О. Павелъ, уже надѣвшій подрясникъ и шапку, разсмѣялся.

— Бабы вы, бабы!—воскликнулъ онъ.—Во истину сказано о васъ: „тѣнь, улыбка и мечтаніе пустое". Явное дѣло: попритчилось бабѣ. Но сходить, отчего-жъ не сходить..

Онъ взялъ у поблѣднѣвшей Марѳы зажженный фонарь и вышелъ во дворъ.

II.

Визгливо и коварно завывающій вѣтеръ бросалъ колючею снѣжной пылью въ лицо священнику и игралъ длинными прядями сѣдыхъ волосъ. Полуприкрывая фонарь рукой, склонивъ голову, о. Павелъ осторожно ступалъ, увязая въ мягкихъ свѣженаметенныхъ буграхъ снѣга.

Странная и какъ-будто знакомая тревога охватила его... На минуту онъ остановился, чтобы перевести духъ.

— „Живый въ помощи Вышняго"...—прошепталъ онъ печальныя слова извѣстнаго псалма, спасающаго, по мнѣнію многихъ, отъ всѣхъ неожиданныхъ золъ и напастей, сдѣлалъ рукой крестообразное движеніе и рѣшительно отворилъ скрипучую дверь хлѣвушка.

Лежавшая Бѣлянка шумно вздохнула и передвинула ногой. Рука стараго священника дрожала, когда онъ поднялъ фонарь, чтобы освѣтить углы. И вдругъ онъ вздрогнулъ и съежился, точно его ударили; рука съ фонаремъ безсильно опустилась, и слабый огонь изнизу освѣтилъ его, ставшее мертвенно-блѣднымъ, морщинистое лицо...

Предъ нимъ стоялъ его сынъ.

Но Боже мой,—это была тѣнь прежняго Сергѣя! Осунувшійся, блѣдный, съ горящими и потемнѣвшими глазами, ушедшими въ орбиты, съ преждевременными морщинами около угловъ рта,—онъ напоминалъ затравленнаго волка. .

Съ минуту длилось молчаніе.

— Ты... ты?...—наконецъ прерывисто заговорилъ отецъ.—У...убѣ-жалъ?...

Еле слышно сынъ отвѣтилъ:

— Да, отецъ...

— Себя погубилъ и опозорилъ, хочешь и насъ...

— Сережа!—раздался пронзительный крикъ, и мать, оттолкнувъ мужа, бросилась къ сыну.

Она обняла его, рыдая, бормоча что-то безсвязное...

И вдругъ съ рѣшимостью почти обезумѣвшей женщины, она потянула сына за рукавъ полушубка.

— Пойдемъ, Сережа! пойдемъ!!

— Мать...—глухо произнесъ о. Павелъ.

Но она уже увлекала сына, ничего не слыша, охваченная вихремъ нежданной радости...

Священникъ остался одинъ. Онъ постоялъ немного, какъ бы собираясь съ мыслями, а потомъ, шатаясь, еле поднимая ноги, побрелъ въ домъ.

— Врагъ... врагъ...—шепталъ онъ и точно иглы вонзились въ сильно бьющееся сердце его.

Слезы катились по старческимъ щекамъ и падали на бѣлую развѣвающуюся бороду. Какой либо опредѣленной мысли, яснаго желанія не было въ его душѣ; была зіяющая пустота... И это было мучительнѣе всего!

Въ сѣняхъ онъ остановился.

— Что дѣлать? какъ быть? Господи, научи мя!..

И не было въ смятенной душѣ отвѣта...

— Изгоню врага Твоего; но вѣдь сынъ онъ мнѣ!.. Сынъ — Богоборецъ и врагъ Царевъ... Просвѣти, Господи! просвѣти!!

Въ отвѣтъ лишь завывала и шумѣла вьюга...

— Блаженъ мужъ, иже... на пути грѣшниковъ не ста... Не встану ли я на пути семъ, принявъ заблудшаго... Научи! Просвѣти!!

Терзалось одинокая душа...

И какъ бы въ отвѣтъ на эти муки, въ глубинѣ ея рождалось новое чувство досады, почти злобы... И оно все росло... Вотъ оно вспыхнуло яркимъ, жгучимъ пламенемъ...

— Виноватъ-ли я? Всѣ силы я отдалъ... все, что было можно, далъ ему... воспиталъ... поучалъ... остерегалъ, какъ слабаго птенца... Но змѣю я выкормилъ на груди своей!...

О. Павелъ плотно сжалъ губы и вошелъ въ кухню. Его суровое лицо дышало злобой.

— Слышь ты, Марѳа,—сказалъ онъ сердито,—бабьяго языка не развязывай... чтобы и вѣтеръ не зналъ!.. Сболтнешь,—въ Сибирь, или въ острогъ насъ всѣхъ... и тебя!

Марѳа всплеснула руками.

— Да нешто я, батюшка, дура?!

Онъ, какъ былъ въ тепломъ подрясникѣ и въ шапкѣ, вошелъ въ столовую. Сынъ сидѣлъ, а матушка, заливаясь слезами, доставала изъ шкафа разную снѣдь.

О. Павелъ почувствовалъ, что рѣшимость готова оставить его. И собравъ всѣ свои силы, онъ тихо крикнулъ:

— Вонъ изъ дому моего, блудный сынъ мой и... врагъ мой!

— Павлуша!

— Во-онъ!

Руки его и голова тряслись, и вся огромная фигура была какъ бы придавлена каменной глыбой; слезы стояли въ ввалившихся глазахъ.

И жалокъ, и страшенъ въ то же время былъ этотъ дрожавшій великанъ—съ своимъ мучительнымъ внутреннимъ разладомъ...

Сынъ мягко отстранилъ мать и выпрямился. Краска покрыла его блѣдныя щеки, и въ эти мгновенія,—высокій, плечистый,—онъ напоминалъ прежняго Сергѣя—„Алешу-Поповича“...

— Я не къ тебѣ пришелъ, отецъ,—заговорилъ онъ, волнуясь,—и знаю я, что могу подвести васъ, находясь здѣсь. Я въ городъ шелъ... и вотъ крюкъ сдѣлалъ, чтобы только... Но не къ тебѣ я пришелъ! Къ дому родному пришелъ... не вытерпѣлъ... И думалъ... думалъ: вотъ хоть сквозь щели ставней увижу родныя лица... Увижу... посмотрю... и уйду... Наши пути разныя, отецъ. И всегда я зналъ, что въ твоихъ глазахъ я—врагъ твой. Но для меня ты—отецъ... отецъ и больше никто!.. И я... даже уважаю тебя за нравственную твердыню твою... Зачѣмъ случилось такъ, что ты увидѣлъ меня! Я, какъ пришелъ, такъ и... ушелъ бы. Да, ушелъ бы! Ну, что жъ дѣлать... я уйду сейчасъ. Прости, не по моей винѣ все такъ вышло... Прости, мать!

Онъ подошелъ къ матери, обнялъ ее, поцѣловалъ и сталъ одѣвать полушубокъ.

О. Павелъ стоялъ точно въ оцѣпенѣніи.

— Павлуша!.. Павлуша!..—умоляюще шептала мать.

Но онъ какъ-будто не замѣчалъ ея; лишь плечо его судорожно подергивалось, да трясущаяся рука безпокойно теребила и перевивала бороду.

Сынъ ушелъ.

Нѣсколько мгновеній стояла могильная тишина. Вѣтеръ порывисто налетѣлъ на домъ; дробно застучали ставни.

— Павлуша... онъ ушелъ... ушелъ...

О. Павелъ вздрогнулъ и сталъ точно меньше...

— Мать...—неожиданно шепнулъ онъ,—бѣги, бѣги!.. вороти!

Накинувъ на себя шубенку и шаль, стрѣлой вылетѣла мать. А отецъ, выйдя въ кабинетъ и сбросивъ шапку и подрясникъ, упалъ на колѣни предъ образами и, рыдая, склонился головою ницъ...

Старый священникъ молилъ „справедливаго Карателя преступающихъ волю Его и воздающаго коемуждо по дѣломъ“ милости за свое „малодушіе“; онъ скорбѣлъ, что не можетъ уподобиться библейскому Аврааму, положившему сына своего на алтарь жертвы.

Долго молился онъ и плакалъ.

И слезы не приносили успокоенія душѣ его... Неразрѣшимою казалась задача, заданная ему жизнью, и тяжелымъ крестомъ—„испытаніе, возложенное на старческія рамена его Богомъ“!..

III.

По заметенной снѣжными увилами, бунтующей темной улицѣ бѣжала мать. Сквозь кружащіеся и бѣгущіе снѣжные вихри ей смутно видна была черная быстро удалявшаяся фигура. Силы уже покидали ее. Они задыхались, и изъ ея неровно поднимавшейся старческой груди вылеталъ одинъ лишь слабый вопль-шепотъ: „Сережа! Сережа“! Но что значилъ онъ въ дикомъ шумѣ разбушевавшейся вьюги? Вотъ переулокъ... сейчасъ сынъ скроется изъ глазъ...

Скрылся!..

— Сережа!.. — въ послѣдній разъ крикнула мать и остановилась, еле переводя дыханіе.

Вѣтеръ бросилъ въ ея лицо міріады колючихъ снѣжинокъ и пронизывалъ леденящимъ холодомъ все тѣло; но мать какъ-бы не чувствовала ничего, и ея наполненные слезами глаза, были устремлены впередъ, точно глазами своими кричала

она теперь, точно ими звала и умоляла... И все, все существо ея было тамъ, въ въ переулкѣ...

Деревня спала, и огоньковъ уже не было видно. Все словно умерло. И темныя, молчаливыя избенки сиротливо прятались въ бѣлесоватыхъ сугробахъ.

Что это? Мать не вѣрила глазамъ. Неужели онъ?.. Темная большая фигура сначала вышла изъ-за угла, а потомъ побѣжала прямо къ ней... Да, это онъ... Мать узнаетъ его... уже видитъ его лицо...

— Я такъ и подумалъ,—быстро проговорилъ онъ, подбѣгая,—что это ты крикнула мнѣ сейчасъ такъ пронзительно...

Онъ замѣтилъ, что тѣнь изумленія скользнула по ея лицу; но, не давъ ей сказать что либо, поднялъ ее своими сильными руками и какъ ребенка понесъ къ дому.

— Отецъ? — отрывисто спросилъ онъ.

— Простилъ...

— Что ты говоришь, мать?! — Онъ остановился на минуту, такъ какъ вдругъ почувствовалъ страшную слабость во всемъ тѣлѣ.

— Онъ послалъ меня за тобой...

. . . . . .

— Ты, Сергѣй, на моей кушеткѣ въ кабинетѣ ложись... а ужъ я какъ-нибудь по стариковски; да и спать-то не долго,—утреня. Постели-ка мать, войлокъ тамъ на полу, въ кабинетѣ-же... Изъ самой, значитъ, Сибири? Да — а, путина не малая... и только нашъ братъ, бурсакъ старорусскій отхватить ее можетъ!.. Эхъ, Сергѣй, Сергѣй! Вотъ ты на всѣ корни плюешь, а и самъ, видать, не знаешь, что эти-то корни и сдѣлали кряжистымъ тебя... ѣшь кашу-то, ѣшь! своя гречиха-то, не жалко. Мать, а ты подливай водочки-то! Съ морозу полезенъ и сей напитокъ... ибо все давно устроено у Господа силъ. Да-а... жалко мнѣ старыхъ корней! А все, видать, по новому строится. Давно пади нынѣшняго-то семинариста не видѣлъ?.. Любопытно. Фертикъ... разумно таково смотритъ и аки-бы все на усъ мотаетъ... мундирчикъ на немъ—форма... танцуетъ... крахмале разное!... Баринокъ и больше ничего. .,.Я бывало, когда бурсакомъ-то былъ, такъ по лѣтамъ отцу-дьячку помогалъ землю пахать и лѣсъ рубить на дрова; а когда уборка хлѣба, такъ мужики на помощь звали и помогалъ и пиво съ мужиками пилъ... Нѣтъ, Сергѣй, не нравятся мнѣ новыя времена и не сойтись мнѣ съ тобою въ мысляхъ ни во вѣки вѣковъ. А ты выпей еще!

Сергѣю сильно хотѣлось возразить; но „великая путина“ брала свое. Имъ овладѣло полудремотное состояніе и какъ-бы сквозь сонъ онъ слушалъ размѣренную рѣчь отца.

— Марѳа!—позвалъ о. Павелъ.—Завтра ставню въ кабинетѣ не открывай. Да помни, что я сказалъ... упекутъ и тебя, слышь!..

— Ахъ, батюшки, да нешто я дура!

. . . . . .

Сергѣй, раскинувъ руки, крѣпко спалъ на теплой постели. Мягкій свѣтъ лампадки слабо освѣщалъ комнату. О. Павелъ, сгорбившись , охвативъ колѣна руками, сидѣлъ на войлокѣ. „Павлуша?“—услыхалъ онъ тихій голосъ. Вошла матушка и молча сѣла около своего старика.

— А вѣдь мы—преступники, мать...—неожиданно произнесъ о. Павелъ, искоса посмотрѣвъ на жену.

Матушка ничего не отвѣтила. Больше они ничего не говорила.

Сидѣли молчали...

Владиміръ Измайловъ.

В. Герсонъ. МУЗЫКА.

Pecunia sacra,

изъ Ф. М. Глока *).

Не въ силахъ вы разстаться съ имуществомъ
святымъ,
Для дикихъ развѣ оргій пожертвуете имъ.
Въ него вцѣпились крѣпко вы праведной рукой—
Пусть знается, кто хочетъ, съ борьбой, войной,
чумой.
Мѣшокъ, набитый туго,—вашъ истинный кумиръ,
Кумиромъ былъ и будетъ, пока не сгинулъ міръ.
Пусть тянутся къ вамъ руки и взрослыхъ и дѣтей,
Пусть вопль нужды несется изъ тысячи грудей,
Пусть горе камнемъ ляжетъ на тысячу сердецъ,—
Что пастырямъ дебелымъ до тощихъ ихъ овецъ!
Бьетъ въ монастырь богатый дунайская волна—
И блѣдныхъ щекъ милльоны являетъ вамъ страна.
Бѣда, коль кровью щеки отчаянье нальетъ!
Бѣда, коль грозовая стрѣла на васъ падетъ!
Вы слышите ль, святые отцы, призывъ временъ?
Не крикъ толпы голодной прерветъ вашъ сладкій
сонъ!
Довольно въ нѣгѣ праздной вамъ чрево нагружать,
Довольно потомъ нашимъ досугъ свой услаждать.
Мы васъ поимъ и кормимъ, какъ вѣрные рабы,
Взамѣнъ же получаемъ лишь темные гробы.
А заповѣдь Христову исполнить не хитро:
Верните лишь народу народное добро!

В. Лихачовъ.

*) Обращеніе къ католическому духовенству. „Вѣнскій Парнасъ 1848 г."

Разгромъ.

Разсказъ *К. С. Баранцевича.*

I.

Студетъ Наташинъ всталъ въ это утро въ состояніи необыкновеннаго подъема духа и избытка силъ.

«Вотъ что значитъ быть здоровымъ совсѣмъ, совсѣмъ здоровымъ»! думалось ему во время умыванія при видѣ крѣпкихъ, мускулистыхъ рукъ,—«экое подумаешь дивное состояніе! Такъ бы куда нибудь и помчался».

Насвистывая модный вальсъ, онъ надѣвалъ прекрасно выглаженную рубашку съ непомѣрно высокимъ, подпиравшимъ подбородокъ воротникомъ, щегольскую тужурку съ вензелевымъ погономъ путейца и такіе нѣжно-голубые панталоны со штрипками, которымъ могъ позавидовать любой жандармскій поручикъ. Одѣвшись, Наташинъ позвонилъ: вошла горничная меблированныхъ комнатъ молодая, блѣдно лицая дѣвушка въ темномъ платьѣ, бѣломъ передникѣ и съ накрахмаленной наколкой въ видѣ кокетливой башеньки на головѣ.

Ю. Лефебръ.
ПОКИНУТАЯ.

— Катя, если кто меня будетъ спрашивать, меня не будетъ дома весь день. А вотъ эту записку передайте бѣлобрысому... знаете бѣлобрысаго?

— Знаю-съ! кончиками губъ усмѣхнулась горничная.

«И Катя сегодня какая-то эффектная, праздничная! Чортъ возьми, вотъ и солнце. И какъ должно быть хорошо на Невскомъ.

Наташинъ отдалъ записку, вышелъ въ корридоръ, Катя подала ему пальто. Онъ постоялъ съ минуту передъ зеркаломъ, любуясь на свою высокую, молодцеватую, съ закрученными черными усиками фигуру и, степенно спускаясь по лѣстницѣ, вышелъ на улицу.

II.

Невскій былъ весь въ серебрѣ, выпавшаго за ночь и освѣщеннаго солнцемъ снѣга. Весело съ глухимъ рокотомъ, поблескивая наверху въ проволокѣ голубыми молніями,

проносились вагоны трамвая, круто вздымая снѣжную пыль, мчались собственныя сани. Толпившіеся на тротуарахъ петербуржцы были неузнаваемы: чѣмъ то свѣжимъ, веселымъ вѣяло отъ ихъ зарумянившихся лицъ.

Наташинъ медленно выступалъ по солнечной сторонѣ Невскаго, пріятно щурясь, вдыхая полной грудью чистый морозный воздухъ. Не доставало женскаго общества, но навстрѣчу ежеминутно попадалось такое множество хорошенькихъ, зарумяненныхъ, морозомъ личиковъ, выглядывавшихъ изъ подъ шляпъ и мѣховыхъ шапокъ, что Наташинъ, какъ бы считая ихъ всѣхъ своими хорошими знакомыми, невольно улыбался имъ и прищуривалъ одинъ глазъ. И вдругъ дѣйствительно одна показалась ему очень знакомой или по крайней мѣрѣ поразительно похожей на Любочку Иллинскую, курсистку, подругу бывшаго товарища его по гимназіи Волнова.

«Она или не она, думалъ Наташинъ, когда уже прошелъ мимо дѣвушки,—«готовъ побиться объ закладъ, что это Любочка, но почему на ней эта шикарная кофта, мѣховая шапочка, боа! Чортъ знаетъ, что такое!

Онъ перешелъ Полицейскій мостъ и повернулъ къ Лейнеру. Ресторанъ былъ набитъ публикой, за буфетомъ стояла кучка людей, зашедшихъ выпить и закусить на скорую руку. Лакеи въ зеленыхъ передникахъ бѣгали отъ столиковъ куда то за буфетную стойку и возвращались съ блюдами горячихъ кушаній. Наташинъ сѣлъ къ столику, заказалъ себѣ завтракъ, все думая о недавней встрѣчи. Когда-то онъ былъ влюбленъ въ эту Любочку и искалъ взаимности, но дѣвушка была очень строга и серьезна и какъ-то на одномъ изъ студенческихъ баловъ откровенно заявила ему, что онъ не герой ея романа. Героемъ былъ Алексѣй Волновъ, студентъ университета, мрачный сосредоточенный человѣкъ и при томъ партійный. У него въ комнатѣ постоянно были сборища рабочихъ и самъ онъ посѣщалъ все какія-то сборища.

«Не можетъ быть, чтобы это была она», размышлялъ Наташинъ—какой, чортъ, понесетъ ее болтаться по Невскому! Однако поразительное сходство! Вотъ и утверждайте послѣ этого, что нѣтъ двойниковъ на свѣтѣ.

Онъ съ аппетитомъ съѣлъ какой-то матлетъ, потомъ еще что то, запилъ полубутылкой вина и, расплатившись, вышелъ на Невскій. Солнце свѣтило ярче, сильнѣй, гуляющей публики было больше, среди нея слышался легкій веселый говорокъ, не хотѣлось уходить съ улицы. Наташинъ снова перешелъ Полицейскій мостъ и медленно подвигался, глазѣя на окна магазиновъ. Вдругъ онъ встрепенулся, навстрѣчу снова шла та же особа медленно, повертывая голову направо-налѣво, подолгу смотря на прохожихъ. На этотъ разъ Наташинъ не ошибся: несомнѣнно это была Любочка Иллинская! И онъ смѣло, развязной походкой подошелъ къ ней.

— Здравствуйте!

Она слегка отшатнулась отъ него. Тревожная судорога пробѣжала по ея красивому, блѣдному лицу.

— Не узнали?

— Нѣтъ—узнала!—отвѣчала она медленно. Вы Наташинъ?

— А Вы Любовь Александровна Иллинская? Вотъ какъ славно!

Онъ смѣялся весело, искренно, держа ея маленькую, холодную руку и заглядывая въ глаза. Она чуть-чуть, блѣдно улыбнулась.

— Что славно?

— А вотъ то, что мы съ Вами встрѣтились, и погода прекрасная, и солнце, и вообще все хорошо.

Какая-то тѣнь набѣжала на ея лицо.

— А Волновъ, что съ нимъ? громко, не обращая вниманія на то, что ихъ слышатъ, спрашивалъ Наташинъ, идя рядомъ съ дѣвушкой.

І. Ауберъ.

НА АРЕНѢ.

— Алеши нѣтъ! тихо отвѣчала она, вдругъ остановилась и пристально посмотрѣла ему въ глаза.—Вы гуляете?

— Гуляю! просто и наивно отвѣчалъ Наташинъ.

— И я г у л я ю! криво усмѣхнулась Иллинская.

— Вотъ отлично, будемъ гулять! воскликнулъ Наташинъ.

— Нѣтъ, надоѣло! передернула она плечами.

— Какъ! Развѣ вы не сейчасъ вышли?

— Нѣтъ, я давно ужъ!

Тутъ только Наташинъ замѣтилъ, что кофточка на Иллинской, несмотря на свой шикъ, черезчуръ легка для двѣнадцати градусовъ мороза, и что новомодная широкополая шляпа, прикрывая только макушку головы, давала слишкомъ большой просторъ холодному вѣтру.

— Боже мой, Вы озябли? Вы должно быть страшно озябли?

— Да, озябла.

— А я то приглашаю Васъ гулять, тогда какъ правильнѣе было бы просить Васъ куда-нибудь въ тепло... согрѣться.

— Да, это было бы правильнѣе! снова криво усмѣхнулась она.

— Знаете, поѣдемте къ Палкину въ отдѣльный кабинетъ... Вы ничего не имѣете противъ?

— Ничего!

И только-что она произнесла это слово, какъ Наташина словно осѣнило... шикарный костюмъ, можетъ быть не свой... давно гуляетъ... Волнова почему то нѣтъ... охотно согласилась на отдѣльный кабинетъ,—дѣло ясное.

Онъ какъ-то особенно взглянулъ на Иллинскую, крикнулъ извозчика, усадилъ ее въ сани и они поѣхали.

III.

— Разскажите же, какъ это все случилось? Да, что же вы не пьете?

— Привычки еще нѣтъ.

Но она все-таки взяла налитую ей рюмку мадеры и выпила до половины.

— Случилось, какъ и слѣдовало ожидать! Въ борьбѣ или побѣждаютъ или гибнутъ! Насъ побѣдили и начался разгромъ. Да что объ этомъ говорить.

— Ну, а Алексѣй Степанычъ?

— Насъ истомили сперва обысками, а потомъ его посадили. Сидѣла и я, но недолго. Алеша просидѣлъ годъ, а затѣмъ его выслали въ Нарымскій край.....

— Да, онъ былъ кажется слишкомъ неосторожен.

— Пустяки! Не болѣе другихъ! Да не въ этомъ вовсе дѣло! Повторяю опять: мы побѣжденные и съ нами расправились, а если бы мы побѣдили...

— То что-же?

— То мы бы расправились! Все это очень просто! Мнѣ понравилось это вино. Налейте еще!

Наташинъ поспѣшно схватилъ бутылку и наклонилъ ее надъ рюмкой. Рука его дрожала, да и весь онъ былъ проникнутъ нервной дрожью,—послѣдствіемъ сдерживаемой страсти, сдерживаемаго желанія обладать. И онъ сдѣлалъ то, что обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ: налилъ себѣ половину чайнаго стакана вина и выпилъ залпомъ...

— Вы ужасно лаконичны... отчего не хотите разсказать въ подробностяхъ все, что съ вами произошло?

— Оттого, что вамъ это неинтересно.

— Отчего вы такъ подчеркнули слово вамъ? Это меня оскорбляетъ.

— Бросьте, я вовсе не желаю васъ оскорблять, а говорю правду! Вы такъ далеки оттого, чѣмъ мы жили съ Алешой, что.... ну, да впрочемъ бросимъ объ этомъ...

Онъ пожалъ плечами, снова налилъ полъ стакана вина, снова выпилъ залпомъ и почувствовалъ, что начинаетъ хмѣлѣть.

— Помимо того главнаго, чѣмъ жили мы, тихо—и медленно начала Иллинская пригубляя изрѣдка вино,—чѣмъ жилъ нашъ кружокъ, мнѣ и теперь пріятно убѣдиться въ томъ, что люди хотя бы и другихъ взглядовъ, другихъ мыслей, относятся къ намъ съ уваженіемъ.

— Что вы такъ смотрите на меня, милый юноша? Или можетъ быть догадываетесь, что я намекаю на васъ? Да, я и объ васъ. Я вѣдь знаю, какъ вы вообще относитесь къ женщинамъ, знаю, какъ вы скучали на нашихъ студенческихъ вечеринкахъ и уѣзжали со своей компаніей къ «этимъ дамамъ». Мнѣ разсказывали, какъ вы вели себя съ «этими дамами», съ какой презрительной, оскорбительной для человѣческой личности разнузданностью, даже наглостью. А вотъ я теперь тоже одна изъ «этихъ дамъ», вы конечно уже догадались объ этомъ, иначе вы бы не посмѣли пригласить меня сюда, меня Любовь, Иллинскую! Такъ что же васъ смущаетъ? Отчего у васъ такой робкій видъ? И вы усиленно пьете, чтобы какъ нибудь ободрить себя? Ну, что же смѣлѣе, смѣлѣе! Не мнѣ же учить васъ смѣлости обращенія съ «этими дамами».

— Неправда! воскликнулъ Наташинъ,—не можетъ этого быть!

— Что не можетъ быть?

— Чтобы Вы... Любоч... Любовь Александровна... могли согласиться... могли дойти до этого! Я не могу представить!.. Это что-то дикое, безумное!.. Зачѣмъ... зачѣмъ! Что могло васъ побудить?.. Васъ, эту чистую, строгую дѣвушку... дѣвушку, которую я такъ искренно, такъ беззавѣтно любилъ и не смѣлъ признаться... не смѣлъ оскорбить своимъ признаніемъ, потому что я пошлякъ... ничтожество... бѣлоподкладчикъ... буржуа!

Онъ закрылъ лицо обѣими руками и на секунду оставался въ такомъ положеніи, потомъ схватилъ бутылку и плеснулъ вина въ стаканъ. Двѣ крупныя слезинки катились по его искривленному плачущей гримасой лицу.

— Полно, успокойтесь.

— Ахъ, Боже мой, вы говорите это такимъ холоднымъ тономъ! Конечно, вамъ все равно! Конечно, я не смѣю говорить вамъ о своей любви, вѣдь вы любите Волнова, любите, ну, да, конечно, любите?

Она молчала и смотрѣла въ пространство. И что-то тяжелое, холодное, грустное было въ ея остановившемся взглядѣ.

— Но если бы я только могъ надѣяться... можетъ быть время изгладитъ изъ памяти вашей... конечно вы туда не поѣдете... это далеко... нужны деньги... это невозможно... и можетъ быть со временемъ прошлое забудется и я... отчего вы такъ смотрите на меня? Вы думаете: вотъ проснулся въ немъ эгоистъ, буржуа, пшютъ, прожигатель жизни и вотъ онъ пользуется случаемъ и хочетъ надѣяться, что онъ займетъ въ вашемъ сердцѣ мѣсто другого. Ну, да, ну пусть, ну, думайте, что хотите... Думай обо мнѣ, что хочешь... мнѣ все равно, я знаю себѣ цѣну, но я люблю тебя, слышишь, Любочка, я люблю тебя до сумасшествія... до того, что готовъ умереть сейчасъ тутъ у твоихъ ногъ... не отталкивай меня... не отталкивай... улыбнись хоть нарочно... насильно улыбнись... скажи хоть фальшивое ласковое слово... я всему повѣрю, какъ правдѣ... я выдумаю... я сочиню эту правду, затѣмъ, чтобъ ты была моею... да моею, чортъ возьми... ты должна быть моею... не маленькая, знала, что дѣлала, когда пріѣхала сюда... ты моя, моя вся—Любочка моя!

Онъ бросился къ ней красный съ округлившимися горящими глазами, схватилъ ее за плечи, прижалъ къ себѣ и, несмотря на волновавшую его дикую страсть, вдругъ почувствовалъ въ своихъ рукахъ что-то покорное, слабое, жалкое.

И тихій голосъ покорившейся дѣвушки прошепталъ ему въ уши:

— Я голодна! Два дня ничего, ничего не ѣла... *К. Баранцевичъ.*

В. Герсонъ. ТАНЕЦЪ.

Собака.

Какъ бьетъ онъ меня! И за что? и за что?
Я честно, я правильно лаю.
Жестоко, безжалостно бьетъ,—ни за что.
Въ чемъ я провинился,—не знаю.
Все бьетъ, и не кормитъ. Не ѣлъ я три дня.
А съ голоду волкомъ завоешь,
Не то, что собакой. О, доля моя,
Ты грязныхъ помоевъ не стоишь.
Жалѣю о томъ, что собакою сталъ.
Быть лучше бы мнѣ человѣкомъ.
Отъ вѣчныхъ побоевъ смертельно усталъ.
Завидую даже калѣкамъ.
Лежитъ у дороги одинъ и гнуситъ,
Канючитъ, безрукій, безногій,
Негодный. А рядомъ съ нимъ камень лежитъ.
Безъ пользы лежатъ у дороги.
Завидую камню. Жаль,—нѣтъ въ немъ души,
Онъ какъ-то мнѣ ближе, роднѣе...
Проходятъ, бросаютъ калѣкѣ гроши,
Никто не ударитъ по шеѣ.
Со мною не такъ. Мой хозяинъ пройдетъ
И злобно ударитъ ногою,
Еще разъ, нещадно и радостно бьетъ.
Я корчусь отъ боли и вою.
Крутясь начинаю протяжно визжать.
Когда же устанетъ палачъ?.. Я
Лежу на землѣ,—я не въ силахъ бѣжать.
Проклятая доля собачья!

Л. Андрусонъ.

I. Скалбертъ.
МАЛЕНЬКІЙ ПОКЛОННИКЪ.

ДЕНЬГИ.

Разсказъ *Вл. Ленскаго.*

I.

Въ комнатѣ висѣла тяжелая, подавляющая тишина. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ время отъ времени начинала играть, тихо, томительно, однообразно. Ея музыка, напоминавшая жужжаніе комара, раздражающе дѣйствовала на слухъ и нервы художника Брагина, путала его мысли и сжимала сердце смутнымъ предчувствіемъ какой-то близкой бѣды.

Когда, послѣ небольшой паузы, лампа снова, чуть-ли не въ десятый разъ, заиграла, Брагинъ не выдержалъ, вскочилъ и нервно зашагалъ по комнатѣ. Истощенное лицо его конвульсивно дергалось, и руки никакъ не могли попасть въ карманы брюкъ.

— Я не понимаю, какъ вы выносите эту проклятую музыку! Она можетъ до изступленія довести, чортъ знаетъ, до чего!..

Каричъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, снялъ очки, потеръ пальцемъ переносицу и, надѣвъ ихъ снова, посмотрѣлъ на него и добродушно улыбнулся.

— Привыкъ, — мягко и спокойно сказалъ онъ: — даже люблю. Въ этомъ жужжаніи, знаете-ли, есть что-то этакое... мирное, доброе, располагающее къ раздумью...

Онъ помолчалъ немного, слѣдя изъ-подъ очковъ своими выпуклыми, близорукими глазами за нервно шагавшимъ изъ угла въ уголъ Брагинымъ и, вздохнувъ, прибавилъ:

— А это у васъ первы... Вамъ-бы полечиться, Александръ Ивановичъ...

Брагинъ остановился посреди комнаты и посмотрѣлъ издали на собесѣдника недоумѣвающе-подозрительнымъ взглядомъ—не смѣется-ли онъ надъ нимъ? Но убѣдившись, что тотъ говорилъ совершенно серьезно, онъ только усмѣхнулся и безнадежно махнулъ рукой.

Ему хотѣлось сказать Каричу что-нибудь злое, ѣдкое, или крикнуть какое-нибудь горькое, больное слово, потому что смѣшно-же, въ самомъ дѣлѣ, говорить о леченіи, когда самому нечего ѣсть и жена съ ребенкомъ голодаютъ!..

Но, какъ это часто бываетъ съ неврастениками, онъ почему то сразу успокоился, сгорбился и, подойдя къ столу, на краю котораго стоялъ недопитый стаканъ съ чаемъ, залпомъ выпилъ его и съ тяжелымъ вздохомъ опустился на стулъ...

Лампа перестала играть, какъ будто поняла, что разговоръ шелъ о ней. Но

Брагинъ уже забылъ о ней и устало, какъ-будто про себя, заговорилъ о своихъ неудачахъ, тупо уставясь глазами въ полъ.

— Сегодня опять съ утра ходилъ, ходилъ, ходилъ—до изнеможенія! Силъ нѣтъ больше!.. Жить становится невыносимо, кажется, еще день, два—и придешь къ той мертвой точкѣ, гдѣ единственнымъ выходомъ является самоубійство... А можетъ быть, уже пришелъ къ этому...

— Ну, что вы!—испуганно возразилъ Каричъ, вскинувъ глаза и глядя на него поверхъ очковъ:—У васъ талантъ, вы—человѣкъ съ большимъ будущимъ... Я глубоко вѣрю въ то, что искусство, въ концѣ-концовъ, вознаграждаетъ своихъ жрецовъ за всѣ муки и лишенія...

— Послѣ смерти! Да!—раздраженно сказалъ художникъ:—Когда человѣкъ подохнетъ съ голоду, тогда, вдругъ, вспоминаютъ, что онъ былъ талантливъ, устраиваютъ ему пышныя похороны, ставятъ дорогой памятникъ и пишутъ о немъ въ газетахъ... Нѣтъ, довольно съ меня! Къ чорту искусство!.. Мнѣ нуженъ кусокъ хлѣба, а не искусство, и я жалѣю, что раньше былъ такъ слѣпъ и глухъ и напрасно потратилъ столько времени...

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и, усмѣхнувшись кривой, жалкой улыбкой, взволнованно продолжалъ:

— Впрочемъ, и жалѣть то особенно, кажется, нечего,—проговорилъ онъ, утомленно, закрывая глаза.—Вотъ, уже три мѣсяца, какъ я отрекся отъ искусства, а положеніе мое нисколько не улучшилось. И притомъ, униженія, униженія сколько!..

Въ голосѣ у него зазвенѣли слезы, и, какъ-будто устыдившись ихъ, онъ замолчалъ, остановился у окна и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ непроницаемую тьму ночи, нервно передергивая плечами.

Каричъ сидѣлъ глубоко въ креслѣ и грустно смотрѣлъ на него, барабаня пальцами по ручкамъ кресла.

— И то сказать,—успокоившись немного, снова заговорилъ Брагинъ, глядя въ окно:—насъ, ищущихъ работы—сотни, тысячи,—онъ повернулся лицомъ къ Каричу:—гдѣ взять для всѣхъ работу?..

Тотъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ. Брагинъ замѣтилъ, что въ его лицѣ мелькнуло и тотчасъ же пропало холодное выраженіе иронiи или насмѣшки. Художнику и раньше нерѣдко приходилось ловить у пріятеля на лицѣ это выраженіе, и тогда ему казалось, что Каричъ прикрывалъ маской добродушія и грусти эгоистичность и жестокосердіе своей натуры, которая лишь изрѣдка показывала на мгновеніе свое настоящее лицо. Впрочемъ, Брагинъ не былъ въ этомъ убѣжденъ, и объяснялъ это тѣмъ, что Каричъ носилъ очки, сквозь которыя, иногда, просто не разглядишь выраженіе глазъ...

Художникъ молча подошелъ къ столу и устало опустился на стулъ. Плечи его сгорбились и его лицо, худое, землистаго цвѣта, съ впалыми, лишенными растительности щеками, съ висящими книзу усами и рѣдкой клинообразной бородкой—казалось лицомъ безнадежно больного, обреченнаго на близкую смерть человѣка.

— Вамъ бы слѣдовало запастись рекомендаціей какого-нибудь вліятельнаго лица,—проговорилъ Каричъ, протирая платкомъ очки и, блуждая по комнатѣ близорукими глазами:—рекомендація—это все!.. Взять хотя бы меня. Особеннымъ образованіемъ и способностями я не отличаюсь, и, навѣрно, въ числѣ тридцати кандидатовъ на мѣсто въ Коммерческомъ банкѣ были люди, болѣе достойные, чѣмъ я, но у меня оказалась самая вѣская рекомендація...

Брагинъ, казалось, его не слушалъ и задумчиво разсматривалъ свои сапоги, видъ которыхъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе плачевнымъ.

— Въ Коммерческомъ банкѣ,—проговорилъ онъ какъ бы про себя:—двѣ недѣли тому назадъ меня почти приняли. Тамъ у меня есть знакомый бухгалтеръ, который и просилъ за меня. На другой день я уже долженъ былъ придти на занятія. Вечеромъ, вдругъ, получаю письмо. Бухгалтеръ сообщаетъ, что на мое мѣсто принятъ другой, явившійся съ рекомендаціей главнаго акціонера этого банка. Хотѣлъ я пойти къ этому счастливцу, просить его отказаться, да потомъ раздумалъ. Съ какой стати онъ долженъ уступить мнѣ мѣсто!..

— По моему,—сказалъ Каричъ:—онъ долженъ былъ бы отказаться. Вѣдь, мѣсто было уже за вами...

Брагинъ криво усмѣхнулся.

— Ну, знаете, въ такое благородство я уже не вѣрю. Всего насмотрѣлся... Мнѣ только досадно, что я самъ не запасся рекомендаціей того же лица. Черезъ васъ могъ бы... Вѣдь, вы, кажется, знакомы съ графомъ Шульгинымъ?

— У того было письмо отъ Шульгина?—быстро спросилъ Каричъ, круто повернувшись къ художнику.

— Да, графа...—Брагинъ не договорилъ и остался съ открытымъ ртомъ, пораженный неожиданной догадкой...

Каричъ снова ушелъ глубоко въ кресло и, опустивъ голову, смущенно постукивалъ пальцами по ручкамъ кресла. Поднявъ глаза и встрѣтивъ удивленный взглядъ художника, онъ холодно сжалъ зубы, и въ его лицѣ Брагинъ опять замѣтилъ то же выраженіе иронiи или злорадной насмѣшки. Художникъ покраснѣлъ, хотѣлъ что то сказать, но только пошевелилъ губами и скривилъ ихъ жалкой улыбкой. Онъ понялъ, что мѣсто въ банкѣ у него перехватилъ Каричъ и что объясняться съ нимъ теперь по этому поводу—безполезно. По холодному, черствому выраженію лица Карича было ясно видно, что онъ ни за что не уступитъ Брагину, отнятое имъ у него мѣсто...

Брагинъ всталъ и, пересиливъ непріязнь, протянулъ Каричу руку. Тотъ какъ-будто не ожидалъ отъ него такого великодушія, вскочилъ и горячо пожалъ его руку, словно благодаря художника за то, что онъ не продолжалъ непріятнаго разговора.

Въ эту минуту лампа снова заиграла. Брагинъ нетерпѣливо повелъ плечами и съ неожиданно вырвавшимся раздраженіемъ проговорилъ:

— Выкиньте вы эту проклятую лампу!..

Каричъ дѣланно засмѣялся и, провожая его, съ преувеличенной предупредительностью проговорилъ:

— Непремѣнно, непремѣнно выброшу!..

На лѣстницѣ Каричъ нагналъ художника и, сунувъ ему въ руку трехрублевую бумажку, бросился наверхъ, не давъ Брагину времени поблагодарить его...

Художникъ спустился въ третій этажъ и позвонилъ. Ему открыла дверь жена, молодая женщина, съ блѣднымъ, истощеннымъ, но красивымъ лицомъ, глаза котораго странно блестѣли, какъ-будто отъ вѣчно заливавшихъ ихъ слезъ.

— А я ужъ безпокоилась,—сказала она усталымъ голосомъ:—гдѣ ты былъ?

— У Карича, Наташа...

Онъ сбросилъ пальто, шляпу и, пройдя во вторую комнату, молча сѣлъ на кровать и сталъ раздѣваться. Молодая женщина поставила свѣчку на комодъ и стояла противъ него, глядя на него выжидательно и грустно. Наконецъ, она не выдержала и тихо спросила:

— Ты ничего не досталъ? Завтра хлѣба и Котику молока не на что купить...

Брагинъ вынулъ изъ кармана три рубля и молча протянулъ женѣ. У нея лицо какъ будто посвѣтлѣло.

— У кого ты взялъ?

— Каричъ далъ,—неохотно отвѣтилъ онъ...

Уже лежа въ постели, Наташа, вдругъ, проговорила:

— Каричъ хорошій человѣкъ... Я всегда думала, что у него доброе сердце...

Брагинъ ничего не сказалъ, только усмѣхнулся и повернулся лицомъ къ стѣнѣ...

— Сегодня опять приходилъ дворникъ...—продолжала тихо молодая женщина:—кричалъ, грозилъ выселеніемъ...

Брагинъ притворился спящимъ и не отзывался. «Придется картину продать», съ тоской думалъ онъ, «чтобы заплатить за квартиру»...

II.

День былъ сѣрый, ненастный. Брагинъ шелъ по улицѣ, втянувъ голову въ поднятыя плечи, которыя передергивало чувство осенней мягкости и тоскливости. Тяжелый, мокрый туманъ какъ будто проникалъ черезъ пальто и платье и охватывалъ тѣло мелкой, холодной дрожью.

Широкая, людная улица имѣла странный, необычный видъ: въ густомъ туманѣ, какъ призраки, сновали пѣшеходы, проѣзжали извозчики, смутно выдѣлялись громады многоэтажныхъ, многооконныхъ домовъ, и казалось, что это не настоящіе дома, люди, лошади, а только ихъ неясныя отраженія въ какомъ-то сѣромъ, мутномъ зеркалѣ. Тяжелый туманъ какъ будто душилъ жизнь улицы, окутывая все густой мглой, въ которой шумъ городскаго движенія звучалъ, словно за стѣной, глухо и уныло...

Брагинъ вошелъ въ первый, попавшійся ему на пути, эстампный магазинъ и, подойдя къ стойкѣ, сталъ быстро разворачивать свой свертокъ. Приказчикъ—франтоватый, съ завитыми усами, паренекъ, увидѣвъ картину, безучастно спросилъ:

— Продаете?—и тотчасъ же отвелъ глаза въ сторону, дѣлая видъ, что Брагинъ и его картина нисколько его не интересуютъ.

— Да, продаю,—смущенно проговорилъ художникъ, трепеща при мысли, что его картина можетъ не понравиться и ее не купятъ.

Приказчикъ нехотя придвинулъ къ себѣ полотно, посмотрѣлъ съ минуту, скептически сжавъ губы, и понесъ его къ конторкѣ, за которой стоялъ толстый, краснолицый старикъ, повидимому, владѣлецъ магазина. Тотъ надѣлъ на носъ очки и сталъ долго, внимательно разсматривать картину.

Это былъ портретъ жены и ребенка Брагина. Лицо молодой женщины и личико трехлѣтняго мальчика были блѣдны, истощены, выглядѣли больными, съ лихорадочно блестѣвшими глазами, въ глубинѣ которыхъ темнѣла затаенная печаль жизни, полной нужды, лишеній, страданій физическихъ и нравственныхъ. Съ клокотаніемъ слезъ въ груди писалъ Брагинъ этотъ портретъ, въ которомъ, противъ своей воли, онъ выразилъ скорбь неудавшейся жизни, обреченной на гибель...

Брагинъ не такъ трепеталъ бы за свою картину, выставивъ ее на судъ общества, печати и товарищей, какъ трепеталъ теперь, боясь, что въ магазинѣ ее забракуютъ...

— Сколько?—спросилъ приказчикъ, возвращаясь къ нему съ картиной.

Работая надъ этой картиной, Брагинъ мечталъ продать ее за двѣсти—триста рублей. Теперь же онъ нашелъ возможнымъ попросить за нее только сорокъ рублей и, сказавъ свою цѣну, онъ тотчасъ же испугался и торопливо прибавилъ:

— Могу за тридцать уступить...

— Десять рублей,—сказалъ приказчикъ и, не дожидаясь отвѣта, сталъ быстро заворачивать картину въ бумагу, готовясь вручить ее художнику.

— Дайте хоть двадцать!—съ отчаяньемъ въ голосѣ просилъ Брагинъ.

Вмѣсто отвѣта приказчикъ протянулъ ему свертокъ. Брагинъ безпомощно посмотрѣлъ по сторонамъ и махнулъ рукой, въ знакъ согласія...

Вышелъ онъ изъ магазина съ двумя пятирублевыми золотыми въ рукѣ, и у него было такое чувство, словно изъ его груди вырвали сердце и оплевали его. Онъ обезсилѣлъ, и съ трудомъ волочилъ ноги, которыя, казалось, были налиты свинцомъ. Въ груди тѣснило отъ густаго тумана и тоски сжимавшей сердце...

Дома Брагина ждала новая непріятность. Онъ уже второй мѣсяцъ не платилъ за квартиру, и управляющій домомъ подалъ на него въ судъ на выселеніе. На столѣ въ столовой лежала повѣстка мирового судьи, вызывавшаго его черезъ три дня въ судъ. Жена сидѣла у стола и беззвучно плакала. Мальчикъ забился въ уголъ и смотрѣлъ оттуда большими, серьезными глазами...

Брагинъ, какъ пришибленный, опустился на стулъ...

— Нужно пойти къ управляющему,—тихо сказала Наташа:—поговорить съ нимъ...

Брагинъ всталъ и взволнованно заходилъ по комнатѣ. Онъ уже не разъ говорилъ съ управляющимъ и зналъ, что это совершенно безполезно. Единственнымъ результатомъ этихъ разговоровъ было только лишнее униженіе.

И, однако, промучившись два часа въ безплодномъ придумываніи способа для избѣжанія выселенія, онъ рѣшился послѣдовать совѣту жены и пошелъ къ управляющему...

Въ конторѣ управляющаго не было. Дворникъ, исполнявшій обязанности писца, сказалъ, что тотъ сейчасъ придетъ. Брагинъ сѣлъ на стулъ у стѣны и сталъ ждать.

Минутъ черезъ десять въ контору вошелъ управляющій — тонкій, фатоватый субъектъ съ рыжей бородкой и торчащими кверху усами. Увидѣвъ Брагина, который при его входѣ поднялся со стула, онъ сразу сдѣлалъ сердитое лицо и грубо спросилъ:

— Вы деньги принесли?

Брагинъ смутился и замялся.

— Нѣтъ... но я... хотѣлъ бы съ вами поговорить...

— Если нѣтъ, такъ незачѣмъ было и приходить!—оборвалъ его тотъ, глядя на него въ упоръ холодными, зелеными глазами:—Вы не платите денегъ—мы выселяемъ васъ изъ квартиры. Кажется, ясно! О чемъ же тутъ разговаривать?!..

— Но, послушайте... — прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ художникъ:—У меня больная жена... маленькій ребенокъ... Куда мы дѣнемся?..

— Мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла! Что вы ко мнѣ пристаете съ вашими женой и ребенкомъ? Мнѣ деньги нужны, а не жена и ребенокъ!.

«Деньги... деньги»...—бормоталъ Брагинъ, сходя по лѣстницѣ внизъ и переставая понимать настоящее значеніе этого слова. Оно представлялось ему чѣмъ-то страшнымъ, кошмарнымъ, отвратительнымъ, какой-то скользкой, грязной гадиной, ползавшей у него въ головѣ черезъ всѣ мысли, по всѣмъ извилинамъ мозга...

Брагинъ не пошелъ домой, а вышелъ за ворота и безцѣльно побрелъ по улицѣ. Густой, мокрый туманъ, заполнявшій улицы, казалось, наполнилъ и его душу, мозгъ и все въ немъ было сѣро, безпросвѣтно, мутно, какъ эта тяжелая мгла осенняго ненастья...

Проходя мимо эстампнаго магазина, онъ невольно остановился, увидѣвъ въ витринѣ свою картину. Она была уже вставлена въ тяжелую, широкую раму изъ темной бронзы, придававшую ей видъ драгоцѣнности, заключенной въ роскошный футляръ. Сбоку на рамѣ висѣлъ маленькій билетикъ, на которомъ значилось: «Печаль» 300 р.

Брагинъ схватился за голову. «Триста рублей! Возможно ли»? Его охватила лихорадочная дрожь, и не отдавая себѣ отчета, онъ стремительно вошелъ въ магазинъ.

— Вы продаете мою картину за триста рублей, — сказалъ онъ приказчику, едва справляясь съ своимъ волненіемъ:—а мнѣ дали за нее... десять!..

Изъ-за конторки вышелъ владѣлецъ магазина и строго уставился въ него глазами.

— Что вамъ угодно?—рѣзко спросилъ онъ, наступая на Брагина.

Художникъ вздрогнулъ и отступивъ, такъ же взволнованно, но тише, проговорилъ:

— Вы не хорошо... недобросовѣстно поступили со мной... Картина, по вашей оцѣнкѣ, стоитъ триста рублей, а вы...

Купецъ смѣрилъ его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ и спокойно, отчеканивая каждое слово, сказалъ:

— Я не знаю, кто вы, и о какой картинѣ вы говорите. Ваша претензія. молодой человѣкъ, похожа на шантажъ! Да-съ! Лучше не доводите дѣла до вмѣшательства полиціи, иначе вамъ придется плохо!..

Онъ въ упоръ смотрѣлъ на Брагина своими холодными, стальными глазами, и художникъ почувствовалъ на своемъ лицѣ холодъ, подобный тому, какой долженъ ощущаться отъ прикосновенія какого-нибудь мокраго, скользкаго гада. Ему стало жутко и противно и, ни слова не говоря, онъ вышелъ изъ магазина, передергивая отъ чувства гадливости плечами...

Сзади него послышался сдержанный, угодливый смѣшокъ приказчика...

«Ужасъ, ужасъ, что дѣлаютъ деньги съ людьми»!—думалъ Брагинъ, уныло бредя по улицѣ: «Какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ человѣчествомъ въ образѣ денегъ, дьяволъ, разсыпавшійся по міру золотыми и серебряными кружками!..

III.

Незамѣтно для себя, онъ вошелъ въ ворота дома, гдѣ была его квартира и сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ. На десятой ступени онъ почувствовалъ подъ ногой какой-то твердый предметъ, машинально остановился, нагнулся и поднялъ небольшой свертокъ, похожій на книжку, завернутую въ бѣлую бумагу.

Продолжая подниматься вверхъ, Брагинъ равнодушно разворачивалъ свертокъ, и вдругъ остановился, какъ вкопанный. Колѣни его задрожали, и онъ долженъ былъ опереться о стѣну, чтобы не упасть. Бѣлая бумага упала къ его ногамъ и въ рукахъ у него лежала толстая пачка радужныхъ сторублевыхъ бумажекъ.

Первое впечатлѣніе находки было настолько сильно, что у Брагина потемнѣло въ глазахъ, въ ушахъ зазвенѣло, и онъ былъ близокъ къ обмороку. Въ эту минуту онъ не испытывалъ никакой радости отъ внезапно свалившагося на него богатства. Онъ былъ только пораженъ, ошеломленъ неожиданностью, удивительнымъ случаемъ, давшимъ ему въ руки такую крупную сумму денегъ. И минуты двѣ стоялъ онъ такъ на лѣстницѣ, прислонясь къ стѣнѣ и глядя на дрожавшую въ его рукахъ пачку кредитныхъ билетовъ почти сумасшедшими глазами...

Но тотчасъ-же, вслѣдъ за остолбенѣніемъ, явился страхъ, вызванный мыслью: не видѣлъ-ли кто-нибудь, какъ онъ поднялъ деньги? Онъ посмотрѣлъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ, прислушался. Голосовъ и шаговъ не было слышно; на самой верхней площадкѣ жалобно мяукала кошка; со двора доносилось глухое, стонущее воркованіе голубей и слышался мѣрный шорохъ, производимый дворникомъ, загонявшимъ метлой со двора въ сточную канаву дождевую воду...

Брагинъ улыбнулся, сунулъ деньги въ боковой карманъ пальто и съ сильно бьющимся сердцемъ сталъ подниматься на третій этажъ.

Около двери своей квартиры онъ вдругъ подумалъ о томъ, что женѣ его, подверженной сердечнымъ припадкамъ, нельзя сразу, безъ подготовки, сказать о находкѣ. Это можетъ сильно взволновать ее и вызвать припадокъ. Кромѣ того, у него явилось сильное искушеніе посчитать наединѣ деньги, узнать, какимъ состояніемъ обладаетъ

онъ. И отдернувъ уже протянутую къ звонку руку, онъ отошелъ отъ двери и сталъ быстро спускаться внизъ.

Сбѣжавъ съ послѣднихъ ступеней, онъ вспомнилъ о брошенной имъ на лѣстницѣ бумагѣ, въ которую были завернуты деньги. Эта бумага могла быть уликой въ томъ, что деньги найдены однимъ изъ живущихъ по этой лѣстницѣ жильцовъ. Брагинъ испугался и бросился обратно, прыгая черезъ двѣ-три ступени, схватилъ бумагу и, скомкавъ, сунулъ ее въ карманъ. Сердце его бѣшено стучало, онъ задыхался отъ волненія, руки и колѣни дрожали. Онъ съ минуту отдыхалъ, держась за перила, стараясь овладѣть собой и подавить волненіе. Немного успокоившись, онъ придалъ себѣ спокойно-равнодушный видъ, что-бы кто-нибудь изъ случайныхъ встрѣчныхъ не могъ заподозрить, что у него случилось что-нибудь особенное и сталъ медленно спускаться по лѣстницѣ.

Въ это время на площадкѣ второго этажа шумно открылась дверь и кто-то стремительно побѣжалъ внизъ по ступенямъ. Брагинъ задрожалъ, инстинктивно посторонился и замеръ. Мимо него пронесся какой-то парень въ сапогахъ бутылками, съ клеенчатымъ картузомъ на головѣ. Художникъ замѣтилъ только его мертвенно бѣлое ухо и подумалъ о томъ, что и лицо парня должно быть такимъ-же мертвенно блѣднымъ. «Не онъ-ли потерялъ деньги»?—мелькнуло у него въ мозгу, но онъ тотчасъ-же разсмѣялся этой мысли: Откуда у этого парня могли быть такія деньги! Какая нелѣпая мысль пришла ему въ голову!...

Во дворѣ никого не было. Дворникъ, сгонявшій воду, былъ уже за воротами и тамъ, слышно было, съ кѣмъ-то разговаривалъ, должно быть, съ тѣмъ парнемъ, который только-что бѣжалъ по лѣстницѣ. Оглядѣвшись кругомъ, Брагинъ прошелъ на черный дворъ и забрался въ узкій, полутемный проходъ между отхожимъ мѣстомъ и стѣной сосѣдняго дома. Здѣсь, постоявъ немного и прислушавшись, онъ вытащилъ изъ кармана деньги и принялся считать ихъ дрожащими отъ страха и волненія руками.

Считать пришлось недолго. Пачка состояла изъ десяти небольшихъ, одинаковыхъ пачекъ, въ каждой изъ нихъ было по десяти сторублевыхъ бумажекъ. Всего въ рукахъ у Брагина было десять тысячъ рублей.

Эта цифра снова вызвала у него головокруженіе, но уже легкое и пріятное. Чувство неудержимой радости распирало его грудь, стучало въ вискахъ, дрожало во всѣхъ мускулахъ и фибрахъ тѣла.

Десять тысячъ рублей! Вѣдь, это—благополучіе всей жизни его, жены и ребенка! Всегда оплаченная квартира, ежедневный обѣдъ, освобожденіе отъ мелкихъ, но страшно назойливыхъ и мучительныхъ долговъ, а главное—возвращеніе къ искусству, собственная студія, возможность спокойной работы и тихаго творчества—могъ ли онъ когда нибудь мечтать обо всемъ этомъ!..

Онъ протиралъ глаза, перелистывалъ кредитки, чтобы еще и еще разъ убѣдиться, что это не сонъ, а самая настоящая, самая удивительная, непостижимая дѣйствительность...

Онъ снова и снова пересчитывалъ кредитные билеты, наслаждаясь ихъ шелестомъ и видомъ и тихонько, счастливо про себя посмѣивался. Во дворѣ, вдругъ, послышались чьи-то быстрые, тяжелые шаги; Брагинъ вздрогнулъ, торопливо сунулъ деньги въ карманъ и, затаивъ дыханье, прислушивался къ звукамъ шаговъ, пока они не стихли подъ воротами.

Ему стало непріятно отъ собственнаго страха, заставившаго его быстро спрятать деньги, словно онѣ были имъ украдены. И внезапно пришедшая ему въ голову мысль о томъ, что ему всегда придется быть насторожѣ съ этими деньгами, чтобы какъ нибудь не проговориться, или чѣмъ нибудь не выдать себя—немного охладила его радость. Прежде, чѣмъ выйти изъ своего убѣжища, онъ высунулъ изъ него голову и

посмотрѣлъ по сторонамъ. Онъ боялся, что бы кто нибудь не увидѣлъ его и по его лицу не догадался о томъ, что онъ нашелъ деньги, о которыхъ, вѣроятно, зналъ уже весь дворъ.

Убѣдившись, что дворъ пустъ, онъ тихонько выбрался изъ темнаго прохода и медленно, какъ ни въ чемъ не бывало, направился къ своей лѣстницѣ. Женѣ онъ рѣшилъ пока ничего не говорить. Это могло ее сильно взволновать и привести къ сердечному припадку. Но еще больше онъ опасался того, что она кому нибудь проговорится или сдѣлаетъ какую нибудь оплошность, благодаря которой откроется, что онъ присвоилъ себѣ найденныя имъ деньги...

Вл. Лепскій.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

Городская поэма.

И сѣръ и сыръ кирпичъ стѣны
Колодца дно темно,
Года, часы, равно длинны,
Весь міръ, вся жизнь—окно.
Стрекочетъ сухо Ремингтонъ,
Тупѣетъ гибкость рукъ,
Строка, строка, короткій звонъ,
И снова стукъ, да стукъ.
Роняя тѣни, блеклый день
Надъ крышами угасъ,
Зоветъ звѣзду ночная сѣнь,
Въ колодцѣ тускнетъ газъ.
Вздохнула, встала и пошла,
Обычно и старо
Рукой по шляпѣ провела,
Поправила перо...
Ворвался въ уши гулкій шумъ,
И встрѣтилась толпа,
Но сталъ, какъ прудъ заросшій, умъ
И мысль была тупа.
Въ глазахъ затеплилъ огонекъ
Пытливый, встрѣчный взоръ,
Полупризнанье, какъ намекъ,
И конченъ разговоръ
Зовутъ къ витринѣ зеркала
Манитъ алмазный снопъ,
Любовь мгновенье прожила,
И въ сердцѣ новый гробъ.
Волшебной улицѣ чужда,
Чужда она опять,
Какъ тотъ, кого гнететъ нужда,
Желая только спать...
Молчанье, ужинъ, и постель
На башнѣ полночь бьетъ
И вѣтеръ въ трубахъ, какъ мятель
Тоскуетъ и поетъ.
... Вошелъ бы кто-нибудь, прильнулъ,
И приласкалъ безъ словъ...
Но въ смутной дремѣ потонулъ
Несмѣлый, тихій зовъ.
Забылась чутко до утра;
Звонится почтальонъ,
Гремятъ дрова, вставать пора,
Пора за Ремингтонъ.
Пришла, сидитъ, и снова нѣмъ
Извивъ печальныхъ устъ,
И жизнь идетъ, а жить зачѣмъ,
Когда весь міръ такъ пустъ!
Стучитъ машинка Ремингтонъ,
Тупѣетъ гибкость рукъ,
Строка, строка, короткій звонъ.
И снова стукъ, да стукъ!

Петръ Муринскій.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Лига свободной любви.

Подслушанные разговоры.

1.

— Становится очевиднымъ, что нашему богоспасаемому Н-ску предстоитъ сыграть немаловажную роль въ рѣшеніи вопроса о проблемахъ пола.

— Это какимъ же образомъ?

— Какъ, а развѣ вы до сихъ поръ ничего не знаете? Здѣсь пока еще не оффиціально, но уже больше мѣсяца существуетъ „Лига свободной любви“. Иниціаторомъ называютъ небезызвѣстнаго въ Петербургѣ писателя Волошина... Общество пока еще насчитываетъ немного членовъ, но среди нихъ есть лица, имѣющія крупное общественное значеніе и потому успѣхъ и расцвѣтъ этой „лиги“ обезпеченъ.

— Какую же цѣль преслѣдуетъ это общество?

— Раскрѣпощеніе личности отъ многихъ предразсудковъ добраго, стараго времени и, главнымъ образомъ, какъ я понялъ, признанія за женщинами одинакого съ мужчинами права любить по своему собственному выбору, не считаясь съ условіями общепринятой морали.

— Такъ, это любопытно... Нашимъ дамочкамъ—любительницамъ сильныхъ ощущеній незачѣмъ будетъ ѣздить въ Ялту—проводниковъ онѣ найдутъ и въ родныхъ палестинахъ ..

— Вотъ и видно, что въ васъ таки основательно засѣла „бабушкина мораль“! При чемъ тутъ эти наши дамочки, проводники и Ялта?

— Съ вами, дорогой мой, спорить объ этомъ я не буду: вы оптимистъ и склонны во всемъ видѣть одно только хорошее.

— Это все же лучше, чѣмъ изображать собою каркающаго ворона и всякое новое явленіе жизни встрѣчать ироническимъ покачиваніемъ головы.

— Право, не знаю, что лучше: покачивать ли головой, или всему салютовать громкими и, скромно выражаясь, не особенно умными выстрѣлами.

2.

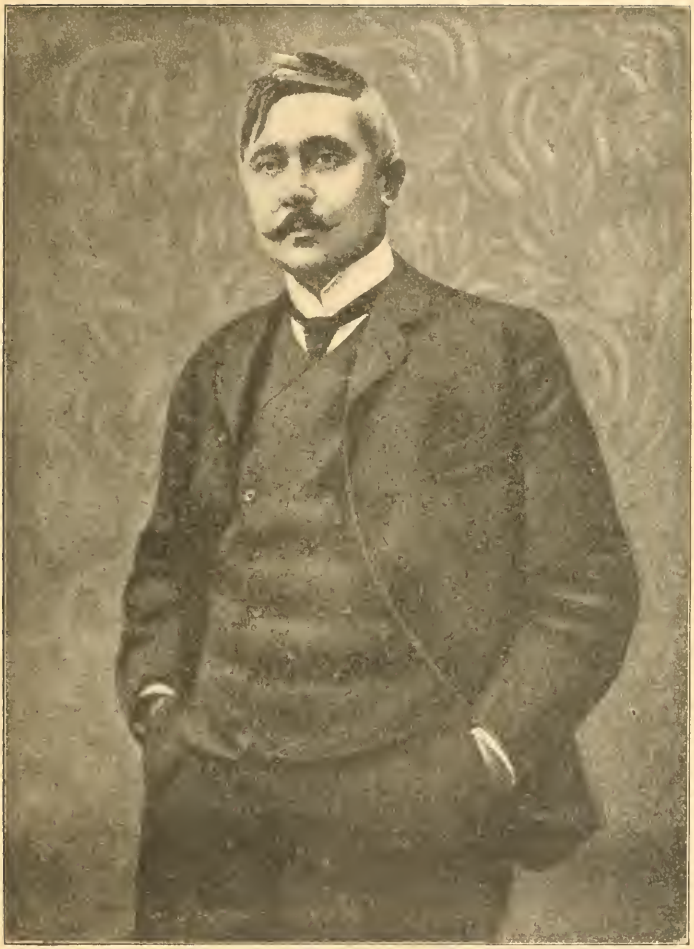
— Представь себѣ, милочка, какое чудное общество—объединенія у насъ существуетъ!

— Общество объединенія? первый разъ слышу!

— Да ты положительно съ луны свалилась... объ этомъ уже и въ газетахъ пишутъ. „Лига свободной любви“. Ты понимаешь что это значитъ?

— Кажется догадываюсь.

— И по лицу вижу, что ничуть ты не догадываешься. Я тебѣ объясню примѣромъ: ты замужемъ, у тебя уродъ мужъ, ты страдаешь, мучаешься, но подчиняясь



МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ

Знаменитый авторъ пьесы „Монна Ванна“.

глупѣйшему „что скажетъ свѣтъ“, уродуешь свою природу, тянешь эту лямку порядочной женщины и медленно умираешь, не зная ни радости, ни страсти, ни наслажденія, ни даже мукъ. При существованіи же лиги все мѣняется: ты входишь туда, какъ равноправный членъ общества, посѣщаешь собранія, участвуешь на вечерахъ свободной любви и никто за это тебя не осуждаетъ, такъ какъ за тобою, какъ и за всѣми членами, признано право любить и быть любимой.

— Кого и кѣмъ?

— Ахъ, Боже мой, какая ты непонятливая—это же такъ просто: тебя ласкаютъ и ты путемъ сравненія подыскиваешь своему „я“ соотвѣтствующую пару.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты что нибудь путаешь: то, что ты говоришь это такая грязь, что меня положительно начинаетъ тошнить.

— Ахъ, какъ это трогательно, можно подумать, что ты на самомъ дѣлѣ святая! Милочка, дѣлай такую физіономію мужчинамъ—противникамъ этой лиги, а я тебя слишкомъ хорошо знаю. О, многое!.. ты пять лѣтъ замужемъ, у тебя премилый мужъ, а между тѣмъ...

— Что между тѣмъ?

— Вспомни Лермонтова:

„Недаромъ, она недаромъ
Съ отставнымъ гусаромъ“

твой хотя и не гусаръ и пока не въ отставкѣ...

— Это сплетни!

— Ну, не дуйся, не дуйся, мы институтскія подруги, намъ обѣимъ за тридцать и ссориться по пустякамъ намъ уже не къ лицу. Ты все таки поступишь въ Лигу.

— Какъ тебѣ сказать, я еще не могу рѣшить; это безспорно интересно, пожалуй, изъ любопытства я когда нибудь вмѣстѣ съ тобою поѣду туда на собраніе, но конечно... я тамъ не останусь.

— Ну, это тамъ видно будетъ. Первыя собранія происходятъ въ маскахъ, а потому чѣмъ ты рискуешь и остаться тамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ и не говори!

— Вотъ какая ты лицемѣрка: останемся, навѣрное останемся, а говоришь нѣтъ.

3.

— Созиковъ, ты записался въ „Лигу свободной любви“?

— Боюсь нарваться.

— Вотъ глупости! Собраніе происходитъ въ маскахъ. Будетъ твоя Славская. потомъ Петрова, Иванова, Кругликова, а изъ товарищей, почти всѣ сознательные.

— Неужели гимназистки тоже останутся послѣ засѣданія?

— Конечно; что жъ тутъ удивительнаго, онѣ такіе же люди, какъ и мы.

— Н-да, все таки... Можетъ быть и твоя сестра будетъ?

— Моя сестра, Саша, да ты что это въ морду захотѣлъ?

— А что тутъ такого, или она у тебя изъ другого тѣста?

— Можетъ быть и твоя мать придетъ на собраніе?

— Ты пощупай затылокъ—у тебя кажется жаръ, дубина!

— Отчего же? моя сестра, твоя мать, можетъ быть, и бабушка... онѣ, вѣдь, тоже люди и тоже изъ того же тѣста, изъ какого и мы.

— Ахъ—ты! Ахъ ты...

4.

— Нѣтъ, вы мнѣ только скажите—куда мы идемъ? Со мной вчера на этомъ—будь оно проклято—засѣданіи чуть ударъ не сдѣлался... Наша молодежь, наша надежда гибнетъ, а мы—отцы—вмѣсто того, чтобы удержать ихъ, сами еще своимъ присутствіемъ на этихъ собраніяхъ поощряемъ ихъ. Всѣ были въ маскахъ и домино, но къ своему ужасу я узналъ многихъ и единственной моей заботой было—не быть узнаннымъ самимъ...

— Ха, ха, ха, вы, батенька, еще молокососъ, потому такъ и возмущаетесь. Я въ этихъ дѣлахъ опытнѣе васъ и скажу откровенно, что вчера, оставаясь до самаго конца, пережилъ одинъ неповторяемый моментъ...

— Какъ! вы? при вашемъ положеніи, въ ваши годы?

— Какіе же мои годы? Во Франціи—странѣ болѣе культурной, чѣмъ наша,—людей моего возраста называютъ почти молодыми и, наконецъ, годы не причемъ!

— Да въ такомъ случаѣ извиняюсь, что началъ съ вами этотъ разговоръ. Я не думалъ найти въ васъ такого ярого защитника этого злосчастнаго общества.

5.

— Давно я такъ не смѣялась, какъ вчера, очень давно.

— Это на засѣданіи?

— Ну, конечно. Вы только представьте себѣ: когда кончились рѣчи, я очутилась въ объятіяхъ какого-то пылкаго юноши, видимо, принявшаго меня за другую... Это вышло такъ неожиданно, что я...

— Конечно, не защищалась.

— Конечно... Вѣдь и вы тоже не защищались бы, согласитесь, что въ наши годы, а мнѣ уже 60 лѣтъ, за такое проявленіе любви платятъ не одними поцѣлуями... Право, послѣ своей смерти откажу на поддержку этимъ лигамъ весь свой капиталъ... Теперь съ нетерпѣніемъ жду слѣдующаго засѣданія. Вы, конечно, тоже пойдете.

— Не... не знаю.

6.

— Соня, что же это такое? Я ничего, ничего не понимаю... И эта-то гадость—свободная любовь. Нѣтъ, не можетъ быть! Этотъ вотъ хваленый Волошинъ—не апостолъ новой вѣры, а провокаторъ, достойный казни... Я убѣжала, какъ только кончились рѣчи, но, говорятъ, потомъ тамъ происходила такая мерзость, какой не было еще никогда и нигдѣ... Ну, а ты, ты какого мнѣнія обо всемъ этомъ?

— Я думаю, что „Лига Свободной Любви", какъ она осуществилась, явленіе уродливое и, какъ всякое уродство, осуждено на умираніе, но чистая свободная любовь, мнѣ кажется, одной изъ задачъ которую должно рѣшить человѣчество на пути къ осуществленію своего земного рая, и рѣшитъ непремѣнно...

7.

Представителю нашей газеты вчера, наконецъ, удалось проникнуть на пресловутое засѣданіе „Лиги Свободной Любви", давно уже существующей въ нашемъ городѣ. Собранія эти, напоминающія собранія извѣстныхъ сектантовъ - хлыстовъ, но безъ всякихъ признаковъ религіознаго культа, явленія настолько возмутительныя, что удовлетворить любопытство нашихъ читателей и дать подробный отчетъ всего происходившаго тамъ—мѣшаетъ намъ наша скромность... Мы далеко не являемся сторонниками полицейскаго вмѣшательства въ тайны общества, но самый фактъ почти гласнаго существованія такой лиги настолько возмутителенъ и грозитъ намъ такими послѣдствіями, что мы, не имѣя времени придумать другое болѣе раціональное средство для прекращенія этихъ безобразій, готовы вмѣстѣ со всѣми, въ комъ не погасла еще искра порядочности, крикнуть: Караулъ! Городовой!

8.

— А вѣдь „Лигу"-то вашу прихлопнули... Что тамъ ни говорите, а полиція, даже наша россейская, прославленная полиція—иногда прямо-таки намъ необходима.

— Ну, батенька, если бы у насъ была свобода печати... и не было бы полиціи, то... газетные борзописцы такъ прожужжали бы всѣмъ уши объ этой „Лигѣ", что она исковеркала бы жизни не сотни, какъ теперь, а тысячи-тысячъ людей.

— Вы что-же противъ гласности?

— Ничуть, но, по моему мнѣнію, работать въ газетахъ и, такъ сказать, являться въ роли учителя общества должны люди, обладающіе извѣстнымъ нравственнымъ цензомъ, не позволяющимъ имъ смакуя пережевывать въ печати такія гнусныя явленія современности, какъ эта Лига...

— Да гдѣ же, чортъ возьми, вы видите смакованіе? всѣ газеты, и надо отдать имъ справедливость, и правыя и лѣвыя, отмѣтили Лигу, какъ гнусность и никакого смакованія я въ отчетахъ о Лигѣ нигдѣ не нашелъ.

— Вы не нашли, а какой нибудь несформировавшійся гимназистъ нашелъ: отчетъ пробудилъ въ немъ и нездоровое любопытство, и новыя нездоровыя мысли...

— Да... Если вы съ такой точки зрѣнія, то, конечно, лучше всего нашей молодежи ничего не читать, даже и нашихъ классиковъ, вѣдь, и въ нихъ человѣкъ съ извѣстной склонностью видѣть вездѣ грязь, найдетъ немало сценокъ и описаній, могущихъ возбудить нездоровое любопытство, а, по моему, отъ всѣхъ этихъ Лигъ погибнетъ только то, что должно погибнуть, а крѣпкая и чистая натура можетъ, и побывавъ въ лигѣ, остаться такой же. Подымается только тотъ, кто падаетъ, а потому...

— Пусть падаютъ?

— Совершенно вѣрно.

Н. К. де-Лазари.

О дѣтяхъ улицы.

Въ дѣтяхъ—будущее человѣчества.

Улицы большихъ и даже небольшихъ городовъ кишмя-кишатъ безпризорными дѣтьми. Это преимущественно дѣти рабочихъ, ремесленниковъ и городской бѣдноты. Поглощенные заботами о добываніи средствъ для пропитанія своихъ семей, родители предоставляютъ дѣтей самимъ себѣ и тлетворному вліянію улицы.

Дѣти одинаково воспріимчивы къ добру и злу. Но на улицахъ разлито больше зла, чѣмъ добра. Отъ шалостей дѣти, слѣдуя дурнымъ примѣрамъ, переходятъ къ проступкамъ, наказуемымъ законами. Нравственная порча ихъ усугубляется съ каждымъ днемъ, и кадры преступниковъ увеличиваются.

Давно сознана у насъ необходимость бороться съ растлѣвающимъ вліяніемъ улицы, но, какъ всегда и во всемъ, Западъ опередилъ насъ въ этомъ отношеніи. Особенно побила всѣ рекорды Америка. Тамъ возникло движеніе, объединившее подъ своимъ знаменемъ всевозможные кружки, союзы, общества, поставившіе себѣ цѣлью — заботу о нравственномъ и и физическомъ благополучіи безпризорной дѣтворы городскихъ бѣдняковъ.

Самымъ лучшимъ средствомъ для перевоспитанія дѣтей улицы было признано учрежденіе для нихъ клубовъ („сетлементъ"), гдѣ они имѣли бы возможность проводить время въ свѣтломъ и здоровомъ помѣщеніи—пріятно и съ пользою для себя, располагая при этомъ полною свободою и не подвергаясь излишней опекѣ.

Въ клубахъ-сетлементахъ молодое поколѣніе взаимно организуется, учится и развлекается.

Первый американскій клубъ - сетлементъ былъ основанъ докторомъ Стантомъ Койтомъ въ 1887 году въ Нью-Іоркѣ. Въ 1889 году возникаютъ два сетлемента, основанные прогрессивными женщинами, окончившими американскіе университеты. Благотворное вліяніе сетлементовъ не замедлило сказаться очень скоро. Сетлементы даютъ всѣмъ безъ различія возраста пріютъ и удовлетвореніе на почвѣ ихъ самодѣятельности и взаимопомощи.

Сетлементы не признаютъ порабощенія личности, а широко ее развиваютъ. Во всей Англіи и Америкѣ сетлементы превратились въ цѣлые городки, гдѣ дѣти составляютъ двѣ трети приходящаго народа.

Въ сетлементахъ къ услугамъ дѣтей—ясли, дѣтскіе сады, клубы для дѣтей и взрослыхъ, библіотеки, читальни, гимнастическіе залы, купальни, души, дешевыя спальни для бездомныхъ дѣтей. Дешевая продажа вещей, для своихъ же кліентовъ, мастерскія, вечерніе классы и курсы, дешевыя столовыя, сберегательныя кассы, банкъ-копѣйка для дѣтей, популярные концерты, лекціи, экскурсіи, лѣтняя колонія и многое другое.

Члены сотлементовъ собираются отъ времени до времени на конгресы, гдѣ свѣряютъ свои методы, расширяютъ свои задачи, дѣлаютъ всяческія усилія для проведенія въ жизнь чрезъ муниципальныя и парламентскія учрежденія все новыхъ и новыхъ общественныхъ начинаній. Примѣру Америки и Англіи послѣдовали и другія страны и рядъ сетлементовъ возникаетъ во Франціи, Бельгіи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Австріи. Японія, Индія, Австралія и Сандвичевы острова тоже не отстали. Особеннаго вниманія заслуживаетъ клубъ-сетлементъ въ Стокгольмѣ. Учредительница этого клуба Сесилія Миловъ заимствовала идею клубовъ въ Америкѣ, гдѣ она познакомилась подробно съ мѣстными клубами, пользуясь указаніями извѣстнаго Томаса Шю.

Сынъ бѣднаго рабочаго, Томасъ съ 12 лѣтъ уже работалъ въ ткацкомъ отдѣленіи и свободное время отдавалъ уличнымъ дѣтямъ. Онъ былъ постоянно окруженъ ими и пользовался среди нихъ большою популярностью.

Въ 1890 г. Томасъ Шю собираетъ дѣтей въ своей тѣсной комнатѣ и поучаетъ и развлекаетъ ихъ разными играми. Молва о немъ собираетъ къ нему все большія толпы мальчиковъ,—и возникаетъ клубъ, для котораго необходимо уже большое помѣщеніе. Владѣлецъ фабрики, видя благодѣятельное вліяніе Шю на дѣтвору,

строитъ клубный домъ въ 25 тысячъ рублей. Въ клубѣ собраны до 2,000 уличныхъ мальчиковъ отъ 8 до 12 лѣтъ, которые становятся членами его.

Они пользуются самоуправленіемъ, имѣютъ выборный совѣтъ и подчиняются его рѣшенію.

Въ клубы принимаются только уличныя дѣти, огрубѣлыя и вороватыя. И чѣмъ они болѣе одичали нравственно и умственно, тѣмъ дороже они Томасу Шю.

Въ клубѣ дѣтей ждутъ и тепло и свѣтъ, товарищи и веселье, участіе и ласка. Они мало-по-малу теряютъ свои порочныя привычки и преобразовываются духовно и нравственно.

Въ теченіе 10 лѣтъ въ клубѣ перебывало до 400 тысячъ мальчиковъ и, тѣмъ не менѣе, не было ни одной кражи, ни даже порчи какой-либо вещи.

Дѣти—полные хозяева клуба. Въ стѣнахъ клуба не слышно ругани. За нарушеніе правилъ виновные подвергаются наказанію по постановленію товарищей. Самое сильное наказаніе — воспрещеніе являться въ клубъ въ теченіе недѣли. Дѣти не выносятъ этого срока и уже чрезъ три дня приходятъ и со слезами молятъ о прощеніи.

Ежемѣсячный взносъ членовъ 50 коп. Несмотря на сравнительно высокую плату, число членовъ растетъ. Пріемъ ихъ за отсутствіемъ мѣста ограниченъ 2,000 дѣтей.

При клубѣ существуетъ сберегательная касса.

Среди членовъ много чистильщиковъ сапогъ, разносчиковъ газетъ, которые откладываютъ маленькія сбереженія про черный день. Клубъ открытъ съ 7 вечера до 10, а въ воскресенье открывается раньше.

Кромѣ занятія ремеслами имѣется кружокъ пѣнія и музыки.

Разъ въ мѣсяцъ читаются популярныя лекціи съ волшебнымъ фонаремъ, разъ въ году—спектакль, иногда концерты.

По образцу клуба Томаса Шю устроенъ клубъ г-жи Миловъ въ Стокгольмѣ. До устройства клуба существовали для мальчиковъ слойды — плотничьи и столярныя мастерскія, а для дѣвочекъ — шитье и штопка.

Пріемъ членовъ въ клубъ ограниченъ возрастомъ въ 14 лѣтъ. Членскій взносъ 35 ере въ мѣсяцъ.

Для провинившихся членовъ существуетъ и здѣсь товарищескій судъ.

Но проступокъ принятаго вновь въ клубъ провинившагося предается забвенію и прощенію.

Съ теченіемъ времени число клубовъ въ Стокгольмѣ увеличилось и среди нихъ самый замѣчательный клубъ для мальчиковъ — въ сѣверной части города. Этотъ клубъ устроенъ по образцу англійскихъ клубовъ.

За послѣдніе годы зашевелились въ Россіи, и дѣтскіе клубы начинаютъ появляться и у насъ. Такой клубъ возникъ въ Москвѣ въ Сущевскомъ раіонѣ, гдѣ населеніе (117,765 человѣкъ, почти одна десятая часть населенія всей Москвы) составляютъ исключительно рабочіе. Большой процентъ населенія безграмотенъ. Изъ 11,372 дѣтей школьнаго возраста (отъ 8—14 л.) учатся только 4,913, т. е. 43½ проц. Процентъ дѣтей безграмотныхъ между 12 и 14 годами больше, въ виду того, что дѣти эти посылаются на заработки для поддержки семьи.

И культурный уровень взрослаго населенія весьма низокъ.

Въ этой-то средѣ пришлось работать вновь возникшему московскому обществу „Сетлементъ“, начавшему скромно свою дѣятельность всего два года назадъ и все болѣе и болѣе расширяющему ее.

За дѣло взялся небольшой кружокъ лицъ, объединенныхъ любовью къ „малымъ симъ“. Сначала собрали около 12-ти мальчиковъ отъ 9 до 14 лѣтъ и отправили ихъ на дачу, гдѣ они хотя и были предоставлены самимъ себѣ, но имъ было предложено ухаживать за огородомъ, варить себѣ пищу, убирать свои комнаты.

Первое время дѣти проявляли всѣ дурныя наклонности, привитыя имъ улицей, ссорились, дрались, курили. Руководители колоніи незамѣтно пріучали дѣтей къ работѣ. Трудовая жизнь и довѣріе къ дѣтямъ дѣлали свое дѣло. Благотворно вліяли и игры, музыка, поучительные разсказы и бесѣды изъ области естествовѣдѣнія, прогулки. И когда руководители колоніи, уѣхавъ на короткое время, чтобы окончательно предоставить дѣтей самимъ себѣ, вернулись, то застали полный порядокъ.

Зимою возникли клубы въ Москвѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ. И теперь можно этимъ клубамъ предсказать блестящее будущее.

И чѣмъ больше у насъ дѣтскихъ колоній и клубовъ, тѣмъ меньше будетъ дѣтей-преступниковъ и будущихъ каторжанъ.

„В. В.“

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 1-й.

	стр.
Эта ночь не для насъ... Стихотвореніе *И. Корецкаго*	2
Преступники. Новогодній этюдъ *Вл. К. Измайлова*	3
Pecunia sacra. Стихотвореніе *Ф. Глока*. Переводъ *В. С. Лихачова*	10
Разгромъ. Разсказъ *К. С. Баранцевича*	11
Собака. Стихотвореніе *Л. И. Андрусона*	15
Деньги. Разсказъ *Вл. И. Ленскаго*	16
Городская поэма. Стихотвореніе *И. Муринскаго*	23
Лига свободной любви. Фельетонъ *Н. К. Де-Лазири*	24
О дѣтяхъ улицы. Статья *Б. В.*	28

Картины:
1. **Дѣти улицы**. Фототипія воспроизведенная красками.
2. **На аренѣ**. Автотипія *І. Аубера*.

Приложеніе: Леонидъ **Андреевъ**. Избранныя сочиненія. **Семь повѣшенныхъ**. Разсказъ, съ портретомъ автора.

☛ Къ свѣдѣнію Гг. Подписчиковъ. ☚

Послѣдній **№ 24-й** журнала «Пробужденіе» **за 1908 г.** съ приложеніями къ нему **12-й книги «Современные русскіе писатели»** и 12-ти портретовъ **«Русскіе дѣятели освободительнаго движенія и народники» арестованъ** и потому не могъ быть своевременно высланъ Гг. подписчикамъ.

Ходатайствуя о снятіи запрещенія, редакція увѣдомляетъ, что несмотря на громадные убытки, если ходатайство не будетъ уважено, **№ 24-й** будетъ отпечатанъ вторично и по отпечатаніи немедленно разосланъ всѣмъ подписавшимся на журналъ въ 1908 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) **6** р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города **7** р., на полгода **4** р., на 3 мѣсяца **2** р., на 1 мѣсяцъ **58** к.

Издательница *О. П. Александрова*. Редакторъ *И. В. Корецкій*.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.

№ 2 ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

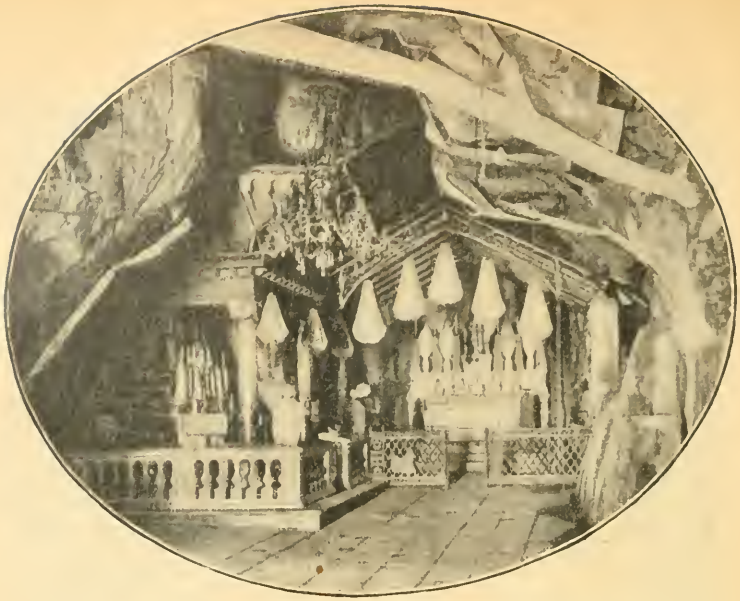
Литературно-Художественный Журналъ.

Е. Фонъ-Гебгардтъ.

УМИРАЮЩІЙ СЫНЪ.

Пробужденіе

Годъ 4-й. Вып. 2-й.



Землетрясеніе въ Италіи. ГРОТЪ СВ. РОЗАЛІИ ВЪ ПАЛЕРМО.

На фабрикѣ.

Я видѣлъ средь яркаго блеска металла,
Когда разсыпаясь мильономъ огней,
Онъ огненной лавой течетъ, освѣщая
Кровавымъ огнемъ полуголыхъ людей.

Когда среди шума и грохота пара,
Покрытые потомъ и грязью они,
Могуче и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Куютъ не расправивъ усталой спины.

Такъ долгія ночи и дни пролетаютъ
Въ огромномъ, безумно тяжеломъ трудѣ;
И нѣтъ тамъ просвѣта, тамъ счастья не знаютъ.
Все тонетъ и мретъ въ безысходной нуждѣ.

К. Льсниковъ.

Землетрясеніе въ Италіи. КОРСО ВЪ РЕДЖІО.

ДѢНЬГИ.

Разсказъ *В.л. Ленскаго.*

VI.

Жена Брагина, открывъ дверь и взглянувъ на его взволнованное лицо, испуганно спросила:

— Что случилось?

Ея здоровье было такъ расшатано, нервы такъ сильно разстроены нуждой, страхомъ за завтрашній день, душевной болью за мужа и ребенка, что она каждый день, каждый часъ ожидала какой нибудь бѣды, катастрофы, несчастья.

— Отчего ты такъ блѣденъ?

Брагинъ дѣланно засмѣялся.

— Ничего не случилось, Наташа... На меня только непріятно подѣйствовало одно обстоятельство, которому, право, не стоитъ придавать большого значенія...

— Какое обстоятельство? Въ чемъ дѣло?—продолжала она спрашивать, блѣднѣя и начиная дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ, Боже мой! Ну, чего ты такъ пугаешься? Я-же говорю тебѣ, что самое незначительное обстоятельство, о которомъ не стоило-бы и говорить!.. Рѣчь идетъ о моей картинѣ, которую я сегодня продалъ... за десять рублей...

— Ну такъ что-же?—нетерпѣливо и тревожно торопила жена, хватая его за руку.

— Да успокойся-же! Ничего особеннаго нѣтъ... Она продается въ магазинѣ за триста рублей... Что съ тобой? Наташа?!..

Молодая женщина выпустила его руку, пошатнулась и, закинувъ назадъ голову съ посинѣвшимъ лицомъ и закатившимися глазами, стала медленно падать назадъ, хватая руками воздухъ. Брагинъ подхватилъ ее на руки, внесъ въ комнату и положилъ на кровать. Она лежала безъ движенія, и только изъ горла ея вырывался тяжелый хрипъ, и на губахъ у нея вскипала розовая пѣна...

Припадокъ продожался цѣлый часъ. Проклиная свою неосторожность и позабывъ о находкѣ, блѣдный, испуганный, Брагинъ хлопоталъ около жены, приводя ее въ чувство уже давно извѣстными, много разъ испытанными имъ средствами. Припа-

докъ былъ изъ легкихъ, и Наташа, придя въ себя, чувствовала только сильную слабость въ тѣлѣ и шумъ въ головѣ...

Брагинъ успокоился, и къ нему снова вернулась радость, наполнившая все его существо теплой пріятной дрожью. Онъ нервно ходилъ по комнатѣ, улыбался, потиралъ руки, присаживался къ женѣ и снова вставалъ и начиналъ ходить. И чтобы замаскировать свое радостное волненіе передъ женой, которая удивленно и подозрительно слѣдила за нимъ глазами, онъ, тихонько посмѣиваясь, проговорилъ, какъ будто объясняя, почему онъ такъ возбужденъ:

— Твой мужъ, Наташа, повидимому, талантливый художникъ! Вѣдь, въ триста рублей оцѣнена картина! А? Наташа?..

Молодая женщина грустно улыбнулась.

— Я всегда вѣрила въ твой талантъ,—тихо сказала она и, закрывая глаза, попросила:—не говори мнѣ больше объ этой картинѣ...

Брагинъ утѣшалъ ее, обѣщая написать такую же и еще много другихъ картинъ, которыя по достоинству не будутъ уступать той. И говоря это, онъ радостно думалъ о томъ, что теперь онъ, дѣйствительно, напишетъ много прекрасныхъ картинъ...

— Что это за шумъ на лѣстницѣ?—спросила, вдругъ, Наташа:—поди-ка посмотри... Не пожаръ-ли?

Брагинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Жуткій страхъ сжалъ ему сердце отъ внезапно мелькнувшей мысли о томъ, что, какимъ-нибудь образомъ, во дворѣ стало извѣстно о его находкѣ, и теперь идутъ къ нему, чтобы отобрать деньги. Онъ выбѣжалъ въ переднюю и съ сильно бьющимся сердцемъ прислушался, не открывая двери. На лѣстницѣ стоялъ гулкій шумъ отъ шаговъ двухъ или трехъ паръ ногъ и чьихъ-то громкихъ, возбужденныхъ голосовъ. Шаги и голоса быстро удалялись и скоро внизу затихли. Послушавъ еще съ минуту, Брагинъ, успокоенный, но все еще блѣдный, вернулся къ женѣ.

— Какъ ты поблѣднѣлъ!—удивилась она, приподнимаясь и садясь на кровати.— Что тамъ такое случилось?

— Ничего. Прошли какіе-то люди,—нетерпѣливо отвѣтилъ онъ:—ты заразила меня своимъ страхомъ, и мнѣ почудилось Богъ знаетъ, что...

Съ этой минуты Брагинъ уже не зналъ покоя. Малѣйшій шумъ на лѣстницѣ заставлялъ его вздрагивать, блѣднѣть, прислушиваться. Онъ мучительно ломалъ себѣ голову, куда-бы спрятать деньги, чтобы, въ случаѣ внезапнаго обыска, ихъ не могли найти, и не могъ во всей квартирѣ отыскать достаточно укромнаго для этой цѣли мѣста. Деньги, лежавшія у него въ боковомъ карманѣ пиджака, вызывали въ немъ страшное безпокойство, лишь только на лѣстницѣ раздавались чьи-нибудь шаги. Онъ съ замираніемъ сердца ждалъ звонка, и когда шаги затихали вверху или внизу лѣстницы—облегченно вздыхалъ и снова отдавался ощущенію своей радости, которая уже была немного отравлена тревогой и страхомъ...

Черезъ часъ послѣ припадка маленькая семья сидѣла за обѣденнымъ столомъ. Брагинъ почти ничего не ѣлъ, сидѣлъ какъ на иголкахъ, то улыбался, то блѣднѣлъ. Время отъ времени онъ засовывалъ руку въ боковой карманъ и ощупывалъ атласистыя бумажки кредитокъ, и отъ прикосновенія къ нимъ по его тѣлу пробѣгала дрожь, какъ отъ электрическаго тока. «Неужели Наташа ничего не чувствуетъ»?—думалъ онъ, внутренно улыбаясь. «Она такъ чутка, и притомъ, у нея иногда бывали такія вѣрныя предчувствія»...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на нее, и она, какъ будто отвѣчая на его мысль, въ свою очередь пристально глядя на него, тихо сказала:

ЖЕРТВЫ МОРЯ.

— Послушай, Саша... мнѣ кажется, ты что-то скрываешь отъ меня... У тебя какое-то странное выраженіе въ лицѣ, и ты какъ-то особенно сегодня нервничаешь...

Брагинъ заставилъ себя засмѣяться и безпечно возразилъ:

— Вотъ, глупости! Я такой же, какъ и всегда. Тебѣ показалось. И что у меня можетъ быть, чего я не могъ бы сказать тебѣ?..

И, шутя, прибавилъ:

— Вотъ, развѣ, если бы я нашелъ десять тысячъ рублей, то, пожалуй, сразу не сказалъ бы, а раньше подготовилъ бы тебя...

Она засмѣялась и, повидимому, повѣрила ему. Но, изрѣдка, бросала на него пытливый, немного безпокойный взглядъ, по которому Брагинъ видѣлъ, что она чувствуетъ въ немъ, въ его настроеніи что-то странное, необычное...

Послѣ обѣда Наташа лежала на кровати съ какой-то книгой въ рукахъ и читала, а Брагинъ игралъ съ своимъ сыномъ въ столовой, строя ему на столѣ изъ кубиковъ домъ.

— Вотъ. домъ готовъ!—говорилъ онъ весело, потирая руки. — Принадлежитъ этотъ домъ, скажемъ, нашему домовладѣльцу, Латугину. Здѣсь три этажа: вотъ это—первый, это—второй, это—третій этажъ. Теперь вообрази, что я нашелъ десять тысячъ рублей... постой!—прервалъ онъ самого себя шепотомъ, прислушиваясь къ шуму шаговъ на лѣстницѣ.

Онъ сразу поблѣднѣлъ и насторожился. Мальчикъ смотрѣлъ на него большими глазами и тоже испуганно прислушивался. Шумъ скоро стихъ, и Брагинъ, успокоившись, продолжалъ, наполовину понизивъ голосъ:

— Вообрази, что я нашелъ десять тысячъ и пришелъ нанимать въ этомъ домѣ квартиру, конечно, въ бель-этажѣ... Что? Ты смѣешься? Ты думаешь, что это невозможно, чтобы я нашелъ десять тысячъ рублей? Ха-ха! Ну, братъ, скажу я тебѣ, ты ошибаешься! Все возможно на этомъ чудесномъ свѣтѣ!..

— Ты бредишь десятью тысячами,—смѣясь, отозвалась изъ спальни жена: — я уже второй разъ слышу отъ тебя эту цифру!..

— Это—моя манія,—отвѣтилъ Брагинъ, довольный, что хоть такимъ образомъ онъ можетъ поговорить о мучившей его радости.—Я непремѣнно долженъ найти десять тысячъ рублей!..

— Меньше ты не хочешь?—засмѣялась жена.

— Ни на копѣйку меньше!—съ комической серьезностью отвѣтилъ Брагинъ.

«Если бы она только знала, что у меня *уже* лежатъ въ карманѣ эти десять тысячъ»!—подумалъ онъ, самъ весь холодѣя отъ сознанія громадности своего счастья и связаннаго съ нимъ неодолимаго, жуткаго страха...

V.

Къ вечеру этотъ страхъ усилился. Брагинъ каждую минуту ожидалъ звонка, обыска, пряталъ деньги, тайкомъ отъ жены, въ комодъ, переносилъ ихъ въ шкафъ, потомъ въ ящикъ съ красками и, наконецъ, снова положилъ ихъ въ боковой карманъ своего пиджака. Напряженность ожиданія возрастала съ каждой минутой, и онъ вздрагивалъ и блѣднѣлъ не только отъ звуковъ, доносившихся съ лѣстницы, но и отъ каждаго шороха и стука, производимыхъ въ другой комнатѣ женой или ребенкомъ. Казалось, нервы его совершенно обнажились, и каждый звукъ, касаясь ихъ, производилъ въ нихъ мучительное, невыносимо-болѣзненное сотрясеніе. Наконецъ, онъ не выдержалъ, надѣлъ пальто и шляпу и ушелъ изъ дому, сказавъ женѣ, чтобы она не ждала его и въ свое время ложилась спать...

Наступали сумерки, и на лѣстницѣ было почти темно. Спускаясь внизъ по сту-

пенямъ. Брагинъ услышалъ ниже себя торопливые шаги. Кто-то быстро бѣжалъ наверхъ. На второй площадкѣ показался чей-то темный силуэтъ. Художникъ едва различилъ въ сумеркахъ фигуру и лицо Карича.

Поровнявшись съ нимъ, Брагинъ остановился и протянулъ ему руку. Его поразило то, что Каричъ былъ безъ пальто, безъ шляпы, съ мокрыми, прилипшими ко лбу волосами. Всмотрѣвшись въ его лицо, онъ замѣтилъ, что оно блѣдно; глаза Карича смотрѣли на него сквозь очки какъ-то странно, какъ-будто не узнавая его.

— Что случилось?—спросилъ художникъ, пожимая его холодную, мокрую руку:— Почему вы безъ пальто и такъ блѣдны?..

Тотъ слабо улыбнулся, провелъ рукой по лбу и мокрымъ волосамъ и, поправивъ на носу очки, тихо сказалъ:

— Ничего... глупая исторія...

И вдругъ, наклонившись къ уху Брагина, съ ужасомъ въ глазахъ, быстро зашепталъ:

— Деньги потеряны! Вы понимаете—десять тысячъ рублей!.. Я искалъ ихъ на лѣстницѣ, во дворѣ, на улицѣ... но развѣ можно найти? Онѣ уже давно у кого-нибудь въ карманѣ—десять тысячъ! А? Ха-ха!..

Брагинъ отшатнулся отъ него, инстинктивно положивъ руку на грудь, гдѣ у него, подъ пальто, въ карманѣ пиджака, лежали деньги. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ и теряетъ силы.

— Десять тысячъ?—съ трудомъ овладѣвая собой, спросилъ онъ, тоже почему-то шепотомъ.

Каричъ, повидимому, замѣтилъ его волненіе и удивленно вскинулъ на него глаза. Брагинъ увидѣлъ, что отъ вниманія пріятеля не ускользнуло также и его невольное движеніе рукой, которую онъ положилъ себѣ на грудь. И смутившись, художникъ сдѣлалъ видъ, что застегиваетъ этой рукой пуговицу пальто и потомъ тихо опустилъ ее внизъ.

Каричъ тоже смущенно потупился и молчалъ, какъ-будто обдумывая что-то. Въ сумеркахъ его лицо выглядѣло мертвенно блѣднымъ; Брагину показалось, что онъ исподлобья, поверхъ очковъ, подозрительно смотритъ на него.

Художникъ насторожился и притворно-равнодушнымъ тономъ проговорилъ:

— Да... исторія...

Каричъ продолжалъ молчать и не поднималъ глазъ, какъ будто ожидая, что онъ еще скажетъ. Его молчаніе поднимало въ груди Брагина смутную, тяжелую тревогу. «Узналъ ли онъ какъ-нибудь, или только догадывается?»—съ тоской думалъ онъ, не зная, какъ окончить разговоръ, чтобы поскорѣй уйти. Хотѣлось заставить его сказать что-нибудь, чтобы прервать это тягостное молчаніе, и симулируя обыкновенное, обывательское любопытство, художникъ громко спросилъ:

— А вы не знаете... кто потерялъ!..

Тотъ поднялъ, наконецъ, голову и посмотрѣлъ на него тяжелымъ, испытующимъ взглядомъ. Ихъ глаза встрѣтились—и Брагинъ почувствовалъ, что Каричъ почти заглянулъ въ его тайну. Художникъ вздрогнулъ и, не выдержавъ его взгляда, отвелъ глаза въ сторону.

— Развѣ я вамъ не сказалъ?—тихо спросилъ Каричъ, беря его за руку.—Вѣдь, деньги потерялъ я!..

— Вы! Но откуда?..

Онъ хотѣлъ спросить, откуда у того появилась такая большая сумма денегъ, но отъ волненія у него сжалось горло и голосъ пресѣкся. Каричъ понялъ его и, усмѣхнувшись, торопливо объяснилъ:

— Что же тутъ удивительнаго? Графъ Шульгинъ поручилъ мнѣ внести ихъ въ банкъ, на его текущій счетъ. Сегодня я не успѣлъ и взялъ ихъ съ собой, чтобы сдѣлать это завтра .. графъ хорошо знаетъ меня и часто даетъ разныя порученія, довѣряя мнѣ и большія суммы...

Онъ отклонился отъ Брагина и смотрѣлъ на него въ упоръ, какъ будто наблюдая на лицѣ художника дѣйствіе своихъ словъ.

Брагинъ остолбенѣлъ отъ неожиданности и молчалъ, чувствуя, что у него подкашиваются ноги и не въ силахъ совладать съ дрожью рукъ. Каричъ придвинулся къ нему почти вплотную и сильно сжавъ ему руку, тихо, серьезно спросилъ:

— Послушайте... не вы ли нашли деньги?..

Брагинъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ подъ ударомъ хлыста, и испуганно поднялъ руки, какъ будто защищаясь отъ нападенія:

— Что вы! Что вы! Я въ первый разъ съ утра выхожу сейчасъ изъ дому?..

Каричъ сразу перемѣнилъ тонъ и, усмѣхнувшись, похлопалъ его по плечу.

— Я пошутилъ, не пугайтесь...

Лицо его стало глубоко грустнымъ, и онъ тихо продолжалъ:

— Вы сегодня еще больше нервничаете, чѣмъ вчера, и мнѣ показалось... Впрочемъ, вполнѣ понятно, что васъ такъ взволновало мое несчастье. Вы, конечно, понимаете, что у меня нѣтъ другого выхода, какъ въ эту же ночь покончить съ собой...

Онъ стиснулъ руку Брагина, хотѣлъ еще что-то прибавить, но раздумалъ, махнулъ рукой и бросился наверхъ по лѣстницѣ, какъ будто торопясь уйти, чтобы не разрыдаться передъ художникомъ...

Брагину показалось, что онъ летитъ въ какую-то бездну, полную непроницаемой тьмы. Въ глазахъ замелькали искры, въ ушахъ засвистѣло, зашипѣло. И почти теряя сознаніе, онъ опустился на колѣни и безсильно уронилъ на грудь голову...

Слышно было, какъ будто сквозь сонъ, какъ Каричъ добѣжалъ до площадки четвертаго этажа и тамъ дернулъ ручку звонка. Съ минуту длилось глубокое молчаніе потомъ загремѣлъ засовъ, дверь открылась и снова тяжело захлопнулась...

Яркій свѣтъ рѣзнулъ ему въ глаза. Онъ очнулся и поднялъ голову. Это внизу дворникъ открылъ электричество, и свѣтъ засіялъ по всей лѣстницѣ. Брагинъ всталъ, чувствуя сильную слабость во всемъ тѣлѣ и, медленно передвигая ногами, сталъ взбираться наверхъ, придерживаясь руками за перила...

VII.

И пока онъ поднимался по лѣстницѣ, въ головѣ у него шла усиленная работа, которая, у двери его квартиры, вдругъ пришла къ страшному концу. Ему стало совершенно ясно, что Каричъ уже з н а е т ъ, кто нашелъ деньги. Припомнивъ то короткое, но жуткое мгновеніе, когда въ разговорѣ на лѣстницѣ, ихъ взгляды встрѣтились, и Каричъ заглянулъ глазами какъ будто въ самую сокровенную глубь его души, Брагинъ нервно передернулъ плечами и до боли стиснулъ пальцы рукъ. Въ то мгновеніе онъ выдалъ себя съ головой—это не подлежало никакому сомнѣнію...

Онъ стоялъ у двери и, положивъ руку на ручку звонка, продолжалъ думать. Мысли цѣплялись одна за другую и свивались въ тѣсный кругъ, изъ котораго не было никакого выхода. Если бы онъ не выдалъ себя Каричу—развѣ онъ могъ бы удержать у себя деньги, зная, что тотъ ихъ потерялъ и изъ-за нихъ лишитъ себя жизни? И если даже предположить, что Каричъ не покончитъ съ собой, все же деньги придется вернуть ему, потому что тотъ знаетъ уже, кто ихъ нашелъ, и приметъ мѣры къ тому, чтобы онѣ были ему возвращены...

Его потянуло къ Каричу. Нужно было, во что бы то ни стало, какимъ-нибудь

образомъ, установить, знаетъ ли Каричъ, что деньги у Брагина, или не знаетъ, и въ такомъ ли тотъ состояніи, чтобы покончить съ собой. Какъ это можно установить— Брагинъ не отдавалъ себѣ отчета. Но рѣшилъ сейчасъ же пойти къ пріятелю.

Дрожа отъ сильнаго озноба, онъ поднялся на четвертый этажъ и позвонилъ. Дверь открылъ ему самъ Каричъ, который, увидѣвъ его, усмѣхнулся и тотчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо.

— Это вы? — сказалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто ожидалъ его прихода именно въ это время:—пойдемте ко мнѣ...

Брагинъ молча снялъ пальто, галоши и шляпу и пошелъ за нимъ по узкому, полутемному коридору.

Въ комнатѣ Карича горѣла та же лампа, которая вчера такъ сильно раздражала Брагина своимъ непріятнымъ, звенящимъ жужжаніемъ. Художникъ мелькомъ посмотрѣлъ на нее, опускаясь на стулъ у письменнаго стола. Каричъ поймалъ его взглядъ и съ усмѣшкой сказалъ:

— Простите, не успѣлъ перемѣнить лампу...

Онъ опустился противъ Брагина въ свое глубокое кресло, снялъ очки и сталъ тщательно протирать ихъ стекла носовымъ платкомъ. Брагинъ молчалъ, не зная, съ чего начать, и начиналъ волноваться. Глядя на Карича, на его спокойствіе, съ какимъ онъ протиралъ свои очки, художникъ почувствовалъ, что тотъ о самоубійствѣ мало помышляетъ. Его спокойное, уже порозовѣвшее лицо нисколько не походило на лицо самоубійцы, готовящагося черезъ нѣсколько часовъ покончить счеты съ жизнью. Въ немъ даже не было обычной, тихой грусти, которую Брагинъ привыкъ видѣть въ Каричѣ, напротивъ, въ его глазахъ свѣтилась какая-то скрытная, глубоко затаенная радость.

У Брагина сжалось сердце. Онъ понялъ, что Каричъ далекъ отъ самоубійства потому, что разсчитываетъ отобрать у него деньги.

И какъ будто подтверждая его мысль, Каричъ, покончивъ съ очками и надѣвъ ихъ, тихо, но твердо спросилъ, уставившись въ него невозмутимо серьезными глазами:

— Вы принесли деньги, Александръ Иванычъ?..

Брагинъ поблѣднѣлъ и потерялся. Онъ не ожидалъ такого прямого вопроса, и слова Карича произвели на него впечатлѣніе грома, упавшаго ему неожиданно на голову. Входя въ эту комнату, онъ тотчасъ же понялъ, что съ деньгами ему придется разстаться если не сегодня, то завтра навѣрно, но всѣмъ своимъ существомъ онъ протестовалъ противъ этого и всячески отпирался бы, лгалъ, клялся, лишь бы еще хоть на нѣсколько минутъ отдалить ужасъ отдаванія денегъ. Вопросъ же Карича засталъ его врасплохъ, спазма перехватила ему горло, и онъ ничего не могъ сказать, только беззвучно шевелилъ дрожавшими отъ волненія губами...

Каричъ тихо погладилъ его руку и мягко, участливо проговорилъ:

— Не волнуйтесь такъ, Александръ Иванычъ. Вѣдь, я же знаю, что вы безукоризненно честный человѣкъ и ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что вы вернете мнѣ деньги...

Все было кончено. Больше говорить было не о чемъ... Брагинъ зачѣмъ-то приподнялся на стулѣ и снова опустился. Хотѣлъ что-то сказать и открылъ ротъ, который тотчасъ же скривился мучительной гримасой рыданія. Нервы его, напряженные до послѣдней степени, не выдержали, онъ весь затрясся и, закрывъ лицо руками, глухо зарыдалъ...

Каричъ выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулся со стакаиомъ воды. Художникъ, стуча зубами о края стакана, залпомъ выпилъ воду и потомъ

нѣсколько минутъ сидѣлъ, закрывъ глаза рукой и часто вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ...

Мало-по-малу имъ овладѣло тупое, холодное спокойствіе. Онъ всталъ, молча вынулъ деньги и положилъ ихъ на столъ. Каричъ быстро посмотрѣлъ на него, на деньги — и по его лицу вдругъ пробѣжала какая-то тѣнь, придавшая ему острое, почти хищное выраженіе, которое сдѣлало его похожимъ на лицо купца въ эстампномъ магазинѣ, когда Брагинъ заявилъ тому претензію по поводу своей картины. И теперь художникъ почувствовалъ на своемъ лицѣ отъ взгляда Карича тотъ же непріятный холодъ, какъ будто къ нему прикоснулся мокрый, скользкій гадъ...

Но это продолжалось всего одну секунду. Въ слѣдующее мгновеніе лицо Карича уже сіяло радостью, онъ схватилъ руки Брагина, крѣпко пожималъ ихъ и говорилъ растроганнымъ голосомъ:

— Повѣрьте, я не останусь у васъ въ долгу! Вы буквально спасли мою жизнь... Я вамъ такъ благодаренъ, такъ благодаренъ!..

Брагинъ былъ въ какомъ-то столбнякѣ, не понималъ, о чемъ тотъ говоритъ, и старался высвободить свои руки изъ рукъ Карича, прикосновеніе которыхъ было ему почему-то непріятно до отвращенія. Онъ пятился къ двери, Каричъ шелъ за нимъ и все говорилъ, но слова его какъ-то ускользали отъ вниманія Брагина, и въ ушахъ только раздавался ихъ непріятный, фальшивый тонъ. Чувство громадной, невозвратимой потери огромной тяжестью лежало на его душѣ и обезсилѣвало его тѣло. Онъ не замѣтилъ, какъ спустился по лѣстницѣ и попалъ къ себѣ на квартиру. Хотѣлось ни о чемъ не думать, ничего не чувствовать, впасть въ глубокое, безпросвѣтное забытье.. Придя домой и не отвѣчая на разспросы жены, встревоженной его болѣзненнымъ видомъ, онъ раздѣлся, легъ въ постель и тотчасъ же заснулъ, какъ убитый, тяжелымъ безъ всякихъ сновидѣній, сномъ...

VII.

Было часовъ десять утра, когда Брагинъ проснулся отъ сильной головной боли и тяжелаго чувства большого, непоправимаго несчастья. Гдѣ-то раздавалось какое-то глухое непонятное жужжаніе, и художникъ не могъ сразу понять, откуда оно идетъ и что оно означаетъ. Въ первую минуту показалось, что это вода въ кухнѣ бѣжитъ изъ крана въ раковину. Но, послушавъ немного, онъ сталъ различать слова, сыпавшіяся быстро, одно за другимъ, почти безъ перерыва. Изрѣдка слышался другой голосъ, вставлявшій небольшія реплики, и въ немъ Брагинъ узналъ голосъ своей жены. Голоса неслись изъ той части передней, гдѣ находилась выходная дверь, и, судя по гулкости ихъ звуковъ, Наташа съ кѣмъ-то разговаривала на лѣстницѣ у раскрытой двери. Незнакомый женскій голосъ быстро разсказывалъ:

— Вчера-то? Еще бы! Было отчего разстроиться! Пришелъ къ нему этотъ самый артельщикъ, или кто его знаетъ, кто онъ такой, отворила я дверь — вижу, парень, блѣдный, какъ сама смерть, весь такъ и трясется. Только и могъ сказать: «Каричъ... господинъ Каричъ»!.. Повела его въ комнату господина Карича, а сама-то и замѣшкалась въ корридорѣ, не помню, по какой надобности. Слышу — парень разсказываетъ и плачетъ, говоритъ и плачетъ... «Десять тысячъ рублей, говоритъ, потерялъ. Графъ Шульгинъ, говоритъ, послалъ съ ними къ вамъ, чтобы вы, значитъ, внесли ихъ въ банкъ на текущій счетъ... А я, говоритъ, по дорогѣ зашелъ къ знакомымъ, по той же лѣстницѣ, во второмъ этажѣ, и у нихъ-то и хватился, что денегъ въ карманѣ нѣтъ»... Карманъ-то, оказалось, былъ худой ..

Брагинъ поднялся и сѣлъ на кровати. Поблѣднѣвшее лицо его, съ широко раскрытыми глазами, выражало ужасъ, который охватилъ его тотчасъ-же, какъ только

онъ вникъ въ доносившіяся къ нему съ лѣстницы слова. Деньги потерялъ не Каричъ, а кто-то другой! Каричъ его обманулъ!..

— Выскочилъ онъ на лѣстницу, во дворъ, на улицу, туда, сюда—денегъ нѣтъ! Словно сквозь землю провалились! Тутъ-то онъ и кинулся къ господину Каричу. Какъ разсказалъ онъ это—господинъ Каричъ сейчасъ же—вонъ изъ комнаты, да на лѣстницу, какъ былъ, безъ пальто, безъ шапки. Парень за нимъ, идетъ и плачетъ. Побѣжали искать деньги. Черезъ часъ господинъ Каричъ вернулся. Слышу, говоритъ на лѣстницѣ: «Пойди, говоритъ, къ графу и заяви! Ничего не подѣлаешь!» Это онъ парню-то сказалъ. А у самаго, какъ вошелъ въ переднюю, лица не было.. Потомъ, слыхала я, долго ходилъ по комнатѣ. съ часъ, по крайней мѣрѣ, а послѣ легъ отдыхать. Да вдругъ, какъ вскочитъ, да на лѣстницу, въ чемъ былъ, словно ума рѣшился. Вижу, человѣкъ покой потерялъ, опять искать побѣжалъ... И то сказать, деньги большія, да и парня, видно, жаль ему было... Вернулся ужъ вечеромъ, какъ стемнѣло. Весь мокрый, подъ дождемъ-то промокъ, а самъ ничего, смотритъ на меня съ усмѣшечкой и руки потираетъ. Нашли?—спрашиваю. «Нѣтъ»,—говоритъ. И хитро таково усмѣхается. Ну, думаю, хитритъ что-то... А нынче утромъ и показываетъ мнѣ деньги-то. Я такъ и обомлѣла. Этакихъ-то деньжищъ видать мнѣ еще не приходилось. «Иду, говоритъ, къ графу, деньги отдавать»... То-то награду получитъ!.. И дай ему Богъ, человѣкъ онъ хорошій, не играетъ, не пьетъ, не скандалитъ, примѣрный у меня жилецъ... Да, что-жъ это я, Господи, стою тутъ съ вами! Дѣловъ у меня куча, а время-то не ждетъ...

Дверь въ передней захлопнулась, звякнулъ замокъ. Осторожно, стараясь не шумѣть, Наташа прошла въ кухню. Въ столовой что-то быстро застучало—это Котикъ побѣжалъ къ матери...

Брагинъ въ изнеможеніи откинулся на подушку. Его ужасъ какъ-то сразу упалъ, и только огромная тяжесть совершившагося несчастья продолжала невыносимо давить на сердце. И несчастье заключалось не въ томъ, что Каричъ его обманулъ и что Брагинъ отдалъ деньги не тому, кто ихъ потерялъ. Онѣ, все равно, и черезъ Карича попадутъ въ руки настоящаго ихъ владѣльца. И не оттого было такъ тяжело, что Каричъ, а не Брагинъ получитъ отъ графа вознагражденіе въ триста или пятьсотъ рублей. Послѣ того, какъ у Брагина въ карманѣ лежало десять тысячъ, которыя онъ нѣсколько часовъ считалъ с в о и м и — триста или пятьсотъ рублей казались ничѣмъ. Въ сознаніи обладанія десятью тысячами рублями—было могучее очарованіе богатства, обезпеченности, въ перспективѣ-же полученія даже пятисотъ рублей, если только Каричъ окажется настолько честнымъ, чтобы отдать ихъ Брагину—онъ видѣлъ только жалкое, кратковременное избавленіе отъ голода и жестокой нужды...

Все несчастье заключалось именно и только въ томъ, что у него вчера б ы л о десять тысячъ рублей, и сегодня ихъ н ѣ т ъ! И отъ этого казалось что все кончено, дальнѣйшее существованіе представлялось темной, безпросвѣтной пустотой...

Онъ лежалъ съ открытыми глазами, устремивъ ихъ въ пустое пространство, ни о чемъ больше не думая, весь погруженный въ ощущеніе мучительной, тупой боли въ области сердца. Неожиданный случай, давшій ему въ руки и тотчасъ-же отнявшій у него большую сумму денегъ, вышибъ его изъ жизненной колеи, лишилъ тѣхъ необходимыхъ душевныхъ устоевъ, которые заставляли его барахтаться и биться въ борьбѣ за существованіе—свое, жены и ребенка. Почва жизни какъ-будто ускользнула изъ-подъ его ногъ, и онъ почувствовалъ себя висящимъ надъ бездной. Эта бездна уже нѣсколько лѣтъ угрожала поглотить его, но инстинктъ жизни заставлялъ его закрывать передъ ней глаза. Теперь же, утративъ найденныя деньги, которыя

могли бы спасти его отъ гибели, онъ открылъ, вдругъ, глаза—и въ немъ все замерло и оцѣпенѣло отъ страха. Онъ увидѣлъ подъ собой бездну, гибель, отъ которой, казалось, уже не было никакого спасенія.

VIII.

— Что съ тобой?—спрашивала его жена, тревожно наклоняясь надъ нимъ:—Ты боленъ? Или что-нибудь случилось?

Брагинъ нервно поводилъ плечами и съ гримасой нетерпѣнія, слабо говорилъ:

— Пройдетъ... оставь...

Поворачивался къ стѣнѣ лицомъ, закрывалъ глаза и безсильно отдавался своему тяжелому чувству тупой безнадежности, давившей на грудь, на голову, на все тѣло.

Онъ не слыхалъ ничего, что дѣлалось вокругъ него, не замѣчалъ, какъ шло время; казалось, оно остановилось, и все замерло вокругъ него, вокругъ его тяжелой томительной боли...

Жена подходила къ нему, наклонялась, заглядывала ему въ лицо тревожными, безпокойными глазами и молча, на цыпочкахъ, отходила, качая головой.

Маленькій мальчикъ, широко раскрывъ серьезные, грустные глазки, осторожно подбирался къ кровати и, положивъ ручку на плечо отца, шепотомъ говорилъ:

— Папочка... постлой (построй) домичекъ...

Брагинъ лежалъ неподвижно, не слыхалъ его и не отзывался. Ребенокъ, постоявъ около него съ минуту, такъ же осторожно, грустно отходилъ, садился въ уголку спальни на полъ и смотрѣлъ оттуда большими, удивленно-печальными глазами...

Часа въ три раздался звонокъ. Брагинъ вздрогнулъ и испуганно приподнялся. Ему вдругъ представилось, что деньги еще находятся у него, и кто-то пришелъ, чтобы отнять ихъ у него. И страхъ, мучившій его вчера, сжалъ его сердце. Онъ сидѣлъ на кровати и прислушивался, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Изъ кухни по корридору прошла Наташа. Щелкнулъ замокъ, дверь раскрылась. Незнакомый голосъ что-то проговорилъ, и дверь снова захлопнулась.

Брагинъ откинулся на подушку и закрылъ глаза. Онъ вспомнилъ, что ему бояться уже нечего, и невыносимая тяжесть снова легла ему на сердце...

— Тебѣ письмо,—тихо сказала Наташа, входя въ спальню...

Онъ машинально протянулъ руку и взялъ письмо. Въ конвертѣ лежали двѣ двадцатипятирублевыя бумажки и записка Карича. Онъ писалъ:

«Дорогой Александръ Ивановичъ! Прилагаемыя при семъ деньги—вознагражденіе которое принадлежитъ Вамъ по праву. Мнѣ очень досадно, что я принужденъ ограничиться такой небольшой суммой, но настаивать на большой—я счелъ для себя неудобнымъ. Если Вы хотите лично хлопотать объ этомъ—предупреждаю Васъ, что это совершенно безполезно. Впрочемъ, какъ знаете... Уважающій Васъ Н. Каричъ».

Брагинъ опустилъ руку съ письмомъ на одѣяло и, коснувшись пальцами денегъ брезгливо сбросилъ ихъ на полъ.

Каричъ предупреждалъ художника, что говорить съ графомъ для Брагина «совершенно безполезно». Изъ этого Брагинъ понялъ, что пріятель вернулъ деньги графу, какъ найденныя имъ самимъ, и, вѣроятно, получилъ больше, чѣмъ пятьдесятъ рублей. Но мысль объ этомъ, смутно мелькнувъ въ головѣ Брагина, тотчасъ-же погасла, не вызвавъ въ немъ ни раздраженія, ни чувства обиды. Тупое, безразличное состояніе опять овладѣло имъ. Ощущеніе тяжести въ груди не прекращалось, напротивъ, усиливалось, и подъ ея давленіемъ чувство жизни казалось невыносимой тяготой...

— Отъ кого эти деньги?—спросила жена, подбирая съ пола бумажки.

Онъ молчалъ, и только губы его болѣзненно дрогнули при словѣ «деньги». Наташа взяла изъ его руки письмо и, пробѣжавъ его глазами, снова спросила:

— За что вознагражденіе? О чемъ это онъ пишетъ?..

Брагинъ умоляюще посмотрѣлъ на нее и чуть слышно проговорилъ:

— Послѣ... скажу... И опять повернулся лицомъ къ стѣнѣ...

Въ обыденный часъ Наташа снова подошла къ нему и прислушалась къ его дыханію. Онъ какъ-будто спалъ или лежалъ въ забытьи. Она провела рукой по его лбу, волосамъ и, наклонившись, тихо спросила:

— Не позвать-ли доктора, Саша?

Брагинъ зашевелился и, не открывая глазъ, раздраженно пробормоталъ:

— Не надо...

Жена не отходила и продолжала стоять надъ нимъ, безпокойно всматриваясь въ его блѣдное, потемнѣвшее лицо.

— Ты покушалъ бы чего-нибудь...—проговорила она, снова проводя рукой по его лбу и волосамъ.

Онъ сдѣлалъ болѣзненную гримасу, словно ему отъ ея прикосновенія и звука ея голоса стало больно.

— Оставь меня... я ничего не хочу!..—простоналъ онъ съ безнадежной, неодолимой тоской въ голосѣ...

Послѣ обѣда Наташа въ кухнѣ мыла посуду; Котикъ сидѣлъ около нея, на табуретѣ и молча, серьезно слѣдилъ за ея работой. Въ комнатахъ, уже наполненныхъ мглистыми вечерними сумерками, стояла глубокая тишина, прерываемая только слабымъ стукомъ тарелокъ и лязгомъ ножей и вилокъ въ кухнѣ...

И вдругъ, по квартирѣ пронесся странный, непонятный звукъ, какъ-будто гдѣ-то тихо открылось окно, или кто-то осторожно звякнулъ пальцами по стеклу.

Молодая женщина вздрогнула и замерла съ тарелкой въ рукахъ. Ея нервы были напряжены непонятнымъ состояніемъ мужа, страннымъ письмомъ Карича. Она чувствовала, что случилось какое-то несчастье и цѣлый день мучилась, ожидая какой-то страшной катастрофы. И теперь, услышавъ этотъ странный звукъ, она инстинктивно поняла, что случился какой-то ужасъ... Вѣяніе страха пронеслось въ сумеркахъ по комнатамъ и жуткимъ холодомъ коснулось ея сердца.

Гдѣ-то раздался стукъ, какъ-будто отъ паденія большого, мягкаго предмета и слабый, мучительный вскрикъ. И тотчасъ же послышался глухой, тревожно-зловѣщій шумъ голосовъ и шаговъ...

Уронивъ на полъ тарелку, она бросилась изъ кухни, чуть не опрокинувъ табуретъ съ ребенкомъ. Въ спальнѣ, куда она вбѣжала, кровать мужа была пуста, и окно было раскрыто. Во дворѣ, подъ этимъ окномъ, говорили, кричали. Слышались отдѣльныя восклицанія:—Дворникъ! Гдѣ дворникъ?!.—Изъ третьяго этажа! Я видѣлъ!..—Убился?..—Что такое? Въ чемъ дѣло?.—На смерть!..—Ахъ ты, Господи!..—Да гдѣ-же дворникъ?!—Огня давайте!..

Молодая женщина заломила руки, метнулась къ окну, закричала не своимъ голосомъ—и, откинувшись назадъ, грохнулась на полъ и забилась въ сильномъ сердечномъ припадкѣ...

Вл. Ленскій.

Сейнтъ-Урсъ. ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ КАЛАБРІИ 5-го февраля 1783 г.

Ночныя тѣни.

Всюду всегда вы встрѣчаетесь бѣдныя...
Въ яркихъ нарядахъ, развязной стопой,
Выкрасивъ краскою облики блѣдныя,
Медленно ходите поздней порой.
Нынче разряжены, завтра оборваны,
Часто холодные, пьяны всегда,
Точно проклятьемъ Всевышняго скованы,
Вы незнакомыя съ краской стыда.
Что Васъ толкнуло? Любовь неудачная,
Злая нужда, или случай какой?
Вся тяжела ваша долюшка мрачная,
Зла безотвѣтной, суровой тоской...
Вьюга-ли, ночка-ль морозная, ясная,
Тѣни ночныя укоромъ живымъ,
Призракомъ горя, нужды и несчастья
Ходятъ и ждутъ, выбиваясь изъ силъ...

Лидія Сохачевская.

Землетрясеніе въ Италіи. МЕССИНА. 1-я ЧАСТЬ ГАВАНИ.

Полтораста строкъ.

Тебѣ нужно написать полтораста строкъ? Знаешь, что! Вмѣсто того, чтобы воспѣвать звѣзды, грозу или толковать о томъ, какъ прелестна наступающая весна,—напиши о тоскѣ, о той самой безысходной тоскѣ, надъ которой когда-то я смѣялся, читая влюбленныхъ поэтовъ.

Я всегда спалъ хорошо и если видѣлъ сны, то грезились мнѣ, обыкновенно, красивыя женщины въ легкихъ, манящихъ платьяхъ, фонтаны, заливы съ синей водой, музыка «Евгенія Онѣгина». А теперь я не сплю, я не могу уже спать,—цѣлую ночь я лежу въ горячей постели, ворочаясь съ бока на бокъ, и ровно въ два часа слышу, какъ въ сосѣдней комнатѣ Николай Николаевичъ, студентъ горнаго института, кончивши занятія, сначала молится Богу и громкимъ шопотомъ поминаетъ усопшихъ родителей, а потомъ пьетъ капли и, не переводя духа, захлебываясь, отсчитываетъ:

— Разъ, два, три, четыре...

Ровно двадцать пять капель.

Въ 4 часа ночи у моего окна, начинающаго свѣтлѣть, появляются дворники, еще заспанные, неумытые, въ полушубкахъ, и начинаютъ скрести съ тротуаровъ оледѣнѣвшій снѣгъ. Скоро пройдетъ околоточный и оштрафуетъ ихъ, если на тротуарѣ будетъ скользко. А еще минутъ черезъ 40—45 я знаю, о какъ хорошо я теперь это знаю, откроется булочная, что напротивъ, освѣтится синеватымъ недвижнымъ огонькомъ газоваго рожка и въ ея дверь, въ тепло, повалятъ съ корзинами озябшіе разносчики.

Я лежу, слышу, какъ кругомъ въ домѣ дышатъ спящіе люди,—самъ не могу уснуть, а на душѣ тоска, тоска, змѣя-тоска, какъ ни старо это сравненіе.

А вотъ—объясненіе тоски. Тема для тебя, тема для разсказа въ полтораста-двѣсти строкъ.

Молодой, въ красивой формѣ, инженеръ стоитъ на пароходѣ, который идетъ въ Крымъ. Гдѣ-то далеко влѣво Новороссійскъ. Возлѣ инженера—два нѣкіихъ толстопузыхъ буржуя въ крылаткахъ и спортсменскихъ фуражкахъ,—одинъ изъ нихъ показываетъ биноклемъ:

— Смотрите! Тучи плывутъ ниже горъ. Это по здѣшнимъ мѣстамъ, признакъ плохой: быть бурѣ...

— Какъ это, вѣроятно, красиво... Буря на морѣ...—Второй буржуй сантименталенъ,—глазки его сыто щурятся и улыбаются... Онъ, вѣроятно, очень любитъ мадеру и вальсы Штрауса.

— Да, красиво...—говоритъ первый,—благодарю покорно.. Пароходъ вашъ бросаетъ, какъ игрушку, тутъ же страдаютъ морской болѣзнью, каждую минуту вы можете налетѣть на что-нибудь и отправиться къ рыбамъ. Красиво,—благодарю-съ...

— А помните, у Арепскаго какъ все это прекрасно выражено? Что-то нарастаетъ, высится, басы рокочутъ, сердятся...

Буржуй въ умиленіи шевелитъ пальцами, жуетъ губами...

— Да, конечно... Но тамъ басы, а здѣсь—пароходъ... И поганый къ тому же.

Пароходъ ушелъ и хотя тучи плыли ниже горъ,—бури все таки не было. Вечеръ наступилъ свѣжій, но темный и спокойный. И создавалось такое впечатлѣніе, что бурѣ, по-настоящему, надо бы быть: тучи плыли ниже горъ, но море забыло про это и уснуло. Или притворилось, что забыло, просто не хочется ему, лѣнь рокотать, шумѣть, ходить сердитыми, наскакивающими другъ на друга валами.

Въ рубкѣ ужинали, смѣялись, играли на піанино «Клико». А инженеру,—иными словами—мнѣ, не хотѣлось опускаться внизъ, я бродилъ по площадкѣ, построенной надъ рубкой, и скучалъ. Кромѣ меня тутъ же, въ уголку, сидѣла, закутавшись въ шаль, дѣвушка, которую я видѣлъ днемъ за обѣдомъ. Если это она,—то на море смотрятъ красивые синіе глаза. Если это она,—то вѣтеръ треплетъ густые, нѣжно-каштановые, слегка вьющіеся волосы. Я, хотя и скучно, хожу засунувъ руки въ карманы пальто, и чувствую себя превосходно: за обѣдомъ была осетрина съ великолѣпно проваренымъ картофелемъ, водка была холодна и подавалась въ изящныхъ, дорогихъ графинчикахъ,—кругомъ сидѣли красивыя женщины, а упитанные буржуи, разговаривавшіе о тучахъ, были незамѣнимымъ украшеніемъ сытнаго, вкуснаго стола. Ихъ смиренныя лысины, цвѣтные жилеты, толстыя цѣпочки, розовыя щеки возбуждали аппетитъ лучше водки. Желудокъ мой благодарилъ меня и, казалось, говорилъ: «Слава тебѣ, человѣче, что ты умудрился сдѣлаться инженеромъ, умудрился получать много денегъ и доставляешь мнѣ постоянную, крайне пріятную возможность не имѣть никакого дѣла съ двѣнадцатикопѣечной колбасой, а солидно и не спѣша переваривать осетрину по-русски, англійскій бифштексъ, холодную водку и настоящее французское вино». Желудокъ счастливъ и чего еще человѣку отъ Господа Бога желать? Женщину, конечно? И женщина вотъ сидитъ: глаза ея синіе, волосы каштановые. Лѣтъ ей не больше семнадцати. Умна,—женщину такъ, вѣдь, легко узнать, даже по прическѣ: умна она или нѣтъ.

Я хожу около дѣвушки больше часа,—она не перемѣнила позы и не обращаетъ на меня никакого вниманія, какъ говорилъ одинъ профессоръ римскаго права. На морѣ—темно, на рубкѣ горитъ, болтаясь на проволокѣ, электрическая лампочка.

Мнѣ хочется увидѣть глаза дѣвушки.

Вѣроятно, они синіе, теперь потемнѣли, какъ темнѣетъ синее небо, когда тучи плывутъ ниже горъ. Можетъ быть: въ нихъ загорѣлась любовь, мечта, сказка, какъ загораются звѣзды въ грустную августовскую ночь?

Провинціальныя дѣвицы сказали бы обо мнѣ, что въ ту минуту я былъ настроенъ «поэтично». Это ощущеніе было мнѣ знакомо, такъ какъ цѣлые два учебныхъ года, въ 6 и 7 классѣ гимназіи, я писалъ стихи и, какъ извѣстно, однажды, на актѣ, удостоился за свои труды получить одобреніе его преосвященства, чѣмъ я и порадовалъ мамашу, наставниковъ и учителей.

Ходилъ, ходилъ я около этой дѣвицы, вспомнилъ, что шляпа у меня сидитъ не дурно, усы лихіе, бородка курчавая, недавно стриженная, и подумалъ: а чѣмъ я рискую?»

Я подошелъ къ ней и, стараясь казаться непринужденнымъ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста,—вы не знаете, когда мы приходимъ въ Ялту?

Отвѣтъ послѣдовалъ короткій:

— Не знаю.

«Такъ-съ»,—подумалъ я и снова, безъ всякой недобности, полюбопытствовалъ:

— Вы тоже, вѣроятно, въ первый разъ ѣдете по морю?

И опять—очень короткое и не особенно охотное:

— Да.

Почему-то мнѣ вспомнились слова романса: «И, какъ музыка на морѣ, сладокъ голосъ твой». Я улыбнулся и, немного спустя, не отходя отъ дѣвушки, пропѣлъ эти слова. Мнѣ хотѣлось, чтобы она ихъ услышала и чтобы баритонъ мой звучалъ возможно пріятнѣе и ядовитѣе. Было обидно, что пароходъ слишкомъ шипитъ и слишкомъ азартно бьетъ по водѣ чѣмъ-то тяжелымъ, громоздкимъ. Въ то же время я не безъ удовольствія мнилъ, что, вѣроятно, такія же ощущенія, которыя я переживалъ въ тотъ моментъ, переживаетъ и соловей, щелкая передъ соловьихой, когда природа требуетъ отъ него новыхъ соловейчиковъ

У меня вѣдь, какъ ты знаешь, на этотъ счетъ взгляды очень простые, провѣренные и совершенно необвѣянные тѣмъ фиміамомъ, который несется съ жертвенниковъ поэтовъ, когда они воспѣваютъ небесныя чувства, неземныя переживанія и тому подобныя, хорошо звучащія, но совершенно не существующія на землѣ вещи.

Пароходъ идетъ около берега: видны, хотя и далеко, огни,—огни города.

— Вѣроятно, курортъ какой-нибудь, говорю я вслухъ:—горятъ фонари, музыка гдѣ-нибудь въ городскомъ саду играетъ «Лѣсную сказку». Гуляютъ по набережной люди и смотрятъ на море. Нашъ пароходъ скользитъ чуть замѣтной огненной точкой. А море черно и красиво. Хочется любить, быть любимымъ. «Въ эту тихую, теплую ночь», снова спѣлъ я изъ романса и на словѣ «теплую» сдѣлалъ недурной форшлагъ.

Реплики не послѣдовало.

Исторія эта меня забавляла, на душѣ было что-то хорошее, молодецкое. Въ рубкѣ поужинали, пошли спать. Никто на площадку не поднялся, никто не мѣшалъ.

И плыли въ умѣ такія мысли: «Ну и обниму, и поцѣлую, и чортъ ее дери! Что она сдѣлаетъ? Самое большее закричитъ, дастъ по мордѣ, выругаетъ мерзавцемъ. Ну и Богъ съ ней. Пусть выругаетъ, пусть ударитъ. Въ морѣ же не выброситъ? И не умру же я отъ разрыва сердца?»

Сѣлъ около нея очень рѣшительно, запахнулся получше въ пальто, закурилъ, обдумалъ детали наступленія. А она по прежнему, опершись подбородкомъ на руку, смотрѣла куда-то вдаль. «Влюблена? Тѣмъ интереснѣе, занятнѣе»,—думалось мнѣ.

Вдругъ совершенно неожиданно, на лѣстницѣ, ведущей изъ рубки на площадку, показалась сперва голова, грудь, а потомъ и весь матросъ, коренастый, бородатый мужикъ въ кожаной курткѣ. Сердито посмотрѣлъ онъ на насъ швырнулъ внизъ какую-то веревку, и привернулъ лампочку. Сразу все кругомъ погасло и я могъ видѣть свою руку, только затянувшись папироской. Работа машинъ стала слышнѣе и отчетливѣе.

Съ сосѣдкой мало-по-малу завязался разговоръ. Оказалось, что только этой весной она окончила Екатеринодарскую гимназію и теперь ѣхала въ Одессу поступать на педагогическіе курсы. Тамъ у нея есть тетка, мамина сестра, у которой она и будетъ жить весь годъ. По окончаніи курсовъ, думаетъ перебраться въ медицинскій

институтъ въ Петербургъ. Что еще тянетъ ее въ Петербургъ, такъ это опера: до сихъ поръ она слышала только «Риголетто», да и то въ плохомъ исполненіи заѣзжихъ артистовъ, подъ рояль.

Разговоръ оживлялся,—она уже повернулась ко мнѣ, глаза ея поблескивали въ темнотѣ, а я смотрѣлъ на нее и улыбался: такъ мило, по-дѣтски, она картавила на букву *р*.

Ѣдетъ она одна, въ каютѣ не сидитъ, потому что тамъ душно и плачутъ ребята.

— Вамъ не холодно?—спросилъ я и, не дождавшись отвѣта, очень долго, совершенно безъ всякой надобности, старался подсунуть ей подъ локоть шаль. Она была безъ корсета и это свѣдѣніе только, что при закутываніи шалью добытое, казалось мнѣ очень цѣннымъ и нужнымъ. Констатировавъ сей фактъ, я какъ-то сразу потерялъ способность слушать, соображать, — покамѣстъ она перемѣнившимся тономъ сказала:

— Примите, пожалуйста, руку: мнѣ неудобно.

И я, помнится, отпустилъ, глупо ухмыльнувшись:

— А мнѣ весьма удобно...

Особенно глупо было это подчеркнутое «весьма»,—но руку, все-таки, принялъ.

Я задавалъ ей первые, приходившіе на умъ, вопросы и она говорила мнѣ о какомъ-то услужливомъ Иванѣ Иванычѣ, занимающемся астрономіей и англійскимъ языкомъ, о Екатеринодарѣ, въ которомъ новые люди заболѣваютъ лихорадкой о памятникѣ императрицѣ Екатеринѣ...

Сидѣла она, повернувшись нѣсколько спиной ко мнѣ, и я ощущалъ ея теплую, мохнатую шаль, а когда наклонялся—мягкіе скользкіе волосы. Когда она молчала, мнѣ хотѣлось охватить ее, свѣжую, молодую, невинную,—прижать къ себѣ такъ, чтобы ей сдѣлалось больно, чтобы хрустнули ея еще гибкія, молодыя кости. И въ глазахъ темнѣло, начинали дрожать пальцы и до странности, будто онъ хлопаетъ у самаго уха, становился слышенъ стукъ пароходнаго винта или колеса.

И я уже заносилъ руку на перило и думалъ:

— Ну вотъ схвачу... Ну пусть... Эка важность... Разъ, два...

Сказать: «три»—не хватало духа.

Догадываюсь, что я сильно выдавалъ себя,—такъ какъ она неожиданно встала и, не прощаясь, не сказавъ слова, скользнула внизъ.

На другой день, передъ вечеромъ, мы долго стояли у какого-то города, если не ошибаюсь,—въ Керчи.

Пароходъ близко къ берегу не подходилъ и сообщеніе съ городомъ велось на лодкахъ. И странно было смотрѣть, какъ широкія турецкія фелюги наполнялись шикарной, разодѣтой публикой... Буржуи въ англійскихъ шляпахъ, еще отъ самаго Новороссійска, сговорились купить на мѣстѣ керченскихъ сельдей, но, когда дѣло дошло до лодокъ турка-перевозчика,—струсили и своего плана въ исполненіе не привели.

Масса солнца, роскошнаго морского приволья, жизни...

День мелькнулъ скоро,—и вечеромъ мы опять сидѣли съ ней... Днемъ между нами не было сказано ни слова. Почему-то она и не обѣдала. На этотъ разъ, когда на площадкѣ остались мы одни, лампочку привернулъ уже не матросъ, а я. Опять пошли разговоры, вопросы,—она какъ-то неохотно, вяло отвѣчала, а я все думалъ, какъ бы это поумѣстнѣе спросить:

— Вамъ не холодно?

Наконецъ спросилъ и, не получивъ отвѣта, принялся поправлять шаль. Она сразу какъ-то смолкла,—очевидно, не только сообразила, но и убѣдилась, что вся

суть—далеко не въ разговорахъ. Это ее явно оскорбило и она рѣзко сказала, отвернувшись отъ меня:

— Руку примите!

— Она вамъ мѣшаетъ?

И до сихъ поръ я прямо физически ощущаю всю уйму совершенно не нужной, глупой слащавости, которую я вложилъ въ этотъ отвѣтный вопросъ. Она брезгливо дернула тѣломъ и еще повелительнѣе бросила:

— Снимите руку, я вамъ говорю!

А я подхватилъ ладонью ея подбородокъ, приблизилъ къ себѣ лицо и цѣловалъ, цѣловалъ ее... пока на руку мою капнуло что то мягкое и теплое...

Слезы... Рѣдкія, крупныя слезы...

— Я не понимаю... Я васъ первый разъ въ жизни вижу. Развѣ я вамъ дала поводъ? Вы—силенъ и пользуетесь своей силой. Пусто, одна, молъ,—кто вступится? Оскорбляй, сколько можно... Такъ вѣдь? Да? Такъ?

И она ушла внизъ...

Я хотѣлъ сказать ей: ты—хорошенькая, природа сообразила, что отъ насъ съ тобой пойдетъ красивое, здоровое потомство, и толкаетъ меня къ тебѣ, а тебя ко мнѣ. И это очень естественно, и понятно, и такъ должно быть. А что ты плачешь и думаешь, что тебя оскорбили,—такъ это чепуха, которую, какъ оспу, привили тебѣ для того, чтобы сильнѣе и вѣрнѣе надѣть на тебя проклятыя оковы проклятой жизни... Бей ихъ, рви,—но не плачь о нихъ!

Она ушла, я ничего не сказалъ, а посидѣлъ немного, закурилъ, сладко потянулся и пропѣлъ:

— И какъ музыка на морѣ сладокъ голосъ твой...

Въ ея протестѣ я усмотрѣлъ много искренности, но искренности дѣланной, напѣтой, легко разрушимой. И стало мнѣ очень весело, почувствовалось какъ-то особенно ощутительно,—здоровье, 28 лѣтъ, еще очень далекая смерть, жизнь, которую можно сдѣлать легкой и пріятной.

Въ яркой рубкѣ играли все тотъ же Клико, звенѣли рюмками, смѣялись, играли въ карты. Я спустился туда и, сидя въ поворачивающемся креслѣ, долго пилъ ликеръ изъ изящной продолговатой рюмочки, подтягивалъ «Клико» и улыбался женщинамъ.

А весь слѣдующій день слѣдилъ за ней.

Все время, совершенно игнорируя меня, она гуляла и сидѣла съ необыкновенно-длинноносой полькой,—про которую я зналъ откуда-то, что она владѣетъ почти всѣми европейскими языками и въ настоящее время изучаетъ еще и шведскій. Она явно нервничала, думала не о томъ, что говорила, а когда проходила мимо меня—демонстративно отворачивалась.

— Ладно,—думалъ я,—отворачивайся... А вечеромъ будешь на площадкѣ...

Я разсматривалъ открытки, а торговецъ, молодой парень безъ лѣваго уха, иногда наклонялся ко мнѣ и тихонько говорилъ, что вечеромъ онъ покажетъ мнѣ хорошія, т. е. порнографическія, «по особому заказу»...

Часовъ около 9,—полька, которая, видимо, обладала не только лингвистическими способностями, но и значительной дозой добродѣтели,—отужинала и пошла спать. По крайней мѣрѣ, моя новая знакомая сидѣла на своемъ излюбленномъ мѣстѣ одна и я, гуляя по палубѣ, видѣлъ ея почти еще дѣтскія ножки, обутыя въ сѣрыя, лѣтнія туфли. Я вспомнилъ, что еще не знаю, какъ ее зовутъ,—наскоро надѣлъ пальто, взбѣжалъ по лѣстницѣ и опять:

— Вамъ не холодно?

И на умѣ снова—музыка на морѣ...

Молчитъ, смотритъ въ море, сердится.

— Не отвѣчаете? Ну, и не надо... Я и самъ вижу, что вамъ холодно... Шаль вотъ та-акъ... Сюда... А это вотъ сюда... Сами вотъ такъ сядьте... Ну, во-тъ, и отлично... И холодно не будетъ... Правда? Теперь не будетъ холодно?

Я прижалъ ее къ себѣ, крѣпко охватилъ рукой за талію, а она молча и робко, какъ загипнотизированная, повиновалась. И только слышно было, какъ дышала она, часто и громко...

Ясно было, что ее тянуло ко мнѣ такъ же, какъ и меня—къ ней. Мои усы, волосы были на высотѣ своего назначенія.

Я опять цѣловалъ ее, разстегнулъ гдѣ-то на боку кнопки кофточки. Она не сопротивлялась, но иногда вздрагивала,—не то вообще отъ прикосновенія, не то пальцы мои были холодны... Ясно было, что все это съ ней случилось впервые,—и я первый, такъ сказать, нарушилъ ея покой,—и потому она казалась мнѣ такой близкою, такъ ея душа сцѣпилась съ моей душой, съ моей жизнью, что я готовъ былъ все отдать за нее... Она страдала, но не сопротивлялась, и это отсутствіе почти оправдываемаго въ такихъ случаяхъ жеманства меня прямо радовало.

Я никогда раньше не бывалъ въ Одессѣ, но зналъ, что тамъ гдѣ-то, надъ моремъ, есть памятникъ Пушкину. И вотъ, когда кончилась ночь и ночная тьма таяла передъ солнцемъ, которое восходило, расписываясь по оживающей водѣ брилліантовыми брызгами лучей,—мы разошлись и я на прощанье шепталъ ей:

— Въ два часа будетъ Одесса. Узнай, гдѣ памятникъ Пушкина, и приходи туда сегодня же, въ 8 часовъ вечера. Ладно?

— Сегодня не могу... Только что пріѣхала, еще не осмотрѣлась... Что подумаетъ тетка?

— А тетка тамъ, тетка!.. Какая-нибудь эссенція, а не тетка..

— Не могу...

— Ну, завтра... Хорошо? Завтра придешь?

Молчитъ, смотритъ внизъ, не моргаетъ...

— Ну-съ, молчаніе—знакъ согласія,—говорю я, и, полный какой-то особой, пріятно ощущающейся силы, иду внизъ, провожаю ее до каюты, а потомъ у себя медленно раздѣваюсь, ложусь и сразу засыпаю. И снится мнѣ фейерверкъ, лодки, пляшущіе попы...

Цѣлый день бродилъ я по городу, а вечеромъ сидѣлъ въ ресторанѣ около лѣстницы къ морю Никто изъ этой шумной толпы не зналъ меня, и это было очень пріятно. И думалъ я, что вотъ пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ и восемь десятыхъ этихъ людей будутъ гнить въ могилахъ, а теперь уже гдѣ-нибудь растутъ и покачиваются отъ вѣтра молодыя березки или дубки,—будущіе ихъ гробы. А потомъ ходилъ около пушкинскаго памятника и шепталъ:

— А вотъ на этой скамеечкѣ буду завтра ждать ее.—И боялся, какъ бы скамеечка не оказалась занятой.

На другой день она пришла робкая, съ умоляющими глазами, и была на ней какая-то безконечно милая плюшевая кофточка. Мы сѣли гдѣ-то около Думы, откуда были видны огни и море,—и когда я опять цѣловалъ ее, то долго не могъ найти дрожащими руками, гдѣ разстегивается кофточка. Оказалось, что пуговицы на спинѣ. Я сердился и просилъ, чтобы завтра она не надѣвала этой странной кофточки. Удивительное дѣло! Она почти ничего ни говорила, на меня почти не смотрѣла, глядѣла куда-то вдаль на черное море, на огни,—и я чувствовалъ, что каждую минуту

каждую секунду она ждетъ чего-то, ждетъ упорно, настойчиво... И это выяснилось въ послѣдній вечеръ. На другой день мнѣ нужно было уѣзжать въ Кіевъ. И тутъ только я вспомнилъ, что не знаю ея имени ..

Мы шли съ ней ночью, по какимъ-то незнакомымъ улицамъ, мимо запертыхъ лавочекъ... Молчали.

А какъ зовутъ тебя? — спросилъ я, неловко чувствуя запоздалость этого вопроса.

И вотъ тутъ-то она улыбнулась.

— Какъ же зовутъ тебя?—повторилъ я.

— Какъ зовутъ? А зачѣмъ вамъ? Это для васъ не интересно,—отвѣтила она, ударивъ на «*это*».—Прощайте... Прощайте...

Передъ мной была маленькая, плохо освѣщенная уличка, до которой она позволяла провожать себя и въ которую она ускользала какъ видѣнье...

Значитъ я никогда больше не увижу ея. Значитъ, это въ послѣдній разъ мелькаетъ вонъ ея изящная фигурка? И тутъ для меня стало совершенно ясно, что это невозможно, нелѣпо, дико... Тревога охватила меня... Я бросился за ней.

— Постой!—крикнулъ я и около какого-то деревяннаго забора, надъ которымъ висѣли пыльныя, отцвѣтающія вѣтви, догналъ ее и схватилъ за руку:—постой же! А какъ твое имя, фамилія? Я же писать буду тебѣ! Мы должны съ тобой видѣться... Я люблю тебя!

Она скользнула по мнѣ лукавымъ взглядомъ...

— Вэ Дэ, до востребованія!..

Вырвалась и побѣжала отъ меня и я видѣлъ, какъ она, не обернувшись, завернула за первый уголъ.

Я стоялъ, ничего не соображая... За заборомъ тихо разговаривали, гдѣ-то,—вѣроятно, у моря—играла духовая музыка... Чувствовался одинъ изъ послѣднихъ теплыхъ вечеровъ южной осени...

Я опять бросился за ней и, не видя ея, кричалъ:

— Я не уѣду завтра! Приходи туда же, къ Пушкину! Приходи! Слышишь? Приходи! Милая! Мнѣ нужно... Вѣра!

Передъ мной выросло что-то раздраженно-геморроидальное...

— Позвольте, господинъ! Нельзя же на живыхъ людей бросаться! Видите,—тутъ идутъ... съ дамой. Надо же приличіе понимать?

Ее зовутъ Вѣрой,—это несомнѣнно, это такъ дополняетъ глаза, фигуру...

Всю ночь я не спалъ и уже въ шесть часовъ, вечеромъ, былъ около памятника. Какъ похоронныя дроги,—тащилось время... Половина седьмого, семь... Восемь... Народъ, электрическій свѣтъ, курчавые бронзовые волосы Пушкина... Она не пришла... Прошло и девять... Значитъ, не придетъ... Ясно. Въ гостинницѣ я спросилъ себѣ второй счетъ и въ часъ уѣхалъ.

И съ дороги, почти съ каждой станціи, гдѣ есть книжный шкафъ,—и теперь, два раза въ недѣлю,—я шлю письма въ Одессу. В. Д. до востребованія. и аккуратно, разъ въ мѣсяцъ, получаю одинъ и тотъ же, никогда не помѣченный числомъ, отвѣтъ:

— Да, я вѣрю... Я вѣрю, что ты хочешь меня видѣть... но не вѣрю, что ты любишь меня... Ты слишкомъ увѣренъ въ себя, дорогой мой... А любовь нужно пострадать... Надо было смотрѣть на тебя, въ твои глаза, когда ты цѣловалъ меня... Вѣдь они, глаза твои, удивлялись и говорили: «Вотъ сокровище! И не сопротивляется... Стрѣляная птица, знать»... А женщину, которая не сопротивлялась,—полюбить уже нельзя,—я знаю. А меня тянуло къ тебѣ, и тянетъ... И ты, быть можетъ моя первая и послѣдняя любовь... Я увидѣла тебя такъ въ первый разъ: въ бѣлой шляпѣ,

высокій,—ты идешь за матросомъ, который съ пристани несетъ твои вещи на пароходъ... Ты что-то говоришь ему и смѣешься. И тогда уже что-то вошло въ меня, новое, яркое... Оно живетъ во мнѣ—и сейчасъ, еще сильнѣй,—и сдерживать его мнѣ стоитъ дорого,—очень дорого... Ну, а теперь прощай. Я не вѣрю тебѣ. Можетъ, когда и увидимся. Пищи В. Д. До востребованія...

Я два раза ѣздилъ въ Одессу, справлялся на всѣхъ курсахъ, и ни одного имени съ этими иниціалами не нашелъ. По недѣлямъ, и въ зной и въ дождь, я бродилъ по улицамъ въ надеждѣ встрѣтить ее,—и не встрѣчалъ. Можетъ быть, она и не въ Одессѣ. На ея письмахъ всегда стоитъ одинаковый штемпель: «почтовый вагонъ».

И вотъ теперь я знаю, что такое тоска...

Чувствую, что поколебались и мои строгія, опредѣленныя убѣжденія на счетъ отношеній половъ...

Иногда бываетъ, а въ послѣднее время, и часто,—она перестаетъ отвѣчать мнѣ. Тогда я помѣщаю въ газетахъ объявленія и пишу въ нихъ крупнымъ шрифтомъ:

— Люблю тебя. Прости. Возвратись ко мнѣ, моя милая, моя единственная.

И только много времени спустя приходятъ письма, написанныя дѣтскимъ, неустановившимся почеркомъ,—и я выучиваю ихъ наизусть.

А муки ревности... Одно предположеніе, что она можетъ встрѣтить и полюбить...

Тоска...

Напиши о ней,—вѣдь тебѣ нужно сочинить полтораста строкъ. Пойми меня. Можетъ, она прочтетъ, убѣдится, что я люблю ее, что она одна для меня въ цѣломъ мірѣ, что я умру, если не увижу ея... Ахъ, какія это старыя, раньше не замѣчаемыя, слова. Напиши про безсонныя ночи, про долгія зимнія ночи. Напишешь, да?

И. Сургучевъ.

Романсъ.

На груди твоей трепещутъ распустившіяся розы
А на нихъ росинки утра—бриліантовыя слезы.
Вѣетъ жизнью ароматной отъ твоей фигуры стройной,
Жизнью дѣвственной и чистой, силой гордой и спокойной.
И родна ты мнѣ, какъ небо. Какъ гранита-исполина
Въ бѣлоснѣжномъ одѣяньи недоступная вершина.
Ты прошла весеннимъ утромъ. Я вослѣдъ молился нѣжно.
Для меня ли эту розу обронила ты небрежно?
Я тоскую. Я цѣлую лепестки упавшей розы.
А на нихъ дрожатъ и блещутъ бриліантовыя слезы.

Дмитрій Цензоръ.

ПРОЦЕССІЯ СИЦИЛІЙСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ ВЪ МЕССИНѢ.

Оскаръ Уайльдъ.

Исчезновеніе лжи.

Разговоръ объ искусствѣ. Дѣйствующія лица: Кириллъ и Вивіанъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревенской библіотекѣ.

Кириллъ. (Входя черезъ стеклянныя двери съ насыпи). Милый Вивіанъ, ты все сидишь въ библіотекѣ! Такой чудный день! Воздухъ упоителенъ. Лѣсъ одѣлся въ пурпурную мглу, словно созрѣвшая слива покрылась пахучей пылинкой. Пойдемъ растянемся на травкѣ, закуримъ и будемъ восхищаться природой.

Вивіанъ. Восхищаться природой! Я крайне доволенъ, что совершенно отдѣлался отъ этой способности. Говорятъ, что искусство увеличиваетъ нашу любовь къ природѣ, что открываетъ намъ ея тайны и что послѣ тщательнаго изученія Коро и Констэбля мы замѣчаемъ въ ней подробности, которыя раньше ускользнули отъ нашего взгляда. Однако, что касается меня, то я пришелъ къ совершенно противоположному выводу: чѣмъ больше мы изучаемъ искусство, тѣмъ меньше насъ интересуетъ природа. Искусство намъ показываетъ полное отсутствіе опредѣленной цѣли въ природѣ, ея изумительную хрупкость, страшную монотонность, абсолютную половинчатость и недостатокъ отдѣлки. Природа, дѣйствительно, имѣетъ хорошія намѣренія, но—какъ когда-то сказалъ Аристотель—она не въ силахъ привести ихъ въ исполненіе. Когда я смотрю на ландшафтъ, я тотчасъ замѣчаю всѣ его недостатки. Но мы должны быть довольны, что природа не-совершенна, потому что въ противномъ случаѣ у насъ не было бы искусства. Искусство является нашимъ пламеннымъ протестомъ, рыцарской попыткой привести природу къ ея естественнымъ границамъ. Что же касается этого нескончаемаго разнообразія въ природѣ, то это по-просту миѳъ. Этого разнообразія не существуетъ. Оно вытекаетъ изъ ума, соображенія и артистической слѣпоты наблюдающаго.

Кириллъ. Согласенъ, пусть будетъ такъ. Но ты вѣдь не обязанъ смотрѣть на ландшафтъ, ты можешь спокойно лежать на травѣ, курить, болтать.

Вивіанъ. Но чѣмъ я виноватъ, что эта природа неудобна. Трава тверда, неровна и влажна, кромѣ того въ ней копошатся отвратительныя насѣкомыя. Самый скверный ремесленникъ Морриса сдѣлаетъ тебѣ сидѣніе гораздо лучше, чѣмъ вся эта восхитительная природа. Она является анахронизмомъ въ сравненіи съ устроенными квартирами на улицѣ, „которая взяла себѣ имя у Оксфорда“—какъ говоритъ

твой любимый поэтъ. Тѣмъ не менѣе я не жалуюсь. Если бы природа была болѣе удобной, люди не придумали бы архитектуры, а я предпочитаю сидѣть въ квартирѣ, чѣмъ на вольномъ воздухѣ. Въ квартирѣ мы имѣемъ великолѣпное доказательство симметріи. Все находится въ зависимости отъ насъ, все приспособлено для нашего пользованія и удовольствія. Даже эгоизмъ, столь необходимый для чувства человѣческаго достоинства, является слѣдствіемъ домашней жизни. Внѣ дома человѣкъ превращаетея въ существо отвлеченное и безличное; онъ теряетъ свою индивидуальность, а природа ко всему этому относится равнодушно и безразлично. Сколько бы разъ я ни гулялъ по саду, я чувствую, что для природы я не важнѣе звѣря, который пасется на покатости, или цвѣтка, растущаго во рву. Природа ненавидитъ духъ—это ясно. Нѣтъ ничего вреднѣе мышленія, и люди умираютъ отъ него, какъ и отъ всякой другой болѣзни. Къ счастью болѣзнь эта не заразительна, по крайней мѣрѣ въ Англіи. Нашимъ великолѣпнымъ здоровьемъ мы обязаны народной глупости. И я надѣюсь, что мы сумѣемъ долго удержать ту великую историческую крѣпость нашего благополучія, хотя съ другой стороны я опасаюсь надвигающагося перевоспитанія; вѣдь теперь всякій, кто не въ состояніи учиться, принимается обучать другихъ. Это—единственный результатъ нашего энтузіазма къ знанію.—А пока ты вернись къ своей скучной, томительной природѣ, а я просмотрю корректуру.

Кириллъ. Ты пишешь статью? Содержаніемъ для нея, вѣроятно, послужилъ тотъ рѣзкій выводъ, о которомъ ты только что-распространялся.

Вивіанъ. А кто нуждается въ этомъ выводѣ? Быть можетъ, только филистеры и доктринеры, скучныя существа, которыя приводятъ свои убѣжденія къ рѣзкимъ парадоксамъ даже въ томъ случаѣ, если они благодаря этому пришли къ абсурду. Я въ немъ совершенно не нуждаюсь! Подобно Эмерсону, который написалъ на дверяхъ своей библіотеки: „капризъ“. Впрочемъ, моя статья содержитъ очень цѣнное и спасительное предостереженіе; если обратятъ на нее вниманіе, она можетъ создать новую эпоху ренессанса въ искусствѣ.

Кириллъ. О чемъ ты въ ней говоришь?

Вивіанъ. Я хочу ее озаглавить: Исчезновеніе лжи—протестъ.

Кириллъ. Лжи? Я полагалъ, что наши политики заботятся, чтобы она не исчезла.

Вивіанъ. А я тебя увѣряю, что это совершенно не такъ. Они никогда не возвышаются надъ уровнемъ сквернаго перевертыванья фактовъ на изнанку, при чемъ входятъ въ скучныя доказательства, объясненія и изслѣдованія. А гдѣ мѣсто истиннаго лгуна, который заявляетъ слѣпо и откровенно съ гордымъ чувствомъ неотвѣтственности и здравымъ естественнымъ отвращеніемъ для всякаго рода доказательствъ! Что составляетъ сущность красивой лжи? То обстоятельство, что она сама даетъ возможность понять ее. Если кто-нибудь обладаетъ столь мизерной фантазіей, что онъ долженъ поддерживать свою ложь доказательствами,—пусть въ такомъ случаѣ сразу говоритъ правду. Нѣтъ, политики для этой цѣли непригодны. Скорѣе уже сюда подходятъ суды. Мантія софистики досталась въ удѣлъ представителямъ этихъ учрежденій. Ихъ искусственный пылъ и пустая риторика — восхитительны. Они обладаютъ способностью выставлять хорошія дѣла за скверныя, словно только что вышли изъ школы Горгія; они могутъ даже такъ подѣйствовать на снисходительныхъ судей, что тѣ выносятъ увольнительные приговоры ихъ кліентамъ, хотя бы эти послѣдніе, какъ часто это бываетъ, были абсолютно виновны. Но ихъ стѣсняетъ проза занятія, и по тому, несмотря на ихъ упорныя усилія, правда выходитъ побѣдительницей. Даже журналы находятся уже въ области дегенератства. За послѣднее время мы имъ можемъ вполнѣ довѣрять. Я вообще сомнѣваюсь, можно ли что нибудь сказать въ пользу журналистовъ и юристовъ. Впрочемъ, я вѣдь только защищаю ложь въ плоскости искусства. Прочесть ли тебѣ то, что я написалъ? Это тебѣ можетъ пригодиться.

Кириллъ. Съ удовольствіемъ, только дай пожалуйста папиросу. Благодарю Для какого журнала предназначена эта статья?

Вивіанъ. Для Retrospective Rewiew. Я тебѣ, кажется, уже говорилъ, что онъ воскрешенъ избранными.

Кириллъ. Кого же ты подразумѣваешь подъ словомъ „избранными“?

Вивіанъ. Конечно—утомленныхъ гедонистовъ. Это—клубъ, къ которому и я принадлежу. Мы должны въ петлицахъ носить увядшія розы и поддерживать культъ

въ честь императора Домиціана. Врядъ ли тебя туда примутъ. Ты слишкомъ неразборчивъ въ своихъ удовольствіяхъ.

Кириллъ. Вѣроятнѣе всего меня бы исключили вслѣдствіе аниманьныхъ порывовъ.

Вивіанъ. Кажется. Да кромѣ того ты ужъ слишкомъ старъ. Людей извѣстнаго возраста мы не принимаемъ.

Кириллъ. Согласенъ. Однако я полагаю, что вы порядочно надоѣдаете другъ другу

Вивіанъ. Это правда. Но этимъ мы преслѣдуемъ одну изъ задачъ нашего клуба. А теперь, если ты обѣщаешь не прерывать меня слишкомъ часто во время чтенія, я тебѣ прочту статью.

Кириллъ. Я весь обращаюсь въ слухъ.

Вивіанъ (читая очень звучнымъ, выразительнымъ голосомъ). Исчезновеніе лжи: протестъ.—Одной изъ главныхъ причинъ, которыми можно объяснить изумительную банальность нашей современной литературы, является безъ сомнѣнія исчезновеніе лжи, какъ искусства, науки и удовольствія. Древніе историки передаютъ намъ свои причудливые умыслы, какъ факты,—современный же писатель скучную дѣйствительность покрываетъ одеждой фантазіи. „Голубая книга“ все болѣе и болѣе является для нихъ образцомъ, какъ метода, такъ и слога. Она собираетъ скучные document humains, ищетъ плохого coin de la création и разсматриваетъ ихъ подъ микроскопомъ. Въ Librairie Nationale, въ Britich Museum она, не краснѣя, собираетъ мелочи. Она даже не имѣетъ смѣлости сослаться на мнѣнія другихъ, она чувствуетъ обязанность все черпать непосредственно изъ жизни; и наконецъ теряется между энциклопедіей и прожитой личною жизнью, создаетъ типы изъ семейнаго круга или изъ лачуги прачки, не будучи въ силахъ, даже въ самыхъ возвышенныхъ минутахъ, отбросить баластъ могущаго принести пользу матеріала. Отрицательные результаты этого ложнаго идеала для современной литературы неисчислимы. Въ безсмыслицѣ привыкли говорить о „лгунѣ отъ рожденія“, какъ говорятъ о „поэтѣ отъ рожденія“. Въ томъ и другомъ случаѣ неправильно. Какъ ложь, такъ и поэзія—искусство, искусство объ единокровномъ характерѣ, какъ сказалъ Платонъ и требуетъ добросовѣстныхъ занятій и безкорыстной преданности, потому что они имѣютъ свою собственную технику, какъ и болѣе реальныя искусства, живопись и скульптура свою собственную субтильную тайну формы и красокъ, свои уловки и собственный артистическій методъ.

Какъ поэта мы узнаемъ по его субтильной мелодіи слова, такъ и лгуна—по ритмическому богатству выраженія,—но для обоихъ не является достаточнымъ одно случайное вдохновеніе. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь упражненія усовершенствуютъ. Въ настоящее время, когда занятіе поэзіей распространилось настолько, что стоило бы ему противодѣйствовать, ложь почти исчезла. Не одинъ молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь съ естественнымъ порывомъ къ преувеличенію, порывомъ, который усиливается благодаря вліянію окружающей среды, формируется на лучшихъ образцахъ, могъ бы создать дѣйствительно нѣчто великое и восхитительное. Но, живя по правиламъ, такой человѣкъ мельчаетъ. Онъ или впадаетъ въ пошлость непріятнаго скряжничества...

Кириллъ. Однако, мой милый!..

Вивіанъ. Прошу не прерывать меня... Вотъ... или впадаетъ въ пошлость непріятнаго скряжничества или же начинаетъ вступать въ сношенія со старшими, хорошо освѣдомленными. То и другое скверно вліяетъ на его фантазію—какъ и вообще на всякую фантазію—и онъ начинаетъ питать упорную и болѣзненную склонность къ правдѣ; онъ изслѣдуетъ каждое слово, произнесенное въ его присутствіи, противорѣчитъ постоянно младшимъ и, наконецъ, кончаетъ на составленіи повѣстей, которыя такъ похожи на жизнь, что невѣроятно ихъ считать возможными. И этотъ примѣръ не представляетъ исключенія; и если что-нибудь не укротитъ, а по крайней мѣрѣ не ослабитъ нашей любви къ фактамъ, то искусство въ ближайшемъ будущемъ должно будетъ полинять, а красота исчезнетъ совершенно.

Даже у Роберта Стефенсона, восхитительнаго маэстро фантастической прозы, мы замѣчаемъ слѣды этого новаго выступленія, — ибо мы не умѣемъ назвать это иначе. Стараясь создать истинно-правдивую исторію, онъ въ дѣйствительности лишаетъ ее фактической истины; и кромѣ того The blac Arrow настолько не артисти-

ченъ, что не можетъ гордиться ни однимъ анахронизмомъ. А Рейдеръ Хаггардъ, который дѣйствительно имѣетъ, по крайней мѣрѣ имѣлъ когда-то, данныя быть великимъ лгуномъ, такъ боится осужденія за геніальность, что, разсказывая намъ что-нибудь чудесное, онъ чувствуетъ себя обязаннымъ изобрѣсти личное мнѣніе, которое помѣщаетъ въ примѣчаніи, въ качествѣ трусливаго подтвержденія того, что онъ разсказываетъ. И другіе писатели не многимъ отъ нихъ отстаютъ. Henry James считаетъ, какъ видно, описывать фантастическое непріятной обязанностью и ради скучныхъ сюжетовъ и недоступныхъ „точекъ зрѣнія“ портитъ свой чудный научный слогъ, великолѣпную и ѣдкую сатиру.—Hall Caine безъ сомнѣнія старается быть талантливымъ; но онъ такъ кричитъ, что трудно услышать, о чемъ собственно говоритъ.—James Payn является виртуозомъ скрывать въ искусствѣ то, что, говоря откровенно, недостойно нахожденія. Съ пыломъ агента тайной полиціи онъ выслѣживаетъ то, что всѣмъ давно уже извѣстно. По мѣрѣ чтенія тревожное колебаніе автора становится даже непріятнымъ. Солнечныя лошади Williama Blacka не имѣютъ силы подняться къ солнцу. Онѣ только устрашаютъ вечернее небо ужасной оргіей красокъ. Oliphant мило болтаетъ о князьяхъ, lawn-tennis'ахъ, домашнемъ обиходѣ и другихъ научныхъ вещахъ. Marion Crawford положилъ отъ себя на алтарь жертву въ видѣ мѣстнаго колорита. Онъ напоминаетъ ту женщину изъ французской комедіи, которая постоянно поетъ о le beau ciel d'Italie. Онъ пріобрѣлъ способность провозглашать гнуснымъ образомъ нравственныя тенденціи и всегда насъ увѣряетъ, что добро является добромъ, а зло—зломъ; по временамъ его дѣятельность становится даже созидательной. Дѣйствительно, подобныя сочиненія возможны только въ Англіи. Англія—родина безсмыслицы. Что же касается съ каждымъ днемъ увеличивающейся школы писателей повѣстей и романовъ, которымъ свѣтитъ солнце East Endu, то о нихъ можно сказать только одно: они берутъ строгую жизнь и смѣшиваютъ ее съ грязью.

Во Франціи дѣло обстоитъ не лучше, хотя столь ужасно-скучной вещи, какъ Robert Elsmere, тамъ не создано. Гюи-де-Мопассанъ своей горькой, ѣдкой ироніей и твердымъ живымъ слогомъ обнажаетъ жизнь изъ-подъ покрывающихъ ее лохмотьевъ, показывая ея гноящіяся раны и струпья Онъ создаетъ страшныя трагедіи, въ которыхъ выступаютъ только смѣшныя фигуры, и горькія комедіи, которыя вмѣсто смѣха вызываютъ слезы. Золя, вѣрный своей высокопарной тирадѣ: L'homme de genie n'a jamais d'esprit, рѣшилъ доказать намъ, что, не будучи геніемъ, онъ тѣмъ не менѣе можетъ быть скучнымъ. И какъ великолѣпно ему это удается! Съ этической точки зрѣнія его нельзя ни въ чемъ упрекнуть. Онъ строго придерживается правды, и его описанія во всемъ сходятся съ жизнью. Что же еще требовать отъ моралиста. Мнѣ совершенно непонятенъ тотъ нравственный гнѣвъ, съ которымъ обрушиваются на Золя. Это по-просту гнѣвъ ханжи, съ котораго сорвали маску. Но въ области искусствъ, что можно сказать въ пользу автора такихъ произведеній, какъ L'Assomoir, Nana и Pot-Bouille? Ничего рѣшительно. Рескинъ когда-то сравнивалъ типы повѣстей Георга Эліота съ пассажирами тарантаса, а по моему мнѣнію герои въ романахъ Золя будутъ почище. Авторъ превратилъ ихъ въ скучные пороки и еще болѣе ужасныя добродѣтели. И вообще вся ихъ жизнь насъ совершенно не интересуетъ. Кто сочувствуетъ ихъ участи? Отъ литературы мы требуемъ отличности, звучности, красоты и творческой силы. Мы не хотимъ непріятныхъ и проникнутыхъ отвращеніемъ описаній изъ жизни низшихъ слоевъ. Я предпочитаю Додэ. Онъ обладаетъ остроуміемъ и занимательнымъ слогомъ. Но въ послѣднее время совершилъ литературное самоубійство Кого можемъ еще интересовать Delobelle со своимъ: Il faut lutter pour l'art, или Va'majour съ нескончаемымъ соловьинымъ рефреномъ, или же, наконецъ, поэтъ изъ Iackor, бросающій свои mots cruels; кого они могутъ еще интересовать, когда vingt ans de ma vie litteraire измѣнили міру тѣмъ, что всѣ эти типы взяты изъ жизни? Для насъ по крайней мѣрѣ они потеряли всю свою живительную силу и тѣ малочисленныя достоинства, которыми обладали прежде. Единственно правдивы—тѣ герои, которые никогда не существовали; если же писатель уже опустился настолько, что долженъ брать дѣйствующихъ лицъ для своихъ произведеній изъ жизни, то пусть по крайней мѣрѣ придаетъ имъ характеръ творческой фантазіи, а не кичится тѣмъ, что даетъ намъ копіи. Что же касается Поля Бурже, маэстро психологическаго романа, то онъ находится подъ вліяніемъ непріятной иллюзіи, что современныхъ мужчинъ и женщинъ

можно проанализировать до мельчайшихъ подробностей. А между тѣмъ у людей хорошаго общества—Бурже очень рѣдко оставляетъ Faubourg St. Germain, развѣ только въ томъ случаѣ, когда ѣдетъ въ Лондонъ—ну вотъ у людей хорошаго общества единственно интереснымъ является та маска, которую каждый изъ нихъ носитъ, а не дѣйствительность, скрытая подъ маской. Это—печальное явленіе, но мы всѣ изъ одного и того же матеріала. Въ Фальстафѣ мы находимъ много Гамлетовскаго и обратно. Средневѣковый рыцарь подвергается припадкамъ меланхоліи, а надъ молодымъ властвуютъ приступы грубаго настроенія. Примѣты, которыя насъ раздѣляютъ, случайны: онѣ находятся въ зависимости отъ разнообразія костюма, способовъ обращенія, звука голоса, религіи, наружности, привычекъ и т. д. Чѣмъ больше анализируютъ людей, тѣмъ скорѣе анализъ оказывается излишнимъ. Но рано или поздно доходятъ однако, до этого ужаснаго уродства, которое называется человѣческой природой. Дѣйствительно, кто только имѣлъ сношенія съ бѣдняками, тотъ знаетъ хорошо, что человѣческое милосердіе является не столько поэтической, сколько унизительной и непріятной дѣйствительностью; если писатель хочетъ во что бы то ни стало анализировать слои населенія, то пусть уже лучше говоритъ о дѣвушкахъ, продающихъ спички, и объ уличныхъ торговцахъ. Но, милый Кириллъ, я не буду много распространяться объ этомъ. Я согласенъ, что современные римляне имѣютъ и хорошія стороны, хотя тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ они невозможны для чтенія.

Кириллъ. Твои взгляды интересны, хотя, мнѣ кажется, не всегда вѣрны. Быть можетъ потому, что я люблю и Deemster'a, и The daugther of Heth, и Le Disciple, Mr. Isaac a Robert'омъ Elsmer'омъ даже восхищаюсь, хотя и не считаю его серьезнымъ. Когда онъ разрѣшаетъ вопросы, волнующіе умы глубокомысленныхъ христіанъ, онъ смѣшонъ и старъ. Это по-просту Literature and Dogma Арнольда безъ примѣси литературы. Онъ остается позади своего времени, точно такъ же, какъ Evidence Paley'a и система Colenson'a о происхожденіи библіи. И столь же незавидную роль играетъ несчастный рыцарь, торжественно возвѣщающій о заутренѣ, которая давно уже прошла, и настолько не понимающій ея истиннаго значенія, что согласенъ оставить безъ вниманія прежнее положеніе вещей, если только будетъ фигурировать подъ новымъ именемъ. Но несмотря на это романъ содержитъ нѣсколько интересныхъ каррикатуръ и много великолѣпныхъ цитатъ, а греческая философія по временамъ ослашаетъ горькую пилюлю фантазіи автора. Я выражаю свое изумленіе, что ты не вспомнилъ двухъ писателей, которыхъ постоянно читаешь: Бальзака и Мередита. Они, кажется, оба—реалисты.

Вивіанъ. Мередитъ! Кто сумѣетъ его охарактеризовать? Его слогъ—это хаосъ, который пронизали молніи. Какъ писатель, онъ завоевалъ все, кромѣ языка; какъ авторъ романовъ, онъ все умѣетъ—только не разсказывать, а какъ артистъ, онъ обладаетъ всѣми достоинствами, кромѣ ясности. Кто-то у Шекспира,—кажется, что Touchston—говоритъ о человѣкѣ, который разбиваетъ свои члены собственнымъ остроуміемъ; и я полагаю, что такимъ же образомъ можно охарактеризовать методъ Мередита. Но какъ бы то ни было онъ—не реалистъ, въ крайнемъ случаѣ, я назвалъ бы его ребенкомъ реализма, который очень поверхностно знаетъ своего родителя. По собственному выбору онъ сдѣлался романистомъ. Онъ не хотѣлъ унизиться фетишизмомъ, и хотя его ясное мышленіе не взбунтовалось противъ крикливаго реализма, его слогъ далъ ему возможность удержать жизнь въ надлежащемъ разстояніи. Благодаря слогу онъ окружилъ свой садъ терновымъ заборомъ, который покрытъ пурпуромъ великолѣпныхъ розъ.

У Бальзака же страннымъ образомъ сочетается артистическій темпераментъ съ научнымъ духомъ. Послѣдній онъ заповѣдалъ своимъ ученикамъ, а первый остался его исключительной собственностью. Разница, которая является между L'Assimois Золя и Бальзаковскими Illusions Perdues есть именно разница между мертвымъ реализмомъ и творческой дѣйствительностью. „Всѣ типы Бальзака,—говоритъ Бодлеръ—дышатъ тѣмъ же самымъ жизненнымъ пыломъ, которымъ былъ проникнутъ ихъ создатель. Всѣ его вымыслы носятъ характеръ сновъ. Каждый, его герой, это оружіе, надѣленное волей побѣдителя. Самый слабый индивидуумъ обладаетъ геніальностью".

(*Продолженіе въ слѣдующемъ №*).

Забастовки.

Переводъ съ французскаго. Соч. Эрнеста Лау *).

По заглавію этой статьи видно, что мы будемъ говорить о злобѣ настоящаго времени—о забастовкахъ.

Онѣ разнообразны: бываютъ забастовки моряковъ, лишающія мирныхъ гражданъ возможности отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ многихъ мѣсяцевъ труда. Забастовки бываютъ и какъ слѣдствіе союзовъ рабочихъ, къ несчастію послѣднихъ, конечно, такъ какъ тиранія синдикатовъ очень часто доводитъ до нищеты добросовѣстныхъ тружениковъ, желающихъ спокойно зарабатывать содержаніе себѣ и семьѣ. Мы коснемся именно послѣднихъ забастовокъ. Вражда между капиталомъ и трудомъ и смуты, которыя отъ этого происходятъ, никогда не были такъ часты, какъ въ настоящее время. Къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе благопріятнаго случая очертить историческое значеніе соціальнаго раздора, называемаго забастовкой.

Забастовка! Слово новое, но дѣйствіе очень древнее. Существуетъ оно съ тѣхъ поръ, какъ появились хозяева и рабочіе. Зачинщики не выдумали забастовку, какъ Герве не создалъ гервеизма. Древніе египтяне знали и то и другое. Тридцать три столѣтія тому назадъ гор. Ѳивы былъ обязанъ своимъ паденіемъ исключительно часто повторявшимся забастовкамъ, а также антимилитаризму ѳивянъ и полному отсутствію дисциплины.

Исторія—это постоянное повтореніе, и люди избѣгали бы многихъ бѣдствій, если бы знали послѣдствія тѣхъ же событій въ древнія времена.

Итакъ, двадцатая династія египетскихъ фараоновъ была свидѣтельницей народнаго соціальнаго движенія. Тогда въ Ѳивахъ было нѣчто въ родѣ всеобщей конфедераціи труда, задача которой состояла въ томъ, чтобы организовать забастовки и направлять пролетаріатъ противъ властей и хозяевъ.

Археологъ, изучающій исторію древняго Египта, разыскалъ въ папирусахъ многое о его экономической и соціальной жизни и подѣлился съ нами своими свѣдѣніями, между прочимъ, и о томъ, какъ въ то время оплачивался трудъ рабочаго. Ему давали вознагражденіе натурой, т. е. одеждой, мукой, овощами и вообще провизіей. У расточительныхъ и неаккуратныхъ, разумѣется, провизіи на мѣсяцъ не хватало, и они требовали повторенія платы, а если имъ отказывали—они устраивали забастовки. Они группами ходили по городу и силой заставляли бросать работу довольныхъ и продолжающихъ трудиться рабочихъ, громко заявляя свои требованія. Въ Туринѣ, въ музеѣ, есть папирусъ, сохранившій текстъ этихъ требованій. Усмиряли ихъ смотрителя и хозяева съ помощью стражи. Армія въ то время была у египтянъ совершенно дезорганизована, что было на руку бунтующимся. Тексты, оскорбительные для военныхъ, тоже сохранились на папирусахъ и раздавались въ Ѳивахъ даже школьникамъ. Тѣ, къ счастью, очень рѣдкіе воспитатели, которыхъ пришлось призывать къ порядку въ послѣдніе годы, такъ какъ они и въ классахъ проповѣдывали антимилитаризмъ, были бы удивлены, если бы узнали, что у нихъ были уже жалкіе предшественники въ Ѳивахъ тому три тысячи лѣтъ.

Вотъ тѣ идеи, распространеніе которыхъ было причиной паденія Ѳивъ, набѣга инородцевъ на Египетъ и раздробленія владѣній фараоновъ.

Какъ видите, ничто не ново подъ луною. Римъ тоже былъ знакомъ съ союзами рабочихъ. Титъ Ливій въ IX книгѣ своей исторіи Рима разсказываетъ о забавной забастовкѣ флейтистовъ. Вотъ вкратцѣ переводъ этого разсказа. Музыкантамъ-флейтистамъ (tibicines) было воспрещено послѣдними цензорами принимать участіе въ пиршествахъ въ храмѣ Юпитера. Обиженные удалились въ г. Тибуръ, такъ что въ Римѣ некому было играть во время жертвоприношеній. Послано было посольство съ требованіемъ вернуть флейтистовъ римлянамъ. Тибуряне обѣщали свою помощь. Сначала пробовали уговорить музыкантовъ вернуться, но когда слова не подѣйствовали, то подъ предлогомъ праздничнаго дня, флейтистовъ пригласили во многіе дома для

*) Пародія или правда? *Редакція.*

КАРЛЪ МАРКСЪ.

Основатель научнаго соціализма.

увеселенія гостей музыкой. Для нихъ не пожалѣли вина. Напоивъ флейтистовъ досамозабвенія, ихъ положили въ телѣги и отправили въ Римъ. Они узнали объ этомъ только на слѣдующій день, очнувшись на брошенныхъ среди форума телѣгахъ. Вотъ забастовка, которая окончилось, по крайней мѣрѣ, весело. Хорошо, если бы побольше было веселыхъ развязокъ.

Обратимся къ Франціи. Столѣтія прошли прежде, нежели конфликты между рабочими и хозяевами заставили насъ страдать. Правда, организаціи труда избѣгаются. Но каждый рабочій, если онъ искусенъ въ своемъ дѣлѣ, экономенъ и добросовѣстенъ, можетъ надѣяться сдѣлаться хозяиномъ. Съ другой стороны, особенно большихъ промышленныхъ предпріятій у насъ нѣтъ. Вездѣ работаетъ ограниченное число рабочихъ.

Наконецъ, законы строго подавляютъ политическія или экономическія народныя движенія.

Съ XI-го столѣтія законъ области Бовуази запрещаетъ союзы и сопровождаемыя угрозами требованія повышенія платы за работу, и таковыя называетъ тюрьмой.

Затѣмъ, слѣды союзовъ исчезаютъ въ 1-й половинѣ XIV столѣтія. Корпорація кожевниковъ возобновляетъ ихъ и въ 1349 г. въ Аміенѣ устраиваетъ забастовку. Вторую забастовку кожевники устраиваютъ въ Труа въ 1354 г.

Строгими мѣрами ихъ привели къ повиновенію. Въ слѣдующія два столѣтія заявленія неудовольствій со стороны рабочихъ были рѣдки. Въ Парижѣ не было серьезной забастовки до 1545 года. Въ этомъ году забастовали рабочіе предметовъ роскоши, монополія которыхъ принадлежала тогда Парижу. Послѣдствіемъ этой забастовки были такія непомѣрныя цѣны на эти издѣлія, что производство ихъ долгое время было въ полномъ бездѣйствіи. Въ 1541 г. въ Ліонѣ была забастовка типографщиковъ, въ результатѣ которой было запрещено рабочимъ, подъ страхомъ тюрьмы, устраивать союзы, выбирать делегатовъ и собираться толпой, гдѣ бы то ни было, кромѣ мѣстъ службы.

Въ XVIII столѣтіи забастовки приняли видъ правильной организаціи. Въ 1724 г. въ Парижѣ забастовали рабочіе галантерейныхъ товаровъ и чулочныя фабрики. Забастовщикамъ раздавались деньги. Но такъ какъ и при такихъ условіяхъ находились рабочіе, не желавшіе принимать участіе въ забастовкахъ и работавшіе по таксѣ ниже той, которую установили забастовщики, то ихъ преслѣдовали и избивали. Къ тому же времени образовались союзы суконщиковъ въ Аміенѣ, рабочихъ бумажныхъ фабрикъ въ Дарнеталѣ и шляпочниковъ въ Парижѣ. Самая большая забастовка была въ 1744 году въ Ліонѣ, устроенная рабочими шелковыхъ фабрикъ.

Бунты, драки со стражей, насилія, разореніе хозяйскихъ домовъ—вотъ характеристика этихъ забастовокъ. Нужно было прислать изъ Парижа войска, чтобы водворить порядокъ. Зачинщики были повѣшены, многіе посажены въ тюрьмы. Городъ потерялъ отъ этой забастовки болѣе 200.000 ливровъ податей, которыя не были уплочены.

Развѣ не возмутительны этого рода конфликты?

Но вотъ наступилъ XIX вѣкъ.

Пока союзы были запрещены закономъ, забастовки были рѣдки, но послѣ закона 25 мая 1864 г., разрѣшившаго союзы, онѣ размножаются все болѣе и болѣе.

До сего времени болѣе другихъ преслѣдовались забастовки булочниковъ и портныхъ. Въ 1833 г. послѣдніе устроили нѣсколько союзовъ, что вызвало вмѣшательство властей.

Замѣчательно, что забастовки вызывали сочиненіе пѣсенъ, подъ звуки которыхъ забастовщики шли разорять дома своихъ хозяевъ. Забастовки съ тѣхъ поръ прогрессировали въ смыслѣ насилія. Теперь поютъ интернаціоналку и жаждутъ террора. Что же касается забастовокъ, то онѣ теперь очень часты и скорѣе служатъ политическимъ цѣлямъ анархистовъ, нежели возможности улучшить чье-либо матеріальное положеніе.

Въ одномъ только 1906 г. (мы еще не подсчитали забастовокъ 1907 года) ихъ было во Франціи 1.309. Эти забастовки, въ общей сложности, заставили рабочихъ потерять 10 милліоновъ дней. Если оцѣнить каждый день только въ 5 франковъ, то окажется, что рабочіе потеряли въ одинъ только годъ 50 милліоновъ франковъ.

Мы не считаемъ потери хозяевъ, коммерціи, городовъ, гдѣ происходятъ эти конфликты, ни степени пониженія французской промышленности, сравнительно съ процвѣтаніемъ соперничающихъ съ ней въ этомъ отношеніи другихъ государствъ.

Землетрясеніе въ Италіи. ФОНТАНЪ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МЕССИНѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 2-й.

	стр.
На фабрикѣ. Стихотвореніе *К. Льснякова.*	32
Деньги. Разсказъ *Вл. Я. Ленскаго.*	33
Ночныя тѣни. Стихотвореніе *Л. Сохачевской*	43
Полтораста строкъ. Разсказъ *П. Сургучева.*	44
Романсъ. Стихотвореніе *Д.м. Цензора*	51
Исчезновеніе лжи. Разговоръ объ искусствѣ *Оскара Уайльда.*	52
Забастовки. Съ французскаго	57

Картины:
1. Одна картина **воспроизведенная красками.**
2. **Жертвы моря.** Автотипія.

☛ Къ свѣдѣнію Гг. Подписчиковъ. ☚

Послѣдній **№ 24-й** журнала «Пробужденіе» **за 1908 г.** съ приложеніями къ нему **12-й книги «Современные русскіе писатели»** и 12-ти портретовъ **«Русскіе дѣятели освободительнаго движенія и народники»** арестованъ и потому не могъ быть своевременно высланъ Гг. подписчикамъ.

Ходатайствуя о снятіи запрещенія, редакція увѣдомляетъ, что, несмотря на громадные убытки, если ходатайство не будетъ уважено, № 24-й будетъ отпечатанъ вторично и по отпечатаніи немедленно разосланъ всѣмъ подписавшимся на журналъ въ 1908 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) **6** р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города **7** р., на полгода **4** р., на 3 мѣсяца **2** р., на одинъ мѣсяцъ **85** коп.

Издательница *О. П. Александрова.* Редакторъ *Н. В. Корецкій.*

Типографія т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39, соб. д.

К. Геккеръ.

ВСЯ ЧУЖАЯ.

№ 3. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

Литературно-художественный журналъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Присылаемыя въ редакцію рукописи должны быть четко переписаны, а также подписаны авторомъ съ указаніемъ его адреса.

Рукописи безъ обозначенія размѣра гонорара считаются безплатными.

Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются.

Непринятыя рукописи по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ уничтожаются. Возвращаются рукописи по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

Принятыя рукописи въ случаѣ надобности могутъ быть сокращены и исправлены редакціей.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Заявленія на неисправность доставки направляются въ контору журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

При заявленіяхъ о перемѣнѣ адреса необходимо прилагать адресъ, по которому высылается журналъ, и 30 коп. почтовыми марками за напечатаніе новаго адреса.

Контора проситъ Г.г. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой платежа, слѣдить за своевременнымъ взносомъ денегъ. Лицамъ, не приславшимъ во-время причитающуюся по условію сумму, высылка журнала прекращается. При взносѣ денегъ необходимо упоминать, съ какого числа и за какой срокъ производится уплата.

Савини.

ПРЕЛЮДІЯ.

Зимній жаворонокъ.

Изъ Рюкерта.

Сегодня жаворонокъ пѣлъ —
Его я слушалъ, изумленный.
Пуститься ль въ путь онъ не успѣлъ,
Иль, вешней грезой привлеченный,
Къ намъ снова прилетѣлъ,
Хоть спитъ еще весь міръ, снѣгами занесенный?

И что-то вдругъ въ душѣ моей
Отъ пѣсни той затрепетало:
То былъ ли бредъ грядущихъ дней,
Иль память прошлаго возстала?
Не знаю—лишь быстрѣй,
Какъ въ молодости, кровь по жиламъ побѣжала.

Но пѣсня смолкла безъ слѣда,
Метель иные звуки будитъ;
И смертнымъ вѣяніемъ льда,
Зима опять мнѣ сердце студитъ,
Какъ будто никогда
Весны и не было и никогда не будетъ.

Вл. Лихачовъ.

Бугеро. СЕСТРЫ.

Буря въ лѣсу.

Кто-то ходитъ, кто-то бродитъ,
По дремучимъ по лѣсамъ!..
Кто-то рыщетъ, что̀-то ищетъ,
Шмыгнетъ разомъ здѣсь и тамъ!..
Захохочетъ!.. Загрохочетъ!..
Громкимъ по̀свистомъ свиститъ!..
За добычей быстрой птицей,
Ярымъ хищникомъ летитъ!..
Стонъ великій... окрикъ дикій...
Всевозможны голоса...
Сколько треску! Сколько блеску!
Смотрятъ грозно небеса...
Скрипъ ужасный... Стукъ-шумъ страшный...
Масса вырва̀но березъ!..
Кто-то воетъ!.. Сердце ноетъ...
По спинѣ идетъ морозъ...
Даже вору въ эту пору
Жутко прятаться въ борахъ...
Жизнь—игрушка, жизнь—полушка,—
Это только на словахъ!..

Михаилъ Троицкій.

Въ комъ Богъ?

Я вижу Бога не въ счастливыхъ,
А въ тѣхъ, чья доля такъ бѣдна:
Чей ужинъ—въ опустѣлыхъ нивахъ
Изъ позабытаго зерна.
Я вижу Бога въ томъ, кто бросилъ
Все,—все, чѣмъ сытые живутъ,
Кто въ морѣ бѣдъ плыветъ безъ вёселъ,
Чей путь лишь звѣзды стерегутъ;—
Въ томъ, кто, беззлобный, непзвѣстный,
Живетъ отъ всѣхъ суетъ вдали;
Кому отецъ—лишь сводъ небесный,
А мать—нѣмая грудь земли.

А. Мейснеръ.

Р. Френцъ. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Мое проклятье.

(Письмо самоубійцы).

Пишу традиціонную въ этихъ случаяхъ записку:—„Въ смерти моей никого не винить",—и прошу передать ее, мой дорогой другъ, слѣдователю, приставу или околоточному. Словомъ, кому надлежитъ.

Прилагаемое-же письмо прочтите сами.

Согласенъ, что для письма это длинно, но я увѣренъ, что вы дочитаете его до конца и, можетъ быть, даже заинтересуетесь имъ, если съумѣете найти надлежащую точку зрѣнія. . . . . .

Оканчиваю я свое земное поприще такимъ малодушіемъ потому, что мнѣ не подъ силу дольше нести „мое проклятіе", мой таинственный даръ, который многіе чувствовали во мнѣ и какъ-то странно, суевѣрно чурались меня.

Не вынесъ я и, видя жизнь однимъ сплошнымъ страданіемъ и ужасомъ, трусливо предупреждаю событіе.

Этотъ кошмаръ терзалъ меня три года, съ каждымъ днемъ становясь мучительнѣе и тяжелѣе. . . . . .

Вы помните мою Наташу? вы ее видѣли, а разъ видѣли, то не могли и забыть.

Я полюбилъ ее сразу, какъ увидѣлъ. Сразу.

Мы говорили съ ней минутъ десять, я прощаясь притронулся къ ея пальцамъ, пришелъ къ себѣ домой и вдругъ почувствовалъ, что въ моей жизни не хватало ея, что она воздухъ моего дыханья, кровь моего сердца.

Была теплая, короткая, осенняя ночь.

Темное небо, засыпанное звѣздами и тихая, примиряющая грусть, разлитая въ воздухѣ.

Я распахнулъ окно, легъ на подоконникъ, смотрѣлъ на мерцающія звѣзды и твердилъ: „люблю, люблю, люблю"!

Въ груди моей росла и крѣпла увѣренность, что и она меня любитъ.

И это оказалось вѣрнымъ. Недѣлю спустя она шла рядомъ со мною, прислонивъ свою горячую щеку къ моей, и намъ обоимъ это не казалось чудеснымъ.

Между нами не было словъ, банальныхъ объясненій. Что-то непобѣдимо-сильное толкнуло насъ другъ къ другу, спаяло въ одно и наполнило одинокія жизни наши блаженствомъ.

Но тутъ же разразился и громъ надъ нашими головами.

У моей Наташи была чахотка. Подлая, злая, безпощадная наслѣдственная чахотка.

Мы поѣхали съ Наташей къ доктору. Это былъ мой пріятель, чистый прямой и знающій свое дѣло.

Мы просили у него только правды, безпощадной, смертельной, но правды. И онъ сказалъ ее.

Наташа могла жить 6, 7, даже десять лѣтъ при тщательномъ уходѣ за своимъ здоровьемъ, при полномъ спокойствіи. Любовь и замужество сократятъ ея жизнь до двухъ, трехъ лѣтъ.

Да, это былъ приговоръ. Приговоръ, произнесенный устами врача, но предрѣшенный задолго, задолго до ея рожденія.

Что за нелѣпость! жить, чувствовать, мыслить, что бы въ разцвѣтѣ силъ стать жертвой безпощаднаго недуга?

Но мы не могли разстаться. Наше чувство было сильнѣе насъ.

Я увезъ ее въ Крымъ, потомъ въ Алжиръ; мы были въ Каирѣ; потомъ опять въ Крыму, а лѣтомъ въ моей Черниговской усадьбѣ... И въ слѣдующемъ году также.

Описать нашу любовь я не въ силахъ. Это было сплошное безуміе, восторженное, упоительное; иногда полное жгучей боли и страданій, иногда бурное, какъ ураганъ, злое, какъ глумленіе жертвы надъ палачемъ—и всегда упоительное.

Да и не нужно описывать это. И времени нѣтъ. Я упоминаю объ этомъ періодѣ моей жизни только затѣмъ, чтобы перейти къ послѣдующему.

Она сгорала, свѣтя яркимъ пламенемъ, освѣщая для меня весь міръ, согрѣвая меня.

Сгорала и отъ внутренняго недуга и отъ безумія нашей страсти. Иногда въ объятьяхъ моихъ она задыхалась отъ кашля, покрывалась потомъ и, случалось, окрашивала подушки и постель яркой кровью.

Я уединялся, рвалъ свою грудь ногтями, рыдалъ и заклиналъ кого-то сохранить мнѣ ея жизнь или дать умереть съ нею. Она находила меня, осыпала ласками и снова пробуждала во мнѣ порывы страсти.

Да, это было безуміе. . . . . .

Мы прожили два года: два года пролетѣли сномъ, а на третій силы покинули ее.

Прошелъ Апрѣль Мы жили въ усадьбѣ и собирались уже ѣхать съ нею въ Египетъ, когда она рѣшила остаться дома. что-бы... умереть.

Былъ яркій день: теплый, ласковый день пробуждающейся природы, но Наташа зябла и у насъ топили каминъ.

Она сидѣла въ легкомъ камышевомъ креслѣ съ накинутымъ на ноги пледомъ. Я сидѣлъ у ея ногъ и держалъ въ рукѣ ея горячую сухую руку. Я читалъ ей и остановился по ея просьбѣ. Она сидѣла, закинувъ голову, закрывъ глаза. Я смотрѣлъ на нее и въ первый разъ увидѣлъ, какъ ужасно похудѣла она. На мгновеніе голова ея представилась мнѣ обнаженнымъ черепомъ и меня охватилъ ужасъ. Я сжалъ ея руку. Она открыла глаза. Ея глаза всегда были прекрасны. Большіе, сѣрые, добрые, иногда прозрачные какъ лѣтнее небо, иногда темные, какъ въ непогоду море. Но теперь, казавшіеся еще больше отъ худобы лица, сверкающіе лихорадочнымъ блескомъ, теперь, когда только въ нихъ сосредоточивалась вся ея жизнь, вся ея любовь, они были поразительны. Я смотрѣлъ въ нихъ и ихъ глубина словно поглощала меня.

— Не надо ѣхать, — тихо сказала она, — я умру здѣсь, мой ясный!.. — и улыбнулась.

Я смотрѣлъ въ ея сверкающіе глаза и вдругъ увидѣлъ въ нихъ... смерть. Да, смерть! въ какомъ-то туманномъ образѣ, въ какомъ-то отблескѣ, но ясно, мучительно ясно... словно изъ нея выглянула таинственная „она“ и прощалась со мной.

Это былъ только мигъ, но въ этотъ мигъ и она поняла или увидѣла мое видѣнье.

Она тихо пожала мою руку, а я приникъ къ ея колѣнамъ и безпомощно зарыдалъ.

Она гладила мои волоса, потомъ нагнулась, охватила мою голову руками и закашлялась.

Я отнесъ ее на постель. Она была легка какъ пушинка, моя кроткая, моя нѣжная, моя единственная. . . . . .

Э. Стантонъ.

ЗИМНЯЯ ИДИЛЛІЯ.

Мы никуда не поѣхали. Въ ясный майскій догорающій день догорѣла и моя Наташа. Въ ясное ликующее майское утро я хоронилъ ее. . . . . .

Жизнь моя кончилась. Я уѣхалъ и посѣщалъ всѣ уголки, гдѣ были мы съ нею вмѣстѣ. . .

И вотъ какъ это случилось въ первый разъ.

Я былъ у пирамидъ. Лошадь я оставилъ съ проводникомъ у палатки торговца, продававшаго ледъ и прохладительные напитки, а самъ пошелъ къ Малой пирамидѣ, гдѣ подъ навѣсомъ пальмы лежалъ большой камень. На этомъ камнѣ, годъ назадъ, сидѣла моя Наташа, а я лежалъ подлѣ нея, сбрасывалъ съ ея ногъ туфли и цѣловалъ ихъ, а она смѣялась, отдергивала ноги и шутя говорила: „стыдись! на насъ смотрятъ сорокъ вѣковъ“!..

Я опустился на этотъ камень и отдался воспоминаніямъ нашей любви.

Что въ ней безсмертнаго? я оглянулся. Недалеко отъ меня лежала тяжелая, неуклюжая груда Малой пирамиды. Дальше, почти уходя своей верхней площадкой въ небо, высилась Хеотова пирамида, а кругомъ—песчаная пустыня, надъ нею небо съ раскаленнымъ солнцемъ, и эти пальмы съ нависшей купою зеленыхъ листьевъ наверху стройныхъ стволовъ.

Все невѣчно! но также высились эти каменныя громады, лежала недвижно эта пустыня, красовались пальмы и жгли огнемъ тропическіе лучи и во времена фараоновъ, и когда пришелъ Омаръ, и когда Наполеонъ явился здѣсь со своими народами.

Всѣхъ пережили и не безсмертны, не вѣчны! что-же въ любви нашей было безсмертнаго?.. я воскресилъ въ душѣ моей всѣ наши безумства, но не могъ воскресить пережитыхъ восторговъ, а поднималъ только со дна души безконечную грусть.

Умерла Наташа! и все вокругъ напоминаетъ мнѣ о ней, но не живетъ снова то, что пережито. . .

Вдругъ, нарушая торжественную тишину, послышались веселые голоса, серебристый смѣхъ и изъ-за края пирамиды вышло нѣсколько туристовъ.

Я сразу узналъ ихъ. Это семейство англичанъ, пріѣхавшихъ въ Александрію и остановившихся въ той-же гостиницѣ, гдѣ и я.

Общество состояло изъ пожилого господина, почтенной дамы, двухъ дѣвушекъ, гувернантки и примкнувшаго къ нимъ молодого человѣка, вѣроятно, жениха одной изъ дѣвушекъ.

Дѣвушки шли впереди и, оглядываясь, веселыми голосами перекликались съ отставшими. Молодой человѣкъ нагонялъ ихъ.

Дѣвушки замѣтили меня, только сравнявшись со мною, и сразу смолкли и пошли съ забавною чинностью.

Молодыя, свѣжія, какъ весенніе цвѣты.

И, когда онѣ уже миновали меня, одна изъ нихъ остановилась, чтобы подождать отставшихъ.

Это была высокая, стройная съ золотыми волосами блондинка. Чесунчевое платье облегало ея фигуру, перехваченную зеленой лентой кушака. Бѣлая легкая шляпа съ длиннымъ зеленымъ вуалемъ покрывала ея голову. Солнце свѣтило на нее и она казалось воздушной. Дать ей въ руки пальмовую вѣтвь и рисовать съ нее вѣстника, посланнаго Дѣвѣ Маріи. Я невольно засмотрѣлся на нее. Она взглянула на меня и я вдругъ похолодѣлъ... Меня охватилъ ужасъ, я даже приподнялся... Да! въ лучистомъ взглядѣ ея голубыхъ веселыхъ глазъ я вдругъ увидалъ то, что тогда у Наташи: смерть! Она взглянула на меня изъ глубины ея глазъ тѣмъ же туманнымъ обликомъ, тѣмъ-же смутнымъ намекомъ... на одно мгновеніе, но ясно, ясно до осязательности!

Все существо мое содрогнулось отъ грубаго сознанія: „она умретъ“!..

А она звонко смѣялась, дождавшись молодого человѣка и остальныхъ членовъ компаніи, и они скрылись за пирамидой.

Голоса ихъ еще долго звенѣли въ воздухѣ, потомъ смолкли и все погрузилось снова въ торжественную тишину.

Я старался разобраться въ своихъ ощущеніяхъ. Какъ это произошло? мои глаза встрѣтились съ ея; я заглянулъ въ нихъ, увидѣлъ это и въ то же мгновеніе ужасное сознаніе грядущаго озарило мой мозгъ, потрясло все мое существо.

Да, такъ это и было. Это не была галлюцинація.

Я сѣлъ на лошадь и медленно вернулся въ гостиницу.

На другой день я увидѣлъ то же семейство за табельдотомъ, но боялся взглянуть на милую дѣвушку.

Прошло нѣсколько дней. Я забылъ о томъ, что увидѣлъ въ глазахъ дѣвушки. Какъ вдругъ однажды, возвращаясь въ отель со своей одинокой прогулки, я былъ пораженъ смятеніемъ. Въ отелѣ что-то произошло необычное. Я спустился въ столовую и тамъ узналъ, что дѣвушка умерла, внезапно, какъ ея другая сестра, какъ ея отецъ—отъ наслѣдственнаго недуга сердца. Пожилой господинъ оказался ея дядей и опекуномъ.

Меня охватилъ ужасъ. Я собралъ вещи, разсчитался и на другой день оставилъ Александрію. . . . . .

Наступала вторая весна. Я поѣхалъ къ себѣ, на могилу моей Наташи. Острая боль прошла, осталась тихая грусть. Вѣдь, мы оба знали, что любовь сократитъ ея жизнь!

Вы знаете полковника Красова? мы съ нимъ сосѣди: у него имѣнье, смежное съ моимъ. Онъ заѣхалъ ко мнѣ и потащилъ меня къ себѣ, говоря, что только заѣхалъ повидать мать, послѣ чего ѣдетъ съ женой за границу.

Мать Красова жила постоянно въ имѣньѣ. Бодрая, свѣжая, несмотря на свои 60 лѣтъ, она очень нравилась покойной Наташѣ, и онѣ любили другъ друга.

Ради нея я поѣхалъ къ Красовымъ. Онъ говорилъ безъ умолку всю дорогу, вѣроятно, съ добрымъ намѣреніемъ развлечь меня.

Жена его и мать встрѣтили меня съ сердечнымъ радушіемъ.

Мы сѣли на верандѣ, выходящей въ садъ.

Цвѣла черемуха и ея ароматъ кружилъ голову.

Красовъ въ первый разъ везъ жену за границу, и она съ жаднымъ любопытствомъ распрашивала меня о моихъ путешествіяхъ, интересуясь всякой мелочью.

Гдѣ и что выгоднѣе покупать? какіе сувениры везти изъ Швейцаріи, изъ Италіи? Былъ-ли я въ Монако, игралъ-ли въ Монтекарло?

Она распрашивала обо всемъ съ такимъ увлеченіемъ, что я оживился и отвѣчалъ ей многословно и подробно.

Красовъ любовался женою и счастливо смѣялся, мать его снисходительно улыбалась.

На веранду подали чай. Надвинулся вечеръ, нашъ украинскій вечеръ. Темное небо засвѣтилось звѣздами, защелкали соловьи, безшумно мелькнула летучая мышь.

Я поднялся уѣзжать.

Красовъ приказалъ заложить шарабанъ и захотѣлъ самъ отвезти меня.

— Ну, до свиданья!—сказала мнѣ его жена на прощанье,—теперь ужъ до зимы. Вы, вѣроятно, въ Петербургъ?

Да, я собирался въ Петербургъ.

— Вы когда-же ѣдете?—спросилъ я.

— Не позднѣе послѣ-завтра,—отвѣтилъ Красовъ.

— Но это не мѣшаетъ, пока вы здѣсь, навѣщать старуху!—сказала мнѣ его мать.

Я поцѣловалъ ея руку и, поднимая голову, благодарно взглянулъ на нее.

Она улыбалась, ласково глядя на меня, а въ ея глазахъ... да! я увидѣлъ то необъяснимое, что видѣлъ въ глазахъ Наташи, въ глазахъ той дѣвушки.

Я отвернулся и почти бѣгомъ сошелъ внизъ, за веранду, черезъ садъ, къ крыльцу, гдѣ ждалъ экипажъ.

Красовъ нагналъ меня и спросилъ не безъ удивленія:

— Что съ вами? вы пошли такъ поспѣшно.

— Мнѣ стало что-то не по себѣ,—отвѣтилъ я.

Мы сѣли и онъ тронулъ лошадь.

Экипажъ встряхнулся и плавно покатился по мягкому грунту. Въ темнотѣ раздавались удары копытъ да подлѣ меня краснымъ огонькомъ вспыхивалъ кончикъ сигары, освѣщая усы, носъ и козырекъ фуражки Красова.

Мнѣ вдругъ показалось, что на мнѣ лежитъ обязанность предупредить его.

— Полковникъ,—сказалъ я,— вы, надѣюсь, не сомнѣваетесь въ моемъ къ вамъ расположеніи?

Вѣроятно, въ голосѣ моемъ послышались особыя ноты, потому что онъ тотчасъ держалъ бѣгъ лошади, взялъ возжи въ одну руку и обернулся ко мнѣ.

— Что вы хотите сказать мнѣ?— спросилъ онъ.

— Я хотѣлъ только посовѣтовать вамъ отложить свой отъѣздъ на нѣсколько дней?.. на недѣлю,—отвѣтилъ я.

— Почему?

Я не могъ объяснить ему причины.

— Почему вы это совѣтуете?—повторилъ онъ.

— Я не хотѣлъ-бы объяснять вамъ причины,—уклончиво сказалъ я.

Онъ больше не спрашивалъ, раскурилъ сигару, взялъ возжи и погналъ лошадь.

Я сошелъ у своего крыльца.

Красовъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Странно это, но я послушаю васъ! до свиданья. Пріѣзжайте утѣшать мою жену,—прибавилъ онъ и уѣхалъ.

Я вошелъ въ домъ и долго не могъ уснуть.

Ходя по кабинету, я все старался додуматься, галлюцинація ли это, вызываемая какимъ-то страннымъ предчувствіемъ, или посылаемый мнѣ откуда-то кѣмъ-то видимый знакъ.

Я ничего не чувствовалъ, проведя весь вечеръ съ матерью Красова и почувствовалъ сразу, едва заглянулъ въ ея глаза... но я не до чего не додумался и на другое утро уѣхалъ на окрайну своего имѣнья въ хуторъ, гдѣ начался сѣнокосъ.

На третій день пріѣхалъ за мною посланный отъ Красова. Его мать умерла. . . . . .

Я вернулся, и мы хоронили эту прекрасную женщину. Ея гробъ опустили рядомъ съ могилою моей жены...

Наканунѣ похоронъ послѣ панихиды Красовъ удержалъ меня и сказалъ:

— Тогда вы удивили меня и я подумалъ, что вамъ нужно въ чемъ-нибудь мое участіе. Но теперь я удивленъ еще больше. Какъ вы узнали объ этомъ?

Я смутился.

— Я не скажу вамъ, какъ. Мнѣ показалось.

Красовъ задумчиво кивнулъ:

— Понимаю! вы, вѣроятно, видѣли когда-нибудь одинъ изъ ея страшныхъ припадковъ удушья, а въ этотъ вечеръ уловили какіе-нибудь едва замѣтные его признаки.

Дѣйствительно. Она страдала астмой и однажды я съ женой были при ея припадкѣ. Я даже ѣздилъ за докторомъ.

И я съ облегченіемъ ухватился за это объясненіе и надолго успокоился. Это было такъ естественно!

Красовы не поѣхали за границу и, по окончаніи отпуска, онъ съ женою вернулся въ Петербургъ.

Я пріѣхалъ изъ имѣнья въ концѣ Ноября. Сезонъ былъ въ разгарѣ.

И вотъ началось мое мученіе, когда я понялъ, что надѣленъ особымъ даромъ и что даръ этотъ для меня „проклятіе“, бремя, превышающее мои силы.

Какъ это происходило, я и самъ не знаю.

Вѣроятно вамъ случалось входить въ комнату умирающаго больного или находиться при умирающемъ. Вы входили въ его комнату и вчера, и третьяго дня, и недѣлю назадъ; вы находились у его постели ежечасно: поправляли его изголовье, давали лѣкарство, помогали ѣсть. И ничто не смущало вашего духа. Но вотъ вы вошли къ нему сегодня и васъ вдругъ охватила жуть, въ вашу душу вдругъ проникло сознаніе, безотчетное, но неумолимо ясное, что онъ уже обреченъ. По внѣшности все то же. И онъ, можетъ быть, даже оживленнѣе обычнаго, но вы уже узнали и стараетесь избѣгать его взгляда, чтобы не передать ему своей страшной тайны. Потому что она, несомнѣнно, одна изъ самыхъ страшныхъ. Вы продолжаете быть подлѣ него и наблюдаете, что съ каждымъ входящимъ повторяется тоже, что съ вами. Вотъ вошелъ съ безпечнымъ лепетомъ ребенокъ и вдругъ сталъ на ципочки и заговорилъ шопотомъ. . . . . .

Ахъ, это наблюдали всѣ! Любимая собака воетъ и не находитъ себѣ мѣста, кошка безпокойно мечется... Смерть вошла и безмолвнымъ ужасомъ охватила всѣхъ живущихъ...

Ну, вотъ: точно также я ощущалъ это сразу, безповоротно, при взглядѣ въ глаза человѣка.

Вы понимаете мой ужасъ? я взглядывалъ на человѣка и въ то же мгновеніе весь проникался сознаніемъ „онъ уже не жилецъ“! и потомъ боялся подойти къ нему, заговорить съ нимъ, что бы не выдать ему своей ужасной тайны.

Понимаете вы весь ужасъ этого?.. Моимъ знакомымъ стало казаться, что во мнѣ что-то есть, что я „проклятый“ и многіе стали суевѣрно избѣгать меня.

Помните Грянева? я не любилъ его. Это былъ злой, насмѣшливый умъ, мелкаго тщеславія душа. Однажды на вечерѣ за ужиномъ онъ съ вызовомъ спросилъ меня:

— Ну, кого вы обрекли сегодня?

Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что обреченный онъ. Безпощадная смерть туманила насмѣшку его взора и глядѣла на меня.

Я угрюмо отвѣтилъ ему:

— Васъ!

Онъ выронилъ стаканъ и лицо его стало бѣлѣй его сорочки, а въ глазахъ отразился ужасъ.

Мнѣ стало больно. Я поднялся изъ-за стола и уѣхалъ.

Грянев померъ спустя недѣлю. Передъ этимъ онъ всѣмъ говорилъ, что я предсказалъ ему смерть и смѣялся. Послѣ его смерти меня окружилъ ужасъ окружающихъ. Я сталъ искать уединенія и только подлѣ васъ находилъ иногда отдыхъ душѣ своей.

Смерть! кругомъ смерть! развѣ это не достаточно ужасно?

Я входилъ въ театръ и видѣлъ эту проклятую вокругъ себя. Вотъ молодой офицеръ съ дѣвушкой. Лицо его сіяетъ счастьемъ, губы улыбаются, а я вижу на немъ уже печать смерти. Вотъ дѣвушка подростокъ; вотъ молодая женщина; крѣпкій по виду, какъ дубъ мужчина. Всѣ обречены смерти!

И мнѣ начинало казаться, что я среди мертвецовъ; я начиналъ слышать трупный запахъ и убѣгалъ...

Помню, была елка у Фаргосовыхъ. Всѣ веселились. Дѣти прыгали съ веселыми криками вокругъ елки, потомъ танцовала молодежь.

Я стоялъ въ сторонѣ и смотрѣлъ на общее веселье. И вдругъ сталъ видѣть ее! Она пахнула на меня холодомъ отъ юнаго радостнаго студента; потомъ отъ молодой дѣвушки, подошедшей ко мнѣ съ картонажемъ. Усмѣхнулась изъ глазъ прошедшей мимо меня дамы... Я пересталъ понимать окружающее, а когда очнулся, всѣ смотрѣли на меня съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ и старались отойти отъ меня подальше.

О, я знаю: всѣ мы смертны. Знаю: мы рождены чтобы умереть,—но можно ли видѣть это? можно-ли жить, когда видишь,—и ужъ навѣрное знаешь,—что вотъ этотъ говорящій съ вами умретъ, и эта, и эти!..

Особенно дѣти!.. Я сидѣлъ въ Александровскомъ скверѣ. Мальчикъ подкатилъ мнѣ подъ ноги мячикъ и подбѣжалъ ко мнѣ. Я поднялъ и подалъ ему мячикъ, взглянулъ въ его лучистые глазки и увидѣлъ его приговоръ. Крошечный Херувимъ! что онъ сдѣлалъ? для чего было вызывать его къ жизни?..

Ужасъ охватывалъ меня все сильнѣе; мое проклятіе пригибало меня къ землѣ. Я остерегался смотрѣть людямъ въ глаза, остерегался глядѣть по сторонамъ, ходилъ опустивъ голову.

Вы смѣялись: „словно отверженный“!

Я, дѣйствительно, отверженъ.

Я почувствовалъ облегченіе только тогда, когда твердо рѣшилъ прервать это мученіе.

Сегодня утромъ я подошелъ къ зеркалу и на меня изъ моихъ глазъ взглянулъ призракъ смерти. Въ первый разъ я не почувствовалъ ужаса и въ душѣ моей улеглось смятеніе.

Вы поймете меня и оправдаете мою „трусость“.

Этимъ лѣтомъ я бесѣдовалъ съ однимъ ученымъ докторомъ психіатромъ въ Парижѣ.

Онъ заинтересовался моимъ разсказомъ.

Внимательно выслушалъ меня и сказалъ:

— Я допускаю это. Не смерть въ видѣ оголеннаго черепа смотритъ на него, а онъ просто угадываетъ ея приближеніе. Вѣдь, мы безъ ошибки предскажемъ ее за

минуту, за двѣ? Увеличивайте нервную впечатлительность человѣка и признаки ея присутствія будутъ для него уловимы тогда, когда намъ они совсѣмъ не видны. Несомнѣнно въ человѣкѣ готовомъ умереть отъ болѣзни задолго до смерти уже начинаютъ происходить физіологическія измѣненія, но они неуловимы для насъ, а для исключительно нервной организаціи вашего знакомаго вполнѣ осязательны. Это возможно!..

Потомъ онъ сказалъ:

— Такого человѣка врачъ не отказался бы имѣть консультантомъ. Исходъ болѣзни онъ зналъ бы заранѣе. Помните, сказку о смерти, договорившейся съ шарлатаномъ?..

Я спросилъ, можетъ ли человѣкъ отъ этой способности избавиться.

Онъ развелъ руками.

— Что я скажу вамъ? этотъ случай такой рѣдкій. Несомнѣнно это психическое разстройство... хотя... это можетъ быть и особая способность, даръ! Вы говорите, онъ отъ этого несчастенъ. Это онъ! другой, напротивъ, быть можетъ, былъ бы счастливъ и извлекъ изъ этого дара земныя блага. Я сказать ничего не могу, а изслѣдовать его было бы интересно.

И все. Дальше онъ ничего не нашелъ мнѣ сказать.

Понятно, интереса этого я ему не доставилъ.

Быть можетъ, и правда нашлись бы люди, для которыхъ было бы благомъ то, что̀ для меня проклятіе; и облегчило бы имъ трудность жизненнаго пути, а не отягчило бы, какъ меня.

Но я не могу.

Подавленный тяжестью своего дара „видѣть“, пораженный ужасомъ этой неустанной „пляски смерти“, я трусливо убѣгаю прочь къ неизвѣстному отъ этого кошмара непрестанныхъ страданій.

Прощайте. . . . . .

А. Зарин̀ъ.

Я не знаю тебя.

Я не знаю тебя. Ты не знаешь меня.
Но, какъ птица въ сіяніи дня,
Но, какъ волны рѣки голубой,
Мы поемъ и играемъ съ тобой.

Я не знаю тебя. Ты не знаешь меня.
Но, глубокую тайну храня,
Мы лелѣемъ въ горячей крови
Одну жажду безмѣрной любви!

Я не знаю тебя. Ты не знаешь меня.
Но, какъ факелы Бога-Огня,
Мы горимъ. И сгораемъ любя!
Ты не знаешь меня. Я не знаю тебя...

Сергѣй Хазовъ.

МЕЧТЫ.

Снѣжинки.

Въ воздухѣ чистомъ, морозномъ качаются
Точно пушистыя бабочки бѣлыя,
Грустно-кокетливо всѣмъ улыбаются
Въ вихрѣ кружатся, отважныя, смѣлыя...
Черную землю ковромъ покрываючи,
Съ волей и небомъ далекимъ прощаются,
Вѣтеръ имъ пѣснь о любви напѣваючи,
Бурно кружитъ ихъ и нѣжно ласкается...
То будто танецъ снѣжинки затѣяли
Взбалмошно, смѣло кружася на воздухѣ,
Сторожу-дѣду всю шапку усѣяли,
Томно усталые молятъ объ отдыхѣ...
Рано снѣжинки рѣзвилися чистыя,
Даже проказника вѣтра умаяли;
Утромъ проглянуло солнце лучистое,
Лаской пахнуло, снѣжинки растаяли...
И полилися съ тоской и страданіемъ,
Рѣки наполнили влагою новою,
И вспоминали прощальнымъ журчаніемъ
Вѣтра проказы, да ночку морозную.

Л. Сохачевская.

П. В. Басинъ. МУЧЕНИЧЕСКАЯ КОНЧИНА СВ. ДМИТРІЯ СОЛУНСКАГО.

Застѣнокъ.

(Сахалинская картинка).

Корридоръ „десятого номера“ Александровской каторжной тюрьмы. Почернѣвшія, бревенчатыя стѣны, затянутое густой, желѣзной рѣшеткой окно, скудно пропускающее свѣтъ. Сильный запахъ хвои, вѣтки которой въ изобиліи разбросаны по полу для „духу“, не можетъ заглушить обычныхъ тюремныхъ запаховъ отъ грязныхъ портянокъ, дурно содержимыхъ человѣческихъ тѣлъ, традиціонныхъ парашъ, сквернаго табаку и прѣлой кожи. Въ воздухѣ виситъ сизая дымка. Въ корридоръ выходятъ двери арестантскихъ камеръ, а въ глубинѣ его—рядъ клѣтушекъ-карцеровъ. Тамъ временами слышится громыханье и лязгъ цѣпей. Въ этомъ корридорѣ приводятъ въ исполненіе судебные приговоры, т. е. сѣкутъ каторжниковъ розгами и плетьми. Сейчасъ все приготовлено для послѣдняго акта правосудія. У окна за столомъ, покрытымъ зеленой скатертью съ чернильными пятнами—начальникъ тюрьмы, прокуроръ и врачъ; у входныхъ дверей—группа тюремныхъ надзирателей, а среди корридора—длинная, низкая и покатая скамья—каторжная кобыла съ отверстіемъ сверху и вырѣзами по бокамъ. Черезъ отверстія кобылы протянуты крѣпкіе, сыромятные ремни. За кобылой—зловѣщая фигура исполнителя судебныхъ приговоровъ—палача. Онъ въ красной рубахѣ съ засученными рукавами. Въ жилистыхъ, узловатыхъ рукахъ—плеть захвостка. Тупой и злобный взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей; лицо, изборожденное глубокими морщинами, неподвижное, какъ маска, медленныя, крадущіяся движенія дѣлаютъ этого человѣка похожимъ на хищнаго звѣря. Начальство за столомъ просматриваетъ бумаги. Лица надзирателей—тупо-безучастны. Палачъ расправляетъ плеть, дѣлаетъ нѣсколько пробныхъ взмаховъ, потомъ тщательно осматриваетъ ремни на кобылѣ.

„Я думаю, можно начинать“, говоритъ прокуроръ начальнику тюрьмы.

„Веди!“ отрывисто бросаетъ начальникъ старшему надзирателю.

Повернувшись по военному, надзиратель ушелъ, звеня связкой ключей...

Гдѣ-то въ глубинѣ корридора, потонувшей въ сизой дымкѣ, загремѣлъ замокъ, завизжали желѣзные болты, хлопнула дверь. Изъ мрака, гремя кандалами, вынырнула группа сѣрыхъ людей. Они медленно идутъ, заглушая лязгомъ цѣпей всѣ остальные звуки, пугливо косятся на кобылу и палача. Подошли къ начальническому столу и стали у стѣны. Жуткая тишина изрѣдка нарушается робкимъ покашливаніемъ въ кучкѣ арестантовъ, отрывистымъ звяканьемъ кандаловъ, когда кто-нибудь изъ нихъ переступитъ съ ноги на ногу, да шелестомъ бумаги за столомъ. Взоры приговоренныхъ устремлены на начальство. „Кому-то первому?“—написано на ихъ сѣровато-блѣдныхъ лицахъ. Начальникъ тюрьмы медленно, любовно гладитъ рукой свою пышную, черную бороду и, какъ коршунъ на добычу, смотритъ на сѣрыхъ

людей, сбившихся въ кучу. Онъ улыбается, глаза весело поблескиваютъ изъ-подъ густыхъ бровей, сросшихся надъ переносьемъ. Онъ художникъ въ поркѣ и предвкушаетъ удовольствіе. Прокуроръ весь ушелъ въ „дѣла“. Докторъ, недавно прибывшій на Сахалинъ и впервые присутствующій при тѣлесномъ наказаніи, очень блѣденъ, растерянъ и имѣетъ видъ человѣка, собирающагося каждую минуту сбѣжать, переживая мучительную борьбу между профессіональнымъ долгомъ и „долгомъ“ службы. Вчера, какъ снѣгъ на голову, ему свалилась бумага, въ которой онъ прочелъ: „Прошу ваше высокоблагородіе пожаловать во ввѣренную мнѣ тюрьму для присутствованія при исполненіи судебныхъ приговоровъ“. Теперь, находясь лицомъ къ лицу съ наиболѣе отвратительнымъ проявленіемъ сахалинской жизни, онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, оглушеннаго ударомъ дубины по головѣ... Передъ нимъ сѣрые люди съ глазами, полными тоски и страха. Они нервно переступаютъ съ ноги на ногу, лязгая кандалами. Холодный и жестокій лязгъ цѣпей; окаменѣвшее въ звѣриномъ и тупомъ выраженіи лицо палача, шевелящіеся въ его рукахъ, какъ черная змѣя, концы плети; кобыла, перепутанная ремнями, черныя стѣны; равнодушныя лица надзирателей, выхоленный, розовый прокуроръ, начальникъ тюрьмы съ хищнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ, нѣжно поглаживающій бороду—вся эта адская симфонія впечатлѣній, такъ внезапно налетѣвшая на доктора, леденитъ его сердце, мутитъ разумъ. Все происходящее передъ нимъ представляется ему тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ.. Начальникъ тюрьмы перелистываетъ списокъ приговоренныхъ къ наказанію.

„Петровъ!“ вызываетъ онъ.

Изъ кучки каторжниковъ, гремя кандалами и путаясь въ длинныхъ полахъ халата, выходитъ высокій, худой арестантъ. Блѣдное до синевы лицо, бѣлыя губы и впалая грудь.

„Здоровъ?“ спрашиваетъ его начальникъ.

„Никакъ нѣтъ, ваше в—діе“.

„Докторъ, осмотрите его, можетъ ли онъ перенести тѣлесное наказаніе?“

Докторъ осматриваетъ арестанта, выслушиваетъ его и признаетъ неспособнымъ перенести тѣлесное наказаніе. Арестанта уводятъ.

„Мартыновъ“, вызываетъ слѣдующаго начальникъ.

„Здѣсь!“ громко и, видимо, бодрясь, отвѣчаетъ арестантъ и выходитъ къ столу.

„Здоровъ?“

„Такъ точно“.

„Ложись!“—начальникъ махнулъ рукой въ сторону кобылы.

Мартыновъ силится казаться бодрымъ, но бѣлое, какъ мѣлъ, лицо, дрожащіе губы и глаза съ предсмертной мукой затравленнаго звѣря—выдаютъ его. Онъ хочетъ улыбнуться и вмѣсто улыбки—страдальческая гримаса. Спотыкающейся походкой онъ идетъ къ кобылѣ.

„Раздѣвайся, снимай штаны!“ грубо бросаетъ ему палачъ.

Мартыновъ дрожащими руками старается стащить съ себя халатъ, старается разстегнуться, но руки плохо слушаются и дѣло идетъ медленно. Палачъ, которому надоѣло ждать, приходитъ на помощь, срываетъ съ него халатъ, стаскиваетъ штаны, валитъ, почти бросаетъ его на кобылу и быстро привязываетъ къ ней ремнями. Руки приговореннаго помѣщаетъ въ вырѣзки кобылы и связываетъ подъ ней. Мартыновъ весь дрожитъ мелкой дрожью. Палачъ беретъ плеть и еще расправляетъ, наступивъ на нее и протягивая подъ подошвой.

„Сколько?“ спрашиваетъ у начальника тюрьмы надзиратель, поставленный вести счетъ ударамъ.

„Шестьдесятъ!“ отчеканиваетъ начальникъ.

„Берегись, ожгу!“ кричитъ палачъ.

Взвилась плеть и щелкнула по обнаженному тѣлу.

„Помилуйте, ваше высокоблагородіе“, закричалъ привязанный къ кобылѣ и весь задергался. Тѣло, обжигаемое плетью, точно раскаленнымъ желѣзомъ, протестовало, мимовольно напрягало всѣ усилія и рвалось изъ путъ.

„Разъ,... два,... три...“ медленно отчеканиваетъ надзиратель. Его счету вторятъ свистъ, удары плети и нечеловѣческій крикъ, который бьется о стѣны корридора, несется по всей тюрьмѣ, вырывается на тюремный дворъ, летитъ черезъ высокія стѣны, поднимается къ нему, бьетъ въ человѣческія сердца, но небо не слышитъ, а сахалинскія сердца такъ же глухи, какъ сахалинскія дебри... Начальникъ тюрьмы

не можетъ сидѣть. Онъ весь въ движеніи. Глаза прыгаютъ, лицо и огромныя, мясистыя уши налились кровью. Онъ уже не гладитъ бороду бережно и любовно, а, запустивъ въ нее пальцы, теребитъ и рветъ... Онъ подбѣгаетъ къ кобылѣ. Ему кажется, что палачъ недостаточно усерденъ.

„Не мажь!“ кричитъ онъ ему, „я тебѣ говорю: не мажь, сволочь, самого запорю! Крѣпче... рѣже...“

„Двадцать пять... двадцать шесть... двадцать семь...“ считаетъ надзиратель.

Съ дьявольскимъ свистомъ щелкаетъ плеть и впивается въ тѣло, которое подъ ней вздувается и чернѣетъ.

У доктора кружится голова и противная тошнота подступаетъ къ горлу, а мозгъ больно сверлятъ вопросы: „Что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты здѣсь, ты, представитель гуманной профессіи“. Онъ схватываетъ стаканъ съ водой и пьетъ жадными глотками. Зубы выбиваютъ дробь на стаканѣ. Палачъ переходитъ на другую сторону кобылы... Мартыновъ глухо стонетъ. Докторъ заявляетъ, что приговоренный дальнѣйшаго наказанія не вынесетъ.

„Плоховаты у васъ нервы, докторъ“, говоритъ начальникъ тюрьмы, „напрасно волнуетесь; они, прохвосты, живучи... развѣ это наказаніе, дѣтская игра и больше ничего. Вотъ раньше пороли, такъ ужъ дѣйствительно мясо кусками летѣло...

Наказаннаго развязали, одѣли и увели въ больницу. Начальникъ взялъ списокъ.

„Баба-Ханъ!“ вызываетъ онъ.

Арестанты переглядываются. Между ними нѣтъ Баба-Хана.

„Гдѣ же Баба-Ханъ?“ обращается начальникъ къ надзирателямъ. Надзиратели молчатъ. „Да гдѣ же онъ, чортъ его дери“, „спрятался что ли?“

„Должно въ камерѣ, в—е в—діе“, говоритъ старшій надзиратель.

„Розыщи“, приказываетъ начальникъ, „я ему прохвосту ужъ всыплю!“

Надзиратель ушелъ и черезъ минуту онъ вылетѣлъ изъ камеры блѣдный съ перекошеннымъ лицомъ.

„Ваше высокоблагородіе!“ докладываетъ онъ, едва переводя дыханіе „такъ что неблагополучно... тамъ... подъ нарами кто-то хрипитъ... и кровь оттуда текетъ“.

Начальникъ тюрьмы бросился въ камеру. За нимъ докторъ и прокуроръ. Надзиратели окружили арестантовъ, оставшихся въ корридорѣ.

Вошедшимъ въ камеру бросилась огромная лужа крови, текущей изъ-подъ наръ, откуда неслись хрипящіе и хлюпающіе звуки. Заглянули подъ нары, но въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Прокуроръ блѣдный метался по камерѣ.

„Чего столбомъ стоишь, ворона“, накинулся начальникъ тюрьмы на старшаго надзирателя, „нужно его оттуда вытащить!“

Побѣжали за арестантами, привели двухъ; они полѣзли подъ нары и, перепачкавшись въ крови, вытащили товарища. Это былъ Баба-Ханъ. Онъ уже находился въ агоніи. На шеѣ огромная, зіяющая рана, въ глубинѣ которой бѣлѣли перерѣзанные хрящи, кипѣла и клокотала кровь. Баба-Ханъ не выдержалъ ожиданія наказанія, забрался подъ нары и тамъ, въ темнотѣ, перерѣзалъ себѣ горло сапожнымъ ножемъ [1]). Докторъ дрожащими руками сдѣлалъ перевязку. Баба-Хана уложили на носилки и понесли въ больницу. Когда проходили мимо секретныхъ, въ одной изъ нихъ затрещала дверь подъ ударами кулаковъ и ногъ. „Кровопійцы“, неслось оттуда, „отнюдь не смѣете наказывать братьевъ и сестеръ моихъ... Обазартѣли въ кровопіи!.. Убрать съ острова, какъ мерзавцевъ и негодяевъ!.. Поддувалы ада... Будьте прокляты до седьмого колѣна!“ — Это кричалъ сумасшедшій, запертый въ корпусѣ. Долго по пустому корридору неслись „безумныя“ рѣчи и гремѣла дверь подъ ударами кулаковъ.

Бывшій сахалинецъ (Д-ръ Лобасъ).

[1]) Такой случай дѣйствительно имѣлъ мѣсто на Сахалинѣ.

Липа. СЪ ДОБРЫМЪ УТРОМЪ, МАМА!

Картина.

I.

Окна спальни выходили въ садъ и вѣтви старыхъ кленовъ съ свѣтло-зелеными лапчатыми листьями наклонялись къ самому стеклу, точно старались заглянуть нескромно въ комнату. И весело было, просыпаясь, наблюдать, какъ золотистые солнечные лучи, прорѣзывая густую листву, дрожатъ разбѣгающимися „зайчиками“ по потолку, стѣнѣ и пестрой ткани персидскаго ковра. Подъ карнизомъ окна пріютилось гнѣздо ласточекъ и онѣ хлопотливо, заботливо кружились вокругъ него, чирикая радостно и звонко. Было поздно, когда они наконецъ вставали, пили чай на верандѣ, затянутой вьюнкомъ и дикимъ виноградомъ, и уходили въ поле, въ лѣсъ, къ рѣкѣ. И было весело безцѣльно бродить по пестрѣющимъ цвѣтами лугамъ, забираться въ глушь таинственно-сумрачнаго бора, наблюдать у рѣки переливы догорающаго заката. Всего два мѣсяца, какъ они, повѣнчались и пріѣхали сюда, въ этотъ тихій деревенскій уголокъ. Уѣзжая, они вовсе не думали, что дни въ деревнѣ гораздо короче, чѣмъ въ городѣ, и что вечеръ такъ быстро, такъ незамѣтно смѣняетъ утро. Привезенныя полотна и мольберты, печально стояли въ маленькой полутемной комнаткѣ, и, порою проходя мимо, онъ улыбался. Зачѣмъ бы тащить все это сюда. Иногда, впрочемъ, онъ бралъ съ собою этюдникъ, чтобы зарисовать интересный, замѣченный наканунѣ уголокъ, но полотно такъ и оставалось чистымъ, краски нетронутыми. На самомъ дѣлѣ, вѣдь ей скучно будетъ смотрѣть, какъ онъ рисуетъ. Порою онъ бралъ карандашъ и пробовалъ зарисовать ея профиль, но сеансъ кончали обыкновенно вознею, смѣхомъ и поцѣлуями. Лѣто такъ коротко, нужно пользоваться имъ,—и они снова уходили бродить въ лѣсъ, въ поле, къ рѣкѣ...

II.

Колосилась рожь, и опьяняющій запахъ свѣжаго сѣна носился надъ полями. Отцвѣли липы, и не слышно было уже больше вокругъ нихъ жужжанья хлопотливыхъ пчелъ. Дни стояли душные, знойные и не хотѣлось уходить изъ тѣнистой бесѣдки подъ кленами. Тутъ они просиживали до вечера, и когда спадалъ полуденный зной, уходили снова въ рощу, въ поле, пробирались по узкимъ межамъ, среди низко наклонившейся желтѣющей ржи. Теперь иногда онъ раскрывалъ захваченный ящикъ съ красками и быстрыми, торопливыми мазками зарисовывалъ тотъ или иной пейзажъ. Она сначала внимательно присматривалась къ его работѣ: ее забав-

ляло, какъ изъ пестраго хаоса красокъ постепенно выступали опредѣленные контуры, потомъ это ей надоѣдало, и она уходила собирать букетъ изъ ромашекъ и дикихъ скабіозъ, который обыкновенно увядалъ по дорогѣ къ дому. Когда, увлекшись работою, онъ заставлялъ ее долго ждать, она осторожно подкрадывалась сзади, щекотала его открытую щею длиннымъ стебелькомъ травы, цѣловала затылокъ и онъ, отвѣчая на ея поцѣлуи, медленно складывалъ этюдникъ съ неоконченнымъ наброскомъ.

III.

Однажды, когда небо нахмурилось и, грозя дождемъ, заставило ихъ остаться дома, онъ сталъ разбирать пыльныя, прислоненныя къ стѣнѣ полотна. Это все были большею частью начатыя и не оконченныя работы. Передъ однимъ, самымъ большимъ полотномъ, онъ стоялъ особенно долго.

Въ слегка намѣченныхъ углемъ контурахъ, въ нѣсколькихъ мазкахъ красками, чувствовался уже колоритный замыселъ. Когда-то онъ возлагалъ большія надежды на эту картину. Онъ мѣсяцами вынашивалъ ее въ воображеніи, зарисовывалъ десятки этюдовъ, собиралъ матеріалъ.

Отставивъ полотно, онъ торопливо развязалъ громадную сѣрую папку и сталъ разбирать безпорядочно сложенные этюды.

И снова знакомое, властное чувство просыпалось въ душѣ, просыпалась знакомая, на время забытая, жажда работы, творчества. Онъ поставилъ подрамокъ на выдвинутый мольбертъ, стеръ пыль и торопливо сталъ поправлять углемъ стершіеся контуры.

IV.

Теперь, просыпаясь по утрамъ, онъ торопливо одѣвался и уходилъ въ устроенную имъ на террасѣ мастерскую. И, какъ и раньше, онъ просиживалъ часами за мольбертомъ и бросалъ палитру только тогда, когда въ ногахъ чувствовалась свинцовая усталость, а рука отказывалась держать кисть.

У него не было натурщицы, и это создавало массу затрудненій. Она же на всѣ просьбы и доводы только покачивала своей хорошенькой головкой и, улыбаясь, упорно повторяла: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И онъ, въ мукахъ сомнѣнія, нерѣдко однимъ ударомъ шпахтля уничтожалъ работу нѣсколькихъ дней, и снова брался за кисть. Бывали моменты, когда имъ овладѣвало отчаянье: онъ сомнѣвался въ своемъ талантѣ, въ своей картинѣ, и ему хотѣлось бѣшенымъ ударомъ разорвать въ клочки это полотно. Тогда онъ уходилъ одинъ въ лѣсъ, шелъ напрямикъ безъ дороги, въ самую чащу березовой заросли, ложился на мягкій ярко-зеленый мохъ, прислушивался къ перешептыванью листьевъ, къ щебетанью птицъ. Такъ лежалъ онъ нѣсколько часовъ и возвращался домой успокоенный, веселый и съ новой энергіей брался за кисть.

V.

Она скучала... Ей казалось непонятнымъ это увлеченіе работою, и когда онъ, торопливо отвѣчая на ея поцѣлуи, спѣшилъ снова взяться за кисть и палитру, она уходила обиженная и опечаленная. Она не привыкла къ одиночеству, и одиночество тяготило ее. Иногда она бралась за книгу, но, прочитавъ нѣсколько страницъ, уже оставляла ее, доставала вышиванье, портила шелкъ, ломала иголки. За столомъ и вечерами, когда они сходились вмѣстѣ, она глядѣла серьезно и задумчиво, и ей хотѣлось, чтобы онъ почувствовалъ, понялъ, что она скучаетъ. Но умышленно или вполнѣ естественно онъ не замѣчалъ этого и по обыкновенію весело шутилъ и смѣялся.

Тянулись недѣли, и за это время она впервые почувствовала себя несчастной. Порою она заходила въ мастерскую, усаживалась на низенькомъ диванчикѣ въ углу, и слѣдила за его работой.

Такъ проходили иногда часы, и онъ, отдавшись работѣ, не замѣчалъ ея. И слѣдя за его работою, наблюдая то всепоглощающее творческое вдохновеніе, которое приковывало его къ полотну, въ душѣ у нея зарождалось чувство злобной ненависти къ этому чужому прекрасному тѣлу, которое выступало на полотнѣ. И тогда она уходила изъ мастерской, шла въ садъ, бродила между клумбами, безцѣльно обрывая лепестки георгинъ.

VI.

Точно выкованные изъ червоннаго золота, трепетали въ лучахъ заката листья старыхъ кленовъ. Отъ громаднаго, стоявшаго на столѣ въ простомъ глиняномъ кувшинѣ, букета тянулся сонный ароматъ. Она вошла въ мастерскую и остановилась. На мольбертѣ незадернутая противъ обыкновенія покрываломъ стояла почти оконченная картина. Въ мягкомъ розоватомъ отблескѣ заката, нѣжные, дѣвственно-стройные контуры, казалось, оживали, вздрагивали, трепетали...

Она подошла ближе и съ колющимъ чувствомъ любопытства стала всматриваться въ эту созданную мечтой художника, ея мужа, классически изящную женскую фигуру... И постепенно какое-то жуткое, захватывающее чувство, граничащее съ безумною ревностью, зарождалось, охватывало душу....

. . . . . Она подняла брошенный на полъ тонкій блестящій шпахтль и, не отдавая себѣ отчета, не задумываясь, провела острымъ концомъ его по незасохшимъ краскамъ картины ...

Евгеній Шведеръ.

Во мглѣ.

Крутится бѣлый снѣгъ и воетъ вьюга злая,
А тамъ въ нѣмой дали мелькаетъ огонекъ...
Туда, туда иду я... тамъ моя родная!
Ей все скажу теперь, чего сказать не могъ...
Разбитымъ я приду къ тебѣ съ глухой дороги
И ты меня, мой другъ, узнаешь-ли едва-ль.
Навстрѣчу бурь идя, мои устали ноги,
А сердце бѣдное измучила печаль...
Весна была кругомъ, какъ мы съ тобой разстались.
Цвѣты вдыхали жизнь, былъ въ зелени весь садъ.
Съ тоскою мы съ тобой въ послѣдній разъ прощались,
И жадно я ловилъ твой скорбный нѣжный взглядъ...
Съ тѣхъ поръ давно мелькнули годы жизни,
И я опять бреду обманутый въ мечтахъ...
Невѣдомый и злой, но кто-то жаждетъ тризны,
И ждетъ меня во мглѣ, на каменныхъ плитахъ...
Дорога не легка, но я сберу всѣ силы.
О, Боже, какъ темно и дали какъ пусты!
Рыдай, моя душа! исчезни мракъ могилы.
О, къ ней... туда. . скорѣй... тамъ счастье и мечты...

Леонидъ Порошинъ.

Землетрясеніе въ Италіи. ВОРОТА ГОРОДА БАНЬЯРА.

„Историческій переворотъ“.

Разсказъ Анатолія Каменскаго.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Акимовъ, человѣкъ восторженный и легковѣрный до такой степени, что даже мало знакомые люди называли его не по имени и отчеству, а просто Володей, написалъ своимъ родителямъ въ Тамбовъ длинное письмо. Такъ какъ дѣло было въ концѣ октября, то письмо это пестрѣло такими словами, какъ „обновленіе Россіи“, „актъ мірового значенія“, „грандіозная побѣда пролетаріата“ и т. п., въ общемъ-же содержаніе его сводилось къ тому, что наступившій моментъ призываетъ каждаго порядочнаго гражданина внимательно оглянуться на пройденный путь, ликвидировать устарѣвшіе шаблоны жизни и всѣми мыслями слиться съ великой волной освобожденія.

„Вѣдь ты, дорогой отецъ,—писалъ Акимовъ, между прочимъ,—всю жизнь мечталъ о возвращеніи въ родной *университетскій* Петербургъ, чтобы сбросить съ себя—отнынѣ навсегда позорное—ярмо правительственнаго чиновника. Пенсію ты, слава Богу, выслужилъ (кстати, весьма вѣроятно, что Государственная Дума уменьшитъ пенсіонные оклады), и если когда-нибудь выходить въ отставку, то именно теперь, на порогѣ новой жизни. Наконецъ, еще неизвѣстно, какія потрясенія готовитъ судьба нашему дорогому отечеству и Богъ знаетъ, что ждетъ насъ всѣхъ въ самые ближайшіе дни. Поговариваютъ... и т. д. и т. д.“.

Въ половинѣ ноября, спѣшно распродавъ обстановку, родители Акимова и его восемнадцатилѣтняя сестра Варвара были уже въ Петербургѣ. Морознымъ солнечнымъ утромъ, обнявъ сестру за талію, Володя везъ ее съ вокзала въ гостинницу, а впереди на другихъ санкахъ, ѣхали „старики“—Михаилъ Павловичъ, съ длинными, развѣвающимися на обѣ стороны баками, въ высокой бобровой шапкѣ и съ дорожной сумкой черезъ плечо и Анна Андреевна, розовая, веселая, съ идеально-бѣлыми сѣдыми волосами. Старики то и дѣло оборачивались назадъ, кивали улыбающимися лицами, а Варвара, дѣлая большіе восхищенные глаза, продолжала разсказывать брату:

— Ты не можешь себѣ представить, какъ это было весело и страшно. Когда все остановилось, мы не выходили изъ дому, и у насъ цѣлыми днями сидѣлъ Юрій Константиновичъ. Какъ жалко, что ты его не знаешь—это новый учитель исторіи

въ гимназіи. Онъ разсказывалъ намъ о великой французской революціи. Замѣч-чательно! Оказывается, въ то время не было ничего подобнаго. Понимаешь, пролетаріатъ еще не былъ организованъ. Почему ты смѣешься, Володя? Безспорно не былъ организованъ... И вдругъ манифестъ. Юрій Константиновичъ пришелъ къ намъ страшно гордый и сказалъ, что это великая побѣда пролетаріата. Папочка волновался ужасно и говорилъ, что онъ не раздѣляетъ нашихъ восторговъ. Онъ не сторонникъ половинчатыхъ реформъ. И знаешь, онъ утверждаетъ, что забастовка не доведена до конца. По его мнѣнію, нужно было... Нѣтъ, я даже боюсь это произнести. Ты знаешь папу, какой онъ увлекающійся Съ его стороны непослѣдовательно,— тогда не служи на государственной службѣ. Безспорно!

Свѣжій, наивный запахъ недавно выпавшаго снѣга, колеи, отполированныя полозьями саней, сѣрая пушистая шляпка Варвары, щекотавшая Акимову лицо, повтореніе любимыхъ словечекъ, въ родѣ „безспорно“ и „замѣчательно“, свѣтлоголубые сіяющіе глазки, говорившіе краснорѣчивѣе словъ,— все это гармонически сливалось во что-то необыкновенно-молодое, веселое и радостное, и Володя Акимовъ думалъ, что теперь, съ пріѣздомъ родныхъ, совершенно обновится его личная жизнь. И потомъ цѣлую недѣлю, пока пріискивали и устраивали квартиру, покупали мебель, обѣдали чуть не на ходу, то въ дешевой столовой, то въ дорогомъ ресторанѣ, заходили за каждой мелочью въ магазины всѣ вчетверомъ, Акимову почему-то вспоминались гимназическія времена и онъ находился въ какомъ-то нетерпѣливо-восторженномъ чаду. Ему хотѣлось сразу повезти родныхъ во всѣ интересные уголки Петербурга, разсказать имъ всѣ извѣстные ему политическіе анекдоты, передать содержаніе всѣхъ прочитанныхъ за послѣднее время брошюръ и услышанныхъ на митингахъ и на собраніяхъ рѣчей, а главное розыскивать всѣхъ своихъ пріятелей и знакомыхъ и показать имъ, какіе у него умные, либеральные родители и какая хорошенькая сестра. Вечерами разсматривали вмѣстѣ голова съ головой, номера сатирическихъ журналовъ, причемъ Варвара хлопала въ ладоши и кричала:

— Вотъ видишь, папочка! Кажется ужь это полная свобода печати. Дальше итти некуда. Безспорно.

А Михаилъ Павловичъ скептически качалъ головой и говорилъ:

— Не вѣрится что-то. Поживемъ—увидимъ.

Старикъ носилъ просторные клѣтчатые пиджаки и высокіе цвѣтные жилеты, подвязывалъ галстухи небрежнымъ бантомъ, и это, вмѣстѣ съ длинными сѣдыми волосами, развѣвающимися баками и черепаховымъ пенснэ на широкой тесьмѣ, придавало ему видъ писателя шестидесятыхъ годовъ. За все время службы, принесшей ему постепенно и двухъ Владиміровъ и чинъ дѣйствительнаго статскаго, онъ не отставалъ отъ литературы, выписывалъ „Вѣстникъ Европы“, а за другими толстыми журналами посылалъ въ библіотеку. Въ губерніи, благодаря своимъ журфиксамъ, на которыхъ собиралась молодежь и читались какіе-то рефераты, онъ слылъ радикаломъ, а въ своемъ вѣдомствѣ—образцовымъ работникомъ и администраторомъ. Послѣднія десять—двѣнадцать лѣтъ онъ регулярно вписывалъ въ большую, роскошно переплетенную тетрадь свои мемуары подъ заглавіемъ: „Въ невѣдомомъ царствѣ“, гдѣ въ одинаково каррикатурномъ видѣ выводилось нѣсколько тамбовскихъ губернаторовъ и предсѣдателей земскихъ управъ.

И теперь, любуясь звѣроподобными изображеніями министровъ во главѣ съ премьеромъ, наряженнымъ въ клоунскій костюмъ, Михаилъ Павловичъ весело теребилъ бакенбарды и предвкушалъ удовольствіе, какъ черезъ нѣкоторое время онъ переработаетъ и пошлетъ въ „Вѣстникъ Европы“ выдержки изъ завѣтнаго дневника. А заглавіе такъ и можно будетъ оставить: „Въ нѣкоторомъ царствѣ“. И язвительно, и, въ то же время, прозрачно.

Ходили то въ театръ, то въ копѣечный кинематографъ, осматривали музеи, гуляли по улицамъ, по пассажу и по гостинному двору, и отъ всего Варвара была въ одинаковомъ восхищеніи и говорила: „ахъ, какъ красиво!“ такимъ тономъ, какъ будто она пріѣхала въ Петербургъ прямо съ необитаемаго острова. А когда вечеромъ, дома, она ѣла хлѣбъ со сливочнымъ масломъ или самую обыкновенную чайную колбасу, то на лицѣ у нея было написано невыносимое наслажденіе и она восклицала съ какимъ-то стономъ:

— Ахъ, какъ вкусно! Замѣч-чательно!

И это у нея выходило такъ забавно, что Акимову хотѣлось ее расцѣловать.

Михаилъ Павловичъ также былъ всѣми доволенъ, и безпокоило его только одно, почему у Доминика уже не существуетъ билліардовъ.

Квартиру наняли на Владимірской, довольно большую, окнами на улицу и размѣстились такъ: у стариковъ, у Володи и у Варвары по отдѣльной комнатѣ; а столовая и гостиная общія. Привезенныя изъ Тамбова олеографіи, фотографическія группы, вѣера и открытки вмѣстѣ съ мебелью, купленною по случаю и разставленною на провинціальный ладъ, создали изъ квартиры уютный уголокъ.

— Я предчувствую, что у насъ будетъ страшно весело,—щебетала Варвара,— и ты непремѣнно, Володичка, устрой такъ, чтобы у насъ собирались почаще. Ну, что тебѣ стоитъ! Наконецъ это твоя обязанность. Безспорно! Я хочу все, все знать, что̀ дѣлается на свѣтѣ. Мы будемъ большой компаніей ходить на митинги. Хорошо? Вѣдь митинги у насъ пока что единственная политическая школа. Ты опять смѣешься, Володька! Развѣ это не вѣрно? Безспорно, единственная школа...

Анатолій Каменскій.

ЖИЗНЬ.

...Sie sassen beisammen
am Thectisch Heine.

Старыя дѣвы обоего пола
Чинно сидѣли за чайнымъ столомъ...
— „Жизнь—это праздникъ“...— „Нѣтъ,—жизнь—это школа..“
— „И очень трудная школа при томъ...“
— „Жизнь—это очень серьезное дѣло...“
—„Жизнь—это путь совершенства и думъ..“
—„И приступать къ нему надо умѣло,
Все разсчитавши,—а не наобумъ...“
Ты лишь одна не сказала ни звука...
Но я почуялъ въ огнѣ твоихъ глазъ:
— „Жизнь—это счастье,—и жизнь это—мука,
Жизнь—это то, чего нѣту у васъ...
Жизнь—это то, что приходитъ, проходитъ,
Страстно волнуя, томя и спѣша...
Жизнь—это если безуміе бродитъ,
Жизнь—это если трепещетъ душа...
Жизнь—это...“
Боги!..—какія мечтанья...
Спрячь ихъ поглубже, покрѣпче скрывай...
Пусть эти муміи въ чинномъ собраньи
Пьютъ безъ помѣхи остынувшій чай...

Скиталецъ-Яковлевъ.

Исчезновеніе лжи.

Разговоръ объ искусствѣ *Оскара Уайльда.*

(*Продолженіе.*)

Вивіанъ. Послѣдовательное изученіе Бальзака превращаетъ нашихъ друзей въ тѣни, а ихъ знакомыхъ въ тѣни тѣней. Его герои живутъ пламенной, огненной жизнью. Они овладѣваютъ нами, разрушая всѣ сомнѣнья. Одной изъ самыхъ великихъ трагедій моей жизни является смерть Lucyau'a de Rubempre. Я еще не вполнѣ освободился отъ этой пронизывающей печали. Она властвуетъ надо мной въ моменты высшей радости и часто заглушаетъ взрывы смѣха. Но Бальзакъ—не реалистъ, точно такъ же, какъ и Гольбейнъ. Онъ создавалъ жизнь, а не ея копію. Однако нужно сознаться, что онъ слишкомъ много обращалъ вниманія на модернизмъ, благодаря чему и не оставилъ ни одного произведенія, которое, какъ шедевръ, можно было бы поставить рядомъ съ Salambo, или Viconte de Bregelonne.

Кириллъ. Значитъ, ты противникъ модернизма?

Вивіанъ. Да. Слишкомъ высокія цѣны онъ ставитъ на сравнительно низкіе результаты. Чистая модернистическая форма имѣетъ въ себѣ что-то обыкновенное. Общество думаетъ, что если оно занимается непосредственно своей средой, то и искусство также должно заниматься ею и сдѣлать ее своимъ содержаніемъ. А между тѣмъ то обстоятельство, что общество интересуется этой частью жизни, исключаетъ послѣднюю изъ области искусства. Единственно красиво, какъ кто-то сказалъ, это то, что насъ совершенно не интересуетъ. Если же что-нибудь намъ необходимо или приноситъ намъ пользу, вызываетъ въ насъ печаль или радость, любовь или ненависть, однимъ словомъ составляетъ часть нашей жизненной сферы—то этимъ самымъ оно остается внѣ области искусства. Къ предмету искусства мы должны болѣе или менѣе относиться равнодушно, а во всякомъ случаѣ мы не должны поддаваться вліянію симпатій, предразсудковъ или другихъ пристрастныхъ чувствъ. Гекуба въ корнѣ вещей для насъ совершенно безразлична, а поэтому ея страданья являются благодарнымъ трагическимъ мотивомъ. Я не знаю въ области литературы ничего болѣе удручающаго, чѣмъ артистическая карьера Charles Reude'a. Онъ написалъ единственную книжку: The Cloister and the Hearth, книжку, которая стоитъ выше Romo'la i Danie'la Derond'a; а остальную часть жизни употребилъ на глупыя модернистическія усилія, стараясь обратить вниманіе общества на положеніе нашихъ тюремъ и сумасшедшихъ домовъ. Уже Charles Dickens дѣйствовалъ удручающе, когда обращался къ нашему сочувствію для пожертвованій устава о бѣдныхъ, но Charles Reude—артистъ, ученый, человѣкъ, который дѣйствительно чувствуетъ прекрасное, а между тѣмъ бичуетъ злоупотребленія общественныхъ учрежденій, словно первый памфлетистъ какого-нибудь сенсаціоннаго журнала—это зрѣлище, которое даже у ангеловъ должно вызвать слезы. Вѣрь мнѣ, Кириллъ, что требованіе модернизма формы и содержанія—абсолютно ошибочное. Одѣянія музъ мы замѣнили обыкновенной будничной одеждой и проводимъ наши дни на грязныхъ улицахъ и отвратительныхъ предмѣстьяхъ нашихъ безобразныхъ городовъ въ то время, какъ мѣсто наше

на горѣ возлѣ Аполлона. Дѣйствительно, мы—переродившаяся раса, а первородство продали за блюдо фактовъ.

Кириллъ. Въ томъ, что ты сказалъ, много вѣрнаго. Если мы и прочитываемъ съ удовольствіемъ произведеніе въ модернистическомъ стилѣ, тѣмъ не менѣе мы рѣдко получаемъ артистическое наслажденіе при вторичномъ чтеніи. А это, кажется, является наилучшей мѣркой того, что собственно принадлежитъ къ истинной литературѣ. Если какое нибудь произведеніе нельзя прочесть съ удовольствіемъ нѣсколько разъ, то это доказываетъ, что его вообще не стоило читать. А каковъ твой взглядъ на возвращеніе къ жизни и къ природѣ? Это, вѣдь, то универсальное средство, которое намъ постоянно рекомендуютъ.

Вивіанъ. Я готовъ отвѣтить тебѣ сейчасъ же на твой вопросъ, хотя это и находится въ другомъ отдѣлѣ моей статьи; ну, слушай:

...Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы: вернемтесь къ жизни и къ природѣ; онѣ возродятъ искусство, вольютъ пурпурную кровь въ его жилы, окрылятъ его ноги и придадутъ силу ладонямъ. Но къ сожалѣнію! на ложную дорогу ведутъ эти честныя усилія. Природа всегда остается позади своей эпохи. А жизнь?..—она, именно является истребителемъ искусства, врагомъ, уничтожающимъ его пашни.

Кириллъ. Что ты хочешь сказать словами, что природа всегда остается позади своей эпохи?

Вивіанъ. Да, быть можетъ смыслъ этой фразы не совсѣмъ ясенъ. Я объясню тебѣ это подробнѣе. Благодаря тому, что въ природѣ мы видимъ только плохой. естественный, простой инстинктъ въ противорѣчіи съ освѣдомленной культурой, то созданное подъ этимъ вліяніемъ произведеніе всегда будетъ отдавать прожитой эпохой. Одна щепотка природы связываетъ цѣлый міръ въ узелъ родства, но двѣ щепотки должны испортить каждое произведеніе искусства. Съ другой стороны, принимая природу за сумму внутреннихъ явленій, мы открываемъ въ ней только то, что сами вкладываемъ. Сама же она совершенно ничего не даетъ. Wordsworth пошелъ къ озерамъ, однако не научился ихъ воспѣвать. Въ камняхъ онъ нашелъ только то, что самъ въ нихъ вложилъ. Онъ прошелъ, словно проповѣдникъ, всю страну, но истинно хорошія произведенія онъ создалъ только тогда, когда вернулся не къ природѣ, а къ поэзіи. Поэзія дала ему Lealami'ю, чудные сонеты и великолѣпную Srent ode. Природѣ же онъ обязанъ такими произведеніями, какъ Marthr Ray и Peter Bell, а также обращеніемъ къ заступу Mr. Wil-Kinzon'a.

Кириллъ. Я охотнѣе вѣрю во „вдохновеніе, плывущее изъ весенняго бора“, хотя, конечно, артистическое достоинство такого вдохновенія находится въ зависимости единственно отъ сущности души, такъ что возвращеніе къ природѣ по-просту означало бы развитіе рѣдкаго индивидуума. Съ этимъ ты, конечно, согласенъ? Но продолжай дальше.

Вивіанъ (читая). „Отвлеченную декорацію искусство начинаетъ фантастическимъ творчествомъ, интересуясь только тѣмъ, что навѣрно и не существуетъ. Это—первый фазисъ искусства. Затѣмъ жизнь, ослѣпленная этимъ новымъ чудомъ, требуетъ входа въ заколдованный кругъ. И искусство беретъ жизнь въ качествѣ сырого матеріала, которымъ пользуется, измѣняетъ ее, преображаетъ, не принимая совершенно во вниманіе фактовъ, фантазируетъ, мечтаетъ, ставя между собою и дѣйствительностью непреодолимыя преграды изъ великолѣпнаго слога и декоративной, идеальной творческой системы. Въ третьемъ фазисѣ своего развитія—жизнь пріобрѣтаетъ перевѣсъ и загоняетъ искусство на дикія бездорожья. Это—настоящее декадентство, за которое мы въ настоящее время и страдаемъ.

„Присмотримся, напримѣръ, къ англійской драмѣ. Сначала въ рукахъ монаховъ драматическое искусство было отвлеченнымъ, декоративнымъ и миѳологическимъ. Затѣмъ оно приняло себѣ въ услуженіе жизнь и нѣкоторыя ея внѣшнія формы; создало міръ существъ, совершенно новыхъ, страданія которыхъ превосходили всѣ человѣческія страданія, а радости оставили далеко за собою высшее счастье любовниковъ; оно создало существа со страстью титановъ и спокойствіемъ боговъ, съ уродливыми пороками и большими качествами. Этихъ существъ оно надѣлило рѣчью, отличной отъ обыкновенной, языкомъ, звучащимъ мелодичной, волнообразной риѳмой и великолѣпнымъ благодаря торжественности тона, блестящимъ вслѣдствіе обилія чудныхъ словъ, словно драгоцѣнностями, богатымъ возвышенностью полета. Оно нарядило своихъ дѣтей въ чужія одежды и дало имъ маски, и по его велѣнію старый

міръ возсталъ изъ своего мраморнаго гроба. Новый Цезарь ступалъ по улицамъ воскресшаго Рима, а челнъ новой Клеопатры съ пурпурными парусами и съ веслами мчался по новымъ водамъ навстрѣчу Антонію. Старые миѳы, легенды и чародѣйства приняли образъ и жизнь. Дѣянія міра на-ново были записаны, и не было ни одного драматурга, который бы не зналъ, что цѣлью искусства является не простая правда, а примѣненіе разнородной красоты. И они были вполнѣ правы, потому что искусство, въ дѣйствительности,—форма преувеличенія.

„Однако, жизнь быстро уничтожила совершенство формы. Уже у Шекспира мы можемъ видѣть начало этого конца. Оно проявляется въ постепенномъ нерадѣніи къ бѣлому стиху, въ перевѣсѣ прозы, въ чрезмѣрной заботѣ о правдивости характеровъ. Всѣ отрывки у Шекспира—а ихъ очень много—въ которыхъ языкъ обыкновененъ, тривіаленъ, тяжелъ, фантастиченъ и даже порой неприличенъ, явились только по винѣ жизни, вызывающей свое собственное эхо и отбрасывающей вмѣшательство красиваго слога, благодаря которому исключительно выраженіе жизни могло сдѣлаться сноснымъ. Какъ артистъ, Шекспиръ не безъ пятна. Слишкомъ охотно онъ бросается къ жизни и заимствуетъ у нея естественные звуки. Онъ забываетъ, что искусство, которое лишается артистическихъ средствъ, этимъ самымъ лишается всего. Гёте гдѣ-то говоритъ: In der Beschränkung geizt sich erst der Meister.

А этимъ ограниченіемъ, существеннымъ условіемъ всякаго искусства является стиль. Мы не будемъ больше останавливаться на реализмѣ Шекспира; мы хотѣли только показать, что искусство уже со временъ Якова и Елизаветы содержало въ себѣ разрушительный элементъ. Шекспиръ, откровенно говоря, пріобрѣлъ знаменитость—но онъ пользовался жизнью въ качествѣ сырого матеріала, а за то другіе тогдашніе артисты—слабы, потому, что они пользовались жизнью, какъ артистической формой. Неминуемымъ слѣдствіемъ пользованія, средствами подражательными вмѣсто творческихъ, этого отреченія отъ поэтической формы явилась современная англійская мелодрама. Герои въ этихъ драмахъ говорятъ на сценѣ такъ, какъ будто дѣйствуютъ въ обыденной жизни; взятыя непосредственно изъ жизни до мельчайшихъ подробностей, онѣ показываютъ всю его тривіальность; въ движеніяхъ, въ своемъ поведеніи, въ одеждѣ, въ способѣ держаться они слѣдуютъ настоящимъ людямъ; они смѣло могли бы ѣхать въ вагонѣ третьяго класса, не обращая ничьего вниманія! И несмотря на все это—какъ невыносимо скучны эти драмы! Онѣ даже не передаютъ того впечатлѣнія дѣйствительности, которое является ихъ цѣлью и единственнымъ оправданіемъ ихъ существованія. Вотъ система, натурализмъ является чѣмъ-то превратнымъ.

То, что относится къ драмѣ и роману, мы можемъ также примѣнить и къ тѣмъ произведеніямъ, которыя назвали декоративными. Исторія этихъ произведеній въ Европѣ полна борьбой оріенталистической философіи съ ея гордымъ презрѣніемъ къ подражанію, любовью къ артистическому соглашенію, отвращеніемъ къ слѣпому раскрытію дѣйствительности—полна этой борьбой оріенталистической философіи съ нашимъ подражательнымъ порывомъ. Гдѣ только оріентализмъ пріобрѣлъ перевѣсъ или черезъ непосредственное противодѣйствіе, какъ въ Безансонѣ, Сициліи и Испаніи, или же въ другихъ частяхъ Европы вслѣдствіе вліянія крестовыхъ походовъ,—вездѣ появлялись прекрасныя произведенія творческаго духа, превратившія реальную жизнь въ искусство и обогатившія ее великолѣпными, еще неизвѣстными новыми элементами. Въ то же время возвращеніе къ жизни и природѣ дѣлало наше творчество всегда обыкновеннымъ, банальнымъ и не интереснымъ. Новые обои, полные преувеличенныхъ эфектовъ, съ громадными, но излишними пространствами неба,—все это, выработанное со всей мелочностью натуралистическаго метода, лишено настоящей красоты. Живопись на стеклѣ, столь распространенная въ Германіи, попросту отвратительна. Въ Англіи начинаютъ выдѣлывать недурные ковры, но только благодаря тому, что мы вернулись къ системѣ и духу оріентализма. Наши ковры и плафоны даже для филистера сдѣлались предметомъ смѣха, только вслѣдствіе своего мелочнаго, угнетающаго реализма, безсмысленнаго культа природы и рабскаго открытія предметовъ, подверженныхъ впечатлѣнію чувствъ. Одинъ изобрѣтательный магометанинъ однажды сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: Вы, христіане, такъ стараетесь измѣнить смыслъ четвертой заповѣди, что никогда еще не подумали объ артистическомъ использованіи второй. И онъ вполнѣ правъ; въ переносномъ смыслѣ его слова звучатъ: истиннымъ маэстро искусства является не жизнь, а само искусство“.

Теперь я прочту тебѣ ту часть моей статьи, которая, какъ мнѣ кажется, очень мѣтко разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

„О поэтахъ мы говорить не будемъ, такъ какъ за исключеніемъ Wordsworh'a они остались вѣрными своему возвышенному назначенію.

Но въ произведеніяхъ Геродота, котораго, несмотря на безсильныя и неблагородныя усилія со стороны современныхъ псевдо-ученыхъ, можно было бы назвать „отцомъ лжи"; въ рѣчахъ Цицерона и жизнеописаніяхъ Светона; въ самыхъ лучшихъ отрывкахъ Тацита; въ естественной исторіи Плинія; во всѣхъ старыхъ хроникахъ; въ житіяхъ святыхъ; въ описаніяхъ происшествій Марко Поло; въ великолѣпныхъ Rokigirum and Ostentorum Chronikow Iycosthcnes'a; въ автобіографіи Бенвенуто Чиллини; въ дневникахъ Casanow'ы; въ History of the Bregue Дэфоэ; въ телеграммахъ Наполеона и въ произведеніяхъ нашего Карлейля, French Revolusion котораго является замѣчательной исторической повѣстью изъ всѣхъ, которыя когда либо были написаны,—во всѣхъ тѣхъ документахъ человѣческаго духа факты или занимаютъ второстепенное мѣсто или же вслѣдствіе своей безсмысленности совершенно отсутствуютъ. Въ настоящее же время все подвергнулось перемѣнѣ. Факты не только пріобрѣли основательное мѣсто въ династіяхъ, но и вторгаются въ область фантазіи и торжественно вступаютъ въ царство поэзіи. Вездѣ чувствуется ихъ леденящее дыханіе, они понижаютъ уровень общества. Суровый тонъ Америки, ея матеріализмъ, равнодушіе ко всему, что овѣяно поэзіей, недостатокъ фантазіи и высокихъ недостижимыхъ идеаловъ слѣдуетъ объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что народнымъ богатыремъ былъ выбранъ человѣкъ, который, по собственному признанію не способенъ ко лжи; и нѣтъ преувеличенія въ томъ, что разсказъ о Георгіѣ Вашингтонѣ и Вишнѣ въ короткое время принесъ гораздо больше вреда, чѣмъ какая нибудь моралистическая новость въ цѣлой всемірной литературѣ..

Кириллъ. Но, мой милый!..

Вивіанъ. Я тебя увѣряю, что это правда, и самымъ комичнымъ изъ всего этого является то обстоятельство, что разсказы о вишнѣ—сказка. Однако не думай, что я не вѣрю въ артистическую будущность Америки или нашего отечества. Но слушай дальше:

„Мы не сомнѣваемся, что еще передъ наступленіемъ новаго вѣка должна произойти рѣшительная перемѣна. Общество, утомленное поучительной повѣстью людей, лишенныхъ какъ способности къ преувеличенію, такъ и поэтическаго мышленія; соскучившейся компаніей интеллигентовъ, воззрѣнія которыхъ всегда согласны съ дѣйствительностью, а убѣжденія постоянно принимаютъ оттѣнки правдоподобія,—правда, они находятъ услужливыхъ филистеровъ, готовыхъ ихъ поддержать,—общество, не будучи въ состояніи переносить подобнаго положенія вещей, рано или поздно должно будетъ вернуться къ брошенному своему проводнику, чистому лгуну. Кто былъ первымъ поэтомъ, который, хотя и не принималъ никогда участія въ этой охотѣ, однако, въ вечерній часъ разсказывалъ изумленнымъ отшельникамъ, какъ изъ пурпурнаго мрака зеленой пещеры онъ вытащилъ megatherium'a или побѣдилъ мамонта, унося въ качествѣ добычи золотистые его кости,—кто былъ этимъ первымъ фантазеромъ, того мы не знаемъ, точно такъ же, какъ это не можетъ сконстатировать никто изъ современныхъ антропологовъ, несмотря на всю гордость своимъ знаніемъ. Не обращая вниманія на его имя и происхожденіе, тотъ человѣкъ безъ сомнѣнія былъ истиннымъ творцомъ общественныхъ отношеній. Вѣдь цѣль лгуна—оправдывать, приводить въ восхищеніе. Онъ является настоящимъ очагомъ цивилизованнаго общества, и безъ него самое пышное торжество во дворцѣ аристократа будетъ такимъ же скучнымъ, какъ публичная лекція въ Royal Society, или пренія въ обществѣ Incorporated Authors, или, наконецъ, фарсъ Бурнанда.

И не одно только общество встрѣтитъ его съ радостью. Искусство, вырвавшись изъ казематовъ реализма, выбѣжитъ къ нему на встрѣчу и поцѣлуетъ его въ чудныя, лживыя уста, зная отлично, что онъ одинъ только понялъ великую тайну всѣхъ его проявленій,—тайну, что правда является единственно и исключительно вопросомъ формы. Жизнь же—плохая, правдоподобная, скучная, человѣческая жизнь—усталая отъ безконечнаго повторенія самой себя по волѣ Герберта Спенсера, ученыхъ историковъ и всѣхъ рачительныхъ людей, производящихъ выясненія и занимающихся статистикой,—послѣдуетъ за нимъ въ молчаніи своей обычной неприну-

жденной походкой, стараясь воспроизвести часть тѣхъ чудесъ, о которыхъ онъ будетъ разсказывать.

Безъ сомнѣнія всегда найдутся критики, которые, подобно рецензенту изъ Saturday Review, начнутъ бранить создателя чарующихъ разсказовъ, найдя въ нихъ недостаточное знакомство съ естественной исторіей; они осудятъ произведенія фантазіи благодаря отсутствію собственной фантазіи, съ испугомъ поднимутъ вверхъ руки, выпачканныя чернилами, если достопочтенный джентельменъ, который никогда не выходилъ изъ-за ограды своего сада, напишетъ восхитительныя впечатлѣнія о путешествіи, какъ Sir John Mandeville, или же покажетъ дѣянія міра, какъ великій Raleigh, не имѣя понятія о всемъ историческомъ прошломъ. Для собственнаго оправданія онъ будетъ прятаться за щитомъ того маэстро, который создалъ Prospera, колдуна, прибавивъ ему въ услуженіе Калибана и Аріэля; того, который у коралловыхъ рифовъ заколдованнаго острова вслушивался въ трубы тритоновъ, а въ рощѣ около Аѳинъ—въ пѣсни русалокъ; того, который велъ блѣдные хороводы царскихъ домовыхъ на туманныя покатости Шотландіи, а въ пещерѣ скрывалъ Гекату и ея черноокнижныхъ сестрицъ. И будутъ какъ всегда ссылаться на Шекспира, безконечно цитируя этотъ избитый отрывокъ объ искусствѣ, отражающемъ природу, забывая совершенно, что Гамлетъ пользуется этимъ роковымъ афоризмомъ только для того, чтобы всѣхъ присутствующихъ убѣдить въ рѣшительномъ своемъ невѣжествѣ въ области искусства.

Кириллъ. Гм..! Пожалуйста, дай мнѣ еще одну папироску.

Вивіанъ. Мой милый, что бы ты ни говорилъ, этотъ отрывокъ будетъ всегда только драматической уловкой, и его нельзя считать выраженіемъ артистическихъ взглядовъ Шекспира точно такъ же, какъ и декламацію Яго нельзя считать выраженіемъ этическихъ взглядовъ поэта. Но выслушай до конца:

„Искусство можетъ усовершенствоваться только при помощи самого себя, а не подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ причинъ. Сходство съ видимымъ міромъ для сужденія о немъ не играетъ никакой роли. Оно скорѣе является занавѣсомъ, чѣмъ зеркаломъ. Оно обладаетъ цвѣтами, которыхъ не знали лѣса, птицами которыя никогда не жили въ чащѣ деревьевъ. Оно создаетъ міръ и уничтожаетъ; при помощи пурпурной нити оно можетъ снять мѣсяцъ съ неба. Ему принадлежатъ „формы, которыя правдивѣе, чѣмъ живые люди“ и великіе прообразы, живыя воплощенія которыхъ являются едва слабыми копіями. Природа, по его взглядамъ, не имѣетъ никакихъ законовъ. Оно творитъ чудеса, когда является у него желаніе, и вызываетъ омерзительныхъ уродовъ изъ бездны; оно покрываетъ миндальное дерево въ суровую зиму цвѣтами, а золотые колосья хлѣба покрываетъ пухомъ изъ снѣга. По его велѣнію, морозъ прикладываетъ свои серебряные пальцы къ горячимъ устамъ лѣта, и крылатые львы выходятъ изъ своихъ мрачныхъ ливійскихъ пещеръ. Дріады любопытнымъ взоромъ смотрятъ на него изъ гущи, а загорѣлые фавны ему усмѣхаются. Божества съ соколиными головами преклоняются передъ нимъ и кентавры гарцуютъ вокругъ него.

Кириллъ. Это мнѣ нравится. Я, кажется, вижу все то, о чемъ ты только что говорилъ. Это уже конецъ?

Вивіанъ. Нѣтъ. Еще слѣдуетъ одинъ отрывокъ чисто практическаго характера. Онъ дастъ нѣсколько способовъ воскресить забытое искусство лжи.

Кириллъ. Но прежде, чѣмъ ты его прочтешь, разрѣши мнѣ одинъ вопросъ. Что ты понимаешь подъ словами: жизнь, „плохая, правдоподобная, скучная человѣческая жизнь“ старается идти по слѣдамъ искусства? Я согласенъ съ тобою, что на искусство нельзя смотрѣть, какъ на зеркало. Ты полагаешь, что это было бы уравненіе роли генія съ простымъ фотографическимъ аппаратомъ. Но ты вѣдь не хочешь сказать, что жизнь копируетъ искусство, что она является зеркаломъ, а искусство—дѣйствительностью.

Вивіанъ. Именно это. На первый взглядъ это кажется парадоксомъ—а парадоксы всегда опасны—однако мнѣніе, что жизнь копируетъ искусство въ гораздо большей степени, чѣмъ искусство—жизнь, является вѣрнымъ. Мы всѣ въ Англіи могли бы наблюдать, какъ странный и очаровательный типъ красоты, созданный двумя истинными художниками, до такой степени повліялъ на жизнь, что, сколько бы разъ мы ни находились въ многочисленномъ обществѣ или на художественной выставкѣ, насъ поражаютъ то таинственные глаза, о которыхъ мечталъ Розетти, то

длинная, бѣлая шея, четырехугольная борода, волнистые волосы, которые такъ пламенно любилъ художникъ, то нѣжная женственность „The Golden Stair", то розовыя уста и томная красота „Laus Amoris", то блѣдное отъ страсти лицо Андромеды, худощавыя руки и звучный голосъ Вивіана изъ „Merlin's Dream". И такъ было всегда. Великій художникъ создаетъ извѣстный типъ, а жизнь старается подражать ему, обратить въ популярную форму, словно предпріимчивый издатель. Ни Гольбойнъ, ни Ванъ-Дикъ не нашли въ Англіи того, что они намъ дали. Они принесли свои типы съ собою, а жизнь со своей подражательной способностью доставила имъ только модели. Греки это знали благодаря своему артистическому чутью, и въ комнатѣ молодой дѣвушки ставили статую Гермеса или Аполлона, чтобы, глядя на произведенія искусства, она въ минуты удовольствія и боли рождала дѣтей столь же красивыхъ. Они знали, что жизнь воспринимаетъ у искусства не только выраженіе одухотворенности, глубину мысли и чувства, спокойствіе души и томленіе, но что и въ отношеніи линій и красокъ она можетъ соображаться съ искусствомъ и открывать одинаково какъ достоинства Фидія, такъ и грацію Праксителя. Это объясняетъ ихъ презрѣніе къ реализму. Они ненавидѣли его по чисто общественнымъ причинамъ; они чувствовали, что реализмъ безусловно безобразитъ человѣка, и были правы.

Мы стараемся объ улучшеніи рассы при помощи чистаго, здороваго воздуха, солнца, хорошей воды и отвратительныхъ голыхъ бараковъ, которые представляютъ собою обиталища бѣднымъ слоямъ населенія. Но, вѣдь, все это можетъ повліять только на укрѣпленіе здоровья, а не на созданіе красоты. Для этого необходимо искусство, и истинными учениками великаго учителя являются не его подражатели, а тѣ, которые сами себя воспитываютъ на образахъ его произведеній. Однимъ словомъ: жизнь является самымъ лучшимъ и единственнымъ ученикомъ искусства.

То же самое можно сказать и относительно литературы. Самой живой и вмѣстѣ съ тѣмъ самой тривіальной иллюстраціей можетъ послужить поведеніе тѣхъ подростковъ, которые, начитавшись приключеніями Jack'a Steppard'a или Dick'a Turpin'a, обворовываютъ несчастныхъ торговокъ овощами, ночью врываются въ кондитерскія или же, надѣвъ черныя маски, пугаютъ въ предмѣстьяхъ холостыми выстрѣлами почтенныхъ джентльменовъ, возвращающихся изъ города. Это любопытное явленіе регулярно повторяется послѣ каждаго новаго изданія одной изъ поименованныхъ книжекъ; общество обыкновенно объясняетъ это вліяніемъ литературы на воображеніе. Но мысль эта невѣрна; воображеніе прежде всего является творческимъ и постоянно ищетъ для себя новыхъ формъ. Эти мальчики-бродяги—неминуемый результатъ подражательнаго инстинкта жизни; они являются проявленіемъ жизни, всегда и вездѣ копирующей искусство. То же самое повторяется въ болѣе широкихъ размѣрахъ на всемъ протяженіи жизненной линіи. Шопенгауэръ далъ намъ анализъ пессимизма, характернаго для современнаго мышленія, но создалъ пессимизмъ Гамлетъ. Міръ сдѣлался печальнымъ только потому, что маріонетка, пущенная Шекспиромъ, когда-то страдала меланхоліей. Нигилистъ, этотъ удивительный мученикъ безъ вѣры, идущій на эшафотъ безъ энтузіазма и умирающій за то, во что не вѣритъ,—продуктъ единственно литературы. Его создалъ Тургеневъ, а закончилъ Достоевскій. Робеспьеръ воспитался на картахъ Руссо точно такъ же, какъ Народный Дворецъ [1]) родился изъ осколковъ романа. Поэзія всегда опережаетъ жизнь; послѣдняя ее копируетъ, измѣняя согласно своимъ цѣлямъ. Девятнадцатый вѣкъ, насколько мы его знаемъ, въ большей своей части является открытіемъ Бальзака. Мы только примѣчаніями и излишними разсужденіями усовершенствуемъ капризъ, фантазію или творческую мечту литературы. Я когда-то спросилъ закадычную подругу Теккерея, была ли Becky Sharp создана по модели. Она мнѣ объяснила, что Becky является плодомъ фантазіи, но психологію характера поэту подсказала какая-то гувернантка, исполняющая обязанности компаньонки у очень эгоистичной и богатой старой дамы въ окрестностяхъ Rensington Square. Я спросилъ о дальнѣйшей участи этой гувернантки; оказалось, что она страннымъ совпаденіемъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ появленія Vanity Fair сбѣжала съ племянникомъ старой женщины и въ теченіе нѣкотораго времени производила въ обществѣ большую сен-

[1]) Народные дома въ Англіи возникли подъ вліяніемъ романа Вальтера Безанта. Прим. автора.

сацію, напоминая во всемъ Mrs. Rawdon Crawley. Потомъ она сбилась съ пути, исчезла съ континента и только отъ времени до времени появлялась въ Монте-Карло и въ другихъ игорныхъ притонахъ. Благородный же джентльменъ, который того же чувствительнаго автора вдохновилъ создать роль полковника Newcome, умеръ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія четвертаго изданія Newcomes, и послѣднимъ его словомъ было: „Adsum".

А вотъ и другой примѣръ. Вскорѣ послѣ выхода интереснаго психологическаго произведенія о трансформаціи Стифенсона, мой пріятель, Mr. Hyde, находился какъ-то въ сѣверной части Лондона и, желая какъ можно скорѣе добраться до станціи желѣзной дороги, пошелъ какимъ-то переулкомъ, но заблудился въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, подозрительныхъ на видъ. Раздраженный, онъ быстро зашагалъ; вдругъ изъ-за сосѣдняго перекрестка выбѣжалъ ребенокъ и, столкнувшись съ нимъ, упалъ на мостовую; Mr. Hyde не успѣлъ остановиться и перешагнулъ черезъ его тѣло. Отъ испуга, а быть можетъ и отъ боли ребенокъ закричалъ; моментально вся улица была запружена простонародьемъ, которое выползло изъ своихъ жилищъ, словно муравьи. Его окружили, спрашивая объ его имени Онъ хотѣлъ было уже назвать себя, какъ вдругъ вспомнилъ подобный эпизодъ въ повѣсти Стифенсона. И сознаніе, что онъ лично пережилъ эту сцену, случайно совершивъ то же самое,— это сознаніе наполнило его такимъ страхомъ, что онъ изо всѣхъ силъ пустился бѣжать. За нимъ бросились въ погоню, тогда онъ влетѣлъ въ аптеку, двери которой были настежь открыты, и тутъ какому-то молодому провизору объяснилъ, что произошло. Гуманная толпа за извѣстное денежное вознагражденіе сняла осаду съ аптеки, и тогда только мой пріятель оставилъ свое убѣжище. Выходя, онъ бросилъ взглядъ на мѣдную табличку, которая блестѣла на дверяхъ аптеки. Онъ прочиталъ на ней имя: „Iekyll". По крайней мѣрѣ, ему такъ показалось.

Но въ этомъ случаѣ подражаніе явилось случайнымъ. Въ примѣрѣ, который я теперь приведу, оно было вполнѣ сознательнымъ. Въ 1879 году—въ этомъ году я окончилъ оксфордскій университетъ—во время пріема у министра иностранныхъ дѣлъ я познакомился съ женщиной необычайной экзотической красоты. Мы подружились. Но она меня заинтересовала не красотой, а своимъ характеромъ, вѣрнѣе говоря, абсолютной неуловимостью этого характера. Она не обладала никакой опредѣленной индивидуальностью, но умѣла со сказочною легкостью представлять самые разнообразные типы. По временамъ она совершенно отдавалась искусству, обращала свою квартиру въ мастерскую, при чемъ проводила обыкновенно два, три дня въ недѣлю на выставкахъ и въ музеяхъ. То опять начинала увлекаться скачками, наряжалась въ спортсменскій костюмъ и по цѣлымъ днямъ страстно говорила о тотализаторѣ. Отъ поры до времени она пренебрегала религіей въ пользу месмеризма, месмеризмомъ—для политики, а политику бросила въ угоду мелодраматическимъ удовольствіямъ филантропіи. Однимъ словомъ, это была одна изъ протеевскихъ натуръ; но насколько былъ изумительнымъ богъ моря, замѣченный Одиссеемъ, настолько же она была неусовершенствована въ своихъ метаморфозахъ.—Однажды въ одномъ изъ французскихъ журналовъ начала печататься какая-то повѣсть: въ то время я читалъ подобнаго рода фельетоны. Я отлично помню, въ какое изумленіе меня привелъ отрывокъ, дающій характеристику героини. Она была такъ похожа на мою пріятельницу, что, когда послѣдняя прочла этотъ отрывокъ, была страшно поражена подобнымъ сходствомъ. Нужно тебѣ сказать, что это былъ переводъ произведенія какого-то давно умершаго русскаго писателя—а поэтому моя знакомая не могла быть прототипомъ героини повѣсти. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ я попалъ какъ-то въ Венецію и тамъ въ библіотекѣ гостинницы увидѣлъ этотъ французскій журналъ. Желая узнать дальнѣйшую судьбу героини, я окончилъ эту повѣсть. Кончилась она довольно печально, бѣгствомъ этой дѣвушки съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который стоялъ гораздо ниже ея и по уму, и по характеру. Въ тотъ день, помню, я писалъ моей пріятельницѣ о Bellini, о чудномъ мороженомъ въ Café Florio, а также объ артистическомъ значеніи гондолъ. Въ post-scriptum'ѣ я прибавилъ, что героиня повѣсти кончила очень глупо. Не помню теперь, чѣмъ я руководствовался, когда это писалъ, но зато великолѣпно вспоминаю, какой страхъ меня охватилъ при мысли, что моя пріятельница можетъ поступить точно такъ же. И дѣйствительно, прежде еще чѣмъ мое письмо пришло къ ней, она бѣжала съ какимъ-то человѣкомъ, который ее черезъ полгода бросилъ. Въ 1884 году я случайно встрѣтилъ ее въ Парижѣ, гдѣ

жила она тогда съ матерью. На мой вопросъ, повліяла ли эта повѣсть на ея рѣшеніе, она мнѣ сказала, что чувствовала непобѣдимое стремленіе, которое влекло ее шагъ за шагомъ за героиней, по ея удивительнымъ, роковымъ путямъ, и что ожиданіе послѣднихъ главъ повѣсти наполняло ее лихорадочнымъ безпокойствомъ. Когда онѣ появились, она рѣшила, что должна ихъ сама пережить, а поэтому такъ и поступила.—Это является лучшимъ примѣромъ, доказывающимъ существованіе подражательнаго порыва жизни, о которомъ я дальше говорилъ—примѣръ неопровержимый и въ высшей степени трагическій.

Однако я не желаю больше задерживаться на частныхъ случаяхъ. Личные опыты—очень ограничены и лукавы. Я хотѣлъ только показать, что жизнь въ гораздо большей степени подражаетъ искусству, чѣмъ искусство—жизни, и я увѣренъ, что ты со мной согласишься. Жизнь является передъ искусствомъ съ зеркаломъ и копируетъ какой-нибудь необыкновенный типъ, созданный живописцемъ, скульпторомъ или мечтой поэта. Говоря философскимъ языкомъ, базисомъ жизни, энергіей жизни—какъ сказалъ бы Аристотель—является по-просту борьба за соотвѣтственное выраженіе. Искусство постоянно создаетъ самыя разнообразныя формы, которыя дѣлаютъ возможнымъ достиженіе этого выраженія; жизнь же ихъ заимствуетъ и измѣняетъ, очень часто даже во вредъ самой себѣ. Молодые люди совершали самоубійства, потому что Rolla былъ самоубійцей, они лишали себя жизни только потому, что и Вертеръ сдѣлалъ то же самое. Подумай только, на сколько каждый изъ насъ подражаетъ Христу или Цезарю.

Кириллъ. Эта теорія, дѣйствительно, очень оригинальна; но для полнаго обоснованія ты долженъ доказать, что природа точно такъ же, какъ и жизнь, является подражателемъ искусству. Можешь ли ты это сдѣлать?

Вивіанъ. Съ удовольствіемъ, мой милый.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

Былое.

Былого призраки—они передо мной...
Сквозь дымку времени и сквозь туманъ забвенья
Идутъ, идутъ они нестройною толпой,
Будя въ душѣ давно забытыя волненья...

Какъ странно!.. Отчего все то, что въ прошломъ было,
Теперь, когда прошли своей чредой года,
Становится для насъ такъ дорого, такъ мило,
Такимъ роднымъ намъ кажется всегда?..

Идутъ года... И радость и ненастье
Уноситъ жизнь съ собой въ невѣдомую даль,
И съ грезой вешнею на будущее счастье
Сливается въ душѣ о прошлыхъ дняхъ печаль...

Сергѣй Качіони.

Землетрясеніе въ Италіи. МЕССИНА ДО ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ.

Образованіе женщинъ въ Америкѣ.

Америка—совершенно особенная страна. Тамъ все не такъ, какъ въ Европѣ, все своеобразно. Американцы—народъ молодой, и въ этомъ ихъ счастье: надъ ними не тяготѣютъ никакія традиціи, никакіе пережитки прошлаго. А потому, устраивая свою жизнь, они руководствуются только требованіями здраваго смысла и здоровымъ инстинктомъ жизни. Это сказалось и въ ихъ отношеніи къ воспитанію и образованію женщинъ. Въ то время, какъ въ Европѣ частью предразсудки, частью консерватизмъ правительствъ ставятъ всевозможныя преграды доступу женщинъ къ нѣкоторымъ профессіямъ составляющимъ привилегію мужчинъ—въ Америкѣ женщинамъ доступны всѣ высшія учебныя заведенія, и ни одна изъ наукъ не считается слишкомъ возвышенной для нихъ. Въ математикѣ, алгебрѣ, въ естественныхъ и отвлеченныхъ наукахъ женщина не только соперничаетъ съ мужчинами, но часто беретъ верхъ надъ ними. Въ 1865 г. въ высшей школѣ въ Чикаго изъ девятнадцати главныхъ наградъ только четыре были получены мужчинами. Греческій и латинскій языки изучаются въ Америкѣ только дѣвушками, также какъ и астрономія. Профессора физики—также почти исключительно женщины.

Вообще образовательный уровень американскихъ женщинъ въ среднемъ гораздо выше образовательнаго ценза мужчинъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что мужчины посвящаютъ себя преимущество пріобрѣтенію практическихъ знаній, съ помощью которыхъ можно составить себѣ состояніе, а чистыя науки остаются на долю женщинъ, которыя имѣютъ больше досуга ими заниматься. Благодаря такой, болѣе солидной, научной подготовкѣ къ нимъ перешла значительная часть общественнаго образованія, и воспитаніе юношества почти всецѣло—въ ихъ рукахъ. И надо отдать имъ справедливость — американки оказались достойными этой роли: онѣ воспитываютъ свободныхъ, смѣлыхъ, независимыхъ людей, сумѣвшихъ создать свободную общественную жизнь и быстро идущихъ по пути прогресса и цивилизаціи.

Вообще американскія женщины наглядным образомъ опровергаютъ опасенія тѣхъ близорукихъ людей, которые думаютъ, что высшее образованіе отниметъ женщину отъ семьи и сдѣлаетъ ее плохой воспитательницей подрастающаго поколѣнія. Американки—очень хорошія и добродѣтельныя жены и матери. Благодаря абсолютной свободѣ и самостоятельности, которой американская дѣвушка пользуется съ самой ранней юности, а также совмѣстному обученію мальчиковъ и дѣвочекъ, женщина Новаго Свѣта рано привыкаетъ самостоятельно судить обо всемъ, и ея представленія о жизни и о взаимномъ отношеніи половъ отличаются большей трезвостью и отсутствіемъ романтизма, чѣмъ у дѣвушки Стараго Свѣта. Мужчины въ свою очередь, относятся тамъ

къ женщинѣ съ большимъ уваженіемъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ лицемѣрнымъ преклоненіемъ передъ ней, какъ передъ привлекательнымъ, но слабымъ существомъ, которое такъ характерно для нашего европейскаго общества. Американецъ относится къ женщинѣ, какъ къ товарищу, и видитъ въ ней человѣка, равнаго себѣ, а не какое-те высшее или низшее существо, обладающее какой то странной, таинственной силой, какимъ сдѣлала его идеализація нашего Запада.

Правда, эта трезвость и практичность американокъ лишила ихъ нѣкоторой доли привлекательности, какой обладаютъ европейскія женщины. Это признаютъ даже нѣкоторые американскіе писатели. Такъ, напримѣръ, Токвилль, сказавшій что удивительное благосостояніе и возрастающее величіе Америки слѣдуетъ приписать превосходству ея женщинъ,—находитъ, въ то же время, что способъ ихъ воспитанія „дѣлаетъ изъ нихъ скорѣе честныхъ и холодныхъ женщинъ, чѣмъ нѣжныхъ супругъ и милыхъ подругъ мужчины". Авторъ „Демократіи въ Америкѣ" также говоритъ о „недостаткѣ граціи и нѣжности" у американокъ. Литература и искусства, способствующія развитію эмоціональной жизни души, занимаютъ слишкомъ мало мѣста въ воспитаніи американокъ, и, благодаря этому, въ ихъ душевномъ складѣ преобладаютъ дѣловитость и практичность, что дѣлаетъ ихъ сухими и холодными и отчасти, суровыми. Это пренебреженіе къ роли искусствъ въ воспитаніи происходитъ отъ утилитарнаго взгляда американцевъ на образованіе, въ которомъ они видятъ средство къ обогащенію. Американцы въ своихъ школахъ изучаютъ по преимуществу тѣ науки, которыя могутъ найти примѣненіе въ промышленности и торговлѣ, а такъ какъ дѣвочки учатся вмѣстѣ съ мальчиками, то и онѣ, волей-неволей, пріобрѣтаютъ познаніе въ этихъ же предметахъ, хотя они имъ и не такъ нужны, какъ мужчинамъ, такъ какъ, по выходѣ замужъ, онѣ посвящаютъ себя всецѣло семьѣ. Въ настоящее время американцы сознали все несоотвѣтствіе между получаемымъ женщинами образованіемъ и тѣмъ узкимъ кругомъ дѣятельности среди семьи, въ которой ей приходится замыкаться по выходѣ замужъ. Это несоотвѣтствіе начинаетъ уже вызывать неудовольствіе и броженіе въ средѣ самихъ женщинъ; среди нихъ уже начинаютъ раздаваться голоса, требующіе для своего пола равныхъ съ мужчинами правъ и нежелающіе признавать за женщиной единственнымъ ея назначеніемъ—семейную жизнь. Практичные американцы тоже дали должную оцѣнку этому явленію, но взглянули на него съ другой точки зрѣнія, чѣмъ ихъ соотечественницы. Они пришли къ убѣжденію, что надо измѣнить систему воспитанія дѣвушекъ, примѣнительно къ требованіямъ жизни, а не обратно—измѣнить условія жизни женщинъ, соотвѣтственно ихъ умственнымъ требованіямъ. „Соединенныя школы для дѣвушекъ и мальчиковъ не отвѣчаютъ требованіямъ жизни", говорится въ одномъ изъ отчетовъ одного учебнаго заведенія въ Нью-Іоркѣ; „этотъ недостатокъ съ каждымъ днемъ все болѣе поражаетъ серьезные умы, и со всѣхъ сторонъ требуютъ, чтобы образованіе было болѣе практическимъ".

Изъ этой выдержки мы можемъ заключить, что американцы, хотя и даютъ женшинамъ высшее образованіе, но все же больше всего они цѣнятъ въ женщинѣ не общественную дѣятельницу, а жену и мать, и главнымъ ея назначеніемъ считаютъ семью и воспитаніе подрастающаго поколѣнія. Но весьма естественно, что женщина, получившая такое широкое образованіе, какое получаетъ американка, не мирится со своимъ скромнымъ назначеніемъ и стремится расширить узкія рамки семьи, чему мы, русскія женщины, можемъ только сочувствовать. Открывшійся первый женскій съѣздъ представилъ намъ полную картину того, въ какія формы вылились эти попытки выйти изъ узкаго круга семьи у русской женщины, и съ этой стороны этотъ съѣздъ является въ высшей степени интереснымъ. Но о немъ мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующей статьѣ.

М. Б.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 3-й.

стр.

Зимній жаворонокъ. Стихотвореніе *В. С. Лихачова* 61

Буря въ лѣсу. Стихотвореніе *М. Троицкаго* 62

Въ комъ Богъ. Стихотвореніе *А. Мейснера* 62

Мое проклятье. Разсказъ *А. Е. Зарина* 63

Я не знаю тебя. Стихотвореніе *С. Хазова* 69

Снѣжинки. Стихотвореніе *Л. Сохачевской* 70

Застѣнокъ. Разсказъ бывшаго сахалинца (*Д-ра Лобаса*) 71

Картина. Разсказъ *Ев. Шведера* 74

Во мглѣ. Стихотвореніе *Л. Порошина* 76

Историческій переворотъ. Разсказъ *Анатолія Каменскаго* 77

Жизнь. Стихотвореніе *Скитальца* (Яковлева) 79

Исчезновеніе лжи. Разговоръ объ искусствѣ *Оскара Уайльда* 80

Былое. Стихотвореніе *Сергѣя Качіони* 87

Образованіе женщинъ въ Америкѣ. Статья *М. Брусяниной* 88

Картины:

1. „**Женская головка**“. Картина *Зихеля* исполненная красками.
2. **Зимняя идиллія.** Автотипія. *Э. Стантона.*

Приложеніе: „**Избранныя сочиненія**“ книга 2-я. **Л. Н. Толстой** — **Маленькіе разсказы.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) **6** р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города **7** р., на полгода **4** р., на 3 мѣсяца **2** р.

Издательница *О. П. Александрова.* Редакторъ *И. В. Корецкій.*

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

Т. Ф. Дуччіо

ИЗБІЕНІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ.

№ 4. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

Литературно-художественный журналъ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

Каждый выпускъ 10 коп.

№№
1. Пр. Т. ГРАНОВСКІЙ. Четыре характеристики. 10 к.
2. А. ГРИБОѢДОВЪ. Горе отъ ума . . . . . 10 „
3. В. ГЮГО. Избранныя стихотворенія . . . . 10 „
4. В. ШЕКСПИРЪ. Гамлетъ принцъ Датскій. . 10 „
5. М. СЕРВАНТЕСЪ. Донъ-Кихотъ . . . . . 20 „
7. Нар. движенія въ Россіи. І. Морозовщина . 10 „
8, 9, 10. Р. БАЗЕНЪ. Умирающая земля . . . 30 „
11. В. АЛОВЪ. Русскіе аратюи . . . . . 10 „
12, 13. Д. де-Фо. Робинзонъ Крузо . . . . . 20 „
14. Пр. КУДРЯВЦЕВЪ. Римскія женщины. В. І. 10 „
15. М. МЕТЕРЛИНКЪ. Слѣпые. Внутри. Сестра Беатриса . . . . . 10 „
16, 17, 18. Проф. А. РАМБО. Исторія французской революціи 1789-1799 г.г. . . . . 30 „
19. А. МАРЛИНСКІЙ. Наѣзды . . . . . 10 „
20, 21. Е. МАРЛИТТЪ. Вторая жена . . . . . 20 „
22. М. ЗАГОСКИНЪ. Кузьма Рощинъ . . . . . 10 „
23, 23а. А. ЧИРЕЦКІЙ. Патріархъ Никонъ . . . 20 „
24, 25, 26. К. БАЙЭ. Исторія искусствъ . . . 30 „
27. А. ШКИТЦЛЕРЪ. Зеленый попугай. Подруга жизни . . . . . 10 „
28, 29. Г. БИЧЕРЪ-СТОУ. Хижина дяди Тома . 20 „
30. Г. ФЛОБЕРЪ Иродіада. Сказаніе о Юліанѣ. 10 „

Изданіе Акц. Общ. Типограф. Дѣла въ С.Петербургѣ
Складъ: 7рота, 26.

Каждый томикъ продается отдѣльно въ книжныхъ магазинахъ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

Каждый выпускъ 10 коп.

№№.
31. П. ЧАЙКОВСКІЙ. Либретто оперъ . . . . . 10 к.
32, 33. В. ШЕКСПИРЪ. Гамлетъ (съ примѣчаніями для постановки на сценѣ) . . . . . 20 „
34. Е. МЮНЦЪ. Рафаэль . . . . . 10 „
35. Ф. Шиллеръ. Избранныя стихотворенія . . 10 „
36. Н. Римскій-Корсаковъ. Либретто оперъ . . 10 „
37. Слово о полку Игоревѣ . . . . . 10 „
38. Народныя движенія въ Россіи. П. Разиновщина. . . . . 10 „
39, 40. РЕНЭ БАЗЕНЪ. Возрождающаяся земля 20 „
41. З. ВЕРХАРНЪ. Рембрандтъ . . . . . 10 „
42. В. ШЕКСПИРЪ. Макбетъ . . . . . 10 „
43. Пр. КУДРЯВЦЕВЪ. Римскія женщины. В. II. 10 „
44. М. РЕЙМОНЪ. Миель-Анджело . . . . . 10 „
45. Ж. РИШПЕНЪ. Первые шаги Цезаря Борджіа 10 „
46. Проф. Г. СЭЙЛЬ. Леонардо да Винчи . . 10 „
47. Княгиня Н. Б. ДОЛГОРУКАЯ. Ея записки. Поэмы Н. Ковлова и К. Рылѣева. . . . . 10 „
48. МАКСЪ ДРЕЕРЪ. Зимній сонъ. Пьеса . . . 10 „
49. Проф. Р. ІЕРИНГЪ. Борьба за право . . . 10 „
50. АНАТОЛЬ ФРАНСЪ. Перламутровый ларецъ. 10 „
51. А. ГЕЙНЕ. Морисъ Метерликъ . . . . 10 „

Изданіе Акц. Общ. Типограф. Дѣла въ С.Петербургѣ
Складъ: 7рота, 26.

Каждый томикъ продается отдѣльно въ книжныхъ магазинахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Пробужденіи“ принимается по слѣдующей цѣнѣ за строку петитомъ: въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы); передъ текстомъ по 75 коп., послѣ текста 50 коп.

Вивисекторъ. УМЪ И СЕРДЦЕ.

Передъ вѣнцомъ.

Сейчасъ непоправимый шагъ свершится,—
Исполнятся завѣтныя мечты,
И дѣвственнаго сна она лишится,
И будутъ смяты вешніе цвѣты.

И въ новомъ свѣтѣ міръ глазамъ предстанетъ...
Жизнь женщины—двѣ вѣчности. Одна—
Туманъ, загадка, разжигаетъ, манитъ,
Отъ грезъ любви безумна и пьяна.

Но откровенна до конца другая,
Лишь страхъ и боль къ ней загораждаютъ входъ,
И только тотъ откроетъ двери рая,
Кто нѣжный станъ съ любовью обойметъ...

Падутъ передъ желаньемъ счастья платья,
Исполнятся завѣтныя мечты,—
Но адъ, иль рай откроютъ ей объятья—
Все-жъ будутъ смяты вешніе цвѣты...

Вл. Ленскій.

И. Крамской. НЕКРАСОВЪ БОЛЬНОЙ.

Самсонъ.

Онъ строилъ храмъ своей мечтѣ
Мечтою созданному Богу;
Всѣ силы отдалъ красотѣ,
И храмъ поднялся понемногу.
Онъ приковалъ себя къ столбамъ,—
Къ устоямъ каменной твердыни,
Былъ силенъ *онъ*, былъ силенъ храмъ,
И такъ текли вѣка донынѣ.
Вѣка текли,—родился мигъ,
Замкнувшій злое ожиданье,
И зодчій радостно постигъ,
Что онъ творецъ, а храмъ созданье.

Хотѣлъ искать, хотѣлъ итти
Читать страницы новой книги,
Увы,—заказаны пути:
Крѣпки чугунныя вериги.
Зоветъ и манитъ внѣшній свѣтъ,
Тамъ жизнь кипитъ, тамъ люди горды
Туда, туда!.. Но воли нѣтъ,—
Могуча цѣпь, устои тверды.
Въ тоскѣ святой рванулся онъ,
И рухнулъ храмъ вѣка стоявшій,
И былъ строитель погребенъ,
Себѣ на гибель храмъ создавшій...

Валентинъ Горянскій.

Дубовской. ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Этой ночью...

(Рукопись неизвѣстнаго).
Человѣкъ — это самосознаніе природы.
(Кажется, изъ Э. Реклю).

... Этой ночью со мной произошелъ вотъ такой непріятный случай.

Среди ночи я внезапно проснулся въ тоскѣ и безпокойствѣ. Мое вниманіе сразу-же сосредоточилось.

Поглядывая въ потолокъ, я старался припомнить что-то, о чемъ—я и самъ не зналъ.

Развѣ я забылъ что нибудь сдѣлать сегодня? Что нибудь очень важное? Но тогда что именно?

Я напрягалъ мысль и память, силясь разорвать ту непріятную пелену, которая обволакивала мой мозгъ.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ попытокъ въ моемъ сознаніи будто затеплился путеводный сгонекъ. Но лишь на одну минуту.

Затеплился и погасъ, какъ фосфорическій жучокъ среди ночного мрака.

Мнѣ стало жутко и тяжело.

Я прислушался.

Черезъ двѣ комнаты я хорошо разслышалъ спокойное дыханіе жены и дѣтей.

Я подумалъ:

— Они спятъ. Всѣ... А я? За что меня хотятъ вести на мученія? Кто? Мнѣ стало жалко самого себя до боли, но послѣ минутнаго размышленія я привсталъ съ постели и тихонько сталъ одѣваться.

Такъ же осторожно я прошелъ въ кабинетъ и зажегъ на столѣ лампу. Газетный листъ—вотъ что я увидѣлъ тотчасъ же на моемъ столѣ. Я взялъ его въ руки. И сразу же прочелъ вотъ это слово:

— Казнь.

Газета сильно заколебалась въ моихъ рукахъ.

Однако тотъ шрифтъ, которымъ было изображено это слово и, мѣсто, на которомъ оно было оттиснуто, тутъ же зародили во мнѣ нѣкоторыя подозрѣнія.

Дѣло въ томъ, что такимъ шрифтомъ и на этомъ мѣстѣ обыкновенно печатаютъ названіе города, изъ котораго отправляется телеграмма.

А у насъ, развѣ есть такой городъ:

Казнь?

Гдѣ?

Я еще разъ заглянулъ въ газету и теперь прочиталъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ напечатанное тѣмъ же шрифтомъ:

— Казнь.

— Казнь.

— Казнь...

Такъ у насъ много городовъ съ такимъ именемъ? развѣ?

Газета снова содрогнулась въ моихъ рукахъ. А я приблизилъ ее вплоть къ огню лампы, широко раскрывая глаза.

Уголъ того листа даже пожелтѣлъ отъ жара, и на этотъ разъ вмѣсто слова Казнь я прочиталъ уже Казань.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ:

— Казань.

— Казань.

— Казань...

Итакъ зрѣніе меня обмануло.

Но когда: тогда, или теперь?

Кто могъ бы разрѣшить мнѣ это?

Я на минуту задумался.

Въ моей груди будто кто-то прыгнулъ больно толкая сердце. И изъ моего горла вырвался стонъ.

Жена проснулась въ сосѣдней комнатѣ и, зажигая свѣчу, окликнула меня.

— Ты что? И развѣ все еще не спишь?

Я пошелъ къ ней съ газетой въ рукахъ.

— Прочти мнѣ вотъ это слово,—проговорилъ я просительно, указывая на газету.

— Которое?

— Вотъ это!..

Жена взглянула на меня съ недоумѣніемъ, но тотчасъ же прочла:

— Казань.

— А это?

— Казань.

— И это?

— Тоже Казань. А что?

— А мнѣ показалось,—проговорилъ я съ болью ощущая, что улыбка растягиваетъ мой ротъ, —а мнѣ показалось...

Я не договорилъ.

Кто-то снова больно прыгнулъ въ моей груди, толкнувъ сердце.

И я расплакался.

Цвѣты плачутъ дважды въ день; утромъ и вечеромъ. Этимъ они похожи на женщинъ и дѣтей.

Но ледъ плачетъ однажды во всю свою жизнь.

И всегда передъ смертью.

Карлъ Гартманъ.

ИЗЪ-ЗА ЯБЛОКА.

Жена тоже впервые видѣла мои слезы И она хотѣла послать за докторомъ.

Но я ее успокоилъ:

— Это со мной пройдетъ!

Я долго не могъ заснуть послѣ этого случая. И мнѣ все казалось, что двѣ женщины въ черномъ сидятъ у моего изголовья и поперемѣнно шепчутъ въ мои уши-

— Отчего люди такъ первобытно жестоки?

— Отчего?

Сегодня въ тѣ часы, когда я былъ на службѣ, трое изъ сослуживцевъ справились о моемъ здоровьѣ.

— Отчего вы такъ желты?

— Не болитъ-ли у васъ печень?

А дома за обѣдомъ жена и дѣти заглядывали въ мое лицо съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и тревогой.

Это мнѣ не нравится.

Я боюсь, что они будутъ мѣшать мнѣ думать такъ, какъ хотѣлось-бы.

Чтобъ оградить себя отъ этого, тотчасъ-же послѣ обѣда я сказалъ, что хочу нѣсколько отдохнуть.

И ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Скинувъ пиджакъ я улегся въ постель, весь съеживаясь. Накрывъ голову пиджакомъ, я все думалъ, думалъ и думалъ.

Безотрадныя мысли летали надъ моею головою какъ черныя птицы. И порой опускаясь, больно царапали мозгъ острыми когтями.

О, черныя птицы!

О, мой бѣдный мозгъ!

Думаю и думаю.

Необходимо остановить наростаніе ненависти, иначе вся земля превратится въ кровь и пепелище.

Но чѣмъ возможно остановитъ дикое шествіе жестокости и злобы?

Какими мѣрами разсѣять ихъ ядовитыя сѣмена?

— Ка-ки-ми?!

Чѣмъ?

Я хорошо знаю лишь одно:

Акты ненависти и злобы, направленные какъ средства борьбы съ ненавистью и злобой, всегда даютъ совершенно обратные результаты. И совсѣмъ не тѣ, которые отъ нихъ ожидаютъ.

Думая разсѣять ими напряженіе ненависти, мы лишь сгущаемъ ее. Д-да!

Въ природѣ всегда выходитъ вотъ это:

Вино дѣлается еще хмельнѣе, если въ него вливаютъ спиртъ.

Пламя пожара вздымается выше, если его тушатъ... нефтью. И если на борьбу со змѣями высылаютъ змѣй, въ итогѣ получаютъ лишь удвоенное количество змѣй.

И болѣе ничего!

Любовь. Милосердіе.

Вотъ два волшебныхъ цвѣтка, отъ прикосновенія которыхъ ядъ, извергаемый змѣею, скатывается чистѣйшей слезою.

Но я чувствую. Сейчасъ вы зададите мнѣ самый ужасный вопросъ:

— А какими доказательствами ты подтвердишь свою мысль?

Какими доказательствами? Вамъ они нужны?

О, маловѣры! Вы всегда вѣрите лишь чуду!

Еслибы я могъ совершить чудо!

Если-бы...

Думаю и думаю.

Громко стоналъ, бѣгая по кабинету:

О, если бы я могъ совершить чудо!

А почему однако я не могу совершить чуда?

— Почему?

Кажется Реклю сказалъ:

— Человѣкъ—это самосознаніе природы!

Слѣдовательно?

Слѣдовательно, если внутренній голосъ говоритъ мнѣ: „дерзай!“ значитъ природа желаетъ черезъ меня проявить одинъ изъ еще необъяснимыхъ своихъ законовъ.

Не такъ-ли?

— Дерзай!

Первое условіе чуда—непоколебимая вѣра въ полную возможность его исполненія.

Ибо эта вѣра, по Реклю, есть инстинктъ природы.

Вы говорите:

— А какими доказательствами подтвердишь ты свою мысль?

Не дразните меня! А что если я докажу?

— Докажу!

Какъ простѣйшую теорему!

Однако пора идти на службу. Впрочемъ сегодня я никуда не пойду.

— Никуда

Ни шагу отъ сверкающихъ мыслей! Широкія, пусть онѣ мигаютъ передо мною какъ лучезарныя зарницы.

— Пусть! Пусть!

Все думаю.

Этой ночью, пока всѣ домашніе спали, я тихо прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и, растворивъ настежъ окно, глядѣлъ съ высоты пятаго этажа на сонный городъ.

Тихій гулъ, похожій на шумное дыханіе огромнаго соннаго животнаго, приносился ко мнѣ тяжелой волною, а я смотрѣлъ на сумрачную улицу и все думалъ идумалъ.

Думалъ:

Чѣмъ подтвердить мнѣ истину вотъ той мысли моей? И какъ остановить мнѣ косу жестокости, ненависти и злобы?

— Какъ? Чѣмъ?

Я выставилъ лицо мое въ окно и заглянулъ въ самую глубину неба.

— Отвѣть мнѣ!—воскликнулъ я въ тоскѣ и мученьяхъ.—Отвѣть мнѣ!

Мои щеки пылали.

— Отвѣть! Ты—чистѣйшая скрижаль вселенной! Отвѣть!

И вдругъ я испуганно отскочилъ отъ окна.

Будто горячее дыханіе вселенной коснулось моего взбудораженнаго лица, и я явственно услышалъ:

— Исполни. Человѣкъ самосознаніе природы. Черезъ него одного я познаю вѣчные законы мои. И это я говорю тебѣ: „Исполни!“ Исполни, дабы стать торжествомъ опыта или его жертвой!

— Жертвой?

Мое сердце заколотилось съ невѣроятной силою, и будто горячая буря заколебала мое сознаніе.

— Да будетъ такъ,—прошепталъ я изнеможенно, какъ послѣ припадка жестокой лихорадки.

Да будетъ такъ!

Я затворилъ окно и легъ спать. Но не спалъ.

Итакъ рѣшено. Я отдаю себя во власть вселенной ради торжества человѣка.

Мой мечъ и мои латы—любовь.

Мое свидѣтельство—чудо.

Однако надо подготовить себя для подвига молитвой и воздержаніемъ.

Молюсь вотъ уже три дня.

Свѣтъ любви растетъ и ширится въ моей груди, наполняя сердце мое неизъяснимымъ блаженствомъ.

Поддержите-же меня, о свѣтозарные геніи, да не преткнусь я о камень ногою!

Геніи! Геніи!

Опять молюсь и молюсь.

Жена не нарадуется на меня. Еще сегодня она спрашивала меня:

— Отчего твое лицо стало такимъ свѣтлымъ и чистымъ?

И тѣни безпокойства не появляются болѣе на ея лицѣ.

Пріятель вчера сказалъ мнѣ:

— Ты точно какимъ-то новымъ мыломъ сталъ умываться. И это къ тебѣ ужасно какъ идетъ. Ты все хорошѣешь, чортъ тебя подери!

А я?

— Молюсь и молюсь!

Однако не пора ли приступить къ исполненію возложеннаго на меня? Страницы бумаги, которые я сейчасъ перелистываю, благоговѣйно шепчутъ мнѣ:

— Исполни!

— Исполни!

Итакъ этой ночью...

Этой ночью, когда всѣ домашніе уснутъ, я растворю окно кабинета и, ставъ ногами на подоконникъ, на высотѣ пятаго этажа, я смѣло шагну съ подоконника въ пространство.

И любовь къ людямъ поддержитъ меня надъ бездной, какъ свое лучшее знамя. Вотъ мой аргументъ и доказательство.

Этой ночью...

И повиснувъ надъ бездной, я скажу людямъ:

— Вотъ мое оружіе и свидѣтельство истины! Это я самъ, неподчиняющійся законамъ тяжести!

Итакъ, этой ночью!

Благодатныя волны свѣта будто качаютъ мое тѣло, и я не чувствую прикосновеніе моей руки ко лбу.

Словно плоть и кровь моя стали волокнами предразсвѣтнаго тумана.

О, любовь! О, неизъяснимое блаженство любви!

Этой ночью...

P. S. *Отъ издателя.* Тотчасъ-же послѣ этихъ словъ, и нѣсколько ниже, на листкѣ почтовой бумаги, на которой написана и вся выше приведенная рукопись, наклеена вырѣзка изъ газетной хроники слѣдующаго содержанія:

— Этой ночью покончилъ самоубійствомъ архитекторъ П., проживавшій по Калитиной улицѣ въ домъ № 38. Покойный выбросился на улицу изъ окна квартиры своей съ высоты пятаго этажа. Смерть послѣдовала мгновенно. Причины самоубійства неизвѣстны. Послѣ покойнаго остались жена и дѣти.

Какъ удостовѣряетъ дворникъ, дежурившій у воротъ дома напротивъ, покойный прежде чѣмъ выброситься изъ окна, что-то кричалъ, размахивая руками и какъ бы желая созвать народъ. Содержаніе же словъ покойнаго дворникъ передать отказался отнѣкиваясь своей безграмотностью

Вотъ эта газетная вырѣзка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ еще ниже ея кѣмъ-то приписано рѣзкимъ и крупнымъ почеркомъ нѣсколько строкъ.

Приписка эта гласитъ:

— Авторъ рукописи, теперь уже покойный, не даромъ сослался на мысль Реклю—человѣкъ это самосознаніе природы. Эта мысль и намъ кажется совершенно вѣрной. Однако что же сказала намъ тогда божественная природа всѣмъ этимъ несчастнымъ происшествіемъ съ покойнымъ? То ли, что никакого новаго закона тяжести быть не можетъ?

Или-же только то, что не всякій способенъ стать Ньютономъ, открывающимъ новые законы?

И этимъ приписка оканчивается.

Ал. Будищевъ.

Дьяволы города.

Дьяволы города, цѣпки ихъ сѣти,
Надъ бредящимъ городомъ черный покровъ;
Хмурыя улицы въ мертвенномъ свѣтѣ
Колеблемымъ вѣтромъ стеклянныхъ шаровъ.
Дьяволы города,—купли и мѣны
Кто не предатель? Кто здѣсь не лжетъ?
Справа и слѣва все стѣны и стѣны,
Улицы, улицы... Пасти воротъ.
Дьяволы города все запятнали:
Блѣдный мечтатель въ камняхъ тюрьмы,
Чахлые дѣти въ промерзшемъ подвалѣ,
Женщина съ сердцемъ страшнѣе чумы.
Дьяволы города! все имъ не сыто...
До боли извѣдана каждая ночь.
А дни? иль не знаете?—Солнце убито...
Прочь изъ проклятаго города, прочь!

Александръ Рославлевъ.

Въ зимнюю ночь.

Не слыхали-ли вы, сидя въ пышныхъ дворцахъ,
Какъ реветъ непогода ночная,
Какъ рыдая летитъ зарываясь въ снѣгахъ,
Ураганъ, все кругомъ заметая?
Не слыхали-ли вы стоновъ страшной нужды,
Что порой ураганъ заглушаютъ?
Къ вамъ изъ мрачныхъ подваловъ едва-ли они,
Въ золоченый покой долетаютъ.
И летятъ эти стоны, собравшись толпой,
Въ дикой пляскѣ кружась надъ землею,
И пугаютъ случайныхъ прохожихъ порой,
Наполняя сердца ихъ тоскою.
Къ вамъ-же въ чудо—дворцы, не проникнутъ они,
Не слыхать вамъ ихъ жуткихъ рыданій—
Спите-жъ мирно, любимые жизни сыны,
Что вамъ стоны... и слезы страданій?

К. Тьсниковъ.

Колиниченко. ПЕРЕДЪ ОБЫСКОМЪ.

Онорская дорога. *)

(Изъ Сахалинскихъ впечатлѣній).

Не сказка.

Широкая таёжная просѣка, по которой мы ѣдемъ въ сел. Оноръ, то ползетъ, извиваясь гигантской змѣей, на горы, то сбѣгаетъ въ глубокія ущелья-пади. Хмурые темно-зеленые великаны распростерли надъ дорогой свои косматыя лапы, съ которыхъ, точно волоса русалки, спускается длинными нитями оленій мохъ. Справа и слѣва отъ дороги поднимаются темнозеленыя стѣны, а за ними, въ глубинѣ полусумракъ и гнетущая, жуткая тишина. Здѣсь царство тайги таинственное, грозно-молчаливое. Рѣдко, рѣдко солнечный лучъ пронижетъ чащу и затеряется въ ней, бросивъ нѣсколько робкихъ, дрожащихъ пятенъ на стволы деревъ, на траву... Среди стройныхъ лиственницъ съ пахучей, нѣжной хвоей, пихтъ, похожихъ на гигантскіе канделябры, мрачныхъ, печально опустившихъ вѣтви елей, въ хаотическомъ безпорядкѣ, свалившись другъ на друга, лежатъ трупы таежныхъ великановъ, павшихъ въ бою съ налетѣвшею бурею, подъ жестокимъ топоромъ своего исконнаго врага—человѣка, или умершихъ естественною смертью. Одѣтые разноцвѣтнымъ бархатомъ мховъ и лишаевъ съ безпомощно протянутыми вверхъ узловатыми корнями, они гніютъ среди огромныхъ лопуховъ, раскинувшихся вѣерами папоротниковъ и буйной крапивы. Сыро и пахнетъ тлѣніемъ. Молодая поросль тамъ и сямъ пробивается изъ подъ труповъ и тянется вверхъ къ простору и свѣту. Гулко, какъ въ пустомъ храмѣ, раздается стукъ дятла, треснетъ подъ ногой сухая вѣтка валежника, захлопаетъ крыльями вспугнутый рябчикъ и снова жуткая, могильная тишина... Мы поднимаемся въ гору, тройки съ трудомъ берутъ крутой подъемъ, жалобно, какъ плачъ, затерявшагося въ лѣсу ребенка, всхлипываетъ колокольчикъ. Нахмуренныя, молчаливыя стѣны лѣса, печальное треньканье колокольчика окрашиваютъ настроеніе въ мрачные тоны и страшныя картины изъ недавняго прошлаго Онорской дороги возникаютъ въ мозгу одна за другой... Недавно здѣсь, рядомъ съ трупами деревъ, были брошены человѣческіе трупы. Каторжники

*) Дѣло о звѣрствахъ во время проведенія Онорской дороги на Сахалинѣ возбуждалось нѣсколько разъ, но не увидѣвъ свѣта, умерло подъ сукномъ.

здѣсь вели дорогу, врубаясь въ вѣковую тайгу, выворачивая огромные пни, и гибли отъ непосильной работы, отъ голода, отъ звѣрски жестокихъ надзирательскихъ побоевъ и отъ надзирательскихъ пуль. Тогда величавый покой тайги раздирался звономъ кандаловъ, стонами и предсмертнымъ хрипомъ замученныхъ людей, гулкими выстрѣлами и яростными окриками тюремщиковъ. Рядомъ съ людьми съ грохотомъ и трескомъ валились таёжные великаны, людскіе стоны смѣшивались съ визгомъ пилы и стукомъ топора... Десятки труповъ валялись въ придорожныхъ канавахъ, въ тайгѣ, и гнили не убранные, распространяя зловоніе далеко вокругъ и наводя тоску и ужасъ на живыхъ людей, работавшихъ рядомъ съ мертвецами... Здѣсь, среди этой могильной тишины, картины человѣческихъ страданій необыкновенно живо и ярко встаютъ въ моемъ сознаніи и властно захватываютъ мое воображеніе. Мнѣ чудятся стоны, несущіеся изъ глубины тайги. Я вглядываюсь въ ея темную чащу, въ глубокія придорожныя канавы и населяю ихъ мертвецами, мимо которыхъ идутъ сѣрыя истощенныя фигуры съ синевато-блѣдными лицами, со впалыми глазами, изъ которыхъ глядятъ тоска, ужасъ и голодъ...

Мы спускаемся въ ущелье. Воздухъ дѣлается замѣтно влажнымъ. Рядомъ съ нами, съ камня на камень со звонкимъ рокотомъ прыгаетъ горный ручей. Отвѣсныя черно-сѣрыя скалы сдавили дорогу. Вершины ихъ ощетинились пихтами и елями и напоминаютъ чудовищныхъ звѣрей, припавшихъ къ землѣ и готовыхъ прыгнуть на добычу. Тройки прибавили шагу. Стѣны ущелья разступаются, дѣлаются болѣ пологими и мы въѣзжаемъ въ долину, окаймленную невысокими холмами, залитую яркими солнечными лучами. На встрѣчу бѣгутъ, блестя бѣлыми атласными стволами, веселыя, березовыя рощицы. Воздухъ напоенъ ароматомъ свѣжей зелени и какихъ-то пахучихъ травъ. Снова перелѣсокъ изъ хвойныхъ деревьевъ и снова березовыя рощицы по отлогимъ холмамъ, а внизу, ближе къ дорогѣ, широко раскинувъ вѣтви съ листьями, отливающими матовымъ серебромъ,—купы тополей. Картины быстро смѣняютъ одна другую. Еще прохладное ущелье, и за нимъ мрачная картина горѣлаго лѣса. Запахъ пожарища; обуглившіеся древесные стволы то лежатъ, нагромождённые въ безпорядочныя кучи, то стоятъ, печально протягивая къ небу обгорѣвшія вѣтви. Поляны среди погибшаго лѣса краснѣютъ цвѣтами Иванъ-чая, точно обрызганы кровью. Навстрѣчу намъ изъ-за щётки горѣлаго лѣса вынырнула деревенька. Восемь—десять домиковъ, вытянувшихся въ двѣ линіи. Это поселье бывшихъ каторжниковъ. Домики сѣрые, печальные, безъ дворовъ, торчатъ сиротливо на полянѣ, окруженной съ одной стороны горѣлымъ лѣсомъ, а съ другой непроходимой тайгой. Въ нѣкоторыхъ домикахъ окна забиты досками, въ другихъ заткнуты тряпьемъ и стоятъ они, похожіе на слѣпцовъ, потерявшихъ поводыря. Улица заросла высокой сорной травой, среди которой теряются дорожныя колеи. Тамъ и сямъ по улицѣ торчатъ огромные, выкорчеванные пни. Крайнимъ запустѣніемъ и заброшенностію вѣетъ отъ этой деревеньки. Здѣсь тоже тишина кладбища. Невидно ни людей, ни животныхъ. Собаки, обыкновенная, неизбѣжная принадлежность деревни, и тѣ отсутствуютъ. Мы оставляемъ за собой деревеньку. Хорошая раньше дорога съ деревней дѣлается все хуже и хуже. Колеса то вязнутъ въ ржавой болотной грязи, то прыгаютъ по накатнику, которымъ замощена дорога въ наиболѣе топкихъ мѣстахъ. Болотистая тундра растянулась на далёкое пространство. Тамъ и сямъ на болотѣ уродливыя, полуголые карлики-березы и лиственницы, протягиваютъ свои узловатыя, больныя вѣтви, какъ будто молятъ о спасеніи. Они чахнутъ и погибаютъ въ болотѣ. Лошади пошли шагомъ. Кругомъ мертвая тишина, нарушаемая только позвякиваніемъ колокольчика и стукомъ колесъ по накатнику, или вязкимъ хлюпаньемъ ихъ въ болотной грязи. Ямщикъ-каторжникъ дремлетъ; просыпаясь, хлопаетъ кнутомъ по лошадямъ. „Но! вы, каторжныя“! Подбадриваетъ онъ ихъ хриплымъ, соннымъ голосомъ. Всю дорогу онъ молчитъ. Тоскливо, и я пробую завести разговоръ. Онъ отдѣлывается стереотипными „точно тэкъ, никакъ нѣтъ“. Меня гнететъ окружающая насъ безотрадная картина, подавляетъ тишина и мысль упорно возвращается къ страшнымъ картинамъ человѣческаго безправія съ одной стороны и жестокаго произвола съ другой, свидѣтелями которыхъ были и эта дорога, и эти глубокія канавы и эта обступившая насъ тайга. Передъ глазами у меня снова мелькаютъ сѣрые халаты и куртки, изможденныя лица... Воображеніе рисуетъ цѣлый рядъ картинъ, о которыхъ я слышалъ и которыхъ не могу забыть. . . . . .
. . . . . .

Просѣка .. Подъ рѣзкими порывами вѣтра глухо, угрожающе шумитъ тайга. По небу, низко нависшему, точно придавившему землю, быстро несутся клочковатыя свинцово-сѣрыя облака.

На просѣкѣ копошатся сѣрыя фигуры. Однѣ изъ нихъ по колѣно въ холодной грязи роютъ канаву, другія, зацѣпивъ веревками огромное дерево, стараются стащить его съ полотна дороги. Тащатъ и кричатъ простуженными осипшими голосами: „А ну, братцы, о—охъ! А ну разомъ, о—охъ“! Фигуры согнуты почти до земли, веревки врѣзались въ плечи. „А ну разомъ! О—охъ! О—охъ“! Дерево зацѣпилось за что-то. Не могутъ сдвинуть. Стали. Груди усиленно вбираютъ воздухъ. Отъ усталости и напряженія дрожатъ ноги и руки. Надзиратель замѣтилъ остановку въ работѣ. Придерживая рукою болтающійся револьверъ, съ толстой палкой въ другой рукѣ, онъ бѣжитъ къ партіи. „Что стали, сволочь“, несется его окрикъ, „жрать здоровы, варначье, а работать не хотите“! Арестанты пугливо топчутся на мѣстѣ, пробуютъ сдвинуть дерево и не могутъ. Не ѣли цѣлый день и ослабѣли. „Дозвольте, г. надзиратель, передышку сдѣлать“, проситъ кто-то изъ нихъ. „Я вамъ покажу передышку“, кричитъ надзиратель и бросается съ палкой на кучку сѣрыхъ людей. Градъ ударовъ сыплется на ихъ головы, спины и плечи. „За что бьешь, аспидъ, кровопійца, мало вы нашей крови попили, не напились еще“? кричитъ одинъ изъ избиваемыхъ. „А такъ ты такъ“, бросается на него, какъ бѣшенный, надзиратель, „ты еще разговаривать будешь, убью“ и удары посыпались на голову арестанта. Обливаясь кровью, онъ упалъ. Озвѣрѣвшій надзиратель бьетъ, не переставая, палкою, сапогами. Нечеловѣческій крикъ рѣжегъ воздухъ, пронизываетъ чащу тайги, несется къ небу, а удары частые, безпощадные ломаютъ руки. перебиваютъ ребра, дробятъ черепъ. Крики все слабѣе и слабѣе .. Избиваемый замолкъ и лежитъ пластомъ, раскинувъ руки. Лицо—кровавый кусокъ мяса. Грудь рѣдко и судорожно поднимается и при вздохѣ на губахъ выступаетъ кровавая пѣна. Арестанты пугливо сбились въ кучу. „Эй вы, рвань босоногая, чего стоите. тащите эту падаль съ дороги“! Оттащили..... Снова согнутыя спины и врѣзавшіеся въ плечи веревки, снова: „А ну разомъ, о—охъ!.. О—охъ“! Гудитъ вѣтеръ въ верхушкахъ деревьевъ, слышится звонъ желѣзныхъ лопатъ и шорохъ выбрасываемой изъ канавъ земли; стучатъ въ тайгѣ топоры, съ трескомъ валятъ деревья. . . . . .

На небольшой лѣсной полянѣ разбросано нѣсколько шалашей, вокругъ которыхъ двигаются сѣрыя фигуры каторжниковъ, только-что вернувшихся съ работы. Солнце скрылось за зубчатой стѣной лѣса, бросивъ на верхушки деревъ красно-багровые блики. У большого шалаша, расположеннаго на берегу ручья, группа надзирателей и передъ ними высокая фигура каторжника въ разорванной сѣрой курткѣ, безъ шапки и босая Блѣдное лицо восточнаго типа подергиваетъ мелкая судорога. Тихо звякаютъ кандалы, когда онъ переступаетъ съ ноги на ногу. Его только-что привели изъ „бѣговъ“ и заковали. Черные, глубоко запавшіе глаза съ тоской смотрятъ вокругъ и, по временамъ, мечутъ искры. Близко къ бродягѣ подошелъ старшій надзиратель и ткнулъ его кулакомъ въ лицо: „погулялъ, эфіопъ, татарская морда, ну и будетъ, попляшешь теперь“. Бродяга, оскаливъ зубы и сверкнувъ глазами, какъ развернувшаяся пружина, бросился на надзирателя, но тотъ увернулся и сталъ поспѣшно вытаскивать изъ кобуры револьверъ. Въ это время подоспѣли другіе надзиратели, схватили бродягу и повалили его на землю. Короткая борьба, глухіе удары, стоны. Бьютъ долго—кулаками, ручками револьверовъ. Жертва затихла. „Притворяется, собака“, говоритъ старшій, „въ воду его“! Надзиратели обвязываютъ его веревкой подъ мышками и тащутъ къ ручью. Подняли и съ крутого берега бросили въ воду. Вытащили. Бродяга широко открылъ глаза, полные ужаса. „А, ожилъ“! кричитъ старшій надзиратель, „раздѣньте-ка его да взбрызните хорошенько“. Раздѣли до гола и стали бить сырыми древесными корнями. Вой, крикъ, такой крикъ, какой издаетъ заяцъ, попавшій въ зубы собакѣ, звукъ ударовъ корней, полосующихъ дрожащее тѣло, наполняютъ воздухъ. Отъ шалашей бѣгутъ арестанты... „Куда. стой“, гремятъ надзиратели, „чего не видали, по мѣстамъ. сволочь“. Зловѣще блеснули дула револьверовъ. Каторжные попятились и робкой толпой потянулись къ своимъ шалашамъ. Бродягу то бьютъ; то бросаютъ въ воду и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока онъ перестаетъ дышать . . . . . .
Пришла ночь и покрыла страшное тѣло... Въ шалашахъ спятъ каторжники, спятъ тревожно. Слышится сонное бормотанье, вскрикиванья...

Вечерѣетъ. По просѣкѣ къ стоянкѣ тянутся, едва передвигая ноги, арестанты, кончившіе работу. Работали съ ранняго утра и до сихъ поръ еще ничего не ѣли. Не пустили обѣдать до окончанія уроковъ. На лѣсной опушкѣ, у большого балагана, въ одной половинѣ котораго живетъ старшій надзиратель, завѣдывающій всѣми дорожными работами, а въ другой помѣщается арестантская кухня, каторжные остановились и сбились плотною толпой у дверей. Въ кухнѣ старшій надзиратель и весь его надзирательскій штабъ. За полученіемъ пищи арестантовъ вызываютъ по списку. „Петровъ"! Петровъ протискивается черезъ толпу и жадно смотритъ на пайки хлѣба, разложенныя на столѣ. „Этотъ", докладываетъ младшій надзиратель, „сказывался слабымъ и плохо работалъ". „Дайте ему фунтъ" *) говоритъ старшій, „ему довольно, больше не слопаетъ по своей слабости". Входитъ слѣдующій. „Этотъ грубитъ, Г. Старшій, и не хочетъ шапку снимать". „Не давать ему хлѣба, зажирѣлъ с. с., вотъ и бѣсится"! „Помилуйте, Г. Старшій, цѣлый день не ѣвши", плачетъ арестантъ, „развѣ можно, ахъ ты Боже мой"... „Пошелъ"! загремѣлъ старшій, „а то я тебя накормлю, ты меня, кажется, хорошо знаешь, сказано тебѣ, завтра пообѣдаешь. Ну, проваливай, пока цѣлъ"! „Г. Старшій, явите божескую милость"! Старшій мигнулъ надзирателямъ и протестующій моментально выкидывается за двери. Одинъ изъ арестантовъ, получивъ паекъ хлѣба, взвѣшиваетъ его на рукѣ. „Вы, должно быть, ошиблись", обращается онъ къ старшему, „пайка что-то больно маловата". „Маловата", тянетъ старшій, „маловата, ахъ ты, сволочь! А ну-ка, ребята, навѣсьте ему бо́льшую"! На жалобщика посыпались удары. „Вотъ тебѣ настоящая пайка", приговариваетъ старшій, „теперь безъ ошибки, жри, сс., да гляди не облопайся"! Избитый и окровавленный, арестантъ летитъ въ дверь, вышибаемый изъ кухни кулаками и пинками ногъ... Хлѣбъ розданъ, розлита въ маленькія, деревянныя корытца баланда. Каторжные расположились обѣдать у балагана. Жадно набросились они на ѣду. Немногіе ѣдятъ ложками, а большинство пьетъ баланду прямо изъ корытъ. Быстро покончили и потянуясь на ночлегъ. Взбиваютъ мохъ подъ ёлками, укладываются, накрываются всякимъ тряпьемъ и засыпаютъ тяжкимъ, тревожнымъ сномъ. . . . .

Еще темно, а надзиратели уже бѣгаютъ между спящими и будятъ ихъ пинками ногъ. „Поднимайся, пошелъ на раскомандировку"! несутся ихъ окрики по всему стану. Арестанты вскакиваютъ. Пробираемые до костей утреннимъ холодомъ и сыростью, они бѣгутъ къ сборному пункту и одѣваются на ходу. Упаси Боже опоздать, будутъ бить безъ жалости. Стало свѣтать. Каторга собралась у балагана.

Не люди, а тѣни съ темными почти черными опухшими лицами, оборванные, босые, они жмутся отъ холода, колотятся всѣми членами. Нѣкоторые отъ слабости не могутъ стоять: сидятъ и лежатъ. Надзиратели съ заспанными, злыми лицами, вооруженные палками, поднимаютъ ихъ ударами, но они снова ложатся. Ждутъ старшаго надзирателя. Изъ дверей балагана показался и онъ. „Смирно, шапки долой"! раздалась команда. Старшій подходитъ къ партіи. „Ну больные и слабые", кричитъ онъ, „отходи въ сторону, босые, голые, отходи! Промотали одежду, не хотите работать, притворяетесь, вотъ я васъ одѣну, я васъ вылечу". Загуляли палки по спинамъ и головамъ арестантовъ. „Одѣлись", кричитъ старшій, „поправились, маршъ на работу". Потянулась каторга. Отстаютъ слабые и больные, но ихъ подгоняютъ палками . . . . . .

. . . . . .

Каторга ослабѣла въ конецъ. Арестанты бѣгутъ съ работъ десятками. За ними охотятся надзиратели. По тайгѣ то здѣсь, то тамъ гремятъ выстрѣлы. Труповъ арестантовъ, умершихъ на просѣкѣ и въ тайгѣ отъ болѣзней, отъ голода, отъ надзирательскихъ пуль и побоевъ, уже не убираютъ и они валяются повсюду, заражая воздухъ зловоніемъ. Партія таетъ и не хватаетъ рукъ для работы, а начальство требуетъ, чтобы дорога была готова къ веснѣ. Генералъ, посѣтившій островъ, выразилъ желаніе проѣхать весной съ Сѣвернаго Сахалина на Южный въ коляскѣ. Желаніе генерала—приказаніе и на дорогу послали свѣжую партію арестантовъ. Новая партія, проработавъ недѣли двѣ, стала роптать.

Смертные побои, штрафы хлѣбомъ, издѣвательства, сдѣлали свое дѣло. Дали знать начальству. Съ минуты на минуту ждутъ на просѣкѣ начальника округа и начальника тюрьмы. Каторга собрана у балагана старшаго надзирателя. Послышались

*) Паекъ хлѣба, выдаваемый арестантамъ на дорожныхъ работахъ=4 ф.

звонки и черезъ нѣсколько минутъ къ балагану подлетѣла взмыленная тройка. Изъ тарантаса, почтительно поддерживаемые старшимъ надзирателемъ, вышли начальникъ округа, а за нимъ начальникъ тюрьмы. Поздоровавшись съ надзирателями, начальство направилось къ арестантамъ, выстроеннымъ въ двѣ шеренги. „Не хотите работать“, загремѣлъ начальникъ округа, „задумали бунтовать“!? Каторга загудѣла десятками голосовъ. Слышались отдѣльные выкрики: „Помилуйте, Ваше В—діе, явите божескую милость, пропадаемъ, отощали, ослабли, хлѣба не даютъ, работой заморили, бьютъ палками, стрѣляютъ“! „Молчать, сволочь, шкуру спущу“, кричитъ начальство, „по карцерамъ сгною“! „А ты чего смотришь“?! набросился начальникъ округа на старшаго надзирателя, „пуль тебѣ жалко? Мало потроновъ, такъ ставь это варначье по пяти на пулю. Миндальничаешь тутъ. Зачинщиковъ заковать и послать въ тюрьму. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Тройка лѣниво перебираетъ ногами, колокольчикъ отрывисто позвякиваетъ, кучеръ дремлетъ, а воспоминанія о страшныхъ работахъ на Онорской дорогѣ, одно другого кошмарнѣе, давятъ мнѣ мозгъ.

Люди гибли десятками на дорогѣ, устилая ее своими трупами, а къ начальству летѣли бумажки надзирателя, фельдшера: „Доношу В. В—дію, что сего числа умерли на просѣкѣ такіе-то каторжные отъ отравленія грибами, или... убиты упавшимъ деревомъ такіе-то, или... умерли отъ водянки и т. д.“.

Начальство довольствовалось бумажками и сообщаемые факты не провѣрялись. Начальство знало, что люди на просѣкѣ рубятъ себѣ руки и ноги, оно знало, что голодъ на дорожныхъ работахъ доводитъ арестантовъ до людоѣдства и... молчало...

. . . . . .

Дорога стала лучше. Ямщикъ стегнулъ лошадей. Запѣлъ колокольчикъ. Замелькали, убѣгая назадъ, косматые великаны. Изъ широкой пади налетѣлъ вѣтеръ и загуляла тайга, какъ морской прибой. По небу понеслись тяжелыя, темныя облака, заволакивая его все больше и больше. Стало темнѣть. Брызнулъ дождь. Въ придорожныхъ канавахъ бѣлѣютъ высохшіе, лишенные коры, древесные корни и мнѣ кажется, что это человѣческія кости. Фыркаютъ лошади, пугливо косясь по сторонамъ, надрывается въ жалобныхъ стонахъ колокольчикъ, рычитъ и воетъ тайга подъ ударами вѣтра...

Бывшій Сахалинецъ.

* * *

Какъ странно, какъ сладко,—что всюду
Мы слышимъ другъ друга, и ждемъ,
И близимся къ свѣтлому чуду,
И скованы солнечнымъ сномъ;
Что въ мірѣ мы двое, мы двое
Одну отыскали звѣзду.
И любимъ. И все намъ чудное.
И р[illegible]акъ въ бреду...

Дмитрій Цензоръ.

Розынскій. ПРОСТИ.

Обычай бѣлаго человѣка.

Разсказъ Джека Лэндона.

Переводъ съ англійскаго Л. и В. Андурсона.

„Приготовить себѣ пищу на вашемъ очагѣ и провести эту ночь подъ вашей крышей, вотъ все, что мнѣ надо", объявилъ я, входя въ хижину стараго Эббитса. Онъ посмотрѣлъ на меня своими гноящимися глазами, а Цилла наградила меня кислой улыбкой и презрительнымъ ворчаніемъ. Цилла была его жена, и по всему Юкону нельзя было найти второй такой злоязычной и неукротимой старой скваю (бабы). Я бы не остановился тутъ, если бы мои собаки не такъ устали или будь деревня обитаема. Но только одна эта хижина оказалась занята, и я по необходимости укрылся въ ней.

Старый Эббитсъ временами собиралъ свои спутанныя мысли, и тогда намеки и проблески сознанія появлялись въ его глазахъ. Нѣсколько разъ во время приготовленія моего ужина онъ даже дѣлалъ попытки задавать мнѣ вопросы, выражающіе гостепріимство,—относительно моего здоровья, состоянія и числа моихъ собакъ, разстоянія, которое я проѣхалъ за сегодняшній день. И каждый разъ взглядъ Циллы дѣлался кислѣе обычнаго, и ворчаніе становилось презрительнѣе.

Все же я долженъ признаться, что дѣйствительно не было никакой особой причины для нихъ радоваться. Тамъ они сидѣли скорчившись у огня, эта парочка, на склонѣ своихъ дней, замученные ревматизмомъ, вѣчно голодая, и испытывая сейчасъ муки Тантала отъ запаховъ жарящагося въ изобиліи моего мяса. Они качались взадъ и впередъ, медленно, безнадежно и правильно, и одинъ разъ каждые пять минутъ Эббитсъ испускалъ тихій стонъ. Это былъ не столько стонъ отъ боли, какъ отъ докучности ея. Онъ былъ подавленъ тяжестью и мукой той вещи, что зовется жизнью, и еще болѣе былъ онъ подавленъ страхомъ смерти. Для него наступила теперь та вѣчная трагедія пожилыхъ людей, когда радость жизни отъ нихъ отошла, а инстинктъ смерти еще не пришелъ.

Когда моя оленина начала шипѣть и трещать на сковородѣ, я замѣтилъ, что ноздри Эббитса начали подергиваться и расширяться, почуявъ запахъ жаркого Онъ даже пересталъ на нѣкоторое время качаться и забылъ стонать, и на лицѣ его появилось осмысленное выраженіе.

Цилла же, наоборотъ, начала качаться быстрѣе, и въ первый разъ обнаружила свою боль рѣзкими, короткими вздрагиваніями. М[illegible]ишло въ голову, что ихъ поведеніе очень походило на поведеніе голодныхъ [illegible] и я бы не удивился при данныхъ обстоятельствахъ, если бы Цилла вдругъ с[illegible]ла хвостъ и начала имъ бить по полу съ самой заправской собачьей повадкой [illegible]ъ началъ развлекаться

понемногу и очень часто прерывалъ свои качанія, чтобы нагнуться впередъ и приблизить свой дрожащій носъ къ источнику чувственнаго возбужденія.

Когда я передалъ каждому изъ нихъ по тарелкѣ жаренаго мяса, они начали жадно ѣсть, причемъ рты ихъ издавали всевозможные звуки—чавканье испорченныхъ зубовъ, сопящія вдыханія и акомпаниментъ ворчанія и бормотанья. Послѣ этого, когда я имъ далъ по кружкѣ горячаго чая, эти звуки прекратились. Выраженіе покоя и довольства появилось на ихъ лицахъ. Цилла распустила свой кислый ротъ пошире и вздохомъ выразила свое удовлетвореніе. Ни одинъ изъ нихъ болѣе не качался, и казалось они погрузились въ мирныя размышленія. Потомъ глаза Эббитса увлажились, и я понялъ, что это было его сожалѣніе о собственной печальной участи. Поиски, потребовавшіеся на то, чтобы отыскать ихъ трубки, сказали мнѣ ясно, что уже долгое время они сидѣли безъ табаку, и жадность, съ которой старикъ набросился на наркотинъ, была такъ велика, что сдѣлала его безпомощнымъ, такъ что я былъ принужденъ зажечь для него его трубку.

„Почему вы одни въ деревнѣ?"—спросилъ я. „Или всѣ перемерли? Была повальная болѣзнь? Вы одни только остались въ живыхъ"?

Старый Эббитсъ покачалъ головой; „Не, „сказалъ онъ", тутъ не было повальной болѣзни. Деревня ушла охотиться за мясомъ. Мы слишкомъ стары, наши ноги не крѣпки, и наши спины не могутъ таскать тяжести въ пути. Вотъ мы и остались здѣсь и думаемъ, что молодые вернутся съ мясомъ".

„Ну и что, если молодые вернутся съ мясомъ?"—сердито спросила Цилла.

„Они можетъ быть принесутъ много мяса", пробормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ, выражавшимъ большую надежду.

„Ну, пусть много мяса", продолжала она еще сердитѣе, чѣмъ раньше. „Ну, а тебѣ и мнѣ что отъ этого? Нѣсколько костей для нашихъ беззубыхъ старыхъ ртовъ. Но почечный жиръ, почки и языки, эти пойдутъ въ другіе рты, а не въ твой и мой, старикъ".

Эббитсъ кивнулъ головой и тихо заплакалъ...

— „Тамъ нѣтъ ни одного, кто бы охотился за мясомъ для насъ",—закричала она, свирѣпо оборачиваясь ко мнѣ.

Въ ея манерѣ чувствовалось обвиненіе, и я пожалъ плечами въ знакъ того, что я не былъ обвиненъ въ неизвѣстномъ преступленіи, приписываемомъ мнѣ.

„Узнай, о Бѣлый Человѣкъ, что изъ-за твоего рода, это изъ-за всѣхъ бѣлыхъ людей, что у моего мужа и у меня нѣтъ мяса на старости лѣтъ: и мы сидимъ безъ табаку и въ холоду".

„Не" сказалъ Эббитсъ важно, съ болѣе точнымъ чувствомъ справедливости „Неправда была намъ сдѣлана, это вѣрно; но бѣлые люди не хотѣли сдѣлать неправду"

„Гдѣ Мокланъ?" спросила она. „Гдѣ твой сильный сынъ Мокланъ, и гдѣ рыба, которую онъ всегда охотно приносилъ, чтобы ты могъ ѣсть?".

Старикъ покачалъ головой.

„И гдѣ Бидартикъ, твой сильный сынъ? Онъ всегда былъ великимъ охотникомъ, и всегда онъ приносилъ тебѣ хорошій жиръ со спины и сладкіе сушоные языки оленей и Карибу. Я не вижу ни жира ни сладкихъ сушоныхъ языковъ. Твой желудокъ всѣ дни полонъ пустотой и человѣкъ изъ очень дурного и лживаго народа долженъ давать тебѣ поѣсть".

„Не", возразилъ кротко старый Эббитсъ, „бѣлый человѣкъ не лживый народъ. Бѣлый человѣкъ говоритъ правду. Всегда бѣлый человѣкъ говоритъ правду". Онъ остановился какъ бы ища воокругъ себя слова, которыми бы умѣрить суровость того, что онъ собирался сказать. Но бѣлый человѣкъ говорилъ правду разнымъ манеромъ. Сегодня онъ говоритъ правду однимъ манеромъ, завтра онъ говоритъ правду другимъ манеромъ, и никакъ не понять его и его манеру".

„Сегодня говоритъ правду однимъ манеромъ, завтра говоритъ правду другимъ манеромъ, это значитъ лгать", таковъ былъ приговоръ Циллы.

„Никакъ не понять бѣлаго человѣка" упорно настаивалъ Эббитсъ.

Мясо, чай и табакъ, казалось, вернули его къ жизни, и онъ старался крѣпче ухватить идею за своими ноющимися отъ старости глазами. Онъ немного выпрямился. Его голосъ утратилъ ворчливыя и поющія ноты и сдѣлался сильнымъ и положительнымъ. Онъ съ достоинствомъ повернулся ко мнѣ и обратился ко мнѣ какъ равный къ равному.

„Глаза бѣлаго человѣка не закрыты“, началъ онъ. „Бѣлый человѣкъ видитъ всѣ вещи и много думаетъ, и онъ очень мудрый. Но бѣлый человѣкъ одного дня, не есть бѣлый человѣкъ слѣдующаго дня, и никакъ нельзя понять его. Онъ не дѣлаетъ вещи всегда однимъ и тѣмъ же манеромъ. И какимъ манеромъ онъ сдѣлаетъ въ слѣдующій разъ, никто не можетъ знать. Всегда индѣецъ дѣлаетъ одну и ту же вещь однимъ манеромъ. Всегда олень спускается внизъ съ высокихъ горъ, когда сюда приходитъ зима. Всегда лосось приходитъ весною, когда ледъ сошелъ съ рѣки. Всегда все дѣлаетъ всѣ вещи однимъ и тѣмъ же манеромъ, и индѣецъ знаетъ и понимаетъ, но бѣлый человѣкъ не дѣлаетъ всѣ вещи однимъ и тѣмъ же манеромъ, и Индѣецъ не знаетъ и не понимаетъ.

„Табакъ очень хорошая вещь. Это пища голоднаго человѣка. Онъ дѣлаетъ, сильнаго человѣка болѣе сильнымъ, и сердитый человѣкъ забываетъ, что онъ сердитый. Такимъ образомъ табакъ имѣетъ цѣнность. Онъ имѣетъ очень большую цѣнность. Индѣецъ даетъ большого лососка за одинъ листъ табаку, и онъ жуетъ табакъ очень долгое время. Это сокъ табака, который хорошъ. Когда онъ течетъ внизъ по горлу человѣка, то онъ дѣлаетъ ему внутри хорошее чувство. А бѣлый человѣкъ, когда у него ротъ полный соку, что онъ дѣлаетъ? Этотъ сокъ, этотъ сокъ, который имѣетъ большую цѣнность, онъ выплевываетъ его на снѣгъ и сокъ пропадаетъ. Любитъ, бѣлый человѣкъ табакъ? Я не знаю. Но если онъ любитъ табакъ, отчего онъ выплевываетъ его цѣнность и теряетъ ее въ снѣгу? Это большая глупость и это нельзя понять“.

Онъ остановился, затянулся изъ трубки, нашелъ что она потухла и передалъ ее Циллѣ, которая удалила со своихъ губъ насмѣшку презрѣнія къ бѣлому человѣку, чтобы охватить ими мунштукъ трубки. Эббитсъ, казалось, погрузился обратно въ свою старческую немощь, не досказавъ исторіи, поэтому я спросилъ:

„Что же съ твоими сыновьями, Мокланомъ и Бидартикомъ? И какъ это случилось, что ты и твоя старая жена остались безъ мяса къ концу вашей жизни.

Онъ поднялся какъ бы проснувшись и съ усиліемъ выпрямился.

„Не хорошо воровать“, сказалъ онъ. „Когда собака беретъ твое мясо, ты бьешь собаку палкой. Таковъ законъ. Это законъ, который человѣкъ далъ собакѣ, и собака должна жить по закону, иначе она должна терпѣть боль отъ палки. Когда человѣкъ беретъ твое мясо, или твою лодку или твою жену, ты убиваешь этого человѣка. Это законъ, и это хорошій законъ. Не хорошо воровать, поэтому и есть законъ, что человѣкъ, который воруетъ, долженъ умереть. Который такъ нарушаетъ законъ, долженъ терпѣть наказаніе. Это большое наказаніе умереть“.

„Но если вы убиваете человѣка, отчего вы не убиваете собаку?“ спросилъ я.

Старый Эббитсъ посмотрѣлъ на меня съ дѣтскимъ изумленіемъ, а Цилла откровенно фыркнула на абсурдность моего вопроса.

„Вотъ это обычай бѣлаго человѣка“, пробормоталъ Эббитсъ, съ видомъ на все рѣшившагося человѣка.

„Это глупость бѣлаго человѣка“, выпалила Цилла.

„Такъ пусть старый Эббитсъ научитъ бѣлаго человѣка мудрости“, сказалъ я мягко.

„Собаку не убиваютъ потому, что она должна тащить сани человѣка. Ни какой человѣкъ не тащитъ сани другого человѣка, поэтому человѣка убиваютъ“.

„О“, прошепталъ я.

„Это есть законъ“, продолжалъ старый Эббитсъ. Теперь слушай, о Бѣлый Человѣкъ, и я разскажу тебѣ про большую глупость. Здѣсь есть одинъ индѣецъ. Его имя Мобитсъ. Онъ крадетъ отъ бѣлаго человѣка два фунта муки. Что дѣлаетъ бѣлый человѣкъ? Бьетъ онъ Мобитса? Нѣтъ. Онъ убиваетъ Мобитса? Нѣтъ. Что же онъ дѣлаетъ Мобитсу? Я разскажу тебѣ, о Бѣлый человѣкъ. У него есть домъ. Онъ запираетъ Мобитса въ этотъ домъ. Крыша хорошая. Стѣны толстыя. Онъ дѣлаетъ огонь, чтобы Мобитсу было тепло. Онъ даетъ Мобитсу ѣсть много ѣды. Это хорошая ѣда. Никогда во всѣ свои дни Мобитсъ не ѣлъ такой хорошей ѣды. Тамъ есть ветчина, и хлѣбъ, и бобы безъ конца. Мобитсъ живетъ очень хорошо.

„Тамъ есть большой замокъ на двери, чтобы Мобитсъ не убѣжалъ. Это также большая глупость. Мобитсъ не хочетъ убѣжать. Все время тамъ есть много ѣды въ этомъ мѣстѣ, и теплыя одѣяла, и большой огонь. Очень глупо убѣжать. Мобитсъ не дуракъ. Три мѣсяца Мобитсъ остается въ этомъ мѣстѣ. Онъ укралъ два фунта муки. За это бѣлый человѣкъ очень хорошо заботился о немъ. Мобитсъ ѣстъ много фунтовъ муки,

много фунтовъ сахару, ветчины, бобовъ, безъ конца. Также Мобитсъ ѣстъ много чаю. Послѣ трехъ мѣсяцевъ бѣлый человѣкъ открываетъ дверь и говоритъ Мобитсу, что онъ долженъ идти. Мобитсъ не хочетъ уходить. Онъ какъ собака, которую долго кормили въ одномъ мѣстѣ. Онъ хочетъ остаться въ этомъ мѣстѣ и бѣлый человѣкъ долженъ прогнать Мобитса прочь. Такъ Мобитсъ приходитъ назадъ въ эту деревню, и онъ очень жирный. Такой обычай у бѣлаго человѣка, и ничего нельзя понять въ этомъ. Это глупость, очень большая глупость".

„Но твои сыновья?" я настаивалъ. „Твои очень сильные сыновья и твой голодъ на старости лѣтъ?"

„Тамъ былъ Мокланъ", началъ Эббитсъ.

„Сильный мущина", перебила мать. „Онъ могъ грести весь день и всю ночь ни разу не останавливаясь для отдыха. Онъ былъ очень мудръ въ обычаѣ лососей и въ обычаѣ воды. Онъ былъ очень мудрый".

„Тамъ былъ Мокланъ", повторилъ Эббитсъ, не обращая вниманіе на то что его перебили. „Весной онъ съ молодыми парнями спустился внизъ по Юкону, чтобы торговать въ фортѣ Камибелль. Тамъ есть постъ, наполненный товарами бѣлаго человѣка, и есть торговецъ, которому имя Джонсъ. А также тамъ есть шаманъ *) бѣлаго человѣка, котораго вы называете миссіонеръ. Также тамъ есть дурная вода у форта Камибелль, гдѣ Юконъ становится тонкій, какъ дѣвушка, и вода бѣжитъ скоро, и теченія идутъ одной дорогой и другой дорогой и сходятся вмѣстѣ, и тамъ есть водовороты и вертуны, которые втягиваютъ, и всегда теченія мѣняются и лицо воды мѣняется, такъ что оно во всякія два времени не бываетъ одинаково. Мокланъ мой сынъ, поэтому онъ храбрый человѣкъ".

„Развѣ мой отецъ не былъ храбрый человѣкъ?" спросила Цилла.

„Твой отецъ былъ храбрый человѣкъ", подтвердилъ Эббитсъ, съ видомъ человѣка, который хочетъ поддержать домашній миръ любой цѣной. „Мокланъ твой сынъ и мой, поэтому онъ и храбрый. Можетъ быть оттого, что твой отецъ очень храбрый, Мокланъ слишкомъ храбрый: Это все равно какъ очень много воды налить въ горшокъ, она пойдетъ черезъ. Такъ слишкомъ много храбрости было положено въ Моклана, и храбрость пошла черезъ".

„Молодые парни очень боятся худой воды у форта Камибелль. Но Мокланъ не боится. Онъ громко смѣется, хо! хо! и идетъ прямо въ худую воду. Но тамъ, гдѣ теченія сходятся вмѣстѣ, лодка перевертывается. Вертунъ хватаетъ Моклана за ноги, и онъ идетъ кругомъ и кругомъ и внизъ и внизъ и больше его не видѣли".

„Ай! Ай! закричала Цилла. Сильный и мудрый былъ онъ и мой первый сынъ".

„Я отецъ Моклана", сказалъ Эббитсъ, терпѣливо, давъ женщинѣ время на ея жалобы. „Я сажусь въ лодку и ѣду внизъ къ форту Кампбелль, чтобы собрать пеню!"

„Пеню!" перебилъ я. „Какую пеню?"

„Пеню отъ Джонса, который есть главный купецъ", получилъ я отвѣтъ. „Такой законъ путешествія по чужой странѣ".

Я покачалъ головой въ знакъ своего невѣжества, и Эббитсъ посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на меня, въ то время какъ Цилла фыркнула на меня съ ея обычнымъ презрѣніемъ.

„Посмотри, о Бѣлый Человѣкъ", сказалъ онъ. Въ твоемъ лагерѣ есть собака, которая кусается. Когда собака укуситъ человѣка, ты дашь этому человѣку подарокъ, потому что тебѣ жаль его и потому, что это твоя собака. Ты ему платишь. Развѣ это не такъ? Такъ же, если въ твоей странѣ худая охота или худая вода, вы должны платить. Это справедливо. Это законъ. Развѣ братъ моего отца не ходилъ въ страну Танана и развѣ его не убилъ тамъ медвѣдь? И развѣ племя Танана не уплатило моему отцу много одѣялъ и хорошихъ мѣховъ? Это было справедливо. Это была худая охота, и народъ Танана уплатилъ за худую охоту.

„И вотъ я, Эббитсъ, поѣхалъ внизъ къ форту Кампбелль, чтобы собрать долгъ. Джонсъ, который есть главный купецъ, посмотрѣлъ на меня и началъ смѣяться. Онъ очень смѣялся и не хотѣлъ платить пеню. Я пошелъ къ таману, котораго вы называете миссіонеръ, и имѣлъ съ нимъ большой разговоръ о худой водѣ и о пенѣ, которая должна быть мнѣ уплачена. А миссіонеръ началъ толковать о другихъ

*) medicina-man

вещахъ. Онъ толковалъ о томъ, куда теперь пошелъ Мокланъ, когда умеръ. Тамъ большой огонь въ этомъ мѣстѣ, и если миссіонеръ говоритъ правду, такъ я знаю, что Моклану ужъ не будетъ больше холодно. Также миссіонеръ говорилъ, куда я пойду, когда умру. И онъ говорилъ худыя вещи, говорилъ, что я слѣпой. Что есть ложь. Онъ говорилъ, что я въ большой темнотѣ. Что есть тоже ложь. А я сказалъ, что день приходитъ и ночь приходитъ для каждаго одинаково, и что въ моей деревнѣ не темнѣе, чѣмъ въ фортѣ Кампбелль. Также я сказалъ, что темнота и свѣтъ и куда мы пойдемъ, когда умремъ—одно дѣло, а уплата справедливой пени за худую воду—другое дѣло. Тогда миссіонеръ сталъ очень сердиться, и началъ обзывать меня худыми словами темноты, и сказалъ, чтобы я ушелъ прочь. И такъ я пришелъ назадъ изъ форта Кампбелль, и мнѣ не была сдѣлана уплата, и Мокланъ мертвый и въ моей старости я сижу безъ рыбы и мяса".

„Изъ-за бѣлаго человѣка", сказала Цилла.

„Изъ-за бѣлаго человѣка", подтвердилъ Эббитсъ. „И еще другія вещи изъ-за бѣлаго человѣка. Тутъ былъ Бидартикъ. Однимъ манеромъ бѣлый человѣкъ поступилъ съ нимъ, и совсѣмъ другимъ манеромъ, за ту же самую вещь онъ поступилъ съ Ямиканомъ. И сначала я долженъ разсказать тебѣ о Ямиканѣ, который былъ молодымъ парнемъ изъ этой деревни и которому случилось убить бѣлаго человѣка. Это нехорошо убивать человѣка изъ другого народа. Тогда всегда очень много хлопотъ. Это не была вина Ямикана, что онъ убилъ бѣлаго человѣка. Ямиканъ говорилъ всегда мягкія слова и всегда убѣгалъ отъ гнѣва, какъ собака отъ палки. Но этотъ бѣлый человѣкъ пилъ много виски и ночью пришелъ въ домъ Ямикана и началъ очень драться. Ямиканъ не можетъ убѣжать прочь, и бѣлый человѣкъ хочетъ его убить. А Ямиканъ не хочетъ умирать и самъ убиваетъ бѣлаго человѣка".

„Тогда вся деревня въ большомъ безпокойствѣ. Мы очень боимся, что намъ нужно будетъ заплатить большую пеню народу бѣлаго человѣка, и мы прячемъ наши одѣяла и наши мѣха и все наше богатство, такъ чтобы казалось, что мы бѣдный народъ и можемъ заплатить только маленькую пеню. Черезъ долгое время приходятъ бѣлые люди. Это бѣлые солдаты, и они берутъ Ямикана съ собой. Его мать дѣлаетъ большой шумъ и бросаетъ пепелъ на свои волосы, потому что знаетъ, что Ямиканъ мертвый. И вся деревня знаетъ, что Ямиканъ ужъ мертвый, и всѣ радуются, что не спросили никакой пени.

„Это было весной, когда ледъ ушелъ съ рѣки. Одинъ годъ проходитъ, два года проходятъ. Снова весна, и ледъ ушелъ съ рѣки. И тогда Ямиканъ, который мертвый, приходитъ назадъ къ намъ, и онъ не мертвый, но очень жирный, и мы знаемъ, что онъ спалъ тепло и что у него было довольно ѣды, чтобы ѣсть. У него много хорошей одежды и онъ точно настоящій бѣлый человѣкъ, и онъ собралъ большую мудрость, такъ что очень скоро онъ уже старшина въ деревнѣ.

„И онъ разсказываетъ удивительныя вещи объ обычаѣ бѣлаго человѣка, потому что онъ видѣлъ много у бѣлаго человѣка и сдѣлалъ длинный путь въ страну бѣлаго человѣка. Первымъ дѣломъ бѣлые солдаты везли его далеко внизъ по рѣкѣ. Внизъ по всей рѣкѣ они провезли его, до конца, гдѣ рѣка впадаетъ въ озеро, которое, больше, чѣмъ вся земля, большое какъ небо. Я не знаю, что Юконъ такая большая рѣка, но Ямиканъ видѣлъ своими собственными глазами. Я не думаю, что тамъ есть озеро больше чѣмъ вся земля и такое большое какъ небо, но Ямиканъ видѣлъ. Также онъ сказалъ мнѣ, что вода въ этомъ озерѣ соленая, это удивительная вещь и непонятная.

„Но Бѣлый человѣкъ знаетъ самъ всѣ эти чудеса, поэтому я не стану ему надоѣдать, разсказывая о нихъ. Я хочу только разсказать ему, что случилось съ Ямиканомъ. Бѣлый человѣкъ давалъ Ямикану много хорошей ѣды. Все время Ямиканъ ѣстъ, и все время тамъ есть достаточно еще ѣды. Бѣлый человѣкъ живетъ подъ солнцемъ, такъ говоритъ Ямиканъ, тамъ много тепла, и у животныхъ есть только волосы и нѣтъ мѣха и всякія зеленыя вещи растутъ большими и крѣпкими и выходитъ мука, и бобы, и картошка. И тамъ подъ солнцемъ нѣтъ никогда голода. Всегда тамъ много ѣды. Я не знаю. Ямиканъ сказалъ.

„И вотъ тутъ и есть удивительная вещь, которая случилась съ Ямиканомъ. Никогда бѣлый человѣкъ не обижалъ его. Они только дали ему теплую кровать ночью и много хорошей ѣды. Они перевезли его черезъ соленое озеро, которое такъ велико какъ небо. Онъ на огненной лодкѣ бѣлаго человѣка, которую вы называете

пароходъ, только онъ на такой лодкѣ, которая можетъ быть двадцать разъ больше, чѣмъ пароходъ на Юконѣ. Она сдѣлана также изъ желѣза, эта лодка, и все таки она не тонетъ. Этого я не понимаю, но Ямиканъ сказалъ,—я проѣхалъ далеко на желѣзной лодкѣ; посмотри! я все еще живой.—Это военная лодка бѣлаго человѣка, и на ней много солдатъ.

„Послѣ многихъ ночей пути, долго, долго, Ямиканъ приходитъ въ страну, гдѣ нѣтъ снѣгу. Я не могу повѣрить этому. Это не порядокъ. что, когда приходитъ зима, нѣтъ снѣгу. Но Ямиканъ видѣлъ. Также я спрашивалъ бѣлыхъ людей и они сказали, да, тамъ нѣтъ снѣгу въ этой странѣ. Но я не могу повѣрить, и теперь я спрашиваю тебя, развѣ снѣгъ никогда не приходитъ въ эту страну. Я слышалъ прежде ея имя, но я хотѣлъ бы снова услышать, будетъ ли тоже самое—такъ я буду знать, слышалъ ли я лживую или вѣрную рѣчь.

Старый Эббитсъ посмотрѣлъ на меня съ хитрымъ лицомъ. Онъ хотѣлъ знать истину, что бы это ни стоило, хотя его желаніемъ было удержать свою вѣру въ чудеса, которыхъ онъ никогда не видѣлъ.

„Да“, отвѣтилъ я, „это правильная рѣчь, которую ты слышалъ. Въ этой странѣ нѣтъ снѣгу, и она называется Калифорнія“.

„Ка-лил-фор-ній-я“, пробормоталъ онъ дважды, трижды, внимательно прислушиваясь къ звуку слоговъ, по мѣрѣ того, какъ они слетали съ его губъ. Онъ кивнулъ головой въ знакъ подтвержденія. „Да, это та самая страна, о которой разсказывалъ Ямиканъ“,

Я заключилъ, что приключеніе съ Ямиканомъ могло возможно случиться въ тѣ ранніе дни, когда Аляска только что перешла во владѣніе Соединенныхъ Штатовъ. Такой случай убійства, происшедшій до введенія мѣстнаго закона и судовъ, вполнѣ могъ быть перенесенъ для разбирательства въ Соединенные Штаты въ Федеральный Судъ.

„И вотъ когда Ямиканъ уже въ той странѣ, гдѣ нѣтъ снѣгу, продолжалъ старый Эббитсъ, „его приводятъ въ большой домъ, гдѣ много людей много говорятъ. Долго люди говорятъ. Также много вопросовъ они задаютъ Ямикану. Мало по малу они говорятъ Ямикану, что ему не надо больше безпокоиться. Ямиканъ не понимаетъ, потому что у него никогда не было безпокойства. Все время они давали ему теплое мѣсто, чтобы спать и много ѣды.

„Но послѣ этого они дали ему ѣду еще получше, и дали ему денегъ и водили по многимъ мѣстамъ въ странѣ бѣлаго человѣка и онъ видѣлъ много удивительныхъ вещей, непонятныхъ для Эббитса, который уже старый человѣкъ и не бывалъ далеко. Послѣ двухъ лѣтъ, Ямиканъ приходитъ назадъ въ эту деревню, и онъ старшина и очень мудрый, пока не умираетъ. „Но прежде чѣмъ онъ умираетъ, онъ много разъ сидитъ у моего огня и разсказываетъ объ удивительныхъ вещахъ, которыя онъ видѣлъ. И Бидартикъ, который есть мой сынъ, сидитъ у огня и слушаетъ; и глаза у него широкіе и большіе отъ тѣхъ вещей, которыя онъ слышитъ. И однажды ночью, послѣ того какъ Ямиканъ ушелъ домой, Бидартикъ встаетъ, такой очень большой, и бьетъ себя въ грудь кулакомъ и говоритъ: „Когда я буду мужчиной, я пойду также въ далекія мѣста, даже въ ту страну, гдѣ нѣтъ снѣгу и увижу самъ всѣ эти вещи“.

„Всегда Бидартикъ ходилъ въ далекія мѣста“, перебила его гордо Цилла.

„Это вѣрно“, важно подтвердилъ Эббитсъ. „И всегда онъ возвращался, чтобы сидѣть у огня и думать о новыхъ и неизвѣстныхъ далекихъ мѣстахъ“.

„И всегда онъ вспоминаетъ соленое озеро такое большое какъ небо и страну подъ солнцемъ, гдѣ нѣтъ снѣгу“, вставила Цилла. „И всегда говорилъ онъ,—когда у меня будетъ полная сила мужчины, я пойду и самъ увижу правда ли то, что разсказывалъ Ямиканъ“, сказалъ Эббитсъ.

„Но тамъ не было дороги, чтобы идти въ страну бѣлаго человѣка“, сказала Цилла.

„А развѣ онъ не спускался внизъ къ соленому озеру, такому большому, какъ небо?“ спросилъ Эббитсъ.

„И тамъ не было для него никакой дороги черезъ соленое озеро“, сказала Цилла.

„Кромѣ какъ въ огненной лодкѣ бѣлаго человѣка, которая изъ желѣза, и больше чѣмъ двадцать пароходовъ на Юконѣ“, сказалъ Эббитсъ. Онъ выругалъ

Циллу, тощія губы которой уже снова складывались, чтобы вмѣшаться въ его рѣчь, и заставилъ ее замолчать. „Но бѣлый человѣкъ не хотѣлъ позволить ему переѣхать черезъ соленое озеро въ огненной лодкѣ, и онъ вернулся, чтобы сидѣть у огня и думать о странѣ подъ солнцемъ, гдѣ нѣтъ снѣгу".

„Но на соленомъ озерѣ онъ видѣлъ огненную лодку изъ желѣза, которая не тонула", выкрикнула неугомонная Цилла.

„Такъ", сказалъ Эббитсъ. „и онъ увидѣлъ, что Ямиканъ говорилъ правду о вещахъ, которыя онъ видѣлъ. Но тамъ не было способа для Бидартика, чтобы попасть въ страну бѣлаго человѣка подъ солнцемъ и онъ сталъ больной и смуглый, какъ старый человѣкъ, и не уходилъ отъ огня. И онъ больше не уходилъ, чтобы убивать мясо".

„И онъ больше не ѣлъ мясо, которое ставилось передъ нимъ", вмѣшалась Цилла. „Онъ качалъ головой и говорилъ; я хочу только ѣду бѣлаго человѣка, и хочу стать жирнымъ такимъ какъ Ямиканъ.

„И онъ не ѣлъ мяса", продолжалъ Эббитсъ. „И болѣзнь Бидартика стала большой болѣзнью, такъ что я думалъ, что онъ умретъ. Это не была болѣзнь тѣла, но болѣзнь головы. Это была болѣзнь хотѣнія. Я, Эббитсъ, который есть его отецъ, началъ думать великую думу. У меня не было больше сыновей, и я не хотѣлъ, чтобы Бидартикъ умеръ. Это болѣзнь головы. и есть только одинъ способъ, чтобы ее вылечить. Бидартикъ долженъ поѣхать черезъ озеро, такое большое, какъ небо, въ страну, гдѣ нѣтъ снѣгу, иначе онъ умретъ. Я думалъ очень великую думу и тогда я увидѣлъ дорогу для Бидартика, по какой онъ могъ идти".

„И вотъ, однажды ночью, когда онъ сидѣлъ у огня, очень больной, и голова у него виситъ внизъ, я говорю: мой сынъ, я узналъ дорогу для тебя, чтобы идти въ страну бѣлаго человѣка". Онъ смотритъ на меня и у него радость на лицѣ.—Иди, говорю я,—такъ, какъ ходилъ Ямиканъ.—Но Бидартикъ больной и не понимаетъ.—Иди,—я говорю,—и найди бѣлаго человѣка и, такъ же, какъ Ямиканъ, убей этого бѣлаго человѣка. Тогда придутъ бѣлые солдаты и возьмутъ тебя и такъ же, какъ Ямикана, они перевезутъ тебя въ страну бѣлаго человѣка черезъ соленое озеро. И тогда, такъ же, какъ Ямиканъ, ты вернешься очень умный, и твои глаза будутъ полны тѣхъ вещей, которыя ты увидѣлъ, и твоя голова будетъ полна мудрости".

„И Бидартикъ встаетъ очень скоро и его рука протягивается къ его ружью.—Куда ты идешь?—я спрашиваю.—Убить бѣлаго человѣка,—говоритъ онъ. И я вижу. что мои слова были хороши для ушей Бидартика, и что онъ будетъ опять здоровъ, Также я знаю, что мои слова были мудры.

„И зотъ одинъ бѣлый человѣкъ приходитъ въ эту деревню. Онъ не ищетъ золота въ землѣ и не ищетъ мѣховъ въ лѣсу. Все время онъ ищетъ жуковъ и мухъ. Онъ не ѣстъ жуковъ и мухъ, зачѣмъ же онъ ищетъ ихъ? Я не знаю. Я только знаю, что онъ смѣшной бѣлый человѣкъ. Также онъ ищетъ яйца птицъ. Онъ не ѣстъ яйца. Все, что внутри, онъ беретъ прочь и только оставляетъ скорлупку. Не хорошо ѣсть яичныя скорлупки. Но онъ и не ѣстъ яичныя скорлупки, но кладетъ ихъ въ мягкія ящики, гдѣ онѣ не разобьются. Онъ ловитъ много маленькихъ птицъ. Но онъ не ѣстъ птицъ. Онъ беретъ только шкурки и кладетъ ихъ въ ящики. Также онъ любитъ кости. И этотъ удивительный бѣлый человѣкъ больше любитъ старинныя кости, которыя онъ выкалываетъ изъ земли.

„Но онъ не сердитый бѣлый человѣкъ, и я знаю, что онъ умретъ очень легко, поэтому я говорю Бидартику,—мой сынъ, вотъ тутъ тотъ бѣлый человѣкъ для тебя, чтобы убить.—И Бидартикъ говоритъ, что мои слова мудрыя. И вотъ онъ идетъ въ одно мѣсто, которое онъ знаетъ, гдѣ много костей въ землѣ. Онъ выкапываетъ очень много этихъ костей и приноситъ ихъ въ палатку удивительнаго бѣлаго человѣка. Бѣлый человѣкъ очень радуется. Его лицо блеститъ какъ солнце, и онъ смѣется съ большою радостью, когда смотритъ на кости. И онъ наклоняетъ голову, такъ, чтобы хорошенько посмотрѣть на кости, и тогда Бидартикъ сильно бьетъ его по головѣ топоромъ одинъ разъ, вотъ такъ, и удивительный бѣлый человѣкъ падаетъ, и онъ мертвый.

„—Теперь — говорю я Бидартику.—придутъ бѣлые солдаты и возьмутъ тебя въ страну подъ солнцемъ, гдѣ ты будешь много ѣсть и сдѣлаешься жирный. Бидартикъ очень счастливъ. Уже его болѣзнь ушла отъ него и онъ сидитъ у огня и ждетъ, когда придутъ бѣлые солдаты.

„Какъ могъ я знать, что обычай бѣлаго человѣка никогда не бываетъ два раза тотъ же самый?“ спросилъ старикъ съ сердцемъ, поворачиваясь ко мнѣ. „Какъ могъ я знать, что то, что бѣлый человѣкъ дѣлаетъ вчера, онъ не сдѣлаетъ сегодня, и то, что онъ дѣлаетъ сегодня, онъ не сдѣлаетъ завтра. Эббитсъ печально покачалъ головой. „Нѣтъ, нельзя понять бѣлаго человѣка. Вчера онъ беретъ Ямикана въ страну подъ солнцемъ и дѣлаетъ его жирнымъ съ большой ѣдой. Сегодня онъ беретъ Бидартика и—что онъ дѣлаетъ съ Бидартикомъ? Дай мнѣ сказать тебѣ, что онъ дѣлаетъ съ Бидартикомъ.

„Я, Эббитсъ, его отецъ, скажу тебѣ. Онъ беретъ Бидартика въ фортъ Кампбелль, и онъ привязываетъ веревку вокругъ его шеи, вотъ такъ, и когда его ноги больше не на землѣ, онъ умираетъ“.

„Ай! ай!“ завопила Цилла. „И никогда онъ не ѣдетъ черезъ озеро, большое какъ небо и никогда онъ не видитъ страну подъ солнцемъ, гдѣ нѣтъ снѣгу“.

„Вотъ почему“, сказалъ старый Эббитсъ съ возможностью и достоинствомъ, „здѣсь нѣтъ никого, чтобы охотиться за мясомъ для меня въ моей старости, и я сижу голодный у моего огня и разсказываю мою исторію Бѣлому Человѣку, который далъ мнѣ ѣду и крѣпкій чай и табакъ для моей трубки“.

„Это изъ-за лживаго и очень сквернаго бѣлаго народа“, пронзительно закричала Цилла.

„Не“, отвѣтилъ старикъ мягко, но положительно. „Это изъ за обычая бѣлаго человѣка, который нельзя понять и который никогда не бываетъ два раза тотъ же самый“.

Л. и В. Андрусонъ.

* * *

Что ты, Матушка, спишь?
Что, родная лежишь?
Погляди-ка что дома-то дѣется—
Хоть твой сѣрый мужикъ
Къ голодовкѣ привыкъ,
Да и тотъ, видно, жить не надѣется.
Что ни годъ—недородъ,
Голодаетъ народъ,—
Грабежи да убійства нещадные;
Судятъ, вѣшаютъ бьютъ,
А поѣсть не даютъ
И борьба все идетъ безпощадная.
Видно жизнь-то не медъ,
Коли лѣзетъ народъ
Самъ въ петлю, да на штыкъ натыкается.
Что жъ ты, Матушка, спишь,
Что, родная, лежишь?—
Пробудись—вонъ заря занимается.

И. Рогозинъ.

Х. Коберштейнъ. СЫНЪ УБИТЪ.

Исчезновеніе лжи.

Разговоръ объ искусствѣ Соч. *Оскара Уайльда.*

(*Окончаніе.*)

Кириллъ. Слѣдовательно природа подражаетъ живописцу и у него набираетъ свои силы и краски?

Вивіанъ. Безъ сомнѣнія. Кто, если не импрессіонисты, создалъ эти чудные темные туманы, которые стелятся по нашимъ улицамъ, затемняя свѣтъ газовыхъ лампъ и превращая дома въ уродливыя тѣни? Кому, если не имъ и ихъ учителю, мы обязаны этими чарующими серебристыми туманами, которые висятъ надъ нашими рѣками, скрывая въ своихъ колеблющихся очертаніяхъ и высокій круглый мостъ, и лодку, которая бѣжитъ по теченію рѣки? Большая перемѣна, которая произошла въ климатѣ Лондона за послѣднія десять лѣтъ, является единственно и всецѣло произведеніемъ этой замѣчательной артистической школы. Ты улыбаешься. Но взгляни на этотъ вопросъ съ научной или метафизической точки зрѣнія и тогда ты увидишь, что я правъ. Что такое природа? Природа—не проматерь наша, которая насъ родила; она только нашъ продуктъ. Нашъ мозгъ вызываетъ ее къ жизни. Предметы существуютъ потому что мы ихъ видимъ, но то обстоятельство, какъ мы видимъ и что мы видимъ, находится исключительно въ зависимости отъ искусства, которое имѣетъ на насъ вліяніе. Большая разница, смотрѣть на предметъ или видѣть его. Мы до тѣхъ поръ не обращаемъ на него вниманія, пока не замѣтимъ его красоты. Только тогда начинается его существованіе. Въ настоящее время люди видятъ уже туманы, но не потому, что они существуютъ, а по той простой причинѣ, что поэты и художники открыли намъ таинственную красоту этого явленія. Вѣроятно, туманы существовали въ Лондонѣ отъ вѣки вѣковъ.

Я даже въ этомъ убѣжденъ. Однако ихъ никто не видѣлъ, а поэтому мы о нихъ и ничего не знали; они не существовали, пока ихъ не открыло искусство. Въ настоящее время, нужно признаться туманы превратились въ чистое наказаніе. Извѣстная часть писателей преувеличеннымъ реализмомъ вызываетъ у бѣдныхъ впечатлѣніе бронхита.

Тамъ, гдѣ культурный человѣкъ находитъ артистическое удовольствіе, некультурная личность подвергается опасности простудиться. А потому мы должны ста-

раться. чтобъ искусство свои чарующіе глаза обратило въ другую сторону. Впрочемъ, оно уже это сдѣлало само. Бѣлое, дрожащее солнечное свѣтило, которое мы теперь видимъ у французовъ, съ изумительнымъ отраженіемъ безпокойныхъ фіолетовыхъ тѣней—это послѣдняя фантазія искусства, скопированная природой прямо подозрительно. Прежде она фотографировала Corot'a и Dorn ligny'я, а теперь даетъ намъ великолѣпныхъ Mone'товъ и Pisar'овъ. Въ нѣкоторые моменты—правда они рѣдки, но все-таки повторяются отъ времени до времени—природа становится совершенно модернистической. Ясно, что ей не всегда можно довѣрять, тѣмъ болѣе, что положеніе, которое оно занимаетъ, роковое. Искусство, создавши единственный въ своемъ родѣ и несравнимый эфектъ, переходитъ къ другимъ; природа же тотчасъ забываетъ, что подражаніе также можетъ быть безчестіемъ, и повторяетъ одинъ и тотъ же эфектъ до тошноты. Теперь, напримѣръ, ни одинъ дѣйствительно цивилизованный человѣкъ не будетъ восхищаться заходомъ солнца. Заходъ солнца совершенно вышелъ изъ моды. Онъ принадлежитъ тому времени, когда Тюрнеръ былъ послѣднимъ выразителемъ искусства. Восхищеніе заходомъ солнца является несомнѣннымъ доказательствомъ деревенщины. Тѣмъ не менѣе это явленіе существуетъ. Вчера вечеромъ Mrs. Arundel неотступно просила, чтобъ я подошелъ къ окну и восхищался „чуднымъ вечернимъ небомъ". Конечно, я долженъ былъ это сдѣлать; она принадлежитъ къ тѣмъ немногограниченнымъ чарующимъ женщинамъ, которымъ немыслимо въ чемъ либо отказать. И что же я увидѣлъ? Второразрядиаго Тюрнера со всѣми ошибками живописца, доведенными до каррикатуры. Впрочемъ, я долженъ сознаться что и жизнь повторяетъ ту же ошибку. Она неоднократно создаетъ лживыхъ Bene'совъ и Vautrin'овъ точно такъ же, какъ природа въ одинъ прекрасный день одаряетъ насъ сомнительнаго качества Cnyp'омъ, а въ другой разъ проблематическимъ Руссо. А подобныя фальсификаціи, когда ихъ совершаетъ природа, насъ раздражаютъ. Онѣ кажутся намъ глупыми, смѣшными и лишними.

Лживый Vautrin можетъ насъ еще забавлять, но проблематическій Снуръ невыносимъ. Я не хочу судить слишкомъ строго природу; мнѣ было бы только желательно, чтобы каналъ около Hestings не напоминалъ такъ часто Генриха Мура—сѣрый жемчугъ съ желтыми свѣтящимися лучами. Но, все-таки, когда искусство сдѣлается болѣе разностороннимъ, то и природа также будетъ болѣе разнообразной. Фактъ, что природа подражаетъ искусству, не опровергаютъ теперь непримиримѣйшіе противники этой теоріи. Это—единственная связь между ней и цивилизованнымъ человѣкомъ. Итакъ, согласенъ ли ты съ моимъ мнѣніемъ?

Кириллъ. Къ своему неудовольствію—да,—но тѣмъ лучше для тебя. Но согласившись даже съ этимъ удивительнымъ подражательнымъ стремленіемъ въ жизни и природѣ, ты долженъ признать, что искусство выражаетъ какъ чувственный, такъ и интеллектуальный характеръ своего времени, этическое и общественное направленіе среды, подъ вліяніемъ которой оно возникло.

Вивіанъ. Никогда. Искусство никогда не выражаетъ ничего кромѣ самого себя. Это—сущность моей новой эстетики; именно это еще въ большей степени, чѣмъ внутренняя связь между формой и содержаніемъ, о которой говоритъ Pater—это, именно, дѣлаетъ музыку типомъ всѣхъ другихъ искусствъ. Понятно, что равно, какъ цѣлые народы, такъ и отдѣльныя личности благодаря здоровой естественной суетѣ, которая составляетъ тайну существованія, всегда себѣ льстятъ, что они являются тѣми, о которыхъ говорятъ музы; и всегда въ спокойномъ достоинствѣ искусства они замѣчаютъ отраженіе своихъ собственныхъ кричащихъ страстей, забывая совершенно, что пѣвцомъ жизни является не Апполонъ, а Марсъ. Вдали отъ дѣйствительности, отвергнувъ взоры отъ мрачной темноты, искусство объявило собственное свое совершенство, а изумленная толпа смотритъ на красивую тысячелистную розу, которая сама распустилась, и обманываетъ себя тѣмъ, что это ея дѣла, выражены въ новой формѣ. Но дѣло обстоитъ иначе. Высшее искусство отбрасываетъ бряцаніе всего человѣческаго, пріобрѣтая больше прибыли отъ новыхъ средствъ и свѣжихъ матеріаловъ, чѣмъ отъ энтузіазма во имя искусства, возвышенной страсти и развитія человѣческой любознательности. Его прогрессъ чисто органическій. Оно никогда не является символомъ какой-нибудь эпохи; время является его символомъ.

Даже тѣ, которые считаютъ искусство отраженіемъ какой-нибудь эпохи, страны или народа, должны согласиться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что чѣмъ больше искусство склоняется на сторону подражанія, тѣмъ менѣе отражаетъ духъ времени.

Безумныя лица римскихъ цезарей, глядящія на насъ съ грязной яшмы, любимаго матеріала тогдашнихъ натуралистическихъ художниковъ, будто жестокимъ выраженіемъ рта и чувственной линіей подбородка указываютъ какую-то тайную причину паденія имперіи. Однако это не такъ. Преступленія Тиверія не могли умножить эту высшую культуру точно такъ же, какъ не могли ее сохранить заботы Антонія. Она пала по другимъ причинамъ, менѣе интереснымъ. Сивиллы и пророки Сикстины могутъ до нѣкоторой степени объяснить вырожденіе освобожденнаго духа, которое мы называемъ Ренесансомъ; но что говорятъ намъ пьяные мародеры и буйствующіе мужики голландской живописи о великой душѣ Голландіи? Чѣмъ больше искусство отвлеченно и идеально, тѣмъ вѣрнѣе оно отражаетъ духъ времени. Если мы при помощи искусства хотимъ узнать душу народа, мы должны обратиться къ архи тектурѣ и музыкѣ.

Кириллъ. Въ этомъ пунктѣ я съ тобой вполнѣ согласенъ. Духъ народа лучше всего сказывается въ отвлеченномъ идеальномъ искусствѣ благодаря тому, что духъ самъ отвлеченъ, идеаленъ. А когда вопросъ касается внѣшнихъ признаковъ, физіогноміи эпохи, мы, дѣйствительно, должны обратиться къ подражательному искусству.

Вивіанъ. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Вѣдь, подражательное искусство намъ не даетъ ничего кромѣ пересмотра различныхъ стилей отдѣльныхъ художниковъ или школъ. Не допускаешь же, что средневѣковые люди хотя бы въ приближеніи были похожи на существъ, которыхъ мы видимъ на средневѣковыхъ картинахъ, рѣзьбахъ, металлическихъ издѣльяхъ или иллюстрированныхъ рукописяхъ? Вѣроятнѣе всего, это были самые обыкновенные люди, не заключающіе въ себѣ ничего страннаго, фантастическаго и сверхъестественнаго. Подобное средневѣковье, съ какимъ мы знакомы въ искусствѣ, является ничѣмъ инымъ, какъ законченной формой стиля, и я не вижу повода, вслѣдствіе котораго XIX вѣкъ не могъ бы дать художника, выражающаго этотъ же стиль. Никто изъ великихъ художниковъ не смотритъ въ истинный корень вещей. Онъ въ такомъ случаѣ не былъ бы художникомъ. Возьмемъ современный примѣръ. Я знаю, что ты любишь все японское. А думаешь ли ты, что, дѣйствительно, существуютъ гдѣ-то японцы въ родѣ тѣхъ, съ какими мы знакомы въ искусствѣ. Если такъ, то ты никогда не имѣлъ понятія объ японскомъ искусствѣ. Японцы, извѣстные намъ изъ искусства, являются самостоятельнымъ, сознательнымъ произведеніемъ художниковъ. Сравни картины Hokusaj'я, Hokkej'я или какого-нибудь другого японскаго живописца съ настоящими японцами или японками, и ты убѣдишься, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Жители Японіи немногимъ отличаются отъ обыкновеннаго типа англичанина, это значитъ, что они—банальны и лишены всякаго экзотизма. Собственно говоря, Японія является исключительно изобрѣтеніемъ. Нѣтъ такой страны, нѣтъ такихъ людей. Одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ нашихъ живописцевъ недавно поѣхалъ на родину хризантемъ и льстилъ себя надеждой, что увидитъ японцевъ. До сихъ поръ онъ видѣлъ и могъ воспроизводить только лампіоны и вѣера. Онъ рѣшительно не могъ найти самихъ жителей, что доказываетъ его великолѣпная выставка въ Dowdeswell—Gallery. Онъ не зналъ, что японцы, какъ я уже сказалъ, являются спеціальной формой стиля, дивной фантазіей искусства. Поэтому, если у тебя появляется желаніе увидѣть что нибудь дѣйствительно японское, ты не долженъ ѣхать въ Токіо. Наоборотъ, ты останься у себя, изучи хорошо искусство японскихъ художниковъ и, вникнувши въ сущность ихъ стиля и творческую силу фантазіи, когда нибудь въ полдень сядь въ паркѣ, и если ты тогда не увидишь великолѣпнаго японскаго ландшафта, значитъ, ты, вѣроятно, имъ никогда не будешь любоваться. Но вернемся къ прошлому и другой примѣръ возьмемъ изъ древней Греціи. Воображаешь ли ты, что по греческому искусству мы можемъ себѣ представить внѣшній видъ грековъ? Воображаешь ли ты, что аѳинскія женщины дѣйствительно похожи на эти гордыя чудныя фигуры, украшающія стѣны Парѳенона или на чарующихъ богинь, которыя изображены на треугольныхъ фронтонахъ этой святыни? Опираясь на памятники искусства, ты долженъ такъ думать. Но прочти что-нибудь объ этомъ времени, обратись, напримѣръ, къ точному авторитету, какъ Аристофанъ. Тогда ты убѣдишься, что аѳинскія женщины стягивали свою талію корсетомъ, носили ботинки на высокихъ каблукахъ, перекрашивали себѣ волосы въ желтый цвѣтъ, подобно нашимъ женщинамъ полусвѣта.—

И такъ мы пришли къ выводу, что на прошлыя времена мы смотримъ сквозь призму искусства, а искусство къ счастью намъ никогда еще не сказало правды.

Кириллъ. А портреты, исполненные англійскими модернистами? Развѣ они не похожи на свои модели?

Вивіанъ. Это вѣрно. Они такъ похожи, что черезъ сто лѣтъ никто не повѣритъ въ ихъ достовѣрность. Истинными портретами являются только тѣ, въ которыхъ модель занимаетъ второстепенное мѣсто, главное же принадлежитъ индивидуальности художника. Рисунки Holbein'а мужчинъ и женщинъ дѣйствуютъ своей абсолютной непосредственностью. Но это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Holbein навязалъ жизни свои условія, принудилъ ее охранять границы, имъ начерченныя, копировать его типъ и проявляться исключительно въ формѣ, имъ потребованной. Только стиль привлекаетъ наше довѣріе. Большая часть нашихъ живописцевъ осуждена на забытіе. Они никогда не рисуютъ того, что видятъ. Они воспроизводятъ только то, чѣмъ любуется публика, а послѣдняя ничего не видитъ.

Кириллъ. Однако я хотѣлъ бы услышать уже конецъ твоей статьи.

Вивіанъ. Съ удовольствіемъ. Пригодится ли она—не знаю. Одно только вѣрно, что нашъ вѣкъ прозраченъ и баналенъ. Даже богъ сна обманулъ насъ, закрывъ боковыя двери изъ слоновой кости и предоставивъ въ наше распоряженіе ворота изъ рога. Сны средняго класса нашего населенія, оправданные въ двухъ уродливыхъ томахъ Myers'a и въ „Разсужденныхъ“ Physical Society являются самымъ удручающимъ чтеніемъ, съ какимъ когда либо я встрѣчался. Они тривіальны, глупы и скучны. Что же касается Церкви, то, по моему мнѣнію, нѣтъ болѣе могущественнаго фактора для развитія культуры края, какъ существованіе обществъ, члены которыхъ обязаны вѣрить въ сверхъестественныя явленія, совершать каждый день чудеса и поддерживать мистическія наклонности, которыя являются сущностью фантазіи. Но въ англиканской церкви пріобрѣтаетъ славу не тотъ, кто вѣритъ, а кто умѣетъ сомнѣваться. Наша церковь—единственная, въ которой скептикъ стоитъ у главнаго алтаря, а святого Ѳому считаетъ идеальнымъ апостоломъ. Не одинъ достойный пасторъ, вся жизнь котораго посвящена проявленіямъ любви къ ближнему и милосердія, живетъ и умираетъ одинокимъ, неизвѣстнымъ; но стоитъ только, чтобъ какой нибудь ограниченный недоучка высказалъ съ каѳедры свои сомнѣнія относительно ковчега Ноя, или ослицы Валаама, или, наконецъ, кита Іоны,—какъ половина Лондона сбѣжится къ нему, чтобъ съ раскрытымъ ртомъ восхищаться неслыханной быстротой его соображенія. Разгромъ здраваго смысла въ религіозныхъ вопросахъ непріятнѣе всего чувствуется въ англиканской церкви. Это означаетъ понижающее и глупое согласіе съ тривіальнымъ натурализмомъ, и является слѣдствіемъ полнаго незнакомства съ психологіей. Человѣкъ способенъ вѣрить въ сверхъестественныя явленія, но никогда—въ неправдоподобныя.—Но я кончаю свою статью:

„Какъ бы то ни было нашей обязанностью, которую мы должны безусловно исполнить, является воскресеніе древняго искусства лжи. Въ этомъ отношеніи многое можно сдѣлать въ семейныхъ кружкахъ, на общественныхъ собраніяхъ и литературныхъ конференціяхъ. Но это будетъ только та легкая, пріятная форма лжи, которой пользовались во время бесѣдъ старые крестьяне. Существуютъ еще и другія формы. Такъ, напримѣръ, ложь, которая обусловливаетъ личную пользу—ложь для такъ называемой нравственной цѣли — у насъ считается безнравственной, а между тѣмъ у древнихъ она пользовалась большимъ почетомъ. Аѳины смѣются, слушая „хитросплетенныя слова Одиссея“, какъ сказалъ William Morris, а слава лжи просвѣтляетъ блѣдныя чела нетлѣнныхъ трагическихъ героевъ Еврипида, и въ ряду самыхъ благородныхъ женщинъ древности ставитъ молодую невѣсту изъ великолѣпной оды Горація. И то, что вначалѣ было естественнымъ инстинктомъ, мало-по-малу превратилось въ сознательно культивированый талантъ. Изъ него образовался цѣлый кодексъ для человѣчества, а также серьезная литературная школа. И когда узнаешь, какое великолѣпное философское разсужденіе далъ объ этомъ предметѣ Sanchez, слѣдуетъ пожалѣть, что до сихъ поръ никто не подумалъ о дешевомъ и хорошемъ изданіи сочиненій этого великаго казуиста. Красивое и не слишкомъ дорогое изданіе, содержащее въ себѣ всю сущность тезиса „Какъ и когда слѣдуетъ лгать“, принесло бы, безъ сомнѣнія, серьезнымъ и вдумчивымъ людямъ истинную пользу.—Ложь для педагогическихъ цѣлей будучи основаніемъ домашняго воспитанія, до сегодняшняго дня находитъ примѣненіе, и хорошія стороны этой системы вели-

колѣпно изобразилъ Платонъ въ первыхъ книгахъ своей „Республики“, такъ что было бы лишнимъ дольше останавливаться на этомъ вопросѣ. Онъ касается извѣстнаго рода лжи, къ которому всѣ хорошія матери обладаютъ спеціальными способностями; но талантъ этотъ еще можно развить, объ этомъ, именно наши педагоги и позабыли.—Ложь для увеличенья ежемѣсячнаго жалованья даже слишкомъ распространена на Fleet Strect, и должность журналиста, пишущаго передовыя статьи на политическія темы, имѣетъ также свою прибыльную сторону. Только это занятіе, кажется, дѣлаетъ человѣка ужасно глупымъ; его высшая цѣль: послѣдовательное затемнѣніе фактовъ.—Единственной формой лжи, которая стоитъ выше всякой критики, является ложь ради лжи, и, какъ мы уже сказали, самымъ высшимъ пунктомъ развитія этой формы является ложь въ искусствѣ. И подобно тому, какъ запрещенъ доступъ въ Академію тѣмъ, которые предпочитаютъ Платона Правдѣ, точно также недоступнымъ останется святая святыхъ Искусства для тѣхъ, которые не полюбили Прекрасное больше Правды. Тяжелый, ограниченный британскій интеллектъ неподвижно палъ въ пустынѣ, словно сфинксъ въ чудной повѣсти Флобера, а фантазія, La Chimère, пляшетъ вокругъ него, приводя его въ восхищеніе своимъ лживымъ сладкимъ голосомъ флейты. Еще слишкомъ рано для того, чтобъ онъ услышалъ ея голосъ, но настанетъ день, когда всѣмъ намъ надоѣстъ банальность современной поэзіи,—тогда онъ послѣдуетъ за ея крыльями.

Какъ мы будемъ радоваться, когда, наконецъ, взойдетъ этотъ день, и старое солнце воспламенитъ небо пурпуромъ захода! Факты покроются позоромъ. Правда, прійдя въ отчаяніе отъ стѣснительныхъ оковъ, одѣнетъ трауръ, а фантазія со свитой чаръ будетъ праздновать тріумфъ возвращенія. Весь міръ измѣнится передъ нашимъ изумленнымъ взоромъ. Изъ моря появятся бегемотъ и левіаѳанъ и будутъ окружать судна; крылатые драконы будутъ летать въ недоступныхъ глазу пространствахъ, а фениксъ вылетитъ изъ огненнаго гнѣзда. Мы будемъ гладить василисковъ и на головѣ жабы увидимъ блестящія драгоцѣнности. Жуя золотой овесъ, гиногрифъ будетъ стоять въ нашей конюшнѣ, а надъ нашими головами черный дроздъ будетъ пѣть о прекрасныхъ и невозможныхъ явленіяхъ, объ явленіяхъ, которыя не существуютъ, но должны существовать.—Но прежде, чѣмъ все это наступитъ, мы должны воскресить забытое искусство лжи.

Кириллъ. Въ такомъ случаѣ мы должны немедленно приняться за это дѣло. Но, чтобъ не произошло недоразумѣнья, скажи въ краткихъ чертахъ начала твоей новой эстетики.

Вивіанъ. Изволь.—Искусство не выражаетъ ничего, кромѣ самого себя. Оно ведетъ независимую жизнь точно такъ же, какъ и Мысль, и развивается чисто органически. Оно не должно быть обязательно натуралистическимъ въ эпоху натурализма, и одухотвореннымъ въ религіозныя времена. Не будучи такимъ образомъ абсолютно плодомъ своего времени, оно обыкновенно находится въ рѣзкомъ противорѣчьи съ нимъ; оно рисуетъ намъ ходъ своего собственнаго развитія. По временамъ оно отступаетъ и воскресаетъ въ какую нибудь старую форму, какъ намъ это показываетъ архаическое движеніе позднѣйшаго греческаго искусства или современный прерафаэлитизмъ, по временамъ оно опережаетъ свое время и создаетъ произведенія, которыя только черезъ сто лѣтъ могутъ быть поняты и оцѣнены. Оно никогда не отражаетъ своего времени; поэтому выводы о какой нибудь эпохѣ на основаніи произведеній искусства этой эпохи являются грубой ошибкой всѣхъ историковъ.

Второе начало моей новой эстетики заключается въ слѣдующемъ: плохое искусство является всегда слѣдствіемъ возвращенія къ жизни и къ природѣ и возвышенія ихъ на уровень идеаловъ. Жизнь и природа могутъ иногда служить искусству въ качествѣ сырого матеріала, но артистическое достоинство они могутъ имѣть только тогда, когда Искусство ихъ переплавитъ на языкъ чистаго артизма.

Съ того момента, какъ искусство лишается выраженья своего воображенья,—оно лишается всего. Какъ артистическій методъ, натурализмъ является чѣмъ-то превратнымъ, и всякій художникъ прежде всего долженъ держаться модернизма въ формѣ и темѣ. Мы, живущіе въ XX вѣкѣ, можемъ разсмотрѣть съ точки зрѣнія искусства любую эпоху за исключеніемъ своей. Единственно прекрасныя вещи—это тѣ, которыя насъ совершенно не интересуютъ. Поэтому, разрѣшая къ своему удовольствію цитировать собственныя слова, я утверждаю, что Гекуба только потому представляетъ собою столь великолѣпное трагическое положеніе, что ея страданья

насъ совершенно не интересуютъ. А затѣмъ, все современное выходитъ изъ моды. Золя трудился, чтобы изобразить Вторую Имперію. Но кого въ настоящій моментъ занимаетъ она? Никого, она вышла изъ моды. Жизнь бѣжитъ скорѣе, чѣмъ натурализмъ, но поэзія опережаетъ даже жизнь.

Затѣмъ нужно утвердить положеніе, что жизнь гораздо больше подражаетъ искусству, чѣмъ искусство—жизни. Это вытекаетъ не только изъ подражательнаго стремленія жизни, но также и изъ того факта, что цѣль жизни состоитъ въ проявленіи самой себя, а искусство доставляетъ ей красивыя формы для обнаруженія этой, именно, энергіи. Этой теоріи до сихъ поръ еще никто не выставлялъ, а между тѣмъ она бросаетъ новые лучи на исторію развитія искусства.

Будучи послѣдовательными, мы можемъ вывести отсюда слѣдствіе, что природа также подражаетъ Искусству. Единственными эффектными моментами въ природѣ являются тѣ, которые намъ знакомы изъ поэзіи и живописи. Въ этомъ заключается тайна волшебства природы, и этимъ же объясняется ея слабость.

Наконецъ, послѣднее требованіе моей эстетики звучитъ, что ложь—говорить красивыя словечки—является именно цѣлью искусства. Но относительно этого, мнѣ кажется, я говорилъ довольно подробно. А теперь выйдемъ на насыпь, гдѣ, словно духъ, шумитъ бѣлоснѣжный павлинъ и полярная звѣзда купаетъ въ серебрѣ сумерки. Въ этотъ часъ природа обладаетъ исключительной волшебной мощью и не лишена прелести, потому что ея главная задача состоитъ въ иллюстраціи поэтическихъ произведеній. Идемъ! На сегодня мы довольно поболтали.

ЗОЛОТАЯ ВЕСНА.

Ты шепнула: „люблю“... И сирень распустилась пышнѣе,
И дыханье ея съ нашимъ томнымъ дыханьемъ слилось.
И улыбка луны засіяла яснѣе, нѣжнѣе...
А въ душѣ... а въ душѣ лучезарное солнце зажглось.
Ты шепнула: „люблю“... И расширилась ярко аллея,
И въ безбрежной дали развернулся плѣнительный міръ.
И манилъ онъ къ себѣ, и молчалъ я, отъ счастья блѣднѣя,
А въ душѣ... а въ душѣ вспыхнулъ звонъ обольстительныхъ лиръ
Ты шепнула: „люблю“... И, блаженныя грезы лелѣя,
Понялъ я, какъ земля безъ любви холодна и тѣсна...
И въ объятьяхъ твоихъ позабылъ о минувшей зимѣ я...
А въ душѣ... а въ душѣ расцвѣла золотая весна.

Осдоръ Благовъ.

Землетрясеніе въ Италіи. МЕССИНА. ЧАСТЬ ГАВАНИ.

Временное теченіе.

Среди множества всякаго рода художественныхъ, научныхъ, якобы научныхъ и явно шарлатанскихъ по вопросамъ пола книгъ, наводнившихъ нашъ книжный рынокъ, есть переведенная съ норвежскаго книга О. Гансона: „Женщины, какихъ много“. Въ этой книгѣ цѣннѣе всего предисловіе, а въ смыслѣ опредѣленія текущихъ настроеній нашихъ дней, пожалуй, интереснѣе всего сдѣланная подъ предисловіемъ помѣтка о времени написанія книги. Книга О. Гансона: „Женщины, какихъ много“, какъ обозначено, написана въ 1891 году, семнадцать лѣтъ тому назадъ. И семнадцать лѣтъ она была неизвѣстна русскому читателю, и только теперь вдругъ появилась въ русскомъ переводѣ. Любопытное явленіе. Такъ появилась на текущемъ русскомъ книжномъ рынкѣ не одна книга О. Гансона. Многимъ книгамъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ пола выпала на долю подобная счастливая доля. Были написаны въ разныхъ странахъ въ разное время и были извѣстны, а то и неизвѣстны на своемъ языкѣ, а сейчасъ вошли въ спросъ у насъ и переводятся одна за другою на русскій языкъ. Переводятся не потому, что написаны талантливо, умно или увлекательно, а потому только, что онѣ уже написаны, готовы, имѣются въ наличности. Остается только перевести и тѣмъ скорѣе удовлетворить спросъ, а спросъ временно великъ.

Такъ въ мануфактурныхъ магазинахъ временно является усиленный спросъ на ту или иную матерію. То трауръ у многихъ по случаю войны, то флаги всюду по случаю пріѣзда иностранныхъ знатныхъ особъ, и въ магазинахъ та или иная матерія берется нарасхватъ. Но это—временное явленіе, случайное обстоятельство.

Случайное, временное явленіе у насъ и острый интересъ къ литературѣ по вопросамъ пола. Вопросы пола у насъ прошли жгучемъ вихремъ, обдали зноемъ широкою полосою. Породили своеобразное движеніе, создали чуть не цѣлую свою литературу, возбудили въ однихъ страстный интересъ, въ другихъ—скорбное недоумѣніе, въ третьихъ—страхъ за молодежь, за будущность всего общества. Поднялись рѣчи о порнографіи, о борьбѣ съ нею. Въ Государственную Думу, кажется, собираются внести запросъ о порнографическомъ наводненіи Россіи.

Думается, дѣло не стоитъ такъ остро, чтобы опасаться за судьбы Россіи или хотя бы даже одной молодежи. Никакихъ внутреннихъ, особыхъ, спеціальныхъ причинъ для укрѣпленія у насъ порнографіи нѣтъ. Причина успѣха литературы по вопросамъ пола у насъ—не нравственное разложеніе общества и молодежи, а простое невѣжество. Если хотите, невѣжество чуть ли не первобытнаго дикаря. Какъ извѣстно, всѣ дикари чрезвычайно любопытны. Какъ и дѣти. Они такъ мало видѣли, такъ мало

знаютъ и потому они такъ жадно и накидываются на все новое, невиданное, незнакомое. Хочется больше увидѣть, скорѣе понять. То же было послѣдніе три-четыре года и есть сейчасъ и у насъ. Въ массѣ наше общество было невѣжественно въ политическихъ и экономическихъ вопросахъ, и, когда явилась возможность, всѣ жадно накинулись на политическую литературу. Захотѣли узнать всѣ и все и сразу. Какъ можно скорѣе. Все въ одинъ день. Если можно, въ одинъ часъ. На пяти, на семи, пятнадцати страничкахъ. Съ тратой денегъ на литературу не болѣе гривенника, пятака, пятіалтыннаго. Какъ грибы послѣ дождя, пошли политическія брошюрки. Но трехкопеечными бутербродами не наобѣдаешься, только аппетитъ передъ обѣдомъ испортишь. Брошюры не удовлетворили и надоѣли, а къ серьезному изученію политическихъ и экономическихъ вопросовъ публика не пріучена. Отъ политической литературы отпали.

Что читать?

Такъ же невѣжественны мы въ массѣ, какъ по политическимъ вопросамъ, и по вопросамъ пола. Особенно молодежь, и молодежь женская. По существу, кромѣ того, что дѣтей приноситъ аистъ, молодежь наша ничего не знаетъ. И пока еще такъ наивна, что вѣритъ въ аиста, она спокойна, но какъ только поняли, что аистъ—вздоръ, такъ сейчасъ и является острое, жгучее любопытство. Любопытство дикаря. Съ любопытствомъ дикаря наша публика и накинулась, послѣ политической литературы, на литературу по вопросамъ пола. И чѣмъ моложе публика, тѣмъ жаднѣе. Возьмите книгу Фореля: „Вопросы пола“. Смѣло можно ручаться, что ее прочла большая часть нашихъ дѣвушекъ. И не изъ нечистыхъ побужденій. Хочется знать, хочется понять таинственную, невѣдомую имъ область жизни. И хочется узнать скорѣе, сразу. Отсюда опять — и полоса интереса къ вопросамъ пола.

— Что есть еще по этому вопросу?

— А какъ въ художественной литературѣ освѣщаются эти вопросы?

— А правильны ли установившіяся, ходячія требованія половой морали? Нѣтъ ли иныхъ рѣшеній вопросовъ пола?

Объ этомъ вѣдь у насъ съ молодежью и молодежи ничего не говорилось, ничего не писалось. Вопросы эти лежали подъ спудомъ. Они и встали. И на время, на мигъ захватили собою вниманіе многихъ, заслонили собою другіе вопросы.

Книжный рынокъ, этотъ маркитантъ при лагерѣ идей, сейчасъ поспѣшилъ удовлетворить спросъ. Одна за другой стали появляться книги по вопросамъ пола. Не было своихъ, — переводятъ съ иностраннаго. Переводятъ давнее, старое, написанное 10, 15, 20 лѣтъ тому назадъ. Переводятъ скучное, бездарное, неумное, ненужное, лишь бы заглавіемъ подходило. А иныя издательства пошли дальше. Они являются уже не маркитантами, поставщиками идейнаго лагеря, а шакалами, промышляющими всякою падалью. Они, пользуясь спросомъ на философію пола, нахлынули съ патологіей пола съ уродствомъ, съ извращеніями пола, съ разнузданною порнографіей. И какъ бываетъ, что съ разбѣга не удержаться на зарубкѣ, а проскакиваютъ дальше, такъ и въ вопросахъ пола читатели у насъ съ разбѣга заскакиваютъ и въ порнографію. Но это совсѣмъ ужъ не въ духѣ нашего общества и нашей молодежи. Это—только временный нарывъ. Наше общество, тѣмъ болѣе наша молодежь, слишкомъ еще молодо, чтобы удовольствоваться порнографіей. Смакованье грязи, слюнявое облизыванье губъ при любованьѣ гнусностями— свойство изношенной старости. Намъ это претитъ. Иныхъ можетъ на время, какъ что-то новое, увлечь, но удержаться, пустить корни порнографія ни въ литературѣ, ни въ молодежи, ни въ обществѣ не въ состояніи Это, какъ по веснѣ, при ледоходѣ, вода въ рѣкѣ становится мутною, а затѣмъ проходитъ недѣля, полторы, и отъ ледоходной мути не остается и слѣда.

(Р. Сл.) *Н. К.*

Издательница О. П. Александрова.

Редакторъ Н. В. Корецкій.

Ф. Лейтонъ.
ОБВѢНЧАННЫЕ.

№ 5. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.
Литературно-художественный журналъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Присылаемыя въ редакцію рукописи должны быть четко переписаны, а также подписаны авторомъ съ указаніемъ его адреса.

Рукописи безъ обозначенія размѣра гонорара считаются безплатными.

Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются.

Непринятыя рукописи по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ уничтожаются. Возвращаются рукописи по почтѣ—только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

Принятыя рукописи въ случаѣ надобности могутъ быть сокращены и исправлены редакціей.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Заявленія на неисправность доставки направляются въ контору журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

При заявленіяхъ о перемѣнѣ адреса необходимо прилагать адресъ, по которому высылается журналъ, и 30 коп. почтовыми марками за напечатаніе новаго адреса.

Контора проситъ Г.г. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой платежа, слѣдить за своевременнымъ взносомъ денегъ. Лицамъ, не приславшимъ во-время причитающуюся по условію сумму, высылка журнала прекращается. При взносѣ денегъ необходимо упоминать, съ какого числа и за какой срокъ производится уплата.

И. И. Ендогуровъ. НАЧАЛО ВЕСНЫ.

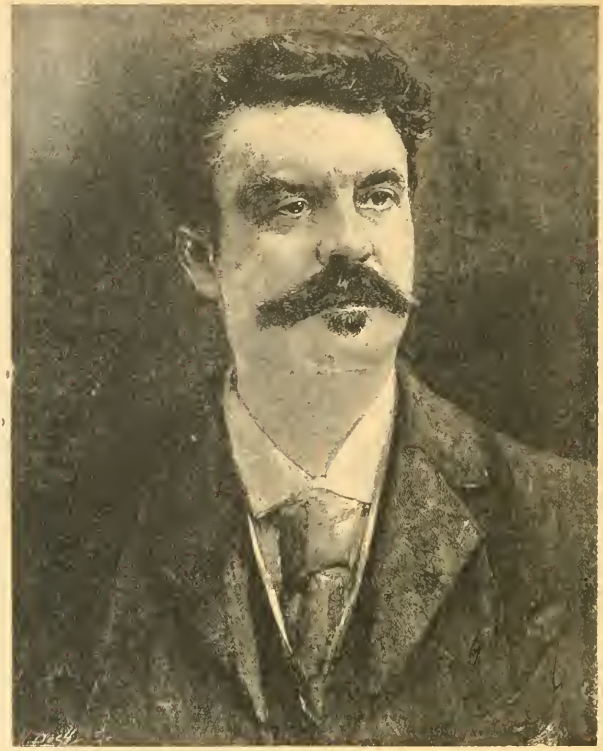
Семейное счастье.

Семейное счастье, безстрастное счастье,
Полнó ты спокойной, но вѣчною властью!
Лучомъ своего камелька.
Ты мысль усыпляешь и сердце лелѣешь...
Ты чѣмъ-то томительно-ласковымъ вѣешь.
Въ тебѣ—и любовь, и тоска.

Семейное счастье—безшумное море.
Въ его безмятежно-лазурномъ просторѣ
Боялся-бы я утонуть.
Въ пути мнѣ не стрàшны ни бури, ни мели.
Боюсь лишь его золотой колыбели...
Мнѣ пристань страшна, а не путь.

Семейное счастье—чертогъ златотканный.
Въ немъ рѣетъ духъ мира, какъ призракъ туманный.
Въ немъ стѣны изъ блѣкнущихъ розъ.
Семейное счастье—усталымъ отрада,
Разбитому сердцу нѣмая награда,
Безъ думъ, безъ восторговъ и слезъ.

А. Мейснеръ.



Мопассанъ.

(1850—1893) *).

Онъ жизнь любилъ,—могучую, какъ свѣтъ,
И бурную, какъ дикій натискъ шквала...
На встрѣчу къ ней впередъ рвался поэтъ,
И сердце въ немъ, какъ жаркій горнъ, пылало.
Въ безумныя объятья заключить
Богиню-жизнь онъ пламенно старался
И весь огонь страстей своихъ излить,
Который въ немъ вулканомъ разгорался.
Но поцѣлуй богини—ядовитъ,
Дыханіе—какъ вѣянье Анчара...
Онъ жизнь любилъ и жизнью былъ убитъ;
Но послѣ жертвеннаго дара
Самъ жертвенникъ, казалось, былъ разбитъ...

В. Умановъ-Каплуновскій.

*) Въ 1908 г. исполнилось 15-лѣтіе со дня его смерти.

П. Дессель. КРИКЪ МАТЕРИ.

Въ большомъ каменномъ домѣ.

Разсказъ.

Въ этомъ большомъ каменномъ домѣ съ облупленной штукатуркой, со множествомъ трубъ, квартиръ и лѣстницъ – гнѣздился бѣдный рабочій народъ. Здѣсь пахло сыростью, скверными человѣческими испареніями, гнилыми отбросами изъ помойныхъ ведеръ, и преобладалъ тутъ запахъ лука и фаршированной щуки, такъ какъ вблизи находился Маріинскій театръ, и жили тутъ со своими семьями евреи-барышники.

Въ самомъ подвальномъ этажѣ ютилась голытьба, поселилась она въ угловыхъ помѣщеніяхъ, или въ крохотныхъ тѣсныхъ комнатахъ. Сквозь мутно-грязныя стекла оконъ, точно блѣдные призраки, выглядывали ихъ исхудалыя зеленовато-блѣдныя лица съ впалыми глазами, въ которыхъ свѣтилась тоска голода.

Одни гнули спины надъ какимъ нибудь мастерствомъ, не вставая съ мѣста, работали до глубокой ночи. Другіе, въ разсвѣтѣ мглистаго туманнаго дня, при звукѣ фабричнаго гудка, уходили на фабрику. Вечеромъ они возвращались—усталые до полусмерти, грязные, голодные и злые.

Наступалъ праздникъ, они пропивали въ трактирѣ почти весь свой недѣльный заработокъ, а дома буянили, били и ругали своихъ женъ, пока не засыпали свинцовымъ пьянымъ сномъ.

Словомъ, въ этомъ большомъ каменномъ домѣ царилъ хаосъ различнымъ звуковъ. Разгульная пѣснь смѣнялась бранью, дракой. Веселый громкій смѣхъ—жалобнымъ плачемъ или безобразнымъ рѣзкимъ визгомъ. Къ 2-мъ часамъ ночи наконецъ въ этомъ домѣ все утихало—людская скорбь засыпала на нѣсколько часовъ.

Евреи жили своей отдѣльной жизнью. У каждаго изъ нихъ была своя жена и съ полдюжины дѣтей. Ѣли свои специфическія еврейскія кушанья и аккуратно, каждую субботу посѣщали синагогу. Занимали они почти треть всего этого большого дома, вотъ по этой причинѣ и поселился тутъ, въ подвальномъ этажѣ—портной

Авраамъ. Онъ жилъ въ маленькой тѣсной каморкѣ со своей женой Ривкой и единственной дочерью Розкой.

Авраамъ ходилъ въ длиннополомъ засаленномъ кафтанѣ, носилъ сѣдую бороду, пейсы и черную ермолку на облысѣвшей головѣ.

Онъ былъ худой, страшно худой еврей, съ впалой грудью и сутулой спиной, несмотря на его 45 лѣтъ. На его желтомъ, почти коричневомъ лицѣ, торчалъ, словно клювъ птицы, большой горбатый носъ съ заросшими черными волосами ноздрями. Черные съ красноватыми вѣками глаза смотрѣли мрачно и напряженно. Онъ рѣдко говорилъ, почти никогда не смѣялся и все думалъ, только когда онъ торговался со своими заказчиками, на его тонкихъ высокихъ губахъ начинала играть лукавая, свойственная евреямъ, улыбка. Заказчиками его были почти всѣ евреи-барышники, поселившіеся въ этомъ домѣ, платили они ему гроши, которыхъ едва хватало на прокормленіе семьи.

Ривка, жена его—небольшая худая вертлявая женщина была когда-то красива, а теперь, на лицѣ ея, обтянутомъ желтой кожей, остались одни, бойко бѣгущіе, черные агатовые глаза, да длинный ротъ съ толстыми посинѣлыми губами, улыбающимися надъ гнилыми зубами. Ривка обладала подвижнымъ, веселымъ характеромъ и была знакома со всѣми еврейками—жиличками большого каменнаго дома.

У Авраама, какъ у всякаго благочестиваго еврея, было 8—6 человѣкъ дѣтей. Всѣ они рождались обыкновенными дѣтьми, но къ семи годамъ вдругъ начинали блѣднѣть, хирѣть, кашлять, и скоро угасали какъ свѣчи. Ежегодно Авраамъ выносилъ изъ своей комнатки ящикъ съ маленькимъ мертвецомъ.

Одна Розка, самая младшая, пережила роковыя 7 лѣтъ, и теперь превратилась въ прелестный 13-ти лѣтній подростокъ. Она была очень красивая дѣвочка, это говорилъ всякій, кто ее видѣлъ. Она имѣла маленькое тонкое бѣленькое личико, и на рѣдкость огромные черные миндалевидные глаза, печально глядѣвшіе изъ-подъ густыхъ бархатныхъ рѣсницъ. Розка была гордостью родителей. Они глубоко вѣрили, что Великій Богъ послалъ ее имъ, какъ вознагражденіе за ихъ прежнія несчастья, и Розка одна стоила всѣхъ восьми умершихъ дѣтей. Въ ней воплотились всѣ физическія и нравственныя совершенства.

Вечеромъ, когда дѣвочка засыпала въ своей кроваткѣ, подъ розовымъ ситцевымъ пологомъ, единственнымъ украшеніемъ грязной тѣсной каморки портного, Ривка цѣлыми часами просиживала у изголовья дѣвочки, благоговѣйно любуясь ея прелестнымъ личикомъ, ея разсыпавшимися вокругъ подушки, шелковистыми длинными черными кудрями, ея стрѣльчатыми рѣсницами, вздрагивающими надъ раскраснѣвшимися щечками.

— Авраамъ?—звала тогда Ривка мужа.—Авраамъ, брось иголку, иди взглянуть на нашу Розочку, на наше ненаглядное дитя. Это ангелъ, посланный намъ Богомъ. Ахъ, какъ она прекрасна!—шептала она восторженно.—Знаешь, Авраамъ! Чуетъ мое сердце,—ударяла она своимъ костлявымъ пальцемъ въ грудь,—чуетъ оно, что великое счастье ждетъ нашу Розочку. Выйдетъ она замужъ за самаго богатаго знатнаго еврея Петербурга, будетъ ходить она въ бархатѣ, золотѣ, ѣздить въ каретахъ, жить во дворцѣ. Охъ... хорошая у насъ будетъ старость, Авраамъ! Только беречь намъ ее надо, нашу ненаглядную птичку, чтобъ не сглазилъ ее недобрый человѣкъ. Всѣ христіане пялютъ на нее глаза. Наступитъ скоро ея пора—распустится она въ пышную розу и полюбитъ ее самый богатый знатный еврей. Кто устоитъ противъ красоты?

— Встань, Авраамъ!

Авраамъ бросалъ иголку и садился возлѣ Ривки, и оба они, въ умиленіи, склонившись надъ спящей дѣвочкой, наивно мечтали о ея великой судьбѣ, о ея буду-

І. Ле-Ро.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ВРАГЪ.

щихъ бархатныхъ платьяхъ, экипажахъ и домахъ. Мечтали о своей будущей золотой старости.

И они берегли Розку, какъ зеницу ока, никогда не пуская ее одну на улицу, а такъ какъ они большею частью сидѣли дома, то Розка или помогала матери въ хозяйствѣ или цѣлыми часами сидѣла одиноко у окна, печально смотря въ гнилой квадратный, мрачный дворъ, надъ которымъ вѣчно плакало тоскливыми слезами сѣрое унылое небо.

Плакало и ныло маленькое сердечко Розки...

Иногда Ривка, чтобы дать дѣвочкѣ подышать немного воздухомъ, брала ее съ собой—разносить по заказчикамъ готовое платье, если заказы случались внѣ дома, тогда Ривка, чтобъ отвлечь отъ Розки всякое вниманіе на улицѣ, напяливала на дѣвочку длинный засаленный ватерпруфъ, доходящій до ея пятъ, на голову вчетверо наматывала большой клѣтчатый платокъ, совершенно скрывавшій ея прелестное миніатюрное личико и великолѣпные черные глаза.

И когда онѣ обѣ шли по улицѣ, закутанныя въ длиннополые, неуклюжіе бурнусы и теплыя платки—трудно было сказать, кто изъ нихъ была дочь, кто мать.

У Розки не было подругъ. Цѣлыми днями дѣвочка просиживала въ одиночествѣ. У портного бывало мало людей, кромѣ евреевъ-заказчиковъ, заходили къ нему только сосѣди по комнатѣ. Съ правой стороны жила старуха Василиса, занимавшая половину комнаты со своими двумя внуками-сиротами.

Василиса—худая высокая женщина, библейской наружности, съ крупными рѣзкими чертами лица, обрамленнаго бѣлыми, какъ лунь, волосами, съ большими суровыми сѣрыми глазами—цѣлыми днями сидѣла на своемъ соломенномъ тюфякѣ и вязала кошельки, которые она потомъ сбывала за гроши на рынокъ. У старухи не дѣйствовала правая нога, она была больна и потому была озлоблена на весь міръ и на всѣхъ людей. Цѣлые дни она ворчала.

Прежде она была тряпичницей. Ежедневно въ 6-ть часовъ утра она вставала, надѣвала на себя свой старый бараній тулупъ, на голову большой ватный капоръ.

— Вставай, Игнашка!—сурово тормошила она своего спящаго внука. Игнашка—худенькій пятилѣтній мальчуганъ съ анемично-бѣлымъ личикомъ открывалъ большіе голубые вялые глаза и, ежась подъ теплой шалью, начиналъ жалобно плакать, но все-таки быстро вскакивалъ, потому что до страсти боялся своей строгой бабки. Старуха наскоро поила его вчерашнимъ чаемъ съ ситнымъ, закутывала въ какія-нибудь теплыя тряпки, на голову напяливала баранью шапку, сама брала въ руки толстую крюку, подъ мышку холщевый мѣшокъ, и оба они отправлялись путешествовать по городу, заходя въ самые грязные петербургскіе дворы.

Зоркимъ взоромъ старуха отыскивала мусорный ящикъ, и какъ хищница впивалась въ этотъ отвратительный зловонный ящикъ, который она ненавидѣла, но который ее кормилъ. Крючковатыми костлявыми пальцами выгребала она оттуда пустыя склянки, пробки, тряпки, все это наскоро запихивала въ мѣшокъ, и опять, въ бѣлесоватомъ разсвѣтѣ мглистаго утра, ея длинная костлявая фигура, точно тѣнь, пропадала въ воротахъ дома. Игнашка ждалъ ее на улицѣ. Въ сильные морозы мальчуганъ зябъ и, въ припрыжку бѣжалъ за ней, жалобно хныча. Чтобъ его утѣшить, она ему покупала баранокъ или горсть леденцовъ. Однажды, онъ отморозилъ себѣ ухо, старуха сжалилась надъ нимъ и стала оставлять его дома на попеченіи Розки.

Нѣжная одинокая душа красавицы-еврейки привязалась къ хилому бѣлокурому мальчугану. Въ часы отсутствія Василисы, они по цѣлымъ часамъ сидѣли на ея соломенномъ тюфячкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Розка разсказывала маль-

чику разныя интересныя сказки—выхваченныя изъ ея собственной фантазіи. Потомъ они начинали мечтать, и мечтали о томъ, о чемъ мечтаютъ дѣти подвальныхъ этажей: о прекрасныхъ игрушкахъ, о красивыхъ куклахъ, о чудныхъ садахъ съ благоухающими розами.

Мечтали они подъ однообразный стукъ швейной машины портного, мечтали, пока маленькая комнатка не наполнялась неподвижными тѣнями догоравшаго дня, пока не возвращалась Василиса. Она возвращалась прозябшая, задыхающаяся, голодная и злая. Порывисто дыша, опускала она тяжелый мѣшокъ на полъ, и комната вмѣсто аромата цвѣтовъ, наполнялась запахомъ скверныхъ, гнилыхъ отбросовъ изъ сорнаго ящика.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, старуха относила тряпки и битыя стекла на фабрику, а пробки и склянки продавала въ аптекарскіе склады.

Съ годъ тому назадъ у старухи стало биться сердце, и вдругъ перестала дѣйствовать одна нога, и она ее волочила, какъ мертвый деревянный обрубокъ. Старухѣ пришлось бросить свое ремесло.

Кормильцемъ семьи остался одинъ Паша—старшій внукъ Василисы. Высокій длинный, какъ жердь, 15-ти лѣтній мальчикъ, на лицѣ котораго, слегка изрытомъ оспой, самое большое мѣсто занимали торчащія длинныя уши и большіе лучистые сѣрые глаза—ласковые и задумчивые. Паша 2 года, какъ работалъ въ табачной фабрикѣ, не успѣвшей однако оказать на него своего тлетворнаго вліянія, онъ оставался все тѣмъ же скромнымъ порядочнымъ мальчикомъ. Быть можетъ, по той причинѣ, что онъ сознавалъ, что онъ единственный кормилецъ семьи. Весь свой недѣльный заработокъ онъ всецѣло вручалъ въ руки бабки, рѣдко оставляя себѣ нѣсколько грошей на свои расходы.

Въ послѣдніе мѣсяцы Паша былъ предметомъ безпокойства старухи. Онъ сталъ страшно худѣть, лицо его осунулось, пожелтѣло, и онъ все кашлялъ. Ночью, когда съ нимъ случался припадокъ кашля, старуха поднимала свою всклокоченную сѣдую голову, и, облокотившись на локоть, тревожнымъ взоромъ впивалась въ болѣзненное измученное лицо Паши.

— Господи! Господи!—горестно шептала она, когда мальчикъ вновь засыпалъ.

— Гибнетъ мальчишка, пропадаетъ ни за что! Что будетъ съ нами?

— Впрочемъ, на меня наплевать, но что будетъ съ крошкой Игнашкой! Останется онъ одинъ среди злыхъ людей!

Потомъ озабоченное горестное выраженіе лица ея смѣнялось злымъ, и вдругъ она начинала безъ конца шептать, и шопотъ ея былъ похожъ на какое-то зловѣщее безконечное шипѣніе.

— Да будьте вы прокляты!—потрясала она рукой въ темнотѣ.—Да будьте вы всѣ прокляты—всѣ тѣ, кто нѣжится въ мягкихъ пуховыхъ постеляхъ, кто живетъ въ теплыхъ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ и кто ѣстъ здоровую вкусную пищу! Вы—безсердечные богатые скряги! Да будешь проклятъ ты—холодный темный городъ, который, какъ кровожадный звѣрь, пожираетъ бѣдныхъ и несчастныхъ, доставляетъ радости жизни—богатымъ, и давитъ слабыхъ. Ненасытный, кровожадный звѣрь!—и жутко тряся кулакомъ по направленію темнаго окна, долго еще она изрекала проклятье городу-звѣрю.

Потомъ она уже больше не спала. Она садилась на постель, и при свѣтѣ слабо мерцающей лампады, висѣвшей передъ иконой, она весь остатокъ ночи смотрѣла на лица, дорогихъ ея сердцу, существъ, покоющихся по обѣ ея стороны, завѣщанныхъ ей ея покойной дочерью, незаконно прижитой той отъ разныхъ отцовъ въ различныхъ концахъ столицы.

Половину комнаты Василиса сдавала двумъ женщинамъ, помѣщающимся за занавѣской. Одна изъ нихъ была прачка-поденщица, которая кромѣ запаха грязнаго бѣлья и мыла, не вносила другой жизни въ эту убогую комнату.

Другая была гулящая. Она возвращалась домой поздно ночью—пьяная, озябшая, съ расплывшимися румянами на синихъ щекахъ, съ лихорадочно горящимъ взоромъ. Раскачивающейся походкой подходила она къ своей постели, быстро стаскивала съ себя свое позорное растерзанное платье и бросалась въ постель. Когда она была сильно пьяна, она долго не могла заснуть, что-то мурлыкала про себя, кряхтѣла, вздыхала, ворочалась съ боку на бокъ. Иногда она вдругъ начинала плакать и плакала мучительно и больно.

— Ахъ ты, рыжая швабра!—кричала на нее, проснувшаяся за занавѣской Василиса—наплескалась своей водки, а теперь и воешь! Нишкни, проклятая! Дѣтей разбудишь! Смотри, выгоню завтра!

Угроза прогнать быстро дѣйствовала. Рыжая глубоко утыкала свою встрепанную голову въ подушки, и скоро ея подавленныя глухія рыданія прекращались—она засыпала тяжелымъ сномъ.

* * *

Чаще другихъ въ семью портного заходилъ сосѣдъ съ лѣвой стороны итальянецъ Леонардо, или просто Леонка, какъ его прозвали въ большомъ каменномъ домѣ.

Леонка,—немолодой итальянецъ, носилъ спутанные полусѣдые длинные волосы, порыжѣлый плащъ, подбитый ватой, круглую войлочную шапку, и пестрый шарфъ, замотанный вокругъ шеи. Онъ имѣлъ подвижное смуглое лицо и лукаво бѣгающіе маленькіе глазки. Во всю длину правой щеки у него красовался глубокій шрамъ, о причинѣ котораго онъ почему-то старательно умалчивалъ.

Леонардо прежде ходилъ по дворамъ и игралъ на разбитой шарманкѣ; два старыхъ его пса, шершавыхъ съ вылѣзшей шерстью, въ костюмчикахъ, показывали разныя штуки. Потомъ, когда полиція стала преслѣдовать шарманщиковъ, а вѣрные псы его—подохли одинъ за другимъ, попробовавъ какую-то отраву, Леонардо продалъ свою шарманку и сталъ заниматься неизвѣстными темными дѣлами.

Ежегодно онъ собирался уѣхать на свою родину и все не могъ. За 20-ти-лѣтнее свое пребываніе въ Россіи, онъ успѣлъ обрусѣть и привязаться къ русской водкѣ. Онъ былъ очень подвиженъ и словоохотливъ, а когда бывалъ пьянъ, дѣлался даже сантименталенъ. Тогда онъ вдругъ начиналъ вспоминать о своей родной Италіи, и плакалъ. Онъ такъ картинно и краснорѣчиво разсказывалъ о чудномъ синемъ италіанскомъ небѣ, о родной рыбацкой деревенькѣ, о высокихъ скалистыхъ горахъ, по которымъ онъ бѣгалъ мальчуганомъ, гдѣ онъ пѣлъ и собиралъ букеты горныхъ дикихъ цвѣтовъ.

Онъ разсказывалъ и жалобно плакалъ—плакала и Ривка, умиленно сопѣлъ Авраамъ, а изъ темнаго угла, широко раскрывъ прелестные глаза, затаивъ дыханіе, словно зачарованная, слушала его Розка.

Передъ ея мечтательнымъ взоромъ такъ ясно рисовалось яркое небо Италіи, она будто слышала пѣснь рыбаковъ, она чувствовала благоуханіе горныхъ розъ.

Ея нѣжная дѣтская душа, ея хрупкое маленькое тѣло такъ и рвались къ солнцу, къ теплу, къ звѣздамъ.

Скоро Леонардо уставалъ отъ своихъ жалостныхъ слезъ и, покачиваясь, выходилъ изъ комнаты, а спустя минуту изъ его каморки раздавался его пьяный протяжный храпъ.

Розка, обернувъ къ окну свое блѣдное печальное личико, тщетно искала

глазами между сплошными свинцовыми облаками хотя бы маленькій уголокъ синяго теплаго неба.

Потомъ грустно вздыхала, и опять въ худенькія ручки опускала свою хорошенькую кудрявую головку.

Иногда Леонардо пропадалъ изъ дома недѣли на двѣ, неизвѣстно гдѣ скитаясь. Возвращался онъ съ цѣлымъ запасомъ самыхъ разнообразнѣйшихъ разсказовъ о своихъ приключеніяхъ, и разсказывалъ о нихъ съ такимъ жаромъ, что невольно увлекалъ всѣхъ своихъ слушателей. Слушали его всѣ: Авраамъ, склонившійся надъ своей иглой, Ривка, подперевъ щеку рукой, случайно забѣжавшія въ комнату—еврейки, жилички дома, прачка и Паша, если онѣ были дома, малютка Игнашка, засунувъ палецъ въ ротъ, и конечно Розка, глядя своими громадными немигающими глазами.

Не поддавалась его хвастливымъ разсказамъ одна Василиса.

— И, чего вы всѣ уши развѣсили?—стуча крюкой о полъ, кричала она изъ своей комнаты.—Гоните вонъ стараго брехуна! Неужто вы не видите, что онъ все вретъ, что онъ пьяница и первый мошенникъ, что настоящее мѣсто его въ тюрьмѣ! Трудно провести васъ, жидовъ, но обведетъ онъ васъ—помяните мое слово!—зловѣще трясла она своимъ костлявымъ пальцемъ.—Паша, Игнашка! Прочь оттуда!

Мальчики быстро возвращались обратно.

— Молчи ты, старая вѣдьма!—огрызнулся на нее Леонардо.—Въ тюрьму мы угодимъ вмѣстѣ съ тобой, прекрасная сеньора!

Въ послѣднее время Леонардо чаще и чаще заходилъ въ комнату портного и подолгу хитрый глазъ его останавливался на прелестной склоненной головкѣ Розки.

Лукавый итальянецъ давно оцѣнилъ красоту дѣвочки, давно понялъ ея мечтательную нѣжную душу, томящуюся въ тѣсной каморкѣ родителей.

И вотъ случилось, что въ монотонной жизни Розки вдругъ блеснулъ солнечный лучъ. Однажды, одинъ изъ барышниковъ, заказчиковъ Авраама, не успѣвшій во время продать два билета галлереи въ оперу Маріинскаго театра, подарилъ ихъ Аврааму.

Давалась по странной случайности опера „Миньона“.

Авраамъ сталъ отказываться.

— Пхе! Не намъ бѣднякамъ, ходить по театрамъ! Можетъ, еще продашь!—Но Ривка быстро ухватилась за даровщинку.

— Я пойду съ Розкой, хоть разъ въ жизни посидимъ, какъ господа, въ теплѣ и въ свѣтѣ!—На этотъ разъ Ривка не укутывала Розку, напротивъ, она надѣла на нее праздничное красное платье, ея шелковистые кудри хорошо расчесала, распустивъ ихъ по худенькимъ плечамъ дѣвочки, перевязавъ на макушкѣ красной ленточкой, за которой она сама сбѣгала въ лавку, передъ началомъ спектакля.

Дѣвочка и въ старомъ короткомъ платьѣ была прелестна и невольно останавливала на себѣ взоры публики.

И вернулась она изъ театра, какъ въ волшебномъ снѣ. Все, что она тамъ видала и слышала, глубоко потрясло ея дѣтскую душу. Всю ночь ей грезился прелестный граціозный обликъ Миньоны—превращенной изъ нищенки въ знатную госпожу. И вдругъ въ разгоряченномъ воображеніи дѣвочки начало казаться, что и она можетъ быть „Миньоной“, быть можетъ кто нибудь завезъ ее сюда, въ Петербургъ изъ Италіи и подбросилъ Аврааму и Ривкѣ. Почему сердце ея такъ тоскуетъ и болитъ въ комнатѣ у ея родныхъ? Почему она не сходится ни съ одной еврейской дѣвочкой и не трогаетъ ее ни одинъ еврейскій религіозный обрядъ? Ея душа тянется къ свѣту, къ теплу, къ горячему блеску солнца, къ чему-то другому—прекрасному.

Но, для того, чтобъ стать Миньоной, надо пѣть, и пѣть такъ звонко и жалостно, какъ пѣла красавица нищенка.

И на другой день она запѣла. Въ комнатѣ портного раздался ея чистый нѣжный, какъ колокольчикъ, голосъ. Музыкальное ухо еврейки сразу вѣрно схватило всѣ мотивы слышанной оперы.

Она пѣла сначала неувѣренно и тихо, потомъ смѣло и громче.

— Вай Розка! Милое дитя! Какъ она хорошо поетъ. Что за умная дѣвочка, разъ побыла въ театрѣ и ужъ запѣла...—восхищалась Ривка.

Наступили мартовскіе дни. Подулъ съ Невы вѣтеръ, и на улицахъ стала распутица. Пахло прѣлымъ навозомъ. Надъ черными вѣтвями еще обнаженныхъ деревьевъ кружились и кричали стаи воронъ.

Въ природѣ чувствовалось приближеніе чего-то свѣтлаго, теплаго, ликующаго.

А Розка все продолжала томиться въ темномъ подвалѣ портнаго, и предстояло ей еще года три этой томительно-однообразной жизни, пока она совсѣмъ не выростетъ, чтобы показать ее знатному богатому еврею. Она томилась, тихо плакала и пѣла, простирая свои худенькія ручки къ солнечному лучу, къ далекимъ, слабо тлѣющимъ на сѣверномъ небѣ звѣздамъ. Теперь она пѣла свои собственныя выдуманныя пѣсенки, и пѣла такъ жалобно и нѣжно, какъ поетъ умирающій на зарѣ жаворонокъ, запертый въ клѣтку. Она пѣла про синее теплое небо, про горныя дикія розы, про кудряваго мальчика-пастушка, окруженнаго своими козочками. Она пѣла про голубое красивое море.

То была нѣжная скорбная пѣснь выстраданной дѣтской души.

Въ подвалахъ всѣ привыкли къ ея пѣснямъ и мало слушали ихъ. Слушалъ ее только мальчикъ Игнашка, положивъ свою бѣловолосую головку на ея колѣни, и часто тихо засыпая подъ ея нѣжный грустный напѣвъ.

И слушалъ ее еще Леонардо. Каждый разъ, прислушиваясь къ ея чистому дѣтскому голоску, онъ думалъ, какой кладъ представляла изъ себя эта красавица-дѣвочка и какъ легко имъ воспользоваться.

Однажды, прослѣдивъ минуту, когда Розка была одна въ комнатѣ, онъ тихо подошелъ къ ней.

— Розочка, какой у тебя чудесный голосъ! У тебя талантъ, дѣвочка!—вкрадчиво произнесъ онъ.

Розка радостно вспыхнула.

— Рѣдкая ты дѣвочка,—продолжалъ онъ.—Ты красавица и умница и ты такъ несчастна! Что ждетъ тебя, если ты будешь жить со своими дураками родителями. Ты или умрешь отъ чахотки, живя въ темной сырой конурѣ безъ воздуха и свѣта, или-же выйдешь замужъ за какого-нибудь грязнаго еврея и народишь кучу дѣтей. Твои сумасшедшія родные мечтаютъ выдать тебя замужъ за богатаго знатнаго еврея!—и онъ засмѣялся ѣдкимъ тихимъ смѣхомъ.—Глупые! Богатый еврей возьметъ себѣ въ жены образованную богатую еврейку, а не красавицу нищенку изъ подвальнаго этажа. Неужели тебѣ не скучно, Розка?

— О, Леонардо! Какъ мнѣ тяжело, какъ грустно!—простонала она въ отвѣтъ и тихо заплакала.

— Я вижу. Но, если ты будешь умница Розка, я тебѣ устрою твое счастье. У меня есть знакомый человѣкъ, который беретъ такихъ красивыхъ и талантливыхъ дѣвочекъ и отвозитъ ихъ въ Италію, тамъ онѣ учатся пѣнію, и изъ нихъ потомъ выходятъ такія-же пѣвицы, какихъ ты слышала въ Маріинскомъ театрѣ. Ты, какъ Миньона изъ нищенки, можешь превратиться въ знатную богатую сеньору. Тебя ожидаетъ—слава, богатство!

— Миньона!—почти въ забытьѣ мечтала Розка, и прелестные черные глаза ея блеснули огнемъ счастья.—Миньона! Слушай, скажи мнѣ, Леонардо,—вдругъ поры-

висто и страстно схватила она его за руку.—Быть можетъ, я не дочь своихъ родныхъ, меня кто нибудь привезъ оттуда, гдѣ цвѣтутъ золотые апельсины и гдѣ грѣетъ теплое яркое солнце, гдѣ вѣчно расцвѣтаютъ розы. Тамъ моя родина!—мечтательно, задыхающимся шопотомъ говорила она, умоляюще протягивая ему свои руки.—Скажи мнѣ, Леонардо? Ты знаешь...

— Все можетъ быть, Розка! Ты совсѣмъ не похожа на твоихъ родныхъ. Они простые жалкіе евреи-бѣдняки, а ты красавица и умница! Но, подумай надъ тѣмъ, что я тебѣ предложилъ! Черезъ мѣсяцъ будь готова.

* * *

Однажды, когда зацвѣли кусты черемухи, обласканные дыханіемъ теплаго весенняго вѣтерка, когда воздухъ наполнился пряннымъ и одуряющимъ ароматомъ, и вспыхнула апрѣльская бѣлая ночь, Розка, улучивъ время, когда Авраамъ ушелъ на примѣрку къ одному изъ заказчиковъ, а Ривка убѣжала поболтать къ знакомой еврейкѣ, тихо встала со своей постели, наскоро собрала въ узелокъ свое платье и немного бѣлья, потомъ на цыпочкахъ прошла въ сосѣднюю комнату и нѣжно поцѣловала щеку спавшаго Игнашки.

Вернувшись въ комнату, она встала на колѣни.

— Простите меня, мои названные отецъ и мать! Вы меня кормили и выростили, и я, неблагодарная, ухожу отъ васъ. Но... не могу я, умру я скоро въ этой тюрьмѣ!

И она тихо выскользнула изъ комнаты, прикрывъ за собой дверь.

Она шла не твердой колыхающейся походкой, устремивъ свои широко-открытыя глаза въ зеленоватую даль бѣлой ночи.

На улицѣ, у перекрестка ее ждалъ Леонардо.

Любовь Аверкіева.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

* * *

Какъ ты попала сюда, неудачница,
Дивно-прекрасная, съ чуткой душой,
Въ грязный притонъ? Или злая проказница
Жизнь пошутила легонько съ тобой?
Потныя лица, безсмысленно пьяныя,
Столикъ, залитый дешевымъ виномъ,
Хохотъ и брань и гармоника рьяная,
Звуки органа и.... мысль о быломъ!..
Мысль о быломъ!.. Точно грезы прекрасныя,
Умершій близкій родной человѣкъ,
Лучъ уходящій и солнышко ясное...
Памятно все, не забыть и во-вѣкъ!..
Слушая повѣсть всю жизнь твою личную,
Рѣдкій повѣритъ, иной обвинитъ;
Скажетъ: все ложь иль уловка привычная,
Промыселъ тяжкій всему научитъ.
Изрѣдка ласково слово участія
Добрый прохожій ей вдругъ подаритъ,
Но и такое минутное счастіе,
Грохотъ органа и брань заглушитъ...

Лидія Сохачевская.

М. Дютцъ. МОЛОДОСТЬ.

ѲЕНЬКА.

РАЗСКАЗЪ.

То было темною, ненастною, осеннею ночью. Одѣтое тучами небо висѣло надъ землею низко-низко и, казалось, давило ее. Густая, мутная, холодная мгла расползлась всюду, и не вѣрилось, что когда-нибудь придетъ разсвѣтъ. Надъ спящимъ, унылымъ и грязнымъ городомъ стоналъ вѣтеръ; плакала и стонала и билась о берегъ рѣка.

Ѳенька бѣжала. Подобравъ правой рукой юбку и прижавъ лѣвую крѣпко къ груди, точно сдерживая біеніе сердца, съ распущенными волосами, забрызганная грязью, Ѳенька бѣжала къ рѣкѣ, тяжело дыша, спотыкалась и падая...

За нею гнались. Безмолвіе темной ночи жутко прорѣзалъ чей то хриплый и протяжный голосъ «держи!» Кто-то дико и зло захохоталъ...

Но никого не было видно. Слышенъ былъ лишь топотъ бѣгущихъ людей.

Завидя мостъ, Ѳенька побѣжала по набережной ближе къ мосту, гдѣ можно было удобно спрятаться.

И черезъ минуту юркнула подъ мостъ.

Опустившись на сѣрую землю, она вдругъ стала часто-часто креститься и зашептала:

Господи, Господи! Богородица милостивая! Никола-батюшка!

Потомъ стала прислушиваться: знакомый топотъ раздался надъ головой на мосту, послышался дальше, сталъ тише и наконецъ смолкъ гдѣ-то вдалекѣ.

Ѳенька долго не могла успокоиться. Прижавъ руки къ груди, она закашлялась; кашляла долго и глухо и, боясь, чтобы ее не услышали, зажимала ротъ головнымъ платкомъ, задыхалась и дрожала.

Сверху, съ моста большими тяжелыми каплями падала на нее жидкая грязь. Ѳенька передвигалась съ одного мѣста на другое, но вездѣ было одинаково грязно и мокро, а внизу уныло и сердито бурлила рѣка.

Между сваями свистѣлъ вѣтеръ и отъ вѣтра также некуда было уйти.

Убѣжать... куда-нибудь... мелкнуло въ головѣ Ѳеньки,—но куда, куда?

Можетъ быть, о н и увидѣли... сторожатъ, ждутъ, когда выйду... и опять будутъ бить!..

Ѳенька похолодѣла отъ этой мысли. Полчаса тому назадъ ее били... били кулаками, ногами въ бока, въ спину, въ грудь...

— Точно псы лютые! подумала вслухъ Ѳенька,—накинулись и стали терзать... Зато, что пить съ ними не хотѣла, цѣловать ихъ не стала... Господи, да какъ же жить послѣ этого?..

Дѣвушка заплакала тихо, неслышно, боясь чтобы кто-нибудь не услышалъ...

Убьютъ, вѣдь. Разсвирѣпѣли, точно звѣри...

И когда неподалеку послышались чьи-то шаги, Ѳенька вздрогнула, вскочила, какъ ужаленная, бросилась въ сторону, но схватилась за сваю и замерла...

Шаги приблизились, застучала колотушка обходного...

Не они,—подумала Ѳенька,—кто-то другой... Чей-то силуэтъ вырисовывался во тьмѣ, росъ и приближался.

Ѳенька закашлялась, спохватилась и поднесла платокъ ко рту, но было уже поздно.

— Живой человѣкъ, кажись, тутъ! вдругъ раздалось въ трехъ шагахъ отъ Ѳеньки.—Эй, милый, отзывайся, кто ты есть?

Ѳенькѣ стало страшно. Она обняла сваю руками и прижалась къ ней крѣпко-крѣпко.

— Христіанская душа, али нѣтъ?—спрашиваю.

— Передъ Ѳенькой выросла большая фигура въ сѣрой поддевкѣ и рваной шапкѣ, съ большой бородой и съ колотушкой въ рукѣ.

— Дяденька, родименькій, не погуби!—вдругъ завопила Ѳенька, бросившись къ ногамъ старика.

— Дѣвка, что ты! Богъ съ тобою, опомнись! Не душегубъ я... Встань, говорю! Зачѣмъ ты здѣсь?

Ѳенька робко поднялась и взглянула на старика.

— Бить меня хотѣли... Я сюда... подъ мостъ... спряталась, забормотала она,—ждала разсвѣта.

— Кто билъ?

— Они... Степка съ Безпалымъ... Они и раньше били меня...

— Ты гулящая, что-ли?

— Нѣтъ, дѣдушка... А только...

Ѳенька вдругъ схватила старика за руку и зарыдала.

— Только не миновать мнѣ гулящей-то быть!..

— Ну, Богъ милостивъ.—Прозябла, чай?

— Холодно, дѣдушка, прозябла...

— Пойдемъ ко мнѣ... Какъ тебя звать-то?

— Ѳенька...

— Пойдемъ ко мнѣ, Ѳенька... Хата моя тутъ неподалеку.

— Спасибо.

— Чего «спасибо»? Ты, чай, еще и сирота?

— Сирота, дѣдушка.

— Ну, вотъ! А сироту самъ Богъ пріютить велѣлъ. Пойдемъ!

Дѣдъ махнулъ рукою вдаль и зашагалъ впередъ разбитой старческой походкой. Ѳенька пошла за нимъ, все еще дрожа отъ волненія и растерянно глядя въ землю.

Выбравшись изъ подъ моста на набережную, прошли мимо одиноко горящаго фонаря. Свѣтъ фонаря упалъ прямо на лицо Ѳеньки. Она на мгновенье закрыла глаза и... улыбнулась, сама не зная, почему.

— Дѣдушка!—Слово вырвалось у Ѳеньки неожиданно и прозвучало какъ-то ласково и весело, словно выпорхнуло изъ сердца.

Дѣдъ оглянулся.

— Дѣдушка! А ты, должно быть, добрый?..

— Я то? Я—не злой. Я всякую скотинку, а не токмо человѣка, жалѣю.

— И меня пожалѣлъ?

— И тебя. Ты вотъ переночуй у меня, а завтра... Завтра видно будетъ, что дѣлать... Утро вечера мудренѣе... Ты, вотъ, дѣвонька, скажи лучше: въ кого ты этакой красавицей уродилась?

— Я? Я не красавица, дѣдушка...—стыдливо улыбнулась дѣвушка.

Старикъ добродушно засмѣялся.

Они замолчали и молча шли дальше.

Одинокій фонарь остался уже далеко позади, а впереди и вокругъ была мутная, тяжелая мгла, отъ которой кружилась голова и было страшно идти съ открытыми глазами.

Шелъ перерывами дождь, крупный, острый, холодный; онъ съ налету хлесталъ въ лицо, просачивался сквозь одежду, шумѣлъ надъ головою и подъ ногами; на нѣсколько минутъ стихалъ, а потомъ снова, точно собравшись съ силами, падалъ тяжело и рѣзко.

— Ты что же... въ прислугахъ? спросилъ дѣдъ.

— Нѣтъ. На постройкахъ... Кирпичи ношу... Чернорабочая я, дѣдушка.

— Мать-то жива? Али круглая сирота?

— Никого у меня, дѣдушка, нѣтъ, Одна, совсѣмъ одна...

. . . . . .

— А у тебя, дѣдушка, есть дочь? тихо и робко спросила Ѳенька послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ. Я тоже одинъ..

— А мнѣ почему-то думалось, что дочь у тебя есть... Ты, вотъ, меня, какъ родную, пріютить хочешь... А со мною, дѣдушка, никогда никто не говорилъ ласково. Теперь вотъ каменьщики покою не даютъ, пристаютъ... не знаю, какъ уйти отъ нихъ... Мало, вѣдь, дѣдушка, такихъ добрыхъ, какъ ты...

Ѳенькѣ хочется разсказать дѣду все, но онъ насупился и она замолчала.

Около ветхой полуразвалившейся избы, стоявшей у какого-то оврага и, кажется, готовой свалиться въ него, дѣдъ остановился. Желѣзо забрякало у него въ рукахъ, заскрипѣла и отворилась дверь.

Вспыхнувшій огарокъ толстой сальной свѣчи освѣтилъ хату дѣда: угрюмыя сѣрыя стѣны, низкій потолокъ, грязный полъ, что-то вродѣ кровати, столъ, стулья...

— Вотъ и жилье мое... обратился дѣдъ къ Ѳенькѣ... Живу небогато... Обходнымъ служу... Днемъ дома, по ночамъ—на посту.

Ѳенька присѣла на первый попавшійся стулъ, сняла платокъ съ головы и оправила волосы.

— Може ѣсть хочешь?

— Нѣтъ, дѣдушка, я только устала.

— Ну, тогда ложись и спи! Я въ обходъ пойду, а ты спи! Спи съ Богомъ!

Дѣдъ туже затянулъ на себѣ опояску, надвинулъ на брови шапку и вышелъ.

— Какой ты славный, дѣдушка, сердечный да ласковый! сказала Ѳенька, когда дѣдъ былъ уже за дверями. Не знала я, что такіе люди на свѣтѣ есть...

... Не знала, дѣдушка. Отецъ пьяница былъ, мать тоже... Били меня... А когда умерли, чужіе бить стали. И впервой я, дѣдушка, такія слова слышу славныя да ласковыя...

— Вишь ты... Да, вѣдь, молода ты еще?

— Семнадцатый годъ, дѣдушка...

— Ну, поживешь—и радости узнаешь. Всякому, касаточка моя, своя линія; всякому свои слезы... Завтра поговоримъ, дѣвонька, а пока ложись... Спи съ Богомъ!..

Дѣдъ скрылся во тьмѣ, звеня колотушкой, а Ѳенька точно застыла у двери. Тѣло ея болѣзненно ныло отъ усталости и недавнихъ побоевъ, въ груди точно горѣло что-то, дышать было трудно, а большіе грустные глаза глядѣли въ даль, куда ушелъ странный, добрый старикъ, и съ дрожащихъ губъ срывались тихія слова:

— Спасибо тебѣ, дѣдушка! Спасибо, голубчикъ... Славный, ласковый, золотой!..

* * *

... Ѳенька проснулась, когда уже свѣтало. Проснулась съ крикомъ испуга, внезапно почувствовавъ, какъ кто-то связываетъ ея руки.

Открывъ глаза, она увидѣла передъ собою того же старика. Онъ тяжело дышалъ, глаза его горѣли дикимъ, злымъ огнемъ, руки судорожно стягивали веревку.

— Дѣдушка! Дѣдъ! приподнявшись крикнула Ѳенька. Оставь, оставь меня! Уйди, уйди, дѣдъ! Уйди, ради Бога!

Она вырвала руки изъ веревочнаго кольца.

— Не уйдешь! хрипѣлъ старикъ—не пущу. Сдавайся, дѣвка, безъ грѣха. Слышь, сдавайся!..

Ѳенька рванулась и бросилась къ двери.

Старикъ схватилъ ея руку, сжалъ до боли и прохрипѣлъ ей прямо въ лицо:
— Останься! Останься со мной, у меня! Все равно пропадешь!
Ѳенька собрала послѣднія силы, ударила его въ грудь и... отбросила отъ себя.
— Песъ, песъ нечистый!—крикнула она, выбѣгая изъ избы—гадина ядовитая!
Старикъ бросился къ двери и хрипло, глухо крикнулъ вслѣдъ убѣгавшей:
— Сгинешь, дѣвка, сгинешь! Помяни мое слово. Отъ одного ушла, отъ другихъ не уйдешь! Не сегодня, завтра сгинешь. Сгинешь, говорю!
Лицо его искривила злая, отвратительная улыбка и онъ съ гнѣвомъ захлопнулъ дверь.

* * *

Сжавшись въ комочекъ, дрожащая, блѣдная Ѳенька опять очутилась подъ мостомъ.
Вылъ вѣтеръ...
Стонала и пѣнилась рѣка... Ѳенька сѣла въ грязь, ни о чемъ не думая...

А. С. Борисовъ.

Любовь.

Любовь!—Святая съ улыбкой жгучей.
Голгова счастья—любовь, любовь!
Казни и смѣйся, пьяни и мучай,
Костеръ багряный душъ готовь!
Я твой невольникъ. Я изступленный
Лобзаю прахи твоихъ слѣдовъ,
Благословляю мой бредъ влюбленный,
Вериги страсти въ хмелю цвѣтовъ.
Онъ любили. Онъ склоняли
Уста сухія къ моимъ устамъ.
Бросали розы. Но розы вяли.
Шипы остались глубоко, тамъ...
Благословляю тоску и муку,
Благословляю и зной и стыдъ,
И эту руку—и эту руку,
Что въ тайномъ кругѣ меня влачитъ!

Дмитрій Цензоръ.

Луи Андресъ. ПОКИНУТЫЙ.

Фонарщикъ.

Разсказъ **Болеслава Прусса.**

Когда постепенно угасаютъ на небѣ послѣдніе лучи солнца, надъ землей подымаются сумерки. Сумерки—великая армія изъ тысячи незримыхъ колоннъ и милліарда воиновъ. Могучая армія, съ незапамятныхъ временъ борющаяся со свѣтомъ, каждое утро разбѣгающаяся, каждый вечеръ вновь побѣждающая, царитъ отъ заката до восхода солнца; днемъ же, разбитая, укрывается во всѣхъ тайникахъ и выжидаетъ.

Выжидаетъ въ горныхъ пропастяхъ и городскихъ погребахъ, въ чащѣ лѣсовъ и безднѣ темныхъ озеръ. Выжидаетъ, укрывшись въ допотопныхъ подземныхъ пещерахъ, въ шахтахъ, рвахъ, углахъ домовъ и выбоинахъ стѣнъ. Разсѣянная и на видъ отступающая, она все же заполняетъ всѣ укромные уголки. Скрывается въ каждой расщелинѣ древесной коры, въ складкахъ человѣческой одежды, лежитъ подъ малѣйшей песчинкой, цѣпляется за тончайшую нить паутины и выжидаетъ.

Вспугнутая на одномъ мѣстѣ, моментально появляется въ другомъ, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вернуться туда, откуда ее выгнали, расположиться на свободномъ мѣстѣ и наводнить собой землю.

Едва угаснетъ солнце, армія тѣней тихо и осторожно выдвигается изъ своихъ пріютовъ частыми шеренгами, занимаетъ корридоры домовъ и сѣней, плохо освѣщенныя лѣстницы, выползаетъ изъ-подъ шкафовъ и столовъ на середину комнаты и садится на занавѣси; вырывается на улицу сквозь отверстія въ погребахъ и оконныя стекла, въ глухомъ молчаніи ложится по стѣнамъ и, подкарауливая на верхахъ, терпѣливо выжидаетъ, когда поблѣднѣютъ на западѣ розовыя облака.

Еще моментъ — и съ земли до небесъ могучимъ ураганомъ подымается мракъ.

Звѣри скроются въ своихъ берлогахъ, разбѣгутся люди по домамъ, а жизнь, словно растеніе безъ воды, съежится и станетъ увядать.

Краски и формы расползутся въ ничто; страхъ, преступность и развратъ распространятъ свое владычество надъ міромъ.

Тогда на опустѣвшихъ улицахъ города появляется странное человѣческое существо, надъ головой котораго виденъ маленькій огонекъ. Быстро перебѣгаетъ онъ съ

панели на панель, какъ бы преслѣдуемый темнотой, останавливается на мгновенье у каждаго фонаря и, засвѣтивъ веселый огонекъ, пропадаетъ, какъ тѣнь.

И такъ ежедневно круглый годъ. Дышетъ ли запахомъ цвѣтовъ весна на поляхъ, разражается ли іюльская буря, мечутъ ли на улицѣ столбами пыли осенніе вихри, несутся ли въ воздухѣ зимніе снѣга, — всегда съ приближеніемъ вечера перебѣгаетъ онъ съ своимъ факеломъ городскія улицы, зажигаетъ свѣтъ, а затѣмъ исчезаетъ, какъ тѣнь.

Откуда ты, человѣче, гдѣ укрываешься ты, отчего незнакомы намъ твои черты и не слышимъ твоего голоса? Есть ли жена или мать, дожидающіяся твоего прихода? Есть ли дѣти, которыя, поставивъ въ углу твой фонарикъ, взбираются къ тебѣ на колѣни и обнимаютъ твою шею?

Есть ли у тебя пріятель которому разсказываешь про свои радости и горести, наконецъ, знакомые, съ которыми могъ бы поболтать хотя бы о ежедневныхъ происшествіяхъ?

Есть ли вообще, у тебя какой нибудь пріютъ, гдѣ можно было бы тебя найти? имя, которымъ можно было бы окликнуть? потребности и чувства, которыя сдѣлали бы тебя такимъ же, какъ мы, человѣкомъ? А можетъ, ты и дѣйствительно молчаливое, неосязаемое существо, показывающееся лишь въ сумерки, зажигающее огонь, а затѣмъ исчезающее, какъ тѣнь?

Изъ отвѣта я узналъ, что это настоящій человѣкъ и даже указали его адресъ.

Отправившись въ указанный домъ, я спросилъ привратника:

— У васъ ли живетъ тотъ, который зажигаетъ фонари?

— У насъ.

— А гдѣ?

— Вонъ, въ той клѣтушкѣ.

Клѣтушка была заперта. Я посмотрѣлъ въ окно, но увидѣлъ лишь у стѣны лежанку, а около нея, на высокомъ шестѣ фонарикъ. Фонарщика же не было.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, каковъ онъ на видъ.

— А кто его знаетъ!—отвѣтилъ привратникъ, подергивая плечами,—я самъ его мало знаю, такъ какъ по вечерамъ никогда дома не бываетъ.

Спустя полгода я пришелъ вторично.

— И сегодня нѣтъ фонарщика?

— Охъ!—сказалъ привратникъ,—нѣтъ его и не будетъ. Вчера хоронили. Умеръ.

И привратникъ задумался.

Узнавъ нѣкоторыя подробности, я поѣхалъ на кладбище.

Укажи, могильщикъ, гдѣ здѣсь похоронили вчера фонарщика.

— Фонарщика?—повторилъ онъ,—а кто его знаетъ? До тридцати пассажировъ было вчера.

— Но его похоронили въ отдѣленіи для самыхъ бѣдныхъ.

— Этакихъ было сброшено что-то около двадцати пяти.

— Но онъ же лежалъ въ непокрашенномъ гробу.

— Этакихъ привезено было шестнадцать.

Такъ и остались мнѣ неизвѣстными его лицо, фамилія и не пришлось мнѣ даже увидѣть его могилу. Остался онъ послѣ смерти тѣмъ же, чѣмъ былъ и при жизни: существомъ видимымъ лишь въ сумерки, нѣмымъ и неуловимымъ, какъ тѣнь.

Во мракѣ жизни, въ которомъ ощупью блуждаетъ несчастный родъ людской, въ которомъ одни разбиваются о преграды, а другіе ниспадаютъ въ бездны и никто не знаетъ вѣрнаго пути, гдѣ несчастье, нищета и ненависть подкарауливаютъ связаннаго суевѣріемъ человѣка, по мрачнымъ закоулкамъ жизни спѣшатъ такіе же фонарщики. У каждаго надъ головой маленькій огонекъ, которымъ зажигаетъ свѣтъ на тропѣ своей, каждый живетъ никому неизвѣстный, трудится неоцѣненный, а затѣмъ исчезаетъ, какъ тѣнь.

Столѣтіе рожденія Чарльза Дарвина.

1809—1909 г.

Все культурное человѣчество празднуетъ столѣтнюю годовщину рожденія величайшаго генія XIX столѣтія Чарльза Дарвина. Невозможно писать о немъ безъ внутренняго трепета, безъ волнующаго восхищенія, такъ онъ великъ, такъ колоссально все, что онъ сдѣлалъ, чѣмъ обогатилъ науку и человѣческое сознаніе.

Исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія этого великаго ученаго, который, болѣе чѣмъ кто-либо другой имѣетъ право на имя самаго великаго революціонера минувшаго столѣтія.

Біологія, соціологія, антропологія, психологія, этика все это получило благодаря установленному Дарвиномъ принципу эволюціонизма прочную основу для своего развитія. «Происхожденіе видовъ» Дарвина создало огромную умственную революцію. Дѣйствіе «Происхожденія видовъ» было подобно взрыву невиданнаго доселѣ объема и силы бомбы—все изданіе «Происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора» разошлось въ одинъ день и вызвало сразу же во всей Англіи бездну ругани, презрѣнія и злобы.

За Англіей послѣдовала Франція, Германія и весь культурный міръ, но истина скоро взяла верхъ, спустя уже четыре года послѣ появленія «Происхожденія видовъ» началось признаніе Ч. Дарвина, а сегодня весь культурный міръ празднуетъ столѣтіе со дня рожденія величайшаго генія.

Чарльзъ Дарвинъ родился 30 января (12 февраля) 1809 г., въ небольшомъ англійскомъ городкѣ Шрюсбери. Родъ Дарвиновъ успѣлъ уже до него наложить свой, хотя и не особенно яркій отпечатокъ на исторіи Англіи. Въ частности, дѣдъ его, врачъ и поэтъ Эразмъ Дарвинъ, получилъ даже извѣстность за предѣлами своей родины. Судьба сыграла съ Дарвиномъ одну изъ своихъ многочисленныхъ шутокъ и поставила его будущую гордость человѣчества, въ первые годы его жизни, въ условія, гдѣ онъ не могъ совершенно развернуть всѣ таившіяся въ немъ силы. Мать свою онъ потерялъ, когда ему было 8 лѣтъ, и воспитаніе его легло цѣликомъ на плечи отца, не всегда чутко прислушивавшагося къ духовнымъ запросамъ своего сына. На девятомъ году онъ былъ отданъ въ элементарную школу, гдѣ будущій натуралистъ, такъ страстно любившій природу, солнце, жизнь, долженъ былъ изучать такія сухія для его живой души вещи, какъ классическіе языки и словесность. Немудрено, что онъ обнаружилъ полное отсутствіе способностей и заставилъ своего учителя и окружающихъ безнадежно махнуть на него рукой. Онъ потомъ самъ, съ неподражаемымъ юморомъ, разсказывалъ, какъ онъ остановился предъ квадратными уравненіями, какъ предъ неприступной крѣпостью. Съ присущей ему всегда скромностью онъ примирился съ своей судьбою. Однако, въ немъ бродили молодыя силы; за стѣнами гимназіи его встрѣчалъ дивный міръ, полный красоты, цвѣтовъ, звуковъ, жизни. Его тянуло къ этому міру; здѣсь его охватывалъ молодой энтузіазмъ, доходившій до экстаза. Неспособный ученикъ элементарной школы, а черезъ годъ гимназіи, начинаетъ собирать коллекціи цвѣтовъ, бабочекъ, минераловъ, раковинъ. Позже у него является новая страсть—охота. Учителямъ, отцу и остальнымъ, людямъ чрезвычайно положительнымъ, казалось, что эти «глупости» и являются главной причиной его неуспѣховъ, и ему приходилось выслушивать частые упреки и даже угрозы; но живой инстинктъ натуралиста, какъ упругая пружина, послѣ каждаго изгиба снова выпрямлялся, отталкивая съ силой всѣ препятствія. 8 лѣтъ пробылъ Дарвинъ въ школѣ и гимназіи, 8 лѣтъ продолжалась эта борьба великаго духа съ попытками угасить его, съ попытками ввести его въ установленныя для «приличнаго» общества рамки. Для Дарвина эти 8 лѣтъ явились рѣшающими въ томъ смыслѣ, что онъ закалилъ себя и научился подчиняться лишь внутреннему голосу, а не внѣшнимъ указаніямъ. Къ концу школьной жизни у Дарвина явилось новое увлеченіе—химія. За это пустое «времяпрепровожденіе» онъ даже получилъ публично очень строгій выговоръ отъ директора гимназіи, человѣка очень и очень почтеннаго.

Попытки втянуть упрямаго юношу въ лоно «приличнаго» общества, увы, не окончились съ гимназическими годами. Съ посредственнымъ аттестатомъ въ карманѣ, онъ стоялъ только у порога своей карьеры. «Забавы» не создаютъ положенія, и отецъ рѣшаетъ послать своего неудачливаго сына въ эдинбургскій университетъ изучать медицину. Два года бьется юноша надъ заучиваніемъ латинскихъ названій болѣзней и снадобій, но и тутъ все кончается полнымъ крахомъ. Снова грозный вопросъ: что дѣлать? Для неспособныхъ еще есть послѣднее убѣжище—богословіе, призваніе священника. И молодой Дарвинъ, нанесшій черезъ 40 лѣтъ религіознымъ представленіямъ самый чувствительный ударъ, ѣдетъ въ Кэмбриджъ изучать богословіе. Къ своему и всѣхъ близкихъ удивленію, ему все же удается закончить курсъ богословскихъ наукъ, правда, съ большими усиліями и безъ всякихъ отличій. И здѣсь онъ больше занимался естествовѣдѣніемъ, чѣмъ богословіемъ.

Кончился искусъ. У Дарвина въ рукахъ бумага, дающая право занять мѣсто священника. Кажется малѣйшая случайность, и въ Англіи былъ бы лишній священникъ, но человѣчество лишилось бы своего величайшаго генія. Можетъ показаться, что исторія работаетъ для человѣческаго блага, и всегда въ рѣшительный моментъ спасаетъ генія отъ стерегущей его опасности. Одинъ неожиданный фактъ повернулъ всю жизнь Дарвина и направилъ его по совершенно новому пути. Человѣчество не потеряло своего генія. Лѣтомъ 1831 года Дарвинъ, вернувшись изъ экскурсіи домой, въ Шрюсбери, нашелъ письмо своего хорошаго знакомаго, профессора ботаники Генсло. Послѣдній сообщалъ, что одинъ капитанъ по фамиліи Фицрой, предпринимаетъ кругосвѣтное путешествіе и ищетъ натуралиста, который могъ бы собрать по пути коллекціи животныхъ и растеній.

Дарвинъ отправился въ Лондонъ познакомиться съ Фицроемъ. Тутъ возникло совершенно неожиданное препятствіе. Фицрой былъ послѣдователь Лафатера; посмотрѣвъ на Дарвина, онъ рѣшилъ, что носъ у него не такой, какой слѣдуетъ имѣть путешественнику, и на этомъ основаніи хотѣлъ было отказать ему.

Такой пустякъ, какъ носъ, такимъ образомъ, чуть-чуть не лишилъ человѣчество геніальныхъ наблюденій Дарвина! Но Фицрой какъ-то все-таки примирился съ носомъ молодого натуралиста и согласился его взять съ собой.

Какъ-бы то ни было, 27 декабря 1831 года онъ отплылъ изъ Англіи.

Дарвинъ не былъ спеціалистомъ, когда отправлялся въ путешествіе, какъ не сдѣлался имъ и впослѣдствіи. Онъ не задавалъ себѣ опредѣленной задачи, опредѣленныхъ вопросовъ. Формальная цѣль его путешествія была собираніе коллекцій: лично его увлекло желаніе посмотрѣть тропическую природу. Словомъ, онъ отправлялся скорѣе какъ туристъ-любитель, чѣмъ какъ изслѣдователь.

Сознаніе своей неподготовленности очень смущало его.

Но эта неподготовленность можетъ быть много и помогла ему: свободный отъ книжныхъ системъ, отъ кабинетныхъ умозрѣній, отъ заранѣе намѣченныхъ задачъ,—говоритъ М. А. Энгельгардтъ въ своемъ трудѣ о Дарвинѣ,—онъ спокойно всматривался въ развернутую предъ нимъ книгу природы, стараясь въ ней самой найти ключъ къ разъясненію ея тайнъ.

Если жизнь Дарвина есть одна изъ самыхъ яркихъ полосъ въ исторіи науки, то весь ослѣпительный свѣтъ ея сосредоточило на себя это путешествіе. Дарвинъ вступилъ 27 декабря 1831 г. на бортъ «Бигая» простымъ естествоиспытателемъ-любителемъ, черезъ 5 лѣтъ, 2 октября 1836 г., онъ вернулся въ Англію натуралистомъ-философомъ, въ головѣ котораго зародились основныя положенія его геніальной теоріи. Результатомъ его изслѣдованія явились—знаменитое сочиненіе «О строеніи и распредѣленіи коралловыхъ рифовъ» (1842), «Геологическія наблюденія надъ вулканическими островами» (1844) и «Геологическія изслѣдованія въ Ю. Америкѣ» (1846).

Первыя же работы Дарвина—въ особенности теорія коралловыхъ рифовъ—доставили ему видное мѣсто въ кругу ученыхъ, чего онъ, впрочемъ, вовсе не сознавалъ. Трудно представить себѣ болѣе скромнаго человѣка. Онъ, кажется, принималъ за чистую монету свои слабые успѣхи въ школѣ и не считалъ себя способнымъ на что нибудь путное. Вниманіе, съ которымъ ученый міръ отнесся къ его первымъ работамъ, возбудило въ немъ наивное изумленіе и радость.

И эту скромность Дарвинъ сохранилъ до самой смерти. Всякій человѣкъ, съ самыми обыкновенными способностями,—писалъ онъ въ своей автобіографіи о «Про-

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.

(Къ столѣтію рожденія).

исхожденіи видовъ»,—могъ бы написать такую книгу, если бы имѣлъ достаточно терпѣнія и времени..

Пройдемъ мимо того значенія, какое имѣли собранныя за время путешествія богатѣйшія коллекціи и цѣлаго ряда интересныхъ геологическихъ изслѣдованій, остановимся на моментѣ зарожденія той теоріи, которая создала ему неувядаемую славу, теоріи происхожденія видовъ.

Человѣческому уму свойственна склонность связывать величайшія открытія съ случайными фактами самаго скромнаго значенія. Наблюденіе падающаго яблока, напр., приводитъ Ньютона къ открытію всемірнаго тяготѣнія. Дарвинъ самъ говоритъ, что на его теорію онъ былъ натолкнутъ наблюденіемъ надъ однимъ очень плодовитымъ видомъ морскихъ улитокъ. Что Дарвинъ подпалъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніе оптическаго обмана, видно изъ того, что къ сходной съ его теоріи пришелъ и Уоллесъ. Несомнѣнно, что развитіе естествознанія подошло вплотную къ разрѣшенію загадки о происхожденіи видовъ, и если тутъ можно говорить о случайности, такъ только объ одной, что именно Дарвинъ, а не кто либо другой явился тѣмъ геніемъ, который далъ разрѣшеніе этой загадки.

Съ зарожденіемъ теоріи Дарвина связанъ фактъ, весьма интересный для сравнительной оцѣнки генія и таланта. Дарвинъ говоритъ, что главнымъ образомъ опирался при созданіи своего ученія на теоріи Мальтуса. Мы теперь, черезъ 150 лѣтъ послѣ появленія этой теоріи, знаемъ, что развитіе человѣчества совершенно опровергло ее, опровергло ея предпосылки и жестокіе, холодные выводы. Мы не можемъ теперь не смотрѣть на мальтузіанство, какъ на лишенную крупныхъ научныхъ достоинствъ апологію капиталистическаго строя, старавшуюся найти и научное и моральное оправданіе океану нищеты и угнетенія. Мальтусъ для насъ даже не ученый, а пристрастный апостолъ жестокости, безсердечія. Но вотъ изъ основныхъ положеній мальтузіаста началъ складывать свое ученіе Дарвинъ, и передъ нами геніальное твореніе, откровеніе новой истины.

Главныя положенія теоріи были готовы. Теперь необходимо было ихъ обосновать, такъ какъ теорія шла въ разрѣзъ со всѣмъ, что составляло тогдашнее «Credo» науки. Тутъ то и пригодилась вся духовная выправка Дарвина, которую онъ пріобрѣлъ въ годы дѣтства и юношества. По пріѣздѣ въ Англію онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кембриджѣ, а затѣмъ провелъ пять лѣтъ въ Лондонѣ. Жизнь въ Лондонѣ, гдѣ онъ вращался въ кругу ученыхъ, дала ему ту умственную шлифовку, которая такъ необходима при созданіи сложныхъ и глубокихъ твореній. Къ этому же періоду относится и его женитьба. Разстроенное здоровье заставило его бросить жизнь въ большомъ городѣ, и Дарвинъ переселяется въ купленное имъ имѣніе Доунъ, гдѣ онъ и провелъ 40 лѣтъ до самой смерти. Это были 40 лѣтъ безпрерывнаго труда, хотя и спокойнаго, хотя и согрѣтаго огнемъ воодушевленія, которое даетъ сознаніе величія творимаго.

Терпѣніе и упорство, съ которыми Дарвинъ велъ свои работы, поразительны. Вопросъ о происхожденіи видовъ онъ разрабатывалъ 21 годъ (1837—58), прежде чѣмъ рѣшился печатать о немъ. Гипотеза «пангенезиса»—результатъ 25-ти лѣтнихъ размышленій надъ вопросомъ о причинахъ наслѣдственности. Книгу «о выраженіи ощущеній» онъ писалъ 33 года: въ декабрѣ 1839 началъ собирать матеріалъ, а въ 1872 году книга была напечатана. Одинъ изъ опытовъ надъ земляными червями тянулся 29 лѣтъ и т. д. Составляя книгу о «Происхожденіи человѣка», онъ тяготился изложеніемъ своихъ опытовъ настолько, насколько наслаждался исполненіемъ ихъ. «Какъ счастлива была бы жизнь натуралиста, если бы ему можно было только наблюдать и никогда не писать»—замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Задачу, которую поставилъ себѣ Дарвинъ, онъ выполнилъ блестяще: онъ объяснилъ происхожденіе и развитіе органическаго міра. Исторія біологической науки до Дарвина есть подготовка къ рѣшенію этой задачи.

Естественный подборъ или переживаніе наиболѣе приспособленнаго—вотъ собственно ему принадлежащее открытіе. Оно объясняетъ намъ, какъ, въ силу какихъ причинъ простѣйшія формы раздроблялись на болѣе и болѣе сложныя, почему, несмотря на постепенность развитія, между различными формами образовались пробѣлы (вымираніе менѣе приспособленныхъ). Въ этомъ, собственно, и заключается великая заслуга Дарвина. Не онъ первый высказалъ мысль объ общемъ происхожденіи видовъ. Ламаркъ, С.-Иларъ, Чамберсъ, Окенъ, Эразмъ

Дарвинъ, Гёте, Бюффонъ и многіе другіе высказывали и развивали эту мысль. Но въ ихъ изложеніи она являлась бездоказательной—мало того: въ противность всякой логикѣ, идея, сама по себѣ недоказанная, подкрѣплялась еще менѣе доказательными гипотезами вродѣ «импульса», сообщеннаго органическимъ формамъ при ихъ сотвореніи и заставляющаго ихъ измѣняться (Чамберсъ), приспособленія къ новымъ условіямъ вслѣдствіе воли животнаго (Э. Дарвинъ и Ламаркъ), склонности къ прогрессу, присущей организмамъ, и т. п. Фантазія громоздилась на фантазію. Эволюціонное ученіе не выходило изъ той стадіи, которая характеризуется словомъ «вѣра».

Дарвинъ поставилъ эволюціонную теорію на почву факта. Если бы Дарвинъ высказалъ свою мысль въ общей формѣ, какъ Уоллесъ, она, конечно, не произвела бы и сотой части своего дѣйствія. Но онъ прослѣдилъ ее до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій, связалъ съ данными различныхъ отраслей науки, подкрѣпилъ несокрушимой баттареей фактовъ.

Общее происхожденіе всѣхъ органическихъ формъ сдѣлалось ф а к т о м ъ, противъ котораго сейчасъ никто не споритъ. Всякая полемика прекратилась сама собою, когда оказалось, что безъ эволюціоннаго принципа нельзя работать.

Внѣ научной сферы еще пытаются иногда воскресить давно истлѣвшій трупъ ученія о неподвижности видовъ; въ наукѣ совершившійся фактъ уже признанъ. Современная біологія есть эволюціонное ученіе въ приложеніи къ органическому міру, какъ геологія послѣ Ляйелля представляетъ эволюціонное ученіе въ приложеніи къ міру неорганическому, точнѣе—къ исторіи земной коры...

Мы обязаны этимъ Дарвину, и вотъ его крупнѣйшая заслуга. Онъ самъ хорошо понималъ это. «Будетъ ли натуралистъ придерживаться воззрѣній Ламарка, Чамберса или моихъ и Уоллеса, или выработаетъ себѣ какія нибудь другія—это не важно въ сравненіи съ признаніемъ того, что виды происходятъ одни отъ другихъ, а не созданы отдѣльно; ибо передъ тѣмъ, кто принимаетъ эту великую общую истину, открывается обширное поле для дальнѣйшихъ изслѣдованій».

Дарвинъ прожилъ почти безвыѣздно сорокъ лѣтъ въ своемъ имѣніи, весь поглощенный научнымъ трудомъ: послѣ «Происхожденія видовъ», въ 1862 году, Дарвинъ напечаталъ «Приспособленія орхидей къ оплодотворенію посредствомъ насѣкомыхъ», затѣмъ—«Различныя формы цвѣтовъ у растеній одного и того же вида». Далѣе слѣдуетъ: «Способность растеній къ движеніямъ», «Насѣкомоѣдныя растенія», «Происхожденіе человѣка и половой подборъ», «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ», «Образованіе растительной земли, благодаря червямъ» и другіе.

Къ концу жизни только Ч. Дарвинъ добивался признанія своихъ трудовъ и Россія въ этомъ отношеніи оказалась впереди не только Германіи, но и Франціи: Петербургская академія избрала его членомъ—корреспондентомъ въ 1867 г., тогда какъ берлинская и парижская только въ 1879 году: за 3 года до смерти. Но великому старцу всѣ эти почести были безразличны: онъ работалъ не для нихъ, а для науки.

Дарвинъ относился ко всѣмъ этимъ офиціальнымъ наградамъ съ большимъ равнодушіемъ. Онъ терялъ дипломы и долженъ былъ справляться у друзей, состоитъ ли онъ членомъ такой-то академіи или нѣтъ. «Я желалъ бы знать,—пишетъ онъ Гукеру,—выбранъ ли я въ Берлинскую академію; кажется—нѣтъ, потому что это вѣроятно произвело бы на меня впечатлѣніе, и однако я помню, что получилъ какой то дипломъ, подписанный Эренбергомъ. Я такъ безпеченъ: потерялъ много дипломовъ и теперь желалъ бы знать, къ какимъ обществамъ принадлежу».

Всю свою жизнь онъ посвятилъ великому труду и не нужны были такія мелочи, какъ дипломы, геніальному, скромному труженику. Работалъ онъ вплоть до самой смерти.

7-го марта 1882 года онъ въ послѣдній разъ вышелъ на прогулку: съ этого дня ему становилось все хуже и хуже, 17-го апрѣля онъ еще могъ слѣдить за ходомъ опыта, которымъ занимался его сынъ, 18-го уже почти не приходилъ въ чувство, а на слѣдующій день, 19-го апрѣля 1882 года, скончался.

По желанію націи тѣло великаго натуралиста было перенесено въ Вестминстерское аббатство, и погребено рядомъ съ гробницей Ньютона. И сейчасъ, въ день столѣтія со дня рожденія этого великаго человѣка, мысли всего культурнаго человѣчества витаютъ надъ его могилой, которую міръ не забудетъ, ибо забыть его нельзя и невозможно.

Э.

Борьба съ безнравственностью.

«Нашъ вѣкъ потомки назовутъ вѣкомъ порнографіи»,—сказалъ недавно нѣмецкій депутатъ Рюренъ и, повидимому, его печальное пророчество сбудется. Безнравственность существовала всегда, но никогда еще не достигала она такихъ размѣровъ въ христіанскомъ обществѣ, никогда не выступала она съ такою наглою откровенностью.

Христіанскія государства какъ бы соперничаютъ между собою на этомъ пути. Классическій въ этомъ отношеніи Парижъ уже далеко превзойденъ какимъ-то скромнымъ Берлиномъ, а съ нимъ наравнѣ идетъ Мюнхенъ. Судебная власть недавно открыла, что цѣлыхъ 60 фирмъ въ Германіи существуютъ исключительно торговлей гнусными фотографическими карточками. На одни объявленія эти фирмы тратили болѣе полмилліона. Громадная армія всякаго рода продавцовъ въ 450.000 человѣкъ также существуетъ подобной торговлей. Число порнографическихъ изданій превышаетъ число всѣхъ остальныхъ изданій, взятыхъ вмѣстѣ.

Въ театрѣ идеаломъ является уже не бракъ, а его нарушеніе. Всѣ гадости отбросовъ французской сцены въ совершенствѣ усвоены и нѣмецкой. Десятилѣтнихъ мальчиковъ заставляютъ пѣть неприличные куплеты. Все это продѣлывается и въ народныхъ театрахъ, куда рабочіе и крестьяне являются съ своими семьями и даже дѣтьми. Если городскіе театры сравнительно мало приносятъ вреда, то только потому, что посѣтители ихъ уже настолько испорчены, что еще болѣе развратить ихъ нельзя.

Какъ на спеціально нѣмецкое изобрѣтеніе, нужно указать на знаменитые «вечера красоты» (Schön heitsabende), пропагандируемые Ольгой Десмондъ, на которыхъ мужчины и женщины являются безъ всякой одежды.

Недавнее дѣло Эйленбурга показало, что творится въ высшемъ обществѣ.

Нужно, однако, сказать, что мы, отставъ отъ нѣмцевъ въ другихъ отношеніяхъ, здѣсь идемъ чуть ли не впереди ихъ. По крайней мѣрѣ, наши «лиги свободной любви», общества «Дорефы», «Лови моментъ», «Огарковъ», появившіяся чуть ли не во всѣхъ крупныхъ городахъ, произвели величайшую сенсацію среди берлинцевъ, познакомившихся съ ними по статьямъ какого то Strelzow'a.

Къ стыду нашему, мы страшно отстали отъ нѣмцевъ въ другомъ отношеніи — въ дѣлѣ борьбы съ безнравственностью. Исключая нѣсколько робкихъ попытокъ, методъ борьбы съ безнравственностью свелся у насъ, кажется, къ замалчиванію и скрыванію этой страшной общественной язвы.

Не то въ Германіи! Нѣмцы поняли, что успѣшно бороться съ общественнымъ зломъ можно только коллективно, что нужно объединить молчаливое, разрозненное и потому безсильное негодованіе отдѣльныхъ лицъ и организовать постоянный протестъ народной совѣсти, и вотъ по всей странѣ возникла сѣть обществъ борьбы съ общественной безнравственностью. Болѣе многочисленныя изъ этихъ обществъ находятся тамъ, гдѣ зло сдѣлало наибольшія завоеванія — въ крупныхъ городахъ: въ Мюнхенѣ, Кельнѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Ахенѣ, Дюссельдорфѣ и др. Въ каждомъ изъ нихъ состоятъ тысячи и даже десятки тысячъ членовъ. 11 марта прошлаго года въ Кельнѣ состоялся съѣздъ представителей всѣхъ этихъ обществъ, объединившій ихъ въ одинъ союзъ, во главѣ котораго поставленъ постоянный комитетъ, руководящій дѣятельностью обществъ и сообщающій ей нужную планомѣрность.

Съ этого года союзъ издаетъ свой журналъ «Volk wart»—«Стражъ народа». Главнымъ дѣятелемъ въ союзѣ является одинъ изъ вождей центра, депутатъ Рюренъ.

Объединившіяся въ союзѣ общества, кромѣ возвышенія уровня нравственности своихъ членовъ, имѣютъ цѣлью оказывать возможно широкое оздоровляющее вліяніе на общественную жизнь.

Они добиваются болѣе строгихъ законовъ противъ безнравственности, устраиваютъ лекціи и рефераты, бойкотируютъ торговцевъ порнографическими произведеніями, разсылаютъ свои воззванія въ газетахъ всѣхъ направленій и т. п.

Для борьбы съ безнравственностью въ школѣ существуютъ особыя школьныя общества (Schulvereine), состоящія, главнымъ образомъ, изъ родителей и учителей. Эти общества организуютъ надзоръ за учащимися, добиваются запрещенія продажи порнографическихъ произведеній учащимся, заботятся о доставленіи имъ полезнаго и въ то же время интереснаго чтенія. Въ послѣднее время, благодаря этимъ союзамъ, въ германской школѣ въ широкихъ размѣрахъ примѣняется новая мѣра. Нравственно испорченные ученики безпощадно изолируются отъ товарищей и отдаются въ особые Disciplinar-klassen. Не малую услугу оказываетъ школьнымъ обществамъ такъ-называемой «Борромейскій союзъ», задавшійся цѣлью бороться съ порнографическими изданіями путемъ распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ.

Изъ отчета союза, прочитаннаго на сентябрьскомъ католическомъ конгрессѣ въ Дюссельдорфѣ, видно, что въ концѣ прошлаго года союзъ имѣлъ 131.020 членовъ и въ теченіе одного года продалъ и роздалъ книгъ на 780.000 марокъ, а за время своего существованія—на 21.000.000 марокъ.

Наконецъ, особое общество существуетъ въ Германіи спеціально для борьбы съ развращающимъ вліяніемъ современнаго театра. Это—«общество Кальдерона» (Calderon-Gesellschaft) въ Мюнхенѣ.

Члены общества, рискуя столкновеніемъ съ полиціей, нерѣдко освистываютъ «безстыдныя» сцены въ театрахъ.

Видную роль въ борьбѣ съ общественною безнравственностью играетъ въ Германіи и церковь, особенно католическая. Духовенство является руководителемъ многихъ подобныхъ обществъ. На ежегодныхъ католическихъ конгрессахъ обычно подводятся итоги сдѣланнаго и вырабатывается общій планъ дальнѣйшей борьбы. Въ августѣ 1908 года католическій епископъ Германіи, собравшись въ Фульдѣ, обратился къ своей паствѣ съ посланіемъ, прочитаннымъ во всѣхъ католическихъ церквахъ Германіи въ первое воскресенье рождественскаго поста. Читая это блестяще написанное посланіе, невольно пожалѣешь, что слишкомъ рѣдко слышимъ мы что либо подобное отъ нашихъ пастырей, шаблонныя поученія которыхъ какъ то скользятъ по жизни, нисколько не захватывая ея. Приведемъ нѣкоторыя характерныя мѣста изъ посланія.

«Въ современномъ мірѣ,—пишутъ епископы Германіи,—развратъ сдѣлался чѣмъ то вродѣ общественной силы, которая все далѣе и далѣе распространяетъ свое царство. Среди юношества онъ нашелъ себѣ, жертвъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Онъ пользуется ихъ неопытностью, манитъ ихъ къ себѣ и глубоко въ сердце пускаетъ имъ свое ядовитое жало. Особенно прочно обосновался онъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и соблазнаетъ здѣсь лучшихъ сыновъ народа, которые должны бы здѣсь посвятить себя высшей духовной жизни, но именно здѣсь то и гибнутъ. Онъ проникъ на фабрики, въ жилища рабочихъ и пожираетъ здѣсь народную силу. Проникъ онъ и въ армію,—и немало теперь такихъ солдатъ, которые во время военной службы впитываютъ въ себя ядъ грѣха, чтобы потомъ распространять его дома.

Этого губительнаго ангела ада не удовлетворяютъ уже жертвы изъ болѣе зрѣлаго юношества. Онъ врывается и въ рай дѣтства и здѣсь его опустошенія тѣмъ губительнѣе, чѣмъ нѣжнѣе духъ и тѣло ребенка.

Ни одинъ порокъ не доходитъ такъ быстро и разрушительно до жизненныхъ корней религіи, вѣры и молитвы, до жизненныхъ корней семьи и народа. Значительное уменьшеніе числа рожденій показываетъ, что эта чума грозитъ уже самымъ источникамъ народной жизни.

Какъ на подобныя причины нравственнаго упадка нашего времени, епископы указываютъ на плохія соціальныя условія, тѣсноту жилищъ, безработицу, алкоголизмъ и вредныхъ для общества людей, сдѣлавшихъ изъ распространенія разврата ремесло и средство наживы, но главную причину видятъ въ упадкѣ религіозности. «Пожинаютъ то, что посѣяли». Думали, что религію и христіанство можно отбросить въ сторону, какъ что то отжившее, и тщетно пытались изобрѣсти такъ-называемую независимую мораль безъ религіи. Въ результатѣ получилось полное смѣшеніе всѣхъ нравственныхъ понятій и необычайныхъ упадокъ нравственнаго достоянія народа.

Христіанство и церковь, настаивавшія на подчиненіи чувственной природы и ея инстинктовъ душѣ и высшимъ цѣлямъ жизни, обвиняли въ томъ, что ихъ нравственное ученіе противно природѣ, что оно душитъ естественные инстинкты, отвергали вѣчныя основы нравственности, произносили громкія фразы объ утвержденіи, возвышеніи, обогащеніи жизни путемъ освобожденія инстинктовъ и что же полу-

чили въ результатѣ? Позорнѣйшее закабаленіе страстямъ, болѣзнь, разложеніе и смерть. Дикая, освобожденная отъ всякой узды сила чувственности бросилась въ бездну порока и погубила и тѣло, и духъ. Подъ видомъ науки подчинились суевѣрію, и безконечно гордились успѣхомъ внѣшней культуры, а теперь оказывается, что въ основѣ ея лежитъ нравственное одичаніе, и что отъ нея идетъ запахъ тлѣнія. Прогрессъ во внѣшней культурѣ съ обыкновеннымъ регрессомъ нравственности дѣлаетъ народъ не великимъ, но больнымъ. «Было бы несправедливо обвинять только другихъ, а самимъ невинно умывать руки. Если бы всѣ вѣрующіе христіане всегда выполняли свой долгъ и не способствовали злу своею сонливостью, безпечностью, бездѣятельностью и заигрываніемъ съ духомъ времени, оно никогда бы не пошло такъ далеко.

Многіе считаютъ теперь за главную обязанность воспитанія и лучшее предупредительное и предохранительное средство возможно раннее ознакомленіе дѣтей съ половою жизнью. Не вѣрьте: это ложь—ложные пророки. Конечно, предостерегающее или успокаивающее слово въ болѣе зрѣломъ возрастѣ вполнѣ умѣстно, но одними выясненіями ничего достигнуть нельзя, а преждевременныя разъясненія могутъ все испортить.

Главное предохранительное средство — это нравственная нѣжность чувства, святая стыдливость, данная самимъ Богомъ, охранительница невинности. Съ самой ранней юности воспитывайте и охраняйте ее въ сердцѣ вашихъ дѣтей... Постарайтесь рано развить и закалить ихъ волю посредствомъ привычки къ труду и послушанію, посредствомъ удаленія всего разслабляющаго и изнѣживающаго, посредствомъ пріученія къ строгости къ себѣ самому, къ самоопредѣленію и къ самогосподству, къ уваженію къ своему духу и тѣлу.

Вообще, лучшей охраной для дѣтей здѣсь всегда было и будетъ основательное христіанское воспитаніе въ серьезности и кротости, въ любви и строгости.

Пусть же всѣ тѣ, кого уполномочиваетъ на это положеніе и призваніе, духовники, учителя, начальники, хозяева примутъ участіе въ молодежи, объединятъ ее въ христіанскіе союзы, выяснятъ грозящія ей опасности и охранятъ отъ язвы разврата. Такимъ путемъ они спасутъ юношество отъ гибели и, слѣдовательно, расширятъ царство Божіе на землѣ, спасутъ отечество и защитятъ народную честь и силу.

Мы обращаемся и къ вамъ самимъ, юноши! Будьте героями, а не трусами. Не бѣгите слѣпо за худыми примѣрами. Имѣйте мужество идти истиннымъ путемъ, быть лучше, чѣмъ другіе, свободными среди рабовъ. Не позволяйте нечистой страсти ослѣплять ваши глаза, порабощать волю, ослаблять и пожирать ваши лучшія способности, гасить святой огонь въ вашей груди! Будьте героями, боритесь за вашу свободу, за ваше тѣлесное и душевное здоровье, за счастье вашей жизни и за спасеніе вашей души! Господствуйте надъ чувственными инстинктами скипетромъ разума, геройскимъ мечомъ воли; охраняйте порядокъ въ мірѣ мысли и чувства, въ царствѣ фантазіи; имѣйте отвращеніе къ грязи во всѣхъ ея видахъ, закаляйте силу своей воли строгостью по отношенію къ себѣ самимъ, посредствомъ умѣренности и воздержанія, посредствомъ радостнаго стремленія къ труду; преодолѣвайте нечистый жаръ чувственной страсти святымъ огнемъ любви къ Богу и ближнимъ!»

Издательница О. П. Александрова. Редакторъ Н. В. Корецкій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 5-й.

	стр.
Семейное счастье. Стихотвореніе *Вл. Ленскаго*	121
Мопассанъ. Стихотвореніе *В. Уманова-Каплуновскаго*	122
Въ большомъ каменномъ домѣ. Разсказъ *Л. Аверкіевой*	123
Какъ ты попала сюда неудачница? Стихотвореніе *Л. Сохачевской*	130
Ѳенька. Разсказъ *А. Борисова (А. Клеппера)*	131
Любовь. Стихотвореніе *Дмитрія Цензора*	134
Фонарщикъ. Разсказъ *Болеслава Пруса*	135
Столѣтіе рожденія Чарльза Дарвина	137
Борьба съ безнравственностью	141
Юмористическіе разсказы, Выпускъ первый:	
1. **Въ чужой квартирѣ**. Разсказъ (*Съ англійскаго*)	1
2. **По объявленію**. Разсказъ *Я. Н. Будищева*	3

Картины:
1. **C. Dvsart**. Картина исполненная красками.
2. **Неизвѣстный врагъ**. Картина *I. Ле-ро.*
3. **Портретъ Чарльза Дарвина.**

Приложеніе: Книга 3-я: „**Избранныя Сочиненія Виссаріона Бѣлинскаго**".

АНТИ-РЕВМАТИЧЕСКОЕ ГАЛЬВАНИЧЕСКОЕ
— КОЛЬЦО —
Англійское средство для излеченія:
РЕВМАТИЗМА,
ПОДАГРЫ, НЕВРАЛГІИ
и тому подобныхъ заболѣваній.
ТАКІЯ КОЛЬЦА НОСЯТСЯ и РЕКОМЕНДУЮТСЯ ЧЛЕНАМИ
АНГЛІЙСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ДОМА.

Анти-ревматическое кольцо представляетъ собою гладкое золотое кольцо, внутренняя поверхность котораго выложена металлическимъ слоемъ изъ комбинацій металловъ, составляющей полную баттарею для пальца; эта гальванич. комбинація имѣетъ магнетическое дѣйствіе на все тѣло.

Анти-ревматическое кольцо отличается отъ всѣхъ другихъ способовъ, примѣняемыхъ для излеченія ревматизма. Вотъ почему оно достигаетъ цѣли въ тѣхъ случаяхъ, когда обычныя старомодныя средства остаются безъ всякаго успѣха. По этой-же причинѣ тысячи людей со всего свѣта, примѣняя это кольцо, получили излеченіе. Эти гальваническія кольца англійскаго производства доставляются въ Россію и продаются только нами

ДЕНЬГИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
ПО ЖЕЛАНІЮ ОБРАТНО

Снимите съ вашего пальца мѣрку помощью кусочка тесьмы, шнурка или узкой полоски бумаги, съ того именно пальца, на которомъ вы намѣрены носить это кольцо, мы вамъ вышлемъ кольцо за 5 руб. съ наложеннымъ платежомъ. Если по полученіи кольца вы останетесь имъ почему-либо недовольны, верните намъ его сейчасъ-же, и мы немедленно возвратимъ вамъ ваши деньги.

ВСЕОБЩАЯ ЭКСПОРТНАЯ КОНТОРА, С.-Петерб., Невскій пр., д. Зингера. № 28—15.

Продолжается подписка на журналъ „Пробужденіе". на 1909-й годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) 6 р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., На одинъ мѣсяцъ 58 коп.

Издательница *О. П. Александрова*. Редакторъ *Н. В. Корецкій*.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39, соб. д.

Юмористическіе разсказы

Выпускъ первый.

Въ чужой квартирѣ.

(Переводъ съ англійскаго).

Крадучись по лѣстницѣ, воръ открылъ дверь американскимъ ключомъ и вошелъ въ переднюю. Было совершенно темно; горничную послали за покупками въ лавку и она еще не успѣла зажечь газъ.

Съ противоположнаго тротуара воръ слѣдилъ за ея выходомъ изъ дома и видя, какъ она остановилась на перекресткѣ для разговора съ знакомымъ городовымъ, воспользовался ея отсутствіемъ, чтобы проскользнуть въ домъ.

Тихо притворилъ онъ дверь, почти не слышно, но, очевидно, кто то находился поблизости и женскій голосъ раздался какъ будто сверху. «Это ты, Джекъ».

Вотъ досада! а онъ съ увѣренностью разсчитывалъ на отсутствіе хозяйки дома.

Воръ началъ свистѣть. Онъ былъ хорошій имитаторъ и не даромъ провожалъ сегодня утромъ ея мужа до станціи. Пока звуки насвистываемой пѣсни разносились по воздуху, онъ присвоилъ себѣ зонтикъ и, очень нуждаясь въ одеждѣ, снялъ съ вѣшалки и одѣлъ пальто хозяина дома, Джека. Оно оказалось какъ будто сшитымъ для него.

— Мнѣ кажется, ты не особенно вѣжливъ, — раздалось опять сверху. Голосъ былъ мягкій, рѣдко симпатичный, но теперь въ немъ слышались слезы.

— Развѣ ты не придешь извиниться за всѣ, сказанныя сегодня утромъ, непріятности.

Воръ остановился, обдумывая, какъ ему дѣйствовать дальше. Тутъ была ссора,— рѣшилъ онъ, и Джекъ велъ себя непристойно. Ну, ему придется немного подождать съ примиреніемъ, бѣднягѣ! Все продолжая невозмутимо свистѣть, онъ схватилъ свой мѣшокъ и, хлопнувъ довольно сильно дверью, прошелъ въ столовую. Здѣсь, при свѣтѣ уличнаго электрическаго фонаря онъ усердно принялся укладывать въ мѣшокъ серебро, стоявшее на буфетѣ.

— Нечего пока мириться, — подумалъ онъ. Воръ тоже былъ женатый человѣкъ и считалъ себя большимъ знатокомъ женщинъ.

Въ его удивительно-помѣстительный мѣшокъ вошли — кофейникъ, чайникъ и сахарница. Каждая отдѣльная вещь укладывалась быстро и осторожно.

Потомъ воръ бросилъ жадный взглядъ на мелкое серебро.

— Не высокая марка и мало,—сказалъ онъ презрительно,—да, впрочемъ, нельзя же ожидать большаго у мелкаго чиновника частнаго банка. Что же дѣлать, со многимъ надо мириться въ жизни. Послѣднѣе было его любимымъ изреченіемъ и на этотъ разъ пришлось какъ нельзя болѣе кстати.

Чтобы быть воромъ, надо отчасти быть философомъ.

Съ большой осторожностью онъ уложилъ еще двѣ дюжины ножей, вилокъ и ложекъ, потомъ пару серебряныхъ подсвѣчниковъ, а множество солонокъ чайныхъ ложекъ и разныхъ мелочей размѣстилъ по карманамъ только что украденнаго пальто. «Теперь надо взяться и за посуду», вспомнилъ онъ и обратилъ свое вниманіе на верхнее отдѣленіе буфета. Съ большимъ трудомъ ему удалость открыть дверцы шкафа и онъ только что занялся разсматриваніемъ большихъ хрустальныхъ графиновъ, освѣщая ихъ маленькимъ карманнымъ фонаремъ, какъ въ передней послышались шаги. Воръ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ оглянулся. Такъ она все-таки спустилась и черезъ пять минутъ забыла свое оскорбленное самолюбіе, когда онъ при своемъ знаніи женщины, разсчитывалъ, что пройдетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать минутъ, пока она рѣшится забыть еще новую обиду, нанесенную ей брошенной дверью столовой.

Какой онъ оказался недальновидный! Не успѣлъ еще онъ внутренно обругать себя, какъ за полузакрытой дверью показался свѣтъ, это она зажгла газъ въ передней. Воръ бросился къ ближайшему окну и остановился въ размышленіи. Надо было отпереть задвижку и рискнуть на прыжокъ въ 20 фут. высоты. Еще одну минуту онъ промедлилъ и уже въ слѣдующую услышалъ ея шаги у двери и ручка тихо повернулась. Но и тутъ онъ не растерялся:—сразу погасилъ свой фонарь и спустилъ тяжелые занавѣси на окнѣ. Ему пришло въ голову еще немного продолжить иллюзію. Хозяинъ дома былъ его роста и имѣлъ такіе же свѣтлые, коротко обстриженные волосы—возможно, что въ темнотѣ и повернувъ къ ней спину... Когда дверь открылась, онъ уже успѣлъ овладѣть собою.

Наступила минута молчанія.

Въ полосѣ падающаго изъ передней свѣта ясно виднѣлась его стройная, широкоплечая фигура съ поникшей головой и скрещенными на спинѣ руками. Каждая складка хорошо сшитаго пальто выражала раскаяніе и сожалѣніе.

Превосходная и трогательная картина!

Шаги остановились на порогѣ. Удерживая дыханіе, воръ стоялъ въ ожиданіи, прислушиваясь къ шелесту мягкаго женскаго платья и чувствуя запахъ фіалокъ постепенно наполнявшій комнату.

Прошла минута, двѣ, три минуты.

Вдругъ раздался ея голосъ, довольно твердый съ нотой презрѣнія.

— Не къ чему принимать такой трагическій видъ, Джекъ, все происшедшее между нами не стоитъ минуты размышленія, а тѣмъ болѣе объясненій. Совсѣмъ напрасно ты такъ хлопнулъ дверью,—ея голосъ сдѣлался еще болѣе презрительнымъ,—ничто на свѣтѣ не заставитъ меня возобновить нашъ разговоръ.

Воръ тяжело вздохнулъ. Онъ понялъ, что вздохъ былъ самымъ подходящимъ выраженіемъ его теперешняго состоянія, но одновременно радовался, что опустошенный буфетъ стоялъ не въ полосѣ падающаго изъ сосѣдней комнаты свѣта.

— Джекъ, помиримся! (Къ его ужасу она сдѣлала быстрое движеніе въ его направленіи). Сегодня утромъ ты навѣрное думалъ, что я дѣтски неблагоразумна. Но мнѣ такъ хотѣлось этого платья! Ты, вѣдь, знаешь, дорогой, что у меня не было новаго платья въ продолженіи двухъ лѣтъ.

Ея голосъ слегка задрожалъ, и воръ сталъ переступать съ одной ноги на другую. Онъ былъ тронутъ и чувствовалъ себя очень неловко.

— Конечно, я ничего не имѣю противъ самой большой экономіи, но иногда бываетъ громадное желаніе пріобрѣсти новую красивую вещь. Ты понимаешь, какія нибудь бездѣлушки, платье или серебро. (Ей показалось, что его широкія плечи вздрагивали). Не думай, что я тебя обвиняю, дорогой мой,— ея голосъ превратился въ ласку,—я знаю, какъ усиленно ты работаешь съ утра до вечера, чтобы свести концы съ концами и лишаешь себя всего для меня же. Вѣдь ты былъ до сихъ поръ безъ пальто, если бы я не купила для тебя изъ остатка подареннаго намъ дядей чека. Ты самый лучшій, добрый человѣкъ на свѣтѣ!

Рука ея съ нѣжностью легла на его рукавъ. Это было слишкомъ! Съ глубокимъ восклицаніемъ воръ вырвался изъ-подъ ея руки и быстрыми шагами направился къ двери. Черный мѣшокъ его лежалъ подъ драпировкой двери. Выходя, онъ толкнулъ его нетерпѣливо ногой и выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ хозяйку дома одну.

— Джекъ, Джекъ! —крикнула она съ ужасомъ и, слыша, какъ что то тяжелое упало на полъ въ передней, побѣжала ему вслѣдъ и увидала нѣчто черное, длинное, лежащее у ея ногъ.

Воръ заперъ входную дверь и спустился по лѣстницѣ безъ пальто, но со спокойнымъ и радостнымъ лицомъ.

— Не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ любезно на извиненія хозяина дома, который столкнулся съ нимъ на тротуарѣ. При свѣтѣ элекрическаго фонаря его лицо показалось ему очень утомленнымъ отъ усиленной работы.

— Бѣдняга! подумалъ воръ, который самъ ненавидѣлъ работу: «Я не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ»... Но тутъ, почувствовавъ порывъ холоднаго вѣтра, мысленно прибавилъ: «А все-таки было бы не дурно быть въ его пальто!»

ПО ОБЪЯВЛЕНІЮ.

— Да-съ! Такая чрезмѣрная нелѣпость,—говорилъ Иванъ Иванычъ,—можетъ произойти лишь при дружественномъ содѣйствіи нечистыхъ породъ всѣхъ пяти частей свѣта. Впрочемъ, постараюсь быть кратокъ и прошу любезнаго вниманія!

Иванъ Иванычъ безукоризненно высморкался и продолжалъ: Прочелъ я въ одной изъ газетъ объявленіе примѣрно вотъ такого сюжета:

— Пожалѣйте!!! Молодая, пріѣзжая, чрезмѣрно одинокая и сверхъ-пріятная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, буквально умирая отъ скуки, ищетъ съ солидными достоинствами компаньона для весьма безубыточнаго бездѣлья! Пожалѣйте!

«Адресъ: До востребованія, такое-то почтовое отдѣленіе, предъявительницѣ кредитнаго билета за №».

И только. Больше ничего. Ни единаго звука. Не правда ли, сколь загадочно и заманчиво? «Сверхъ-пріятная во всѣхъ отношеніяхъ»! «Безмѣрно одинокая»! О-о!

Между тѣмъ, прочитавъ объявленіе это, я до самаго завтрака ходилъ какъ бы завороженный нѣкоторыми магическими заклинаньями. Съ одной стороны—«сверхъ-пріятная во всѣхъ отношеніяхъ», а съ другой—«чрезмѣрно-одинокая». Говоря откровенно, посреди этой стражи я чувствовалъ себя, какъ между двумя пылающими жаровнями. Какъ между Этной и Везувіемъ! Ф-фу, мнѣ даже дѣлалось жарко, какъ подъ тропикомъ Козерога. Да! Клянусь Юпитеромъ!

Передъ обѣдомъ я уже былъ немножко влюбленъ. За обѣдомъ «сверхъ-пріятная» примерещилась мнѣ какъ живая со всѣми своими географическими подробностями. А послѣ обѣда я уже не выдержалъ и откликнулся на зовъ огнедышащей Этны, погибающей за отсутствіемъ Везувія. Я написалъ письмо, конечно же на пишущей машинкѣ, и опустилъ его въ почтовый ящикъ, прикасаясь къ нему какъ къ кратеру вулкана. Въ этомъ письмѣ я между прочимъ изобразилъ вотъ что:

— Обворожительная! Вы одиноки,—я одинокъ тоже. Вы—сверхъ-пріятны во всѣхъ отношеніяхъ, а я съ своей стороны не лишенъ также многихъ весьма осязательныхъ достоинствъ. Я молодъ и пылокъ. Давайте же познакомимся сперва при помощи письменныхъ знаковъ, а тамъ—будь что будетъ»!

Это письмо я подписалъ такъ: «уже начинающій васъ обожать

Везувій, къ сожалѣнію, лишенный Этны».

Итакъ, я завязалъ мою переписку съ обворожительной женщиной. И она отвѣтила мнѣ немедленно же, столь же краснорѣчиво и тоже на пишущей машинкѣ. А письмо свое на этотъ разъ она подписала такъ:

«Начинающая сильно тяготѣть къ вамъ, Этна, погибающая безъ Везувія». И такъ—Этна, погибающая безъ Везувія. Везувій, къ сожалѣнію, лишенный Этны. Кромѣ шутокъ, судя по нашимъ письмамъ, мы уже начинали понемногу терять наши головы отъ обуревающихъ насъ чувствъ. Впрочемъ, вначалѣ и мои да и ея письма все же звучали еще нѣкоторой дѣланностью и сухостью, но затѣмъ, но затѣмъ...

Иванъ Иванычъ снова восторженно высморкался и продолжалъ:

— Но затѣмъ кратеръ Этны изрыгнулъ на меня цѣлые вихри самой огнедышащей страсти. И Везувій отвѣчалъ ей тотчасъ же и тѣмъ же.

Этна безстрашно двинулась навстрѣчу своему Везувію. Встрѣча горъ производитъ потопъ, и мы пролили не мало чернилъ, изливаясь въ страстныхъ признаніяхъ. Наши письма стали длинны и пламенны. Да, мы уже, безъ сомнѣнія, любили другъ друга пламенно и бурно. Чортъ возьми, какъ же однако произошло все это? Какъ я могъ полюбить женщину, которую я и въ глаза не видѣлъ? Клянусь землетрясеніемъ въ Лиссабонѣ, я и самъ не умѣю отвѣтить на это съ должной точностью. Видимо, пути судебъ таинственны и чреваты самыми нелѣпыми неожиданностями. Впрочемъ, быть можетъ во всемъ этомъ чрезвычайномъ происшествіи отчасти повинны мои молодые годы. Какъ всѣмъ вамъ извѣстно,—добавилъ Иванъ Иванычъ скромно,—мнѣ вѣдь всего лишь 27 лѣтъ 72 мѣсяца и 3.589 дней.—Да-съ! Толечко!

Иванъ Ивановичъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Между тѣмъ, тутъ же въ скорости, моя бурнопламенная Этна писала мнѣ между прочимъ вотъ уже такъ:

— «О, мой диколюбимый Везувійчикъ! Ненаглядный! Единственный! Вѣришь ли, я уже не могу болѣе безъ тебя жить! Мой бурный потокъ, когда же я увижу тебя,

наконецъ? Горная лавина, о, когда же? Ахъ! ахъ! ахъ! Везувійчикъ, я отчасти виновата немного передъ тобою. Въ моемъ первомъ къ тебѣ письмѣ я писала: я пріѣзжая. Это не совсѣмъ вѣрно. Я дѣйствительно пріѣзжая, но пріѣхала я не издалека, а съ одной улицы на другую. Ну, хотя бы съ Фонтанки на Караванную. И только. И потомъ въ томъ же письмѣ я сообщала: я чрезмѣрно одинока. Это выраженіе тоже лишено строгой астрономической точности. Дѣло въ томъ, что я немножко замужемъ. Хотя мой мужъ, говоря откровенно, есть круглѣйшій идіотъ, грубѣйшая невѣжда и безчувственная ледяная сосулька. Конечно, онъ нисколько не можетъ мѣшать нашей любви, эта мумія. Но если ты скажешь мнѣ хотя полслова, о, мой вулканъ, я немедленно же разведусь съ нимъ! Кстати. Всѣ эти дни я напряженно думала: почему это отъ нѣкоторыхъ выраженій твоихъ безцѣнныхъ писемъ на меня вѣетъ чѣмъ-то забытымъ и безъ сравненія дорогимъ? И сегодня я разрѣшила эту загадку. О, мое божество, вѣдь это я о тебѣ мечтала всю мою жизнь, и это ты нашептывалъ мнѣ ихъ въ сладкихъ мечтахъ души моей. Обнимаю тебя, цѣлую. Жду, жду, жду!

Въ то же время и Везувій отвѣчалъ своей внезапно обрѣтенной Этнѣ приблизительно вотъ такъ:

— Безмѣрно любимая, Этночка! Сильфидочка, божество, великолѣпіе! Превосходная степень всѣхъ деликатесовъ! Люблю! Обожаю! Томлюсь по тебѣ ежеминутно! Мой котикъ, я тоже долженъ извиниться передъ тобой. Къ сожалѣнію, и въ мое первое письмо тоже вкрались нѣкоторыя неточности, моя горленка. Я тоже не совсѣмъ одинокъ. Я чуточку женатъ, обворожительная радость! Хотя и моя благовѣрная нисколько не можетъ мѣшать любви нашей, такъ какъ она есть по существу нелѣпѣйшая дура съ характеромъ кіевской вѣдьмы. Впрочемъ, скажи единое словечко, и я разведусь съ нею ради тебя, о, моя радуга! Кстати, какое удивительное совпаденіе! Вѣришь ли, отъ нѣкоторыхъ выраженій твоихъ брилліантовыхъ писемъ вѣяло на меня чѣмъ-то хорошо знакомымъ, хотя и забытымъ, чѣмъ-то до одуренія сладкимъ! Но ты разрѣшила мнѣ, впрочемъ, эту загадку, мой сладчайшій цвѣтокъ. Конечно, это происходитъ лишь оттого, что я вѣчно ношу тебя въ моемъ сердцѣ! О! о! о!

— Въ заключеніе,—говорилъ Иванъ Иванычъ послѣ нѣкоторой торжественной паузы.—я назначилъ ей свиданіе. Да-съ! Везувій и Этна наконецъ должны были встрѣтиться въ театрѣ, на заранѣе условленномъ и точно опредѣленномъ мѣстѣ. У пояса Этны должна была красоваться алая роза—символъ неугасимой любви, въ петлицѣ Везувія—бѣлый жасминъ, знакъ полнѣйшей невинности. О, какъ я ждалъ этой встрѣчи! Съ самаго утра я весь пылалъ отъ пожирающихъ меня чувствъ, будто въ моемъ сердцѣ были вмѣщены всѣ нефтяные источники всего міра. И вотъ Везувій наконецъ-то проникъ въ театръ въ поискахъ Этны. Я бурно двинулся къ заранѣе опредѣленному мѣсту, и внезапно превратился въ соляной столбъ. Нефтяные источники сразу же потухли въ моемъ сердцѣ, будто вывороченные оттуда до самаго корня. На заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ я увидѣлъ—кого бы вы думали? Манонъ Леско? Фрину? Мессалину? Madame Помпадуръ? Госпожу Кавальери въ обворожительной позѣ? Нѣтъ-съ! Я увидѣлъ собственную свою супругу Аглаю Марковну! У ея пояса была приколота алая роза—символъ Этны, хорошо приготовившейся къ землетрясенію, а на ея молодыхъ устахъ (ей всего-то, какъ вамъ извѣстно, 25 лѣтъ, 120 мѣсяцевъ, 5,788 дней)—а на ея молодыхъ устахъ—повторилъ Иванъ Иванычъ,—блуждала улыбка, показавшаяся мнѣ вполнѣ отвратительной. Между тѣмъ съ минуту вся ея фигура тоже напоминала собой болѣе фигуру супруги Лота послѣ того маленькаго несчастія, которое послужило ей гонораромъ за ея женское любопытство. А потомъ ея юныя уста (25 лѣтъ 120 мѣсяцевъ и 5.788 дней) разверзлись, и я чрезвычайно ясно услышалъ-таки подземный гулъ:

— Негодяй! Тоже входишь въ переписку съ порядочными женщинами!

И алая роза полетѣла въ мое лицо.

— Да-съ! Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло ограничилось только этимъ, ибо землетрясеніе въ Лиссабонѣ произошло уже позднѣе, на квартирѣ, посреди душу успокаивающей семейной обстановки, столь располагающей къ мирнымъ идилліямъ.

Иванъ Иванычъ вздохнулъ и добавилъ:

— Такъ-то мы развлекали себя съ супругой Аглаей Марковной перепиской до востребованія черезъ любезныя услуги почтоваго отдѣленія! *Ал. Будищевъ.*

Издательница О. П. Александрова. Редакторъ Н. В. Корецкій.

Ф. Розе. ИДИЛЛІЯ.

Байкалъ.

Окаймленный глухими лѣсами,
Межъ пустынныхъ, презрительныхъ скалъ,
Зачарованъ волшебными снами,
Успокоился грозный Байкалъ.

Сквозь далекую дымку тумана
Видны цѣпи синѣющихъ горъ;
Какъ палатки враждебнаго стана,
Ихъ нетронутый, снѣжный уборъ...

Въ вышинѣ, какъ титаны могучи,
Недоступныя дѣтямъ земли,
Поднимаются черныя кручи,
Гдѣ орлы себѣ кровъ завели.

И къ подножью утесовъ высокихъ,
Безпредѣльнымъ покоемъ великъ,
Съ поцѣлуемъ отъ братьевъ далекихъ
Приникаетъ безмолвно старикъ...

И невольно вопросомъ смущаетъ
Величаваго старца краса:
Небосводъ ли его отражаетъ—
Или онъ отразилъ небеса!

Петръ Муринскій.

Ф. Розе. ВЪ ЦВѢТАХЪ.

ФІАЛКА.

Въ блескѣ апрѣльскаго дня
Дышетъ Земля, просыпаясь...
Взглядомъ бездоннымъ огня
Смотритъ дитя, озираясь...
Черныя очи горятъ,
Точно у серны пугливой...
Алыя губки дрожатъ...
Кто ты, цвѣтокъ сиротливый?..
Кто тебя бросилъ въ толпу,
Въ грохотъ безумный столицы,
Въ мутный потокъ на борьбу?..
Кто ты, сіянье зарницы?..
Бархатъ бездонныхъ очей
Дышетъ чарующей лаской...
Въ будничной массѣ людей
Чудной сіяешь мнѣ сказкой!

Феей сіяешь лѣсной.
Съ личикомъ матово-блѣднымъ,
Черной обвита волной
Косъ, какъ сіяньемъ побѣднымъ.
Городъ затопчетъ тебя.
Чистую звѣздочку неба...
Городъ заманитъ губя...
Дастъ тебѣ горькаго хлѣба.
Въ ширь неоглядныхъ полей,
Въ темную хату родную
Ты уходи поскорѣй...
Сгубятъ фіалку лѣсную!
Бѣдный букетикъ съ росой
Робко дитя предлагаетъ...
О, мой цвѣтокъ полевой!..
Пусть тебя Богъ охраняетъ!

Ольга Маръ.

И. Куинджи. УКРАИНСКАЯ НОЧЬ.

СНЫ.

1. Даръ дьявола.

Однажды мнѣ снилось, что былъ я бѣднымъ фламандскимъ художникомъ среднихъ вѣковъ.

Можно спросить, почему именно фламандскимъ, но такой вопросъ, согласитесь, совершенно неумѣстенъ, когда рѣчь идетъ о снѣ.

Я чувствовалъ въ себѣ огромный талантъ, но жилъ бѣдно. Непомѣрный, удивительный талантъ чувствовалъ я въ себѣ, но мое несчастье было въ томъ, что другіе не хотѣли его признать во мнѣ; т. е., можетъ быть и цѣнили, но не желали оплачивать.

Вотъ такъ то сидѣлъ я разъ вечеромъ за столомъ и говорилъ себѣ съ грустью: «Что ты будешь дальше дѣлать, горемычный художникъ? Можетъ быть твои произведенія стяжаютъ тебѣ когда-нибудь славу, но зачѣмъ тебѣ слава, если на нее не купишь ни бархатнаго берета, ни холста для картины, ни красокъ, ни даже доброй кружки эля не выпьешь за цѣну своей славы. Удивительно нужна она тебѣ!»

Вдругъ я замѣтилъ, что напротивъ меня сидитъ странный худощавый человѣкъ и когтистыми пальцами скребетъ по столу. А глаза у него красные и горятъ, какъ уголья. А самъ онъ весь въ сѣромъ съ пунцовыми выпушками.

Вотъ я и спрашиваю его: «Кто ты, странный человѣкъ, и зачѣмъ пришелъ?»

А онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Я», говоритъ, «Дьяволъ, торгую богатствомъ, силой, славой, здоровьемъ, а покупаю души и грѣшныя дѣянія. Ты не знаешь, что дѣлать со славой, которая тебя ожидаетъ,—не хочешь ли промѣнять ее?»

«А что ты мнѣ дашь за славу, Дьяволъ?» спросилъ я.

«Дамъ я тебѣ за нее богатство: оно вѣдь тебѣ не безполезно».

Тутъ я и обрадовался, такъ сильно обрадовался своему счастью, что плохо помню, какъ мы и контрактъ подписали; а подписали какъ полагается—чистой кровью.

Я такъ расчувствовался, что даже сказалъ напослѣдокъ: «А знаешь, Дьяволъ, вѣдь я тебя, кажется, надулъ. Ну, что ты будешь дѣлать съ моей никуда не годной славой?» А онъ подмигнулъ мнѣ хитро своимъ кровавымъ глазомъ и говоритъ: «время покажетъ!»—да и провалился сквозь землю.

Вотъ и зажилъ я съ тѣхъ поръ превесело. Береты носилъ бархатные, самые

модные; домъ у меня былъ великолѣпнѣйшій, а въ комнатахъ по окнамъ стояли самые рѣдкіе и дорогіе тюльпаны. И слугъ было множество. Власти ко мнѣ благоволили, а самыя прекрасныя дамы города любили меня такъ нѣжно, что и двухъ жизней не хватило бы мнѣ, чтобы расквитаться съ ними сколько-нибудь прилично.

Какъ только израсходуются всѣ деньги, сяду за холстъ и напишу картину. И, знаете-ли, съ послѣднимъ мазкомъ она вдругъ исчезаетъ, а на мѣстѣ ея лежитъ груда золота; только во снѣ и встрѣчаются такіе гонорары.

Прожилъ я такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ (во снѣ вѣдь можно вѣчность прожить въ одну минуту); но вотъ, иду разъ по улицѣ и вижу, что въ лавкѣ стараго торговца картинами, Ванъ-Скирмунта, стоитъ группа цѣнителей искусства и о чемъ-то оживленно разсуждаетъ. Подошелъ я поближе О, Небо! вѣдь это расхваливаютъ мои картины, подписанныя чужимъ именемъ.

Тутъ-то я и пришелъ въ страшную ярость. А, проклятый Дьяволъ! торгуешь моей славой, купилъ на нее чью-то душу и грѣшныя дѣянія! Давай мнѣ обратно мою славу за что угодно!

Едва я это подумалъ, а онъ-то Сѣрый съ выпушками, и стоитъ передо мною. Подмигиваетъ кровавымъ глазомъ, усмѣхается. «Что-жъ», говоритъ, «отдай мнѣ свой талантъ, а я верну тебѣ славу».

Я и отдалъ.

Согласитесь сами—зачѣмъ мнѣ талантъ, о которомъ никто не знаетъ? Какая цѣна таланту, о которомъ никто не знаетъ?

Изъ осторожности все же спросилъ: «А ты не обманешь, Дьяволъ? Развѣ можно имѣть славу безъ таланта?»

Онъ даже разсердился:

«Глупый человѣкъ! дожилъ до сѣдинъ, а не знаетъ, что эти вещи вовсе не обязаны идти рука объ руку».

И дѣйствительно, съ этихъ поръ за мое золото люди такъ меня разславили, какъ только и можетъ во снѣ сниться. И художникъ-то я первый, и цѣнитель-то я лучшій, и нѣтъ-то мнѣ равнаго ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ и будущемъ. Откопали мои первые рисунки и назвали ихъ перлами. Правда, съ тѣхъ поръ я не могъ создать ни одного порядочнаго произведенія, но это было не важно: я чувствовалъ, что, пока у меня есть деньги, я обезпеченъ славой. А деньги не переводились: Сатана такъ устроилъ, что за одно мое имя, подписанное на картинѣ, люди платили бѣшеныя суммы.

Прожилъ я такъ во снѣ годика два, да и сталъ скучать; какъ Фаустъ сталъ я скучать—даже сильнѣе. Все слава да слава, богатство да богатство—согласитесь сами, не весело! А какъ только я загрустилъ, такъ и Сѣрый съ выпушками явился. Приходитъ по ночамъ, садится у меня въ ногахъ и рогатой головой качаетъ.

«Отдай, говоритъ, душу, а я возвращу талантъ».

Я, конечно, не соглашаюсь: вѣдь отъ таланта не станетъ веселѣе!

Такъ мы съ нимъ и торгуемся, иногда цѣлыми часами. А Нечистый грозитъ: «Не хочешь продать душу—все равно моя будетъ».

Вотъ является онъ разъ ночью, такой ласковый, и говоритъ: «Есть у меня дешевый товаръ, залежалый; не знаю, куда его сбыть—принесъ тебѣ».

«А почемъ онъ?» спрашиваю.

— «Да нипочемъ. Тебѣ по дружбѣ даромъ отдамъ».

«Вотъ какъ. Что же это такое?»

— «Это, говоритъ, совѣсть».

Я даже не сдержался отъ восторга.

«Какъ», кричу ему: «ты мнѣ даромъ даешь совѣсть? Дьяволъ, глупый Дьяволъ! Вѣдь это—божественный даръ, за который тебѣ любой человѣкъ благодаренъ будетъ!»

Подмигнулъ онъ мнѣ кровавымъ глазомъ, усмѣхнулся: «время покажетъ».

На томъ и порѣшили: Сѣрый съ выпушками исчезъ, а я получилъ совѣсть.

И къ утру я повѣсился.

Къ счастью—только во снѣ.

Дюлонъ.

ПРЕРВАННОЕ СВИДАНІЕ.

2. Фея.

Снилось мнѣ, будто я находился въ кабинетѣ знаменитаго общественнаго дѣятеля, друга угнетенныхъ, избранника народа, отважнаго борца за свои убѣжденія, неподкупность и благородство котораго были выше подозрѣній. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, а я стоялъ рядомъ, никѣмъ незамѣченный (Дѣло, видите-ли, было во снѣ, и мнѣ не трудно было оставаться невидимкой).

«Другъ мой», сказала мнѣ фея, молодая волшебница съ восхитительно-лукавымъ лицомъ, со смѣющимся взглядомъ. «Другъ мой», сказала она, слегка касаясь моего плеча (во снѣ вѣдь это очень просто: въ необходимую минуту фея всегда подъ рукою): «неужели ты думаешь, что на этомъ солнцѣ нѣтъ пятенъ»?

— «Я убѣжденъ въ этомъ», отвѣтилъ я. Она улыбнулась и сказала: «вотъ послушай». И, подойдя къ изумленному хозяину, остановилась передъ нимъ.

— «Я—фея», заявила она: «я все могу, чего бы ты ни пожелалъ».

— «Мнѣ ничего не надо», отвѣтилъ онъ, съ недоумѣніемъ осматривая гостью.

«Какъ ничего»? допытывалась фея: «тебѣ не надо богатства и власти? Только измѣни своимъ убѣжденіямъ, и ты ихъ получишь».

«Ни за что», сказалъ онъ твердо.

«И славы не хочешь? головокружительной славы, которая вознесетъ тебя надъ міромъ»?

«Мнѣ не надо такой славы», отвѣтилъ онъ просто

«Вотъ какъ! Но тогда, если ты для себя ничего не хочешь, можетъ быть желаешь чего нибудь для другихъ»?

«Да»! воскликнулъ онъ горячо, и глаза его заблестѣли одушевленіемъ: «Я желаю, чтобы мой народъ, нѣтъ—чтобы всѣ народы, весь міръ былъ свободенъ и счастливъ. Я желаю—чтобы не было насилія и неправды, не было злобы, голода, нужды и болѣзней, не было вражды, а была любовь. Я желаю—чтобы міръ былъ точнымъ отраженіемъ великаго и благостнаго Бога»!..

«Хорошо», сказала фея: «пусть будетъ по твоему, но съ однимъ условіемъ: все произойдетъ безъ твоего участія, и никто, рѣшительно никто во всей вселенной не будетъ знать теперь и не узнаетъ никогда—во вѣки вѣковъ—что міръ обязанъ своимъ счастіемъ тебѣ. Согласенъ»?

И фея пристально смотрѣла на него. Онъ долго молчалъ, вздыхая, и наконецъ медленно, съ трудомъ роняя слова и опустивъ голову, словно стыдясь самого себя, проговорилъ: «Я не могу принять твоего условія»...

Фея усмѣхнулась и, вернувшись ко мнѣ, взяла меня за руку.

«Теперь улетимъ», сказала она.

А такъ какъ это было во снѣ, то я, поднимаясь на воздухъ, отъ испуга проснулся.

3. Человѣкъ.

Мнѣ снилось...

Человѣка я видѣлъ — гордаго Человѣка, прекраснаго Человѣка. Какъ языческій богъ, красивъ былъ Человѣкъ, и люди, которые были вокругъ, восхищались имъ, Человѣкомъ, и завидовали ему—Человѣку.

Ему, прекрасному, какъ языческій богъ.

И гордились имъ—ибо воистину прекраснъ былъ Человѣкъ.

Человѣкъ былъ воистину прекраснъ.

Люди любили его—люди любятъ красивое. Мать любила его—вѣдь матери любятъ красивыхъ дѣтей.

Любила его жена—развѣ не былъ онъ прекраснымъ мужемъ?—и дѣти любили своего прекраснаго отца, Человѣка.

Всѣ любили Человѣка; онъ самъ любилъ себя.

Такъ жилъ онъ, Человѣкъ, и всѣ любили его — гордаго Человѣка, прекраснаго человѣка.

Бѣдный, бѣдный Человѣкъ! Онъ не видѣлъ, какъ злыя силы ополчились на его счастіе...

Онъ не видѣлъ.

Жестокую болѣзнь наслали она на Человѣка, и она обезобразила его, бѣднаго Человѣка, гордаго Человѣка.

Какъ исчадіе ада, какъ смѣхъ Сатаны, сталъ безобразенъ Человѣкъ; до мертвящаго ужаса сталъ онъ безобразенъ.

И все живущее боялось его.

Ибо воистину, ибо воистину сталъ безобразенъ Человѣкъ.

И, ужаснувшись, пошелъ онъ къ людямъ, которые были вокругъ него, но они разлюбили его.

Вотъ подошелъ онъ къ Глупымъ—и насмѣялись надъ нимъ Глупые; надъ нимъ—надъ нѣкогда прекраснымъ Человѣкомъ!

«Кто теперь можетъ любить тебя»? говорили они:

«Но ты годенъ для забавы».

Сказалъ имъ Человѣкъ: «Ваша любовь роняла бы меня, Глупцы!»—такъ сказалъ онъ, ибо гордъ остался Человѣкъ.

Къ Праведнымъ и Самодовольнымъ пошелъ онъ—и отогнали его Самодовольные и Праведные: «Проклятіемъ безобразія прокляло тебя Небо за грѣхи... Иди отъ насъ: мы не такіе»!

А онъ отвѣчалъ имъ: «Тошнѣе смерти мнѣ ваша праведность»! Такъ отвѣчалъ онъ—ибо гордъ остался Человѣкъ.

И къ Хитрымъ онъ пришелъ.

Ему обрадовались Хитрые. Обнимали его и лобызали его, безобразнаго Человѣка, они—Хитрые и Лукавые. А за спиной его вытирали руки, которыми обнимали, и уста, его лобызавшіе,—и смѣялись надъ нимъ.

Онъ же замѣтилъ это.

«Вы недостойны меня, лицемѣры»!—сказалъ имъ Человѣкъ—ибо онъ остался гордъ.

Къ матери своей онъ пришелъ. И рыдала надъ нимъ мать, и качала сѣдой головой. Ласкала его мать и орошала слезами.

Человѣкъ же сказалъ, посмотрѣвъ на нее пристально: «Зачѣмъ ты—о, мать моя!—стараешься любить меня? Вѣдь ты меня только жалѣешь»!—И ушелъ—ибо остался гордъ.

Увидѣла Человѣка жена его—и въ рыданіяхъ упала ницъ; и дѣти разбѣжались, увидя безобразнаго отца своего—Человѣка.

Дѣти разбѣжались отъ бѣднаго Человѣка. Молча онъ ушелъ отъ нихъ — ибо былъ гордъ.

Я видѣлъ его—какъ бѣжалъ онъ по пустынѣ, и зловѣщая Луна издѣвалась надъ нимъ. Огромная и желтая, издѣвалась Луна надъ бѣднымъ Человѣкомъ, и собственная тѣнь его гналась за нимъ по пятамъ, и кривлялась, и дразнила его.

Степныхъ шакаловъ онъ встрѣтилъ — и разбѣжались въ ужасѣ шакалы; цикады замолкли и разлетѣлись. Цикады замолкли.

И скорпіоны и фаланги — которыхъ много въ пустынѣ — и ящерицы притаились отъ страха при видѣ безобразнаго Человѣка.

Ибо поистинѣ до ужаса безобразенъ былъ Человѣкъ.

Вотъ добѣжалъ Человѣкъ до свѣтлаго озера. До спокойнаго озера добѣжалъ Человѣкъ. И въ отчаяніи безмѣрномъ воскликнулъ Человѣкъ: «О, Міръ, преисполненный скорбью отъ Земли до Неба! О, Земля, насыщенная ненавистью къ безобразію! Есть-ли хоть кто нибудь, кто еще любилъ бы меня, прежде любимаго»?

И увидѣлъ Человѣкъ свое отраженіе. Свое отраженіе въ озерѣ увидѣлъ Человѣкъ.

И, склонившись на колѣни, съ неподдѣльной любовью прильнулъ къ нему Человѣкъ.

Съ неподдѣльной любовью Человѣкъ прильнулъ къ своему отраженью.

Духъ Озера замѣтилъ Человѣка.

Сказалъ Человѣку Духъ Озера:

«Мнѣ тебя жаль, я помогу тебѣ. Вспомни всѣхъ красивыхъ, безупречныхъ, которыхъ ты когда либо видѣлъ. Хочешь—я сдѣлаю тебя однимъ изъ нихъ»?

Гордо отвѣчалъ ему Человѣкъ, бѣдный, нѣкогда прекрасный Человѣкъ:

«Не надо! Я нашелъ одного, который меня не разлюбитъ. Я нашелъ одного. Безобразнымъ я хочу быть, Духъ, но самимъ собою»!

Гордъ былъ Человѣкъ. Остался безобразнымъ, но самимъ собою Человѣкъ.

Мнѣ снилось... *М. Дазанъ.*

Е. Дели. ВЕСНА.

Въ большомъ каменномъ домѣ.

Разсказъ. (*Окончаніе*).

* * *

Промелькнуло короткое сѣверное лѣто. Наступило царство золотого листа, потомъ и этотъ кружевной золотой листъ сталъ падать, чернѣть и гнить. Прошелъ великій еврейскій праздникъ „Іомъ-Кипуръ“ (ссудный день), и снова наступила злая холодная зима. Надъ городомъ летали безпощадные зловѣщіе призраки горя, болѣзни и смерти, и были похожи они на чудовищныхъ птицъ съ распростертыми большими сѣрыми крыльями, метавшихся въ разныхъ концахъ столицы, хищнымъ взоромъ высматривающихъ себѣ добычу.

Въ большомъ каменномъ домѣ попрежнему, словно черви, кишѣли бѣдняки. Тамъ рождались, умирали, женились, пьянствовали и ругались. Попрежнему, каждое утро, на разсвѣтѣ, стая барышниковъ отправлялась въ театръ за билетами. Василиса все сидѣла на своемъ тюфякѣ и ворчала. Маленькій Игнашка рѣзвился во дворѣ, забывъ свою подругу-пѣвунью. И съ каждымъ днемъ все худѣлъ и худѣлъ длинный Паша, а рядомъ въ подвалѣ—одиноко скорбѣли Авраамъ и Ривка.

Велико было ихъ горе. Исчезла ихъ гордость. Улетѣла ихъ будущая золотая старость! Еще больше почернѣлъ и осунулся Авраамъ. Безъ ропота покорился онъ еще новому ужасному несчастью, только сухія синія губы его шептали безконечныя молитвы. По цѣлымъ днямъ плакала и причитывала Ривка. Въ минуту отчаянія, билась головой она о стѣну, проклиная Леонардо. Онъ—одинъ, злая собака, зналъ, гдѣ находится ихъ красавица-Розка. Но старый плутъ исчезъ одновременно съ ней, и найти его было невозможно, онъ такъ ловко скрывался подъ разными видами въ самыхъ отдаленныхъ тайныхъ притонахъ Петербурга, какъ скрывается многоногое насѣкомое въ расщелинахъ стараго дома. А кто приметъ участіе въ несчастіи бѣдныхъ, всѣми презираемыхъ евреевъ?

Въ декабрѣ потянулись сильные морозы. Весь городъ заковался въ ледяную кору. На бѣлой пеленѣ снѣга запылали кровавые языки уличныхъ костровъ, и, вокругъ этого единственнаго пріюта тепла, сбирались мальчики-газетчики, торговки яблоками, замершіе извозчики, нищіе, подходилъ и самъ городовой.

Къ вечеру, пушистые хлопья снѣга переставали кружиться. Въ неподвижно застывшемъ воздухѣ зловѣще трещалъ одинъ морозъ. Что-то большое, ледяное и сильное властно надвигалось на встрѣчу человѣку, протягивая къ нему свои мертвыя

свинцовыя объятія, цѣпкими ледяными пальцами больно хватая его за носъ, уши, щеки.

Въ одинъ изъ такихъ морозныхъ вечеровъ, въ ворота большого каменнаго дома, проскользнула женская маленькая фигура, и была похожа она на трепетную легкую тѣнь. Она вошла въ темный корридоръ, остановилась и тихо постучала въ дверь портного.

Ривка сама ей открыла, и вдругъ крикъ радости вмѣстѣ съ крикомъ испуга вылетѣли изъ ея груди.

Блѣдный, какъ полотно, поднялся со своей скамьи Авраамъ.

— Розка! Ты-ли это, дитя мое!—всплеснула руками Ривка,—что стало съ тобою?

Нѣтъ, то была не красавица Розка, то былъ лишь ея трепетный призракъ! На страшно исхудаломъ посинѣломъ ея личикѣ горѣли одни громадные черные глаза—горѣли голодомъ и тоскою. Блѣдныя губы сложились въ скорбную улыбку. Прелестныя шелковистыя кудри обледенѣли, слиплись и космами торчали во всѣ стороны. На ней былъ надѣтъ теплый платокъ, накинутый сверху синяго шерстяного платья, загрязненнаго и разодраннаго во многихъ мѣстахъ, съ повисшими внизъ заиндѣвѣвшими кружевами.

Она вся дрожала, и зубы ея стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— О, мать моя и отецъ мой!—простонала она—Вотъ... я опять вернулась въ свой родной домъ.

И она тихо опустилась къ ногамъ Ривки, та бросилась къ ней, стараясь поднять ее съ пола дрожащими руками.

— Дитя мое! Гдѣ ты была?

— О, мама!—стонала дѣвочка,—уложи меня скорѣе въ постель, и... дай мнѣ выпить чего-нибудь горячаго! Мнѣ такъ холодно и... тяжело!

Она закашлялась глухимъ груднымъ кашлемъ.

— Я... вамъ все разскажу. Только скорѣе согрѣйте меня!

Ривка подхватила ее на руки, какъ перышко, уложила ее на свою постель, закутавъ сверху ваточнымъ старымъ бурнусомъ. Потомъ, доставъ немного водки, дала ей выпить.

Розка немного отошла. Авраамъ съ Ривкой склонились надъ ней. Дѣвочка привстала съ постели и, прижавшись головой къ груди матери, обняла ее за шею.

— Прости меня... моя мать и мой отецъ! Я ушла отъ васъ... – тихо, слабымъ тоскующимъ шопотомъ, говорила Розка.—Но... мнѣ было такъ тоскливо и трудно вѣчно сидѣть въ нашей темной комнаткѣ. Что-то давило въ грудь. Потомъ, разъ, когда я побывала въ театрѣ, я вдругъ рѣшила, что я не дочь ваша, что моя родина Италія, что меня, какъ ту дѣвочку Миньону, которая тогда пѣла въ театрѣ, кто нибудь завезъ въ Петербургъ и подбросилъ вамъ, оттого я такъ тоскую безъ свѣта и тепла, Леонардо меня въ томъ увѣрилъ...

— Розка, Розка! Ты наше единственное ненаглядное дитя, посланное намъ Великимъ Богомъ, что думала ты, несчастная!—всплеснула руками Ривка.

— Да, онъ мнѣ сказалъ, что повезетъ меня къ одному знакомому, который беретъ такихъ дѣвочекъ, какъ я, отвозитъ ихъ въ Италію и обучаетъ пѣнію, потомъ изъ нихъ выходятъ такія важныя пѣвицы, какихъ я слышала въ Маріинскомъ театрѣ. Я бѣжала съ нимъ...

— О, подлецъ онъ, злая собака!

— Онъ меня обманулъ, онъ просто продалъ меня этому страшному блѣдному человѣку съ рыжей бородой и злыми глазами. Онъ былъ тоже еврей, но только страшно злой еврей. Кромѣ меня, у него было еще нѣсколько дѣвочекъ, все такихъ же лѣтъ.

Онъ ихъ заманивалъ различными обѣщаніями, или просто ихъ скупалъ, а потомъ онъ насъ повезъ, но вовсе не въ Италію, а въ разные русскіе города. Мы тамъ давали представленія—пѣли, танцовали, играли въ комедіяхъ. Онъ самъ насъ училъ, и обращался съ нами очень гадко. Когда мы его не понимали, онъ билъ насъ по щекамъ, и не давалъ по два дня ѣсть. Мы часто плакали, призывали нашихъ родителей. Лѣтомъ мы представляли въ садахъ. Послѣ каждаго спектакля, къ намъ приходили мужчины—молодые и старые, усаживали насъ за столы и угощали конфектами, фруктами, пивомъ. Нѣкоторымъ дѣвочкамъ это нравилось, онѣ кокетничали съ ними, громко смѣялись и шалили, а мнѣ они были противны. Я молчала и смотрѣла на нихъ изподлобья: Рыжій за это меня ругалъ и билъ. О, какъ я его ненавидѣла!—страстно проговорила дѣвочка.—Охъ, больно! схватилась она за грудь.—Трудно... больно мнѣ дышать, я сейчасъ доскажу.—Зимой мы поѣхали въ Новороссійскъ, такой маленькій городъ... тамъ плещетъ и воетъ, какъ звѣрь, страшное черное море, и вѣчно гудитъ буря. Тамъ... тоскливо. Рыжій снялъ маленькій театрикъ, похожій на сарай. Я стала исполнять главныя роли, потому что считалась самой хорошенькой дѣвочкой въ труппѣ и умѣла пѣть. Мнѣ очень хлопали. Однажды, послѣ представленія „Бѣлоснѣжка“ въ антрактѣ Рыжій привелъ ко мнѣ господина—отвратительнаго старикашку, слюняваго съ синей оттопыренной губой, и черепъ у него былъ совершенно голый. Онъ схватилъ мою руку и сталъ цѣловать своими мокрыми, какъ лягушка, губами сначала мою ладонь и еще выше, въ локоть, потомъ поцѣловалъ мою обнаженную шею. Я плюнула и топнула на него ногой. Въ слѣдующій антрактъ онъ опять явился и принесъ мнѣ коробку конфектъ—я разбросала всѣ конфекты по полу, а Рыжій за это меня крѣпко побилъ и на два дня заперъ въ чуланъ.

— Кто былъ этотъ негодный старикъ? Еврей или христіанинъ?—спросила ее Ривка.

— Онъ былъ русскій. Черезъ три дня онъ опять явился, но уже послѣ спектакля... сталъ уговаривать меня куда-то ѣхать съ нимъ. Я испугалась и стала отказываться. Пришелъ Рыжій и сказалъ мнѣ, что если я не поѣду съ этимъ господиномъ, онъ изобьетъ меня до полусмерти. Я заплакала...

Меня укутали большимъ платкомъ и старикъ привезъ меня въ какую-то гостинницу, тамъ онъ взялъ „№“ и приказалъ подать ужинъ и вина. Я ничего не ѣла и не пила и все плакала и дрожала. Старикъ скоро напился, оловянные глаза его стали совсѣмъ маленькіе, онъ засопѣлъ, и вдругъ сталъ обнимать и цѣловать меня. Я замерла отъ отвращенія, и... вдругъ я почувствовала, что онъ сталъ осторожно разстегивать мое платье, его крючковатые холодные пальцы щекотали мое тѣло.

— И... что-же?! ты погибла? Отвѣчай мнѣ, Розка?—трясла ее за плечо Ривка.

— Онъ погубилъ тебя, проклятый христіанинъ! Тогда ты не дочь намъ!

— О... нѣтъ, я больно укусила его за палецъ, и такъ стала кричать, что крики мои услышалъ, проходившій по корридору, пріѣзжій. Дверь заставили открыть и... меня освободили. Только къ Рыжему я не вернулась, я боялась, что онъ убьетъ меня. Я схватила мой платокъ и побѣжала на вокзалъ—онъ находился за три версты отъ города, и было грязно и очень темно. Мелкій дождь хлесталъ меня по лицу, вѣтеръ сшибъ меня съ ногъ, но я все-таки добѣжала до вокзала. Оставалось полчаса до отхода ночного поѣзда. Въ залѣ I класса я увидѣла старушку-даму съ такимъ добрымъ хорошимъ лицомъ—я подошла къ ней и все разсказала... Она и еще одинъ добрый господинъ купили мнѣ билетъ III-го класса и дали немного денегъ. Нѣсколько дней я ѣхала. Въ вагонѣ, въ одномъ платьѣ, было холодно, я дрожала и почти ничего не ѣла, я потеряла деньги, и... страшно боялась пересадокъ. Ночью

меня мучалъ кашель и больно ныла грудь, я сцѣпляла зубы, чтобъ не кричать отъ боли. Наконецъ я доѣхала сюда... Охъ, больно, внутри меня все горитъ, мнѣ тяжело и больно дышать...

И она заметалась, задохнувшись отъ кашля. Опустивъ голову на подушку, она впала въ забытье.

Извѣстіе, что вернулась дочь портного, скоро облетѣло весь большой домъ, и комната наполнилась народомъ. Прибѣжали еврейки-женщины, ихъ дѣти, мужья, пришли сосѣди, приплелась, опираясь на свою крюку, Василиса. Уцѣпившись за подолъ ея юбки, глядѣлъ большими испуганными глазами проснувшійся Игнашка.

На минуту въ комнатѣ царило глубокое молчаніе. Съ жутко-молчаливымъ вниманіемъ взоры всѣхъ были устремлены на исхудалое, мертвенно-блѣдное покоющееся личико бѣдной Розки.

Тихо плакали, тихо охали, сморкались и вздыхали...

Прервала молчаніе Василиса.

— Не слушали меня, старую ворчунью! Не слушали!—глухимъ надтреснутымъ голосомъ говорила она, съ упрекомъ смотря на Ривку,—ну, гдѣ-же ваша красавица Розка, гдѣ ваша пѣвунья? Что сдѣлалось съ ней, съ вашимъ ребенкомъ, гдѣ богатый женихъ ея? Хоронили, хоронили ее въ вашей темной конурѣ безъ свѣта и воздуха, а пришелъ злой волкъ Леонардо и съѣлъ ее. Что взяли? Говорила я вамъ, слѣпцамъ, гоните вонъ стараго плута, собаку!

— Охъ, Господи, Господи! Грѣшный мой старый языкъ, но, почему такъ жестоко наказуешь ты насъ!—сокрушенно произнесла она, и горе, глубокое горе, прозвучало въ ея старческомъ голосѣ.—Ты, Создатель, посылаешь дѣтей, намъ—подвальнымъ бѣднякамъ, не для утѣхи и радости, а на новое несчастіе, на новое горе! И... этого счастья мы лишены... Бѣдныя наши дѣти, наши крошки, бѣдные наши сироты!—горестно говорила она, нѣжно гладя рукой бѣловолосую головку, уцѣпившагося за ея юбку, маленькаго Игнашки.

И... вдругъ голосъ ея осѣкся, слезы хлынули изъ ея старческихъ потухшихъ глазъ.

И плакали всѣ, находящіеся въ комнатѣ.

Рыдала Ривка, низко опустивъ голову въ руки, въ неподвижной позѣ сидѣлъ Авраамъ. Не плакала одна Розка. На блѣдномъ лицѣ скорбно-болѣзненное выраженіе вдругъ разсѣялось, какъ облако, испуганное внезапно-налетѣвшимъ порывомъ вѣтерка. Счастливая улыбка скользнула по ея сомкнутымъ губамъ, и лучи радости, словно лучи солнца, освѣтили ея прелестныя, покоющіяся въ забытьѣ, черты. Казалось, во снѣ, словно на яву, она увидала наконецъ чудное вѣчно синее небо, озаренное лучами никогда неизсякаемаго источника свѣта.

А изъ слѣдующей комнаты, облокотившись на локоть, напряженно лихорадочными глазами смотрѣлъ на нее Паша. Много дней, какъ онъ не ходилъ на фабрику. На его худенькомъ, съ кулачокъ маленькомъ лицѣ, глядѣли только сѣрые воспаленные глаза,—сіяющіе кротостью и страданіемъ.

Мальчикъ будто чувствовалъ, что у него и у Розки одна теперь дорога—вѣрный путь въ шатеръ вѣчнаго сіянія, тепла и правды.

Спустя сутки, за день до Рождества, въ большомъ каменномъ домѣ оказалось два покойника,—то были Розка и Паша.

Любовь Аверкіева.

Л. Комеръ. ОДАЛИСКА.

* * *

Я пойду на тихія долины,
Сяду у родимыхъ береговъ—
Безъ оковъ,
Безъ кручины.
И скажу я родинѣ: ты рада?
Я—бѣглецъ изъ каторжной тюрьмы,
Я изъ тьмы,
Я изъ ада...
Вотъ пришелъ и легъ на грудь родную,
И отвѣтной ласки я хочу,—
И грущу,
И ревную...
Принимай же сына, мать родная,—
Рвался онъ всю жизнь, на зло судьбѣ,
Все къ тебѣ,
Дорогая...
Умереть—на тихія долины,
У родимыхъ, тихихъ береговъ...
Безъ оковъ,
Безъ кручины...

Л. Косуновичъ.

I. Ави. ВЪ УГАРѢ.

Бродяга.

Разсказъ. (Съ французскаго).

Мнѣ было одиннадцать лѣтъ. Мы жили въ старомъ, маленькомъ замкѣ нашего родового имѣнія; дѣла отца были страшно запутаны и поправились только послѣ смерти богатой тетки. Въ ожиданіи же наслѣдства мы еле-еле перебивались скуднымъ доходомъ съ разореннаго революціей, когда-то богатаго помѣстья.

Нашъ полуразрушенный замокъ былъ изъ розоваго песчаника; кромѣ главнаго зданія сохранились два косыхъ флигеля и восьмиугольная башня, на которой были часы, по какому-то чуду продолжавшіе скрипѣть, показывать время и даже отбивать тактъ, но звукъ этотъ болѣе напоминалъ удары въ пустой котелъ или хриплый кашель, чѣмъ звонъ часовъ.

Какъ бы то ни было, мы были счастливы, т. е. я говорю о мамѣ, сестрѣ Анѣ и себѣ, потому что отецъ всегда былъ озабоченъ, вѣчно въ тревожномъ состояніи.

Прислуживала намъ старуха лѣтъ шестидесяти, бодрая еще и преданная. Она отказывалась отъ вознагражденія, просила только держать ее до смерти, а затѣмъ похоронить и непремѣнно положить на ея могилу сѣрую мраморную плиту съ надписью

Кромѣ нея былъ еще садовникъ, хромой и глухой. Онъ завѣдывалъ садомъ и огородомъ. Мы получали часть фруктовъ и овощей, остальные онъ продавалъ въ свою пользу за труды. Онъ былъ добрый и честный человѣкъ, но страшно скупой. Поговаривали, что онъ скопилъ небольшую сумму, съ которой не разставался. Онъ былъ нашимъ сторожемъ, когда отецъ уѣзжалъ по дѣламъ и спалъ въ нижнемъ этажѣ, въ глубинѣ дома. Была у насъ еще старая собака, сенъ-бернаръ, еле волочившая ноги и совсѣмъ беззубая.

Однажды отцу пришлось ѣхать по дѣламъ въ Марсель. Это было очень не кстати, такъ какъ въ окрестностяхъ появилась шайка бандитовъ, грабившихъ, а главное убивавшихъ свои жертвы съ утонченной жестокостью, дубинкой или молоткомъ; иногда они душили ихъ веревкой, видимо находя удовольствіе въ агоніи страдальцевъ. Сосѣди разсказывали ужасы объ этихъ разбойникахъ, и отецъ покидалъ насъ въ страшной тревогѣ. Онъ велѣлъ хорошо запираться на ночь и вообще принимать всѣ предосторожности. Мы не очень-то безпокоились, я говорю не о насъ, ребятахъ, но о старшихъ; мать была черезчуръ большой оптимисткой, старая Катерина очень скоро все забывала, а садовникъ сильно разсчитывалъ на старый заржавленный револьверъ и на

свою беззубую собаку. Но все-же мы старательно запирались, чтобы въ домъ нельзя было проникнуть.

На третій день послѣ отъѣзда отца, въ сумерки, къ намъ во дворъ зашелъ бродяга, попросившій кусокъ хлѣба и позволеніе переночевать.

Видъ этого человѣка не внушалъ довѣрія: высокій, худой, но видимо очень сильный, это былъ не только типичный бродяга, но и человѣкъ съ крайне отталкивающей физіономіей. Желтые, косые глаза, необыкновенно блестящіе, искривленный ротъ, щеки покрытыя рыжей щетиной, заросшій лобъ—все это было ужасно.

Мать и Катерина сразу испугались его, дали ему четверть хлѣба и старались его выпроводить. Бродяга обратилъ ихъ вниманіе на проливной дождь.

— Онъ будетъ лить всю ночь, прохрипѣлъ онъ. Я на ногахъ съ самой зари. Неужели вы со мной поступите, какъ съ волкомъ? Жалко вамъ охапки соломы, что ли?

Онъ увидалъ шалашъ, куда складывали садовые инструменты.

— Позвольте мнѣ уснуть тамъ! Я никого не обезпокою.

Онъ былъ одинъ. Съ нашей стороны былъ садовникъ, старый песъ и храбрая Катерина; она съумѣла бы защищаться, въ случаѣ чего, кочергой или кухоннымъ ножомъ.

Мать согласилась.

— Хорошо, сказала она, вамъ положатъ тюфякъ.

Съ чердака снесли сѣнникъ и положили въ шалашъ.

Поужинавъ, улеглись и мы въ свою очередь.

На разсвѣтѣ, я проснулся отъ какого-то крика и лая. Я всю жизнь буду помнить этотъ крикъ, это было что-то ужасное. Это былъ крикъ страшной боли, полный ужаса, жалкій... затѣмъ задушенный... Я хорошо понялъ, что это крикъ смерти! Онъ скоро прекратился; лай собаки перешелъ въ зловѣщій вой, затѣмъ стонъ... и наступило молчаніе. Въ это время, къ моей кроваткѣ подбѣжали мать и старая Катерина. Онѣ были страшно блѣдны, зубы ихъ стучали отъ страха. Мать держала за руку Аню. Катерина вытащила меня изъ кровати и сказала, дрожа и съ трудомъ выговаривая:

— Скорѣе, Петя, скорѣе, бѣжимъ!

Мы побѣжали по корридору въ лѣвый флигель, сбѣжали съ лѣстницы, переступили порогъ дома и пустились бѣжать черезъ садъ. Мы разсчитывали, что, выбѣжавъ изъ сада, спасемся у кого-нибудь изъ сосѣдей, и что бандиты потеряли насъ изъ вида.

Но за нами раздались шаги. Обернувшись, я увидалъ троихъ людей: одинъ держалъ молотокъ, покрытый кровью, другой — большую дубинку, третій — веревку и лопату. Я такъ ясно понялъ драму, въ которой участвовалъ, какъ будто сталъ вдругъ взрослымъ человѣкомъ: насъ убьютъ, какъ убили тѣхъ, о которыхъ разсказывалъ отецъ, какъ убили собаку и садовника; крикъ послѣдняго я слышалъ все время, онъ раздавался у меня въ ушахъ и я буду слышать его до смерти, намъ разобьютъ черепа дубинкой или молоткомъ, можетъ быть задушатъ веревкой... Ужасъ этой минуты... эти двѣ слабыя женщины... двое дѣтей, бѣгущіе черезъ садъ, спасаясь отъ убійцъ... эта агонія... мнѣ стоитъ только закрыть глаза и вся сцена воскресаетъ въ моей памяти, какъ будто это происходило только вчера и мозгъ стынетъ въ моихъ костяхъ, какъ тогда въ ту страшную минуту... Развязка была неизбѣжна. Бандиты были сильны и молоды; самая проворная между нами, моя мать, была бы настигнута ими въ пять минутъ, будь она одна, а тутъ ей приходилось тащить Аню. Шаги были уже близки; убійцы не старались даже насъ обманывать, они нагло подшучивали надъ нами:

— Напрасный трудъ, моя голубушка! Мы еще побесѣдуемъ съ вами раньше, чѣмъ васъ повѣсимъ!

Эти слова дали какую-то ужасную надежду моей матери; она увидѣла возможность спасти насъ, пожертвовавъ собой.

— Спаси дѣтей,—сказала она Катеринѣ и, бросивъ мою руку, остановилась лицомъ къ лицу передъ тремя мужчинами. Я слышалъ ихъ наглый хохотъ, ноги мои дрожали, глаза затуманились, мнѣ стало такъ холодно, я чувствовалъ, что умираю...

Вдругъ, изъ-за кустовъ появилась высокая, худая человѣческая фигура, я узналъ въ ней ночевавшаго у насъ бродягу. Онъ держалъ въ рукѣ топоръ; онъ тихо, но грозно смѣялся. Онъ быстро, какъ молнія, бросился на разбойниковъ. Одинъ изъ нихъ покатился на землю съ головой почти отдѣленной отъ туловища: другой опустился на землю съ разбитыми челюстями, третій, вооруженный дубиной, имѣлъ время приготовиться и защищаться. Но скоро дубина вылетѣла у него изъ руки, и самая рука оказалась отрубленной...

Художникъ.

(съ еврейскаго).

Онъ проходилъ мимо большого стараго дома на длинной, бѣдной, шумной улицѣ. Въ дверяхъ одной изъ нижнихъ квартиръ стояла молодая бѣдная женщина съ ребенкомъ на рукахъ, и оба, мать и дитя, смотрѣли куда-то далеко-далеко, черезъ высокіе дома, черезъ фабричныя трубы, черезъ густой дымъ, выходившій изъ трубъ...

И во взорахъ обоихъ выражалась нѣмая мольба:

«Возьми насъ туда, туда! Здѣсь намъ тяжело, мы задыхаемся безъ воздуха, безъ свѣта!..»

И въ ихъ взорахъ была печаль, горе, тоска.

— Это само несчастіе—подумалъ художникъ.—Какъ прекрасна, какъ трогательна эта картина! Боже мой!

На него снизошло вдохновеніе; онъ еще разъ посмотрѣлъ на живую картину и увидѣлъ тѣ же взоры, ту же печаль, ту же мольбу: туда, туда! и, словно гонимый, таинственной силой, онъ побѣжалъ домой.

— Я создамъ картину! — воскликнулъ онъ,—входя въ свою мастерскую.

И три дня онъ какъ будто былъ прикованъ къ полотну, три дня не ѣлъ, не пилъ, никого не видѣлъ: онъ хотѣлъ создать картину, какую видѣлъ въ бѣдной шумной улицѣ.

И это ему удалось!

Когда она была готова, онъ смотрѣлъ на нее съ внутренней радостью, онъ былъ счастливъ, его глаза сіяли, онъ, казалось, создалъ себѣ не картину, а счастье.

Онъ назвалъ картину «Несчастье» и послалъ ее на выставку.

Критики отмѣтили картину: ей удивлялись; публика восхищалась. Знатокъ, и къ тому же богачъ, купилъ ее за большія деньги.

— Вы обезсмертили себя! — сказалъ ему на другой день извѣстный критикъ— ваша картина будетъ вѣчно жить!

И художникъ словно былъ опьяненъ счастьемъ: онъ создалъ шедевръ.

Но, когда онъ немного отрезвился отъ перваго счастья, его стала посѣщать ядовитая мысль.

— Гдѣ бѣдная женщина съ ребенкомъ?

Немного спустя мысль сдѣлалась еще ядовитѣе:

— Картина на полотнѣ безсмертна; но какова живая картина, тамъ въ бѣдной улицѣ?

И мысль становилась все назойливѣе, она не давала ему покоя, не давала ему творить.

Его потянуло туда, въ ту улицу, ему хотѣлось снова увидѣть бѣдную женщину.

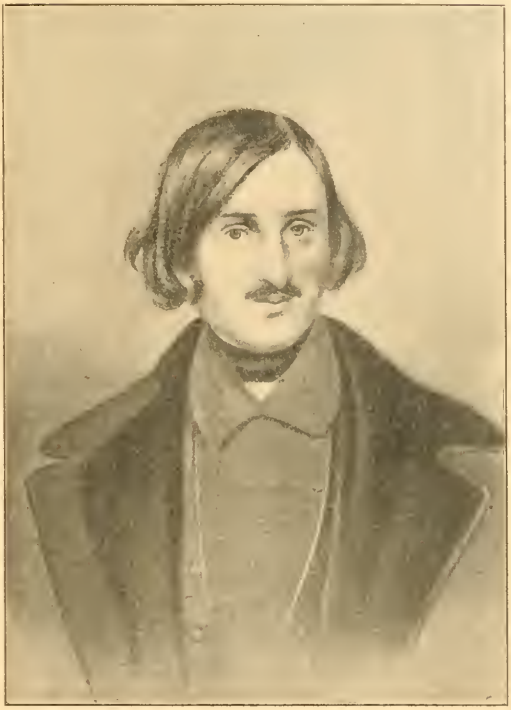
Но увы! Женщины, что такъ красиво смотрѣла въ даль съ своимъ маленькимъ ребенкомъ, тамъ уже не было.

— Гдѣ она? Гдѣ она?—въ отчаяніи спрашивалъ онъ о ней.

— Кто знаетъ? — холодно отвѣтили ему.

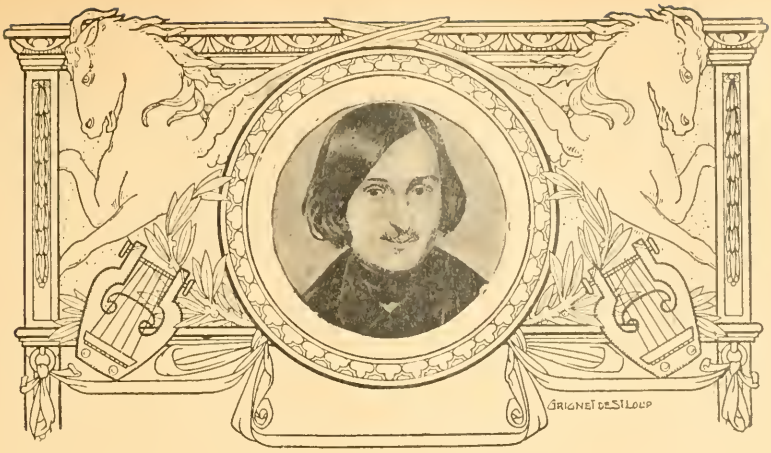
— Ха ха-ха!— дико расхохотался онъ, возвратившись домой: мертвая картина на полотнѣ будетъ жить вѣчно, а она сама, съ сердцемъ, съ чувствами, исчезла, никто не знаетъ даже, гдѣ ея прахъ, никто не будетъ знать даже ея имени.. Ха-ха-ха!..

«Пр. К.».



НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

(Къ столѣтію рожденія).



Послѣдніе дни Гоголя.

Въ іюльской книгѣ журнала «Минувшіе Годы» напечатаны замѣтки о послѣднихъ дняхъ жизни Н. В. Гоголя, взятыя изъ записной книжки Вѣры Сергѣевны Аксаковой, старшей дочери автора «Семейной хроники» и «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука» (родилась въ 1819 году, умерла въ 1864 году). Объ отношеніяхъ Гоголя къ семьѣ Аксаковыхъ разсказано подробно С. Т. Аксаковымъ въ «Исторіи моего знакомства съ Н. В. Гоголемъ».

... 30-го января 1853 года. Ровно годъ тому назадъ, вечеромъ пріѣхалъ Гоголь къ намъ въ маленькій домъ, въ которомъ мы тогда жили. Гоголь взошелъ и, на нашъ вопросъ о здоровьѣ, сказалъ:

— Я теперь успокоился, сегодня я служилъ одинъ въ своемъ приходѣ панихиду по Катеринѣ Михайловнѣ; помянулъ и всѣхъ прежнихъ друзей, и она, какъ бы въ благодарность, привела ихъ такъ живо всѣхъ передо мной. Мнѣ стало легче.

На наши слова, что онъ не былъ на вчерашней церемоніи, онъ отвѣчалъ: «Я не не былъ въ состояніи». [1]).

Вполнѣ помню, онъ тутъ же сказалъ, что въ это время ѣздилъ далеко.

— Куда же?

— Въ Сокольники.

— Зачѣмъ?—спросили мы съ удивленіемъ.

— Я отыскивалъ своего знакомаго, котораго, однако же, не видалъ.

Разговоръ, разумѣется, касался большею частью Хомякова. Гоголь спрашивалъ, сколько его женѣ было лѣтъ, и вдругъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ?

— А вамъ сколько?

— Тридцать три,—сказала я.

— А, такъ вы ровесница.

Гоголь, въ самомъ дѣлѣ, былъ какъ-то спокойнѣе.

1 февраля, — это была пятница 1852 года, — принесли намъ поутру корректуру «Ревизора», но, такъ какъ братья уѣхали въ деревню, я не знала, что съ ней дѣлать и послала ее съ запиской къ Гоголю. Въ 12 час. утра онъ пришелъ самъ.

— Что значитъ: я получилъ вашу записку, не не получилъ корректуру? Меня дома не было; я былъ у обѣдни; возвратившись, нашелъ записку, но безъ корректуры.

---

[1]) Здѣсь говорится о смерти жены А. С. Хомякова, Екатерины Михайловны. Она была сестра поэта Н. М. Языкова, друга Н. В. Гоголя. Смерть ея (27 января 1852 г.) сильно потрясла Гоголя. Хоронили ее 29-го января.

Насъ это очень удивило, и я боялась, чтобы не пропала корректура. Гоголь сказалъ, что самъ пойдетъ въ типографію и спроситъ. Сказалъ, что былъ въ церкви, потому что въ тотъ день совершалась поминальная служба (вмѣсто субботы, такъ какъ въ субботу приходился праздникъ Срѣтенія), хвалилъ очень свой приходъ, священника и всю службу. Я сказала, что сама была у ранней обѣдни, видѣла въ первый разъ Хомякова послѣ его горя, что не рѣшилась къ нему подойти.

— Отчего-же, напрасно, — сказалъ Гоголь, — это не могло ему быть непріятно. Напрасно, — прибавилъ онъ, — Хомяковъ выѣзжаетъ, былъ въ опекунскомъ совѣтѣ и т. д.

— Да, — сказала я, — конечно напрасно, многіе скажутъ, что онъ не любилъ жены своей.

— Нѣтъ, не потому,—возразилъ Гоголь,—а потому, что эти дни онъ долженъ былъ бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные, — онъ долженъ былъ бы читать Псалтирь, это было бы утѣшеніемъ для него и для души жены его. Чтеніе Псалтиря имѣетъ значеніе, когда читаютъ близкіе, это не то, что раздавать читать другимъ.

Говорили о М. А. [2]), о которой онъ очень жалѣлъ, что такая старая женщина не возбуждаетъ ни въ комъ къ себѣ расположенія, а всѣхъ раздражаетъ. Многіе говорили о впечатлѣніи, производимомъ смертью на окружающихъ; возможно ли было съ малыхъ лѣтъ воспитать такъ ребенка, чтобы онъ всегда понималъ настоящее значеніе жизни, чтобы смерть не была для него нечаянностью и т. д. Гоголь сказалъ, что думаетъ, что возможно. Тутъ я сказала, какъ ужасно меня поразило это впечатлѣніе, и какъ все тогда перевернулось у меня передъ глазами. Гоголь вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

Въ это время пріѣзжалъ Оверъ [3]), я пошла его провожать къ Оленькѣ [4]). Онъ оттуда прошелъ прямо и сказалъ мнѣ: «Несчастный!»

— Кто несчастный?—спросила я, не понимая.—Да, вѣдь, это—Гоголь!

— Да, вотъ несчастный!

— Отчего же онъ несчастный?

— Ипохондрикъ, не приведи Богъ его лечить, это ужасно!

— У него есть утѣшеніе,—сказала я,—онъ истинно-вѣрующій человѣкъ.

— Все же несчастный,—повторилъ Оверъ.

Я возвратилась къ Гоголю,—онъ въ это время сидѣлъ съ Наденькой,—мы продолжали кое о чемъ говорить, предложили ему завтракать: онъ отказался. Онъ былъ постоянно веселъ или, скорѣе, свѣтелъ какъ-то, и душой и лицомъ, намъ было отрадно его видѣть такимъ и ни тѣни безпокойства на его счетъ не приходило намъ на умъ. День былъ ясный, солнечный. Провожая его, я сказала ему шутя:

— Вы сегодня не работали?

— Нѣтъ.

— Ну,—сказала я,—вы погуляли, теперь вамъ надобно поработать.

Онъ такъ свѣтло улыбнулся на эти слова.

— Да, надобно бы, но не знаю, какъ удастся: моя работа такого рода, — продолжалъ онъ говорить, уходя и надѣвая шубу, — что не всегда удается, когда хочешь.

Мы проводили его до передней и простились дружески.

3 февраля 1852 года, въ воскресенье, утромъ, я была дома, когда пришелъ Николай Васильевичъ.

— Я пришелъ къ вамъ пѣшкомъ прямо отъ обѣдни,—сказалъ онъ,—и усталъ.

Въ его лицѣ, точно, было видно утомленіе, хотя и свѣтлое, почти веселое выраженіе. Онъ сѣлъ тутъ же въ первой комнатѣ, на диванѣ. Опять хвалилъ очень священника приходскаго [5]) и всю службу. Я сказала, что въ этой церкви вѣнчались отесинька и маменька.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ скажите вашей маменькѣ: ей будетъ пріятно знать, что тамъ совершается такъ хорошо служба.

[2]) Мать А. С. Хомякова.

[3]) Знаменитый московскій докторъ.

[4]) Хронически больная сестра Вѣры Сергѣевны.

[5]) Это былъ о. Алексѣй Соколовъ, скончавшійся въ девяностыхъ годахъ въ санѣ протопресвитера храма Христа Спасителя.

Я сообщила ему извѣстіе изъ деревни, что на другой день долженъ былъ пріѣхать братъ.

— Ваши братья скачутъ, какъ англійскіе курьеры въ чужихъ краяхъ, только и знаютъ, что ѣздятъ взадъ и впередъ —сколько лишнихъ хлопотъ. Вчера,—прибавилъ онъ,—получилъ я записку отъ Ольги Федоровны [6]). Какая-то безтолковая, она звала меня обѣдать, у ней долженъ былъ быть М. М. Нарышкинъ, только написала такъ, что я не вдругъ догадался, когда она меня звала, и уже было поздно, я обѣдать бы и безъ того не могъ идти, но послѣ пришелъ бы повидаться съ Нарышкинымъ.

— Что вы дѣлали эти дни?—спросила я его.

— Зачѣмъ вамъ?—сказалъ онъ.

— Были вы у Хомякова?

— Нѣтъ, еще не былъ.

Мнѣ кажется, ему слишкомъ было тяжело къ нему ходить. Опять говорили мы о значеніи чтенія Псалтиря. Я спросила его о корректурѣ; онъ сказалъ, что самъ былъ въ типографіи и все устроилъ; говорили о печатаніи «Охотничьихъ Записокъ». Я сказала, что очень тихо идетъ.

— Вы бы сами держали корректуру,—сказалъ онъ.

— Не умѣю.

— Да это вовсе не трудно. Стоитъ только выучиться этимъ знакамъ, я вамъ сейчасъ покажу, дайте мнѣ какую нибудь книгу.

Я подала ему «Москвитянина»; онъ досталъ свою карманную книжку, вынулъ карандашъ, развернулъ журналъ и показалъ примѣрно нѣсколько знаковъ. Въ это время воротилась Наденька, я ей сообщила полученныя извѣстія и что ей предстоитъ скоро ѣхать въ деревню.

— Да, — прибавилъ Гоголь, — вы и не знаете, а вамъ уже назначенъ маршрутъ.

Я сказала, нельзя ли устроить какъ-нибудь намъ пѣсни, а Гоголь сказалъ:

— Когда же? Уже лучше на масленицѣ.

— На масленицѣ Наденька, можетъ быть, уѣдетъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—прибавилъ Гоголь.

Но тѣмъ разговоръ объ этомъ и кончился. Я попросила перейти въ другую комнату, сообщила Наденькѣ корректурные знаки, которымъ училъ меня Николай Васильевичъ. Онъ же самъ прибавилъ, что совѣтовалъ бы намъ заняться этимъ, что за это можно даже деньги получать, что онъ нанимаетъ теперь корректора и платитъ ему за одинъ томъ 100 руб. (кажется, за вторую корректуру). Мы разспрашивали его о его печатаніи сочиненій, какъ оно идетъ; онъ говорилъ, что онъ роздалъ въ разныя типографіи, что идетъ довольно медленно, что ему мѣшаютъ. Мы звали его приходить къ намъ съ корректурой и у насъ ее поправлять, онъ обѣщалъ и такъ мы простились.

4 февраля (1852 г.) я сидѣла въ нашей маленькой гостиной съ Митей Карташевскимъ (братъ Константинъ, Митя и Любенька только-что пріѣхали изъ деревни, самоваръ былъ на столѣ). Мы говорили очень живо о Карташевскихъ. Передняя комната была темна, портьерка въ ней поднята, я услышала чьи-то шаги, но не обратила въ первую минуту на то вниманія, думая, что это братъ. Шаги приблизились, я обернулась,—то былъ Гоголь; я ему обрадовалась чрезвычайно: вовсе его не ожидала. Онъ спросилъ, пріѣхалъ ли братъ, и, узнавъ, что онъ у Хомякова, сказалъ, что самъ туда зайдетъ; спросилъ меня о здоровьѣ, такъ какъ наканунѣ я была нездорова. Усѣлся въ углу дивана, распрашивалъ о томъ, о другомъ; въ лицѣ его видны были какое-то утомленіе и сонливость. Кошелева прислала звать насъ съ Наденькой къ ней, я ему предложила ѣхать туда же.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не могу, мнѣ надобно зайти еще къ Хомякову, а тамъ домой,—я хочу пораньше лечь; сегодня ночью я чувствовалъ ознобъ, впрочемъ, онъ мнѣ особенно спать не мѣшалъ.

— Это, вѣрно, нервное,—сказала я.

— Да, нервное,—подтвердилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ.

— Что же вы не пришли къ намъ съ корректурой?—спросила я.

— Забылъ, а сейчасъ просидѣлъ надъ ней около часа.

— Ну, въ другой разъ приносите.

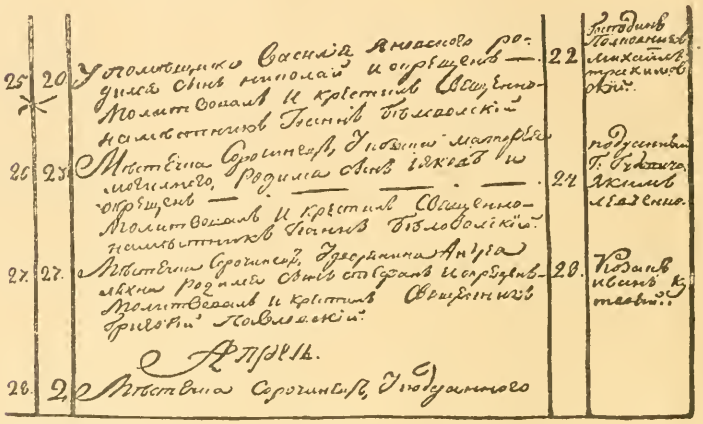
[6]) Ольга Федоровна Кошелева.

Но этому другому разу не суждено было повториться! Гоголь просидѣлъ недолго, простился, по обыкновенію, подавши намъ руку на прощанье, и ушелъ. Какъ нарочно, я не пошла его провожать далѣе, потому что собиралась ѣхать. Ничто не сказало мнѣ, что я болѣе его не увижу.

Мы всѣ были поражены его ужасной худобой. «Ахъ, какъ онъ худъ, какъ онъ худъ страшно»,—говорили мы...

КОГДА РОДИЛСЯ ГОГОЛЬ.

Метрическая выпись.



Нѣсколько лѣтъ назадъ найдена запись въ метрическихъ книгахъ сорочинской управы, гдѣ мы находимъ отмѣтку о рожденіи и крещеніи Гоголя подъ 1809 годомъ, въ м. мартѣ.

Слѣва на этой записи въ первой графѣ (25) — нумерація, во второй — день рожденія (20)—въ первой справа—день крещенія (22). Послѣдняя графа съ именемъ крестнаго отца, Трохимовскаго. Мѣсяцъ—мартъ, ибо слѣдующій идетъ уже апрѣль.

Казалось-бы, что эта дата совершенно убѣдительна. Однако, покончивъ съ годомъ рожденія, изслѣдователи затрудняются высказаться опредѣленно о днѣ рожденія.

Шенрокъ, одинъ изъ наиболѣе кропотливыхъ изслѣдователей матеріаловъ о жизни Гоголя, вопреки приведенной выше датѣ, стоитъ на 19 марта, какъ днѣ рожденія Гоголя. И во всѣхъ существующихъ до послѣдняго времени біографіяхъ мы имѣемъ ту-же дату. Наконецъ, г. Фальборкъ, лицо вполнѣ компетентное, на засѣданіяхъ съѣзда «лиги образованія» утверждалъ, что юбилейное чествованіе должно быть пріурочено къ 19 марта, какъ къ дню рожденія Гоголя. Тѣмъ не менѣе, по учебнымъ округамъ сдѣлано распоряженіе о чествованіи 20 марта, и Гнѣдичъ подтверждаетъ ссылкой на метрическую запись—правильность именно этого термина.

Можно-бы и согласиться съ данными метрики. Но въ семьѣ Гоголей всегда пріурочивали рожденіе его къ 19 марта. И въ домашнемъ мѣсяцесловѣ-молитвенникѣ, гдѣ мать поэта отмѣчала дни рожденія и смерти своихъ дѣтей и другія выдающіяся событія ихъ жизни,—его рожденіе отмѣчено подъ тѣмъ-же числомъ. Недавно скончавшаяся сестра поэта Ольга Васильевна, говоритъ въ «К. М.» г. Чаговецъ, лично мнѣ не разъ подчеркивала совпаденіе дня ея рожденія съ днемъ рожденія ея любимаго брата. «Мы родились въ одинъ день, 19 марта, но онъ былъ старше меня на 16 лѣтъ».

Женскій трудъ на фабрикахъ.

Передъ нами правительственный проектъ закона о нормировкѣ рабочаго времени. Министерство торговли и промышленности переработало его изъ прежнихъ проектовъ «согласно пожеланіямъ промышленниковъ, высказаннымъ ими на послѣднемъ междувѣдомственномъ совѣщаніи». И пожеланія эти нашли въ немъ полный исходъ. Все, что можно было «исправить» въ томъ проектѣ, который впервые былъ поспѣшно составленъ вслѣдъ за бурными январскими событіями 1905 г., все «исправлено» и «подчищено». Сохранены сверхурочныя работы, введена полная свобода въ пользованіи ими, рабочій день съ этими работами доведенъ до 12 съ пол. часовъ въ сутки, допущены «отступленія» для вспомогательныхъ и сезонныхъ работъ и т. д., и т. д. Словомъ, все предусмотрѣно. Но что всего, пожалуй, любопытнѣе—это то, что въ проектѣ ни слова нѣтъ объ особыхъ ограниченіяхъ женскаго труда.

А, между тѣмъ, еще не такъ давно Столыпинъ въ своей декларації во второй Госуд. Думѣ говорилъ о необходимости воспрещенія женщинамъ (и подросткамъ) ночныхъ работъ.

Правда, Столыпинъ не сказалъ ни объ обязательномъ отдыхѣ для беременныхъ женщинъ, ни объ обезпеченіи ихъ на это время. Но теперь, какъ видимъ, вопросъ о работѣ женщинъ уже вовсе не поднимается.

Очевидно, вопросъ считается яснымъ. Да и какъ ему не быть таковымъ, если уже на «особомъ совѣщаніи» промышленниковъ подъ предсѣдательствомъ Философова въ декабрѣ 1906 г. сахарозаводчикъ Монаховъ успѣлъ доказать, что запрещеніе ночной работы женщинъ поведетъ къ... разврату? Вѣдь «нравственность,—говорилъ Монаховъ,—какъ всѣмъ извѣстно, сохраняется только при работѣ» Ночной сонъ, очевидно, можетъ въ концѣ подорвать нравственность. И попечительный промышленникъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ ограниченія ночной работы женщинъ, но при этомъ лишь въ собственныхъ ихъ интересахъ—«во имя деревенскихъ бабъ и дѣвушекъ, осаждающихъ фабрики и ищущихъ работы». Послѣ такихъ убѣдительныхъ доводовъ оставалось, разумѣется, только поскорѣе вычеркнуть столь гибельное предположеніе, какъ запрещеніе женскаго труда ночью. И все остается по-старому.

Но, къ несчастью для гг. Монаховыхъ, исторія учитъ иначе понимать ихъ слова.

Число женщинъ въ заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричному надзору, составляло въ 1901 году—26,8 проц. всего числа рабочихъ: въ 1902—24,8; въ 1903—27,3 и въ 1907 г.—24.6 проц. Женскій трудъ, какъ видимъ, играетъ съ каждымъ годомъ все большую роль. Особенно ясно показываютъ это абсолютныя цифры. Въ теченіе 1901 г. въ то время, какъ число мужчинъ уменьшилось на 13.000, число рабочихъ женщинъ на 12.000 возросло. Въ 1902 г. первыхъ стало меньше на 16 съ пол. тысячъ, число же вторыхъ на 17 тысячъ увеличилось. Въ 1904 г. число взрослыхъ рабочихъ мужчинъ понизилось на 13.634, а взрослыхъ женщинъ возросло на 2.406.

Но еще поучительнѣе распредѣленіе женщинъ по производствамъ. Согласно переписи 1807 г., женщинъ всего больше на табачныхъ фабрикахъ, гдѣ число ихъ превосходитъ число мужчинъ (61,4 проц.), въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, гдѣ ихъ почти столько же, сколько и мужчинъ (41.3 проц.), и въ производствахъ химическихъ (26.2 проц.).

Въ этихъ же производствахъ наблюдается и болѣе быстрое повышеніе числа женщинъ. Какъ показываютъ отчеты фабр. инспекторовъ, проц. ихъ особенно увеличивается въ округахъ съ развитой текстильной промышленностью. Въ московскомъ, напр., округѣ за время 1901—1904 гг. онъ выросъ съ 35,4 до 37,6 проц. По сообщенію кіевскаго окружнаго инспектора, примѣненіе женскаго труда въ 1901 г. «возросло, главнымъ образомъ, въ табачномъ, спичечномъ и гильзовомъ производствѣ. а также въ пробочномъ и издѣлій изъ жести». Отмѣтимъ еще разъ эксплоатацію женскаго труда въ сахарномъ производствѣ: въ 1890 г. ихъ было 10,9 проц.; въ 1900 г.—12,9; въ 1902 г.—13 проц.

Что же мы, такимъ образомъ, видимъ? Обработка волокнистыхъ веществъ, спичечное, табачное. сахарное производства — вѣдь все это работы особенно вредныя, наиболѣе гибельныя для здоровья рабочихъ Намъ приходится повторить выводы, которые сдѣлалъ д-ръ Святловскій въ своихъ изслѣдованіяхъ еще въ 80-хъ гг. Женскій (какъ и дѣтскій) трудъ примѣняется и по сію пору по

преимуществу въ производствахъ нездоровыхъ, гдѣ особенно быстро человѣкъ рискуетъ стать инвалидомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что можно представить себѣ гибельнѣе условій труда на нашихъ спичечныхъ фабрикахъ? Черезъ 8—10 лѣтъ работы на нихъ, здоровый мужчина обращается нерѣдко въ заживо гніющаго человѣка: «лицо опухшее, подъ глазами и вокругъ вѣкъ нѣсколько фистулезныхъ ходовъ съ обиліемъ вытекающаго гноя; зрачки расширены; глаза воспаленные, искалѣченный ротъ, омертвѣвшія челюсти, ввалившаяся грудь и разслабленная походка. Больной распространяетъ отъ себя нестерпимое зловоніе, совершенно такое же, какъ отъ разлагающагося трупа». Такъ было на спичечныхъ фабрикахъ Харьковской и Курской губ. въ 1900 г., и корреспондентъ, сообщившій это, добавляетъ: «Въ виду того, что за послѣднее время взрослые избѣгаютъ работы на фосфорно-спичечныхъ фабрикахъ, владѣльцы ихъ стали нанимать дѣвушекъ и дѣтей».

На табачныхъ фабрикахъ убійственно дѣйствуетъ мелкая табачная пыль. Она носится клубами въ воздухѣ, покрываетъ одежду и лицо рабочихъ, вызываетъ у нихъ кашель и боль въ груди, головную боль, горловыя и носовыя кровотеченія. Особенно тяжела работа при сушилкѣ, въ которой,—по свидѣтельству д-ра Жбанкова,—такъ жарко и воздухъ до того пропитанъ табачной пылью и ѣдкими парами, что въ ней трудно пробыть болѣе 2 минутъ; «рабочимъ же приходится входить по нѣскольку разъ въ день на 10—15 минутъ, причемъ почти у всѣхъ къ концу пребыванія въ сушнякѣ дѣлается головокруженіе и состояніе, близкое къ обмороку».

Работницъ-ткачихъ врачъ Языковъ описываетъ: «въ 24 года истощенными, постарѣвшими (какъ будто онѣ прожили всѣ 35 лѣтъ), худыми, блѣдно-зелеными, малокровными и—увы! часто, ужасающе часто, уже въ эти молодые годы—чахоточными».

Насколько же вредно бумаго-прядильное производство показываетъ, хотя бы то, что рабочіе 18—19 лѣтъ на петербургскихъ фабрикахъ, по словамъ всѣхъ счетчиковъ, производившихъ переписъ въ 1900 г.,—выглядятъ 13-лѣтними дѣтьми, худыми и блѣдными.

А въ сахарномъ производствѣ температура въ 70° и другія тяжелыя условія вызываютъ особую болѣзнь, которая, между прочимъ, «выражается появленіемъ на кожѣ большихъ язвъ и ранъ».

Такъ вотъ тѣ работы, которыя, по мнѣнію гг. Монаховыхъ, такъ благотворно вліяютъ на нравственность фабричныхъ работницъ, что даже ночью они должны быть заняты на нихъ. И если отлучить ихъ на ночное время отъ этого кладезя нравственности, разрѣшивъ имъ, по примѣру прочихъ смертныхъ, спать ночью, то, того и гляди, пойдетъ развратъ.

Правда, мы знаемъ и другую сторону этихъ «нравственныхъ» работъ. Мы видѣли, что отъ нихъ и взрослые мужчины способны обращаться въ калѣкъ. Съ другой стороны, наука говоритъ, что фабричныя работницы подвержены заболѣваніямъ больше, чѣмъ мужчины. По вычисленіямъ д-ра Святловскаго, заболѣваемость среди первыхъ почти въ два раза сильнѣе, чѣмъ среди вторыхъ). «По свойству своего физическаго сложенія,—говоритъ д-ръ Дементьевъ, — женщина вообще не выноситъ тяжести фабричной работы въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ выноситься мужчиной». Къ этому надо прибавить, что на ней лежатъ также многочисленныя заботы о дѣтяхъ и по хозяйству, отъ которыхъ бываетъ свободенъ мужчина.

Да, все это такъ. Пусть все это вѣрно! Но вѣдь нравственность... Вѣдь капиталисты увѣряютъ, что заботятся не о своемъ карманѣ, а единственно о духовномъ спасеніи своихъ работницъ. И вѣдь кому, какъ не имъ, и книги въ руки на этотъ счетъ? Кто, какъ не буржуазія, гордится «общечеловѣческими» нравственными устоями? Пусть гибнетъ тлѣнное тѣлесное здоровье, зато сторицею возрастаетъ здоровье духовное... О томъ позаботятся душеспасительные гг. Монаховы!

В. Любимовъ. (*Р. Сл.*).

В. Лапарръ. БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ.

Зрительные образы, возбуждаемые музыкой.

Возбуждаетъ ли въ васъ музыка какія-нибудь зрительныя представленія, когда вы слушаете симфонію Бетховена или сонату Шумана, — проносятся ли передъ вашими глазами таинственные человѣческіе образы и фантастическіе пейзажи?

Когда композиторъ приступаетъ къ созданію новой вещи, передъ его умственнымъ взоромъ нерѣдко возстаютъ цѣлыя отчетливыя картины. Такъ, Шуманъ видѣлъ дѣтей, играющихъ на зеленой полянѣ въ лѣсу и весело танцующихъ, пока внезапное появленіе сатира не заставило ихъ съ крикомъ разбѣжаться по домамъ. Но немногіе умѣютъ облечь галюцинаціи, рождаемыя музыкой, въ отчетливую форму. Мендельсона, бывшаго далеко незаурядным рисовальщикомъ, часто просили изобразить на бумагѣ то, что онъ видитъ при сочиненіи той или другой вещи, но онъ всегда отказывался: „Это то же самое, что просить скульптора написать портретъ его изваянія“, — сказалъ онъ однажды. „Искусство, какъ и человѣческое тѣло, составляетъ одно цѣлое, но каждый изъ его членовъ имѣетъ свою функцію. Функція музыки — слышать, но не видѣть“.

Тѣмъ не менѣе интересно видѣть музыку, выраженную родственной отраслью искусства, и сравнить впечатлѣнія великихъ художниковъ и писателей, одаренныхъ этой способностью.

„Когда я слушаю музыку,—писалъ Мейсонье,—она принимаетъ опредѣленныя очертанія въ моемъ сознаніи и вызываетъ предо мной представленія фигуръ и ландшафтовъ. Когда я, напримѣръ, слушаю симфонію Бетховена A-dur,—мною любимую,—я неизмѣнно вижу греческій ландшафтъ, улыбающійся въ солнечныхъ лучахъ, съ кристальными ручьями, надъ которыми вьются яркія стрекозы, съ веселыми хороводами нимфъ, купающихся въ прозрачныхъ струяхъ.“

* * *

Однимъ изъ самыхъ впечатлительныхъ любителей музыки былъ Гейне, для котораго, по его словамъ, во время музыки все окружающее исчезало, и передъ его восхищеннымъ взоромъ вставали странныя призрачныя фигуры, таинственныя сцены и люди, рожденные мелодіей. Интересно его описаніе игры Паганини.

„Вы знаете,—пишетъ онъ,—мою способность музыкальнаго ясновидѣнія,—способность видѣть при каждомъ тонѣ соотвѣтствующій образъ. Поэтому Паганини каждымъ движеніемъ смычка вызывалъ передо мной фигуры и сцены. Онъ разсказывалъ мнѣ въ мелодичныхъ іероглифахъ разныя сказки и какъ бы заставлялъ какой-то невидимый волшебный фонарь увлекать меня рядомъ пестрыхъ картинъ, гдѣ самъ артистъ оставался все время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

„При первомъ взмахѣ смычка эстрада и вся концертная обстановка вокругъ него исчезла, и онъ вдругъ оказался стоящимъ около своего пюпитра въ привѣтливой комнатѣ, обставленной съ веселою безпорядочностью стиля Помпадуръ. Повсюду виднѣлись маленькія зеркала, золоченые купидоны, китайскій фарфоръ, гирлянды цвѣтовъ, бѣлыя перчатки, разорванное

кружево, искусственный жемчугъ, діадемы изъ золотой фольги и блестокъ—всякая мишура, обычно встрѣчаемая въ комнатѣ примадонны. Внѣшній видъ Паганини также измѣнился, и во всякомъ случаѣ къ лучшему! На немъ были короткіе атласные штаны, цвѣта лилій, бѣлый жилетъ, вышитый серебромъ, и фракъ изъ яркаго синяго бархата съ золотыми пуговицами.

„Волосы его были тщательно завиты и обрамляли локонами его лицо, молодое и румяное, все вспыхивавшее трогательной нѣжностью, когда онъ взглядывалъ украдкою на хорошенькую женщину, стоявшую тутъ же около пюпитра".

Но когда Паганини началъ играть новую пьесу, передъ глазами слушателя все стало мрачнымъ и темнымъ. Звуки не претворялись въ яркіе образы и краски; фигура артиста облекалась въ темные цвѣта, и изъ-подъ его смычка вырывались стонущіе и рыдающіе звуки. Только изрѣдка, когда небольшая лампа, висѣвшая сверху, бросала свой печальный свѣтъ на играющаго, Гейне могъ разглядѣть мелькомъ его блѣдное лицо, еще не вполнѣ утратившее отпечатокъ молодости. Его нарядъ былъ очень оригиналенъ, двухъ цвѣтовъ: желтый и красный. Тяжелыя цѣпи сковывали его ноги. Позади его мелькало лицо съ выраженіемъ животной похотливости. И Гейне видѣлъ, какъ по временамъ длинныя, волосатыя руки схватывали струны скрипки, на которой игралъ Паганини...

„Тогда изъ скрипки вырывался потокъ раздирающихъ звуковъ, страшный стонъ и вопль, какой, быть можетъ, никогда не раздавался и не раздастся на землѣ,—развѣ только въ долинѣ Іосафата, когда прозвучатъ исполинскія трубы и голыя тѣла выползутъ изъ могилъ въ ожиданіи своего приговора... Но изнемогающій скрипачъ вдругъ провелъ смычкомъ по струнамъ, вызвавъ такой дикій, полный отчаянія звукъ, что цѣпи его съ грохотомъ упали къ ногамъ, и таинственный его помощникъ, вмѣстѣ съ другими безобразными наглыми фигурами—исчезъ.

„И вновь великій музыкантъ и все окружающее его внезапно измѣнились! Его едва можно было узнать въ коричневомъ монашескомъ платьѣ, которое скорѣе скрывало его, нежели одѣвало. Съ злымъ лицомъ, на половину спрятаннымъ въ капюшонъ, опоясанный веревкою, съ босыми ногами стоялъ Паганини съ вызывающимъ видомъ одинъ на скалистомъ утесѣ, надъ моремъ, и игралъ на своей скрипкѣ. И море становилось все краснѣе и краснѣе, а небо блѣднѣе, пока, наконецъ, клокочущія волны не стали похожи на ярко-алую кровь, а небо не приняло блѣдную окраску мертвеца. На небѣ высыпали звѣзды, большія и какія-то грозныя. Эти звѣзды были черныя-черныя, какъ уголь. Но звуки скрипки становились все болѣе бурными и вызывающими, а глаза страшнаго музыканта сверкали огнемъ такого презрѣнія, такою жаждою разрушенія, его тонкія губы двигались съ такою ужасною поспѣшностью, что казалось, онъ бормоталъ какія-то древнія заклинанія, чтобы вызвать бурю и освободить злыхъ духовъ, заключенныхъ въ морской пучинѣ.

„И часто, когда онъ вытягивалъ свою длинную худую руку изъ широкаго монашескаго рукава и потрясалъ въ воздухѣ своимъ смычкомъ, онъ казался чародѣемъ, повелѣвающимъ стихіямъ своимъ волшебнымъ жезломъ. Но вдругъ со дна моря раздались дикія стенанія, и ужасныя кровяныя волны стали бросаться вверхъ съ такою яростью, что чуть не забрызгали блѣдное небо и черныя звѣзды своею красною пѣною. Воздухъ наполнился воплями, крикомъ и грохотомъ, словно земля распадалась на части, но монахъ все игралъ съ возрастающей энергіей. И, наконецъ, послышалась какъ-будто радость освобожденія, и изъ красныхъ кровяныхъ волнъ выступили головы заключенныхъ духовъ, легендарныхъ чудовищъ: крокодиловъ съ крыльями летучей мыши, змѣй съ оленьими рогами, обезьянъ съ раковинами на головахъ, тюленей съ длинными бородами, женщинъ съ грудями вмѣсто щекъ, зеленыхъ верблюдовъ—всѣ съ уставившимися холодными, хитрыми глазами и длинными когтями, похожими на плавники, которыми они хватались за играющаго монаха. Съ головы его среди его страстныхъ заклинаній упалъ капюшонъ,—и кудри, развѣваемыя вѣтромъ, окружили его лицо на подобіе черныхъ змѣй"...

Такъ увлекала великаго поэта игра великаго артиста, увлекала въ міръ необыкновенныхъ видѣній, создавшихся изъ звуковъ. Чѣмъ впечатлительнѣе душа любящаго музыку, тѣмъ чаще,—хотя и не съ такою силою,—переходятъ звуки въ картины!

Издательница О. П. Александрова.

Редакторъ Н. В. Корецкій.

ВЕСЕЛЫЙ ТЕАТРЪ

Выпускъ первый.

Благодѣтель.

Шутка въ 1-мъ дѣйствіи А. А. Мюссаръ-Викентьева.

(Сюжетъ заимствованъ).

Грамолинъ, провинціальный актеръ.
Воръ.
Хозяинъ гостиницы.
Управляющій изъ типографіи.
Прачка.
Слуга.

Жалко меблированная комната въ гостиницѣ. Въ задней стѣнѣ входная дверь; въ лѣвой окно. У правой стѣны комодъ; ближе къ авансценѣ и на значительномъ разстояніи отъ правой стѣны небольшой столъ и стулъ. Налѣво диванъ, замѣняющій постель. На стѣнѣ висятъ старыя афиши, чахлый вѣнокъ съ выцвѣтшими лентами.

I.

Грамолинъ сидитъ печально на диванѣ; клѣтчатыя брюки, шляпа съ широкими полями на головѣ.

Грамолинъ. Ни чорта!... (*Встаетъ*). Мои бѣдныя дѣтки! что будетъ теперь съ вами?... (*пауза*). Какъ сказалъ бы отецъ многочисленнаго семейства... Христоферъ Колумбъ открылъ Америку, Гутенбергъ изобрѣлъ книгопечатанье; Пиѳагоръ — штаны.... но я утверждаю, что имъ легче было это сдѣлать, чѣмъ мнѣ найти въ долгъ цѣлковый. Э-хъ! гдѣ его найти? „Въ каждомъ домѣ есть деньги... надо только знать, гдѣ онѣ лежатъ...“ „Терпѣнья лишь! терпѣнья дай мнѣ небо!“ (*Ложится на диванъ*). Ѣсть хочется... „Съ пустымъ желудкомъ въ рубищѣ дырявомъ, безъ крова надъ бездомной головой“... Выспаться развѣ?..

II.

(*Стукъ въ дверь, сперва тихо, потомъ сильнѣй*).

Грамолинъ. Войдите... войдите... да входите же, чортъ возьми!

(*Входитъ слуга-татаринъ*).

Слуга. Здрави желаемъ!

Грамолинъ. А-а! Ахметка, здравствуй! Какъ живешь?

Слуга. Покорныше благодарымъ, ваши благородію, какъ изволите поживать?

Грамолинъ. Благодарю... Хорошая, братъ, погода сегодня...

Слуга. Такъ точно-съ! Хороши день, ваше благородію... (*подаетъ счетъ*) асобинно для хозяина, ваше благородію...

Грамолинъ (*зѣваетъ*). Да, да... однако мнѣ чертовски спать хочется...

Слуга. Такъ что хозяинъ сами хатѣли сегодни зайти...

Грамолинъ. Ахметъ! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты при мнѣ не смѣлъ упоминать о хозяинѣ... Ну, можно ли говорить объ этомъ животномъ, „когда такъ дивно лѣто! Когда такимъ тепломъ и нѣгой дышетъ ночь! Здѣсь сосны шепчутъ намъ и плещутъ волны гдѣ-то, и ароматъ цвѣтовъ заботы гонитъ прочь“!..

Слуга. Ваше благородію! прошлы мѣсяцъ также стыхи изволимъ читать... Апять, значитъ, платыть не будете?

Грамолинъ. Увы!

Слуга. А хозяинъ сегодни сами пріѣзжаютъ; патаму какъ они на ярмарка пракутились, такъ теперь имъ сейчасъ деньга подавай...

Грамолинъ. Ну, ладно! не будемъ говорить объ этомъ... дѣло рѣшенное... (*переходитъ*). Я ему ни копѣйки не заплачу!

Слуга. Что ми хозяинъ можемъ сказать?

Грамолинъ. Скажи, что, къ сожалѣнію, ему придется подождать... Скажи, что я уже ангажементъ получилъ, жду только телеграмму и денегъ на выѣздъ.

Слуга. Слушаюсь... третій мѣсяцъ гажимэнтъ получаете...

Грамолинъ. Довольно, Ахметъ!.. Не вздыхай, какъ безшумный граммофонъ, а то у меня переворачивается сердце. (*Ахметъ хочетъ уйти*). Стой!.. послушай...

Слуга. Чего изволите?

Грамолинъ. Видишь ли... этого... какъ его... не можешь ли ты мнѣ дать въ долгъ цѣлковый?

Слуга. Хэ-хэ-хэ! завсегда шутить изволите, ваше благородію, хэ-хэ-хэ!... (*Выходитъ*).

III.

Грамолинъ. У кого достать?.. Чортъ возьми!.. Жоржа на прошлой недѣлѣ ограбилъ, да его и самого выселяютъ... Трезвоновъ, кажется, запилъ... однако попробуемъ. (*Беретъ шляпу и уходитъ*).

IV.

За дверью слышенъ звукъ отмычки, открывающей замокъ. Дверь открывается, входитъ воръ —прилично одѣтый господинъ въ сѣромъ пальто съ отмычкой въ одной рукѣ и небольшимъ чемоданомъ въ другой.

Воръ. Я читалъ недавно въ газетѣ интервью съ нашей знаменитой артисткой, оказывается она до сихъ поръ испытываетъ передъ выходомъ на сцену какой-то непонятный страхъ... Я тоже... Вотъ уже десять лѣтъ... десять лѣтъ! какъ летитъ время!.. десять лѣтъ ужъ я работаю, и каждый разъ, какъ я взламываю дверь, (*Кладетъ руку на сердце*) здѣсь этакое небольшое palpitatio cordis... Но вотъ прошло... (*осматривается*). Куда я попалъ? (*Замѣчаетъ вѣнокъ*). Актеръ!.. Эта практика не въ моемъ духѣ, надо сознаться. Но что подѣлать!.. Теперь такой застой въ дѣлахъ... брезгать ничѣмъ не приходится... Собственно говоря, моимъ ремесломъ можно заниматься двумя способами: первый способъ—съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ требуетъ первостепенныхъ качествъ: умъ, находчивость, осторожность, энергію, хладнокровіе и смѣлость. Это, разумѣется, наиболѣе интересный... второй способъ — случайный—требуетъ, конечно, также нѣкоторыхъ качествъ, но главное здѣсь счастье, и счастье... лоттерея... либо выигрышъ, либо аллегри... Можетъ удастся, но можетъ и не удастся, дѣло случая... Въ данномъ случаѣ я именно въ такомъ положеніи. Однако, примемся за дѣло. (*Направляется къ комоду. Въ дверь раздается стукъ; онъ кладетъ отмычки въ карманъ. Снова стукъ въ дверь, ручка поворачивается, дверь открывается, входитъ управляющій изъ типографіи*). Чортъ возьми! Сорвалось! (*переходитъ налѣво*).

V.

Управляющій изъ типографіи. Г-нъ Грамолинъ?

Воръ. (*Испуганно*). Кого?

Управляющій. Вы г. Грамолинъ?

Воръ. Э-э... да, да...

Управляющій. Я изъ типографіи...

Воръ. Ага!..

Управляющій. Вы теперь понимаете въ чемъ дѣло?

Воръ. Какъ же, какъ же... понимаю: вы пришли изъ типографіи.

Управляющій. Вы, кажется, не припоминаете?

Воръ. Да, да, вотъ именно, не совсѣмъ припоминаю...

Управляющій. Вотъ позвольте вамъ напомнить (*даетъ счетъ*).

Воръ. (*Читаетъ*). „Счетъ за печатанье анонсовъ несостоявшагося спектакля".

„Я обязуюсь уплатить 1-го августа восемь рублей". Подписано: Грамолинъ... (*Отдаетъ счетъ*). Такъ, все въ порядкѣ, благодарю васъ.

Управляющій. Ну-съ, а какъ же насчетъ денегъ? Что же вы не желаете уплатить?..

Воръ. Съ какой стати?

Управляющій (*открываетъ дверь*). Хорошо-съ!

Воръ. Уходитъ! (*переходитъ направо*).

Управляющій. (*Кричитъ на порогѣ*). Вы думаете это такъ оставимъ!.. Разсыльный приходилъ два раза! Теперь я самъ пришелъ!.. На этотъ разъ довольно-съ!..

Воръ. (*Въ сторону*). Чортъ возьми! онъ всполошитъ весь домъ!

Управляющій. (*Входитъ на сцену и стучитъ кулакомъ по столу*). Заказывать умѣете, а когда до уплаты дѣло дошло, такъ на попятный!.. Знаемъ мы васъ, не первый у насъ!.. Справиться съ вами сумѣемъ!

Воръ. Да не кричите такъ, ради Бога, я не глухой!..

Управляющій (*идетъ къ двери*). Буду кричать! Молчать вы меня не заставите!

Воръ. (*Идетъ къ нему*). Тсс!.. Закройте дверь! я заплачу!..

Управляющій. (*Закрываетъ дверь*). Ага! такъ то лучше.

Воръ. Покажите счетъ. (*Просматриваетъ, вынимаетъ десять рублей*). Давайте сдачи.

Управляющій. Вотъ. Благодарю васъ. Вотъ и все хорошо...

Воръ. Вы полагаете?..—Но и богатый же у васъ голосъ, скажу я вамъ!

Управляющій. Да, ничего себѣ. Я поэтому и завѣдую отдѣленіемъ по устройству скандаловъ неплатящимъ должникамъ. Честь имѣю кланяться. (*Уходитъ*).

VI.

Воръ. (*Разглядываетъ счетъ*). На восемь цѣлковыхъ почистили... (*размышляетъ*). Это будемъ считать задаткомъ... Сейчасъ отыграемся... ну-съ за работу! (*Направляется къ комоду. Стукъ въ дверь*). Опять!.. Это отвратительно!.. (*Переходитъ нальво. Со вздохами*). Войдите! (*Входитъ молоденькая прачка съ громадной корзиной бѣлья*).

VII.

Воръ (*Въ сторону*). Прачка! (*Громко*). Что тебѣ, душечка?

Прачка. Ахтеръ здѣсь живетъ?

Воръ. Такъ ты же сама я думаю знаешь...

Прачка. А почемъ я знаю? я впервой пришедцы сюда...

Воръ. Здѣсь, здѣсь... то-то, я смотрю, незнакомое лицо. Принесла мое бѣлье?

Прачка. Принесла.

Воръ. Поставь сюда.

Прачка. (*Ставитъ на полъ корзину*). Высоко-то какъ... думала помру — не дойду...

Воръ. (*Садится на диванъ*). Положи, душечка, бѣлье на столъ.

Прачка. А вотъ счетъ.

Воръ. Хорошо! Слѣдующій разъ сочтемся.

Прачка. Не! хозяйка сказала, чтобъ безъ денегъ бѣлья не оставлять.

Воръ. Хозяйка сказала?

Прачка. Такъ у насъ таперича заведено...

Воръ. Странное заведеніе!.. что-же... давай счетъ. (*Прачка даетъ счетъ. Воръ читаетъ*). 10 рубахъ, 10 кальсонъ, 8 жилетокъ, 4 дюжины воротничковъ, дюжина бѣлыхъ галстуковъ... За все 4 рубля восемь гривенъ... (*Осматриваетъ, обходя кругомъ, корзину съ бѣльемъ. Про себя*). Здѣсь рублей на двадцать бѣлья. (*Громко*). Вотъ 5 рублей, получи. (*Переходитъ снова нальво*).

Прачка. Прикажете расписаться въ полученіи.

Воръ. Не надо... Разложи бѣлье, красавица; только аккуратно—не помни... Я люблю порядокъ... (*Садится на диванъ*).

Прачка. (*Приподнимаетъ салфетку, покрывающую корзину, вытаскиваетъ старую рубаху и пару носковъ въ жалкомъ видѣ, кладетъ на столъ и закрываетъ корзину*). Вотъ.

Воръ (*встаетъ*). А остальное?

Прачка. Все-съ.

Воръ (*показываетъ на корзину*). Какъ все?! а это?

Прачка. А это другихъ жильцовъ.

Воръ. Да, что ты—смѣешься надо мной!? Я жъ тебѣ пять цѣлковыхъ заплатилъ...

Прачка. Такъ это за три мѣсяца... прощайте! (*направляется къ двери*).

Воръ. Куда ты? Я не пущу тебя!

Прачка. Ну-ну! ты! Я не какая нибудь тамъ... чего ты руками хватаешься... только тронь, я те такъ закричу!..

Воръ. Давай деньги назадъ!

Прачка (*убѣгаетъ*). Ишь ты какой хитрый! (*За сценой слышенъ ея смѣхъ*).

VIII.

Воръ. (*Одной рукой держитъ рубаху, другой носки*). Пять цѣлковыхъ за эту рвань! Восемь да пять—тринадцать!. Ну, и денекъ!.. Однако надо ихъ отработать, не теряя ни минуты. (*Бросается къ комоду, въ это время дверь открывается, входитъ хозяинъ: фигура купеческой складки, черная жилетка съ серебряной цѣпью сверхъ розовой ситцевой рубахи, на лицѣ слѣды недавняго пьянства*).

IX.

Хозяинъ (*говоритъ въ дверь*). Стой здѣся, ребята, коли надо будетъ,—позову.

Воръ. Ай, ай.

Хозяинъ. (*Садится на диванъ*). Ты што ль ахтеръ-то будешь?

Воръ. Вамъ актера надо?

Хозяинъ. Ну, да, ахтера...

Воръ. Его нѣтъ дома ..

Хозяинъ. Нѣту?! а чаво-жъ ты тутъ дѣлаешь?

Воръ. Я зашелъ къ нему по дѣлу... и вотъ жду его...

Хозяинъ. По дѣлу?.. по какому-такому дѣлу?

Воръ. А вамъ-то какое дѣло?

Хозяинъ. Мнѣ-то какое дѣло? А такое, что актеръ-то мнѣ три мѣсяца денегъ не платитъ, такъ я сейчасъ какъ значитъ съ ярмарки пріѣхавши, такъ желаю деньги съ его получить... шкуру сдеру, а получу .. а ты вѣрно тоже изъ ахтеровъ, товарищевъ его... тоже шантрапа какая...

Воръ. Ну, ну! вы поосторожнѣе!..

Хозяинъ. Чаво нукаешь! Ты мнѣ не нукай! Говори, кто ты такой есь, можетъ

ты мои вещи въ лонбардъ увозить пришелъ... вотъ я какъ молодцовъ своихъ позову сейчасъ, такъ они у меня живымъ манеромъ...

Воръ. Стойте, стойте!.. что вы! я даже не знаю вашего жильца...

Хозяинъ. Такъ чево-жъ ты тутъ дѣлаешь? а?

Воръ. Да вотъ пришелъ къ нему по дѣлу...

Хозяинъ. Чаво голову морочишь?.. Я жъ тебя русскимъ языкомъ спрашиваю: по какому дѣлу?

Воръ. Да вотъ... какъ его... зашелъ пригласить его на службу тутъ въ одинъ городъ...

Хозяинъ. Ага!.. Такъ стало быть ты этотъ самый терпе... трепре...

Воръ. Антрепренеръ... вотъ, вотъ!

Хозяинъ. Вонъ оно што! Такъ у насъ таперь совсѣмъ другой разговоръ будетъ. Онъ то, вишь, все на тебя ссылался... мнѣ, говоритъ, долженъ деньги принести этотъ самый терпре...

Воръ. Антрепренеръ... (*Въ сторону*). Господи! Въ окно что ли внизъ головой выкинуться!..

Хозяинъ. Во, во! Такъ стало быть ты вотъ и давай мнѣ по счету, что слѣдуетъ, а тамъ съ нимъ сосчитаешься.

Воръ. Онъ вамъ самъ отдастъ, сегодня же съ него и получите; оставьте меня здѣсь, онъ скоро придетъ, мы съ нимъ сговоримся и вы свои деньги получите...

Хозяинъ. Не, братъ, врешь—не проведешь! Не на таковскаго напали! Давай лучше сейчасъ деньги, а то все равно не выпущу, пока тотъ не придетъ, потому сказалъ—получу деньги, и никакихъ больше...

Воръ (*беретъ чемоданъ*). Какое-жъ вы имѣете право меня не пускать; я съ вами никакого дѣла не имѣю; я вотъ раздумалъ и не желаю здѣсь больше оставаться.

Хозяинъ (*всталъ*). Нѣтъ, стой! (*За дверь*). Робята, не выпущай! Не, братъ, шалишь! А какой такой ты чемоданъ въ рукахъ тащишь? Можетъ, ты тутъ награбилъ да дралка задаешь! Стой!..

Воръ (*въ сторону*). Фу, ты! вотъ попалъ въ передѣлку! (*Громко*) Сколько вамъ слѣдуетъ?.. Получите...

Хозяинъ. Вотъ такъ-то, другъ милый, лучше будетъ, а то думалъ ты на дурака наскочилъ, эге, братъ!

Воръ. Да говорите, сколько вамъ слѣдуетъ, не желаю я съ вами больше разговаривать.

Хозяинъ. Тридцать цѣлковыхъ слѣдуетъ.

Воръ (*вынимаетъ портфель; про себя*): Восемь да пять да тридцать — сорокъ три рубля. Можетъ быть успѣю еще хоть часть суммы отработать... (*Громко*). Получите.

Хозяинъ. Давай... ну, вотъ и распрекрасно... А ему, я тебѣ скажу, много не давай, потому, скажемъ, какой онъ ахтеръ, коли весь свой гардеробъ, робята сказываютъ, татарину продалъ...

Воръ (*выпроваживаетъ его*). Ну, хорошо, хорошо... деньги получили и ступайте.

Хозяинъ. Прощенья просимъ! Ты, милый человѣкъ, не обижайся, нельзя безъ политики, дѣло коммерческое (*ушелъ*).

X.

Воръ (*сквозь зубы*). Экспропріаторъ! Сорокъ три рубля! Скорѣй за дѣло! (*Взламываетъ ящики комода. Изъ перваго вытаскиваетъ старую рубаху, нѣсколько воротничковъ, фотографическую карточку*). Неважно для начала! (*Смотритъ карточку*). Фотографія и даже не пикантная. (*Изъ второго ящика достаетъ пачку писемъ, гребень, щетку, колоду картъ, сковородку; изъ третьяго ящика достаетъ старыя афиши, бутылку содовой, коробку съ гримомъ*). Бывалъ въ передѣлкахъ, но въ такой никогда! (*Направляется къ двери и въ дверяхъ сталкивается съ входящимъ Грамолинымъ*).

XI.

Воръ. (*живо*). Вамъ актера Грамолина? Онъ ушелъ и вернется только къ шести часамъ...

Грамолинъ. Позвольте, кто ушелъ?.. я ушелъ?..

Воръ. Вы г. Грамолинъ?

Грамолинъ. Онъ самый.

Воръ. А! очень пріятно познакомиться!

Грамолинъ. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

Воръ. Я... я человѣкъ, изъ-за васъ потерявшій свой трудовой день.

Грамолинъ. А, понимаю! Вы кредиторъ?

Воръ. Нѣтъ.

Грамолинъ. Кто же вы?

Воръ. Я экспропріаторъ.

Грамолинъ. Экспро...! у меня?. (*Пауза*). О, какъ мнѣ васъ жаль! (*Протягиваетъ ему обѣ руки*).

Воръ (*пожимаетъ ему руку*). Именно можете пожалѣть меня, такъ какъ я потерялъ не только время, но и деньги...

Грамолинъ. Вы потеряли деньги?

Воръ. Я заплатилъ по вашимъ счетамъ прачкѣ, хозяину, въ типографію...

Грамолинъ. Вы заплатили мои долги? но почему?

Воръ. Почему? Могу только сказать одно, что я сюда пришелъ не за этимъ...

Грамолинъ. Я думаю!

Воръ. Я все платилъ, надѣясь отыграться... Но у васъ нѣтъ ничего... ничего!

Грамолинъ. Ничего!

Воръ. Абсолютно ничего! Даже мебель! Это хламъ! Слушайте, я долженъ вамъ сказать,—здѣсь хозяинъ—это прямо разбойникъ какой-то, и онъ деретъ съ васъ за эту дыру невѣроятно дорого!

Грамолинъ. Дорого? Нѣтъ, я ничего не плачу...

Воръ (*со вздохомъ*). Но зато, за васъ платятъ другіе.

Грамолинъ. А, да! это вѣрно! Но, послушайте, значитъ, у васъ есть деньги?

Воръ. Что за вопросъ! Развѣ мыслимо вести какое-нибудь дѣло безъ основного капитала! Деньги идутъ только къ деньгамъ.

Грамолинъ. Итакъ, у васъ есть деньги?

Воръ. Въ моемъ дѣлѣ нельзя ихъ не имѣть. Мое дѣло тонкое, оно требуетъ извѣстнаго художественнаго развитія и само по себѣ доставляетъ не мало наслажденія. Вы артистъ, вы можете понять меня. Сегодня я работаю въ обстановкѣ стиля ампиръ, завтра Людовикъ XV, новый стиль... Это красиво! Я могу вамъ сказать, что одинъ изъ лучшихъ знатоковъ... я коллекціонеръ, какихъ мало... Но я болтаю съ вами, а время летитъ... Я ухожу... день мой потерянъ... Но я съ удовольствіемъ познакомился съ вами...

Грамолинъ. Вы очень любезны... Итакъ, вы уходите?

Воръ. Да.

Грамолинъ. Видите-ли... гм!.. Вы только-что сказали, что вы при деньгахъ... Не можете ли вы одолжить мнѣ три рубля?..

Воръ. Одолжить вамъ? . въ виду исключительности случая—извольте. Это составитъ великолѣпную главу въ моихъ мемуарахъ!

Грамолинъ. Благодарю васъ, и будьте спокойны—я возвращу...

Воръ. О, нѣтъ!

Грамолинъ. Почему?

Воръ. Потому что я надѣюсь больше съ вами не встрѣчаться (*поклонъ*). Честь имѣю кланяться! (*Уходитъ*).

XII.

Грамолинъ. Какой симпатичный молодой человѣкъ! Это не воръ, это благодѣтель какой-то!

А. А. Мюссаръ-Викентьевъ.

ЗАНАВѢСЪ.

Издательница О. П. Александрова.

Редакторъ Н. В. Корецкій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 6-й.

	стр.
Байкалъ. Стихотвореніе *П. Муринскаго*	145
Фіалка. Стихотвореніе *Ольги Маръ*	146
Сны. Разсказы *М. Дазана*	147
Въ большомъ каменномъ домѣ. Разсказъ *Л. Аверкіевой*	151
Я пойду на тихія долины. Стихотвореніе *Л. Косуновича*	155
Бродяга. Разсказъ (съ французскаго)	156
Художникъ. Разсказъ (съ еврейскаго)	158
Послѣдніе дни Н. В. Гоголя	159
Женскій трудъ на фабрикахъ. Статья *В. Любимова*	163
Зрительные образы, возбуждаемые музыкой	165
Веселый театръ. Выпускъ первый: **„Благодѣтель“**, шутка въ 1 дѣйствіи, *А. Мюссара-Викентьева*	1

Картины:

1. **Одна картина, исполненная красками и наклеенная на паспарту.**
2. **Прерванное свиданіе.**
3. **Портретъ Н. В. Гоголя.**

Приложеніе: „Избранныя Сочиненія“. Книга 4-я: **Н. В. Гоголь—Юмористическіе разсказы.**

Продолжается подписка на журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ на 1909-й годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) **6** р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города **7** р., на полгода **4** р., на 3 мѣсяца **2** р., На одинъ мѣсяцъ **58** коп.

Издательница *О. П. Александрова*. Редакторъ *И. В. Корецкій*.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39, соб. д.

Гиллертъ.

ТЕПЕРЬ и ПОТОМЪ.

№ 7. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

Литературно-художественный журналъ.

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА:

РАМПА.

Роскошное художественное изданіе для чтенія и декламаціи.

Великолѣпный, иллюстрированный сборникъ для дивертисментовъ, литературныхъ и домашнихъ вечеровъ въ заграничной обложкѣ съ олеографической картиной, воспроизведенной въ Берлинѣ масляными красками, съ многокрасочными титулами, популярными картинами знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и множествомъ портретовъ извѣстныхъ писателей и артистовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Часть 1-я. ДЛЯ ЧТЕНІЯ и ДЕКЛАМАЦІИ. Избранныя стихотворенія, поэмы, баллады и драматическіе монологи для исполнителей.
Часть 2-я. ДЛЯ ЧТЕНІЯ и ДЕКЛАМАЦІИ. Избранныя произведенія въ стихахъ для исполнительницъ.
Часть 3-я. ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ и САТИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.
Часть 4-я. СЦЕНЫ-МОНОЛОГИ.
Часть 5-я. МЕЛОДЕКЛАМАЦІИ.
Часть 6-я. КОМИЧЕСКІЕ КУПЛЕТЫ. (Съ нотами).
Часть 7-я. РОМАНСЫ (Съ нотами).
Часть 8-я. МУЗЫКА. Ноты для рояли, скрипки, віолончели, флейты и друг.
Часть 9-я. ТАНЦЫ. (Ноты).

Литературно-художественный сборникъ „РАМПА“ представляетъ громадный интересъ по своему рѣдкому изяществу и разнообразію литературнаго, художественнаго, вокальнаго и музыкальнаго матеріала для дивертисментовъ и домашнихъ литературныхъ вечеровъ.

——— Цѣна 2 рубля. Съ пересылкой 2 руб. 75 коп. ———

Подписчики журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ за пересылку не платятъ.

——— Сборникъ можетъ быть высланъ съ наложеніемъ платежа ———

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: СПБ. Книжный складъ журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Троицкая, 6.

Поступили въ продажу новыя книги:

„Изящные сборники избранныхъ разсказовъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей. съ портретами и факсимиле авторовъ на отдѣльныхъ страницахъ, въ изящныхъ переплетахъ“.

1. *Леонидъ Андреевъ.* Избранные разсказы: „Жизнь Василія Ѳивейскаго“.
2. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *А. И. Куприна, Е. Н. Чирикова и И. А. Бунина.*
   Мірное житіе. — Разсказъ А. Куприна. Мужъ. — Разсказъ Е. Чирикова. Цифры. — Разсказъ И. Бунина.
3. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *М. П. Арцыбашева, А. П. Каменскаго и В. В. Муйжеля.*
   Жена.—Разсказъ М. Арцыбашева. Ничего не было.—Разсказъ А. Каменскаго. Въ мертвомъ углу.—Разсказъ В. Муйжеля.
4. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *А. С. Серафимовича, С. П. Гусева-Оренбургскаго и С. А. Найденова.*
   Заяцъ.—Разсказъ А. Серафимовича. Могила.—Разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго. № 13-й.—Драма въ 2 дѣйствіяхъ. С. Найденова.
5. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *К. С. Баранцевича, П. П. Потапенко и Вл. А. Тихонова.*
   Горсточка родной земли.—Разсказъ К. Баранцевича. Солома.—Разсказъ В. Тихонова. Жена и дѣти.—Повѣсть И. Потапенко.
6. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *А. М. Оедорова, А. П. Будищева и Вл. К. Измайлова.*
   Человѣкъ.—Разсказъ А. Оедорова. Распря.—Разсказъ А. Будищева. Селивановъ.—Разсказъ В. Измайлова.
7. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *Бориса Лазаревскаго, М. П. Чехова, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ и А. А. Измайлова.*
   Ученица.—Повѣсть Б. Лазаревскаго. Одна изъ многихъ.—Разсказъ М. Чехова. Изъ женскихъ писемъ.—Разсказы Т. Щепкиной-Куперникъ. Барышня стараго дома. Разсказъ А. Измайлова.
8. ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ *Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко и Максима Горькаго.*

ЦѢНА каждаго сборника въ роскошномъ тисненомъ золотомъ переплетѣ изъ англійскаго коленкора съ пересылкой 75 коп.

Подписчики журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“, выписывающіе одновременно всѣ 8 сборниковъ, платятъ 3 р. 50 к. съ пересылкой. За 5 сборниковъ, по выбору, 3 р.

Весенній снѣгъ.

Изъ Шамиссо.

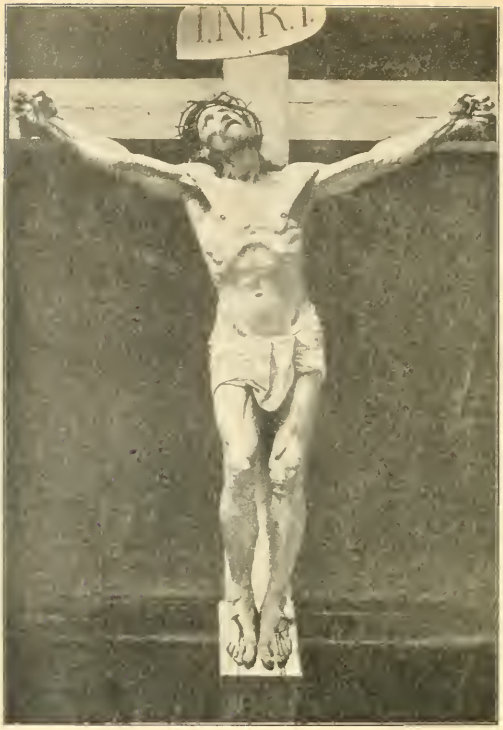
Пока владѣлъ тобою сонъ,
Обманъ къ тебѣ змѣей подкрался,
Вишь, какъ лукавый разыгрался!
Что этой ночью сдѣлалъ онъ!
И долъ и высь покрылъ пуховой
Державной мантіей зимы!
Но маска сброшена—и снова
Не провести насъ князю тьмы!
Никто его не побоится—
Надежды ожили: уже
Весна стоитъ на рубежѣ!
Терпѣнье! Пусть нечистый злится.
Терпѣнье! Солнце и весна
Несутъ цвѣты изъ странъ нездѣшнихъ:
Природа вешнихъ грезъ полна,
А я напѣвовъ полонъ вешнихъ!

Вл. Лихачовъ.

В е с н а.

Здравствуй, милая Весна,
Расцвѣтающая пышно!
Ты явилась къ намъ неслышно,
Ты задумчиво-скромна.
Безконечной красотою
Вѣютъ блѣдныя черты.
Сѣтью нѣжно-золотою
Ты сплела мои мечты.
Обвѣвая лаской кроткой
Отстрадавшаго меня,
Ты поешь про май короткій
Полный нѣги и огня!

Яковъ Годинъ.

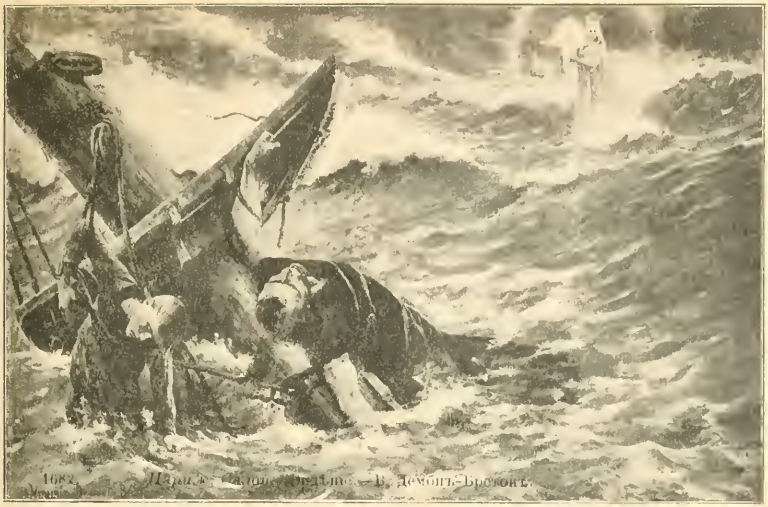


Л. Боннъ. РАСПЯТІЕ.

Вознесемся.

Вознесемся духомъ свѣтлымъ,
Чистой совѣстью своей,
Братья, всѣ въ обитель неба,
Въ даль отъ суетныхъ страстей.
Въ царство правды, въ царство свѣта
Вѣчно звѣзды насъ зовутъ—
Тамъ любовь, какъ солнце блещетъ.
Гимны ангелы поютъ.
А оттуда бросимъ взоры
Въ бездну злобы, тьмы и слезъ
И поймемъ, о чемъ молился
И за что страдалъ Христосъ!

С. Баскинъ-Серединскій.



В. Демонъ-Бретонъ. ВИДѢНІЕ.

Пасхальная заутреня.

Преданіе.

Давно случилось это страшное дѣло, но и до сихъ поръ преданіе о немъ живо среди стариковъ. И посейчасъ въ любомъ изъ прибрежныхъ селеній низовьевъ Днѣпра найдется „дидизный старецъ“, который на своей утлой душегубкѣ свезетъ любопытнаго на мѣсто происшествія и разскажетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ это единственное въ лѣтописяхъ Запорожья происшествіе.

Нѣсколько выше поворота Днѣпра отъ Херсона къ Голой Пристани лежитъ маленькій островокъ—Малый Потемкинскій. Страшное прошлое у этого незамѣтнаго островка! Глубокій „ерикъ“ сквозь густыя заросли камыша ведетъ къ нему съ рѣки. Когда-то, кромѣ камыша,. по берегамъ его росли плакучія ивы, подальше шумѣли стройные тополи, обвитые одичалымъ виноградомъ, а по самой серединѣ этого укромнаго мѣстечка разросся высокій-высокій густолиственный осокорь. Съ осокоря, какъ на ладони, видны были оба берега Днѣпра, всѣ его „гирла“ и широкій лиманъ...

Хорошее укромное было это мѣсто, и недаромъ облюбовала его компанія запорожскихъ понизовыхъ казаковъ и поселилась на немъ маленькимъ, ни отъ кого независящимъ кошемъ. Удобное это мѣсто! Рыбы и дичи разной около было вдоволь. Прятаться въ немъ можно было такъ, что хоть съ какимъ войскомъ ни приходи, не разыщешь его межъ камышами. А главное лежало оно какъ-разъ на проѣзжей дорогѣ, между чумацкимъ шляхомъ на правой сторонѣ Днѣпра и Голымъ перевозомъ—на лѣвомъ, и окраинами турецкими городами: Кизи-Керменъ [1]) (нынѣ Берславъ) и Кара-Керменъ [2]) (Очаковъ).

Поселились здѣсь запорожцы съ мирными цѣлями: коней выпасать, рыбу ловить, дичь болотную и степную бить, но при случаѣ не прочь были и поживиться бусурманскимъ добромъ. И немногія турецкія суда могли похвастать благополучнымъ

[1]) Дѣвичій городъ.
[2]) Черный городъ.

переходомъ между Кара-Керменемъ и Кизи-Керменемъ. А ужъ если на нихъ перевозились „казна“, оружіе, или тютюнъ, то и совсѣмъ плохо приходилось турецкимъ мореходамъ.

Какъ легкія тѣни неслышно выходили запорожцы въ темную ночь на своихъ чайкахъ изъ густыхъ зарослей камыша, кольцомъ окружали шедшее судно и съ крикомъ „гайда“ бросались на его палубу...

На разсвѣтѣ неповоротливая турецкая фелюга, лишенная снастей, безпомощно уносилась теченіемъ, а тяжело нагруженныя басурманскимъ добромъ казацкія чайки, точно воробушки, спѣшили въ камыши.

Не прочь были погулять братчики и на татарскомъ берегу, на Голомъ Перевозѣ, гдѣ одиноко стояла корчма стараго Янкеля.

Запорожцы любили его и даже въ пьяномъ видѣ ни разу не попытались повѣсить еврея, потому что онъ былъ единственный у нихъ поставщикъ горилки и охотно давалъ въ кредитъ, зная по опыту, что въ счастливое время казаки съ лихвой расплатятся турецкими цехинами. А еще больше прислужился Янкель казакамъ по такому случаю.

Часто загулявшіе братчики разсказывали ему о своихъ нуждахъ въ этомъ далекомъ краю и больше всего жаловались на то, что нѣтъ у нихъ попа. Даже въ большіе праздники некому обѣдню отслужить, некому по христіанскому обряду напутствовать умирающаго братчика.

— Намъ хочъ якій-нибудь, абы пипъ!—говаривали они заплетающимися языками, а Янкель моталъ себѣ на усъ и вскорѣ, дѣйствительно, досталъ братчикамъ попа.

Это былъ черноволосый, небольшой, греческаго типа человѣкъ. Изъ подъ его старенькой рясы виднѣлись запорожскіе сапоги съ острыми шпорами. На головѣ носилъ онъ красную турецкую феску, а на ремнѣ черезъ плечо, вмѣсто шашки, въ кожаномъ мѣшкѣ старое тяжелое Евангеліе. Звали попа Еремѣй. Откуда онъ былъ родомъ—никто не зналъ, да казаки и не интересовались этимъ. Съ его словъ они знали, что онъ два года провелъ въ тяжкой турецкой неволѣ, а затѣмъ проданъ въ Перекопъ. Улучивъ моментъ, онъ отправилъ своего господина въ рай Магомета, а самъ на хозяйскомъ конѣ прискакалъ къ Янкелю на Голый Перевалъ.

Батька Ярема сразу пришелся по душѣ „товариству“. Пилъ онъ горилку, какъ никто въ „кишлѣ“, а пьянъ не бывалъ. И братчики радовались, что, какъ они перепьются всѣ мертвецки, будетъ хоть одинъ „съ разумомъ“.

Съ этого времени запорожцы „шли на дѣло“ съ батьковскаго благословенія, и все чаще стали приходить въ Кара-Кермень печальныя вѣсти. Стали носиться упорные слухи о какомъ-то новомъ запорожьи у Голой Переправы. Случайно спасшіеся турецкіе мореходы разсказывали совсѣмъ невѣроятныя вещи, померещившіяся имъ съ испугу, и этимъ еще болѣе нагоняли страха на турокъ.

Нѣсколько разъ изъ Кара Керменя выходилъ неуклюжій турецкій фрегатъ съ войскомъ, чтобы уничтожить секретное кишло, но напуганные солдаты каждый разъ возвращались ни съ чѣмъ. Да и не легко было взять казаковъ въ ихъ укромномъ мѣстечкѣ...

И отступились бы, можетъ быть турки отъ маленькаго коша, да случился тяжкій грѣхъ, страшнѣй котораго нѣтъ на землѣ.

* * *

Темная южная ночь спустилась надъ Днѣпромъ, окутала все своею царственной мантіей, заворожила и забаюкала.

Воздухъ тепелъ. Тихо. Рыба не плещетъ у берега, ночныя птицы не летятъ изъ гнѣзда на охоту. Ничто не нарушаетъ торжественной тишины святой ночи. Точно крупные алмазы въ дорогой эмалевой оправѣ, милліоны звѣздъ горятъ и переливаются въ далекихъ небесахъ и отражаются въ черной стали Днѣпра.

Въ запорожскомъ кишлѣ идетъ необычайно торжественное служеніе.

Старые и молодые казаки въ праздничныхъ костюмахъ стоятъ на колѣняхъ лицомъ къ востоку. У каждаго въ рукахъ ярко горитъ восковая свѣча — самодѣлка изъ лучшаго воска отъ своихъ пчелъ. Каждый неслышно шепчетъ про себя безхитростную молитву. Запорожцы дѣтски-наивно каются въ грѣхахъ и просятъ Бога о гибели своихъ враговъ. Впереди всѣхъ стоитъ батько Ярема, въ новыхъ свѣтлыхъ ризахъ, и читаетъ „Дѣянія“.

І. Коппаи.

ДЕМОНЪ.

Подъ необъятнымъ темно-синимъ куполомъ все притаилось и чего-то ожидаетъ напряженно-радостно...

... Съ далекаго берега доносится пѣніе пѣтуха...

Батько Ярема поворачивается лицомъ къ своей колѣнопреклонной паствѣ, осѣняетъ всѣхъ массивнымъ золотымъ крестомъ и первый густымъ сильнымъ басомъ затягиваетъ:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“...

Неподвижные до сихъ поръ длинные чубы сразу такъ и заплясали во всѣ стороны на бритыхъ казацкихъ головахъ. Всколыхнулись братчики и во всю мощь легкихъ подхватили за батькомъ: „смертію смерть поправъ“... А батько уже шелъ по рядамъ отъ стараго къ малому и христосовался троекратно съ каждымъ отдѣльно.

У куреня на разостланномъ килимѣ еще съ вечера были приготовлены обильныя яства и питія. Батько благословилъ трапезу, всѣ усѣлись на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, и пошелъ пиръ горой.

Сначала пили за „Сичъ-маты, за великій лугъ батько“, потомъ за батьку-Ярему, затѣмъ за кошевого, за куренныхъ, а дальше другъ за друга и, наконецъ, каждый просто пилъ и ѣлъ сколько могъ.

Гулъ голосовъ несся далеко за предѣлы кишла, эхомъ отдавался на высокомъ правомъ берегу Днѣпра и могучею волною будилъ широкую степь

Только одинъ молодой запорожецъ, недавно еще вступившій въ кошъ и еще оффиціально не принятый въ число братчиковъ, почти ничего не пилъ, смущенно оглядывался по сторонамъ и боязливо прислушивался.

Старый кошевой, сивый чубъ котораго висѣлъ много ниже его лѣваго уха, а усы, обмазанные медомъ, были нѣсколько разъ закручены вокругъ ушей, обернулся къ молодому казаку и участливо спросилъ его: „Чего же ты, сынку, такый смутный, чомъ горилки не пьешь“?...

Ничего не отвѣтилъ кошевому молодой казакъ, только пуще еще поблѣднѣлъ, всталъ и вышелъ изъ круга.

— Усталъ быдолага, — подумалъ старый кошевой. — Онъ только сегодня вернулся. Ѣздилъ далеко въ ногайскую степь, высматривать, все-ли спокойно. А то, не ровенъ часъ. какъ перепьются хлопцы,—тутъ татары или турки...

И старикъ мутными глазами оглядѣлъ товарищество: почти всѣ уже лежали покотомъ, упившись чрезъ мѣру „жидивской горилки“ и своего изготовленія варенухи. Единственный обычно трезвый человѣкъ—батько Ярема, и тотъ сегодня хватилъ, видно, лишку и спалъ.

— Прощай розумъ, — завтра по бачымось, — усмѣхнулся кошевой и, выпивъ однимъ духомъ глечикъ меду, свалился бритой головой на чье-то урчащее брюхо...

Рогатый мѣсяцъ поднялся на небо и заглянулъ въ плавню.

И тотчасъ, точно вѣтромъ сдунуло съ татарскаго берега: по Днѣпру быстро одна за другой понеслись турецкія лодки. А у острова на легкой душегубкѣ ждалъ ихъ молодой казакъ и показывалъ ходъ въ ерикъ. Первый выскочилъ онъ на берегъ и пошелъ впереди желтолицыхъ кара-керменскихъ турокъ, подвелъ ихъ къ самому куреню и при тускломъ свѣтѣ мѣсяца указалъ на красную феску казацкаго батька. Но не выдержалъ Іуда, отвернулся и побѣжалъ обратно къ лодкамъ...

А отъ куреня неслись уже за нимъ звонкіе удары кривыхъ сабель, предсмертные стоны и хрипы, да изрѣдка громкій кличъ сразу отрезвѣвшаго запорожца: „хлопцы, до сброи“!... Но ловкій взмахъ блестящаго клинка быстро отдѣлялъ отъ плечъ голову, съ еще двигающимся языкомъ...

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда турецкія лодки, тяжело нагруженныя казацкимъ добромъ, медленно спускались внизъ по теченію, неся въ Кара-Кермень радостную вѣсть объ уничтоженіи ненавистнаго кишла.

На передней, богато убранной лодкѣ сидѣлъ рядомъ съ начальникомъ этого отряда молодой казакъ.

* * *

Три года прошло послѣ памятной заутрени. Снова настала пасхальная ночь.

Кто-то бродитъ по безлюдному казацкому кишалу... Осматривается... Наклоняется... Разглядываетъ...

То молодой казакъ вернулся на забытое мѣсто святой заутрени. Картина за картиной... ясно проходитъ роковая ночь передъ его глазами!

Вотъ здѣсь стоялъ батька Ярема и читалъ „Дѣянія“, вотъ здѣсь стоялъ, свѣсивъ на бокъ длинный сивый чубъ, старый кошевой, а тутъ почти рядомъ, и онъ—любимецъ кошевого... Затѣмъ всѣ встали, пѣли: „Христосъ воскресе“, челомкались и пошли къ куреню... Вотъ и курень. Вотъ мѣсто, гдѣ батько освятилъ трапезу... И онъ медленно обвелъ глазами знакомое мѣсто. Изъ-подъ молодой травки кое-гдѣ блестятъ бѣлые кости, да оскаленный черепъ смотритъ на него своими пустыми глазами.

И вдругъ ожила трава, зашевелилась, и изъ нее стали медленно подыматься братчики и ползти къ нему. Дыбомъ стали волосы у молодого казака. Онъ бросился бѣжать, какъ въ ту ночь, боясь оглянуться, чувствуя за собою страшную погоню.

Быстро добѣжалъ онъ до осокоря, еще быстрѣе влѣзъ на него, на самую верхушку, и рука его нащупала древко отъ условленнаго съ турками флага. Крѣпко держится древко, привязанное къ дереву его собственнымъ очкуромъ.

А погоня за нимъ приближается... Онъ уже узнаетъ отдѣльные голоса... Вотъ старый кошевой лѣзетъ уже на дерево и говоритъ ему: „чого же ты, сынку, такій смутный“?! да такъ ласково, что ему дѣлается еще страшнѣе. Вотъ-вотъ, сейчасъ старый кошевой обниметъ его своими мертвыми руками...

Молодой казакъ спѣшитъ отвязать древко флага, чтобы имъ защищаться отъ старика, лихорадочно распутываетъ свой ремянной очкуръ, а руки не слушаются его и дѣлаютъ петлю. Въ ужасѣ бросается онъ съ дерева...

Покачнулась вѣтка подъ тяжестью казака, потомъ выпрямилась снова и подбросила за собою тѣло предателя. Застонало дерево, посыпались съ него, точно дождь, молодые зеленые листики, и сразу высохло до корня...

Свѣтлое солнышко показалось на глади Днѣпра, въ травѣ запѣли кузнечики, полевыя пташки защебетали веселыя пѣсенки и понеслись къ высокому густому камышу.

* * *

До сихъ поръ на берегу ерика, гдѣ было кишло запорожцевъ, у коряваго пня осокоря мальчишки, копая червей для „принады“, находятъ осколки посуды, черепки, человѣческія кости и черепа...

Богъ вѣдаетъ, которую изъ этихъ головъ носилъ на могучихъ плечахъ старый кошевой, которую—батько Ярема и которая изъ нихъ принадлежала молодому казаку—Іудѣ предателю...

Дидизные старцы говорятъ, что всѣ они оживаютъ въ пасхальную ночь и служатъ свою безхитростную казацкую заутреню. Но только и самый смѣлый хлопецъ въ эту ночь не рѣшится близко подплыть къ этому острову, а старые люди считаютъ это за великій грѣхъ...

Алек. Морской.

Уходящимъ.

Догорала заря... И въ окно, сквозь больничныя стѣны,
Заглянулъ ко мнѣ робко прозрачною струйкою лучъ,
И шепнулъ мнѣ какъ другу, что солнце не знаетъ измѣны,
И, что дорогъ вселенной его чудодѣйственный ключъ.
Но, какъ по утру въ полѣ, вѣтрами надломленный колосъ,
Трепетала и гасла во мнѣ, умирая, душа,
А въ верху, надо мной раздавался невѣдомый голосъ:
Погоди... Потерпи... Жизнь при солнышкѣ такъ хороша!

Аркадій Бѣловоленко.

Женщина.

Не меня ты перваго ласкала,
Не со мною солнца дождалась,
Не мои уста впотьмахъ искала,
Не моею страстью обожглась.

И не я убилъ въ тебѣ ребенка
Первой сказкой перваго огня,
Ахъ, зачѣмъ не мнѣ смѣялась звонко,
Ахъ, зачѣмъ цвѣла не для меня!..

Кто-то есть, тебя уже ласкавшій,
Кто-то есть, кого ласкала ты,
Для кого, зарею догоравшей,
Поднялись пунцовые цвѣты.

Ночь пройдетъ и встанетъ солнце въ пѣнѣ
Сблаковъ, нависнувшихъ грядой,
Я склонюсь на легкія колѣни
И прощусь, случайная, съ тобой!..

Валентинъ Горянскій.

М. Гюйонъ. РАЗРЫВЪ.

Неуравновѣшанная.

Повѣсть.

I.

— Это ни на что не похоже! Бродить Богъ знаетъ гдѣ, водиться съ лицами, на которыхъ косятся благонамѣренные люди, считать, что всѣ существующіе семейные и общественные порядки слѣдуетъ измѣнить — бредъ психопатокъ и психопатовъ, а наша дочь находитъ такую компанію для себя самой подходящей. Но я укрощу ее. Она узнаетъ, что и моей добротѣ можетъ придти конецъ.

Такими угрозами сыпалъ вице-губернаторъ одного изъ университетскихъ городовъ, Евгеній Петровичъ Сверкаловъ. Это былъ полный, средняго роста, шатенъ, съ пріятнымъ лицомъ, небольшой лысиной и съ бакенбардами безъ усовъ.

Евгеній Петровичъ прохаживался по гостиной, а на диванѣ сидѣла его жена Софья Матвѣевна, полная женщина съ добрымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Въ это время изъ столовой доносился стукъ разставляемой посуды. Это еще болѣе раздражало Сверкалова.

— Не угодно ли! Время подходитъ обѣдать, а ее нѣтъ какъ нѣтъ.

Софья Матвѣевна, зная характеръ мужа, не рѣшалась заговорить, чего только и ждалъ разгнѣванный администраторъ, чтобы напуститься на жену. Видя, что она хранитъ упорное молчаніе, мужъ не выдержалъ.

— Ты словно оглохла и онѣмѣла, — рѣзко замѣтилъ онъ.

— Мнѣ нечего сказать.

— Значитъ, ты находишь поведеніе Анюты вполнѣ резоннымъ?

— Что тебѣ до того, какъ я нахожу. Ты самъ можешь все обсудить.

— Я обсудилъ и вижу, что она дрянная, неуравновѣшенная дѣвченка, а ты пресквернная мать.

Сверкалова сдѣлала движеніе, чтобъ уйти, но мужъ остановилъ ее.

Въ прихожей раздался звонокъ и послышался женскій голосъ. Сверкаловъ вынулъ часы и съ укоризной замѣтилъ.

— На десять минутъ опоздала, да еще языкъ чешетъ съ горничной.

— Иду, иду, — проговорила молодая дѣвушка, входя въ гостиную.

— Нужно было сдѣлать раньше, — упрекнулъ ее отецъ.—Ты знаешь — я не люблю дожидаться.

— Ты всегда говоришь, что надо имѣть терпѣнье, вотъ и покажи примѣръ,— шутливо замѣтила Анюта, цѣлуя отца въ щеку.

— Гдѣ ты до сихъ поръ шаталась, —строго спросилъ отецъ, направляясь въ столовую.

— Папа, я давно сказала тебѣ, что не намѣрена давать отчета въ томъ, что дѣлаю и докладывать о томъ, гдѣ была. Но ты сказалъ «шаталась». Фи! Барышня и вдругъ шатается.

— Барышня! Ха, ха. Развѣ это званіе еще сохранилось?

— Оно изъ твоего лексикона, я и недерзаю пробовать прибѣгать къ новѣйшей номенклатурѣ.

— Ты еще насмѣхаешься!

Смѣю ли я!

Подозрѣвая, что между отцомъ и дочерью произойдетъ схватка, заговорила Софья Матвѣевна.

— Тебѣ не мѣшало бы прикусить язычекъ.

Анюта сидѣла за своимъ приборомъ, упорно смотрѣла въ тарелку и, едва сдерживая улыбку, мѣшала ложкой горячій супъ.

Тебѣ непремѣнно хочется разсердить меня, — обратился къ ней отецъ.

— Что-жъ такое, если и по сердишься.

— Не смѣй дразнить меня! — проговорилъ Сверкаловъ, возвышая голосъ,

— Что жъ ты кричишь? Вѣдь ты знаешь, что я ни капельки не боюсь тебя.

— Анюта! — строго проговорила мать.

— Молчу, молчу.

Евгеній Петровичъ грознымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дочь, но промолчалъ, не желая поднимать обычной исторіи.

Обѣдъ прошелъ тоскливо. Вставъ изъ-за стола, Евгеній Петровичъ демонстративно вышелъ въ кабинетъ, а Анюта, что-то напѣвая, отправилась въ свою комнату, но тотчасъ же вышла и подбѣжала къ двери, за которой слышалось кряхтѣніе Сверкалова.

— Папа!

— Что еще? — съ неудовольствіемъ спросилъ отецъ.

— Сегодня ко мнѣ должны придти три подруги и два студента. Ты не прогонишь ихъ?

— Что-жъ такъ мало назвала? Побольше бы.

— Могу! А все-таки скажи—выгонишь или нѣтъ.

— Во-первыхъ, я никого еще не выгонялъ, а во-вторыхъ, дай мнѣ покой.

— Если выгонишь, я пойду шататься.

Сверкаловъ тяжело вздохнулъ и, повернувшись на бокъ, съ раздраженіемъ объявилъ:

— Не выгоню, только не безпокой меня.

— Не выгонитъ, не выгонитъ, не выгонитъ, — нараспѣвъ проговорила убѣгая Анюта. Она радовалась особенно тому, что въ числѣ гостей долженъ былъ придти студентъ Георгій Игнатьевичъ Усманцевъ, въ котораго она была влюблена.

II.

Уладивши съ отцомъ, Анюта отправилась къ Софьѣ Матвѣевнѣ, чтобы поговорить объ угощеніи.

— Мамочка, раскошеливайся,—начала она шутливо.—Ты знаешь, что сегодня ко мнѣ пожалуютъ гости; надо ихъ угостить какъ слѣдуетъ. Горячаго не подавай, а чтобъ были сардины, ветчина, сыръ, колбаса, бутылка вина и сладкое печенье. Изволь все это купить.

Сверкалова молча выслушала дочь и съ неудовольствіемъ замѣтила.

— За расходами и не постояла бы, но ты знаешь съ какимъ неудовольствіемъ относится къ твоимъ гостямъ отецъ. И вообще онъ настолько не одобряетъ твоего поведенія, что сегодня за тебя досталось мнѣ.

Анюта вспыхнула и иронически заговорила.

— Вотъ какъ. Хорошо же. Сегодня у меня гостей не будетъ и вы освобождаетесь отъ всякихъ расходовъ.

Сказавъ это молодая дѣвушка пошла въ прихожую, позвонила и, когда горничная подала ей верхнее платье, стремительно сбѣжала съ лѣстницы.

Узнавъ отъ прислуги, что дочь ушла изъ дому, Софья Матвѣевна всполошилась.

— «Безразсудная»,—подумала мать и отправилась къ мужу, но Сверкаловъ такъ сладко спалъ, что ей не захотѣлось его тревожить. Но когда Евгеній Петровичъ вышелъ изъ кабинета, она робко начала.

— Анюта ушла.

— Какъ ушла? Что ты хочешь этимъ сказать?

— Разсердилась, что ни ты, ни я не сочувствуемъ сборищамъ, которыя она посѣщаетъ. Вотъ и теперь—не сказала ни слова и куда-то умчалась.

— Бѣда съ ней,—потирая лобъ и опустивъ голову, проговорилъ отецъ.

Софья Матвѣевна махнула рукой и, покачавъ головой, сказала.

— Дѣйствительно съ ней трудно справляться. Все, что я говорю, не производитъ на нее впечатлѣнія, но я не прибѣгну ни къ какимъ мѣрамъ, потому что не хочу, чтобы дочь разлюбила меня.

Старый бюрократъ тоже желалъ избѣжать чего либо рѣзкаго и стремился, потихоньку возстановить въ домѣ нарушенный порядокъ. Но Анюта «гнала свою линію» и не думала объ уступкахъ. Послѣ столкновенія съ матерью она вышла на улицу и стала соображать, какъ ловчѣе выдти изъ щекотливаго подоженія. Планъ былъ быстро составленъ.

— Обойду подругъ и сообщу имъ, что фестиваль не состоялся, студентамъ пошлю о томъ извѣщеніе, а родителямъ—экзекуція.

При этомъ намѣреніи Анюта замялась. Ей жаль стало отца и мать, и она рѣшила на первый разъ наказать стариковъ умѣренно.

Съ такими мыслями она звонила въ квартиру члена судебной палаты Ивана Дмитріевича Долгунина, бывшаго товарища по университету отца. Съ дочерью Долгунина, Настей, Анюта училась вмѣстѣ и сохранила къ ней самыя дружескія отношенія.

Рослая, съ крупными выразительными чертами лица и хорошимъ бюстомъ подруга дѣтства была полнымъ контрастомъ своей пріятельницы. Всегда спокойная и разсудительная, съ плавными движеніями и внушительнымъ тономъ, Долгунина отличалась стойкими убѣжденіями. Анюту она очень любила какъ непосредственную натуру, вѣчно увлекающуюся и далекую отъ практическихъ соображеній.

— Настя, случился скандалъ,—проговорила запыхавшаяся Анюта и обняла подругу,—фестиваль откладывается.

— Не вижу въ этомъ никакого скандала. Что случилось?

— Недовольны! Родители недовольны! Они находятъ, что наша компанія держитъ себя слишкомъ независимо. Каково? Ихъ надо проучить.

Хозяйка молчала и съ улыбкой смотрѣла на свою гостью.

— Да, да, надо проучить,—продолжала Анюта,—на первый разъ я сдѣлаю вотъ что: не сообщу имъ о томъ, что не вернусь сегодня домой и останусь ночевать у тебя.

Настя нахмурилась.

— А не будетъ ли это слишкомъ жестоко?

— Ну пусть, въ другой разъ умнѣе будутъ.

Долгунина не стала возражать, полагая, что подруга одумается и отправится домой, но Сверкалова, обойдя приглашенныхъ, снова зашла къ ней. Тогда Настя нашла нужнымъ обратиться къ своей матери за разрѣшеніемъ.

Марья Павловна, нервная, худощавая женщина, съ неудовольствіемъ замѣтила.

— Я недовольна, что ты оставляешь у себя ночевать. Если бы у нея не было своего дома.

Настя перебила ее.

— Мама, прости голубушка, такъ пришлось. Анюта чѣмъ-то очень разстроена, а въ такихъ случаяхъ слово подруги лучше успокаиваетъ, чѣмъ слова отца и матери. Въ другой разъ я не оставлю ее.

Марья Павловна потрепала по шекѣ свою любимицу и, поцѣловавъ ее, пошла въ спальню.

Получивъ согласіе матери, Настя сообразила, что нужно быть очень осторожной.

Она написала записку и послала ее къ Сверкаловымъ, увѣдомляя, что ихъ дочь останется ночевать у нея.

Скоро въ домѣ Долгуниныхъ все затихло. Поговоривъ немного, подруги погасили свѣчи и пожелавъ одна другой спокойной ночи, умолкли.

Настя скоро заснула, но Анюта лежала, заложивъ руки за голову, и широко открытыми глазами смотрѣла въ темноту. Ей представилось, какое безпокойство переживаетъ ея мать.

— «Вѣрно, не ложится спать и прислушивается, не раздастся ли звонокъ или не подъѣдетъ ли извощикъ».

Анюта болѣе и болѣе стала проявлять волненіе. Она ворочалась съ боку на бокъ, садилась на кровать и закрывала лицо руками. Пробило два часа. Волненіе молодой дѣвушки достигло крайнихъ предѣловъ. Она вскочила съ постели и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась посреди комнаты. Потомъ зажгла свѣчу и подойдя къ спящей Настѣ, стала потихоньку будить ее.

— Кто тутъ?—спросила испуганная дѣвушка.

— Я. Хочу идти домой.

— Какъ домой? Въ эту пору!

— Я не могу далѣе терпѣть. Что теперь чувствуетъ мама. Она измучилась отъ неизвѣстности, не зная, гдѣ я и что со мной. Я сейчасъ одѣнусь, а ты прикажи Машѣ проводить меня.

Настя расхохоталась. Этотъ смѣхъ какъ огнемъ обжегъ Сверкалову.

— Въ такую минуту и ты можешь смѣяться надо мной. Я не ожидала отъ тебя этого.

Анюта упала лицомъ въ подушку и горько заплакала. Долгунина подошла къ ней, желая успокоить, но едва сказала нѣсколько словъ, плакавшая вскочила на ноги и, сдерживая голосъ, прошептала.

— Ты должна презирать меня. Да, должна, потому что ни одна хорошая дочь не захочетъ мучить свою мать, а я сдѣлала это и, ты вправѣ даже смѣяться надо мной.

Выпаливъ эти фразы, Анюта схватила платье и, проговоривъ «домой, домой», стала одѣваться.

Сдержанная и корректная Долгунина не безъ удовольствія наблюдала за душевными муками, происходившими въ Анютѣ. Она поняла, что въ душѣ этого капризнаго, неуравновѣшеннаго ребенка пробудились благородные инстинкты. Это тронуло Настю и она съ самымъ теплымъ чувствомъ обратилась къ подругѣ.

— Успокойся, неугомонная! Твоя мать знаетъ, что ты ночуешь у меня.

Анюта замерла.

— Какъ! Знаетъ? Отъ кого?

— Я написала ей записку и увѣдомила, что ты у насъ.

Лицо Анюты засвѣтилось.

— Извѣстила? Извѣстила?

Сказавъ это, Анюта бросилась на шею подругѣ и стала душить ее.

— Милая, божественная, спасибо тебѣ. Какая я передъ тобой жалкая и ничтожная. Ты должна презирать меня. Но что же дѣлать, если я не могу быть такой, какъ ты. Стоитъ появиться въ моей головкѣ какой нибудь мысли, и я не могу удержаться, чтобъ не сдѣлать такъ, какъ хочется.

Нѣсколько минутъ длилась дружеская бесѣда, а затѣмъ черезъ четверть часа Анюта спала уже безмятежнымъ сномъ.

III.

На утро дѣвушки заспались и горничная напрасно старалась пробудить ихъ. Только ласковый, но властный голосъ Марьи Павловны заставилъ Настю и Анюту разстаться съ подушками.

Напившись кофе и поблагодаривъ хозяевъ за гостепріимство, Сверкалова отправилась домой. Дорогой она соображала, что надо говорить матери.

— «Что было бы если бы Настя не извѣстила о томъ, что я у нее? Съ какими бы глазами я переступила свой порогъ»?

Набравшись духу, Анюта бойко вбѣжала по лѣстницѣ и смѣло вошла въ комнату Софьи Матвѣевны.

— Мамочка, прости, что я задержалась у Долгуниныхъ. У нихъ собралась большая компанія и Настя никакъ не хотѣла отпустить меня.

Сверкалова, собиравшаяся побранить Анюту, при видѣ личика дочери смягчилась и съ нѣжнымъ упрекомъ проговорила.

— Не пугай насъ. Ты знаешь, какъ мы безпокоимся о тебѣ.

Софья Матвѣевна нѣсколько разъ поцѣловала дочь и добавила.

— Я была противъ твоей вечеринки, а теперь разрѣшаю тебѣ собрать свое общество.

Обрадованная Анюта бросилась на шею матери и стала осыпать ея лицо горячими поцѣлуями.

Хотя все и обошлось благополучно, но проказница чувствовала большую неловкость, тѣмъ болѣе, что мать съ первыхъ словъ высказала готовность сдѣлать удовольствіе—разрѣшила собрать гостей.

Однако Анюта не долго находилась въ дурномъ настроеніи духа. Новыя впечатлѣнія захватили ее и она со свойственною ей неуравновѣшенностью стала метаться изъ стороны въ сторону.

Особенно ее занимала вечеринка, на которую она давно уже пригласила своихъ друзей.

Въ назначенный день и часъ гости аккуратно сошлись. Между ними замѣтными лицами были Настя Долгунина, Вѣра Челябина, Катя Сучкова, Шура Тураева и студентъ Георгій Игнатьевичъ Усманцевъ.

Какъ названныя лица, такъ и остальныя пришедшія отличались большой экзальтированностью... Только Долгунина составляла исключеніе.

Вѣра Челябина, небольшого роста, курносенькая брюнетка съ черными глазками и густыми бровями, никогда не оставалась спокойна. Заложивъ руки за спину, она быстро ходила по комнатѣ и говорила безъ умолку, не слушая того, кто ей возражалъ. Сучкова совершенно безцвѣтная личность никогда не высказывала своихъ сужденій, а только поддакивала другимъ. Усманцевъ какъ истинный джентльменъ всегда былъ одѣтъ съ иголочки, гладко выбритъ, изящно причесанъ и надушенъ хорошими духами. Всѣ знали, что Анюта чувствовала къ нему большую склонность, и это дѣлало молодого человѣка героемъ вечера.

Сначала гости усѣлись въ пріемной, но скоро отправились въ комнату Анюты, гдѣ отсутствовала оффиціальная обстановка, мѣшающая оживленію.

Едва компанія разсѣлась по мѣстамъ, какъ Челябина громко возгласила.

— Анюта, Теберинцева прислала отказъ. Она не желаетъ участвовать въ нашемъ благотворительномъ спектаклѣ.

— Какъ не желаетъ? Какъ не желаетъ! Какъ не желаетъ...—послышались вопросы.

— Такъ не желаетъ, такъ не желаетъ! Ей извѣстно, что мы не пользуемся благоволеніемъ начальства, она и боится не угодить ему. Какъ намъ быть?

— Устроить ей грандіозный скандалъ, отчетливо проговорила Анюта—да такой скандалъ, чтобы она убралась изъ города.

— Да, да, необходимо, соглашались остальные.

— А раньше этого составимъ коллективный протестъ и отошлемъ его ей, предложила Челябина.

Компанія согласилась и съ этимъ, возразилъ одинъ Усманцевъ.

— Я позволю себѣ замѣтить, что мы несправедливо относимся къ Теберинцевой. Она имѣетъ право поступать какъ хочетъ.

— Вы слишкомъ снисходительны. Надо помнить общественные интересы и карать тѣхъ, кто забываетъ ихъ. Къ такимъ госпожамъ надо быть строже и дѣйствовать рѣшительно. Наше время не такое, чтобы прощать пренебреженіе къ благому дѣлу. Довольно и того, что своевольничаетъ администрація.

Анюта проговорила это до того забавно и напыщенно, что Долгунина расхохоталась.

— Ахъ, Анюта, Анюта! Хорошо, что тебя не слышитъ отецъ. Дочь вице-губернатора и громитъ чиновниковъ.

Но молодая хозяйка не унималась.

— Довольно было произвола! Мы должны идти противъ него въ какой бы формѣ онъ не проявлялся. Итакъ, господа, мы протестуемъ.

— Конечно, согласилась Сучкова. Сначала напишемъ протестъ, а потомъ произведемъ демонстрацію.

— Вѣрно, вѣрно, послышались голоса.

— Георгій Игнатьевичъ, извольте садиться и писать протестъ, распоряжалась Анюта.

Усманцеву пришлось исполнить волю хозяйки. Текстъ былъ набросанъ, одобренъ и Челябина стала уже его переписывать на бѣло, но вошла горничная приглашать въ столовую.

Гостей встрѣтила Софья Матвѣевна. Сначала молодые люди стѣснялись присутствія вице-губернаторши, но Анюта быстро сбросила этотъ гнетъ.

— Господа, вы не смущайтесь. Мамаша только видомъ пугаетъ, а на самомъ дѣлѣ она дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторые изъ гостей улыбнулись. Софья Матвѣевна пригрозила дочери пальцемъ. Шалость Анюты благотворно подѣйствовала на собравшихся и всѣ принялись за то, что стояло на столѣ.

Когда чаепитіе окончилось и общество разбилось на части, Анюта съ Усманцевымъ подошли къ окну и негромко заговорили.

— Вы на меня нехорошо смотрѣли, тихо замѣтилъ студентъ.

— Молите Бога, что такъ смотрѣла, а по настоящему я должна была совсѣмъ отвернуться отъ васъ.

— За что же?

— Еще вы спрашиваете! Трусъ и увалень. Зачѣмъ вы признались мнѣ въ любви? Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что люблю васъ, и если не дѣлаю предложеніе, то только потому, что къ вашему отцу невозможно подступиться. Пожалуй онъ сочтетъ это дерзостью и меня выжмутъ изъ университета.

— Вотъ хорошо то будетъ! Вы, какъ пострадавшій будете нуждаться въ участіи и я стану вашимъ утѣшеніемъ. Хорошо сказала?

— И тутъ вы шутите!

— Развѣ я могу серьезно говорить, когда вы такъ дурно говорите о моемъ отцѣ? Онъ хорошій человѣкъ.

— Если такъ .. завтра же я сдѣлаю предложеніе.

Анюта задумчиво проговорила.

— Хорошо, только вотъ что! Поклянитесь, что всю жизнь вы будете моимъ другомъ... и рабомъ.

— Зачѣмъ же рабомъ?

— Такъ хочу.

Усманцевъ махнулъ рукой.

— Рабомъ, такъ рабомъ!

— Вотъ и умникъ. Но вы все-таки обождите. Я сначала подготовлю почву.

Студентъ любуясь смотрѣлъ на свою невѣсту и тихо проговорилъ.

— Какъ я васъ люблю.

Анюта приложила палецъ къ губамъ и прошептала.

— Послѣ!

Въ богатой гостинной вице-губернатора, молодежи было не по себѣ и они опять вскорѣ очутились въ комнатѣ Анюты, куда имъ подали конфекты, фрукты и вино.

Безпокойная хозяйка тотчасъ же затронула интересовавшій всѣхъ вопросъ о Теберинцевой.

— Что же нашъ протестъ переписанъ набѣло?—обратилась она къ Челябиной.

— Да. Извольте подписывать.

Протестъ былъ подписанъ и врученъ Усманцеву для доставленія по адресу.

Въ первомъ часу ночи компанія разошлась.

П. М. Невѣжинъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

А. Ригло. МЕЖДУ ДВУХЪ ОГНЕЙ.

ВЪ ЛѢСУ.

Разсказъ.

— Лидія Михайловна, готовы?

— Василій Александровичъ!.. Не рано-ли?

— Вы назначили въ четыре. Теперь начало пятаго. Идемъ?

— Идемъ. Дождя не будетъ?

— Нѣтъ, могу поручиться.

— Ну, я сейчасъ.

Темная головка съ свѣжимъ, слегка загорѣлымъ лицомъ и живыми золотисто-свѣтлыми глазами исчезла. Василій Александровичъ, молодой художникъ, стоялъ возлѣ окна въ ожиданіи. Мягкая улыбка, бывшая на лицѣ во время краткаго діалога, померкла и остался только слабый отблескъ ея—мягкій блескъ глазъ и полураскрытыя свѣжія губы, готовыя опять разбѣжаться въ улыбку.

Онъ посматривалъ то на небо, гдѣ въ синевѣ плыли легкія, какъ паутина, облака, то на дверь, откуда должна была выйти Лида. Вчера они уговорились идти за грибами и вотъ Василій Александровичъ зашелъ за Лидой. Они жили почти по сосѣдству, на дачѣ, часто встрѣчались, гуляли. Лида училась въ консерваторіи, хорошо играла, Василій Александровичъ любилъ музыку и это было первое, на чемъ они сошлись. А потомъ нашлись и другія точки соприкосновенія.

— Вотъ и я,—послышался звучный, мягкій голосъ.

Лида сбѣжала по ступенькамъ, стройная, изящная, въ свѣтлой, тонкой кофточкѣ, безъ шляпы, съ легкой корзиночкой въ рукѣ. Глаза весело поблескивали, лицо улыбалось.

Василій Александровичъ подошелъ. Поздоровались. Тонкая съ длинными пальцами рука Лиды чуть-чуть задержалась въ широкой рукѣ Василія Александровича.

Въ лѣсу не сыро? Я въ легкихъ ботинкахъ.

Изъ-подъ черной юбки выглянули двѣ маленькія, изящныя ножки въ свѣтлыхъ высокихъ ботинкахъ.

— Нѣтъ. Росы уже нѣтъ, а дождя не будетъ.

— Повѣрю вамъ на слово,—улыбнулась Лида.

Они вышли со двора и, пройдя немного по дорогѣ, свернули на широкую просѣку, тянувшуюся въ глубь лѣса.

Вдоль просѣки, за канавами, въ которыхъ тихо журчала вода, стояли высокія

красноватыя сосны съ ажурными темно-зелеными вершинами и густыя, лохматыя ели. За ними прятались бѣлостволыя, нѣжно-зеленыя березы и въ мягкомъ шелестѣ ихъ вѣтвей слышалась тихая печаль. По краямъ просѣки лежали тѣни, рыхлая, покрытая блѣдными ростками зелени дорога была освѣщена солнцемъ. Лѣсъ чуть слышно шумѣлъ спокойно дремлющей листвою и шумъ былъ мелодичный, тихій, какъ вздохи земли. Вдали синѣло небо, бѣлѣли легкія облака.

Молодые люди шли, весело болтая.

— Вы взяли слишкомъ малую корзину,— шутливо говорилъ Василій Александровичъ, окидывая любующимся взглядомъ Лиду.

— А вы такой завзятый грибникъ?—такимъ же тономъ отвѣтила Лида.—Я этого не знала. Вы что нибудь понимаете въ грибахъ?

— Да, если они хорошо приготовлены, ѣмъ съ удовольствіемъ.

— Да нѣтъ, не то,—разсмѣялась Лида.—Вы хорошо различаете породы грибовъ?

— Н-не совсѣмъ,—замялся Василій Александровичъ.—Грибъ отъ пенька отличу, а дальше мои познанія не идутъ.

— Вотъ это мило!—воскликнула Лида, останавливаясь.—Да какъ же вы будете искать грибы?

— Очень просто:—найду, сорву и въ корзину.

— А если онъ вредный, ядовитый?

— А развѣ такіе грибы есть?— простодушно спросилъ Василій Александровичъ.

— Да вы совсѣмъ младенецъ!—воскликнула со смѣхомъ Лида.—Вы даже не знаете, что есть вредные грибы—мухоморы, змѣевики, поганки... И вы будете тащить всю эту гадость въ корзину?

— Буду,—вздохнулъ художникъ.

— Нѣтъ-съ, я вамъ этого не позволю,—энергично качнула головой Лида.—Я думала мы будемъ искать порознь, сходиться, расходиться, аукаться, а теперь придется ходить вмѣстѣ. Я васъ беру подъ свое покровительство.

Василій Александровичъ радостно подпрыгнулъ.

— Что съ вами?—спросила Лида.

— Благословляю небо за свое незнаніе.

— Погодите радоваться. Я буду очень строга...

— Будьте безпощадны...

— И за каждый промахъ буду бить по рукамъ.

— Десница карающаго милосердна.

Просѣка окончилась. За канавой вилась узенькая тропинка, убѣгавшая въ глубину лѣса.

Лида и Василій Александровичъ перешли по бревну черезъ канаву и вступили въ лѣсъ.

— Мы въ грибномъ царствѣ,—сказала Лида.

Въ чащѣ была прохлада и тѣнь. Густыя ели и старыя сосны почти не пропускали солнечнаго свѣта, зеленый, насыщенный запахомъ сосенъ сумракъ колыхался внизу и только кое-гдѣ лежали на травѣ солнечныя пятна. Землю покрывалъ густой, ярко-зеленый мохъ, рѣдкая трава, сухой валежникъ. Лида и Василій Александровичъ свернули съ тропинки и пошли подъ соснами. Ноги мягко тонули во мху, заглушавшемъ шаги, и, казалось, подъ ногами лежалъ огромный пушистый коверъ.

Вдругъ Василій Александровичъ быстро наклонился и вскрикнулъ:

— Грибъ!

Онъ поднялся, держа въ рукѣ небольшой желтый грибъ съ слегка осклизлой синеватой ножкой. Лида взглянула и замахала руками.

— Фи, гадость! Змѣевикъ. Бросьте!.. Вытрите руки. И пожалуйста не хватайте всякую гадость.

— Слушаю, повелительница!.. А этотъ можно?

Василій Александровичъ указалъ на ярко-оранжевый съ бѣлыми крапинками грибъ, торчавшій во мху на тонкой ножкѣ.

— Не смѣйте,—вскрикнула Лида.—Это мухоморъ. Боже мой, какой вы невѣжда! Съ вами не наберешь грибовъ... Ахъ, сыроѣшка!

Лида побѣжала впередъ и сорвала большой ярко-красный грибъ.

— Какая интересная окраска,—сказалъ Василій Александровичъ, разсматривая грибъ.—Это и для этюда годится.

— Такіе берите. Это сыроѣшки... А вотъ моховикъ,—наклонилась опять Лида.— Видите? Сверху свѣтло-палевый, внизу бархатисто-коричневый... А вонъ лисичка.

— Гдѣ, гдѣ?—удивленно забѣгалъ глазами Василій Александровичъ.

— Вотъ, пріютилась у пня.

Лида выдернула изъ травы маленькій, желтый, похожій на засушенный цвѣтокъ грибъ, торчавшій возлѣ срубленной ели.

— Только-то?—разочарованно сказалъ Василій Александровичъ.—Я думалъ въ самомъ дѣлѣ лисичка.

Они шли по лѣсу, срывая на ходу грибы, смѣясь и болтая. Вверху такъ же высоко и сумрачно темнѣли сосны и сквозь нихъ едва голубѣло далекое небо. Было прохладно, тихо. Солнце уже свѣтило какъ-то сбоку, прорываясь порою сквозь гущину вѣтвей. Снопъ лучей падая тогда на сочную траву, на сухой ломъ и сумрачный лѣсъ, казалось, чуть-чуть улыбался краешкомъ губъ. И если въ эту солнечную прорѣзь попадала береза, она вся загоралась, какъ свѣча, блѣдно-розовымъ пламенемъ...

— А что, если мы встрѣтимъ медвѣдя?—вдругъ останавливаясь, спросила Лида.

— Я тогда полѣзу на дерево,—не задумываясь, сказалъ Василій Александровичъ.

— Покорнѣйше благодарю,—иронически поклонилась Лида.—А я какъ же?

— Вы?.. Васъ медвѣдь не тронетъ.

— Почему?

— Медвѣди боятся женщинъ. Я это не разъ видѣлъ въ жизни.

— Не говорите глупостей,—засмѣялась Лида.—Ахъ, бѣлый грибъ!..

Они шли все дальше, потерявъ первоначальное направленіе. Тропинка давно уже пропала. Подъ ногами потрескивалъ старый сушнякъ, шаги заглушалъ мягкій мохъ. Слышался крѣпкій ароматъ сосенъ. Отъ кустарниковъ и травы лились еще какіе-то терпкіе запахи. Воздухъ былъ густой, тягучій, какъ старое, ароматное вино, и, какъ вино, опьянялъ и кружилъ голову.

Мѣстность между тѣмъ стала понижаться. Лѣсъ пошелъ мельче, рѣже, солнечные лучи пробивались чаще. Попадались мелкія, ярко-зеленыя полянки; въ темной гущинѣ лѣса онѣ казались яркими, смѣющимися пятнами и по нимъ тепло и весело бродили солнечные лучи.

Прошли еще немного и впереди показался просвѣтъ.

— Куда это мы забрели?—спросилъ Василій Александровичъ, плохо знавшій мѣстность.

Лида остановилась, осмотрѣлась и сказала:

— Ко второй просѣкѣ. Она идетъ параллельно первой и по ней намъ было-бы удобнѣе возвратиться. Только едва-ли мы здѣсь переберемся.

— Почему?

— Болото, вода.

— Посмотримъ.

Они вышли на опушку. Передъ нимъ лежала длинная узкая поляна, за которой опять начинался лѣсъ. Поляна тянулась впадиной, была покрыта блѣдно-зеленой болотной травой и по запаху сырости и влаги чувствовалось, что въ травѣ сочится вода.

Василій Александровичъ пошелъ черезъ впадину. Онъ былъ въ большихъ сапогахъ и хотя ноги глубоко тонули въ травѣ и внизу хлюпала вода, но перейти было не трудно.

— Пустяки, перейдемъ,—сказалъ онъ, возвращаясь.—Воды здѣсь мало.

— Вы-то перейдете, а я нѣтъ,—сказала Лида.

Я васъ перенесу.

— Ну ужъ нѣтъ,—покачала головой Лида.

— Почему?

— Еще уроните въ болото.

— Ну вотъ пустяки. Серьезно, Лидія Михайловна, я васъ перенесу.

Лида не соглашалась, качая головой и блестя смѣющимися глазами. Такая переправа казалась ей забавною, оригинальною, но что-то мѣшало согласиться, и она колебалась. Однако Василій Александровичъ сталъ упрашивать такъ настойчиво, съ такимъ умоляющимъ видомъ, что Лида разсмѣялась и согласилась.

— Да вы, пожалуй, и не подымите меня,—насмѣшливо сказала она, окидывая лукавымъ взглядомъ стройную, крѣпкую фигуру художника.

— Васъ-то? Какъ перышко.

Онъ подошелъ и бережно, легко взялъ Лиду на руки.

Когда онъ поднялъ ее, она засмѣялась какъ-то нервно, приподнято и вдругъ притихла. Одна рука ея лежала на плечѣ Василія Александровича, въ другой она держала корзину. Она чувствовала, какъ руки Василія Александровича крѣпко обвились вокругъ нея, и въ этомъ было что-то волнующее, тревожное. Всею тяжестью своего тѣла она лежала на груди Василія Александровича, пряди волосъ ея падали на его лицо, безсильно свѣсившіяся ноги были прижаты къ его твердымъ отъ напрягшихся мускуловъ ногамъ.

Чувствуя неловкость отъ такой близости, Лида шевельнулась и хотѣла немного отстраниться.

— Вамъ неудобно?—спросилъ, останавливаясь, Василій Александровичъ—измѣнившимся, тихимъ голосомъ.

— Да... Знаете что? Не будемъ переходить,—сказала она, чувствуя, какъ разростается въ ея груди волнующее чувство неловкости и смутной тревоги.

— Почему? Вѣдь тутъ два шага,—умоляющимъ тономъ сказалъ Василій Александровичъ.

Рука его, обвитая вокругъ ея стана, чуть-чуть дрожала и пальцы трепетно касались груди.

Лида взглянула на него и ее непріятно поразило измѣнившееся выраженіе его лица. То мягкое, милое, непринужденное, что видѣла въ немъ всегда Лида, куда-то исчезло, что-то новое, непріятно-напряженное, появилось на немъ; свѣтлые, спокойные глаза округлились, потемнѣли, какъ темнѣетъ вода въ предчувствіи близкой грозы, и то, что увидѣла Лида въ глубинѣ ихъ, испугало ее.

— Пожалуйста, отпустите меня,—какимъ-то чужимъ, холоднымъ голосомъ сказала она, отклоняясь.

Онъ посмотрѣлъ на Лиду и, встрѣтившись съ ея сухими, холодными глазами, медленно опустилъ ее на землю.

— Пора домой, поздно ужъ,—отрывисто сказала Лида, не глядя на Василія Александровича.

— Домой?.. Пойдемте,—растерянно промолвилъ онъ, проводя рукой по лицу. Онъ быстро и глубоко дышалъ, сладкій опьяняющій туманъ застилалъ голову, что-то властное, знойное тянуло его къ молодой дѣвушкѣ, и онъ дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы подавить это чувство.

Они опять вошли въ лѣсъ, уже потемнѣвшій, окутанный прозрачными тѣнями. У Лиды тревожно постукивало сердце, чувствовалась слабость въ ногахъ и на душѣ былъ непріятный, тяжелый осадокъ. Она шла быстро, впереди Василія Александровича, точно убѣгала отъ чего-то и боялась оглянуться назадъ. Ей было обидно и досадно. Досадно на себя за то, что согласилась на эту рискованную, ненужную переправу, обидно за Василія Александровича, у котораго пробудилось и зажглось что-то такое, что непріятно и больно отозвалось въ ея душѣ. И она шла молча, быстро, стараясь поскорѣе пройти этотъ наполненный тѣнями, молчаливый, пугающій своею гущиною лѣсъ. И только, когда подошли къ просѣкѣ, Лида остановилась и тяжело перевела духъ. Лицо ея было блѣдно, на лбу выступили мелкія росинки пота.

— Устали?—съ робкимъ участіемъ спросилъ Василій Александровичъ.—Онъ угадывалъ, что дѣлалось въ душѣ дѣвушки, и, сознавая, что въ сущности онъ во всемъ виноватъ, чувствовалъ себя скверно. То острое, раздражающее ощущеніе, которое съ какимъ-то неожиданнымъ захватомъ пробудилось въ немъ, когда онъ держалъ въ своихъ рукахъ Лиду, прошло и осталась только мучительная неловкость, почти стыдъ за свою невыдержанность, неумѣніе владѣть собою.

— Да, устала, мы слишкомъ много ходили,—тихо сказала Лида, нервно поводя плечами.—Давайте сядемъ.

Она выбрала гладкій сосновый пень и сѣла. Онъ сѣлъ невдалекѣ, на краю песчанаго холма, прорѣзаннаго просѣкой. Сидѣли молча. Оба думали объ одномъ и оба чувствовали себя такъ, точно потеряли что-то дорогое, нѣжное, любимое. И въ душѣ было сожалѣніе, печаль и неотступное желаніе найти, вернуть утерянное.

Въ лѣсу было тихо. Онъ замеръ, застылъ въ ожиданіи заката. Издали, со стороны дачъ, смутно доносились какіе-то звуки, голоса. Гдѣ-то внизу, въ мелколѣсьѣ, тихо позванивало колокольчиками стадо. Просѣка была закрыта густою тѣнью. За

темно-зеленой сплошной стѣною лѣса заходило солнце, дальнія березы и сосны нѣжно рдѣли въ его лучахъ и пламенно розовѣло блѣдно-синее небо.

Василій Александровичъ смотрѣлъ задумчивымъ взглядомъ въ глубину просѣки, гдѣ въ розовомъ и свѣтломъ стояли деревья, согрѣтыя послѣдними лучами заката.

Лида незамѣтно поглядывала на Василія Александровича. У него теперь было прежнее, хорошее, но затуманенное лицо. Очевидно, ему было не по себѣ. Лида стала вдумываться въ его настроеніе, въ то, что было теперь у него на душѣ. Ей казалось, что ему такъ же тяжело, непріятно, какъ и ей, и, можетъ быть еще больше. «Какъ это обидно, грустно», съ горечью думала она. Было такъ хорошо, весело, просто—и вдругъ налетѣлъ какой-то вихрь, закружился, осыпалъ ихъ ѣдкой пылью, надломилъ нѣжный ростокъ ихъ дружбы. И они какъ будто отдалились другъ отъ друга, стали чужими, враждебными. Какъ непріятно, и кто виноватъ?

Лида стала думать о томъ, что она, можетъ быть, неправа по отношенію къ Василію Александровичу, что, можетъ быть, то, что такъ взволновало ее, показалось ей въ преувеличенномъ видѣ, и не сама ли она виновата во всемъ... Во всякомъ случаѣ то, что произошло, и для нея, и для Василія Александровича было неожиданностью. И ей захотѣлось заговорить съ нимъ прежнимъ дружескимъ тономъ, сгладить то непріятное, тягостное, что легло между ними, вернуть прежнюю простоту и ясность отношеній.

— О чемъ задумались?—спросила она тихо.

Василій Александровичъ взглянулъ на нее осторожно, точно боясь, что его взглядъ будетъ ей непріятенъ, и сказалъ:

— Такъ, засмотрѣлся на закатъ.

Онъ посмотрѣлъ въ глубину просѣки, гдѣ пламенѣли въ какомъ-то тихомъ ликованіи верхушки сосенъ, и сказалъ:

— Люблю я здѣшніе вечера. Въ нихъ столько тишины и нѣжной, мягкой грусти. Солнце зайдетъ и долго горитъ заря, и блѣдно-розовыя сумерки висятъ въ воздухѣ. Сосны такія строгія, величественныя... Кругомъ свѣтло, тихо и кажется, будто попалъ въ какое-то свѣтлое царство покоя, въ особый, прекрасный міръ, гдѣ нѣтъ ни страстей, ни желаній, а одно только сознаніе тишины, умиротворенія...

Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на Лиду, которая внимательно слушала его.

— Да, это хорошія минуты,—тихо сказала она и что-то мягкое, задушевное проплыло въ ея голосѣ.—Мнѣ нравятся сумерки, этотъ полусвѣтъ, полутьма, когда на западѣ остается только блѣдно-оранжевое отраженіе заката. Сосны и ели рисуются тогда четко, рѣзко. Онѣ кажутся черными, нѣмыми. Молчатъ и точно вслушиваются въ что-то недоступное намъ... Въ такія минуты хочется играть что нибудь строгое, прекрасное. Звуки просятся сами, ихъ точно зоветъ къ себѣ тишина.

— Во всемъ этомъ много проникновенной, чистой красоты,—задумчиво сказалъ Василій Александровичъ.—Она такъ близка, такъ понятна и если бы люди чаще и глубже всматривались въ нее, они были бы лучше.

Вдали зашумѣлъ поѣздъ. Въ лѣсу этотъ шумъ разливался широко, гулко, точно между деревьями, по просѣкамъ, ползло что-то большое, страшное, и въ ужасѣ качались вѣтви и дрожала листва. Послышался свистокъ, гулкій, протяжный. И когда онъ смолкъ, лѣсное эхо подхватило его и долго перекатывало ритмическими колебаніями, унося все дальше въ глубь лѣса.

— Это восьмичасовой, пора домой,—сказала Лида, вставая.

Василій Александровичъ поднялся и помогъ Лидѣ сойти съ холма на просѣку. И какъ-то случилось такъ, что рука Лиды осталась въ его рукѣ. Оба это чувствовали, но шли, казалось, не замѣчая, и въ этомъ было что-то дружеское, примиряющее. Та сумрачная тѣнь, которая набѣжала на нихъ подъ сводами лѣса, въ пряной гущинѣ его травъ и запаховъ, таяла и исчезала въ свѣтлой тишинѣ вечера. Къ Василію Александровичу возвращалось прежнее хорошее настроеніе. Онъ чувствовалъ, что Лида простила его, но была какая-то тѣнь колебанія, неувѣренности.

— Вы не сердитесь на меня?—тихо спросилъ онъ, стараясь заглянуть въ глубину ея глазъ.

— Нѣтъ. Я сама виновата... Не будемъ больше говорить объ этомъ.

Лида посмотрѣла на Василія Александровича свѣтлыми, дружескими глазами.

«Поняла, простила, милая, умная», радостно подумалъ онъ, и ему стало такъ хо-

рошо отъ этого сознанія, отъ ея взгляда, что онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку. Рука Лиды чуть-чуть дрогнула, но осталась по прежнему въ его рукѣ.

Они медленно шли по просѣкѣ, радостно-спокойные, примиренные.

На встрѣчу имъ тихо плылъ вечеръ съ мягкими тѣнями, тишиной и нѣжной сѣверной грустью, свѣтлѣло блѣдно-розовое небо и переливчато-тонко звенѣла по краямъ просѣки вода.

П. Сурожскій.

Б. Жирарде.

СВЯТАЯ ДѢВА.

А. Сезиль де-Ессаръ. УТРО.

Привидѣніе.

Луи Пайэна.

(съ французскаго).

Новый романъ Жака Дорвеля имѣлъ огромный успѣхъ. Отнынѣ имя молодого писателя было извѣстно, и старые, всѣми забытые и мелкіе, никому неизвѣстные товарищи его перестали говорить:

— У него есть талантъ, у Дорвеля. Онъ пробьетъ себѣ дорогу.

Жакъ Дорвель пробилъ себѣ дорогу; онъ дѣйствительно достигъ славы.

Два столбца, напечатанныхъ въ одной изъ распространенныхъ ежедневныхъ газетъ вліятельнымъ критикомъ, были полны самыхъ лестныхъ похвалъ по адресу молодого писателя, а послушные читатели старательно исполняли данный имъ совѣтъ и стремительно раскупали новую книгу.

Романъ выдержалъ рядъ изданій.

Портретъ Дорвеля появился во всѣхъ иллюстраціяхъ. Самые заманчивые предложенія ото всѣхъ издателей обезпечивали ему блестящую будущность.

Жакъ Дорвель былъ странный человѣкъ. Высокій, блѣдный и худой, онъ напоминалъ выросшее безъ свѣта растеніе.

Несмотря на молодость, онъ ходилъ сгорбленный, рѣзкія черты лица его не согласовались со свѣтлыми волосами. Большіе сѣрые глаза глядѣли странно, задумчиво, точно не видѣли того, на что смотрятъ.

Чрезвычайно нервный и болѣзненный, Жакъ, будучи ребенкомъ, страдалъ припадками черной меланхоліи. Потомъ онъ весь отдался литературѣ. Онъ былъ богатъ, и женился по любви: Люсьенъ была красивой, нарядной куколкой съ которой онъ любилъ поиграть, когда имѣлъ время.

Онъ страдалъ, когда замѣтилъ въ женѣ полное отсутствіе интереса ко всему, что не касается тряпокъ, выѣздовъ и флиртовъ; онъ плакалъ, видя, какъ быстро его жена отъ него отдаляется, съ какою скукой и неудовольствіемъ она принимаетъ его ласки. Но объ этомъ не зналъ никто. Даже сама Люсьенъ была увѣрена, что она превосходно ведетъ себя и что ея Жакъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Самые близкіе друзья Дорвеля не заподозрили-бы, читая его книгу, что она—исторія его собственной души.

Жакъ описывалъ случай ревности, вѣчно скрываемой и все болѣе и болѣе растущей подъ вліяніемъ мельчайшихъ фактовъ. Въ образѣ Пьера Нервиля онъ описывалъ самого себя такимъ, какимъ онъ себя чувствовалъ. Пьеръ Нервиль подъ конецъ убиваетъ свою жену подъ впечатлѣніемъ найденнаго имъ любовнаго письма.

Жакъ писалъ и переживалъ все то, что описывалъ. Онъ такъ увлекся своей работой, что часто не могъ разобраться, описывалъ ли онъ дѣйствительно случившіеся факты, или это плодъ воображенія. И затѣмъ, послѣ изданія и успѣха его книги, онъ не могъ забыть героя своего романа,—такъ глубоко и отчетливо онъ пережилъ его страданія и отчаянія. Ему казалось, что Пьеръ Нервиль дѣйствительно живетъ и онъ рядомъ съ нимъ. Это былъ отнынѣ неразлучный другъ, свидѣтель всѣхъ его мыслей и поступковъ. Жакъ съ нимъ разговаривалъ, совѣтовался, и вѣчно чувствовалъ его съ собою. Понемногу призракъ Пьера Нервиля овладѣвалъ имъ, заставляя его самого переживать всю жизнь его героя. Дѣйствительность перестала существовать для Жака, жизнь его превратилась въ незадолго передъ этимъ написанный романъ. Люсьенъ, какъ и героиня книги, становилась все большей и большей кокеткой, заводила все болѣе и болѣе компрометирующіе флирты, постепенно пріобрѣтая прелесть женщины, тайно любящей и любимой.

Невидимый товарищъ Дорвеля не упускалъ случая указывать Жаку всѣ мелкія перемѣны, происходящія за послѣднее время, перемѣны для обыкновеннаго взгляда незамѣтныя, но для Жака особенно значительныя. Какъ только Дорвель оставался одинъ, призракъ появлялся, не давая ему покоя; онъ чувствовалъ, что сходилъ съ ума, и ему нужно было дѣлать большія усилія, чтобы при встрѣчахъ съ женой сохранить спокойствіе. Но однажды онъ вдругъ понялъ, что не сможетъ противиться призраку, что ему придется пережить свой романъ до конца, до кровавой развязки, и, потерявъ способность сопротивляться, онъ отдался таинственно овладѣвшей имъ силѣ, силѣ созданной имъ самимъ...

Въ этотъ вечеръ Дорвель долго не ложился. Большимм шагами онъ ходилъ по кабинету. Послѣ обычныхъ ласкъ Люсьенъ пошла спать, и съ самаго ея ухода Жакъ отбивался отъ собственныхъ мыслей. Слышно было, какъ барабанилъ по стекламъ дождь какъ завывалъ вѣтеръ. Словно весь міръ жаловался и плакалъ.

Дорвель чувствовалъ рядомъ съ собой призракъ героя, чувствовалъ его еще ближе, сильнѣе, внушительнѣе. Онъ сопротивлялся, но все слабѣе и слабѣе...

Пробилъ часъ... Дорвель вздрогнулъ... Онъ повернулся, хотѣлъ подойти къ своему письменному столу и вдругъ остановился. Одинъ изъ ящиковъ,—онъ помнилъ, что не открывалъ его,—былъ выдвинутъ, и среди бумагъ блестящій револьверъ притягивалъ его взглядъ. Дорвель почувствовалъ, что остатокъ разума покидаетъ его и, повинуясь невидимой силѣ схватилъ револьверъ.

Какъ разъ въ такую же ночь происходила въ романѣ развязка драмы, и Дорвель переживалъ послѣднія ея перипетіи. Онъ вышелъ изъ кабинета, безшумно пробрался черезъ корридоръ и медленно открылъ дверь въ комнату жены. Въ спальнѣ царилъ полумракъ. Горѣлъ маленькій ночникъ и слегка освѣщалъ комнату. Люсьенъ спала, улыбаясь сквозь сонъ. Спустившаяся рубашка открывала равномѣрно поднимавшуюся и опускавшуюся отъ дыханья грудь. Въ эту минуту Жакъ ясно услышалъ голосъ, кричащій ему:

— Стрѣляй!.. Да стрѣляй же, дуракъ! Жакъ поднялъ револьверъ. Но, вдругъ, послѣднимъ усиліемъ разума, онъ понялъ свое безуміе, и, послѣднимъ рѣшительнымъ движеніемъ онъ приложилъ дуло къ виску и выстрѣлилъ...

И, въ то время, какъ Люсьенъ, вдругъ проснувшаяся, съ ужасомъ глядѣла на него,—онъ тяжело упалъ на полъ.

Почему въ Бельгіи не примѣняется казнь?

„Смертная казнь — горе для народа и позоръ для націи". Этотъ афоризмъ великаго бельгійца Кетле, находившаго время, среди занятій точными науками, интересоваться и соціальными вопросами, служитъ обычнымъ эпиграфомъ для статей по вопросу о смертной казни въ бельгійской общей и спеціальной юридической печати.

Бельгія—одна изъ немногихъ въ Европѣ странъ, въ которыхъ смертная казнь, существующая по закону, не примѣняется de facto. Скоро исполнится тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ „бельгійская свободная земля въ послѣдній разъ была свидѣтельницей этого ужаса", по выраженію министра Рожье.

Интересно возстановить въ памяти читателей факты, послужившіе причиной фактической отмѣны смертной казни въ Бельгіи. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія бельгійскій министръ юстиціи Бара внесъ въ палату депутатовъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, „какъ наказанія, не только не противорѣчащаго христіанской религіи, человѣколюбію, культурѣ и наукѣ, но и совершенно не цѣлесообразнаго". Мотивы законопроекта сопровождались цѣлымъ фоліантомъ интересныхъ статистическихъ данныхъ о примѣненіи смертной казни въ разныхъ государствахъ Европы и о ростѣ преступности въ нихъ, которая развивалась, повидимому, внѣ всякой зависимости отъ уголовныхъ кодексовъ. Заимствуемъ изъ этихъ данныхъ рядъ цифръ, касающихся Бельгіи.

Число преступленій, по закону наказуемыхъ смертной казнью, возрастало въ Бельгіи слѣдующимъ образомъ;

За десятилѣт.	1831—84	гг.	262 преступл.
„ „	1811—1850	„	359 „
„ „	1851—1860	„	421 „
„ „	1861—1870	„	573 „

Министръ Бара дѣлалъ отсюда тотъ единственный возможный выводъ, что гильотина не устрашаетъ преступниковъ и выражалъ надежду, что отмѣна смертной казни и ростъ просвѣщенія неминуемо вызовутъ смягченіе нравовъ. Бара давно умеръ и не дожилъ до выполненія своихъ надеждъ, но, какъ мы увидимъ ниже, разсчеты его осуществились въ полной мѣрѣ.

Палата депутатовъ вняла голосу министра и большинствомъ 38 голосовъ отмѣнила статью о примѣненіи смертной казни. Но сенатъ, состоявшій въ то время исключительно изъ представителей крупной наслѣдственной земельной аристократіи, не утвердилъ закона большинствомъ всего одного голоса.

Задачу разрѣшить это внутреннее болѣзненное противорѣчіе взялъ на себя молодой тогда король Леопольдъ II. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, что какъ разъ въ этотъ моментъ судъ совершилъ трагическую ошибку и присудилъ къ смерти двухъ лицъ, оказавшихся невиновными, король далъ странѣ аннибалову клятву, что болѣе въ Бельгіи смертной казни не будетъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ король милуетъ всѣхъ приговариваемыхъ къ смертной казни, замѣняя ее, смотря по обстоятельствамъ дѣла, срочнымъ или безсрочнымъ заключеніемъ. И не взирая на то, что такимъ образомъ тягчайшіе уголовные преступники Бельгіи могутъ быть увѣрены въ томъ, что ихъ жизни не угрожаетъ опасность, число преступленій, наказуемыхъ по бельгійскимъ законамъ смертной казнью, за послѣднія тридцать лѣтъ значительно уменьшается. Падаетъ и число смертныхъ приговоровъ, произносимыхъ судами.

ГОДЫ:	Число тягчайшихъ преступленій.	Число смертныхъ приговоровъ.
1871—1880	512	202
1881—1890	456	117
1891—1900	403	86
1901—1903	89	24
1904	21	10
1905	21	3
1906	18	2
1907	16	2

Бельгія, сама того не вѣдая, произвела интереснѣйшій юридическій опытъ, который могъ бы убѣдить самыхъ закоренѣлыхъ сторонниковъ сохраненія смертной казни въ уголовномъ законодательствѣ.

Есть-ли у животныхъ разумное мышленіе?

Въ Берлинѣ совсѣмъ еще недавно очень много шума надѣлала удивительная лошадь Остена, прозванная „умнымъ Гансомъ“. Этотъ „умный Гансъ“ продѣлывалъ дѣйствительно удивительныя вещи. Онъ только не говорилъ, но отлично понималъ, что ему говорили, и давалъ на самые сложные вопросы вполнѣ точные нѣмые отвѣты, выстукивая ихъ переднимъ копытомъ. Когда лошадь хотѣла сказать „да“ или „нѣтъ“, она кивала головой впередъ или со стороны на сторону, совершенно такъ, какъ человѣкъ; она отлично различала мужчинъ отъ женщинъ, и когда ее спрашивали: сколько среди присутствующихъ дамъ, она съ безошибочной точностью выстукивала переднимъ копытомъ правой ноги число послѣднихъ; съ такой же безошибочной точностью она опредѣляла число присутствующихъ въ шляпахъ, въ пенснэ, и когда „Ганса“ спрашивали: у многихъ ли изъ присутствующихъ есть зонтики, то онъ съ точностью выстукивалъ отвѣтъ.

Болѣе того, лошадь Остена отлично знала всѣ четыре дѣйствія: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе; притомъ не только цѣлыхъ цифръ, но и дробей. Ее, напримѣръ, спрашиваютъ, сколько будетъ $^2/_5$ помноженныхъ на $^1/_2$? отвѣтъ $^1/_5$, причемъ „Гансъ“ выстукиваетъ сперва числитель, а потомъ знаменатель. На какія числа дѣлится 28? И лошадь Остена послѣдовательно выстукиваетъ 2, 4, 7, 14, 28. Ей затѣмъ задаютъ такую задачу: если изъ задуманнаго числа вычесть 9, то останется 3; какое число задумано? и „умный Гансъ“ ударяетъ копытомъ о землю 12 разъ. Лошадь Остена умѣла отлично читать по особенно составленной для нея азбукѣ, въ видѣ большой таблицы, на которой въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи были расположены всѣ буквы азбуки: ударяя копытомъ о ту или другую букву, „Гансъ“ складывалъ цѣлыя фразы. Такъ, напримѣръ, онъ могъ сложить продиктованную ему фразу; „мостъ и дорога заняты непріятелемъ“.

Все тотъ же „умный Гансъ“ прекрасно понималъ и музыку; онъ могъ опредѣлять интервалы, абсолютную высоту тоновъ. Когда, напримѣръ, передъ ними проиграли тоны cde и затѣмъ спросили его, гармонично ли это звучитъ, то лошадь мотнула отрицательно головой, и на вопросъ, какой же тонъ нужно выбросить, чтобы получить гармоничный звукъ, лошадь ударила копытомъ два раза, указывая тѣмъ, что слѣдуетъ выбросить второй тонъ.

Вообще не пересказать всѣхъ диковинокъ, которыя продѣлывала лошадь Остена, и неудивительно, что въ свое время она вызвала въ Берлинѣ шумную сенсацію, отвлекъ на себя вниманіе не только профановъ-любителей, но и завзятыхъ спеціалистовъ по дрессировкѣ лошадей. Была образована даже особая комиссія для изслѣдованія необычайныхъ, чисто человѣческихъ способностей лошади Остена; но эта комиссія не пришла въ сущности ни къ какому опредѣленному заключенію, за исключеніемъ единогласнаго свидѣтельства, что со стороны владѣльца лошади не было никакого обмана, что онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ условленнымъ знакамъ, которые помогали бы лошади давать точные отвѣты.

Многіе выдающіеся натуралисты, оставляя въ сторонѣ самое объясненіе поразительныхъ отвѣтовъ „умнаго Ганса“, видѣли въ этихъ отвѣтахъ доказательство того, что лошадь обладаетъ способностью разумнаго мышленія.

Г. Эльпе въ „Нов. Вр.“, присоединяясь къ этому мнѣнію, съ своей стороны объясняетъ данный загадочный случай такъ:

Лошадь, конечно, не могла понимать буквъ такъ, какъ понимаетъ ихъ человѣческій разумъ; но она непремѣнно умѣла различать начертаніе одной буквы отъ другой, одно слово отъ другого, и если

экспериментаторъ „неуловимымъ движеніемъ“ могъ подсказать ей, какую букву необходимо отмѣтить копытомъ, чтобы сложить то или другое слово, лошадь не была бы въ состояніи этого сдѣлать, если бы въ ея умѣ съ опредѣленнымъ „мельчайшимъ движеніемъ“ экспериментатора не сочеталось столь же опредѣленное представленіе о буквѣ, цифрѣ и пр.

Конечно, когда лошадь заставляютъ помножить одну дробную величину на другую, не она дѣлаетъ это помноженіе: конечно, она не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о дробныхъ числахъ; она только въ точности повторяетъ отвѣтъ, подсказываемый ей экспериментаторомъ. Но чтобы уловить этотъ отвѣтъ, выражаемый „мельчайшимъ движеніемъ“, незамѣчаемымъ даже самимъ экспериментаторомъ, необходимо содѣйствіе разумной силы, которая могла бы такое безсознательное выраженіе мысли экспериментатора сочетать съ опредѣленнаго рода дѣйствіемъ—ударомъ, выстукиваніемъ копытомъ требуемое число разъ, и притомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ въ случаѣ обозначенія числителя и знаменателя.

Опыты съ лошадью Остена служатъ свидѣтельствомъ наличности у животныхъ нѣмого, мимическаго языка, состоящаго изъ цѣлаго ряда неуловимо-малыхъ движеній, условныхъ знаковъ, трудно, а въ большинствѣ случаевъ и совсѣмъ незамѣтныхъ для непосвященнаго въ эти знаки или неспособнаго улавливать и различать ихъ съ такимъ совершенствомъ, какъ это доступно животнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ могло бы у лошади Остена достигнуть такого совершенства это „улавливаніе мельчайшихъ движеній“, это умѣніе отличать одно изъ такихъ мимическихъ указаній отъ другого, если бы, по природѣ своей, животное не обладало высокоразвитой способностью къ воспріятію самыхъ мельчайшихъ условныхъ знаковъ? А такая способность, — могла ли бы она возникнуть, не говоримъ уже, достигнуть того совершенства, въ какомъ она иногда наблюдается, если-бы у животныхъ не было своего, особаго языка, состоящаго изъ „неуловимыхъ“ знаковъ и условныхъ движеній?

Приведя еще нѣсколько примѣровъ изъ умственной жизни животныхъ, Г. Эльпе приходитъ къ убѣжденію, что у нихъ есть свой нѣмой языкъ и, выработанная для пользованія такимъ языкомъ, удивительно тонкая способность улавливанія условленныхъ знаковъ, мимическихъ движеній, — что языкъ этотъ имѣетъ свои, нѣмыя слова и служитъ не только для выраженія душевныхъ эмоцій, но и всей присущей животнымъ умственной дѣятельности, и что поэтому нѣтъ никакихъ основаній отрицать у животныхъ разумное мышленіе...

Въ смутное время.

Мы бродили во тьмѣ, какъ болота огни,
Безъ надежды уйти отъ давящей насъ тьмы;
Но зарю новыхъ дней вдругъ увидѣли мы.....
И наполнились вѣрой въ грядущіе дни.
А кошмарные призраки зла и вражды
Изъ болотныхъ трясинъ выползаютъ опять
И стараются насъ повернуть они вспять...
Къ міру прежняго рабства и тьмы, и нужды.

Викторъ Мюръ.

МОЗГЪ ПРЕСТУПНИКА.

По мнѣнію Ломброзо, преступникъ всегда ненормаленъ, дегенератъ, жертва вырожденія. Этотъ преступный классъ людей представляетъ такія особенности физическаго строенія, которымъ онъ отличается отъ людей нормальныхъ.

Эта особенность физическаго строенія особенно рѣзко выдѣляется въ черепѣ, мозгѣ и нервной системѣ.

— Нѣкоторое антропологи и психіатры идутъ по этому пути слишкомъ далеко..— замѣтилъ профессоръ анатоміи лильскаго университета Ш. Дебьеръ на вопросъ журналиста о черепахъ и мозгѣ преступниковъ и ихъ особенностяхъ.

— Я невольно вспоминаю, — продолжалъ профессоръ, — что Бенедиктъ изъ Вѣны, встрѣтившій типъ черепа злодѣя съ особенно удлиненной лобной костью, призналъ его тотчасъ-же характернымъ для череповъ убійцъ, въ виду ихъ сходства съ черепами хищныхъ животныхъ. А между тѣмъ, черепа такого типа встрѣчаются у очень честныхъ людей. Теорія, какъ она ни казалась вначалѣ блестящей, вскорѣ провалилась. Я съ своей стороны полагаю, что по внѣшнему виду невозможно отличать черепъ преступника отъ черепа честнаго человѣка. Въ этомъ я могъ убѣдиться при изслѣдованіяхъ головъ многихъ казненныхъ преступниковъ.

Ни одинъ изъ нихъ не представлялъ тѣхъ признаковъ, которые Ломброзо считаетъ характерными у злодѣевъ.

Предварительный осмотръ, который я сдѣлалъ четыремъ обезглавленнымъ, только утвердилъ меня въ этомъ мнѣніи.

Абель Полле, атаманъ шайки разбойниковъ, Августъ Полле, Дероо и Канутъ-Вроманъ сложены были физически совершенно правильно.

Средняго сложенія, они были очень мускулисты, а въ частности Вроманъ имѣлъ мускулы атлета.

Лица ихъ были самыя обыкновенныя, и лишь физіономія Вромана производила впечатлѣніе звѣриной головы.

У всѣхъ четырехъ казненныхъ лицевой уголъ былъ обыкновененъ. Не было никакихъ особенностей ни въ челюстяхъ, ни въ зубахъ, что бы напоминало звѣрей.

Форма черепа казненныхъ приближалась къ нормальному типу.

Мозговыя оболочки были нормальныя. Не было никакихъ признаковъ застарѣлаго общаго или частичнаго воспалительнаго состоянія, мозговыхъ поврежденій.

Мозгъ этихъ обезглавленныхъ тоже былъ безъ всякихъ патологическихъ измѣненій. Мозговая кора плотная, извилины многочисленны и разнообразны.

Извѣстно, что придаютъ большое значеніе вѣсу мозга. Въ этомъ отношеніи обезглавленные различаются между собой. Вѣсъ ихъ мозга колеблется между 1,507 и 1,645 граммами. Вѣсъ, превосходящій средній, наивысшій изъ тѣхъ, которые я наблюдалъ у 206 преступниковъ.

Признано, что большой черепъ—непремѣнная принадлежность умныхъ людей, но бываютъ и исключенія.

Нельзя судить,—замѣтилъ профессоръ, если позволено мнѣ сдѣлать сравненіе,— о достоинствѣ часовъ по ихъ футляру. Маленькіе часики могутъ показывать вѣрнѣе время, нежели башенные часы. Маленькая машина можетъ лучше дѣйствовать, нежели большая... Все зависитъ отъ правильности ея внутренняго механизма... Вотъ почему и дуракъ можетъ имѣть большую голову.

Поэтому судить по формѣ черепа и мозгу о прирожденной преступности странно.

Можно только утверждать, что есть нравственно ненормальныя дѣти, отсталыя, порочныя въ силу наслѣдственности и атавизма. Они-то, въ особенности имѣя передъ глазами дурные примѣры, находясь въ нищитѣ и безъ присмотра, превращаются въ преступниковъ.

Зачастую и самое строгое воспитаніе не въ силахъ уничтожать въ нихъ дурныхъ инстинктовъ, и они развиваются.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 7-й.

стр.

Весенній снѣгъ. Стихотвореніе *Вл. С. Лихачова* 167
Весна. Стихотвореніе *Якова Година* 167
Вознесемся. Стихотвореніе *С. Баскина-Серединскаго* 168
Пасхальная заутреня. Разсказъ *Ал. Морского* 169
Уходящимъ. Стихотвореніе *А. Бѣловоленко* 172
Женщинѣ. Стихотвореніе *Валентина Горянскаго* 173
Неуравновѣшенная. Повѣсть *П. М. Невѣжина* 174
Въ лѣсу. Разсказъ *Н. Сурожскаго* 180
Привидѣніе. Разсказъ *Луи Пайэна (Съ французскаго)* 186
Почему въ Бельгіи не примѣняется смертная казнь. Статья . . . 188
Есть ли у животныхъ разумное мышленіе. Статья 189
Въ смутное время. Стихотвореніе *Б. Мюра* 190
Мозгъ преступника. Статья 191
Юмористическіе разсказы. Выпускъ второй:
1. Новый викарій.. Разсказъ *Джерома К. Джерома* 6
2. Такой случай. Разсказъ *Ал. Н. Будищева* 7

Картины:
1. Венеція. Картина исполненная красками.
2. Демонъ. Автотипія *І. Коппаи.*

Приложеніе: Книга 5-я. Избранныя сочиненія Т. Н. Грановскаго.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЙ СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ
для любительскихъ спектаклей:
Н. В. Корецкій.

ВЕСЕЛЫЯ ПЬЕСЫ

10 одноактныхъ пьесъ. Изящное изданіе.

КОМЕДІИ, ВОДЕВИЛИ И ШУТКИ: 1. Въ современномъ духѣ. (Демократъ изъ аристократовъ). Водевиль. 2. Мужъ въ капканѣ. Водевиль. 3. Приключенія новобрачныхъ. Комедія-шутка. 4. По первому впечатлѣнію. Водевиль. 5. Пистолетъ. Фарсъ. 6. Сюрпризъ ея превосходительству. Шутка. 7. Бранъ по договору. Водевиль.
ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ: Лепестки флеръ д'оранжа. Драматическій этюдъ. Свободная любовь. Драма. Въ объятьяхъ мертвецовъ. Драматическій этюдъ.

Цѣна съ пересылкой 1 рубль.

Складъ изданія: редакція «Пробужденіе», СПБ., Троицкая, 6.

Продолжается подписка на журналъ „Пробужденіе“. на 1909-й годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) 6 р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., На одинъ мѣсяцъ 58 коп.

Издательница *О. П. Александрова.* Редакторъ *И. В. Корецкій.*

Типографія т-ва „Общественная Польза“. Большая Подъяческая, 39, соб. д.

Юмористическіе разсказы

Выпускъ второй.

Новый викарій.

Разсказъ **Джерома К. Джерома.**

Это случилось въ одномъ изъ маленькихъ Іоркширскихъ приходовъ. Тихо и безмятежно протекала тамъ жизнь почтенныхъ обывателей. Но вотъ въ одинъ прекрасный день пріѣхалъ туда новый викарій, и этого было достаточно, чтобы взбудоражить весь приходъ.

Викарій былъ симпатичный молодой человѣкъ, и такъ какъ онъ къ тому же обладалъ большимъ личнымъ состояніемъ, то, понятно, представлялъ заманчивую партію для всякой незамужней женщины.

Но, противъ обыкновенія, красота и прочія женскія прелести не производили на него никакого дѣйствія. Онъ былъ для этого слишкомъ серьезный и солидный молодой человѣкъ; однажды во время случайной бесѣды на тему о любви, онъ заявилъ, что не придаетъ особеннаго значенія красотѣ и внѣшнему очарованію женщины. На вопросъ, что именно онъ цѣнитъ въ женщинѣ больше всего, онъ отвѣтилъ, что самое главное — это ея доброта, милосердіе и человѣколюбіе по отношенію къ бѣднымъ.

И это заставило призадуматься весь женскій персоналъ, жаждавшій вступить въ бракъ. Они увидѣли, что избрали ложный путь, щеголяя наперерывъ своими новинками въ искусствѣ и красивыми фразами. «Бѣдный» явился теперь для нихъ главнымъ козыремъ.

Но тутъ возникло серьезное затрудненіе. Во всемъ приходѣ былъ одинъ лишь бѣднякъ, старый истощенный нищій, который жилъ въ полуразвалившейся избѣ за церковью и вотъ пятнадцать изящныхъ и нарядныхъ женщинъ (одиннадцать молодыхъ дѣвицъ, три старыхъ дѣвы и одна вдовушка) пожелали вдругъ облагодѣтельствовать его.

Миссъ Симмондсъ, одна изъ старыхъ дѣвъ, пришла къ нему первая и начала кормить его бифштексами два раза въ день; потомъ вдова стала приносить ему портвейнъ и устрицъ. На той же недѣли появились остальныя конкурентки и стали наперерывъ откармливать его цыплятами и сладкими блюдами.

Старикъ не могъ понять этого. Онъ привыкъ получать время отъ времени маленькій мѣшочекъ угля, сопровождаемый длинными наставленіями о его грѣхахъ, и иногда бутылку спитаго чая. Внезапная милость провидѣнія удивила его. Все-таки онъ ничего не говорилъ, но старался воспользоваться этой милостью, сколько было въ его силахъ. Къ концу мѣсяца онъ такъ зажирѣлъ, что съ трудомъ пролѣзалъ въ собственную дверь.

Соревнованіе между женщинами усиливалось со дня на день и, наконецъ, старый нищій сталъ изображать изъ себя важную персону, и служба ихъ у него сдѣлалась довольно тяжелой. Онъ заставлялъ ихъ убирать комнату и варить ему обѣды, а когда ему надоѣдало смотрѣть на нихъ, то посылалъ ихъ работать въ огородъ.

Онѣ было возмутились и даже хотѣли устроить нѣчто въ родѣ забастовки, но что онѣ могли подѣлать. Онъ былъ единственный нищій на нѣсколько миль кругомъ, и зналъ это. Ему принадлежала монополія, и какъ всѣ монополисты, онъ злоупотреблялъ своимъ положеніемъ.

Онѣ бѣгали у него на посылкахъ. Онъ заставлялъ ихъ покупать ему нюхательный табакъ на ихъ собственныя деньги. Однажды онъ грубо приказалъ миссъ Симмондсъ пойти принести ему пива къ ужину. Сначала она съ негодованіемъ отказалась, но онъ сказалъ ей, что если она будетъ важничать, то можетъ убираться и больше

не приходить къ нему. Если она не хочетъ исполнить его приказаній, то найдутся многія другія, которыя захотятъ. Она знала это и пошла.

Онѣ имѣли обыкновеніе читать ему хорошія книги съ поучительнымъ нравоученіемъ. Но теперь онъ запретилъ подобныя чтенія. Онъ сказалъ, что въ его возрастѣ не нуждаются больше въ глупостяхъ, которыя читаютъ въ воскресныхъ школахъ Онъ желаетъ послушать кой-что попикантнѣе. И заставилъ ихъ читать французскіе романы и морскіе разсказы, написанные реалистическимъ языкомъ. И онѣ принуждены были подчиниться, не то онъ живо расправился бы съ ними.

Онъ сказалъ, что любитъ музыку, и нѣкоторыя изъ нихъ купили ему вскладчину клавикорды. Онѣ намѣревались пѣть съ нимъ священные гимны и играть ему классическія вещи; но у него были другіе вкусы. Ему нравились пѣсни, въ родѣ: «она подмигнула глазкомъ» и «въ день ангела старой дѣвы» съ хоромъ и танцами. И онѣ пѣли это.

Трудно сказать, какихъ размѣровъ достигла бы его тираннія надъ ними, если бы одно событіе не уничтожило сразу его могущества и не вернуло его въ прежнее состояніе. Это было внезапное и неожиданное бракосочетаніе викарія съ очень хорошенькой провинціальной актрисой, игравшей въ сосѣднемъ городѣ. Изъ-за нея онъ бросилъ духовный санъ.

Вмѣстѣ съ этой женитьбой окончилась блестящая, но короткая карьера стараго нищаго. Онѣ засадили его въ исправительный домъ и заставили разбивать камни на мостовой.

Р. Я.

Такой случай.

Нашъ губернскій городъ хоть и захолустный, но порою въ немъ разыгрываются исторіи, которыя не сконфузили бы и столицу.

И святки у насъ проводятъ надо бы того лучше, да пожалуй уже некуда. Преобаятельно проводятъ!

Стряхнувъ всѣ заботы и служебныя думы, рѣзвятся и веселятся, какъ невинные младенцы, только что вкусившіе отъ плодовъ жизни.

Напримѣръ, въ третьемъ году на второй день Рождества на костюмированной вечеринкѣ въ клубѣ одинъ акцизный чиновникъ другому послѣ ужина чуть-чуть носа не откусилъ, должно быть сицилiанскимъ трагикомъ себя вообразилъ, или людоѣдомъ съ рѣки Конго. И откусилъ бы, если бы Марья Абрамовна, городская акушерка, не догадалась этому людоѣду столовой ложкой челюсти разнять. Серебро 86 пробы и то не выдержало. Отъ изумленія на двѣ половинки распалось. Вотъ какъ у насъ на святкахъ веселятся.

А при встрѣчѣ Новаго года въ этомъ же году, въ томъ же клубѣ? Вѣрите ли, мы едва-едва послѣ ужина смотрителя училищъ живымъ не сожгли. Въ революцію играли, и онъ, видите-ли, кадета изображалъ, а мы «истинно-русскихъ», въ кавычкахъ.

Совсѣмъ было сожгли. Керосиномъ ужъ облили, и квартальный надзиратель въ буфетъ за спичками даже побѣжалъ. Да спасибо, онъ изъ буфета-то вмѣсто спичекъ бутербродъ, съ сардинкой приволокъ, а мы какъ ни чиркали сардинкой по брюкамъ, не загорѣлась она.

Мы тотчасъ-же тогда телеграмму срочную хватили въ Петербургъ Демчинскому. Вотъ такого содержанія:

— «У насъ въ городѣ не горятъ спички! Ужасъ! Ужасъ! Отчего сіе происходитъ? Отвѣть, магъ, чародѣй и волшебникъ».

Вы думаете, на насъ ученые люди плевать хотятъ? Какъ бы не такъ! Демчинскій-то вѣдь намъ отвѣтилъ. Срочно же. Вотъ такъ:

— «Я это предсказывалъ для средней Россіи еще въ позапрошломъ году. Въ

будущемъ году спички не будутъ горѣть на крайнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ. Или наоборотъ».

А въ прошломъ году на третій день Рождества вотъ какой случай у насъ произошелъ. И уже со мной.

Собрались мы въ клубѣ всей нашей компаніей во главѣ съ начальникомъ нашимъ Петромъ Петровичемъ. Рѣшили полученіе наградныхъ на славу отпраздновать. Къ ужину особая наливка была заказана, которая у насъ называлась «Алевтиной Павловной».

Послѣ наливки этой полюсъ за экваторъ можно было принять и губернскій острогъ за англійскій парламентъ, а потому заранѣе мы нѣкоторыя мѣры предосторожности приняли: каждый въ свое пальто свою визитную карточку опустилъ съ обозначеніемъ на оной точнаго адреса, чтобы затѣмъ, когда это нужно будетъ, извошики сами развозили бы насъ, каждаго по мѣсту назначенія, указуемому визитной карточкой.

А потомъ сѣли ужинать. Ѣли и пили. Пили и ѣли. Балагурили, конечно, но безъ потрясенія основъ. Послѣ третьей же рюмки «Алевтины Павловны», Иванъ Ивановичъ, столоначальникъ нашъ, себя за «нѣкто въ сѣромъ» вообразилъ и, взявъ стеариновую свѣчку въ руки, сталъ всяческими словами насъ поносить. А Сергѣй Ивановичъ, губернскій землемѣръ, лекцію о воздухоплаваніи читалъ. А дальше ужъ совсѣмъ фантастика пошла.

Помню, я на четверинкахъ стоялъ, а начальникъ нашъ, Петръ Петровичъ сквозь обручъ прыгать меня училъ. И все покрикивалъ:

— Гопъ-ля! Ну, ну! Гутъ!

И у меня будто и хвостъ былъ придѣланъ; изъ дамскаго боа. Хорошій, будто бы, такой хвостъ. А потомъ я расплакался, помню; обидно мнѣ стало, отчего у меня хвостъ колечкомъ не вьется. И я какъ будто бы за это Петру Петровичу палецъ укусилъ. Помню, потомъ и Петръ Петровичъ плакалъ. Цѣловался со мной и жаловался:

Посмотри, какъ меня подъ Ляояномъ отдѣлали: четыре ноги, и ни одна не ходитъ! Какой конфузъ передъ всей Европой!

И я будто все утѣшалъ его и въ жилетку цѣловалъ. А онъ все въ три ручья:

— Посмотри, цѣла ли у меня голова... Господи, на что я тогда форменную фуражку надѣну? Боже мой, что только скажетъ Англія?

Помню, Сергѣй Ивановичъ ветеринарнаго врача за Тамару принялъ и на одномъ колѣнѣ ему въ любви объяснялся.

Т-твоей л-любви прошу, Тама-а-рра...

И руки его волосатыя въ засосъ цѣловалъ.

А потомъ ничего я не помню. Рѣшительно ничего. Часа на два должно быть меня въ полнѣйшую Нирвану погрузили.

Будто темнымъ облакомъ меня накрыли.

И затѣмъ опять чуть разсвѣло.

Слегка покачивало, какъ на пароходѣ.

Снѣгъ падалъ. Заборы попрыгивали.

Одноэтажные домики странно какъ-то присѣдали. И вѣтеръ долговязые монологи читалъ.

Извощикъ сказалъ:

— Слѣзайте! Чего-же вы на самомъ дѣлѣ цѣлый часъ на морозѣ держите?

— Чего?

— Слѣзайте, говорю...

— Какъ слѣзать?...

— Извѣстно какъ. Сперва одну ногу спустите... Да вы не эту... Обопритесь на мое плечо... Покрѣпче...

— У тебя плечо качается...

— Эхъ-хе-хе, сударь... позвольте, я васъ подъ локотокъ.

— И л-локотокъ качается...

— Вотъ, вотъ, такъ... Да вы сразу обѣими-то ножками не шагайте...

— И обѣ ножки... качаются...

— Ну, вотъ, позвоните съ Богомъ, вотъ сюда, и почивать... До свиданьица!

Сонная горничная помогла мнѣ въ полутьмѣ раздѣться и опять ушла.

Хотѣлось говорить:

— И горничная качается...

Но овладѣвъ собой, не сказалъ, чтобъ не разбудить жены. Странно бросилось въ глаза; какъ будто въ этой квартирѣ вдвое больше комнатъ, чѣмъ въ моей. Но тотчасъ-же собразилъ:

— Въ глазахъ двоится...

Въ столовой заплутался и долго не находилъ двери въ спальню. И столовая вдвое больше стала, чѣмъ была. Экъ, ее развернуло-то послѣ «Алевтины Павловны»!

А это что такое? Дѣтская? У меня въ квартирѣ дѣтской нѣтъ. Я всего четвертый мѣсяцъ какъ женатъ! Что-же это такое? Ага, предвидѣнье будущаго! Экстазъ ясновидѣнья! Проекты я осязаю! Грядущее реали... тьфу, реализирую...

Разъ, два, три. Три кроватки. Трое у меня будетъ, стало быть! Трое! У-у, да какіе хорошенькіе! Спите съ Богомъ, будущіе мои дѣтки! Пока вы еще въ мечтѣ! Въ проектѣ!

Такъ. Вотъ, наконецъ, и спальня. Стало быть раздѣваться и не шумѣть, чтобы не будить Наденьки.

О-о!... Никакъ она у меня постарѣла? Лѣтъ на двадцать!.. А-а, опять реали... реализація будущаго. Ясновидѣнье!.. Пророческій экстазъ!

Развѣ поцѣловать ее тихохонько, чтобы не разбудить? А?

Проснулся я, когда въ спальнѣ еще стоялъ молочный туманъ разсвѣта. Проснулся, оглядѣлся и... и обмеръ.

На кровати спала жена его превосходительства, Петра Петровича!

Горошкомъ съ постели соскочилъ и одѣваться сталъ. А самъ тряской трясусь.

На Сахалинъ меня за это! На Сахалинъ!

Не помню, какъ изъ квартиры выскочилъ. И на подъѣздѣ носъ къ носу съ Петромъ Петровичемъ столкнулся. Съ минуту оба молчали, разинувъ рты. Первымъ очнулся Петръ Петровичъ. Спросилъ:

— Вы у меня ночевали?

— Я, ваше пре... Я человѣкъ честный...

— Ну, положимъ, послѣ Алевтины Павловны кто за себя поручится? Да я объ этомъ васъ и не спрашиваю. Гадость въ томъ, что швейцаръ перепуталъ наши пальто. Вы въ моемъ, а я въ вашемъ. Видите? А слѣдовательно извощики развезли насъ по путаннымъ карточкамъ. Виноваты, слѣдовательно, карточки. И такъ во-первыхъ размѣняемся пальто. А во-вторыхъ не надо изъ этого дѣлать огласки въ городѣ. Перстъ судьбы можетъ быть въ этомъ! Что подѣлаешь! Подчинимся ему безъ ропота! Охъ-хо-хо!

Перстъ судьбы! Ему-то хорошо, а вѣдь я Наденьку мою люблю. Я всего четвертый мѣсяцъ женатъ!

Я вернулся домой, смирненько раздѣлся, легъ въ постель и горько расплакался.

Только черезъ день я рѣшился заговорить съ Наденькой.

— Наденька, посмотри въ мои глаза! ты честная женщина?

— Что такое?

— Петръ Петровичъ, гдѣ ночевалъ?

— Въ столовой на диванѣ!

— Посмотри мнѣ въ глаза, Наденька! ты вѣдь честная женщина!

Наденька расплакалась.

— Сами напьются, все перепутаютъ, а женщина отвѣчай! Господи, гдѣ-же справедливость?

— Наденька!

— Въ столовой на диванѣ! въ столовой, въ столовой...

— Надя!

— На диванѣ... Боже мой! за что такая пытка?

А знаете что? Послѣ того Рождества, мнѣ ужасно какъ повезло по службѣ. Перстъ судьбы это?

Ал. Будищевъ.

Издательница О. П. Александрова. Редакторъ Н. В. Корецкій.

Констанъ Мейеръ.
ЛИСТОПАДЪ.

№ 8. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.
Литературно-художественный журналъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПЬЕСЫ

ДЛЯ ДОМАШНИХЪ и ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ

С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39.

Театральный отдѣлъ редакціи журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

Комедіи.

По 50 коп за экземпляръ.

Бабье дѣло. 2 д. Канаева.
Болтушка. 3 д. Л. Иванова.
Бракоразводный процессъ. 3 д. Куликова.
Бѣлошвейка. 3 д. Л. Иванова.
Барышня замужемъ. 3 д П. А. Соколова.
Внутренній заемъ. 2 д. А. Трофимова.
Въ любовномъ лабиринтѣ. 3 д. Ларина.
Выборы отцовъ города. 4 карт. Козодкина
Громмофоніада. 2 д. Урусова.
Гадалка. 2 д Шебуева.
Дамское войско. 3 д. И. Мясницкаго.
Душка Анатоль. 3 д. И. Мясницкаго.
Журфиксъ, или у насъ на кухнѣ гости. 2 д. Н. Павлова.
Жена съ того свѣта. 3 д. Лисенко-Конича.
Женитьба на скорую руку. 3 д. Шталя.
Женское любопытство. 2 д. Н. В. Яковлева.
Зеленъ виноградъ. 3 д. Урусова.
Изумительныя превращенія. 3 д. В. Билибина.
Княгиня Капучидзе. 3 д. Мюлс.
Кокошка и Тотоша. 3 д. Крюковскаго.
Канъ снѣгъ на голову. 3 д. Корнѣева.
Колокольчикъ. 2 д. М Корнѣева.
Любовь на крышѣ. 3 д. Травскаго.
Любительскій спектакль. 2 д. Корнѣева.
Мертвый сильнѣе живого. 4 д. Крылова.
Мужъ на прокатъ. 2 д. Шталя.
Не устоялъ. 3 д. Беккаревича.
Оболтусы и вѣтрогоны. 4 д. Л. Яковлева.
Отъ поцѣлуя къ поцѣлую. 3 д. М. Корнѣева.
Подъ солнцемъ юга. 3 д. Н. Корцинъ-Жуковскаго.
Повѣситься или утопиться. 3 д. С. Боикова.
Прежде скончались—потомъ повѣнчались. 2 д. Максимова.
Ревнивый мужъ. 2 д. М. Достоевскаго
Русскій и нѣмецъ. 2 д. А. Трофимова.
Странное стеченіе обстоятельствъ. 2 д. Корнѣева.
Супружеское счастье 2 д. Мердеръ.
Такъ на свѣтѣ все превратно. 3 д. В А. Крылова.
Фонографъ. 3 д. Базарова.
Цѣль оправдываетъ средства. 2 д. Шталя.
Четыре женщины подъ одной кровлей. 3 д. Крюковскаго.
Чучело. 2 д В. В Билибина
Юбилей Ивана Ивановича. 3 д. Ратова.
Копилка. 5 д. Ф. Ашеберга.
Балерина. 4 д. М. Прага.
Буйный вѣтеръ. 5 д. Т. Щепкиной-Куперникъ.
Безъ муки — нѣтъ науки. 3 д (Франсильонъ) Дюма.
Влюбленная 3 д. (Съ французскаго).
Единственный наслѣдникъ. 5 д. В. Лихачева.
Канъ надо? 3 д. С. Васюкова.
Мастеръ. 3 д. Германа Баро.
Надъ бездной 3 д. Назарьевой.
Насѣдка. 4 д. Мердеръ.
Отрѣзанный ломоть. 4 д. А. Потѣхина.
Семья Солянниковыхъ. 4 д. О. Леонтьевой.
Тигровая шкура. 3 д. Дучинскаго.
Бѣгъ фанела. 4 д. П. Эрвье.
Изъ за религіи. 3 д. Берга.
Laboremus (За работу). 3 д. Бьернсона.
Тревожное счастье. 5 д. Назарьевой.

Драмы.

По 50 коп. за экземпляръ.

Анна Каренина 4 д. Л. Н. Толстого.
Аманъ, знатный царедворецъ. 5 д.
Бѣлый генералъ. 4 д. Базарова.
Бѣлая неволя. 5 д. Порубальскаго.
Въ винѣ сатана. д. Урусова.
Гусли звонкія. 4 д. Антропова.
Евреи прошедшихъ вѣковъ. 5 д.
Ерманъ Тимофеевичъ. 5 д. Полевого.
Жидовка. 5 д. Базарова.
Жизнь за царя. 2 д. Н. Полевого.
Московская бывальщина. 5 д. Пазухина.
На кострѣ. 4 д. перев. Шуриной.
Нина (сиротна страдалица). 3 д. Травскаго.
Некрутчина. 2 д. Н. Рычкова.
Опричина. 4 д. Баранцевича.
Отъ судьбы не уйдешь. 4 д. Лангаммера.
Сонъ въ Рождественскую ночь. 3 д. Лангаммера.
Тридцать лѣтъ жизни игрока. 5 д.
Подростки. 4 д. М. Дрейера.
Свобода искусства. 5 д. Гр. Ге.
Быль на Волгѣ. 5 д. Розенгеима.
Семнадцатилѣтніе. 4 д. М. Дрейера
Эльга. 4 д. Гауптмана.

Одноактныя драмы.

По 30 коп. за экземпляръ.

Бабушка. Щепкиной-Куперникъ
Волшебные звуки Генца.
Грѣшная. 1 д. Урванцева.
Застонало сине море. Генца.
Картина жизни. Саксаганской
Ликуетъ буйный Римъ! Генца.
Лепестки Флеръ Д'Оранжа Н. Коре[illegible]каго.
Надъ пучиной. Свѣрцева.
Прощеніе. Назарьевой.
Пасхальный благовѣстъ. Роммера.
Солнечный лучъ. Роммера.

Водевили.

по 30 коп. за экземпляръ.

Авеніръ и Зоя. Базарова.
Букетъ бѣлой сирени Викентьева
Безъ собаки—быть-бы дракѣ. Н. Куликова.
Бѣдовая бабушка. Бяженова.
Баю баюшки. баю! Л. Урванцева.
Близнецы. Л. Иванова.
Бранъ по договору. Н. Корецкаго.
Въ погоню за поцѣлуемъ. Булацеля.
Въ первый и послѣдній разъ. К. Ларина.
Въ порывѣ вдохновенія. Чаргонина.
Великая тайна. В. Тихонова.
Все возможно. В. Лангаммера.
Въ будуарѣ. Н. Корецкаго.
Въ карцерѣ. Молчанова.
Виць-мундиръ. П. Каратыгина.
Восьмое чудо. А. Дрожжинина.
Военная косточка. М. Корнѣева.
Въ чужомъ гнѣздѣ. Ярыгина.
Вѣрочкинъ секретъ. Лисенко-Конича.
Гувернантка. Тимковскаго.
Гость Терентьище. Н. Попова.
Грѣхи, а не женихи! В. Базарова
Генеральное сраженіе. Лѣсницкой.
Городской голова. А. Косоговскаго.
Генералъ завтракаетъ!!! Б. Лангаммера
Голубой бантъ. М. Чехова.
Герой нашего времени. Ермолова.
Дамская болтовня. В. Билибина.
Двѣ женщины противъ одного мужчины. (Съ французскаго).
Дитятко. Глазунова.
Дебютантка, съ пѣніемъ, Мюле Васильева.

☛ *Смотр. 3-ю страницу обложки.*

Е. Рену. ЛОЦМАНЪ.

МОРЕ.

Мощно раскинулось море бурливое,
Тѣни ложатся безграннымъ пятномъ.
Смолкла шалунья—волна говорливая,—
Море уснуло торжественнымъ сномъ...
Плачетъ и воетъ въ воздушномъ просторѣ
Вѣтеръ, тоски и отчаянья полнъ,
Ринулся грозно на спящее море,
Пѣнитъ громады прозрачныя волнъ.
Пѣсни поетъ онъ, что мгла надвигается;
Брызги, какъ слезы, лежатъ на пескѣ.
Слушаетъ море,—и страстно вздымается
Грудь темносиняя въ жгучей тоскѣ.
Вѣтеръ поетъ, что неправда, насиліе,
Злоба людская царятъ на землѣ
Лжи и порочныхъ обмановъ обиліе
Все затопило и скрыло во мглѣ.
„Полно, же спать тебѣ, море бурливое,
Полно ласкаяся, нѣжить пески,
Полно баюкать волну говорливую"!—
Слышалось въ пѣснѣ той, полной тоски.
Слушало море и, мощно вздымаяся,
Двинуло на землю волны свои.
Скрыло собой, широко разливаяся,
Ложь, и порокъ, и людскіе грѣхи.

Лидія Сохачевская.

Г. Ф. Гесслинъ. ЗАБЛУДИЛАСЬ.

Умершимъ.

Милая, тихая, кроткая,
Ты—умерла!
Жизнь невозвратно короткая
Къ смерти тебя привела.

Были... умчались мгновенья...
Жили... увяли цвѣты...
— Въ мірѣ забвенія
Счастлива-ль ты?

Яковъ Годинъ.

* * *

Вы, жившіе когда-то,
Ушедшіе куда-то,—
Привѣтъ вамъ всѣмъ отъ брата,
Собравшагося къ вамъ.
О, если вы не спите,
Навстрѣчу выходите,—
Пришельца научите,
Какъ быть счастливымъ тамъ...

Л. Косуновичъ.

ВЕСНА.

Весна, приди, не медли болѣ,—
Мое унынье глубоко,—
Моей усталой, тихой боли
Коснись ласкающе легко.
Я изнемогъ отъ думъ безсильныхъ,
Отъ изступленія въ борьбѣ,
Какъ узникъ изъ глубинъ могильныхъ,
Тянусь я съ трепетомъ къ тебѣ.
Природы грустный отщепенецъ,
Возславившій свободный умъ,
Я жалкій плѣнникъ жалкихъ плѣнницъ—
Навѣкъ порабощенныхъ думъ...
О, если бъ быть опять ребенкомъ,
Не думать горько ни о чемъ,
Тонуть въ сіяньи нѣжно-тонкомъ
Подъ воскрешающимъ лучомъ,
Чтобъ, заглушивъ мятежъ сознанья,
Приникнуть къ шелестамъ травы,
Впивая тихое сіянье
Непостижимой синевы.

Викторъ Гофманъ.

I. Беерсъ. ПРИЗНАНІЕ.

Неуравновѣшанная.

Повѣсть. *И. М. Невѣжинъ.*

(Окончаніе).

IV.

Проснувшись на другой день, Анюта, лежа въ постелѣ, стала соображать, какъ лучше начать атаку на отца. На проломъ идти ей казалось рискованно и она рѣшила дѣйствовать черезъ мать. Выбравъ минуту, она подошла къ Софіи Матвѣевнѣ и положивъ ей руку на плечо, вкрадчиво начала.

Мамочка, я знаю, что ты добрая и хорошая.

Сверкалова подозрительно посмотрѣла на дочь и, покачавъ головой, замѣтила:

— Твоя ласковость всегда не передъ добромъ. Ты вѣрно что нибудь затѣваешь.

— Конечно, я хочу просить васъ, но моя просьба самая невинная.

— Послушаемъ.

— Видите, мамаша... я рѣшила, что мнѣ пора выйти замужъ.

— Можетъ быть есть уже и женихъ?

— Конечно. Я выбрала ..

Сверкалова перебила ее.

— Вѣроятно подъ пару себѣ. Тогда это молодецъ будетъ хоть куда.

— Мамочка, да развѣ я худая, ласкаясь какъ котенокъ щебетала Анюта. Я чудная!

— Что же тебѣ отъ меня надо?

— Родительское благословеніе, съ комическимъ паѳосомъ проговорила шалунья.

— Ты и тутъ не можешь обойтись безъ дурачества?

— Такъ веселѣе! А кто мой женихъ—извольте скажу,—Георгій Игнатьевичъ. Хорошій выборъ! Ему надо учиться, а ты его тащишь къ вѣнцу.

— Одно, другому не мѣшаетъ. Это нынче въ модѣ. Вотъ ты мамочка и скажи отцу—такъ, молъ, и такъ.

— А какъ я смотрю на твою затѣю, тебѣ не интересно знать? А если я нахожу, что ты поступаешь не только неблагоразумо, а нелѣпо? Тогда что? Можетъ быть, ты безумно влюблена въ него!

— Нѣтъ мамочка, но я его люблю, а главное мнѣ хочется стать замужней женщиной. Теперь я стѣснена принять кого хочу, ѣхать куда нибудь, а тогда я буду вольной птицей.

— А мужъ! Онъ тебя и не такъ скрутитъ.

— Что такое? Скрутитъ! Пусть попробуетъ, такъ я моментально брошу его и пріѣду къ вамъ.

Сверкалова только пожала плечами.

— Ты не въ своемъ разсудкѣ! Отъ мужа некуда уѣзжать.

— Это вы такъ разсуждали. А теперь просто, чуть что и вонъ его.

— Что ты говоришь! Это даже стыдно говорить. Угомонись сначала, а потомъ выходи замужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы пожалуйста не отговаривайте меня, а то я не отвѣчаю за себя. Недавно за такой совѣтъ я отчитала, а потомъ раскаялась.

— Я знаю, что ты шалунья, но дурного ничего не сдѣлаешь. Хорошо, я поговорю съ отцомъ, но только тогда, когда подойдетъ удобная минута.

Анюта успокоилась и поцѣловала мать Но въ душѣ этой неуравновѣшенной особы всегда происходила суматоха. Ей не сидѣлось на мѣстѣ и она старалась попасть туда, гдѣ все кипѣло и бурлило.

Теберинцева не обратила никакого вниманія на протестъ, доставленный ей Усманцевымъ. Тогда общество психопатокъ подъ командой Анюты рѣшилось приступить къ дѣлу.

Въ ближайшій спектакль, въ которомъ участвовала обреченная артистка, враждебные ей элементы собрались въ театръ и размѣстились какъ было установлено. Едва Теберинцева показалась на сценѣ, какъ во всѣхъ углахъ зрительнаго зала сталъ раздаваться кашель; нѣкоторые сморкались, другіе шикали, третьи громко вздыхали. Смущенная такой встрѣчей артистка, какъ бы окаменѣла и не двигалась съ мѣста. Часть публики, желая противодѣйствовать скандалистамъ, стала апплодировать. Наступилъ такой хаосъ, что пришлось опустить занавѣсъ.

Тутъ вмѣшалась полиція и стала забирать виновныхъ безпорядка. Въ числѣ другихъ привлечена была и Анюта. Увидя ее, полицеймейстеръ смутился и ласково обратился къ ней.

— Прошу васъ пройти въ контору.

Но Анюта храбро огрызнулась.

— Вы хотите освободить меня, потому что я дочь вице-губернатора? Не желаю. Я останусь вмѣстѣ со всѣми.

Слово «вице-губернаторъ» произвело впечатлѣніе. Одни возмутились тѣмъ, что дочь такого крупнаго лица затесалась въ скандальную исторію и бравируетъ своимъ положеніемъ, другіе, напротивъ, съ большимъ сочувствіемъ смотрѣли на молодую дѣвушку.

Полицеймейстеръ попалъ въ очень затруднительное положеніе. Вести вмѣстѣ съ другими дочь своего начальника—дѣло немыслимое, а освободить ее невозможно, такъ какъ она сама не желаетъ быть освобожденной. По этому случаю полиціи пришлось прибѣгнуть къ необычайной мѣрѣ—отпустить всѣхъ, но записавши адреса.

Анюта торжествовала. Подруги обнимали ее и къ тому, что случившемуся скандалу прибавился другой—публичное чествованіе предводительницы психопатокъ.

Полицеймейстеръ тотчасъ же поѣхалъ съ докладомъ къ губернатору, а Анюта вернулась домой, но ни словомъ не обмолвилась, о томъ, что произошло въ театрѣ.

На другой день утромъ лакей доложилъ Евгенію Петровичу, что его желаетъ видѣть полицеймейстеръ. Сверкаловъ, не исправлявшій въ то время должности губернатора, очень удивился неурочному визиту.

— «Вѣрно что нибудь на счетъ цензуры»—подумалъ онъ и вышелъ въ пріемную.

— Извините, что рѣшаюсь безпокоить васъ, смущенно началъ представитель полицейской власти, но къ этому меня обязываетъ долгъ службы.

— Въ чемъ дѣло? спокойно проговорилъ Сверкаловъ, указывая гостю кресло.

— Вчера въ театрѣ ваша дочь участвовала въ демонстраціи противъ одной артистки Произведенъ былъ большой безпорядокъ, такъ что пришлось составить протоколъ о нарушеніи общественной тишины и спокойствія. Я хотѣлъ выдѣлить Анну Евгеніевну, но она наотрѣзъ отказалась принять мою любезность. Вотъ я и пріѣхалъ доложить вамъ о прискорбномъ случаѣ и получить указаніе, какъ поступить.

Б У Р Я.

Сверкаловъ растерялся. Онъ видное лицо администраціи, а его дочь участвуетъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Что подумаетъ высшая власть!

Подумавъ немного, Сверкаловъ обратился къ полицеймейстеру.—Нельзя ли, Иванъ Ефимовичъ, замять это дѣло.

— Своею властью я не могу, такъ какъ составленъ протоколъ, но если прикажутъ... я могу это устроить.

— Хорошо, вы будете извѣщены.

Полицеймейстеръ откланялся и вышелъ, а Евгеній Петровичъ отправился въ кабинетъ, чтобы надѣть форму и ѣхать къ губернатору. Одѣвшись, онъ велѣлъ позвать къ себѣ дочь.

Анюта молча вошла и остановилась у двери. Отецъ смотрѣлъ на нее пронизывающимъ взглядомъ.

— До чего ты дошла! съ трагическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ проговорилъ Сверкаловъ.

— Ни до чего,—совершенно равнодушно отвѣтила дѣвушка.

— Какъ ни до чего! Публичный скандалъ, въ которомъ ты участвовала по-твоему ничего? Послѣ этого мнѣ нечего съ тобой разговаривать, а скажу коротко: своимъ поведеніемъ ты подрываешь мой служебный авторитетъ и я, по твоей милости, могу потерять мѣсто. Я надѣюсь, что у моей дочери не низкая душа и что она не можетъ равнодушно относиться къ участи отца. Если же я ошибаюсь, то ты узнаешь, какъ тяжела моя рука. Ступай и подумай о томъ, что я тебѣ сказалъ.

Анюта вышла отъ отца униженной. Еслибъ Евгеній Петровичъ шумѣлъ, кричалъ или сдѣлалъ рѣзкій выговоръ—она легко бы перенесла это все, но спокойный тонъ и горечь, слышавшаяся въ его словахъ, произвели на дѣвушку потрясающее дѣйствіе. Она пошла въ свою комнату, глубоко опустилась въ кресло и стала соображать. Это занятіе для нее было непривычно, поэтому мысли Анюты сразу пошли въ разбродъ. Для нея ясно было только одно, что въ этой гадкой исторіи кто нибудь кромѣ нея долженъ быть виноватъ, кому она могла бы высказать то, что чувствуетъ.

Наскоро одѣвшись, она пошла къ дому, гдѣ жилъ Усманцевъ, и черезъ дворника вызвала его на улицу. Едва улыбающійся Георгій Игнатьевичъ подошелъ къ ней, она накинулась на него.

— Такъ вотъ вы какой! Въ любви объясняться умѣете, а сами дѣлаете мнѣ подвохи?

Озадаченный Усманцевъ стоялъ молча, вытаращивъ глаза.

— Что смотрите?—продолжала Анюта. Отчего не остановили меня, когда я шла на скандалъ, который мы устроили Теберинцевой.

— Развѣ можно васъ было остановить, когда вы сами были зачинщицей.

— Что такое «сама»! Мало ли что намъ, неопытнымъ дѣвушкамъ, можетъ придти въ голову. На то вы мужчина, чтобы обсудить и во время остановить кого надо, такъ васъ на это нѣтъ; а теперь что вышло? Отецъ можетъ потерять мѣсто. У, безсовѣстный!

Несчастный Усманцевъ совершенно опѣшилъ. Какъ всякій влюбленный, онъ способенъ былъ перенести все, отъ любимой дѣвушки, но тутъ былъ не капризъ Анюты, а нѣчто болѣе серьезное.

— Анна Евгеніевна, началъ студентъ внушительнымъ тономъ.—Вы напрасно обвиняете мене. Вліять можно на того, кто выслушиваетъ то, что говорятъ. Вы же находите себя умнѣе другихъ и считаете себя всегда правой.

— Не правда! Я всегда слушаю благоразумныхъ совѣтовъ и я не виновата, что вы только умѣете таращить глаза и ни разу не сказали еще мнѣ дѣльнаго слова.

Говоря это Анюта такъ размахивала руками, что обращала на себя вниманіе прохожихъ. Усманцевъ, наконецъ, не выдержалъ и остановился:

— Что вы стали какъ истуканъ? Идите!

— А я думаю, что не лучше-ли намъ совсѣмъ разстаться.

— Какъ! Разстаться? И этотъ злитъ меня! Должно быть вы сговорились уложить меня въ могилу.

— Зачѣмъ же вы такъ несправедливо осуждаете меня?

— Ахъ вотъ что! Обидѣлись? Развѣ я сказала что нибудь нехорошее? Голубчикъ, миленькій, простите. На меня вѣдь нельзя сердиться. А вы разсердились, значитъ, я не даромъ назвала васъ безсовѣстнымъ. Ну, хорошій, славный... Пашенька! Хотите я вамъ дамъ руку поцѣловать?

Усмаицевъ разсмѣялся и нѣжно отвѣтилъ.

— Конечно, хочу!

— Вотъ и миръ. Но что-же будетъ съ отцомъ! Я боюсь идти домой.

— Я не знаю, что будетъ, но вамъ надо идти домой не только скорѣй, а сейчасъ.

— Вы сказали, что я никого не слушаюсь и опять ошиблись. Иду. А вы завтра въ шесть часовъ приходите на бульварчикъ и я тамъ буду.

Анюта протянула своему жениху кокетливо руку и, поматывая головой, поспѣшно направилась къ дому.

Евгеній Петровичъ уже вернулся отъ губернатора и въ волненіи ходилъ по кабинету. Тамъ же была и Софья Матвѣевна.

Вскорѣ въ комнату Анюты вошла горничная и объявила, что папаша требуетъ ее къ себѣ. Провинившаяся поблѣднѣла, закусила губу и не торопясь пошла къ отцу.

Увидя дочь, Сверкаловъ сталъ въ позу и возвыся голосъ проговорилъ торжественно-возвышеннымъ тономъ.

— Благодарю. Сейчасъ я удостоился услышать отъ начальника, что мое семейство показываетъ нехорошій примѣръ и является указателемъ, что даже среди людей, обязанныхъ поддерживать нравственно-религіозныя начала, замѣчается не только броженіе, а признаки общественнаго разложенія. Каково мнѣ было это выслушать? Знай же, что я глубоко чувствую оскорбленіе, которое вы мнѣ сдѣлали и покажу тебѣ, что всякому либеральничанью есть границы.

При послѣдней фразѣ Анюта усмѣхнулась и спокойнымъ тономъ спросила.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Что? чуть не закричалъ Евгеній Петровичъ.—Во-первыхъ не допущу шатанья, на что до сихъ поръ смотрѣлъ сквозь пальцы. Если же ты не уймешься—не выпущу изъ дому, а если нужно будетъ, запру.

Услыша такую угрозу, Анюта забыла всякую сдержанность и, сдѣлавъ два шага впередъ, дерзко повторила отцовскую угрозу.

— Ха, ха, «запру». Гдѣ же вы возьмете такой замокъ, который удержалъ бы мою дверь. Если вы бросаете въ арестантскія камеры всѣхъ, кто подвернется вамъ подъ руку, такъ вамъ кажется, что и со мной легко расправиться подобнымъ образомъ. Попробуй-ка!

Софья Матвѣевна, желая успокоить дочь, подошла къ ней, но Анюта не унималась. Она слегка отстранила мать и снова яростно набросилась на отца.

— Вы испугались того, что вамъ сказалъ мало разсуждающій начальникъ, такъ вы можете узнать и то, что пострашнѣе этого—мученія совѣсти. Я не думаю, чтобы она въ васъ совсѣмъ заглохла.

— Молчать! закричалъ Сверкаловъ.—Дерзкая дѣвченка, ты забываешь съ кѣмъ говоришь. Я тебя смирю.

Этотъ ограниченный человѣкъ, привыкшій распекать подчиненныхъ, забылъ, что передъ нимъ дочь. Страхъ за свое положеніе сбилъ его съ толку.

Анюта окончательно вышла изъ себя.

— «Смиришь?» Что же я сдѣлала такого, за что меня надо смирить? Выразила неудовольствіе артисткѣ, не исполнившей слова и отказавшейся сдѣлать доброе дѣло—развѣ это преступленіе? Это былъ протестъ!

Сверкаловъ не выдержалъ и съ запальчивостью крикнулъ.

— Протестъ? ха, ха, ха! Всякая дрянь и туда же «протестъ!»

— Такъ ты вотъ какъ? Называешь свою дочь дрянью. Спасибо. Но дрянь не я, а тѣ, кто глухи и нѣмы къ добру и знаютъ только палку, которой бьютъ и веревки, которыми вяжутъ.

Софья Матвѣевна взяла Анюту за плечо и съ укоризной остановила.

— Одумайся, милая, что ты сказала!

— Выйди вонъ! закричалъ Сверкаловъ.—Или я за себя не отвѣчаю.

Анюта рванулась и вызывающе объявила.

— Я выйду, но вы почувствуете какъ опасно называть дочь дрянью.

Анюта вышла и придя въ свою комнату, затворила дверь на шпингалетъ.

Послѣ ухода дочери Софья Матвѣевна напустилась на мужа.

— Ты называлъ меня дурной матерью, а самъ что дѣлаешь? Ругаешь взрослую дочь. Смотри, Евгеній Петровичъ! Такія эксцентричныя дѣвушки, какъ Анюта, часто худо кончаютъ.

— Не безпокойся. Поревetъ, все этимъ и кончится, а дури поубавится.

Но изруганная дѣвушка не ревѣла, а напротивъ взглядъ ее выражалъ ожесточеніе и рѣшимость. Она думала какъ бы поставить себя въ такое положеніе, при которомъ никто не осмѣлится назвать ее дрянью.

— «Возьму мѣсто гувернантки. Какъ пріятно это будетъ вице-губернатору! А то на службу поступлю и сяду въ контору—тоже не дурно».

Но Анютѣ тотчасъ же показались ее намѣренія несбыточными, такъ какъ она знала, что не ей, съ слабой организаціей, по семи часовъ просиживать за работой.

— «Примусь за Жоржа,—неожиданно рѣшила она.—Какъ мнѣ раньше въ голову не пришло? За Жоржа, за Жоржа! Потребую, чтобы онъ немедленно обвѣнчался со мной. А вдругъ не захочетъ? Вотъ еще! За счастіе сочтетъ. Такъ я и поступлю».

Нѣкоторое время Анюта сидѣла въ раздумьи, потомъ вскочила и твердымъ голотомъ проговорила.

— Къ нему! сейчасъ-же къ нему!

Опасенія, что ея уходъ огорчитъ мать и произведетъ страшный переполохъ въ домѣ не приходилъ ей въ голову. Анюта была человѣкомъ момента. Захотѣлось—и готово. Не разъ она каялась, что поступила неблагоразумно, а подходилъ случай и она опять лѣзла очертя голову.

Въ дверь Анюты нѣсколько разъ раздавался стукъ, но она не обращала на это никакого вниманія. Когда же смерклось, она одѣла верхнее платье, шляпку и незамѣтно пробравшись черезъ кухню, спустилась по черному ходу на дворъ, оттуда вышла на улицу и, взявши извозчика, помчалась къ Усманцеву.

Георгій Игнатьевичъ очень удивился, увидя входившую Анюту. До сихъ поръ она никогда не была въ его квартирѣ.

— Анна Евгеніевна!

— Да, Анна Евгеніевна. Удивлены? По крайней мѣрѣ, скажите, пріятно вамъ или непріятно мое посѣщеніе?

— Очарованъ!

— Умникъ, а теперь къ дѣлу. Вы объяснялись мнѣ въ любви?

— Готовъ сдѣлать это еще сто разъ.

— Довольно и одного. Значитъ вы хотите, чтобы я была вашей женой.

— Безумно!

— Такъ намъ нечего медлить и мы должны теперь же обвѣнчаться.

— Какъ на это посмотрятъ ваши отецъ и мать?

А мнѣ какое до нихъ дѣло? Замужъ выхожу я, а не они.

— Но вашъ отецъ вліятельный человѣкъ и его неудовольствіе можетъ отразиться на мнѣ, какъ на студентѣ.

— Боитесь?

— Только не за себя. Преслѣдованія могутъ отразиться на васъ, а это будетъ ужасно.

— Пусть попробуютъ причинить вамъ какую нибудь непріятность, тогда узнаютъ на что я способна.

Анюта немного задумалась и перемѣнивши тонъ объявила.

— Я раздумала. Не хочу вѣнчаться и вамъ не угрожаетъ ни какая непріятность.

Дѣвушка проговорила это съ такой затаенной скорбью, что Усманцевъ испугался.

— Дорогая, къ чему сомнѣнія! Я на все готовъ и если вы хотите рисковать—поѣдемъ къ моимъ старикамъ и тамъ немедленно обвѣнчаемся.

— Идетъ! по дѣтски вскрикнула Анюта и повисла на шеѣ Георгія Игнатьевича.

Возвратившись домой молодая дѣвушка тотчасъ отправилась къ отцу. Едва переступивъ порогъ кабинета, она твердымъ голосомъ объявила.

— Папа, я выхожу замужъ. Выдай мнѣ необходимый документъ.

При этихъ словахъ Евгеній Петровичъ, сидѣвшій въ креслѣ, какъ-то пригнулся и молчалъ. Анюта повторила то, что сказала. Тогда Сверкаловъ поднялся и грозно спросилъ.

— Новое безумство?

— Нисколько. Всѣ дѣвушки выходятъ замужъ, а какъ—наше дѣло. Если же ты будешь препятствовать, я наложу на себя руку. Этимъ ты окончательно уронишь себя въ глазахъ общества и начальства. А что я исполню то, что сказала—смотри!

Она стала передъ образомъ на колѣни, осѣнила себя большимъ крестомъ и, проговоривъ, «клянусь», сдѣлала земной поклонъ.

Сверкаловъ не вѣрилъ тому, что́ происходило передъ его глазами. Анюта клянется, что наложитъ на себя руку. Это такъ поразило стараго чиновника, что онъ растерялся и шепталъ.

— Все будетъ сдѣлано, все будетъ сдѣлано.

Вице-губернаторъ понялъ, что если онъ боялся потерять мѣсто за шалость дочери, то послѣ ея самоубійства, онъ навѣрно потеряетъ его. Этотъ страхъ рѣшилъ дѣло. Завзятому бюрократу приходилось уступить наплыву не чернильной и тюремной, а настоящей жизни и Усманцевъ былъ объявленъ женихомъ Анюты, при чемъ Софья Матвѣевна проговорила со вздохомъ.

— Можетъ быть мужъ подстрижетъ ей крылья, а съ тѣми, какія у нее теперь, она улетитъ за облака.

Анюта ликовала. Ее натура стала сказываться вполнѣ. Переходы отъ горя къ смѣху, отъ раздраженія къ ласкѣ, поражали всѣхъ и многіе замѣчали:

— Какая она неуравновѣшанная!

Чѣмъ-то кончитъ эта неуравновѣшанная?

П. Невѣжинъ.

Вечеръ.

День близится къ концу. Изъ глубины
Небесной въ душу, полную мученья,
Гармоніей стозвучной тишины
Великое плыветъ успокоенье.
Въ душѣ, усталой отъ дневныхъ трудовъ,
На всемъ, что день въ ней поселилъ мятежный,
Лежитъ вечернихъ ласковыхъ тоновъ
Затихшая печаль и сумракъ нѣжный.
И просится душа моя ко сну...
Но, исходя изъ праха отдаленья,
Еще плыветъ къ раскрытому окну
Голодный ревъ дневного треволненья.
Я слышу хоръ нескладный голосовъ,
Похожій на звенящій шумъ прибоя...
Но кто же тѣ, кому и тихихъ сновъ
Приходъ блаженный не даетъ покоя?
Иль трудный день имъ душу растерзалъ
Нежданнымъ горемъ роковой потери?
Или пришелъ и грозной тѣнью сталъ
Духъ сильный зла у ихъ открытой двери—
И тамъ на жизнь и смерть борьба идетъ
И льется кровь? Иль брата братъ поноситъ?
Или на месть обиженный зоветъ?
Или голодный хлѣба тщетно проситъ?..
Иль плачетъ мать, лишенная дѣтей?
Иль дѣвушка клянетъ позоръ безчестья?..
Но шумъ плыветъ все глуше и слабѣй.
Звѣзда блеснула первой мирной вѣстью.
И молкнетъ все, хотя еще не спитъ.
Зажглись огни... съ полей плыветъ прохлада...
И каждое окошко говоритъ:
«Здѣсь тихій міръ, семейная отрада»...

В.л. Ленскій.

* * *

Челнъ качаясь плыветъ. Нѣгой счастья
Дышетъ утро... Я бросилъ весло
И задумался—вспомнилъ былое,
Что, какъ сонъ, безвозвратно прошло.
Вспомнилъ дѣтство мое золотое,
Вспомнилъ свѣтлую юность мою.—
Тѣхъ, кого я любилъ, ненавидѣлъ,
Ту, кого я такъ больно люблю.
И туманятъ глаза мои слезы.
Волны тихо качаютъ мой челнъ.
Какъ сквозь сонъ я гляжу въ даль былого,
Убаюканный ропотомъ волнъ.

Л. Андрусонъ.

Е. Делинъ. ЗАВОЕВАТЕЛЬ МІРА.

Свѣтское воспитаніе.

(переводъ съ нѣмецкаго).

Господинъ Леттингеръ не хотѣлъ вовсе и слышать объ этомъ.

— Глупая болтовня, ворчалъ онъ.

— До сихъ поръ обходились и такъ,—а теперь вдругъ!

— Конечно, ѣдко возражала ему жена Лотта—до сихъ поръ я мучилась, какъ прислуга, и обо всемъ заботилась сама. Теперь, наконецъ, я и жить хочу!

— Въ такомъ случаѣ, возьми себѣ опытную кухарку, но довѣрять дѣтей въ чужія руки!

— Ты, какъ видно, совсѣмъ не чувствуешь, что перемѣна нашего состоянія налагаетъ на насъ болѣе высокія обязанности именно по отношенію къ нашимъ дѣтямъ, упрекала мужа супруга, что мы должны дать дѣтямъ солидное воспитаніе.

— Безуміе! волновался г-нъ Леттингеръ. Солидное воспитаніе! Какъ будто все заключается лишь въ томъ, чтобы ребятишки болтали по-французски, не научившись еще какъ слѣдуетъ ихъ родному языку. Сдѣлать изъ нихъ хорошихъ и приличныхъ людей—вотъ тебѣ и солидное воспитаніе. А этого можно достичь лишь тогда, когда самъ заботишься о дѣтяхъ.

— А у тебя есть на это время? спросила жена.

— Ты же знаешь, что мои дѣла отнимаютъ у меня весь день. Да, наконецъ, это обязанность матери.

— Конечно, въ особенности когда дѣло идетъ о дѣвочкахъ. На ея же отвѣтственности лежитъ знать, что въ данномъ случаѣ самое правильное. Наши дѣвочки не должны быть хуже дѣтей Кеттнера.

— Ужъ не потому ли, что тѣ такъ глупы, что хотятъ сдѣлать изъ себя баронессъ? рѣзко прервалъ жену г-нъ Леттингеръ. Мы — маленькіе люди по происхожденію—да я и не тянусь вверхъ!

— Но, дорогой мой! попробовала смягчить тонъ разговора умная супруга—для кого же ты трудился въ продолженіе десяти лѣтъ? Для кого мы сберегали всякій грошъ, какъ не для Кати и Лотты? Да и кому перейдутъ наши сбереженія и богатое наслѣдство, что мы получили такъ неожиданно?

— Конечно, дѣтямъ! горячился г-нъ Леттингеръ, благодаря этому, онѣ обладаютъ счастливой возможностью выбрать себѣ мужей по сердцу.

— Да, прервала жена, если только недостаточное воспитаніе не ограничитъ ихъ въ предѣлахъ, за которые, быть можетъ, манятъ ихъ желанія. Люди высшихъ слоевъ общества, офицеры.

— Отстань со своими офицерами, защищался г-нъ Леттингеръ.

— Что-жъ станешь дѣлать, Бруно, если дѣвки на томъ заупрямятся? И съ гордой улыбкой матери, которая увѣрена, что ея будущіе зятья будутъ носить мундиры, она добавила:—Вѣдь, ваши дѣти—блестящія партіи. Счастье ихъ не должно быть ограничено тѣмъ, что ихъ доморощенное воспитаніе не отвѣчаетъ требованіямъ, которыя предъявляетъ высшее общество молодымъ дѣвицамъ».

Г-нъ Леттингеръ ничего не отвѣтилъ. Онъ бросилъ на жену гнѣвный взглядъ, взялъ со стола книгу и положилъ ее снова на столъ, затѣмъ энергичными шагами вышелъ изъ комнаты. Тѣмъ не менѣе, г-жа Леттингеръ была очень довольна результатомъ своей атаки. Она хорошо знала, что жена всегда выиграла, если довела супруга до нѣмого сопротивленія. Тогда до полной побѣды остается одинъ шагъ. Она ограничилась тѣмъ, что въ продолженіе двухъ недѣль въ своихъ разговорахъ напоминала отъ времени до времени о приглашеніи француженки для Кати и Лотты. Наконецъ, отпраздновала полную побѣду, объявивъ, однажды, въ гостяхъ у Кеттнера въ присутствіи мужа: «Мой мужъ настаиваетъ, чтобы я взяла дѣтямъ бонну». Въ этотъ вечеръ, на обратномъ пути, г-нъ Леттингеръ не замѣчалъ присутствія жены и ночевалъ у себя. Но все же ближайшаго перваго числа появилась бонна. Мать была счастлива; Катя и Лотта—ликовали; даже отецъ казался болѣе нежели примиреннымъ.

Mademoiselle была, въ самомъ дѣлѣ, прелестна: маленькая, красивая собой особа, съ пышными вьющимися волосами и веселыми глазками, цвѣта незабудки. «У нея такіе правдивые голубые глаза—хвалила г-жа Леттингеръ свою бонну всѣмъ знакомымъ. «У нея въ головѣ чертики скачутъ!»—озабоченно думалъ г-нъ Леттингеръ, но забота скоро смѣнилась улыбкой удовольствія.

— Вы должны безусловно, безусловно, повиноваться барышни—гласило распоряженіе матери дочкамъ.—«Горе вамъ, если я услышу жалобу на васъ!».

Все было въ лучшемъ порядкѣ. Между бонной и ея 7 и 5 лѣтними воспитанницами скоро установилось отрадное единеніе.

Теперь, наконецъ, г-жа Леттингеръ находила достаточно времени, чтобы пойти въ гости, осмотрѣть основательно магазины, приложить всѣ старанія къ украшенію себя у портнихи и у модистки, притомъ съ полнымъ спокойствіемъ, приличествующимъ такому важному предпріятію. И г-нъ Леттингеръ имѣлъ удовольствіе видѣть вокругъ себя довольныя лица, когда онъ, усталый возвращался домой; кромѣ того, за столомъ стало однимъ хорошенькимъ личикомъ больше, что пожалуй, было не маловажно. Воспитаніе дѣвочекъ происходило слѣдующимъ образомъ. Оставшись въ первый разъ съ нимъ одна въ квартирѣ, барышня занялась осмотромъ комнатъ. Въ будуарѣ г-жи Леттингеръ она открыла бонбоньерку, саксонскаго фарфора, наполненную дорогими конфектами. Hélas! regardez, mes enfants!». Она протянула дѣтямъ соблазнительныя сладости и позволила имъ основательно набить себѣ рты. Послѣ этого она сказала:

— О, если вы быть не послушны, это говоритъ à maman—Вы должны дѣлать, что я хочу, — вы не смѣть jamais raconter — никогда не разсказывать, — что я запретилъ.

Цѣлыми часами сидѣла она въ своей комнатѣ и читала романы, въ то время какъ Катя и Лотта должны были сидѣть тихо не шевелясь.

Когда приходила домой г-жа Леттингеръ и спрашивала о дѣтяхъ, барышня лгала на чемъ свѣтъ стоитъ, разсказывая, о чемъ она болтала съ дѣтьми и какъ съ ними играла. Дѣти стояли и удивленно слушали; и мать была даже очень любезна и добра къ барышнѣ, подтверждая такимъ образомъ ложь и высказывая на нее свое согласіе. Дѣтямъ даже и въ голову не приходило, что мать не знала какъ дерзко ее обманывали. Вѣдь мама знала все, что хотѣла. И если бы Катя и Лотта стали сомнѣваться въ этомъ бойкая француженка — авторитетъ, которому онѣ обязаны повиноваться—объяснила бы имъ тотчасъ же, что родителямъ не всегда можно говорить правду въ глаза. Вѣдь, у нихъ бываютъ иногда такіе странные взгляды, и всегда они желаютъ настоять на своемъ. Въ поученіе обѣимъ дѣвочкамъ барышня высказала себя замѣчательной тѣмъ, что скрывала мелкія шалости отъ отца и матери и, такимъ образомъ, убѣдительно доказывала практическую пользу лжи.

Г-жа Леттингеръ ничего не замѣчала въ перемѣнѣ, которая происходила въ маленькихъ душахъ. Она и ея мужъ были внѣ себя отъ удовольствія, что ребятишки въ разговорѣ парой французскихъ словъ старались подражать граціознымъ манерамъ бонны.

Барышня пользовалась всеобщимъ расположеніемъ. Къ сожалѣнію, и внѣ дома ее находили восхитительной.

Когда она гуляла съ Катей и Лоттой, то провожатые мужчины не заставляли себя долго ждать. Когда таковой присоединялся—они шли по скучнымъ и грязнымъ переулкамъ вмѣсто элегантнаго бульвара. Иногда, впрочемъ, смотря по состоянію «дяднаго» кошелька, въ загородную кондитерскую или ресторанъ. Вотъ гдѣ было хорошо! Тамъ было въ избыткѣ всякихъ лакомствъ, газетъ и журналовъ съ раскрашенными картинками, и барышня болтала съ «дядей» о такихъ потѣшныхъ вещахъ. Одно лишь изъ всего этого было печально, что нельзя было ничего разсказать мамѣ.

Барышня угрожала самыми ужасными наказаніями, да мама и сама сказала что во всемъ надо повиноваться барышнѣ. Маленькая Лотта очень сожалѣла, что ей нельзя было сообщить о сладкихъ пирожныхъ, восхитительномъ малиновомъ лимонадѣ и шоколадѣ со сбитыми сливками. Старшей, Катѣ, напротивъ до смерти хотѣлось спросить, зачѣмъ барышня такъ часто цѣлуется съ дядей, и почему они при этомъ такъ краснѣютъ.

Въ одинъ январскій день нашелся снова новый дядя,—совсѣмъ еще молодой человѣкъ, въ бобровой шубѣ, бѣлыхъ перчаткахъ, съ большимъ круглымъ стекляшкомъ въ лѣвомъ глазу. Онъ тратилъ массу. Водилъ барышню и дѣтей въ лучшіе рестораны, заказывалъ всегда шампанское и приносилъ каждый разъ въ карманѣ мѣшочекъ съ засахаренными фруктами. Онъ угощалъ дѣтей фруктами, если они оборачивались лицомъ къ стѣнкѣ, и Катѣ казалось очень страннымъ, что барышня тогда сильно взвизгивала.

На седьмой или восьмой день знакомства они снова встрѣтились съ важнымъ дядей. На этотъ разъ они отправились уже не въ ресторанъ, а на шикарную тихую улицу, гдѣ дома были окружены палисадниками, а лавокъ совсѣмъ не было.

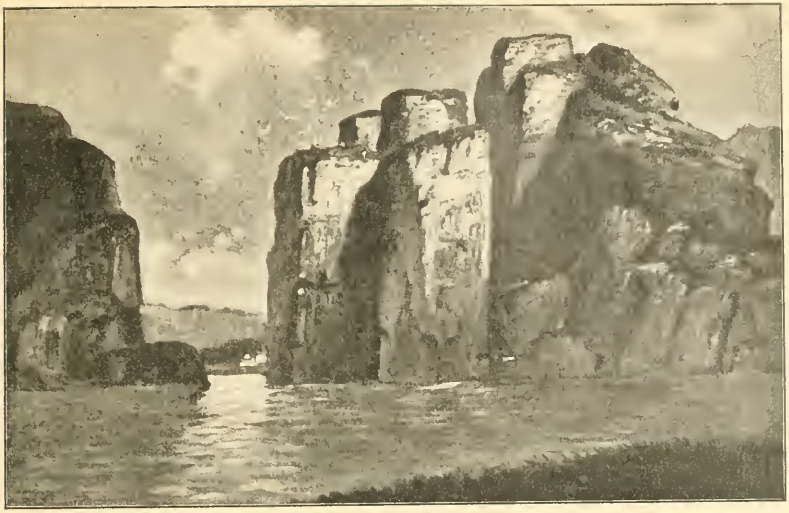
Передъ однимъ изъ такихъ домовъ «дядя» съ барышней остановились, и дядя сказалъ обѣимъ дѣвочкамъ. «Вотъ вамъ кое-что полакомиться. Вы будете вести себя какъ слѣдуетъ, не такъ ли? Стойте здѣсь смирно и подождите, пока я не выйду съ барышней».

Катя и Лотта стояли, жевали конфекты, переступали все время съ ножки на ножку, потирали себѣ ручки и дышали на маленькіе пальчики, такъ какъ была жестокая стужа, а барышня совсѣмъ не хотѣла появляться. «Катя, Лотта!» вдругъ испуганно закричалъ голосъ отца, и г-нъ Леттингеръ поспѣшилъ перейти черезъ улицу. «Что это вы здѣсь дѣлаете?!»

Это имъ не было явно запрещено, и потому Катя пробормотала: «Мы ожидаемъ барышню».

Больше отъ нея ничего нельзя было добиться. Тогда г-нъ Леттингеръ рѣшилъ самъ подождать барышню. Однако, онъ ее не взялъ домой, когда она, наконецъ появилась въ сопровожденіи молодого человѣка. Онъ усадилъ полузамерзшихъ дѣвочекъ на извозчика и еще по дорогѣ довелъ ихъ до покаянія.

Вечеромъ бесѣда съ женой была не очень мирная. У мамы еще утромъ были заплаканы глаза, когда ей пришлось снова взять въ свои руки воспитаніе обоихъ дѣтей.



ПРИБРЕЖНЫЯ СКАЛЫ.

Въ Дроздовской гимназіи.

—„Ивановъ! Гимназія васъ учитъ мыслить, разсуждать"...
„Я, Петръ Павловичъ, хотѣлъ"...
„Молчать! Не разсуждать!!"...

Сценка съ натуры.

Аггей Платоновичъ Дроздовъ, директоръ большой губернской гимназіи, шагалъ журавлемъ по длинному корридору верхняго этажа и млѣлъ отъ... сознанія своего величія и своей власти. И въ самомъ дѣлѣ: возможно ли не млѣть ежеминутно человѣку, котораго прихотливая судьба-баловница въ теченіе какихъ-нибудь 12—15 лѣтъ осѣнила величіемъ внушительнаго почти генеральскаго чина статскаго совѣтника, декорировала крупными регаліями до Святыя Анны на шею включительно и вознесла на головокружительную высь директорскаго поста, сопричисливъ его къ сонму крупнѣйшихъ губернскихъ боговъ, возлежащихъ на самыхъ верхнихъ заоблачныхъ уступахъ губернскаго властнаго Олимпа!

И онъ млѣлъ, непрестанно и до жуткости млѣлъ, подавленный почти непосильнымъ величіемъ своей собственной персоны, угнетаемый колоссальностью власти и какой власти?! Власти прямо-таки дискреціонной надъ цѣлой маленькой арміей людей!

«А въ самомъ дѣлѣ: отъ меня зависитъ цѣлая армія»—вдругъ мелькнуло у него въ головѣ, и эта мысль такъ озадачила, такъ оглушила его самолюбіе, что онъ пожелалъ немедленно же и подробно разобраться въ этомъ вопросѣ и вывести на справку,—точно, сколько, именно, должно состоять на лицо людей, ему непосредственно подначальныхъ.

Онъ даже вынулъ было для чего-то изъ бокового кармана свой журнальчикъ, но затѣмъ положилъ его обратно, сообразивъ, что всѣ эти числа ему хорошо извѣстны. И онъ началъ высчитывать: семнадцать преподавателей, инспекторъ восемнадцатый. Положимъ, относительно инспектора Аггей Платоновичъ на нѣкоторое время поколебался,—подначальный ли онъ ему? По духу закона какъ будто бы и да, фактически - почти нѣтъ. Что же такое въ сущности эта величина въ е г о учрежденіи? Не мнимая же она, ибо она существуетъ въ лицѣ этого радушнаго на первый взглядъ

Аркадія Петровича Ижеесинскаго, брюшковатаго, юркаго и хитраго поповича, который успѣлъ уже испортить много крови даже ему, всемогущему начальнику учрежденія и прямо-таки неограниченному распорядителю судебъ всѣхъ, такъ или иначе къ гимназіи прикосновенныхъ лицъ, личностей и личинокъ... «Такъ какъ же?» думалъ директоръ,—считать его подначальнымъ, или нѣтъ? Попечитель въ послѣдній разъ, полушутя, полусерьезно выразился, будто инспекторъ въ гимназіи то же, что прокуроръ въ судѣ... Ну, а прокуроръ подначальный предсѣдателя? Богъ его знаетъ... Нужно будетъ спросить кого-нибудь изъ судейскихъ, а пока что, оставимъ инспектора подъ сомнѣніемъ... Внесу его въ рубрику «ни то, ни се», куда за-одно войдутъ и законоучители инославныхъ исповѣданій: ксендзъ, пасторъ и армянскій попъ: вѣдь и этихъ не только изгнать изъ гимназіи, но даже и особенно попугать я, въ сущности, не могу... Значитъ, семнадцать преподавателей, четыре надзирателя, считая и помощниковъ, трое въ канцеляріи, одинъ врачъ, учитель пѣнія, учитель гимнастики, экономъ казеннаго пансіона и девять сторожей съ пансіонскими. Всего тридцать семь человѣкъ, такихъ, которыхъ

Захочу—полюблю,
Захочу—разлюблю...

И Аггей Платоновичъ даже пропѣлъ мысленно этотъ куплетъ. Вѣдь, въ сущности, благополучіе всѣхъ этихъ людей только мною и держится... Преподаватели!.. Пушечное мясо!.. Одинъ только нумеръ по конфиденціальному исходящему и отъ любого изъ нихъ не останется ни слѣда, ни духу... Какъ будто его и не было никогда... Туда же: педагогическій совѣтъ! Коллегіально!!. Просто дрянной оркестришко, въ которомъ я, капельмейстеръ, воленъ въ каждый моментъ приказать замолчать любому фаготу или, наоборотъ, такъ заревѣть, чтобы ни одного дурака не было слышно... Свобода мнѣній!.. Нѣтъ, братцы,—погодите немножко... Угодно свободныхъ мнѣній, такъ пожалуйте куда-нибудь въ пивную на анти-правительственную сходку: тамъ горланьте себѣ на здоровье что угодно и всѣ разомъ, а на совѣтѣ прошу не безпокоиться: здѣсь есть кому выдумать что-нибудь поумнѣе вашего, а вы тутъ—мебель, для декораціи поставленная... Такъ-то-съ!! Дослужитесь, голубчики, до директорства, тогда поймете, что гдѣ много пѣтуховъ, тамъ поздно разсвѣтаетъ... А пока каммертонъ въ моей рукѣ, такъ извольте держать заданный мною тонъ, а не то смотрите, какъ бы регентъ этимъ самымъ каммертономъ по любой башкѣ не проѣхался!.. Ну, канцелярія, экономъ, сторожа—это дребедень, о которой и думать не стоитъ: молчать!—и весь сказъ. Далѣе—четыреста сорокъ шесть учениковъ, продолжалъ считать владыка своихъ подначальныхъ,—армія! Тутъ надъ каждымъ право гражданской жизни и смерти! Заслужишь, живи, кончай, иди въ университетъ и послѣ съ Богомъ приступай къ общественному пирожку, плодись, умножайся, ибо былъ почтительнымъ и все сіе заслужилъ... Ну, а заартачился, фордыбачить началъ—не взыщи: вонъ! Съ волчьимъ!!. Нѣтъ тебѣ диплома, нѣтъ доступа къ высшему... Не угодно ли въ золотую роту, ибо обуреваемый духомъ гордыни и крамолы ты самъ себѣ мѣсто тамъ приготовилъ! Съ начальствомъ, братъ, знай, какъ себя держать подобаетъ!—отчеканилъ мысленно Аггей Платоновичъ по адресу неизвѣстнаго несчастнаго заблудшаго и невольно приподнялъ грозно оба плеча. Если всю эту армію, продолжалъ затѣмъ думать директоръ,—разставить цѣпью по одному, да около каждаго по парѣ родителей присовокупить, такъ выйдетъ ни больше, ни меньше, какъ верста, живая верста изъ сердецъ, мозговъ и самолюбій и я эту цѣпь въ любомъ мѣстѣ могу въ такой узелъ закрутить, котораго и самъ чортъ не раскрутитъ, не только что Гордій! Родители?.. Да развѣ всѣ эти папаши и слезливыя мамаши не въ моихъ рукахъ! Въ любой моментъ могу любого изъ нихъ къ себѣ потребовать повѣсткой: явись къ господину директору выслушать его рѣшеніе о твоемъ чадушкѣ, а не явишься, заартачишься, такъ, братъ, и господинъ директоръ артачиться не хуже твоего сумѣетъ... Мы, господинъ папаша, любого изъ вашего брата въ православіе приведемъ живо: не угодно ли получить свое чадушко вмѣстѣ съ документами и... будьте оба здоровы... Что? Небось, не нравится? «Нельзя ли, господинъ директоръ, какъ-нибудь? Вы, вѣдь, такой гуманный, вы нашъ отецъ»! А, вотъ какъ заговорили? О гуманности рацеи повели?! То-то же!.. Ну, хорошо: я предложу совѣту... можетъ быть, во вниманіе къ вашему исключительному положенію совѣтъ и согласится и прочее... Да-съ... Родители, если ужъ такъ говорить, и есть самые настоящіе мои

подначальные, потому что, кто же изъ нихъ приплода своего не станетъ беречь? А приплодъ-то этотъ самый въ моей рукѣ весь съ потрохами: пока хочу, держу руку открытой и копошись себѣ, какъ знаешь, а чуть что надоѣлъ, или папенька заартачился, сжалъ руку и пищите себѣ вдвоемъ дуэтомъ, а то такъ и цѣлое тріо составляйте, прихвативъ въ компанію и мамашу... А мало вамъ этого, еще покрѣпче сожму, да такъ сожму, что у всѣхъ глаза на лобъ полѣзутъ... Проси, кланяйся, искательствуй... А не желаешь, гордъ, такъ вонъ: стряхнулъ съ руки на полъ и нѣтъ приплода. Да-съ... Каждый родитель, въ нѣкоторомъ родѣ, верблюдъ киргизскій съ желѣзнымъ стержнемъ въ носу: съ вида гордый, страшный, а чуть что—поводырь потянулъ за поводье, да этой самой желѣзкой по носовому хрящику дернулъ и вмѣсто верблюда—овечка... Хрящикъ-то, вѣдь, чувствительный... Когда онъ въ чужой рукѣ, не больно наскачешься: хруститъ...

Аггей Платоновичъ среди этихъ своихъ мыслей невольно унесся такъ далеко и отъ этого корридора, и отъ всего этого храма своей славы, что не замѣчалъ нѣсколько минутъ слѣдовавшаго за собой на нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи помощника надзирателя Плевкова, плюгавенькаго и веснусчатаго господинчика, весьма похожаго на фетюльку съ рѣдкой, огненнаго отлива растительностью на головѣ и лицѣ, гораздо болѣе, впрочемъ, извѣстнаго въ гимназическомъ мірѣ подъ кличкою «рыжей язвы», и просто «рыжаго», который очевидно явился съ какимъ-то докладомъ къ начальству, но не осмѣливался прервать его думъ, пока это начальство само не обратитъ на него своего милостиваго вниманія, когда ему удастся попасть въ поле его зрѣнія...

Наконецъ, послѣ одного изъ поворотовъ директоръ случайно замѣтилъ «рыжую язву» и пріостановился, давая этимъ ему возможность предстать со своимъ докладомъ. Шелъ только второй урокъ. Плевковъ еще не успѣлъ привѣтствовать начальство.

Замѣтивъ призывъ, «язва» быстро обдернула на себѣ форменный сюртучишко и, принявъ съ благоговѣніемъ нѣсколько небрежно протянутую руку господина директора и слегка, съ надлежащей почтительностью, пожавши ее, произнесла:

— Я, господинъ директоръ, хотѣлъ доложить вамъ...

— Что такое?

— Ученики 8-го класса: Прутковъ, Кочетовскій и Кудлавинъ замѣчены мною въ нарушеніи формы...

— Гдѣ? На улицѣ?

— Такъ точно. И въ гимназіи, потому что они явились сегодня въ гимназію.— Прутковъ въ дохѣ, Кочетовскій въ николаевской шинели съ бобровымъ воротникомъ, а Кудлавинъ въ штатскомъ мѣховомъ пальто.

— Какъ? Въ гимназію? Вотъ нахальство! Отчего же вы не повернули ихъ назадъ?

— Я, замялся «рыжій» — безъ вашего распоряженія не рѣшился, а считалъ долгомъ прежде доложить объ этомъ всемъ...

«Рыжій» солгалъ, потому что доху, шинель и пальто онъ обнаружилъ только сейчасъ въ раздѣвальной, куда по обыкновенію, отправился на рекогносцировку по карманамъ ученическихъ пальто съ цѣлью провѣрки, не имѣется ли тамъ папиросъ, огнестрѣльнаго оружія или кастетовъ, прокламацій, порнографическихъ книженокъ и вообще чего-либо запрещеннаго.

Продѣлывалъ онъ это теперь аккуратно каждый день уже мѣсяца два по собственному почину съ тѣхъ поръ, какъ какой-то приготовишка поднялъ на полу въ раздѣвальной и принесъ инспектору сразу четыре литографированныхъ листка самаго революціоннаго содержанія. А обнаруживши здѣсь столь не свойственныя гимназіи принадлежности гардероба, онъ отъ сторожа Василія уже дознался, кому изъ учениковъ онѣ принадлежали.

— Хорошо, я уже сдѣлаю все самъ... Вы прекрасно поступили, что доложили объ этомъ прежде всего мнѣ, а не Аркадію Петровичу.

— Помилуйте, господинъ директоръ, заговорила вкрадчиво-подобострастно «рыжая язва», — я полагалъ, что о столь важномъ и можно сказать выдающемся изъ ряда обыкновенныхъ событій, составляющихъ такое крупное нарушеніе устава, — надлежитъ прежде всего поставить въ извѣстность самое высшее начальство... А потомъ, если вы изволите приказать, — я доложу и господину инспектору, тѣмъ болѣе, что и господинъ инспекторъ безъ доклада вамъ и безъ вашей резолюціи едва ли бы счелъ себя въ правѣ сдѣлать распоряженіе собственной властью въ столь важномъ случаѣ.

— Вы совершенно правильно разсуждали, Иванъ Ильичъ, — замѣтилъ одобри-

тельно Дроздовъ,—«я очень радъ, что вы такъ сознательно относитесь къ своему дѣлу. Педагогія, именно, требуетъ сознательнаго, вдумчиваго и строго тактичнаго отношенія со стороны учрежденія, отъ высшаго и до сторожа включительно... Инспектору вы можете доложить объ этомъ на перемѣнѣ, чтобы и онъ освѣдомился объ этомъ непосредственно отъ васъ...

Много у васъ не явилось сегодня?

— Очень много... Въ приготовительномъ пришло меньше половины, въ первомъ основномъ —нѣтъ 12, въ первомъ параллельномъ — 17, во второмъ основномъ пришло только 22 изъ 43, а въ параллельномъ я еще на первой перемѣнѣ не успѣлъ выяснить отсутствующихъ. Удобный предлогъ для манкировки: въ 8 часовъ, когда я пришелъ, было ниже 20°; ну, конечно, и воспользовались придраться къ такому случаю...

Выслушавъ докладъ Плевкова, директоръ двинулся опять впередъ и тѣмъ далъ понять подчиненному, что аудіенція окончена.

«Рыжая язва» слегка поклонилась и юркнула внизъ по лѣстницѣ, а директоръ продолжалъ свое журавлиное шаганье.

— «Этотъ — толковый, съ понятіемъ... Изъ него вытанцуется недурной воспитатель... А главное, обнаруживаетъ, и уже не въ первый разъ, задатки недюжиннаго служебнаго такта... Фамилія — Плевковъ скверная, а такъ — ничего, кажется, — безъ фордыбаченья. Если Кочаевъ не перестанетъ, наконецъ, шушукаться съ учениками и популярничать, покрывая разныя ихъ шашни, — придется его прогнать, а на его мѣсто можно будетъ назначить этого: — этотъ надежный; съ нимъ можно во всякую минуту знать всю подноготную изъ того, что дѣлается и въ стѣнахъ гимназіи и, главное, за стѣнами... А ужъ что онъ будетъ играть въ руку не косматому Отченашенскому (директоръ — по сословію дворянинъ, въ душѣ относился съ большой нетерпимостью къ разночинцу вообще, а въ особенности къ «колокольнымъ дворянамъ», поповичамъ и первый слой накипи въ его душѣ противъ инспектора Ижессинскаго былъ именно слоемъ сословно — шовинистскаго характера), — а мнѣ, это внѣ всякаго сомнѣнія: онъ уже доказалъ свое умѣніе разбираться въ лицахъ и положеніяхъ».

И Аггей Платоновичъ, изобразивъ вдругъ и на лицѣ и на всей своей фигурѣ, красивой и рослой, олимпійски-величественный видъ, рѣшительно направился къ послѣдней по правую сторону корридора двери восьмого класса.

Въ 8 классѣ, какъ оказалось, шелъ урокъ французскаго языка, который въ гимназіи Дроздова преподавался совсѣмъ не какимъ нибудь М-eur Зоэль'емъ М-eur Шарпантье, или М-eur Дурденъ'омъ, а, какъ это ни удивительно... Ираклiемъ Гермогеновичемъ Оаворовымъ, человѣкомъ благодатнаго происхожденія, отецъ котораго былъ сначала когда-то простымъ сельскимъ іереемъ, впослѣдствіи неисповѣдимыми судьбами возвысившимся до члена духовной консисторіи и скончавшимся отцемъ-ключаремъ главнаго собора, а братъ и понынѣ состоялъ громоноснымъ протодіакономъ въ сосѣдней губерніи. Самъ этотъ «французъ» поступилъ въ свое время, конечно, въ духовную семинарію, которую и окончилъ, благополучно миновавъ всѣ сциллы и харибды всякихъ гомелетикъ, пропедевтикъ и тому подобныхъ премудростей и наукъ, замѣчательныхъ лишь тѣмъ, что онѣ ни на іоту не расширяютъ умственнаго кругозора нашего духовенства. Но затѣмъ вдругъ, когда уже о. ключарь, къ тому времени весьма вліятельный человѣкъ въ цѣлой губерніи, такъ какъ былъ приближеннымъ лицомъ и даже, можно сказать, узами дружественныхъ отношеній связаннымъ съ самимъ владыкой, намѣтилъ для него избранницу для женитьбы и побесѣдовалъ даже съ преосвященнымъ о предстоящемъ рукоположеніи Ираклія въ діаконы,—онъ паче всякаго чаянія объявилъ, что по стезѣ духовной итти не желаетъ, а, дабы постигнуть бездны науки глубокія, отправится на филологическій факультетъ университета.

Ахнулъ о. ключарь и, когда убѣдился, что и по надлежащемъ увѣщаніи всяческими кроткими и даже бранными словесами, Ираклій продолжаетъ упорствовать на своемъ и пребываетъ въ своемъ упрямствѣ, аки ветхозавѣтная ослица Валаамова, то направился къ владыкѣ и со смятеннымъ духомъ повѣдалъ ему о столь превеликой и нечаянной горести своей, изъ нѣдръ семьи отъ сына непокорнаго исходящей.

— «Земно кланяюсь вамъ, преосвященнѣйшій владыко, и сугубо молю преподать мнѣ свой архипастырскій совѣтъ и наставленіе, какъ надлежитъ поступить въ семъ случаѣ?»

Архіерей былъ человѣкомъ развитымъ, но весьма осторожнымъ въ своихъ рѣ-

шеніяхъ и потому велѣлъ ему прійти за отвѣтомъ на завтра послѣ вечерни. На другой день владыко сказалъ мятущемуся духомъ отцу ключарю такъ:

— Ну, Гермогенъ, обдумалъ я со всѣхъ сторонъ твое дѣло и однажды и дважды и трижды и вотъ что скажу тебѣ: не понуждай юнца и не насилуй, сказано бо есть: кійждо ко искреннему своему... Облачить его въ рясу духовную ты, конечно, воленъ, какъ отецъ и глава его, но сотворить изъ него іерея и служителя алтаря ревностнаго, который бы съ чистымъ сердцемъ и во всякую минуту живота своего воскликнуть возмогъ:—«пою Богови моему, дондеже есмь!»—не въ твоихъ силахъ.. А потому не упорствуй и самъ, ибо ничего путнаго отъ твоихъ настояній не провижу... Памятуй, что не всякому сіе дано и что только «могій вмѣстити, да вмѣститъ! Отпусти же его доброхотно и съ миромъ, и пусть идетъ, куда увлекаютъ его разумъ и сердце!»

И вотъ по владычнему слову, Ираклій Гермогеновичъ Ѳаворовъ осенью того же года оказался уже студентомъ филологическаго факультета одного изъ столичныхъ университетовъ, по окончаніи котораго силою какого-то счастливаго для себя случая попалъ на три года въ Парижъ въ роли домашняго учителя дѣтей одного изъ старшихъ лицъ посольскаго персонала. По возвращеніи на родину, онъ по протекціи отца своихъ парижскихъ питомцевъ получилъ мѣсто учителя французскаго языка въ гимназіи своего родного города, лишивъ этимъ одной лишней учительской вакансіи многочисленныхъ вскормленниковъ парижскихъ куаферныхъ заведеній, охотно мѣняющихъ бритву и ножницы на синій околышъ съ кокардой и арматурой министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи и посвящающихъ наше долготерпѣливое россійское юношество во всѣ тонкости языка оперетки, свободомыслія и международныхъ конгрессовъ.

Такъ совершилась удивительная эволюція сего возлюбленнаго іерейскаго чада во француза отечественнаго производства на духовныхъ дрожжахъ, при чемъ основы нашего государственнаго строя не только не были потрясены столь необыкновенной метаморфозой, но даже, какъ увидимъ ниже,—много окрѣпли, получивъ для себя лишнюю и притомъ весьма солидную подпорку. А подпорка эта, дѣйствительно, была внушительной, по крайней мѣрѣ по своему объему: дѣтина саженнаго роста, пропорціонально раздавшійся и въ ширину, Ѳаворовъ съ трудомъ влѣзалъ въ галоши самаго послѣдняго нумера и соотвѣтственно этому и длань имѣлъ на подобіе копыта першерона. Не даромъ же въ свое время мятущійся духомъ родитель его, отецъ ключарь,—при увѣщаніи его не мѣнять стези духовной на путь соблазна и излишествъ всяческихъ, выведенный, наконецъ, изъ себя его упорствомъ, въ унынии отъ сего съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Ну, и дубина же ты, Ираклій, стоеросовая! Ростомъ—точно оглобля надъ телѣжкой, будучи о козла облокоченной, торчащая,—умомъ же пѣтелу горластому подобенъ, ибо, какъ и эта глупая птица, и денно и нощно одно только свое кукареку возглашающая, ты, не взирая на мое отеческое и даже пастырское увѣщаніе, знай свое мелешь... Козелъ ты препакостный и ничего больше!»

Это отчее слово, изъ глубины чадолюбиваго сердца изошедшее, оказалось поистинѣ пророческимъ: уже черезъ два мѣсяца послѣ занятія симъ духовно-французскимъ стоеросомъ учительской каѳедры вся гимназія, съ присущей дѣтскому возрасту мѣткостью опредѣленій и прозвищъ—именовала Ѳаворова «оглоблей», и эта кличка перебросилась даже въ учительскую, гдѣ подъ сурдинку товарищи-учителя, говоря о Ѳаворовѣ,—нерѣдко называли его «notre m-eur d'Оглобля».

Ираклій Гермогеновичъ прибылъ изъ Парижа и возсѣлъ на преподавательскомъ креслѣ въ самый разгаръ Толстовскаго террора, когда направленіе и цѣли нашихъ средне-учебныхъ заведеній и въ особенности, классическихъ гимназій опредѣлялись вовсе не задачами просвѣщенія и науки, а жандармскими соображеніями политики благонамѣренности, а потому онъ сейчасъ же, со свойственной его духовной природѣ проникновенностью, постарался прежде всего зарекомендовать себя передъ начальствомъ надлежащимъ образомъ, ибо, какъ хотите, а трехлѣтнее пребываніе его въ республиканской странѣ всеобщаго равенства и свободныхъ идей Руссо и Вольтера должно было быть занесено начальствующими лицами Толстовской эры во всякомъ случаѣ не въ графу заслугъ и отличій его служебнаго формуляра. И вотъ, въ противовѣсъ этому своему подозрительному прошлому, онъ началъ съ того, что сейчасъ же подписался на «Московскія Вѣдомости» и «Гражданина» и самую подписку эту произвелъ

съ доказательствомъ, давши для бандероли свой адресъ не на частную квартиру, въ домѣ своего отца, а на канцелярію гимназіи. Расчетъ оказался совершенно вѣрнымъ и Ѳаворовъ уже по одному этому и безъ какихъ либо иныхъ доказательствъ былъ занесенъ тѣми, кому о семъ вѣдать надлежало, въ списки благонамѣреннѣйшихъ гражданъ Россіи. Убѣдившись же въ чудесномъ эффектѣ своего пріема, онъ такъ и остался, вотъ уже въ теченіе 30 почти лѣтъ, подписчикомъ этихъ двухъ почтенныхъ газетъ, патріотически-охранительнаго направленія самой высокой пробы и силою привычки и времени такъ ассимилировался, такъ духомъ и взглядомъ слился въ одно цѣлое съ этими столпами отечественной публицистики, что теперь онъ уже даже и самъ не различалъ, гдѣ кончался Мещерскій, гдѣ выступалъ самъ онъ, Ираклій Ѳаворовъ, и гдѣ начинался Грингмутъ. Поэтому онъ всегда говорилъ коротко и просто: «мы», подразумѣвая подъ этимъ себя и вышеназванныхъ двухъ китовъ отечественной благонамѣренности. Въ результатѣ всего этого онъ укрѣпился въ своей гимназіи такъ надежно и прочно, что для него, какъ для вѣкового дуба осенніе вѣтры и бури, смѣна директоровъ, попечителей и инспекторовъ не имѣли уже рѣшительно никакого значенія, точно смѣна дней недѣли, или мѣсяцевъ года.

Итакъ, въ 8-мъ классѣ, куда съ ореоломъ олимпійскаго величія на челѣ направлялся теперь Аггей Платоновичъ,—шелъ урокъ французскаго языка и на каѳедрѣ воздвигалась огромная фигура M-eur d'Оглобли.

При началѣ урока сегодня Ираклій Гермогеновичъ занялся было съ классомъ объяснительнымъ чтеніемъ отрывковъ изъ исторіи Тьера, но уже черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ измѣнилъ свое намѣреніе и обратился къ письменнымъ упражненіямъ въ переводѣ съ русскаго на французскій языкъ составлявшихся имъ самимъ и написанныхъ имъ на доскѣ отдѣльныхъ фразъ. Ученики писали уже пятую фразу и эта фраза была изображена на доскѣ крупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ Ѳаворова.

Въ моментъ входа директора Гераклій Гермогеновичъ объяснялъ классу очень тонкую и мало уловимую разницу словъ «ancien», «antique» и «vieux» для выраженія понятія «исконный».

Увидя входящаго директора классъ и преподаватель встали.

Поздоровавшись, директоръ обратился къ Ѳаворову:

— «Простите, Ираклій Гермогеновичъ, что я вамъ мѣшаю, но мнѣ необходимо сказать классу нѣсколько словъ».

Аггей Платоновичъ всегда и со всѣми былъ вѣжливъ, безукоризненно вѣжливъ, отмѣнно вѣжливъ. Никогда и никому изъ учениковъ, даже самымъ маленькимъ приготовишкамъ, онъ не позволялъ себѣ сказать «ты». Никогда не только не кричалъ, но даже не возвышалъ голоса, не дѣлалъ руками движеній, не горячился, но вся гимназія поголовно ни добрымъ, ни мягкимъ, ни ласковымъ его не считала и каждому ученику всегда хотѣлось быть отъ него какъ можно подальше, на разстояніи. Въ этомъ отношеніи онъ очень походилъ на солнце въ сильную зимнюю стужу, когда оно вовсе не грѣетъ и своимъ сверканіемъ при бѣломъ снѣжномъ покровѣ только свѣтитъ и рѣжетъ глаза. И на солнце тогда точно также пріятно смотрѣть изъ-за двойныхъ рамъ теплой, уютной комнаты!

— «Помилуйте, Аггей Платоновичъ», разсыпался Ѳаворовъ: «я могу быть только благодарнымъ вамъ за то, что вы удостоили мой урокъ своимъ посѣщеніемъ... Очень радъ...

— «Я очень хорошо сдѣлалъ», подумалъ при этомъ Дроздовъ—«что представилъ его къ ордену: хорошей закваски человѣкъ, хотя и поповичъ... Очевидно, Парижъ такъ вылощилъ это несуразное бревно... Великій народъ французы»!...

И онъ обратился къ классу:

— «Господа! Сегодня изъ окна своей квартиры утромъ я увидѣлъ нѣчто такое, чему бы я даже не хотѣлъ вѣрить, и, конечно, не повѣрилъ бы, если бы могъ хоть на минуту усомниться въ своихъ собственныхъ глазахъ! Въ гимназію, въ нашу гимназію, въ эту самую м о ю гимназію, чести и достоинства которой я никакъ не могу отдѣлить отъ моей собственной личной чести и къ которой я отношусь такъ, какъ

казалось бы,—долженъ бы относиться и каждый изъ васъ, учениковъ, ея питомцевъ и дѣтищъ—влѣзала какая-то разношерстная толпа, какой-то сбродъ, вмѣсто дисциплинированныхъ воспитаніемъ и облагороженныхъ нашей прекрасной формой гимназистовъ, будущихъ вѣрныхъ сыновъ и слугъ своего дорогого отечества! Я увидалъ какое-то штатское пальто, какую-то экзекуторскую николаевскую шинель и, наконецъ, мнѣ стыдно даже говорить отъ этомъ, какого-то медвѣдя, влѣзавшаго въ дверь нашего благороднаго учрежденія, какъ бы вы думали, въ чемъ? (Horribile dictu!)—въ дохѣ!! И я протиралъ глаза отъ удивленія, видя, что эти несвоиственныя, неприличныя для учениковъ одѣянія облекали собою фигуры трехъ изъ вашихъ товарищей, изъ м о и хъ гимназистовъ—Кудлавина, Кочетовскаго и Пруткова! Это что же означаетъ? Уставъ на смарку; всякіе циркуляры, такъ бережно охраняющіе васъ отъ всякой порчи, отъ всего растлѣвающаго ваши молодыя души, долой, какъ ненужную дребедень;—начальство въ лицѣ почтенной корпораціи г.г. преподавателей, инспектора, директора—по боку, какъ обветшалый и во всемъ только стѣсняющій хламъ, а мы-де свободные граждане, нарядились въ какіе-то камзолы, чуйки, зипуны и явились въ это самое учрежденіе, гдѣ и по закону и по духу должна царить одна для всѣхъ одинаковая дисциплина, одна облагороженная формой порядочность, и только порядочность!! Вы понимаете ли, господа, весь страшный смыслъ такого обиднаго, такого уродливаго явленія? Вѣдь, это ни больше, ни меньше, какъ какой-то задорный призывъ къ распущенности, къ грубому попиранію всякаго сдерживающаго начала,—къ дерзкому отрицанію самой идеи закона и власти! Это явственный шагъ къ гражданскому разложенію, какъ безошибочному предвѣстнику безначалія и анархіи,—всегда разъѣдающихъ,—какъ вамъ это прекрасно извѣстно изъ исторіи, государственный организмъ въ самыхъ основныхъ его устояхъ! Я съ ужасомъ вижу изъ всего этого, что разъѣдающій въ послѣднее время наше дорогое отечество какой-то злонамѣренный духъ крамолы успѣлъ уже охватить нѣкоторыхъ изъ васъ, но предупреждаю васъ твердо и категорически, что я, что мы (при этомъ Дроздовъ указалъ рукой на Ѳаворова, который внушительнымъ наклоненіемъ головы поторопился присоединиться къ его словамъ), поставленные на стражѣ законности и добрыхъ нравовъ нашего юношества,—мы не остановимся ни передъ какими мѣрами, даже самыми безпощадными, самыми крайними, ни передъ какими жертвами, чтобы съ корнемъ выдернуть эти плевелы, могущіе заглушить вешніе всходы лелѣемой нами нивы и тѣмъ спасти въ будущемъ наше дорогое отечество отъ разложенія и неминуемой гибели...

Я долженъ теперь сказать уже прямо вамъ, господа Кудлавинъ, Кочетовскій и Прутковъ,—что о вашемъ поступкѣ, столь дерзкомъ, глумящемся надъ уставомъ и законностью, пятнающемъ честь мундира вашихъ товарищей,—я, не взирая на всю предоставленную мнѣ закономъ власть, не возьму на себя одного сказать рѣшающее слово, а поставлю его на обсужденіе педагогическаго совѣта, а вы пока извольте сейчасъ-же, послѣ этого урока, отправиться домой, и возвращайтесь или въ форменныхъ пальто, какъ это требуется уставомъ и приличіями, или ужъ не трудитесь возвращаться вовсе никогда, чтобы своими хламидами не чернить, не позорить чести и добраго имени м о е й гимназіи, этого благороднаго заведенія, которое до сихъ поръ всегда имѣло право высоко держать свою голову въ ряду всѣхъ другихъ государственныхъ учрежденій нашего города!»...

Произнеся это назиданіе, Аггей Платоновичъ, съ тѣмъ-же спокойнымъ, олимпійски-величественнымъ видомъ повернулся, чтобы отбыть, но въ это время взоръ его упалъ на классную доску, гдѣ была написана пятая фраза упражненія,—и онъ, прочитавши ее,—снова остановился и сказалъ классу:

— «Какъ я радъ, что и то, чему наставляетъ васъ уважаемый Ираклій Гермогеновичъ,—такъ тождественно съ тѣмъ, о чемъ я вамъ только-что говорилъ и мнѣ тѣмъ грустнѣе, что такія простыя, безспорныя истины, которыя, казалось бы, должны всосаться въ вашу плоть и кровь съ молокомъ матери, нѣкоторыми изъ васъ попираются такъ грубо, въ чаяніи, что все это имъ легко сойдетъ съ рукъ!.. Но, нѣтъ,—смотрите, господа противодѣйствующіе, не ошибитесь въ расчетахъ: какъ бы не обманула васъ такая ваша spes vana et incerta!!»...

И Аггей Платоновичъ, послѣ такого щепетильно-вѣжливаго по формѣ, но грознаго по смыслу «quos ego»—величественно прослѣдовалъ изъ класса...

Едва затворилась дверь за директоромъ, какъ невольный вздохъ облегченія вылетѣлъ изъ груди каждаго изъ 32 учениковъ класса и въ то же время моментально,

какъ по взмаху дирижерской палочки, произошла и смѣна выраженій на лицѣ каждаго юноши. Теперь на этомъ ясномъ, свѣтломъ зеркалѣ каждой молодой души вмѣсто сосредоточенно серьезнаго съ нѣсколько сдвинутыми одна къ другой бровями нарисовался недоумѣвающе-удивленный не безъ юмористическаго оттѣнка вопросъ, который ясно говорилъ: «что же все сіе означаетъ? «И по какому поводу вся эта политически-грозная рацея??»

Ученики, переглядываясь другъ съ другомъ зашептали, а одинъ изъ нихъ, тотъ самый всеобщій весельчакъ, острякъ и шутникъ Кудлавинъ, который такъ дерзновенно запятналъ честь мундира и гимназіи, явившись сегодня въ штатскомъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, не удержался и, рискуя влетѣть въ новую бѣду «за сладостный мигъ укоризны», вдругъ совершенно неожиданно пропѣлъ въ полъ-голоса на извѣстный мотивъ: «Чонъ-Кина, Чонъ-Кина изъ Гейши:

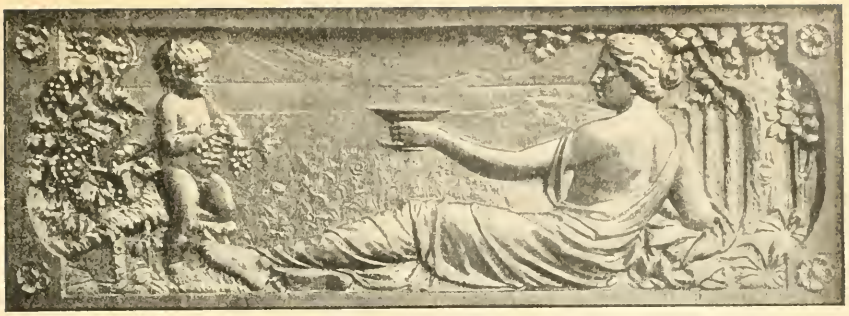
Въ чемъ дѣло?
Въ чемъ дѣло?
Въ чемъ самомъ дѣлѣ дѣло
И за что пропѣлъ злой тостъ
Намъ нашъ сановный дроздъ?

Классъ послѣ этого неожиданнаго куплета на злобу минуты разсмѣялся; за что Ираклій Гермогеновичъ счелъ своимъ долгомъ возвысить голосъ и прочесть приличествующее случаю нравоученіе. Онъ не слыхалъ словъ куплета, потому что Кудлавинъ сидѣлъ довольно далеко отъ него, въ третьемъ ряду партъ, но пѣніе и самый мотивъ донеслись до него явственно. Онъ упрекнулъ классъ въ неприличіи—смѣяться «послѣ столь отеческаго внушенія, сдѣланнаго имъ только-что господиномъ директоромъ», всѣ заботы и мысли котораго направлены на благо ихъ же, неблагодарныхъ; распространился на тему о необходимости, во имя блага отечества, безграничнаго до самозабвенія подчиненія начальству и почтенія вообще къ «властямъ предержащимъ»; упомянулъ о настоятельно-обязательномъ для каждаго изъ нихъ ради спасенія своей души чтеніи такихъ органовъ печати, этихъ истинныхъ руководителей и выразителей общественнаго мнѣнія всей благомыслящей Россіи, каковыми являются «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости» и закончилъ свою патріотическую филиппику такъ: — А вы, г. Кудлавинъ Борисъ, вы своими поступками оскорбляете нѣчто болѣе серьезное и болѣе дорогое, чѣмъ классная дисциплина: вы оскорбляете въ насъ русское чувство, вы попираете великую русскую идею! То, что вы позволили себѣ запѣть въ классѣ, это, я готовъ согласиться, только неумѣстная шалость, достойная карцера и не больше. Я самъ вспоминаю, что однажды въ дѣтскіе годы моей юности осмѣлился послѣ какого-то назиданія отца ректора семинаріи, когда онъ вышелъ изъ класса, пропѣть ему вслѣдъ: «испола эти, деспота», и за это,—какъ выражались у насъ—«былъ ввергнутъ въ геену огненную», т. е., протомился въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ трое сутокъ. Это, словомъ, еще бы полъ-бѣды... Но то, что вы осмѣлились на браваду чисто политическаго характера, такъ какъ вы запѣли изъ «Гейши» и когда? Въ какую минуту?? «Когда святая русская кровь потоками льется тамъ, у самаго порога коварной Японіи, когда въ этой самой странѣ гейшъ томятся въ плѣну сотни и тысячи благороднѣйшихъ сыновъ русской земли—вы не находите въ своемъ сердцѣ другого отклика, какъ только этотъ противный для русскаго уха и глубоко оскорбляющій всякую истинно русскую душу японскій мотивъ изъ Гейши—это болѣе чѣмъ антипатріотично! Это—уже прямо политическое преступленіе!!»...

Но въ этотъ самый моментъ грянулъ давно всѣми жданный звонокъ и истерзавшійся душою за русское чувство, за великую русскую идею, педагогъ Ераклій Одаворовъ побрелъ изъ класса въ учительскую.

С. Качіони.

(*Продолженіе въ слѣдующемъ №*).



Англійскіе чиновники.

Англія далеко раньше государствъ континента достигла свободы индивида и наибольшей независимости его отъ центральной власти. Но это основное завоеваніе эпохи 1688 года сопровождалось такимъ ослабленіемъ, почти разрушеніемъ центральной административной организаціи, такимъ, можно сказать, предубѣжденіемъ противъ самой идеи ея, что за время почти двухъ вѣковъ въ этомъ отношеніи Англія оказалась,—хотя, быть можетъ, и къ выгодѣ для будущаго развитія многихъ сторонъ ея жизни,—одною изъ самыхъ отсталыхъ странъ въ Европѣ. Наряду съ пышнымъ развитіемъ самоуправленія, съ доводимою до крайнихъ логическихъ предѣловъ теоріей государственнаго невмѣшательства, вся, напр., государственная организація полиціи безопасности выражалась всего лишь въ учрежденіи впервые въ 1856 г. трехъ странствующихъ полицейскихъ инспекторовъ на всю Англію. И только вторая половина и конецъ XIX в. были эпохою возсозданія, на модернизированной основѣ, центральнаго административнаго аппарата примѣнительно къ новымъ положительнымъ задачамъ современнаго государства (state's inteterence), не возводимымъ въ Англіи въ теорію, но на практикѣ разрѣшаемымъ тамъ глубже и шире, чѣмъ на материкѣ. Но въ новые мѣхи вливаютъ новое вино, и Англія энергично принялась за разрѣшеніе этой задачи.

До 50-хъ годовъ пополненіе кадровъ англійскаго чиновничества благодаря устарѣлой системѣ patronage'a составляло монополію аристократическихъ слоевъ общества. Одною изъ главныхъ заслугъ выдающагося административнаго реформатора Англіи середины вѣка — Эдвина Чадвика (Edw. Chadwick) было, устраненіе этой системы и созданіе новой. Въ 1855 г. учреждена была первая государственная экзаменаціонная комиссія для испытанія лицъ, посвящающихъ себя государственной службѣ (civil service commission) на началахъ свободнаго соревнованія (open competition). Отмѣна патронажа послѣдовала сначала для государственной службы въ Индіи — въ 1859 г.—и съ тѣхъ поръ къ началу 70-хъ годовъ осуществлена почти во всѣхъ отрасляхъ англійскаго управленія.

Англійское чиновничество составляетъ въ настоящее время не замкнутую касту съ застывшими канцелярскими традиціями. Это—дѣловая, технически образованная общественная сила, значеніе которой все возрастаетъ въ государственной жизни. Лишь обладая такою подготовленною силою, Англія свободно можетъ осуществлять крупныя соціальныя и административныя реформы, которыми отмѣченъ былъ тамъ конецъ минувшаго вѣка и которыя продолжаютъ совершаться тамъ въ наши дни. Санитарная реформа, урегулированіе отношеній между государствомъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ, развитіе фабричнаго законодательства, школьная реформа, наконецъ новые земельные законы и пенсіи для престарѣлыхъ,—проведеніе въ жизнь всего этого предполагаетъ наличность у государства системы хорошо дѣйствующихъ органовъ.

По мнѣнію знатоковъ англійскаго государственнаго строя, стройность хода государственнаго управленія въ Англіи при смѣнахъ парламентскаго большинства въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ правильной организаціи государственной службы. «Это была крупная проблема, — говоритъ блестящій нѣмецкій изслѣдователь англійскаго государственнаго строя,—разрѣшеніе

которой можно признать успѣшнѣйшимъ изъ дѣлъ внутренней политики Англіи въ послѣднія 50 лѣтъ: соединеніе парламентской системы правленія съ живою, прочною центральной властью въ области внутренняго управленія. Рѣшеніе вопроса удалось Англіи блестяще».

Организація англійскихъ административныхъ учрежденій и ихъ должностного персонала, въ примѣненіи къ которому такъ дико звучитъ русскій терминъ «чиновничество», находится подъ дѣятельнымъ контролемъ палаты общинъ. Эта организація создана была парламентомъ въ XIX вѣкѣ, а не правительствами, какъ на континентѣ. Поэтому, при ежегодномъ вотированіи средствъ парламентъ не связанъ рамками должностной іерархіи. Измѣненіе самой организаціи административныхъ учрежденій постоянно находится въ его рукахъ. Извѣстный циклъ «старыхъ» историческихъ должностей, составляющихъ приложеніе къ цивильному листу короны, правда, выдѣленъ изъ ежегоднаго парламентскаго разсмотрѣнія; но значительное большинство ихъ въ томъ числѣ вся новая организація правительственныхъ вѣдомствъ, можетъ пересматриваться парламентскимъ Committe of Public Accounts ежегодно. Широчайшій парламентскій контроль надъ дѣйствіями администраціи, надъ издаваемыми ею циркулярами и распоряженіями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія по отношенію къ личному составу, выражается въ регулированіи парламентомъ содержанія и пенсій должностныхъ лицъ, въ возможности увеличенія и уменьшенія какъ окладовъ, такъ и самаго числа служащихъ, въ контролѣ надъ правильностью ихъ замѣщенія.

При такихъ условіяхъ чиновничество не можетъ замкнуться отъ жизни, государственное управленіе не можетъ обратиться въ бумажную машину, давящую жизнь канцелярскими предписаніями. Гарантія подготовленности и отсутствіе непотизма и протекціи при замѣщеніи должностей; эластичность организаціи, не связанной омертвѣлыми «штатами», дѣятельный контроль органа общественнаго мнѣнія и общественной воли надъ ея функціонированіемъ и на-ряду съ этимъ, конечно, обезпеченное и въ матеріальномъ, и въ правовомъ отношеніи положеніе государственныхъ служащихъ снизу до верху—вотъ основы англійской постановки государственной службы.

Любопытно, что въ несомнѣнной связи съ этимъ въ жизни Англіи наблюдается явленіе, которое съ континентальной и въ частности съ русской точки зрѣнія можетъ оказаться даже опаснымъ, но которое при англійскихъ условіяхъ представляетъ лишь дальнѣйшую стадію здороваго развитія политической жизни. Новѣйшіе изслѣдователи англійскаго строя указываютъ на возрастающее вліяніе кабинета въ ущербъ вліянію палаты общинъ. Усложненіе государственной жизни не можетъ не дѣйствовать именно въ этомъ направленіи, усиливая значеніе техническаго аппарата государственной организаціи. Но именно въ Англіи эта организація представляетъ собою чисто-положительную силу, и скрытыя въ ней отрицательныя возможности болѣе чѣмъ въ достаточной степени парализуются живою силой парламентскаго строя, крѣпкою связью представительства съ націей. Британское понятіе office, какъ служебной государственной силы, врядъ ли когда либо можетъ выродиться въ идею бюрократіи, какъ властной силы, стоящей внѣ общества и не подчиненной его полному контролю. Положеніе, создаваемое такою системою отличается однимъ незамѣнимымъ качествомъ, которому можетъ позавидовать континентальная и заатлантическая бюрократія вплоть до самыхъ верховъ ея,—устойчивостью. Мы не станемъ говорить объ американскомъ Spoil system или о французскихъ эфемерныхъ министерствахъ. Но и прусская бюрократія не знаетъ той увѣренности, какую даетъ правовой строй Англіи и прусскимъ министрамъ недаромъ является отъ времени до времени призракъ тайнаго совѣтника Луканоуса. Нечего и говорить о тѣхъ безконечно далекихъ отъ англійскаго образца, но близкихъ намъ отношеніяхъ, когда министръ, просыпаясь утромъ, можетъ иногда изъ газетъ узнать о своей отставкѣ, а для его подчиненныхъ имѣется въ законѣ знаменитый пунктъ, взращенный худшими традиціями абсолютизма, гласящій: «Начальствамъ вмѣняется въ обязанность приступать къ подобному (безъ объясненія причинъ) увольненію виновниковъ безъ просьбы ихъ при полномъ убѣжденіи въ неспособности или неблагонадежности чиновника, не допуская ни пристрастія, ни личности» (св. зак., т. Ш, ст. 838, п. 3).

Англійскіе «officers», не взирая на перемѣны парламентскаго большинства, на переходы членовъ кабинета въ оппозицію и обратно, независимые ни отъ какихъ настроеній «начальства», а единственно отъ исполненія своего долга, дѣятельно контролируемые, но спокойные за свое

положеніе, безшумно совершаютъ свое полезное дѣло въ общемъ строѣ государственнаго организма.

Къ сожалѣнію, эти столь нормальныя и столь заманчивыя отношенія совершенно не поддаются пересадкѣ на почву инаго политическаго и общественнаго строя. И уже цитированный нами германскій ученый ярко выражаетъ эту мысль: «Если,—говоритъ онъ,—британскую систему парламентскаго управленія, выросшую на англійскомъ Commonlaw, можно сравнить съ человѣческимъ организмомъ, то всякая копія съ нея на континентѣ могла бы явиться лишь въ видѣ какого то homuncu-lus'a, человѣческаго существа, искусственно приготовленнаго въ ретортѣ химика!»

Но то, чему невозможно прямо подражать, что нельзя въ готовомъ видѣ заимствовать, можетъ для иного государственнаго строя имѣть значеніе критерія, при помощи котораго въ особенно яркомъ свѣтѣ представляются несовершенства его собственной исторической дѣйствительности.

Въ этомъ отношеніи рядъ явленій англійской государственной жизни, изъ котораго мы привели здѣсь одну небольшую иллюстрацію, можетъ быть чрезвычайно поучителенъ и для насъ въ нашу нынѣшнюю далеко неоформившуюся еще и въ реальныхъ явленіяхъ, и въ общественномъ сознаніи эпоху.

Знамена.

(Съ французскаго).

Отчего ты, знамя, краснымъ стало?
— День за днемъ по каплѣ я вбирало
Тѣ зловѣще-красныя чернила,
Что въ тупомъ злорадствѣ наводила
Властью облеченная десница,
Чуть гдѣ, словно дальняя зарница,
Мысль пугливымъ отблескомъ блистала:
Оттого-то я и краснымъ стало!

Отчего ты, знамя, краснымъ стало?
— Искрестила, исполосовала
Край родной широкими ручьями
Кровь бойцовъ съ отважными сердцами,
Тѣхъ, что благу ближнихъ послужили
И за ближнихъ душу положили:
Эту кровь я всю въ себя впитало—
Оттого-то я и краснымъ стало!

Отчего ты, знамя, краснымъ стало?
— Я собой издревле прикрывало
Родины поруганной безславье.
Бѣдноты трудящейся безправье
И распутство сытыхъ безъ запрета;
А когда весь міръ узналъ про это—
Краскою стыда я запылало:
Оттого-то я и краснымъ стало!

Вл. Лихачовъ.

Торговля людьми.

Въ Туркестанскомъ краѣ широко развитъ особый «промыселъ»—продажа людей.

Этимъ «промысломъ» занимаются преимущественно нухурцы, которые ежегодно поставляютъ по нѣсколько сотъ женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ на персидскіе и туркестанскіе рынки.

Купленныхъ въ Персіи и доставленныхъ въ Туркестанскій край женщинъ они за высокую цѣну продаютъ въ жены богатымъ туркменамъ, которые за красивыхъ персидскихъ дѣвушекъ платятъ по нѣсколько тысячъ рублей; точно также богатые персы не жалѣютъ большихъ денегъ на покупку доставленныхъ въ Персію нухурцами туркестанскихъ сартянокъ и сартянятъ, отличающихся привлекательною наружностью и нѣжнымъ тѣлосложеніемъ.

Нухурцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, какъ съ туркестанскими, такъ и съ персидскими разбойниками, занимающимися спеціально похищеніемъ женщинъ.

Но не отъ однихъ только разбойниковъ пріобрѣтаютъ они женщинъ,—имъ продаютъ ихъ мужья и отцы, разоренные какимъ-нибудь бѣдствіемъ.

Какъ при покупкѣ, такъ и при продажѣ своего «товара», нухурцы главнымъ образомъ имѣютъ въ виду его «добротность», сообразно съ которой назначается ими та или другая цѣна.

Вотъ такса средней стоимости, за которую можно пріобрѣсти отъ нихъ женщину отъ 16 до 20 лѣтняго возраста.

Рѣдкая красавица «недержаная»	отъ 5000 р.
» » «держаная», но нерожавшая	отъ 4000 »
» » «держаная» и рожавшая	отъ 3000 »
Обыкновенная красавица «держаная», но нерожавшая	отъ 3000 »
Просто симпатичная красав. «недержаная»	отъ 4000 р.
» » » «держаная»	отъ 1000 р.

Съ этой таксы дѣлается «скидка» отъ 1 до 10 проц въ тѣхъ случаяхъ, если женщина «держалась» больше года или родила болѣе одного раза.

На такого рода «операціяхъ» нухурцы «зарабатываютъ» громадныя состоянія, быстро превращаясь изъ мелкихъ торговцевъ въ почетныхъ и вліятельныхъ баевъ.

Мѣстная высшая администрація, усматривая въ куплѣ-продажѣ женщинъ одну изъ формъ рабства, противную законамъ Россійской Имперіи, не разъ приказами по краю вмѣняла въ обязанность уѣздной и городской полиціи строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто изъ туземцевъ не смѣлъ ни покупать, ни продавать женщинъ, а виновныхъ въ этомъ привлекать къ судебной отвѣтственности, но ни къ чему это не приводило. Власти, еслибъ, и хотѣли, безсильны «услѣдить» за этимъ, такъ какъ семейная жизнь — магометанина — святая святыхъ, куда посторонній глазъ не можетъ проникнуть ни подъ какимъ видомъ.

Въ прежнія времена такая торговля производилась открыто на спеціальныхъ рынкахъ, какъ въ Африкѣ, но когда она стала преслѣдоваться русскими властями, то нухурцы перенесли ее въ свои дома.

Каждый магометанинъ, какъ извѣстно, можетъ имѣть нѣсколько женъ.

Богатый бай, торгующій женщинами, широко пользуется этимъ правомъ въ своихъ коммерческихъ цѣляхъ, превращая свой домъ въ складъ «живого товара», который выдается за его «женъ» и «дочерей».

Покупатель, облюбовавъ одну изъ его многочисленныхъ «дочекъ», а иногда и «внучекъ», не просто покупаетъ, а по всѣмъ правиламъ «женится» на ней.

Такъ искусно маскируется торгъ женщинами.

Но нухурцы торгуютъ не однѣми только женщинами, они также успѣшно и выгодно доставляютъ мальчиковъ, какъ персидскимъ, такъ и туземнымъ Эйленбургамъ.

Изъ мальчиковъ наибольшую цѣнность имѣютъ русскіе, которые обыкновенно для этихъ цѣлей похищаются какъ на мѣстѣ, такъ и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи спеціальными дѣтокрадами, командируемыми туда.

Человѣкъ и природа.

Человѣкъ и природа. Для Россіи въ данный моментъ это весьма острая тема самаго злободневнаго характера.

Наши отношенія къ нашей природѣ занимаютъ видное мѣсто въ числѣ причинъ, поддерживающихъ наше прогрессивное обѣднѣніе. Мы расправились съ природой по-своему. Общая схема взаимныхъ отношеній между человѣкомъ и природой всѣмъ хорошо извѣстна. Сначала человѣкъ былъ рабомъ природы, потомъ въ культурныхъ странахъ сталъ ея господиномъ. Сначала человѣкъ всецѣло зависѣлъ отъ того, что давала ему природа въ готовомъ видѣ. Въ довольствѣ могли жить и жили лишь тѣ народы, которые поселились въ мягкомъ климатѣ, среди богатой растительности. Потомъ человѣкъ въ теченіе многихъ вѣковъ учился управлять природой и сталъ освобождаться отъ природныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій. Въ наши дни некультурное населеніе въ разныхъ странахъ влачитъ жалкое существованіе въ чудномъ климатѣ, среди роскошной растительности. Живутъ въ довольствѣ культурные народы, получившіе въ свое распоряженіе небогатую и прямо бѣдную природу. Въ этихъ странахъ человѣкъ управляетъ природой. Онъ не ждетъ, что она ему сама дастъ, а заставляетъ ее давать то, что ему нужно. Онъ отъ нея беретъ и ей даетъ. Онъ ее изъ бѣдной превращаетъ въ сравнительно богатую. И скалы превращаются въ цвѣтущіе сады...

Исторія нашей природы не написана. Ее трудно и даже невозможно возстановить. Но достовѣрно извѣстно, что мы получили не бѣдную природу, а превратили ее въ весьма бѣдную. Она намъ платитъ тѣмъ же, обрекая насъ на прозябаніе въ бѣдности.

Земскими статистическими и геологическими изслѣдованіями установлено, что климатъ и почва, флора и фауна—все и всюду въ нашихъ населенныхъ мѣстностяхъ измѣнилось къ худшему. Изъ земскихъ статистиковъ г. Щербина, кажется, первый собралъ весьма цѣнныя указанія, характеризующія печальныя измѣненія климата, обѣднѣніе почвы и растительности въ нѣкогда счастливой Воронежской губ. Покойный проф. Докучаевъ написалъ блестящую монографію «Наши дни», въ которой прослѣдилъ ихъ исторію. Отъ степей времени Тараса Бульбы, такъ эффектно описанныхъ Гоголемъ, не осталось никакихъ слѣдовъ. Гоголь, конечно, писалъ, абстрагируя тѣ степныя картины, которыми онъ самъ наслаждался въ Малороссіи. Значитъ, не осталось никакихъ слѣдовъ собственно отъ тѣхъ степей, которыми любовался не Тарасъ Бульба, а самъ Гоголь. Въ краткій срокъ произошла рѣзкая перемѣна. Обѣднѣла растительность, климатъ измѣнился къ худшему; благодатный, хлѣбородный югъ чахнетъ, засыхая отъ обрушившихся на него невзгодъ, и ежегодно сталъ кормиться на казенный счетъ.

Юго-восточныя степи съ ихъ равнинами превратились для насъ въ «врага съ востока». Навѣрно, многіе помнятъ блестящую, вдохновенную статью покойнаго В. С. Соловьева, появившуюся подъ такимъ заглавіемъ («Врагъ съ востока») на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Онъ доказывалъ, что нашъ азіатскій юго-востокъ своимъ жгучимъ, опаляющимъ дыханіемъ проникаетъ все далѣе и далѣе въ нашъ европейскій юго-востокъ. Онъ губитъ растительность и безостановочно завоевываетъ новую территорію для своего песчанаго царства.

Нѣтъ надобности говорить о центрѣ. Всѣ видятъ и знаютъ, что почва его неимовѣрно прогрессируетъ въ своей «неблагодарности». «Неблагодарность» почвы замѣчается всѣми. Она рѣзко даетъ себя почувствовать и познать. Но рѣдко кто замѣчаетъ обѣднѣніе пернатаго царства, на что обратилъ вниманіе г. Щербина, не будучи спеціалистомъ по біологіи и зоологіи. А наши спеціалисты по ихтіологіи уже давнымъ-давно кричатъ объ исчезновеніи рыбы. Въ рѣкахъ, даже не бѣдныхъ водой, остается одна мелкая щука.

Мы не будемъ касаться вопроса о томъ, почему мы такъ расправились съ нашей природой. Мы констатируемъ фактъ расправы. Мы расправились съ природой и

оказались въ гнетущей отъ нея зависимости. Она намъ жестоко мститъ за то, что мы ее обобрали, варварски расхитили ея достояніе, и съ каждымъ годомъ даетъ намъ все меньше и меньше изъ того, что намъ нужно для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей.

Мы являемся неоплатными, преступными должниками предъ вашей природой. Мы умѣли ее истощать. Пора научиться управлять природными данными. Мы отъ природы отнимали все, что могли. Пора же и ей дать то, что ей нужно. Управлять природой—это значитъ заставлять ее давать то, что нужно и чего она сама не дастъ. Но для того, чтобы она давала нужное и притомъ то, чего она сама не дала бы, надо и ей давать. Надо ее обогащать.

Акклиматизація и учитъ насъ тому, какъ слѣдуетъ управлять природой и ее не истощать, а обогащать. И мы можемъ обогатить и возродить нашу отощавшую природу, если займемся акклиматизаціей въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Для такой полезной дѣятельности почти нѣтъ непреодолимыхъ географическихъ предѣловъ. Г. Журавскій свидѣтельствуетъ съ данными въ рукахъ, что на далекомъ сѣверѣ, около Печоры, прививается кукуруза, и всюду встрѣчается массами растительность московской флоры. Что мѣшаетъ намъ передвинуть эту растительность на дальній европейскій сѣверъ? Наша привычка—брать отъ природы все, что можно взять, и ничего ей не давать. Вѣдь заручиться сѣменами московской растительности нетрудно. Нетрудно ихъ доставить на сѣверъ, туда, гдѣ работаетъ неутомимый А. В. Журавскій. А въ московскихъ предѣлахъ можно производить опыты по передвиженію сюда болѣе южной растительности. Имѣются провѣренныя данныя, что сѣверъ можно превратить въ богатое травяное царство, гдѣ десятки милліоновъ народа могутъ жить не только безъ нужды, но и въ довольствѣ. Въ теперешнихъ предѣлахъ московской флоры производились частныя попытки насажденія весьма высокихъ культуръ, и онѣ дали хорошіе результаты. Тутъ, по нашему мнѣнію, на главномъ мѣстѣ должны стоять лѣсныя насажденія. Не должна же центральная Россія представлять собою царство березовыхъ пней съ чахлой порослью. Какое богатство древесныхъ породъ разведено на Валаамѣ, находящемся не въ центральной, а въ сѣверной полосѣ Россіи. На волгѣ, подъ Костромой, Толгскій монастырь окружилъ себя дивной и пышной лѣсной растительностью южныхъ породъ. Отъ Костромы проведите прямую черту на Уралъ, и вы увидите, какое пространство можно наградить роскошными лѣсными породами разныхъ полосъ. А если мы примемся за лѣсъ, то потомъ примемся скоро и за злачныя растенія. Что дѣлаютъ люди на Валаамѣ и около Толги, то могутъ дѣлать и другіе, если ихъ дѣлу обучатъ и помогутъ духомъ воспрянуть.

Акклиматизація—нехитрое дѣло. Массы народа уже не такъ невѣжественны, чтобы среди нихъ не нашлось людей, понимающихъ, что надо заставить природу производить то, что она сама не производитъ. Матеріальныя средства на оживленіе нашего растительнаго, пернатаго, рыбнаго царства и т. д. потребуются сравнительно въ скромныхъ размѣрахъ. Пригодность же нашей природы къ самой широкой акклиматизаціи представителей любого царства, особенно на югѣ, изумляетъ иностранцевъ. Они изумлялись и удивляются именно тому, что мы ничего не дѣлаемъ, а жалуемся на истощеніе почвы. Мѣняйте растительность, разнообразьте ее, пользуясь акклиматизаціей, и вы будете содѣйствовать возстановленію силъ въ нашей истощенной почвѣ. Конечно, такая живая, подвижная дѣятельность требуетъ и духа живого, т. е. соотвѣтствующаго массоваго настроенія. При подавленномъ настроеніи, при общей упадочности нельзя надѣяться на успѣхъ того дѣла, которое требуетъ игриваго творчества. Противъ этого могутъ возражать только тѣ, кто отрицаетъ роль психическаго фактора въ исторіи культуры. (Р. Сл.).

Н. Ж—новъ.

Издательница О. П. Александрова.

Редакторъ Н. В. Корецкій.

ВЕСЕЛЫЙ ТЕАТ
Выпускъ второй.

Симпатичная особа среднихъ лѣтъ!

Шутка въ 1-мъ дѣйствіи **Е. А. Милодовичъ.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ОНЪ и ОНА.

Сцена представляетъ уголокъ бульвара. Посреди сцены, ближе къ зрителю, скамейка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Онъ (выходитъ слѣва. Совсѣмъ молодой человѣкъ; въ свѣтломъ костюмѣ съ претензіей на шикъ). Да... вотъ здѣсь... Ахъ, какъ я волнуюсь!.. Руки совсѣмъ похолодѣли... и ноги тоже совсѣмъ холодныя... Дрожу какъ въ лихорадкѣ. Въ груди (прижимаетъ руку къ груди) трепетъ... Въ горлѣ (рукой трогаетъ горло) пересохло. (Сѣлъ). Но это томительно-страстное ожиданіе имѣетъ свою большую прелесть. Въ немъ есть жгучесть, которая заставляетъ трепетать каждый вашъ нервъ... Чувствуешь, что живешь... (Смотритъ на часы). Однако я немножко поторопился—рановато. Но лучше мнѣ подождать, чѣмъ заставить ждать ее. (Мечтательно). Ее... Я жду ее... На дняхъ въ газетахъ я прочелъ такое объявленіе; симпатичная особа среднихъ лѣтъ и мягкаго характера желаетъ познакомиться съ скромнымъ молодымъ человѣкомъ въ цѣляхъ совмѣстнаго препровожденія времени. А такъ какъ я имѣю всѣ основанія считать себя скромнымъ и молодымъ человѣкомъ и обладающимъ всѣми данными для совмѣстнаго препровожденія времени, то я и написалъ этой дамѣ и назначилъ ей сегодня здѣсь свиданіе. (Мечтательно). Симпатичная дамочка среднихъ лѣтъ!.. Да, это хорошо, что среднихъ лѣтъ. Молодыя гораздо менѣе интересны—такъ, ни рыба, ни мясо. Между тѣмъ, женщина среднихъ лѣтъ—это самый шикъ и есть. Это и есть настоящая женщина, знающая цѣну и вкусъ жизни... Ахъ, поскорѣе бы ее увидѣть!.. Какая она?.. Я представляю ее себѣ шатенкой или брюнеткой небольшого роста. Лицо—матовой бѣлизны мрамора. Интересное, выразительное лицо!.. Глаза непремѣнно большіе, черные или темносиніе, такіе блестящіе. Страстные глаза! Фигура, конечно, стройная... гибкая талія... и съ пышнымъ бюстомъ. Одѣта шикарно, и можетъ быть и скромно, но изящно. И пахнетъ такъ обольстительно хорошо... какими-нибудь наимоднѣйшими духами. А голосъ такой нѣжный... бархатный, проникающій прямо въ душу. Ахъ, поскорѣе бы! (Оглядываетъ. Въ глубинѣ проходятъ 3 – 4 прохожихъ). Однако, что-то прохожіе стали здѣсь появляться. Я нарочно назначилъ здѣсь свиданіе, гдѣ поменьше народа бываетъ. А тутъ вдругъ какіе-то... Совсѣмъ не кстати... (Оглядывается. Въ глубинѣ справа появляется „она“. Большая расплывшаяся фигура. Немолодая, скорѣе даже старая, но крѣпкая, бодрая. Глаза заплывшіе жиромъ; безбровая. Цвѣтъ лица здоровый, но грубый. Одѣта старомодно, въ салопъ или ротонду, дѣлающую фигуру еще болѣе громоздкой. Шляпа „фаэтономъ“. Въ рукахъ большой ридикюль. — Эту роль можетъ играть мужчина.—Она оглядывается кругомъ. Затѣмъ, медленно, тяжелыми шагами приближается къ скамейкѣ).

Онъ (при ея появленіи). Ну, вотъ еще это чучело появилось! И никакъ сюда лѣзетъ... Неужели на эту скамейку?.. О, Боги! Что же мнѣ дѣлать? А когда „она“ придетъ! Впрочемъ, ничего. Посижу, подожду. А какъ увижу — вѣдь я ее сразу узнаю—подойду и скажу, что, такъ и такъ, ну, и перейдемъ въ другое мѣсто. (Она садится на скамейку и поглядываетъ на него). Такъ и есть, сѣла! И меня разглядываетъ... Еще, пожалуй, заговоритъ. Но я ей отвѣчать не буду—буду молчать. А то, если придетъ она, моя дамочка, и увидитъ меня разговаривающимъ съ этимъ чудовищемъ, то еще подумаетъ, что я пришелъ на свиданіе въ сопровожденіи бабушки, и уйдетъ, пожалуй, не заговоривъ со мной.

Она. Молодой человѣкъ!.. (Говоритъ басомъ. Если играетъ женщина, то на самыхъ низкихъ тонахъ. Говоритъ медленно, каждое слово отдѣльно).

Онъ. Ну, такъ и есть, заговорила! А голосокъ какой! Сама нѣжность!

Она. Молодой человѣкъ!

Онъ. Буду молчать. Можетъ, скорѣе отстанетъ,

Она. Молодой человѣкъ, а, молодой человѣкъ!.. Это вы, молодой человѣкъ?

Онъ. Вотъ надоѣдаетъ! И чего ей надо?! К ъ ней). Да-съ, я молодой человѣкъ, совершенно вѣрно! Но я думаю, это и такъ видно. Вѣдь не похожъ же я на старую бабу.

Она. Значитъ, вы тотъ самый и есть?

Онъ (про себя) Батюшки, неужто она знаетъ? Откуда? Какимъ... какимъ образомъ она узнала?

Она. Такъ вы тотъ самый, который письмо...

Онъ. Она и про письмо... А можетъ быть ее послала та дамочка?.. (Обрадовавшись). Да, да, это она ее прислала сюда!

Она. Такъ что же вы молчите?.. Письмо вотъ здѣсь со мной. (Долго роется въ ридикюлѣ, изъ котораго видна всякая дребедень).

Онъ. Ну, да, это навѣрно она, сама почему либо не могла придти, такъ прислала ее, свою повѣренную.

Она. (Порывшись еще). Вотъ оно... ваше письмо Такъ это вы?

Онъ. Да-съ, это я... тотъ самый.

Она (пряча письмо назадъ). Ага... Оно и видно. Я сразу догадалась. Да...

Онъ. А... позвольте васъ спросить... это она прислала васъ съ порученіемъ?

Она. Кто такая она и съ какимъ порученіемъ?.. Никто меня не прислалъ. Это я сама и есть и со своимъ только собственнымъ порученіемъ.

Онъ. (Страшно пораженъ). Вотъ никакъ не ожидалъ! Вотъ не ожидалъ! О, какъ безконечно далека она отъ того идеала, который мнѣ грезился въ мечтахъ!.. (Дѣлая гримасу). И какъ скверно она пахнетъ: какая-то смѣсь камфары, нафталина и еще какой-то дряни... Старательно сберегаетъ себя отъ моли!..

Она. (Все время его разсматривая). А я васъ сразу узнала. Вы мнѣ въ мечтахъ рисовались именно такимъ вотъ, какъ вы есть .. И вы мнѣ нравитесь. (Хватаетъ его за руку).

Онъ. О, Боже, какая сила! Вотъ жметъ руку. Ну, и силища!..

Она. Вы, что же все молчите?

Онъ. Да я... Что-же... Я ничего... (Просяще). Мнѣ больно!

Она. Да, вы мнѣ нравитесь. (Сжимаетъ руку еще сильнѣй).

Онъ. (Кричитъ). Ой! Ой, больно! Ой, бабушка! Бабушка, пустите!

Она. (Выпуская руку). Какая я тебѣ бабушка? Да и вообще. какъ я могу быть бабушкой, ежели я честная дѣвица!

Онъ. (Подпрыгивая отъ удивленія). Вы?!.

Она. Да, я!

Онъ. А я думалъ...

Она. И зря только думалъ. Правда, я должна была выйти замужъ, когда мнѣ было 18 лѣтъ ..

Онъ. И ей было 18 лѣтъ!!.

Она. Была просватана и свадьба была уже назначена. Да, знать, не судьба была мнѣ, въ столь ранніе годы, лишиться моего дѣвическаго положенія. Судьба, какъ видно, хотѣла дать мнѣ отсрочку.

Онъ. Вы позвольте спросить, почему же не состоялась ваша свадьба?

Она. Да потому, что я отодрала своего жениха, онъ заболѣлъ да и померъ. Ну, свадьба и растроилась.

Онъ. (Глядя на нее съ безконечнымъ страхомъ). Но... за что же... вы его такъ?

Она. Да очень просто. Гуляли это мы съ нимъ однажды въ деревнѣ, въ имѣніи моихъ родителей. Вотъ идемъ это мы по улицѣ, а противъ насъ идетъ баба съ грудным младенцемъ на рукахъ, и оретъ этотъ младенецъ благимъ матомъ. Вотъ я и говорю: и не люблю я этого дѣтскаго рева—такъ и сказать не умѣю какъ. А онъ мнѣ и говоритъ: „А какъ же это будетъ, Капочка, (указывая пальцемъ на себя)—это я Капочка,—какъ это будетъ. Капочка, когда у васъ будетъ свой ребе-

ночекъ"? А я ему и говорю: Какъ это смѣете вы, сударь мой, мнѣ, честной дѣвицѣ, говорить, что у меня будетъ ребеночекъ. А онъ мнѣ на это отвѣчаетъ: „Такъ это, говоритъ, Капочка, вы сейчасъ дѣвица, а какъ будете моей женой, то тогда не будете дѣвицей". И показалось это мнѣ, будто онъ при этихъ словахъ засмѣялся. Вотъ тутъ-то я не взвидѣла себя!.. Какъ схватила я его... и какъ начала это я его... Ужъ я его молотила, ужъ я его молотила... Такъ что люди, которые на крикъ его прибѣжали, такъ еле его у меня изъ рукъ вырвали... Ну, вотъ онъ и заболѣлъ послѣ этой трепки. Доктора нашли, что я ему легкія отшибла. Родители отвезли его заграницу. Ну, тамъ онъ и померъ.

Онъ. (Про себя, въ безумномъ ужасѣ). Это ужасно!

Она. Ну, а послѣ этого случая ужъ каждый женихъ боялся меня. Возлѣ нашего имѣнія кругомъ объѣзжали. Крюку тридцать верстъ дѣлали. Боялись меня!

Онъ. Это ужасно. (Къ ней; очень не смѣло). Простите за нескромный вопросъ, но какъ же вы теперь рѣшились... при вашей такой удивительной, даже можно сказать исключительной строгости .. вотъ на такое знакомство?

Она. Теперь ужъ дѣло иное. Одиночествомъ очень я стала страдать. И вотъ по этой причинѣ я ищу избавителя.

Онъ. (Про себя, съ ужасомъ). О, боги! Неужто я долженъ быть этимъ избавителемъ?!. (Быстро вставая). До свиданія-съ!

Она. Ты съ чего это? Такъ вдругъ?

Онъ. Обѣдать пора. Очень мнѣ вдругъ ѣсть захотѣлось.

Она. Да, вѣрно, пора обѣдать. У меня тутъ (указывая на желудокъ). Тоже сосать начинаетъ. Ѣдемъ ко мнѣ обѣдать.

Онъ. (Со страшнымъ испугомъ). Охъ нѣтъ! Покорнѣйше благодарю! Это никакъ невозможно!

Она. Да почему?

Онъ. Да... да... Да потому... Да потому, что у меня маменька очень строгая. Наказываетъ, ежели я къ обѣду опоздаю.

Она Ой, врешь ты про маменьку! По глазамъ вижу, что врешь. Знаемъ мы вашихъ маменекъ. Тоже, небось, по публикаціи въ газетахъ познакомился со своей маменькой.

Онъ. Да нѣтъ же!.. Клянусь вамъ.

Она. Ну, чего тамъ. (Встаетъ). Мнѣ не клятвы твои нужны. Будемъ вмѣстѣ обѣдать. (Беретъ его за руку и хочетъ уходить).

Онъ. (Упираясь, кричитъ). Не могу! Ей-же-ей, не могу. Я никогда вмѣстѣ не обѣдаю!

Она. А ты попробуй. Я тебя пріучу! (Тащитъ его за лѣвую руку за собой; онъ упирается и старается вырваться, повернувшись лицомъ къ публикѣ).

Онъ. (Кричитъ). Ой, не могу ой, не могу! Бабушка! Ой, Капочка! отпустите!

(Она его уводитъ, издали доносятся его крики. Нѣсколько времени сцена пуста. Вдругъ онъ вбѣгаетъ. Безъ шляпы, безъ пиджака; брюки въ пыли. Подбѣгаетъ къ скамейкѣ, падаетъ въ изнеможеніи).

Онъ. Охъ!.. Убѣжалъ!.. Все-таки убѣжалъ!.. А думалъ ужъ, что пришелъ мнѣ конецъ Но спасла меня только моя хитрость.. Дотащила это она меня до извозчика и взвалила на него. Буквально взвалила! А потомъ взгромоздилась сама и придавила меня собой. И поѣхали... Я ужъ задыхался. Вдругъ спрашиваетъ она меня (подражая ей) А какъ тебя звать? Я молчу. Она опять: „А какъ тебя звать?" Я молчу и дѣлаю видъ, что умеръ. А она говоритъ (опять подражая). „Неужто и этотъ испустилъ духъ? Ну, и народъ эти мужчины!.. Чуть его тронешь, а изъ него ужъ и духъ вонъ". Тутъ она немного посторонилась, должно быть, чтобы меня лучше разсмотрѣть. А я какъ заору, какъ заору — благимъ матомъ!.. Извозчикъ испугался, чуть съ козелъ не упалъ, лошадь съ мѣста въ карьеръ понесла. Она, эта самая Капочка, и обалдѣла. Вотъ я воспользовался моментомъ, рванулся и прямо съ извозчика на мостовую. Она было вцѣпилась въ пиджакъ, а я скорѣй его долой. Такимъ образомъ только и спасся. Да... Вотъ вамъ и симпатичная особа среднихъ лѣтъ, обладающая мягкимъ характеромъ... Охъ! Охъ! (Вдругъ сильно стонетъ и разсматриваетъ лѣвую руку). Что же это у меня съ рукой? (Осторожно щупаетъ лѣвую правой). О-ой, какъ больно! Это она мнѣ всю кисть раздробила. Придется идти къ хирургу. Да... съ любовнаго свиданія прямо къ хирургу. Такъ ему и скажу: симпатичная особа среднихъ лѣтъ и обладающая мягкимъ характеромъ... при совмѣстномъ препровожденіи времени... Ой! Ой, какъ больно! Ой! (Падаетъ на диванъ и стонетъ).

Занавѣсъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 8-й.

	стр.
Море. Стихотвореніе *Лидіи Сохачевской*	193
Умершимъ. Стихотвореніе *Якова Година*	194
Стихотвореніе. *Л. Косуновича*	194
Веснѣ. Стихотвореніе *Виктора Гофмана*	194
Неуравновѣшенная. Разсказъ *П. М. Невѣжина*	195
Вечеръ. Стихотвореніе *Вл. Ленскаго*	200
Челнъ качаясь плыветъ. Стихотвореніе *Л. Андрусона*	201
Свѣтское воспитаніе. Разсказъ (съ нѣмецкаго)	202
Въ Дроздовской гимназіи. Разсказъ *С. Каціони*	205
Англійскіе чиновники. Статья	213
Знамени. Стихотвореніе *Вл. С. Лихачова*	219
Торговля людьми. Очеркъ	216
Человѣкъ и природа. Статья *Н. Ж—нова*	217
Веселый театръ. Выпускъ второй **„Симпатичная особа среднихъ лѣтъ“**, шутка въ 1 дѣйствіи *Е. А. Милодовичъ*	6

Картины: 1. **Раздумье.** Картина исполненная красками.
2. **Буря.** Автотипія.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЙ СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ
для любительскихъ спектаклей:
Н. В. Корецкій.

ВЕСЕЛЫЯ ПЬЕСЫ

10 одноактныхъ пьесъ. Изящное изданіе.

КОМЕДІИ, ВОДЕВИЛИ И ШУТКИ: 1. **Въ современномъ духѣ.** (Демократъ изъ аристократовъ). Водевиль. 2. **Мужъ въ капканѣ.** Водевиль. 3. **Приключенія новобрачныхъ.** Комедія-шутка. 4. **По первому впечатлѣнію.** Водевиль. 5. **Пистолетъ.** Фарсъ. 6. **Сюрпризъ ея превосходительству.** Шутка. 7. **Бракъ по договору.** Водевиль.
ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ: Лепестки флеръ д'оранжа. Драматическій этюдъ. Свободная любовь. Драма. Въ объятьяхъ мертвецовъ. Драматическій этюдъ.

Цѣна съ пересылкой 1 рубль.

Складъ изданія: редакція «Пробужденіе», СПБ., Троицкая, 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) 6 р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 58 коп.

Издательница *О. П. Александрова.* Редакторъ *Н. В. Корецкій.*

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 33, соб. д.

В. Г. КОРОЛЕНКО.

№ 9. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

Литературно-художественный журналъ.

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА:

РАМПА.

Роскошное художественное изданіе для чтенія и декламаціи.

Великолѣпный, иллюстрированный сборникъ для дивертисментовъ, литературныхъ и домашнихъ вечеровъ въ заграничной обложкѣ съ олеографической картиной, воспроизведенной въ Берлинѣ масляными красками, съ многокрасочными титулами, популярными картинами знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и множествомъ портретовъ извѣстныхъ писателей и артистовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть 1-я. ДЛЯ ЧТЕНІЯ и ДЕКЛАМАЦІИ. Избранныя стихотворенія, поэмы, баллады и драматическіе монологи для исполнителей.
Часть 2-я. ДЛЯ ЧТЕНІЯ и ДЕКЛАМАЦІИ. Избранныя произведенія въ стихахъ для исполнительницъ.
Часть 3-я. ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ и САТИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.
Часть 4-я. СЦЕНЫ-МОНОЛОГИ.
Часть 5-я. МЕЛОДЕКЛАМАЦІИ.
Часть 6-я. КОМИЧЕСКІЕ КУПЛЕТЫ. (Съ нотами).
Часть 7-я. РОМАНСЫ (Съ нотами).
Часть 8-я МУЗЫКА. Ноты для рояли, скрипки, віолончели, флейты и друг.
Часть 9-я. ТАНЦЫ. (Ноты).

Литературно-художественный сборникъ „РАМПА" представляетъ громадный интересъ по своему рѣдкому изяществу и разнообразію литературнаго, художественнаго, вокальнаго и музыкальнаго матеріала для дивертисментовъ и домашнихъ литературныхъ вечеровъ.

——— Цѣна 2 рубля. Съ пересылкой 2 руб. 75 коп. ———

Подписчики журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ" за пересылку не платятъ.

——— Сборникъ можетъ быть высланъ съ наложеніемъ платежа ———

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: СПБ. Книжный складъ журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ", Троицкая, 6.

Поступили въ продажу новыя книги:

„Изящные сборники избранныхъ разсказовъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей, съ портретами и факсимиле авторовъ на отдѣльныхъ страницахъ, въ изящныхъ переплетахъ".

1. *Леонидъ Андреевъ.* Избранные разсказы: „Жизнь Василія Фивейскаго".
2. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *А. П. Куприна, Е. П. Чирикова и П. А. Бунина.*
   Мірное житіе.— Разсказъ А. Куприна. Мужъ.— Разсказъ Е. Чирикова. Цифры.— Разсказъ И. Бунина.
3. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *М. П. Арцыбашева, А. П. Каменскаго и В. В. Муйжеля.*
   Жена.—Разсказъ М. Арцыбашева. Ничего не было.—Разсказъ А. Каменскаго. Въ мертвомъ углу.—Разсказъ В. Муйжеля.
4. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *А. С. Серафимовича, С. П. Гусева-Оренбургскаго и С. А. Найденова.*
   Заяцъ.—Разсказъ А. Серафимовича. Могила.—Разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго. № 13-й.— Драма въ 2 дѣйствіяхъ. С. Найденова.
5. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *К. С. Баранцевича, И. И. Потапенко и Вл. А. Тихонова*
   Горсточка родной земли.—Разсказъ К. Баранцевича. Солома.—Разсказъ В. Тихонова. Жена и дѣти.—Повѣсть И. Потапенко.
6. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *А. М. Оедорова, А. И. Будищева и Вл. К. Измайлова.*
   Человѣкъ.—Разсказъ А. Оедорова. Распря.—Разсказъ А. Будищева. Селивановъ.—Разсказъ В. Измайлова.
7. ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ *Бориса Лазаревскаго, М. П. Чехова, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ и А. А. Измайлова.*
   Ученица.—Повѣсть Б. Лазаревскаго. Одна изъ многихъ.—Разсказъ М. Чехова. Изъ женскихъ писемъ.— Разсказы Т. Щепкиной-Куперникъ. Барышня стараго дома. Разсказъ А. Измайлова.
8. ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ *Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко и Максима Горькаго.*

ЦѢНА каждаго сборника въ роскошномъ тисненомъ золотомъ переплетѣ изъ англійскаго коленкора съ пересылкой 75 коп.

Подписчики журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ", выписывающіе одновременно всѣ 8 сборниковъ, платятъ 3 р. 50 к. съ пересылкой. За 5 сборниковъ, по выбору, 3 р.

А. Кауфманъ. УТРО.

Послѣ дождя.

Ахъ, эта лунная ночь!
Послѣ дождя такъ свѣжо
Вѣтеръ ласкаетъ лицо,
Послѣ дождя хорошо.

Долго шелъ дождь, а потомъ
Тучи ушли—тишина,—
И высоко и свѣтло
Вдругъ засіяла луна.

Въ улицахъ бѣлыхъ давно
Сонный разлился покой,
Сумракъ съ одной стороны,
Свѣтъ серебристый съ другой.

Мокрыя крыши блестятъ,
И, серебрясь при лунѣ,
Листья прямыхъ тополей
Мелко дрожатъ въ вышинѣ.

Воздухъ спокоенъ и чистъ,
Въ воздухѣ—нѣга и лѣнь.
Гдѣ-то за ближней стѣной
Пахнутъ левкой и сирень...

Вл. Ленскій.

ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

* * *

На скалѣ двѣ тѣни...
Шопотъ... тихій споръ...
Съ неба сходятъ тѣни
Въ царственный просторъ.

Трепетъ нѣжной ласки.
Мыслей, чувствъ хаосъ.—
Волнъ жемчужныхъ ласки,
Лижущихъ утесъ.

Вотъ двѣ тѣни слились,
Какъ волна съ волной,—
Небо, звѣзды слились
Съ спящею землей.

Чудное мгновенье,
Вѣчное сродство,—
Это—мукъ забвенье,
Жизни торжество.

А. Гангелинъ.

При майскомъ закатѣ.

Небеса блѣдны, лазурны,
Грустно дремлетъ старый садъ;
Бѣломраморныя урны,
Какъ надгробія стоятъ.

Шумъ пѣвучаго каскада
Навѣваетъ въ душу пѣснь.
Что съ душой? И что ей надо:
Смерти-ль, счастья-ли, болѣзнь?

Умереть я не умѣю.
Жить въ болѣзни не хочу,—
Равнодушно каменѣю
И молчу... молчу... молчу.

К. М. Фофановъ.

Въ Дроздовской гимназіи.

(разсказъ).

(*Продолженіе*).

Во время перемѣны «разношерстный сбродъ», какъ окрестилъ Кудлавина, Кочетовскаго и Пруткова въ своей рѣчи директоръ, сталъ собираться домой, но Кудлавинъ порѣшилъ еще сдѣлать попытку—отвоевать себѣ на время большихъ морозовъ право на штатское мѣховое пальто. Сынъ многосемейныхъ родителей очень ограниченнаго достатка, онъ не имѣлъ теплаго форменнаго пальто, изъ котораго уже выросъ, и ходилъ всегда въ очень узкомъ, холодномъ, сдѣланномъ ему года три тому назадъ, а въ дни сильныхъ морозовъ—въ старомъ штатскомъ пальто своего отца. Директоръ былъ въ канцеляріи и туда явился Кудлавинъ. Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ Ѳаворовымъ, который уже выходилъ изъ канцеляріи.

— «Аггей Платоновичъ! — началъ ученикъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ въ голосѣ,—разрѣшите мнѣ въ большіе холода приходить въ этомъ тепломъ пальто моего отца, потому что у меня другого нѣтъ вовсе, а дѣлать теперь на какой-нибудь одинъ—два мѣсяца новаго не стоитъ, да и родителямъ моимъ не по средствамъ», прибавилъ онъ, значительно понизивъ голосъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить, Дроздовъ испытующе посмотрѣлъ на ученика для того, чтобы убѣдиться, не скрывается ли за этими словами какого-либо иного преступнаго смысла, и, наконецъ, отчеканилъ:

— «Я прямо не понимаю, какъ вы можете являться ко мнѣ съ подобнымъ заявленіемъ?!... Вѣдь вы же должны понимать, что ваша просьба или безумна, если только она искренна, или же просто дерзость?»...

— «Я въ исключительныхъ условіяхъ и думаю, что могу разсчитывать въ этомъ отношеніи на снисходительность.... Родители мои сдѣлать мнѣ теперь форменнаго теплаго пальто не могутъ, а такъ какъ у меня уже разъ было воспаленіе легкихъ, то ходить въ такой морозъ, какъ сегодня, въ моемъ единственномъ холодномъ пальто—очень рискованно»..

Директоръ слегка сдвинулъ брови и холодно произнесъ:

— «Ни ваши легкія, ни тѣмъ меньше ваши родители насъ не касаются... Вы уставъ, господинъ Кудлавинъ, знаете? Вы знаете, что по уставу нашему воспитанникамъ

гимназій присвоивается форменное одѣяніе указаннаго въ законѣ образца? Такъ, что-же, значитъ, вамъ желательно, чтобы я въ угоду вамъ и вашимъ родителямъ, сознательно нарушилъ прямой и точный законъ? Чтобы я глумился надъ закономъ и тѣмъ разнуздывалъ и васъ, господа, и указывалъ путь ко всякому противодѣйствію благимъ начинаніямъ нашего правительства?! Вы, кажется. этого хотите, господинъ Кудлавинъ?»

Ученикъ меньше всего могъ ожидать такого поворота объясненій съ директоромъ, и съ удивленнымъ смущеніемъ хотѣлъ было оправдаться.

— Я, Аггей Платоновичъ, рѣшительно ничего подобнаго!.....

— «Во-первыхъ, потрудитесь молчать, когда съ вами говоритъ директоръ», внушительно перебилъ Дроздовъ: «Если вы кромѣ всего позволите еще себѣ разсуждать тутъ и резониться со мною, я прикажу удалить васъ отсюда... А если вы, дойдя до 8-го класса, не научились еще знать, что законы и уставы правительство наше издаетъ вовсе не для того, чтобы надъ ними издѣвались, а для того, чтобы ихъ неукоснительно исполнять, то это ясно обозначаетъ, что вы еще не достаточно серьезны, чтобы стать лицомъ къ лицу съ жизнью и что выдать вамъ при такихъ условіяхъ аттестатъ зрѣлости означало бы—сознательно обманывать высшее начальство, довѣрившее намъ воспитаніе и подготовленіе къ университету юношество! Вы это понимаете?

— «Увѣряю васъ», уже растерянно залепеталъ Кудлавинъ: «что мнѣ даже и въ голову не приходило какое-нибудь противодѣйствіе. Мнѣ докторъ, нашъ-же гимназическій, послѣ воспаленія легкихъ...

— «Вы во второй разъ осмѣливаетесь мнѣ возражать», снова и уже совсѣмъ строго перебилъ директоръ.—«Извольте сейчасъ-же отправляться домой и знать, что тотъ, кто явнымъ и упорнымъ небреженіемъ къ закону осмѣливается посягать на честь м о е й гимназіи и въ своей дерзости доходитъ до того, что осмѣливается распѣвать въ стѣнахъ ея всякія противоправительственныя пѣсенки,—тотъ въ этомъ заведеніи терпимъ быть не можетъ и хорошо сдѣлаетъ, если постарается убраться изъ него самъ, не дожидаясь, когда ему это предложатъ. Я кончилъ и мнѣ съ вами больше не о чемъ разговаривать»...

Ученикъ вышелъ изъ канцеляріи съ растереннымъ видомъ и навернувшимися на глазахъ слезами.

Третій урокъ уже начался и все въ гимназіи затихло, когда изъ раздѣвальной показались николаевская шинель, доха и мѣховое пальто, направляясь къ выходной двери. Кудлавинъ шелъ среди всѣхъ и, находясь еще въ раздѣвальной, говорилъ:

— «Pereat discipulus—tiat reglamentum! Неужели же мы въ самомъ дѣлѣ какія-то пѣшки, которыхъ можно обвинять въ какихъ угодно злодѣяніяхъ, а мы не смѣемъ даже рта открыть, чтобы оправдаться!»...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но оказалось, что у самыхъ дверей раздѣвальной торчала «рыжая язва», очевидно наблюдавшая и подслушивавшая бесѣду преступниковъ.

— «Что вы, Кудлавинъ, все порядки гимназическіе критикуете?»

— «А вы что, Иванъ Ильичъ,—все язвите? не удержался юноша, вспыхнувъ.

— «А вотъ я запишу въ кондуитъ и то, что вы говорили товарищамъ и ту дерзость, которую вы позволили себѣ сказать мнѣ».

У затравленнаго окончательно Кудлавина не хватило силы сдержать себя.

— «Нѣтъ, ужъ лучше донесите на словахъ, а то какъ бы русская грамота не пострадала: вѣдь, запись-то выйдетъ большая»...

— «Нахалъ .. Дерзкій мальчишка!» прошипѣлъ, побагровѣвъ, «рыжій».

— «Шпіонъ! Рыжая язва!»—отвѣтилъ ему блѣдный, какъ полотно, Кудлавинъ и вышелъ на улицу вслѣдъ за товарищами, а Плевковъ опрометью бросился въ канцелярію, къ директору.

Вечеромъ того же дня въ большой простой столовой казенной квартиры директора, помѣщавшейся въ самомъ зданіи гимназіи, собрался неумолимый и грозный ареопагъ, именуемый въ гимназическомъ общежитіи педагогическимъ совѣтомъ. Точно средневѣковые инквизиторы собрались господа педагоги (какъ любятъ называть себя наиболѣе заскорузлые и чванные изъ нихъ) на это тайное судилище, въ которомъ буква устава, циркуляры попечителя и всевозможныя отно-

шенія канцеляріи округа за №№ такими-то и такими-то имѣютъ всегда единственно рѣшающее значеніе, покрывая и окончательно уничтожая собою и живую плоть и живую душу человѣческую. Объ ученикахъ на этомъ ареопагѣ разговоръ идетъ не какъ о существахъ одухотворенныхъ, живущихъ каждый своей жизнью, часто очень сложной и полной впечатлѣніями, страданіями, надеждами, радостями и горестями; а какъ о предметахъ въ родѣ, напримѣръ, кулей съ мукой въ интендантскихъ складахъ, которые только нужно сложить въ порядкѣ, подвести подъ тотъ или другой, въ данную минуту удобный, ранжиръ, и, исполнивъ это, замкнуть дверь склада и успокоиться. А если какой-нибудь изъ этихъ кулей или очень грузенъ, такъ что не умѣщается въ своемъ ряду, или имѣетъ не общую четырехугольную, а какую-нибудь иную форму, благодаря чему онъ торчитъ изъ своего ряда и, бросаясь въ глаза, нарушаетъ общую картину симметріи и порядка,—или, наконецъ, очень малъ, такъ что, теряясь въ сотняхъ другихъ, не можетъ быть легко отысканъ и вынутъ въ данную минуту, то его, конечно, нужно выбросить изъ склада, какъ неудобный, а, главное, затрудняющій близорукихъ блюстителей этого затхлаго интендантскаго склада.

Члены ареопага проникаютъ въ зданіе гимназіи никѣмъ не замѣченные подъ прикрытіемъ темноты наступающей ночи, мрачно усаживаются въ креслахъ вокругъ длиннаго стола, покрытаго синимъ сукномъ и заваленнаго книгами живота, классными журналами, среди которыхъ выдѣляется вспухшій отъ ежедневнаго употребленія грозный гроссъ-бухъ гимназическаго бытія,—кондуитный журналъ,—и скрытые тѣнью отъ непроницаемыхъ абажуровъ на низкихъ лампахъ, освѣщающихъ поэтому только поверхность стола и охраняемые извнѣ надежными церберами въ лицѣ нѣсколькихъ дубинообразныхъ сторожей изъ отставныхъ унтеровъ, изрекаютъ свои высокомудрыя и непогрѣшимые опредѣленія и приговоры.

Думаютъ-ли они при этомъ дѣйствительно о тѣхъ, о комъ постановляютъ то или иное, рѣшеніе? Считаются-ли съ вѣроятными, а иногда и прямо неизбѣжными послѣдствіями своихъ словъ и резолюцій? Помнятъ ли, что это одно слово, эта резолюція, эта какъ будто ничего и не говорящая на бумагѣ цифра «3», поставленная ученику при выпускѣ въ аттестатѣ за поведеніе, въ сущности коверкаетъ цѣлую жизнь юноши, поражаетъ тягостью своихъ послѣдствій цѣлую, можетъ быть, большую семью, стоящую за нимъ, но невидимую для нихъ благодаря ихъ безсердечной бюрократической близорукости? Помнятъ-ли они живую человѣческую душу, или видятъ только бездушнаго автомата, манекена, одѣтаго согласно устава въ форменное платье указаннаго въ законѣ образца и занумерованнаго въ алфавитныхъ спискахъ опредѣленнымъ нумеромъ?... Слышатъ-ли вздохи, слезы и стоны, въ которыхъ проявится и будетъ стенать горе въ семьѣ исключеннаго этимъ неумолимымъ ареопагомъ мальчика или даже только аттестованнаго цифрой «3» въ поведеніи юноши??...

Нѣтъ! Не помнятъ, не видятъ, не слышатъ, не чувствуютъ: всѣ они слѣпы, глухи, безчувственны эти ремесленники своего дѣла и бездушные жрецы стриктнаго регламента... Не видятъ,—потому что непроницаемъ и толстый пергаментъ, на которомъ оттиснута холодная буква устава; не слышатъ потому, что они слишкомъ далеки отъ тѣхъ, съ кѣмъ, казалось бы, должны были идти рука объ руку; не помнятъ и не чувствуютъ потому, что и у сухой бумаги нѣтъ души и нервовъ,—потому, что и они, они сами, не люди, а только фигуры въ мундирахъ! «Pereat discipulus—fiat reglamentum!» вотъ единственный ихъ нравственный девизъ, - единственная заповѣдь ихъ сине-мундирной вѣры!...

Ареопагъ инквизиторовъ, именуемый оффиціально педагогическимъ совѣтомъ,—это какой-то безчувственный, всекарающій синклитъ мумій...

И Боже сохрани, если когда-нибудь среди нихъ появится живая душа, живой человѣкъ, который бы вздумалъ освѣжить затхлую атмосферу этихъ совѣщаній оживляющей струей чистаго воздуха, согрѣть ее благотворнымъ теплом живого, горячо бьющагося сердца!

Горе вольнодумцу! Его они, эти чиновники-автоматы, какъ коршуны случайно залетѣвшаго въ ихъ среду голубя, забьютъ, заклюютъ на смерть...

Вотъ и въ гимназіи Аггея Платоновича Дроздова теперь появился такой голубь, а по опредѣленію Дроздова, просто пижонъ,—въ лицѣ учителя физики, Евгенія Алексѣевича Черноярцева, молодого педагога по призванію, еще не истрепаннаго жизнью, свѣжаго душой, чуткаго нервами, отзывчиваго, любящаго дѣтей и свое дѣло

сердцемъ. И хотя онъ еще только второй годъ, какъ здѣсь, въ этой гимназіи, но ему уже приходится горько и прежде всего потому, что его сразу же не взлюбилъ директоръ, за нимъ инспекторъ, а за ними и всѣ остальные поголовно, кромѣ одного, впрочемъ, добряка учителя чистописанія, Наума Ивановича Сорокина. Даже и этотъ старый благонамѣренный оселъ, Ираклій Саворовъ, такъ и старается, гдѣ только возможно, побольнѣе лягнуть его своими подкованными сіятельнымъ Мещерскимъ и Грингмутомъ, копытами!

Дроздовъ уже дважды писалъ конфиденціально о Черноярцевѣ попечителю, аттестуя его «неблагонамѣреннымъ и даже опаснымъ вольнодумцемъ, насквозь пропитаннымъ идеями свободолюбія, столь несоотвѣтствующими твердо укоренившемуся хорошему духу и направленію» ввѣренной ему гимназіи, но... почему-то до сихъ поръ эта аттестація не возымѣла еще должнаго воздѣйствія и Дроздовъ рѣшилъ попридержаться, пока для него положеніе дѣла не выяснится, какъ слѣдуетъ. «Этотъ пижонъ, пожалуй, сильную руку имѣетъ въ округѣ... Какъ бы мнѣ самому не влетѣть съ нимъ!»—подумалъ директоръ и терпѣливо ждалъ пріѣзда попечителя весной, чтобы осторожненько переговорить лично.

Итакъ, около 8-ми часовъ вечера, одиннадцать изъ подвластныхъ Дроздову членовъ ареопага были уже на лицо, а шестеро не пришли, да и не придутъ, потому что трое значились больными (ревматикъ, подагрикъ и полу-паралитикъ), а трое... еще утромъ на урокахъ были какъ-то неестественно возбуждены и когда глазъ на глазъ со своимъ письмоводителемъ въ канцеляріи Дроздовъ, кивнувъ головой вслѣдъ выходящему одному изъ трехъ, спросилъ:

— «Ну, что?... Есть?»

— «Да-съ!... Пахнетъ-съ!... отвѣчалъ почтительно письмоводитель.

— «Да вы увѣрены? Не ошибаетесь?»—строго переспросилъ директоръ.

— «Помилуйте-съ: ощутительно-съ... Даже очень... Вѣдь, спиртное-съ—оно, можно сказать, разитъ явственно»...

Тутъ же въ качествѣ судебныхъ приставовъ ареопага вертѣлись и два изъ надзирателей «рыжій» и еще другой, Михаилъ Михайловичъ Колтунскій, длинный, какъ жердь, съ сиповатымъ голосомъ могильнаго тембра, прозванный гимназистами «сипаемъ», шагавшій обыкновенно по улицамъ не иначе, какъ имѣя въ зубахъ сигару изъ сорта «капусстиссима чихака», и покупавшій ежемѣсячно себѣ новую шапку или шляпу самаго неожиданнаго и небывалаго фасона. Такое множество головныхъ уборовъ всевозможныхъ сортовъ и рисунковъ было необходимо «сипаю» для того, чтобы на улицахъ, въ скверахъ, на пристаняхъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ и многолюдныхъ сборищахъ его не сразу можно было узнать, такъ какъ онъ спеціализировался на изловленіи гимназистовъ-курильщиковъ и нарушителей установленной формы внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, для чего въ сумеркахъ и по ночамъ онъ, подобно совѣ, безшумно летающей на своихъ мягкихъ крыльяхъ, не слышно носился по самымъ темнымъ аллеямъ и закоулкамъ и вообще тамъ, гдѣ его чутье и многолѣтняя практика подсказывали ему возможность накрытія и уличенія преступниковъ. И нужно отдать справедливость «сипаю»: отъ такъ изощрился въ своемъ искусствѣ сыщика, что никакія ухищренія гимназистовъ не спасали ихъ отъ его проницательнаго и зоркаго въ темнотѣ глаза. Ни накладные усы и поддѣльныя бородки, ни высокія мѣховыя шапки и поднятые воротники,—ничто не помогало гимназистамъ, рискнувшимъ закурить папиросу, или проникнуть въ недозволенныя мѣста увеселеній: «сипай» былъ вездѣсущъ и всевѣдущъ и потому, естественно, онъ являлся авторомъ значительной части кондуита; по крайней мѣрѣ его перу принадлежали наиболѣе длинныя и наиболѣе интересныя по содержанію новеллы кондуитныхъ лѣтописей гимназическаго бытія. Къ нему, какъ и къ «рыжему», директоръ благоволилъ гораздо больше, чѣмъ къ остальнымъ двумъ,—Ногаеву и Туріеву, которые далеко не отличались ретивостью надзора и хотя зачастую ругали гимназистовъ, а малышей такъ даже и потрепывали по немногу, но зато и никогда и ни о комъ не доносили, всегда, гдѣ только возможно, выгораживали ихъ, а иногда такъ даже и просто покрывали, за что были любимы поголовно всѣми отъ «пострѣлятъ»-приготовишекъ до брадоносныхъ октавъ восьмого класса включительно.

Ровно въ 8 часовъ появился изъ пансіона инспекторъ Аркадій Петровичъ Ижеевскій, занялъ свое мѣсто по правую руку директора, и засѣданіе совѣта было начато.

Карлъ Васкесъ.

ФАКТИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Засѣдавшіе расположились въ строго іерархическомъ порядкѣ: гг. педагоги, даже тѣ изъ нихъ, которые преподаютъ исторію и уже ex officio обязаны твердо знать и внушать своимъ ученикамъ, какую уродливую и пагубную роль въ исторіи русской гражданственности сыграло печальное явленіе мѣстничества,—сами строптиво его придерживались и зорко слѣдили, чтобы человѣкъ равнаго чина, числа лѣтъ службы и степеней грудь украшающихъ регалій никогда и нигдѣ, ни—же въ швейцарской и учительской раздѣвальной, сохрани Богъ, не возвысился хотя бы даже на одинъ вершокъ передъ другимъ, не умалилъ достоинства и чина другого, или не позабылъ воздать должнаго почтенія: грѣхи, ошибки и промахи въ этомъ отношеніи почитались цѣлымъ криминаломъ, никогда не прощались и не забывались и преслѣдовались всяческими способами до... анонимныхъ доносовъ по начальству включительно. Это между собой. Что же касается горожанъ вообще и родителей учениковъ въ особенности, то по отношенію къ нимъ господа педагоги всегда держали себя съ высокомѣрной снисходительностью, удостаивая всѣхъ этихъ лицъ милостивыми отвѣтами на поклоны, но отнюдь и ни при какихъ условіяхъ не кланяясь имъ первыми. Единственнымъ исключеніемъ въ церемоніи поклоновъ были — губернаторъ, вице-губернаторъ (какъ нерѣдко управляющій губерніей въ отсутствіе губернатора) и жандармскій полковникъ («можетъ, собака нагадить!»), которыхъ господа педагоги всегда, вездѣ, днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, въ учебное и вакаціонное время считали своимъ долгомъ издали замѣтить, узнать и уже со значительнаго разстоянія почтительно привѣтствовать: «ему же дань-дань, ему же честь-честь, ему же урокъ-урокъ»!

Поэтому и теперь по лѣвую руку Дроздова помѣстился законоучитель, отецъ Савва Орнаментовъ, большой любитель стиховъ и музыки и притомъ свѣтской, а не духовной только, какъ это ни странно для носителя рясы, охотникъ пофилософствовать въ старшихъ классахъ на разныя отвлеченныя темы, а въ младшихъ и среднихъ нерѣдко задававшій совершенно неожиданные вопросы вродѣ слѣдующаго:

— «Что Господь создалъ раньше, бороду или человѣка»?

— И оказывалось, что борода была болѣе раннимъ твореніемъ десницы Вседержителя, ибо козелъ, брадоносецъ, какъ извѣстно съ точностью изъ ветхозавѣтной исторіи, при міросозданіи появился на свѣтъ раньше Адама.

Не взирая, впрочемъ, на все такое наружно-либеральное направленіе Саввы Орнаментова, Черноярцевъ, въ бесѣдѣ однажды, въ минуту откровенности, съ однимъ изъ своихъ пріятелей учениковъ 8 класса, такъ охарактеризовалъ сего іерея-философа:

—«Самъ же доведетъ до того, чтобы ученикъ сболтнулъ лишнее и самъ же, аки Іуда, предастъ его ни за копѣйку».

Дроздовъ его наружно весьма почиталъ и даже, гдѣ возможно, подчеркивалъ это свое почтеніе къ нему, но въ душѣ побаивался, считая его способнымъ на... анонимную переписку съ округомъ.

Непосредственно около инспектора возсѣдалъ по старшинству заслуженный преподаватель оффиціально только французскаго языка, а неоффиціально еще и политической благонамѣренности и всякаго внутренняго и внѣшняго благонравія, Ираклій Ѳаворовъ, достаточно извѣстный намъ изъ предыдущаго. Здѣсь остается, впрочемъ, еще прибавить, что Ѳаворовъ, когда бы и куда бы ни являлся, считалъ своимъ долгомъ имѣть при себѣ послѣдній № «Гражданина», на который обязательно и дѣлалъ ссылку, о чемъ бы и съ кѣмъ бы ни велъ рѣчь въ данную минуту.

Объ руку съ іереемъ Саввой Орнаментовымъ непрестанно егозила ни на секунду не остававшаяся спокойной бородатая, приземистая фигура учителя трехъ предметовъ въ самомъ неожиданномъ сочетаніи: греческаго языка, географіи и русскаго языка, Петра Моисеевича Скоромникова, извѣстнаго подъ кличкой «Петрухи» и «Нерона». Этотъ въ высокой степени тупой отъ природы и далеко не идеально-грамотный педагогъ имѣлъ по времени службы по сравненію съ Ѳаворовымъ преимущества на 14 дней и потому, при отсутствіи, отпускѣ и болѣзни инспектора всегда исправлялъ его должность, при чемъ дни такого временнаго замѣстительства по справедливости считались всѣми «фатальными днями» гимназіи: число безобѣдниковъ въ эти несчастные дни утроивалось, а карцеръ ежедневно становился помѣщеніемъ обитаемымъ.

Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что Петруха положительно одержимъ былъ маніей величія въ самой высокой степени этого печальнаго явленія. По крайней мѣрѣ зачастую въ старшихъ классахъ и въ особенности въ томъ, гдѣ онъ былъ класснымъ наставникомъ, онъ разражался слѣдующимъ оригинальнымъ силлогизмомъ:

— «Краеугольный камень всего въ государствѣ и всего на свѣтѣ есть власть предержащая. А изъ закона Божьяго вамъ извѣстно, что «нѣсть власть, яже не отъ Бога». И такъ какъ ближайшая, а, слѣдовательно, и главнѣйшая власть надъ вами—я, вашъ классный наставникъ, вашъ второй отецъ, то я же—и вашъ мѣстный (?) царь, вашъ земной богъ»!!

И не было силы, которая была бы способна убѣдить сего педагога въ неосновательности такого притянутаго за волосы силлогизма, противнаго здравому смыслу, логикѣ и первымъ двумъ заповѣдямъ Господнимъ. Человѣкъ искренно вѣрилъ въ свое всемогущество и стоило ему на одинъ только день стать «властью предержащей», сирѣчь временно исполняющимъ обязанности инспектора, какъ онъ моментально-же перерождался въ Нерона и бога, но бога мелкаго, придирчиваго, крикливаго и ненасытнаго въ жертвахъ, считая таковыми десятки и десятки злополучныхъ безобѣдниковъ.

Онъ рѣдко могъ оставаться спокойнымъ на одномъ мѣстѣ и потому въ перемѣны неустанно метался по актовому залу и корридорамъ гимназіи и при этомъ, методично похлопывая правой рукой по сжатому кулаку лѣвой, все время приговаривалъ совершенно безсмысленныя, но для него самого несомнѣнно означавшія нѣчто таинственное, слова: «ништа, ништа, трампапишта».—И такъ какъ при этомъ ему на пути попадались поминутно подъ ноги малыши—гимназисты, то еще то и дѣло выкрикивалъ: «П-шелъ на мѣсто! Не вертись!» Эту послѣднюю фразу онъ произносилъ такъ машинально, не думая вовсе, что однажды, зацѣпившись за стулъ, вѣроятно злокозненно подставленный ему на дорогѣ наблюдательными гимназистами, онъ, оттолкнувъ и его, также машинально крикнулъ: «П-шелъ на мѣсто! Не вертись!»

С. Качіони.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

* * *

Шумитъ въ вѣтвяхъ апрѣльскій вѣтеръ
И лужи синія рябитъ,
Позолотившій сосны вечеръ
Весенней свѣжестью кадитъ.

Кто ты съ зовущими глазами
Мнѣ повстрѣчалась, такъ стройна.
И на закатъ ушла полями,
Быть можетъ, ты—сама весна.

Тобою брошенную вѣтку
Я поднялъ и молюсь безъ словъ.
Присѣлъ на пень, гляжу сквозь сѣтку
Свѣжо очерченныхъ кустовъ.

Сегодня лампы не зажгу я,
Окно привѣтно распахну
И буду слушать какъ ликуя
Бѣгутъ ручьи, поютъ весну.

Отъ влажной вѣтки духъ смолистый
Помолодитъ и опьянитъ.
Повиснетъ мѣсяцъ серебристый
И грезой сердце вдохновитъ.

Александръ Рославлевъ.

Весеннее.

Опять утра нѣжны и чисты,
А въ полдень ярко и пестро...
Запѣлъ въ поляхъ Апрѣль ручьистый
И чернью кроетъ серебро.
И надъ узоромъ вешней тали,
Надъ шумомъ радостной воды
Смѣются розовыя дали
И плачутъ голубые льды.

Пусть вечера еще упорно,
Еще по-зимнему строги—
Такъ бодро, звонко и задорно
Хрустятъ веселые шаги.
И я иду съ веселымъ смѣхомъ
На затѣненное крыльцо,
Чтобъ цѣловать подъ темнымъ мѣхомъ
Твое весеннее лицо...

Валентинъ Кривичъ.

I. A. Меньe. ВОСПОМИНАНІЕ ПРОШЛАГО.

ИТТА.

Разсказъ Евгенія Маурина.

Итта!..

...Поетъ свою жалобную пѣсенку самоваръ; скучно и строго смотрятся съ выцвѣтшихъ обой старыя, полинявшія фотографіи; пошлое, рыночное зеркало назойливо кидаетъ мнѣ въ глаза запачканый чехолъ колченогаго, когда-то мягкаго, кресла... и стучитъ, стучитъ, стучитъ въ окно холодный, безнадежный, монотонно отпѣвающій надежды вѣтеръ...

...Итта!..

...Вѣдь все было иначе... когда-то... давно... Была молодость, была для нея красивая рамка... Все было... Все ушло... Все взяли...

...Итта!..

Хочется застонать, хочется страстнымъ призывомъ кинуть въ пространство это имя... властно... могуче... громко...

Тише.. тише!.. Тамъ за стѣной слышатся тяжелые шаги.. Тамъ могутъ услыхать. А вѣдь это—цѣпи!.. Ржавыя, грязныя... но не разорванныя... Такъ тише же... про себя... Вспоминай, но робко, трусливо...

О, зачѣмъ я такъ безразсудно, такъ жестоко отвергъ тебя, Итта!..

* * *

...Кто была она? Но развѣ это кто нибудь зналъ, развѣ кто нибудь допытывался когда нибудь? Знали, что она не продается, что купить ее нельзя, что никогда еще ни отъ кого изъ насъ она не брала денегъ... Знали, что она горда, властна, свободна... Что она можетъ придти невѣдомо откуда, и вдругъ невѣдомо куда скрыться... А потомъ опять появиться, неожиданно взойти въ кабинетъ ресторана, спокойно, не кланяясь, пройти къ свободному стулу и просто сказать:

— А вотъ и Итта!..

И знали, что другой такой нѣтъ и не будетъ... знали, что сказать: «его любила Итта»—высшая похвала... что нѣтъ такой цѣны, которой было бы жалко отдать за ея любовь, за ея тѣло... и что нѣтъ такой цѣны, которую бы она взяла... Она была свободна, и кромѣ ея воли, ея желаній, ея каприза для нея не было другихъ законовъ...

...Слышатся изъ-за стѣны тяжелые, ровные шаги... доносятся звуки ровнаго, спокойнаго, мѣщански-разсудительнаго, буржуазно-добродѣтельнаго голоса...

И въ безумномъ отчаяніи я хватаюсь за голову:

— Какъ! И Итта любила меня, а я отвергъ ее!.. И я не былъ безумнымъ?..

Нѣтъ, я просто былъ молодъ, позорно молодъ... и счастливъ...

А теперь?..

Итта!..

* * *

Какъ все это ясно представляется мнѣ теперь...

Кабинетъ, холодный, строгій, богатый... Передо мной—мой помощникъ. Онъ много старше меня, и сколько удовлетворенія мнѣ въ томъ, что я могу отдавать ему приказанія, распоряженія... Что въ почтительной позѣ онъ долженъ все выслушать, запомнить, исполнить... О, я никогда не злоупотреблялъ этимъ, никогда не измѣнялъ своей корректности! Не въ моихъ принципахъ...

Ахъ, сколько было у меня тогда принциповъ, взглядовъ, убѣжденій...

И какъ не нужны они, какъ они мѣшаютъ счастью...

...Входитъ Петя. Ласковый кивокъ головы — «я сейчасъ, голубчикъ!». Подписываю послѣднюю бумагу, искоса гляжу на красивый, немножко банальный профиль, вспоминаю Петины успѣхи у женщинъ, вспоминаю, скольких уже увлекъ онъ, сколько разъ былъ моимъ счастливымъ соперникомъ... Это не портитъ отношеній— я не красивъ, но женщинъ ко мнѣ манитъ, и Петя меня не обездолитъ... И вспоминаю разсказы о томъ, какъ красивымъ и сильнымъ порывомъ онъ недѣли двѣ тому назадъ увлекъ Итту.

Ахъ, эта Итта! Сколько уже слышалъ я про нее! Какъ смѣшно, что до сихъ поръ не пришлось познакомиться съ нею... Интересный звѣрекъ... Хотя — слишкомъ самка. А мои принципы требуютъ отъ женщины, чтобы она была прежде всего человѣкомъ...

Принципы... принципы!..

Бумаги подписаны, помощникъ уходитъ, мы съ Петей одни. Онъ что-то непривычно томенъ, мечтателенъ, задумчивъ... Завтракаемъ, откидываемся на кресла, куримъ сигары, молчимъ...

— Что съ тобой, Петя?

— Я счастливъ.

Молчаніе.

— Ты никогда не видалъ Итты?

— Нѣтъ.

— Ну да, конечно... Развѣ ты бы сталъ спрашивать, что со мной!..

Молчаніе.

— Витя, хочешь поужинать у меня сегодня?

— А что?

— Будетъ Итта... Она вѣдь какъ фея—то появится, то снова ускользнетъ... Сегодня прислала записочку...

Протягиваетъ мнѣ маленькій листикъ плотной бумаги... Съ интересомъ всматриваюсь: тонкій, лѣниво-изящный, характерно-женскій почеркъ. Тонъ лаконическій, сухой, властный: «Буду въ десять. Расположена остаться нѣсколько дней. Устройся сообразно».

Меня коробитъ этотъ тонъ, этотъ языкъ. Появляется непріятное чувство—отпадаетъ охота видѣть, знакомиться...

— Такъ будешь? Мнѣ бы очень хотѣлось...

— Ммм... Зачѣмъ тебѣ это, собственно?

— Я бы не хотѣлъ тебѣ отвѣчать. Ты не поймешь меня... Въ этомъ какое-то особенное, тонкое сладострастіе... Тонкая преграда...

— Знаешь, для меня въ такомъ отношеніи лежитъ что-то невыразимо пошловатое!

— Я говорилъ, что ты не поймешь... Но все-таки, приходи!

Какъ ясны, какъ отчетливы всѣ эти детали... О, какой горькой мудростью дышетъ на меня изъ французской поговорки:

«Если бы юность знала, если бы старость могла»...

Если бы знала...

* * *

Теплый, ясный, весенній вечеръ. Мчусь на лихачѣ къ Петѣ. Какое бодрое, радостное чувство! Молодость, средства, положеніе... И какъ хорошо жить! Какъ прекрасна весна...

Въѣзжаемъ на длинный понтонный мостъ... Какъ хороша красавица рѣка! Какъ

вкусно и задорно звучатъ копыта по дереву настила! Что-то знакомое слышится въ этомъ ритмическомъ стукѣ. Вслушиваюсь... «Ит-та, Ит-та, Ит-та»... Улыбаюсь...

Еще въ передней слышу женскій смѣхъ. Славный голосъ! Теплый, влажный, полный, полный властной нѣги...

Петя вскакиваетъ мнѣ на встрѣчу:

— Витя! Какъ я радъ!

Но я вижу, что онъ уже жалѣетъ, зачѣмъ позвалъ меня...

Господи, такъ это-то прославленная Итта? Ничего особеннаго. Красивая фигура, красивые, нѣсколько скошенные, страстные глаза, но некрасивый, слишкомъ чувственный ротъ... Правда—волосы очень хороши. Густые, изсиня-черные, змѣистые.. Да и цвѣтъ лица хорошъ. Но въ общемъ—ничего особеннаго! Не моего романа—самая обыкновенная евреечка...

Въ отвѣтъ на мой сухой, корректный поклонъ она протягиваетъ мнѣ руку—славная рука, изящная, выхоленная, породистая!—и коротко называетъ себя:

— Итта.

Глаза ея внимательно, пытливо-спокойно останавливаются на мнѣ, дѣлаются вдругъ призывно-ласковыми, трепетными, и безпокойное чувство охватываетъ меня отъ этого взгляда. Я не выдерживаю, отворачиваюсь...

* * *

Милый, веселый, непринужденный ужинъ. Только часто ловлю на себѣ этотъ раздражающій взглядъ... А голосъ покоряетъ: обволакиваетъ, нѣжитъ... змѣйкой извивается мимо доводовъ разсудка и прокрадывается прямо къ сердцу...

Легкій, искрящійся, какъ вино, разговоръ... Словно танцуя, роемъ свѣтящихся жучковъ рѣютъ красивыя мысли... Блеснутъ, не развернутся, не облекутся въ ясные покровы и уже скрываются въ туманномъ хороводѣ...

Хочешь говорить объ одномъ, хочешь отвѣтить, возразить, но Итта уже далеко.. И въ кружевномъ танцѣ ея мыслей все яснѣе и яснѣе вырисовывается великій богъ ея жизни—красота!

* * *

— Что такое красота?—говорю я взволнованно-задумчиво...

Итта не отвѣчаетъ... Положивъ голову на руки, она какъ-то пригибается, тянется ко мнѣ черезъ столъ...

И полный страстнаго восторга крикъ готовъ вырваться у меня... Боже, какъ она красива!..

Красива?

О... Да!..

Красива не правильностью античнаго рѣзца, не холодной строгостью статуи... Красива гармоничной цѣлостью линій, законченностью образа, въ которой пропадаютъ, тонутъ отдѣльныя детали... Она—это великое «все»... Какъ она красива!..

Итта шепчетъ:

— Красота?.. Не знаю... Я могу только чувствовать...

И взоръ ея уносится въ хороводѣ танцующихъ грезъ...

* * *

— Витя, говоритъ мнѣ пріятель, ты завтра...

Словно проснувшись, Итта вздрогнула, облила насъ какимъ-то хмельнымъ взглядомъ... И уголки ея губъ чуть-чуть скорбно, брезгливо сдергиваются внизъ.

У тебя нѣтъ чутья къ красотѣ, говоритъ она Петѣ, и голосъ ея звучитъ словно перетянутая струна,—ты не чувствуешь диссонансовъ...

Мы удивленно взглядываемъ на нее, она продолжаетъ:

— «Витя»... Неужели ты не чувствуешь, что этого... нельзя... Нельзя всѣхъ звать уменьшительными именами! Онъ—«Викторъ»... Вотъ ты...

Она улыбается, смѣется, смотритъ на него съ ласковымъ пренебреженіемъ...

— Ты—«Петя», и всегда будешь имъ... Не-е-е-тя!—протяжно повторяетъ она, и въ тонѣ ея голоса какъ то сразу обрисовывается цѣлый образъ—мѣткій, опредѣленный и очень... нелестный...

То разгораясь, то замирая, разговоръ нашъ затянулся за полночь. Странное, двойственное чувство все сильнѣе и сильнѣе охватывало меня. Съ одной стороны — весь образъ Итты будилъ во мнѣ смутныя желанья, привлекалъ къ себѣ, манилъ; съ другой—какое-то глухое раздраженіе, почти злоба поднималась во мнѣ противъ нея. Почти съ восторгомъ упивался я музыкой ея словъ и съ ненавистью замѣчалъ, что разумъ мой былъ безсиленъ протестовать противъ мистической абсурдности ихъ смысла... И я не могъ отдать себѣ отчета, чего же больше хотѣлось бы мнѣ: безконечно долго, не отрываясь, всегда, слушать и слушать этотъ голосъ—или разорвать усиліемъ воли его обволакивающій гнетъ, вскочить и убѣжать, чтобы не слышать его ни одной минуты болѣе...

Но такъ или иначе, а уходить было пора. Въ преувеличенной любезности Пети, въ его торопливомъ гостепріимствѣ, въ тоскливыхъ взглядахъ, мимоходомъ бросаемыхъ на Итту, слишкомъ ясно сквозило страстное нетерпѣніе остаться съ нею наединѣ. Да и она становилась съ каждой минутой все болѣе и болѣе томной, разслабленной... Пора,—внутренно улыбаясь, сказалъ я себѣ и подошелъ прощаться.

— Погодите, сказала вставая Итта,—я съ вами, вы меня подвезете...

Я посмотрѣлъ на нее, Петя остолбенѣлъ:

— Но... куда?..

— Домой, спокойно отвѣтила она, подходя къ столу, гдѣ лежала ея шляпа.

— Но вѣдь ты же хотѣла остаться!!

— Хотѣла, да... Но теперь не хочу...

— Итта, если это шутка, то.. то...

Она отвѣтила спокойно, ласково:

— Нѣтъ, милый, это серьезнѣе, чѣмъ ты думаешь...

Петя задыхался... На него было жалко смотрѣть... Глаза его бѣгали, руки тряслись.. Она молча прикалывала маленькую шляпу...

— Это издѣвательство въ внезапномъ приливѣ бѣшенства и силы крикнулъ онъ, хватая ее за руку—я не пущу тебя, ты не уйдешь!

Спокойный, внимательно-пытливый взглядъ черезъ плечо... Но какой взглядъ! Обиднѣе тысячи оскорбленій, позорнѣе пощечины... И этотъ тонъ королевы, обращенный ко мнѣ:

— Дайте кофточку!...

Онъ выпустилъ ея руку, отошелъ, схватился за голову... Онъ былъ жалокъ, мелокъ, слабъ.. Я чувствовалъ себя совершенно сбитымъ съ толку, растереннымъ, только обычная холодная выдержка позволяла держать себя въ рукахъ и не выказывать безграничнаго удивленія отъ этой странной, дикой сцены...

— Итта, умоляю тебя..., подошелъ онъ снова къ ней...

— Не нужно этого, ласково остановила она его. Ты знаешь меня—надо мной нѣтъ чужой воли. Мнѣ стало душно, тѣсно, безкрасочно—ты меня не удержишь...

— Пойдемте!—обратилась она ко мнѣ.

— Мы были уже на порогѣ, когда онъ снова кинулся къ ней:

— Слушай, ты!... Если ты уйдешь, я... я... уѣду къ женщинамъ!.. Я кинусь къ первой попавшейся... бульварной... Я отдамъ ей всѣ ласки... буду звать твоими нѣжными именами... Итта!... Итта!

Она обернулась, все также, черезъ плечо. Смѣрила его сверху до низу спокойнымъ взглядомъ и кинула:

— Какой вы маленькій... гаденькій...

... Сколько лѣтъ прошло, а я слышу ея голосъ такъ, какъ будто бы звуки его еще не успѣли замолкнуть,..

* * *

Мы вышли. Скоро встрѣтился извощикъ — Итта наняла его къ Покровскому скверу. Это было излюбленнымъ мѣстомъ свиданій влюбленныхъ парочекъ города. Я внутренно передернулъ плечами, но ничего не сказалъ... Только подумалъ, что вся эта исторія принимаетъ все болѣе и болѣе нежелательный для меня оборотъ. Во мнѣ поднималось почти недоброжелательство къ этой экстравагантной спутницѣ, которая держитъ себя такъ спокойно-повелительно... «Вотъ привычка видѣть въ каждомъ раба и вѣрноподданнаго!»—съ раздраженіемъ думалъ я. «Но только... напрасно!»

Однако надо быть вѣжливымъ, говорить о чемъ-нибудь... Но каждый разъ, когда я пытался заговорить о чемъ-нибудь безразличномъ, когда пытался пустить въ ходъ одну изъ обычныхъ свѣтскихъ формъ «заниманія» дамы, Итта поворачивалась ко мнѣ, съ легкой улыбкой глядѣла мнѣ въ глаза... И подъ взглядомъ ея глазъ я начиналъ путаться, заикаться и долженъ былъ обрывать на полуфразѣ... Въ молчаніи доѣхали мы до моста.

Широкая картина развернулась передъ нами. Впереди плавнымъ уступомъ тонулъ въ жемчужно-бѣломъ свѣтѣ луны окаймленный садами городъ, далеко влѣво горѣла огнями фабрика, тамъ и сямъ сверкали цвѣтные огоньки пароходовъ... И легкая сонная рябь темной воды дробила лунные отсвѣты въ безконечное количество хрустальныхъ блестокъ, бѣжавшихъ змѣистыми струйками... Я залюбовался, засмотрѣлся... Глухо стучали копыта по мосту, выговаривая «ит-та, ит-та», откуда-то неслась бодрая пѣсня... Ширь... даль... миръ...

Улеглось глухое раздраженіе, все свершившееся приняло болѣе мягкіе силуэты. И я заговорилъ:

— Красота, красота!... Сколько споровъ... ненужныхъ... Ненужныхъ теперь, когда видишь ее въ реальной, осязуемой формѣ... Вотъ она передъ нами... Опредѣляйте ее, пожалуй, анализируйте... Только къ чему?.. Посмотрите на...

— У меня развратная кожа, задумчиво перебила меня Итта...

И, какъ бы отвѣчая на мой недоумѣвающій, пораженный, взглядъ, прибавила:

— Когда я посмотрѣла на воду, я вспомнила, сколько наслажденій даетъ она мнѣ... Вы знаете—когда я беру теплую ванну, я испытываю совершенно особое чувство... Точно безчисленное количество пылающихъ, нѣжныхъ устъ цѣлуютъ меня вездѣ, вездѣ... Точно много пламенныхъ, ласковыхъ змѣекъ страстно впиваются въ меня. . И я задыхаюсь, горю, дрожу... Должно быть у меня развратная кожа. .

Это было слишкомъ интимное признаніе, я не умѣю говорить въ такомъ тонѣ. Молчаливо переѣхали мы мостъ, проѣхали сонными улицами нижняго города медленно взобрались по крутому подъему, пересѣкли дремлющую въ лунныхъ лучахъ площадь и подъѣхали къ скверу.

— Посидимте немного, сказала Итта.

И я не могъ отказать ей.

Мы взошли въ скверъ, выбрали скамейку, съ которой открывался дивный видъ на рѣку, сѣли... Итта повернулась ко мнѣ всѣмъ корпусомъ и уставилась своимъ влажнымъ, пылкимъ взоромъ мнѣ въ лицо... Потомъ спросила:

— Вы поняли, почему я не осталась... не могла остаться у него?

Я хотѣлъ какъ-нибудь отдѣлаться, уклониться отъ прямого отвѣта, отъ выясненія того, что мнѣ хотѣлось обойти молчаніемъ, но по глазамъ ея увидѣлъ, что все это будетъ безполезно. И я отвѣтилъ:

— Да...

— Вы мнѣ ничего не скажете?

— Нѣтъ.

Двѣ гибкія, упругія руки обвились вокругъ моей шеи, и влажныя, ароматныя, чувственныя губы покрыли мое лицо пламенными, необузданными поцѣлуями. Я попробовалъ высвободиться отъ нея, но руки держались цѣпко... Да и въ головѣ закружилось... Безотчетно я возвращалъ ей поцѣлуи...

Потомъ она немножко отодвинулась отъ меня, взяла меня за руку и впиваясь взглядомъ прошептала:

— Милый... Викторъ!..

— Итта!, сказалъ я ей, что вы со мной дѣлаете... Поймите, что...

— Я не нравлюсь вамъ? Я не красива?

Не выпуская моей руки она вдругъ изогнулась такъ, что вся ея точеная фигура пріобрѣла рельефъ, вдохновенную пластичность стала воплощеніемъ божественнаго сладострастія...

— Я не красива?, смѣясь повторила она.

Дрожь, пробѣжавшая по всему моему тѣлу отвѣтила ей за меня. И она снова придвинулась ко мнѣ лицомъ.

— Итта, сказалъ я ей, стараясь ласково удержать ее дальше отъ себя. Поймите—я слишкомъ высоко, священно смотрю на ласки, поцѣлуи... Я не допускаю возможности ласкъ безъ любви, а къ вамъ я не чувствую любви...

— Я хочу не любви, а тебя, отвѣчала она смѣясь.

— Но я говорю вамъ, что я не люблю васъ!

— Полюбишь! отвѣчала она мнѣ и цѣловала... цѣловала... цѣловала...

Роль Прекраснаго Іосифа всегда пошла и бездарна. Но мое поведеніе тогда было еще хуже, еще глупѣе... Сколько лѣтъ прошло, а и теперь, при воспоминаніи объ томъ времени вся кровь бросается мнѣ въ голову и жгучій стыдъ краситъ щеки...

Безумно стыдно сознавать себя такимъ нечуткимъ, неспособнымъ оцѣнить всю красоту ея властныхъ порывовъ, безумно стыдно вспомнить все то, что я говорилъ ей.. Сколько пошлости, узости!...

Я говорилъ ей о томъ, что я не признаю одной чувственности безъ чувства, я ссылался на свои принципы, правила... А она—обнимала и цѣловала меня... И я то самъ цѣловалъ ее, то снова принимался говорить, говорить...

И въ концѣ концовъ вырвался и убѣжалъ изъ садика...

Это было тогда... А теперь!...

Теперь страстнымъ воплемъ звучитъ у меня въ душѣ дорогое имя «Итта». Теперь воспоминаніе о ней—весь свѣтъ, вся красота моей жизни... Теперь нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы не отдалъ я за ея любовь...

Но мнѣ и отдать нечего. У меня все взяли...

Итта!...

* * *

Весь слѣдующій день я былъ въ какомъ-то туманѣ. Мои принципы, взгляды, убѣжденія—все не мирилось съ вторженіемъ въ мою жизнь Итты. Что то нездоровое, экзотическое чудилось въ ея пламенныхъ ласкахъ. Чувственность—и только... Животные инстинкты... На этомъ нельзя строить жизнь, отношенія. Это—опасный элементъ...

Но мятежной бурей уже струился въ жилахъ влитый ядъ ея поцѣлуевъ... Изъ ровныхъ строчекъ канцелярскихъ циркуляровъ, изъ грохота колесъ, изъ звуковъ музыки, изъ сѣраго хаоса спутанныхъ грезъ—отовсюда слышалось мнѣ ея имя, смотрѣлись влажные, пламенные, скошенные глаза влюбленной еврейки, плескалась зыбная волна ея торса... И съ реальной отчетливостью вдругъ обвивались вокругъ моей шеи точеныя, упругія, горячія руки...

Пламенная, изнуряющая ночь, полная жгучихъ ласкъ, поцѣлуевъ, объятій... Безпокойное пробужденіе въ одинокой тьмѣ... Испуганное исканье... Вѣдь она здѣсь... здѣсь... Она сейчасъ была... Гдѣ? Гдѣ?... Ахъ, это сонъ...

Широко раскрытые, воспаленные глаза впиваются въ насыщенный образами мракъ. Одна, двѣ, сотни Иттъ роятся въ немъ... Змѣей вьется бѣлоснѣжное, упругое тѣло... Черной паутиной рѣетъ синеватый блескъ ея распущенныхъ волосъ... Вотъ она остановилась... изогнулась... тихо-тихо подползаетъ ко мнѣ... глаза ея горятъ...

Влажныя, ароматныя губы впиваются въ мои... Сердце останавливается... Дыханье хрипящимъ свистомъ разрываетъ грудь... Это смерть!... Смерть...

— А-а-а-а-а!!!. волчьимъ воемъ вырывается у меня...

Вскакиваю... озираюсь...

Никого!... Никого!...

Евгеній Мауринъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Изъ Г. Гейне.

На могилѣ твоей двѣ плакучія ивы стоятъ.
Тамъ поетъ соловей, и вечерніе вѣтры шумятъ,
А подъ ними на травкѣ зеленой
Обнимаетъ подругу влюбленный.
Такъ протяженъ, такъ тихъ шумъ вѣтровъ средь вѣтвей,
И такъ сладко, такъ грустно поетъ соловей,
И влюбленные молча рыдаютъ,
А о чемъ,—они сами не знаютъ.

О. Шапулинскій.

Старый плотникъ.

Рейзина.

Старъ уже Лейзеръ-плотникъ и ходитъ онъ согнувшись. Видно, что палка, на которую онъ опирается, служитъ ему большую службу. Безъ этой опоры онъ не могъ бы добраться даже до главной синагоги.

Дѣти его уѣхали въ Америку, старухи тоже уже нѣтъ. Она умерла три года назадъ, когда онъ еще работалъ. А работалъ старый Лейзеръ до тѣхъ поръ, пока не истощились его силы и топоръ началъ выпадать изъ старческихъ рукъ.

Тогда уже молодые плотники сказали:

«Пора уже отдохнуть, ребъ Лейзеръ!»

И вотъ уже два года, какъ старый Лейзеръ отдыхаетъ. Правда, не совсѣмъ отдыхаетъ: много труда ему стоитъ добыть себѣ самое необходимое. Съ ѣдой еще кое-какъ: двухъ печеныхъ картошекъ и головки селедки ему хватаетъ на цѣлый день. Но бѣда въ томъ, что нужно думать и о квартирной платѣ и каждый мѣсяцъ отдавать старому Зельману 2 злотыхъ за квартиру. И когда подходитъ срокъ уплаты этихъ двухъ злотыхъ, старый Лейзеръ начинаетъ работать, разумѣется, не руками, а головой. Онъ припоминаетъ тѣхъ хозяевъ, которымъ онъ когда-то строилъ дома и которые отдали ему не всѣ деньги.

Многіе изъ нихъ совсѣмъ отказываются отъ своего долга Лейзеру, другіе, хоть и признались, что должны, но клянутся, что денегъ у нихъ нѣтъ, нѣкоторые же и не отказываются отъ долга и не признаютъ его, а все-таки даютъ иной разъ старому плотнику пару злотыхъ.

Но въ послѣднее время ему все труднѣе добывать эти два злотыхъ для уплаты за квартиру. Онъ уже задолжалъ старому Зельману четыре злотыхъ за два мѣсяца, а теперь идетъ уже третій мѣсяцъ. Зельманъ бы еще подождалъ, да не можетъ: онъ вѣдь самъ не хозяинъ, а квартирантъ, самъ платитъ за квартиру, и ему деньги трудно достаются. Онъ только старый портной, слѣпой на одинъ глазъ, и въ состояніи только класть заплаты—а развѣ много можно заработать на однѣхъ заплатахъ?..

Лейзеръ-плотникъ на него и не сердится, когда онъ пристаетъ съ долгомъ, но все же это очень непріятно. Никогда Лейзеръ не обманывалъ, а теперь, на старости лѣтъ, онъ обманываетъ стараго Зельмана, обѣщаетъ не сегодня-завтра дать ему денегъ. И въ послѣдніе дни Лейзеръ долго засиживается въ Синагогѣ, согнувшись надъ книгой и ожидая, пока часы не пробьютъ десять. Тогда онъ уже увѣренъ, что старый Зельманъ спитъ, и отправляется домой...

Старый Зельманъ предупредилъ уже Лейзера, что сдастъ его уголъ другому, если Лейзеръ не уплатитъ на дняхъ денегъ. Лейзеръ совсѣмъ растерялся. Онъ потихоньку взялъ свою палку и также тихонько вышелъ изъ комнаты.

Это было большое несчастье! Оно совсѣмъ разстроило стараго Лейзера. Помутившимся взоромъ смотрѣлъ онъ на давно знакомую улицу. Но потомъ тяжелое чувство стало разсѣиваться. Лейзеръ смотритъ на дома, расположенные вдоль улицы, и забывается на минуту. Онъ чувствуетъ эти дома дорогими и близкими себѣ. Они напоминаютъ то время, когда онъ, молодой и здоровый, весело работалъ.

— Вотъ этотъ домъ,—вспоминаетъ старый Лейзеръ, глядя на красивый домъ Янкеля шинкаря,—я строилъ десять недѣль. Хозяинъ хорошо платилъ—по пяти злотыхъ въ день. А иногда и рюмку водки подносилъ послѣ работы.

— А вотъ этотъ,—припоминаетъ Лейзеръ, глядя уже въ другую сторону,—я строилъ не поденно, а оптомъ—и просчитался. При разсчетѣ оказалось, что вышло не то по полтиннику въ день, не то по четыре злотыхъ,—никакъ не припомню...

Вотъ онъ идетъ мимо дома мѣстнаго богача.

— Вотъ домикъ,—глядитъ Лейзеръ и радуется,—совсѣмъ еще новешенекъ—а уже двадцать лѣтъ стоитъ! А сколько въ немъ комнатъ!..

Лейзеръ тогда хорошо заработалъ. Богачъ платилъ по шести гривенъ въ день!

И онъ смотритъ на другіе домики, которые онъ выстроилъ за свою долгую жизнь. Домики кланяются ему, привѣтствуютъ его, и у стараго Лейзера становится такъ тепло на душѣ. Но вотъ въ его памяти опять всплываетъ его бѣда, онъ съ ужасомъ вспоминаетъ о ней и вздрагиваетъ всѣмъ своимъ старымъ тѣломъ.

Удрученный пришелъ онъ въ Синагогу, прочелъ вечернія молитвы.

Часы бьютъ восемь, девять, десять... старый Зельманъ уже спитъ, но Лейзеръ все еще не рѣшается идти домой.

— Что дѣлать?—стучитъ въ его головѣ неотвязная мысль, стучитъ до тѣхъ поръ, пока въ его головѣ не родился счастливый планъ.

Старикъ улыбается, онъ счастливъ: съ сегодняшняго дня онъ уже остается въ Синагогѣ навсегда, назадъ къ старому Зельману не пойдетъ. Онъ ободряется.

— Такъ, такъ—окончательно рѣшаетъ онъ,—съ этихъ поръ я остаюсь здѣсь. Прочь эту заботу! Шутка ли—два злотыхъ въ мѣсяцъ!

— Два злотыхъ,—произноситъ Лейзеръ уже вслухъ и ему кажется, что у него что-то скатилось съ плечъ и ему стало гораздо легче. Небольшая доля тяжести все-таки осталась: долгъ—нужно же его уплатить. Но какъ?

Онъ вздыхаетъ... Часы бьютъ двѣнадцать.

Старый Лейзеръ сидитъ за столомъ и дремлетъ и снится ему, что возлѣ него сидитъ старый Зельманъ, корпаетъ что-то иголкой и послѣ каждаго стежка тычетъ той-же иголкой ему въ глаза.

— Ребъ Зельманъ, не колите меня,—проситъ Лейзеръ,—я вамъ заплачу эти четыре злотыхъ. Я завтра начну работать у Янкеля-шинкаря, онъ платитъ пять злотыхъ въ день...

Но Зельманъ и слушать не хочетъ и тычетъ ему иголкой въ глаза, въ руки, по всему тѣлу... И вотъ Лейзеръ чувствуетъ, что Зельманъ уже и толкаетъ его...

Но толчки были на-яву. Это толкалъ его младшій служка, стоявшій около Лейзера и сердито ворчавшій:

— Извините, пожалуйста, это мое мѣсто! Я хочу ложиться спать.

Лейзеръ началъ протирать глаза; увидавъ вмѣсто стараго Зельмана служку синагоги, онъ пришелъ въ себя и вспомнилъ о своемъ намѣреніи остаться навсегда въ синагогѣ. Но служка сухо объяснилъ ему, что здѣсь не ночлежка, не пріютъ для стариковъ.—Старшины запретили пускать сюда на ночлегъ.

— Конецъ мечтамъ!..

На обратномъ пути къ старому Зельману, Лейзеръ уже не глядѣлъ на дома, которые онъ когда-то выстроилъ. Ночь была темная, а въ глазахъ у него было еще темнѣе. Онъ шелъ медленно, нарочно замедляя шаги. Ему легче было бродить по улицѣ въ темную ночь, чѣмъ придти къ старому Зельману, которому онъ долженъ.

Да и чѣмъ это кончится?..

Старый Зельманъ подождетъ еще нѣсколько дней, но не больше... Все равно придется удти на улицу... На улицу!

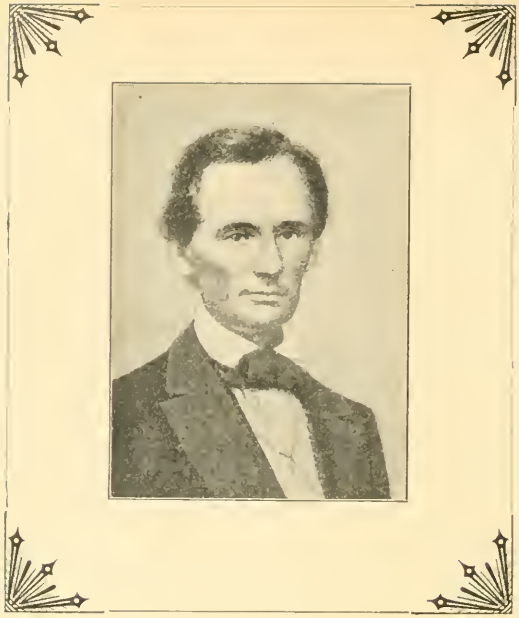
— Ой! вырвалось у него при этой мысли, и онъ вспомнилъ, что ему когда-то говорила его старуха:

Лейзеръ, всѣ строятся, построимъ и мы себѣ домикъ.

— Нельзя,—говорилъ онъ ей въ отвѣтъ,—вѣдь, за ту работу, которую я буду дѣлать для себя, мнѣ никто не заплатитъ.

Она ничего не возразила, да и нечего ей было сказать. И все-таки, вспоминая, что онъ останется безъ пріюта, онъ начинаетъ сердиться и, укорять самъ себя:

— Старый дуракъ! Дома-то ты строилъ, а умрешь на улицѣ!..



АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ.

Къ 100-лѣтію со дня рожденія.

Авраамъ Линкольнъ.

Соединенные Штаты праздновали столѣтнюю годовщину рожденія своего шестнадцатаго президента, человѣчество—бѣлое и цвѣтное—память дѣятеля, положившаго конецъ рабовладѣнію въ великой республикѣ.

Линкольнъ освободилъ Сѣв. Америку отъ позора рабовладѣнія, тяготѣвшаго на ней. Онъ далъ удовлетвореніе одному изъ самыхъ священныхъ чувствъ всего міра, протесту противъ превращенія человѣка въ безправное, безсловесное, безвольное животное.

Линкольнъ былъ сыномъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки. Онъ родился въ штатѣ Кентукки, въ грубо сколоченной, затерявшейся въ густой чащѣ хижинѣ поселенца. Невеселое было дѣтство. Аврааму пришлось съ малымъ лѣтъ помогать отцу, трепаться по поденнымъ работамъ, переносить лишенія.

Въ шестнадцать лѣтъ онъ и отцу помогалъ, и зарабатывалъ на сторонѣ чѣмъ придется. Въ это время его отецъ окончательно поселился въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Иллинойса, и Авраамъ сталъ вскорѣ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей во всемъ штатѣ. Привѣтливый, веселый, всегда готовый оказать услугу, отличный ораторъ, умѣющій пересыпать самыя серьезныя рѣчи шутками и поговорками, прекрасный товарищъ,—Линкольнъ не могъ не привлекать къ себѣ симпатій. Его политическіе и общественные взгляды успѣли уже прочно опредѣлиться. Онъ рѣшительно примкнулъ къ вигамъ,—такъ назывались въ то время нынѣшніе республиканцы. Его друзья уже давно выдвигали его кандидатуру въ законодательное собраніе штата. Въ первый разъ его кандидатура не имѣла успѣха, а въ 1834 году онъ прошелъ въ депутаты.

Тутъ только Линкольнъ понялъ, въ чемъ его призваніе. Чтобы еще лучше

сжиться съ карьерой общественнаго дѣятеля, онъ сталъ готовиться къ адвокатурѣ, въ 1837 году выдержалъ испытаніе при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и дальнѣйшіе годы дѣлилъ свое время между законодательными работами и адвокатской практикой. Ораторскій талантъ его крѣпъ все больше, и слава его росла безпрестанно. Въ 1846 году обитатели Иллинойса почтили своего любимца избраніемъ въ палату депутатовъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ.

Это избраніе произошло уже на опредѣленной платформѣ—аболиціонистской.

Линкольнъ съ молодыхъ лѣтъ былъ ярымъ противникомъ рабовладѣнія. Въ его безконечныхъ скитаніяхъ ему часто приходилось наблюдать ужасающія картины положенія рабовъ.

Съ избраніемъ въ члены конгресса Линкольнъ отдался дѣлу цѣликомъ. Правда, онъ пробылъ въ конгрессѣ не долго. Ему была нужна полная свобода, и онъ, отказавшись отъ полномочій, началъ агитацію въ своемъ штатѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Весь этотъ періодъ Линкольнъ агитировалъ противъ рабовладѣнія и сдѣлался признаннымъ вождемъ партіи аболиціонистовъ. Аболиціонисты и привели его въ Бѣлый домъ. 6-го ноября 1860 г. онъ былъ избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Принимая избраніе, Линкольнъ зналъ, на что онъ идетъ. Онъ зналъ, что Сѣверъ не допуститъ распространенія рабства у себя, а Югъ не захочетъ отказаться добровольно отъ рабовладѣнія. Онъ чувствовалъ неизбѣжность кровавой борьбы. Но онъ шелъ на нее, ибо считалъ ее необходимой.

Организаторская часть лежала почти цѣликомъ на Линкольнѣ, и онъ оказался на высотѣ задачи. Долгія неудачи не заставили его ни на минуту упасть духомъ. И главная побѣда надъ Югомъ была одержана не столько силою оружія, сколько знаменитымъ манифестомъ 1-го января 1863 года, провозглашавшимъ уничтоженіе рабства на всей территоріи союза. Четыре милліона негровъ получили свободу, а сѣверная армія—тысячи черныхъ волонтеровъ. Манифесту предшествовала прокламація къ Югу отъ 22-го сентября 1862 г., предлагавшая ему положить оружіе и предупреждавшая о готовящемся манифестѣ. Но она оказалась тщетной, и рабство пало.

Человѣку человѣкъ вѣками ковалъ тяжелую цѣпь, движимый алчностью и ненавистничествомъ. Линкольнъ разрубилъ ее однимъ ударомъ, какъ, бывало, въ молодости однимъ ударомъ валилъ высокое дерево.

Популярность президента выросла до послѣднихъ предѣловъ. У негровъ «масса Линкумъ» былъ предметомъ настоящаго обожанія. Когда онъ пріѣхалъ въ только-что взятый сѣверянами Ричмондъ, главный оплотъ Юга, негры, только-что освобожденные, сбѣжались отовсюду. Эти люди, съ незажившими еще слѣдами плантаторскихъ плетокъ на спинѣ, со взоромъ, не осмѣливающимся встрѣтить взглядъ бѣлаго, буйные и трогательные въ своемъ простодушномъ восторгѣ, толпами тѣснились вокругъ президента и громко благодарили Творца, сподобившаго ихъ увидѣть своего освободителя. Они дрожащими руками поднимали къ нему своихъ дѣтей, которыя теперь могли вырости, не сгибая спины, не подвергаясь травлѣ собаками, не испытывая ударовъ безчеловѣчнаго надсмотрщика. Тѣ же сцены повторились 1-го января 1865 года, когда негры пришли въ Вашингтонъ, чтобы поздравить Линкольна со вторичнымъ избраніемъ на должность президента.

Линкольнъ достигъ цѣли своей жизни. Рабство исчезло изъ жизни союза.

Но Югъ отомстилъ своему побѣдителю. Фанатикъ Юга актеръ Бутъ застрѣлилъ Линкольна въ театрѣ 14-го апрѣля 1865 года. На другой день президентъ умеръ.

Но не умерла память о немъ. Негры зовутъ его «добрымъ президентомъ», а человѣчество чтитъ въ немъ своего героя, стойкаго, мужественнаго, ничѣмъ незапятнаннаго морально, больше чѣмъ кто-нибудь способнаго служить примѣромъ другимъ.

М. Е. САЛТЫКОВЪ (ЩЕДРИНЪ).

О Щедринѣ.

(20 лѣтъ со дня смерти).

1889—28 Апрѣля 1909.

Считая по обычной у насъ (довольно скороспѣлой, впрочемъ) десятичной мѣркѣ, цѣлыхъ два поколѣнія уже выявляли свою духовную физіономію съ тѣхъ поръ, какъ скончался М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, наиболѣе общественный, наиболѣе политическій нашъ сатирикъ.

Онъ сатирикъ по характеру большинства своихъ произведеній и ихъ успѣховъ. Намъ случилось въ ст. «что такое юморъ?». (Образов. 1898 №№ 7—8) указывать, что юморъ всегда полнѣе и шире выдаетъ личность писателя. Сатирикъ борется со зломъ дня, съ господствомъ враждебнаго текущаго. Сатира стѣсняетъ художественную натуру—«откликаться на все». Сатира наименѣе благодарна изъ всѣхъ литературныхъ формъ, ибо наименѣе доступна для несовременниковъ. Какъ бы выполняя принятый на себя долгъ, Салтыковъ наичаще стоялъ на спеціальномъ—сатирическомъ посту.

Но, плодовитый и талантливый, онъ писалъ и на иной манеръ. Показалъ себя многраннымъ юмористомъ, тонко-впечатлительнымъ, вѣчно волнующимся; соціальнымъ художникомъ-мыслителемъ; даже, если хотите, подчасъ нѣжнымъ лирикомъ. Напомнимъ только его особаго рода разительную трагедію—«Господа Головлевы». Богатѣйшими переживаніями полно его творчество.

Самъ на себѣ испытавшій бюрократическія «дѣйства», и прямыя каррикатуры свои лѣпилъ Салтыковъ по подлиннымъ фотографіямъ. Энтузіастомъ-«народникомъ» временами представляется намъ Салтыковъ. И психологія «этихъ симпатій для насъ такъ прозрачна: онѣ выстраданы непосредственными ощущеніями—дворянина-помѣщика. Изъ собственнаго нутра взяты у Щедрина и эти порядкомъ мучительныя картины идейнаго писательскаго лавированія между безднами.

Мы выше отмѣтили, что нѣкоторыя подробности въ сатирахъ зачастую очень быстро становятся неудобопонятными для массоваго читателя. Но, на наше несчастье, конечно, еще весьма и весьма многое не устарѣло въ Щедринскомъ смѣхѣ—даже мѣстами въ мелочнѣйшихъ деталяхъ. Свѣжестью красокъ отсвѣчиваетъ и тутъ и тамъ его галлерея отечественныхъ дѣятелей. Еще въ «Невинныхъ разсказахъ» уволенный въ пору новыхъ вѣяній—Гегемоніевъ любуется своимъ толкованіемъ: «А небуйственность, что? А небуйственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человѣкъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешь, чтобъ перметте не сказать». Развѣ вчера или сегодня вы нигдѣ на Руси такого пункта не прочитывали?

Или развѣ не подпишемся мы въ эту минуту всѣми руками подъ нижеслѣдующей тирадой, наблюдая хаосъ нашихъ общественныхъ соотношеній и «идейныхъ» новообразованій?

«Какой необыкновенный міръ—этотъ міръ Дергуновыхъ? Какъ все въ немъ перепутано, скомкано, захламощено всякаго рода противорѣчивыми примѣсями!» Не извелись еще у насъ не мальчики, конечно, каковыми называются они въ «Кругломъ годѣ» Щедрина, а и очень зрѣлые мужи, негодующіе въ такомъ родѣ: «Откуда взялось мнѣніе, что отечество—не пирогъ, а культъ, дающій очень мало правъ и налагающій очень много обязанностей? Кто это говоритъ, подумайте... К т о? Это говорятъ люди посторонніе, которымъ по настоящему, до этого и дѣла-то нѣтъ! И кому они говорятъ это?—тѣмъ, которые и днемъ и ночью, и въ ресторанахъ и въ кафе-шантанахъ всегда готовы продекламировать: à tous les coeurs bien nés bne la patrie est chère!»

Народолюбцемъ Салтыковъ былъ пламеннѣйшимъ, искреннѣйшимъ. И сочувствовалъ онъ тутъ не какимъ нибудь носителямъ—настоящихъ, молъ, фундаментальныхъ идеаловъ. А обыкновенному, реальному, «сѣрому», невѣжественному мужику».

Проникновеннѣйшія вещи въ этомъ духѣ, кромѣ Щедрина, сыщутся въ русской литературѣ развѣ что еще у Глѣба-Успенскаго.

Но изъ его горячихъ талантливыхъ народническихъ изліяній.—Какого-нибудь обмежеваннаго политическаго вѣроисповѣданія не сломите?

Впрочемъ, и здѣсь, очевидно, идейное наслѣдство Щедринъ оставилъ по себѣ ощутительное. Наши теперешнія мужикофильствующія—подлинныя уже п а р т і и—развѣ онѣ не повторяютъ зачастую Щедрина... и его... неопредѣленности?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—на время у насъ было развелись въ изобиліи цвѣты политической сатиры и каррикатуры. Смѣялись тогда не по щедрински привольно и выразительно—ослабли путы «эзоповскаго» языка. Однако, вглядитесь, у позднѣйшихъ сатириковъ всѣ дѣйствительно лучшіе штрихи и мазки—отъ Щедрина и по Щедрину. Видимо еще не пробилъ часъ достойнаго замѣстителя Щедрина: не черезъ сутки рождаются яркія индивидуальности въ литературѣ.

А у Щедрина именно еще не исчерпана нами вся его л и т е р а т у р н о с т ь.

Моральныя схемы, публицистическія формулы, отголоски м о м е н т а (а ихъ вѣдь такъ много у Щедрина)—преходящи, въ значительныхъ своихъ доляхъ.

Но литературныя преломленія большаго ума, чуткой даровитой сложной натуры—цѣнность, не скоро истлѣвающая.

Въ глазахъ иныхъ и н д и в и д у а л и с т о в ъ у Щедрина черезчуръ, молъ много о б щ е с т в е н н о с т и. И имъ можно возразить, что в ъ л и т е р а т у р ѣ все отражается черезъ л и ч н о с т ь. А у Салтыкова—она всѣмъ интересная.

Въ самой формѣ произведеній Салтыкова легко замѣтить разныя погрѣшности: авторъ тутъ и тамъ спѣшитъ и не додѣлываетъ своей вещи, грубо шаржируетъ, нагромождаетъ тяжелыя отвлеченныя фразы и т. д.

Но онъ—искусный х у д о ж н и к ъ, съ Гоголевской силой высѣкая комическія фигуры; словно, поставляя передъ вами сущую дѣйствительность—въ сценахъ, разговорахъ, описаніяхъ. Художникъ онъ и въ своемъ лиризмѣ, и въ трагическихъ освѣщеніяхъ, даже и въ иныхъ разсужденіяхъ, гдѣ столько огня, благородной мечты и возвышенныхъ завѣреній.

Нѣкоторые афоризмы Салтыкова животрепещущи и сейчасъ.

«Читатель! подивись! Я совершенно безъ всякой иронія утверждаю, что нигдѣ жизнь не представляетъ такъ много интереснаго, какъ въ нашемъ бѣдномъ, захудаломъ отечествѣ».

Мы-ли, теперь въ особенности, станемъ спорить противъ такого утвержденія Не въ бровь, а въ самый глазъ попадаетъ нашей дѣйствительности и это сѣтованіе. «Понятіе, сопряженное съ словомъ «дѣлать», какъ бы не существуетъ для насъ; мы знаемъ только одно слово: «распоряжаться». «Распоряжаться», т. е. смѣшать, увольнять, замѣшать, повышать, понимать и т. д... это та именно и есть «политика», въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ». Или возьмемъ мѣстечко изъ «Дворянской хандры»: какъ не кружись въ пространствѣ, а поселка все-таки не миновать. Тамъ настоящій пупъ земли, тамъ разгадка всѣхъ жизненныхъ задачъ, тамъ ключъ къ разумѣнію не только прошедшаго и настоящаго, но и будущаго».

А. Налимовъ.

Старость и молодость.

Въ 1909 годъ Англія вступила вооруженной двумя новыми законами, которые какъ нельзя лучше характеризуютъ новыя соціальныя теченія. На обоихъ концахъ своего жизненнаго пути англичанинъ отнынѣ становится предметомъ особыхъ заботъ государства, особаго его попеченія и покровительства. Старость обезпечивается пенсіей, а молодость получаетъ защиту отъ моральныхъ и физическихъ опасностей, отъ лишеній и страданій, насколько государство въ состояніи услѣдить за жизнью ребенка.

Пенсіи старикамъ, достигшимъ 70 л., стали выдаваться со дня Новаго года, и газеты полны описаній трогательныхъ сценъ полученія этихъ пенсій на почтѣ, въ городахъ и деревняхъ, сотнями тысячъ старухъ и стариковъ. Всего заявило требованій на пенсіи около 700.000 лицъ, но признаны имѣющими право лишь 500.000 или около того. Несомнѣнно, новый законъ будетъ значительно улучшенъ въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ практика показала, что нѣкоторыя его ограниченія очень несправедливы по отношенію ко многимъ лицамъ, достигшимъ законнаго возраста, и часто приводятъ къ такимъ абсурдамъ, которые какъ бы нарочно придуманы, чтобы доказать тщету человѣческаго творчества. Такъ, напримѣръ, парламентъ установилъ, что пенсію можетъ получить лишь тотъ, кто пробылъ въ англійскомъ подданствѣ и постоянно жилъ въ Англіи не менѣе 20 лѣтъ. Правда, законъ немного скупъ и узокъ. Но все же имѣетъ нѣкоторое основаніе въ желаніи оградить страну отъ наплыва чужестранныхъ кандидатовъ на пенсіи. Однако, въ жизни онъ оказался въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно нелѣпымъ и несправедливымъ, такъ какъ на основаніи его была лишена права на пенсію старуха англичанка, никогда даже изъ Англіи не выѣзжавшая, только потому, что она 45 лѣтъ тому назадъ вышла замужъ за нѣмца и слѣдовательно стала германской подданной. Она уже много лѣтъ вдова, дѣти ея сдѣлались настоящими англичанами, но она сама, хотя и природная дочь Альбіона, все еще продолжаетъ считаться «нѣмкой», иностранной подданной.

Въ другомъ случаѣ нѣмецъ, сражавшійся въ Крыму за Англію въ рядахъ нѣмецкаго легіона и проживающій въ Англіи болѣе полустолѣтія, также признанъ неимѣющимъ права на пенсію какъ иностранецъ.

Но при всѣхъ шероховатостяхъ и болѣе серьезныхъ недостаткахъ, законъ все же оказывается величайшимъ шагомъ, когда либо сдѣланнымъ Англіей въ области соціальныхъ реформъ. И недаромъ во многихъ мѣстностяхъ первый день дѣйствія закона былъ отпразднованъ разными торжествами и шумными проявленіями радости. Во многихъ деревняхъ и городахъ передъ почтовыми конторами, въ которыхъ происходила выплата пенсій, играли оркестры. Въ другихъ мѣстахъ вечеромъ сжигали костры устраивали для пенсіонеровъ общественные банкеты разъѣзжали по улицамъ герольды, которые, по примѣру средневѣковыхъ, воспѣвали и прославляли подвиги—на этотъ разъ не своихъ господъ феодаловъ, а либеральнаго правительства, первымъ рѣшившагося внести и провести законъ о пенсіяхъ.

Впрочемъ, съ точки зрѣнія иностранца интересенъ не только самъ по себѣ законъ о пенсіяхъ, но и та дивная гусударственная организованность, при которой только законъ и могъ быть осуществленъ съ такимъ огромнымъ успѣхомъ. Не создавъ никакихъ лишнихъ административныхъ должностей, никакого «начальства» и никакихъ обременительныхъ формальностей, законъ поставилъ дѣло такъ, что въ первый же день выдача пенсій происходила какъ на машинѣ, безъ сучка и задоринки. Всѣ требованія были своевременно разсмотрѣны, провѣрены и рѣшены въ первой инстанціи, и лишь очень немногія изъ апелляцій, поданныхъ недовольными рѣшеніемъ низшей инстанціи въ высшую, еще остались не разрѣшенными къ Новому году. У всѣхъ пен-

сіонеровъ наканунѣ Новаго года оказались уже на рукахъ чековыя книжки, по которымъ въ теченіе года имъ будетъ выплачиваться пенсія. И, повидимому, никто изъ дѣйствительно имѣющихъ право на пенсію не обойденъ.

Конечно, въ будущемъ и, вѣроятно, даже въ очень недалекомъ будущемъ законъ подвергнется значительнымъ исправленіямъ и расширеніямъ. Но врядъ ли найдется что-либо прибавить къ технической сторонѣ закона, къ механизму его дѣйствія. И этотъ результатъ могъ быть достигнутъ лишь благодаря тому широкому мѣстному самоуправленію, которымъ отличается Англія, и тому отсутствію бюрократизма, которое дѣлаетъ изъ всякаго гражданина служителя государства и изъ всякаго чиновника раньше всего гражданина.

Какъ мы раньше сказали, рядомъ со старостью воспользовалась законодательствомъ только что истекшаго 1908 года и молодость. Билль о дѣтяхъ, принятый парламентомъ въ осенней сессіи, правда, не совсѣмъ новъ и оригиналенъ. Огромная часть его составляетъ лишь консолидацію многихъ законовъ, принятыхъ въ разное время раньше. Да и изъ новой его части далеко не все заслуживаетъ похвалы и одобренія. Но, во-первыхъ, важенъ духъ этого новаго закона о дѣтяхъ, и, во-вторыхъ, имѣютъ огромное значеніе и нѣкоторыя его новыя установленія.

Здѣсь было бы долго останавливаться на разныхъ подробностяхъ этого обширнаго законодательнаго акта, состоящаго больше чѣмъ изъ 90 страницъ in folio. Скажемъ лишь, что всѣ постановленія его отличаются прямо щепетельной заботливостью о дѣтяхъ, страдающей, по нашему мнѣнію, даже нѣкоторымъ излишествомъ, такъ какъ эта заботливость часто осуществляется въ ущербъ свободѣ и самостоятельности родителей и создаетъ рядъ новыхъ обязанностей и запретовъ, безъ которыхъ, пожалуй, можно было бы обойтись съ большой пользой. Но зато нельзя не порадоваться за дѣтей, которыхъ новый законъ совершенно изъялъ изъ юрисдикціи общаго суда и уголовныхъ наказаній. До 16 лѣтъ малолѣтніе не только не подлежатъ обычнымъ наказаніямъ за проступки, но даже не подлежатъ и общему суду. Для нихъ назначаются или спеціальные судьи, или спеціальныя засѣданія безъ обычной торжественности и суровости обстановки. Арестъ ребенка при полиціи не можетъ продолжаться болѣе сутокъ, но даже и для такого кратковременнаго ареста до суда требуются исключительныя условія, какъ отсутствіе родныхъ или спеціальныхъ помѣщеній, гдѣ дѣти могутъ содержаться до суда.

Вообще, новый законъ окончательно, такъ сказать, вымелъ и выбросилъ изъ англійскаго суда всякое представленіе о малолѣтнемъ «преступникѣ». Отнынѣ дѣти до 16 и во многихъ случаяхъ и до 18 лѣтъ совершенно исключаются изъ тюремныхъ стѣнъ и какія бы преступленія ни совершили, признаются не преступниками, а нуждающимися въ воспитаніи и уходѣ. Наказываются не дѣти, а родители, лишающіеся всякаго права на своихъ дѣтей, оказавшихся дурного поведенія. Въ этомъ случаѣ дѣти отнимаются у нихъ и отдаются подъ попеченіе исправительныхъ учебныхъ заведеній и школьныхъ комитетовъ. Дѣти отнимаются, однако, не въ видѣ кары, а съ цѣлью охраненія ихъ отъ дурного вліянія. На этомъ основаніи государство беретъ подъ свое попеченіе и тѣхъ дѣтей, которыя сами ничего не совершили дурного, но которыя имѣютъ несчастье жить съ порочными или жестокими родителями.

Новый законъ многіе прозвали «дѣтской хартіей». Сами дѣти, которымъ, между прочимъ, новый законъ запрещаетъ курить до 16 лѣтъ, навряд ли назвали бы его своей «хартіей свободы», но все же и они, если бы ихъ мнѣнія спрашивали, несомнѣнно, одобрили бы его.

С. П. Р.

Г. Мотъ. ИГРАЮЩІЯ НАЯДЫ.

Земледѣліе безъ земли.

Населеніе всюду непрерывно растетъ, между тѣмъ количество земли остается безъ измѣненія, и недалеко уже то время, когда на земномъ шарѣ не останется свободнаго мѣста для эмиграціи. Съ другой стороны, почва повсюду истощается, потому что изъ нея ежегодно выбирается больше азота, нежели возвращается въ видѣ удобренія. Такимъ образомъ, надъ человѣчествомъ, повидимому, тяготѣетъ неумолимый рокъ, обрекающій его въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ на голодную смерть.

Къ счастью, наука уже теперь даетъ надежду, что будущее можетъ быть вовсе не такъ страшно, какъ оно кажется. Дѣло идетъ объ интересныхъ опытахъ нѣмецкаго профессора Наббе, который задался цѣлью ни болѣе, ни менѣе, какъ создать возможность земледѣлія безъ земли. Какъ ни фантастиченъ кажется по первому взгляду такой планъ, онъ, однако, стоитъ на твердой практической почвѣ. Вопреки самымъ элементарнымъ основамъ агрономіи Неббе утверждаетъ, что растеніе вовсе не нуждается въ землѣ, чтобы вырости и созрѣть.

Профессоръ Наббе уже лѣтъ тридцать живетъ въ маленькой саксонской деревушкѣ Тарандтъ, въ окрестностяхъ Дрездена; тамъ находятся лѣсная школа и земледѣльческая станція, которыми онъ завѣдуетъ. Его научные труды по агрономическимъ вопросамъ давно уже доставили ему заслуженную извѣстность. Послѣдняя его работа касается приложенія бактеріологіи къ культурѣ хлѣбныхъ растеній. Рѣчь въ ней идетъ не о новыхъ системахъ ирригаціи или искусственнаго удобренія, а о вопросахъ, переворачивающихъ вверхъ дномъ самую агрономію. Ему удалось вырастить цѣлыя деревья въ водѣ безъ малѣйшей примѣси земли. Не приходятъ ли тутъ на память Фалесъ и другіе философы древностей, видѣвшіе въ водѣ начало всего сущаго?

Всякому, конечно, извѣстна огромная роль воды въ жизнедѣятельности растительныхъ организмовъ. Но профессоръ Наббе говоритъ, что вода не только необходима, но и совершенно достаточна для питанія растеній. Деревца, «посаженныя» имъ въ водѣ, достигаютъ уже 20—25 сантиметровъ у основанія ствола и прекрасно себя чувствуютъ, если можно такъ выразиться. Они сидятъ въ стеклянныхъ банкахъ; сквозь стекло хорошо видны погруженные въ воду корни; весною у нихъ появляются почки и листья. Деревья продолжаютъ жить и зимою, когда вода замерзаетъ.

Разумѣется, деревья сидятъ не въ чистой водѣ: проф. Наббе прибавляетъ туда растворы солей (хлорноватокислой, фосфорнокислой, сѣрнокислой и др.). Изъ этихъ растворовъ онъ приготовляетъ смѣсь и вливаетъ ее каждыя четыре недѣли въ воду. Для каждаго сорта растеній требуется особый растворъ.

Вотъ на чемъ основано открытіе Наббе.

Уже давно было извѣстно, что растенія почерпаютъ питательный матеріалъ изъ воздуха, воды и, какъ говорили до

сихъ поръ, изъ почвы. Саксонскій же агрономъ говоритъ намъ, что почва растенію почти-что и не нужна, что всѣ безчисленныя жертвы, приносимыя человѣчествомъ ради захвата земли, покоятся на научной ошибкѣ. Вода и воздухъ—вотъ главные кормильцы растенія.

Растеніе состоитъ изъ кислорода, водорода, углерода и азота и изъ очень малой примѣси другихъ веществъ: калія, фосфора, желѣза, сѣры, магнія и кальція. За исключеніемъ калія и фосфора, которые не всегда имѣются въ окружающей средѣ, но легко могутъ быть доставляемы путемъ удобренія (напримѣръ, древесной золой), растенія могутъ испытывать недостатокъ лишь въ азотѣ. И однако, этотъ азотъ, который такъ безпокоитъ агрономію, представляетъ самый распространенный элементъ въ мірѣ. Если, стало быть, человѣчеству и суждено когда-нибудь погибнуть отъ голода, то это будетъ по истинѣ голодная смерть среди несмѣтнаго богатства.

Дѣйствительно, въ атмосферѣ заключается неистощимый резервуаръ азота, но растенія не могутъ черпать его непосредственно, а берутъ изъ почвы. Когда почва истощилась нѣсколькими посѣвами, т. е. когда изъ нея взятъ весь азотъ, на ней взамѣнъ хлѣбныхъ злаковъ сѣютъ клеверъ, и почва опять насыщается азотомъ. Откуда же въ этомъ случаѣ берется азотъ? Вопросъ этотъ разъяснили сравнительно недавно нѣмецкіе химики.

На корняхъ растеній обыкновенно образуются маленькія неправильныя утолщенія,—узловатости, какъ ихъ называютъ, особенно замѣтныя у бобовыхъ; эти узловатости кишатъ особыми микроорганизмами, ризобіонами, которые обладаютъ способностью брать прямо изъ воздуха азотъ и превращать его въ азотистыя вещества. Эти азотистыя вещества и идутъ на пищу бобовымъ растеніямъ, а тѣ, въ свою очередь, вырабатываютъ необходимыя для питанія ризобіоновъ углеводородныя соединенія. Такимъ образомъ, растенія и микробы питаютъ другъ друга. Здѣсь передъ нами любопытный примѣръ симбіоза—взаимопомощи въ органическомъ мірѣ. Послѣ сбора бобовыхъ растеній ихъ корни остаются въ землѣ, разлагаются и оставляютъ здѣсь весь свой азотъ. Но представляетъ ли почва необходимое условіе для развитія микробовъ, или они могутъ жить и въ иной средѣ? Рѣшеніемъ этого вопроса и занялся профессоръ Наббе.

Прежде всего онъ постарался узнать, нельзя ли дѣлать землѣ прививку этихъ микробовъ. Еще въ 1888 году онъ въ первый разъ приготовилъ экстрактъ изъ узловатостей корней и получилъ цѣлую колонію бактерій. Потомъ онъ стерилизовалъ песокъ, подвергая его прокаливанію, и положилъ его въ три сосуда: первый былъ совершенно лишенъ азота, во второй была примѣшана селитра, азотъ которой легко усвояется растеніями, а въ третій онъ влилъ экстрактъ съ бактеріями. Результатъ получился слѣдующій: въ первомъ сосудѣ показавшіеся всходы скоро погибли, во второмъ — стали развиваться нормально, а въ третьемъ—развились поразительно роскошно и быстро.

Съ тѣхъ поръ проф. Наббе много разъ повторялъ свои опыты надъ самыми разнообразными растеніями, и всегда результаты получались такіе же. Такимъ образомъ, вопросъ о возможности прививки азотнотворныхъ микробовъ землѣ былъ рѣшенъ положительно. Оставалось рѣшить другой вопросъ — о возможности прививать ихъ иной средѣ, напримѣръ, водѣ. И этотъ вопросъ теперь разрѣшенъ такъ же блестяще.

Своимъ разводкамъ ризобіоновъ проф. Наббе далъ имя питрагинъ, происходящее отъ древняго названія азота. Онъ сталъ приготовлять для каждаго сорта растеній особые разводки. Въ 1894 году они поступили въ продажу въ маленькихъ пузырькахъ, по цѣнѣ $2^1/_2$ франка за пузырекъ. Послѣдующія 14 лѣтъ показали, что разводки эти чудовищнымъ образомъ повышаютъ урожай на любой почвѣ и даже безъ почвы. Въ каждомъ пузырькѣ содержится студенистая жидкость, на поверхности которой плаваетъ нѣчто въ родѣ сѣрой плѣсени: это и есть колонія микробовъ.

Употребленіе питрагина чрезвычайно просто. Жидкость мѣшаютъ съ сѣменами, прибавляютъ немного земли, высушиваютъ и сѣютъ. Попавъ въ почву (или въ воду), ризобіоны размножаются съ невѣроятною быстротой, выбираютъ изъ воздуха азотъ и передаютъ его корнямъ.

Нужно сказать, однако, что питрагинъ безсиленъ тамъ, гдѣ почвѣ недостаетъ другихъ элементовъ питанія, напримѣръ, фосфорнокислыхъ солей; но проф. Наббе и не задавался чрезмѣрными претензіями: онъ хотѣлъ лишь устранить нужду въ азотѣ и въ этихъ предѣлахъ задачу свою выполнилъ успѣшно.

«*P. Cl.*».

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 9-й.

стр.

Послѣ дождя. Стихотвореніе *Вл. Ленскаго* 219
Стихотвореніе *А. Гангелина* 220
При майскомъ закатѣ. Стихотвореніе *К. М. Фофанова* 220
Въ Дроздовской гимназіи. Разсказъ *С. Качіони* 221
Въ Апрѣлѣ. Стихотвореніе *А. Рославлева* 226
Весеннее. Стихотвореніе *Валентина Кривича* 227
Итта. Разсказъ *Е. Маурина* 228
Изъ Гейне. Стихотвореніе *О. Шпиндлинскаго* 233
Старый плотникъ. Разсказъ *Рейзина* 234
Авраамъ Линкольнъ. (Къ столѣтію со дня рожденія) 236
Старость и молодость. Статья *С. К. Р.* 238
О Щедринѣ. Статья *А. Нелидова* 240
Земледѣліе безъ земли. Научный листокъ 242

Картины:

1. **Католическій монастырь.** Картина **исполненная красками.**
2. **Фактическое доказательство.** Картина *К. Васкеса.*

Приложеніе: Книга 6-я. **Избранные разсказы С. Т. Аксакова.**

Продолжается подписка на журналъ „Пробужденіе“ на 1909-й годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) **6** р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города **7** р., на полгода **4** р., на 3 мѣсяца **2** р., На одинъ мѣсяцъ **58** коп.

Издательница *О. П. Александрова.* Редакторъ *И. В. Корецкій.*

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39, соб. д.

Юмористическіе разсказы

Выпускъ третій.

Шесть выстрѣловъ

(невѣроятное происшествіе).

Я ее ревновалъ, мою молодую жену, мучительно ревновалъ. Какъ это случилось со мной? Кто подалъ мнѣ къ этому поводъ? Какая бѣшеная собака такъ больно укусила мое сердце?

Я ничего не знаю объ этомъ! Рѣшительно ничего!

Меня точно бросили въ костеръ, и я весь будто извивался отъ мукъ. Я хорошо помню только вотъ объ этомъ. И я хорошо помню также, что каждый жестъ, каждое движеніе моей молодой жены казались мнѣ всегда внушающими самыя невѣроятныя подозрѣнія. Каждый ея взоръ, какъ мнѣ казалось, былъ полонъ преступленія и измѣны. Она вся рисовалась мнѣ нарядной, но жестокой змѣей, дышащей отвратительнымъ ядомъ.

Ядомъ! Если бы вы только знали, какъ мученъ этотъ ядъ!

И повторяю, все мнѣ казалось въ ней подозрительнымъ до невѣроятной степени...

Когда она была ласкова со мной, я думалъ:

— Дѣланныя, сударыня, ласки!

Когда она была холодна, я до крови кусалъ себѣ губы.

— А-га, успѣла остыть! Вамъ нужны другія ощущенія, сударыня!

Она смѣялась,—я злился:

— Кто чѣмъ обрадовалъ ее такъ?

Она плакала,—я сходилъ съ ума;

— Тотъ, другой, огорчилъ ее такъ своей холодностью!

Меня укусила собака, меня укусила бѣшеная собака! Моя плоть и мой духъ бѣсновались, и знаете ли вы, что это значитъ: бѣснованіе духа? Бойтесь этого недуга и крѣпче запирайте передъ нимъ ваше сердце. Иначе этотъ недугъ выпьетъ изъ васъ всю вашу кровь и населитъ васъ желаньями, сокрушающими всѣ преграды.

Эй, кто тамъ! Запирайте поскорѣй на замокъ мое сердце, ибо тамъ уже давно живетъ дьяволъ! И когда онъ вырвется оттуда, онъ разгромитъ вся и все, какъ дикій ураганъ! Эй, кто же тамъ! Зачѣмъ вы медлите? Развѣ вы не слышите, что она смѣется вонъ въ той комнатѣ?

Зачѣмъ смѣется? почему? Кто ей позволилъ смѣяться! Ей, этой з-змѣѣ!

Но ничего, ничего, я успокоюсь сейчасъ!

Однажды въ сочельникъ она спросила у меня 15 рублей. Деньги на всѣ расходы были мной уже выданы, и поэтому я спросилъ ее, на что ей нужны еще эти?

Запинаясь она отвѣчала:

— На... на карманные расходы!

Что это еще за карманные расходы!

Есть карманные жулики—это вѣрно!

Она сказала мнѣ это и въ ея глазахъ увидѣлъ ложь. Какъ я только не убилъ ее въ ту минуту! Однако я далъ ей эти деньги на карманныхъ жуликовъ и подумалъ:

— А-га, тебѣ нужны эти деньги, чтобы поѣхать на третій, на четвертый день праздниковъ куда нибудь съ тѣмъ, другимъ! О, какъ вы будете счастливы!

Но какъ вы поплатитесь мнѣ за это послѣ! Всѣ поплатитесь! Всѣ до единаго! И какъ мнѣ поплатится за это весь міръ со всѣми его моралями и заповѣдями!

А-а, какъ я несчастенъ. Какъ жалокъ. Какъ одинокъ. И какъ я люблю ее!

Я пошелъ на службу, натыкаясь на тумбы, какъ пьяный. Какъ медленно пол-

зетъ время тамъ, въ душной канцеляріи. А она? Что-то подѣлываетъ она дома? Смѣется ли? плачетъ ли. О чемъ? А что если подлѣ нея сидитъ *тотъ*? Тотъ, другой, любимый ею!

Я убѣжалъ со службы до срока.

Кто-то крикнулъ мнѣ въ догонку:

— Дуракъ!

Кажется, я сшибъ его съ ногъ, стремительно наткнувшись и не замѣчая ничего и никого.

Что-то подѣлываетъ дома она? Она!

Зачѣмъ въ ней воплотили всю вселенную?

Я вернулся къ себѣ и, не раздѣваясь пошелъ въ спальню жены. Дверь заперта! Я такъ и зналъ! Что это значитъ? Кто смѣлъ?

Я осторожно стукнулъ.

— Это я!

Какою вкрадчивой вырвалась у меня эта фраза. Ужъ не змѣя ли выползла изъ моихъ устъ?

Я услыхалъ сквозь запертую дверь тревожный шопотъ. Жена испуганно шепчетъ горничной:

— Наташа! спрячь его поскорѣе!.. въ гардеробъ! Запри! Ключъ дай мнѣ!.. Какъ бы онъ туда не заглянулъ! Тогда все пропало!

Съ какою испуганной поспѣшностью вырываются изъ ея горла слова!

Я схватился рукою за сердце. Какой водевильный пріемъ прятать любовниковъ въ гардеробъ! Но здѣсь не водевиль сударыня, и не комедія, а драма, жестокая драма! И я вамъ покажу это вотъ сейчасъ же!

Какъ они долго возятся тамъ у гардероба! Но тѣмъ лучше. Я еще поспѣю. Я поспѣшно, но тихо скользнулъ въ кабинетъ и опустилъ въ карманъ моего пальто револьверъ.

О, здѣсь не водевиль, сударыня, и зачѣмъ же вы издѣваетесь надо мною, надъ моимъ сердцемъ, такъ обидно?

Я вновь передъ дверью спальни.

Она еще все заперта.

— Это я; твой Костя! Отопри же скорѣе!

Мнѣ не отворяютъ. И послѣ тихаго и ласковаго вѣтерка разражается шумная буря:

— Отворите же, чортъ васъ возьми!

Ого! Мнѣ отперли. Я—сила; я—ненавижу!

Жена появилась предо мною.

Я ненавижу, я сила, и она чувствуетъ это.

Храпя и задыхаясь, я сказалъ ей:

— Дай мнѣ ключъ отъ гардероба.

Жена и горничная переглянулись.

— Вонъ! отсюда!—бѣшено крикнулъ я на горничную. Та вылетѣла бомбой. Вѣроятно, мое личико было красиво въ ту минуту.

— Дай ключъ отъ гардероба!

Я чувствую, что все мое лицо прыгаетъ. Жена глядитъ въ мои глаза испуганно и съ недоумѣніемъ. Кажется, она не знаетъ, какъ отнестись ей къ моей вспышкѣ: сердито или шутя?

— Дай ключъ!

— Костя, милый... Послушай!

— Ключъ!

Этотъ возгласъ вырывается у меня, какъ ревъ подстрѣленнаго кабана.

— Ключъ! Ключъ!

— Костя, дорогой.. выслушай! Пойми! Боже, онъ ничего не хочетъ понять!

Жена закрываетъ лицо руками.

— Такъ вы не даете? Нѣтъ? Такъ вотъ, смотрите же!

Бацъ! Я выстрѣлилъ въ запертый гардеробъ. Жена вскрикнула:

Костенька!.. Дорогой!.. На-же тебѣ ключъ! вотъ возьми! только пощади его!

Пощадить его, того запертаго? Да ни за что въ мірѣ!

Дьяволъ уже выпрыгнулъ изъ моего сердца. Такъ пусть же погибнетъ все! Бацъ! бацъ! бацъ!

Я начинаю стрѣлять въ гардеробъ, выбирая для цѣли самыя разнообразныя мѣстечки, чтобы тотъ, спрятанный тамъ, не укрылся въ какомъ нибудь уголкѣ. Бацъ! Бацъ!

Шесть выстрѣловъ. Револьверъ пустъ.

Жена бьется въ истерикѣ.

Однако изъ гардероба не слышно ни одного стона, ни одного вопля.

Это запертое животное сумѣло умереть героически. Такъ что-же? Онъ счастливъ былъ! И я охотно помѣнялся бы съ нимъ ролями. Хоть сейчасъ! Хоть сію минуту! Я готовъ!

Я швырнулъ револьверъ на полъ, пошелъ къ Наташѣ и сказалъ ей:

— Позови полицію, змѣя! Я—убійца!

Та дико взвизгнула:

— Ба-а-ры-ня! Бѣдня-я-жечка!

Она думаетъ, что я убилъ также и жену. Пусть ее! Мнѣ безразлично!

Наташа бѣжитъ вонъ изъ квартиры, трясясь всѣмъ тѣломъ. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!

Подлые люди!

Я вернулся къ женѣ; та все еще плачетъ, и ея плечи вздрагиваютъ отъ безпрерывныхъ всхлипываній. Я тронулъ ея плечо.

— Смотрѣла въ гардеробъ?

— Конечно...

— Не утерпѣла? да?—я скривилъ ротъ, какъ самъ сатана.—Ловко отдѣлалъ?

Жена подняла на меня мокрые глаза.

— Звѣрь! злюка! извергъ!—выкрикиваттъ она со слезами въ голосѣ,—въ трехъ мѣстахъ на вылетъ!

— И тебѣ его жалко? Мой голосъ срывается отъ бѣшенства.

— Конечно же!

— Да?

— Еще бы! Губы жены задрожали; она расплакалась снова.—Еще бы! Вѣдь онъ стоитъ—15 рублей,—выговариваетъ она наконецъ.

— Какъ 15 рублей?!

— Конечно! Гдѣ-же ты найдешь дешевле? Я и то торговалась, торговалась... какъ кухарка какая... А ты безстыдникъ!

Я ничего не понимаю и бѣшено топаю ногою о полъ.

— Говори же толкомъ! Кого я убилъ тамъ, въ гардеробѣ?

— Кого? Цилиндръ! Злюка ничтожный! Я купила тебѣ новый... въ подарокъ... Хотѣла, чтобы ты ничего не зналъ... Сюрпризомъ... А ты... ты... На вылетъ! Въ трехъ мѣстахъ! Гадкая злюка!..

Жена плачетъ, припадая головою къ своимъ колѣнямъ. Я вытягиваюсь въ креслѣ «во всю длину», какъ пишутъ въ романахъ.

Въ дверяхъ нашей квартиры сопровождаемая плачущей Наташей, появляется полиція...

Боже, какой позоръ! Какъ я несчастливъ! И какъ я люблю ее, эту женщину...

Ал. Будищевъ.

Издательница О. П. Александрова. Редакторъ Н. В. Корецкій.

АНОНСЪ

Готовится къ выходу въ свѣтъ **ВТОРОЙ ТОМЪ**

РОСКОШНАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ИЗДАНІЯ

для чтенія и декламаціи

РАМПА

Великолѣпный иллюстрированный сборникъ для литературно-вокальныхъ вечеровъ.

Изданіе сборника печатается на дорогой альбомной бумагѣ, и выйдетъ въ свѣтъ въ заграничной обложкѣ съ олеографической картиной, воспроизведенной въ Берлинѣ масляными красками, съ многокрасочными титулами, популярными картинами знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и множествомъ портретовъ извѣстныхъ писателей и артистовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Часть 1-я. РАЗСКАЗЫ ДЛЯ СЦЕНЫ.
Часть 2-я. ДЛЯ ЧТЕНІЯ и ДЕКЛАМАЦІИ. Новыя стихотворенія для дивертисмента.
Часть 3-я. САТИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.
Часть 4-я. ПАРОДІИ.
Часть 5-я. КОМИЧЕСКІЕ ДУЭТЫ и КУПЛЕТЫ.
Часть 6-я. КОМИЧЕСКІЯ и САТИРИЧЕСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.
Часть 7-я. МЕЛОДЕКЛАМАЦІИ. (Съ нотами).
Часть 8-я. ВОДЕВИЛИ.
Часть 9-я. ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.
Часть 10-я. КОМИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ и РАЗСКАЗЫ.

Выйдетъ въ свѣтъ 30-го Іюня 1909 года.

Подписная цѣна 2 рубля. Лица, **получившія 1-й томъ** сборника „**РАМПА**“ и подписчики на журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ платятъ за 2-й томъ только **1** р. **50** к., съ пересылкой.

Высылка подписныхъ денегъ не обязательна.

Редакція проситъ лицъ, желающихъ получить роскошный сборникъ „РАМПА“ по подписной цѣнѣ, заявить о томъ открытымъ письмомъ не позднѣе 30-го Іюня 1909 года. По выходѣ въ свѣтъ всѣмъ лицамъ, приславшимъ заявленіе, изданіе будетъ выслано **съ наложеніемъ платежа.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: СПБ., Подъяческая, 39.

Контора художественныхъ изданій „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

Р. ВАГНЕРЪ.

№ 10. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

Литературно-художественный журналъ.

Къ свѣдѣнію Г.г. подписчиковъ.

Контора журнала «ПРОБУЖДЕНІЕ», не имѣя возможности опредѣлить количество годовыхъ подписчиковъ для того, чтобы приступить **къ скорѣйшему воспроизведенію** главной преміи **„Альбома для фотографическихъ портретовъ“**, находитъ необходимымъ напомнить Г.г. подписчикамъ, пользующимся разсрочкой платежа, **о взносѣ денегъ за второе полугодіе**, которыя **должны быть присланы** въ Редакцію **не позднѣе 25-го Іюня**.

Лицамъ, не уплатившимъ къ этому времени подписную цѣну **полностью**, высылка дальнѣйшихъ №№ **будетъ немедленно прекращена** и позднѣйшія заявленія о желаніи продолжать подписку **приняты не будутъ**, т. к. не поступающій въ розничную продажу журналъ «**ПРОБУЖДЕНІЕ**» и преміи къ нему **будутъ печататься** съ № 13-го въ количествѣ экземпляровъ, **не превышающемъ числа подписчиковъ**, уплатившихъ въ указанный срокъ за весь годъ.

Карлъ Бреннир. ОСТАТКИ БЫЛОГО.

Годъ 4-й. **Пробужденіе** Вып. 10-й.

Биссонъ.

НАСТУПЛЕНІЕ НОЧИ.

Колыбельная пѣсня.

Няня малютку въ зыбкѣ качаетъ,
Грустную пѣсню тихо поетъ:
— Баюшки-баю, спи, сиротинка,
Въ темной могилѣ мама твоя.

Баюшки-баю!.. Былъ онъ прекрасенъ,
Клялся, что любитъ маму твою.
Но измѣнилъ онъ клятвамъ, и мамѣ
Черной измѣной сердце разбилъ.

Долго и горько плакала мама,
Гасла, какъ свѣчка божья она..
Спи, сиротинка. Баюшки-баю!
Въ темной могилѣ мама твоя.

Алыя розы тамъ расцвѣтаютъ
Тамъ,—надъ могилой мамы твоей.
И соловей тамъ въ ночь голубую
Звонкою пѣснѣй плачетъ надъ ней.

Въ комнату смотрятъ тихія звѣзды.
Дышитъ покоемъ свѣтлая ночь.
Няня малютку въ зыбкѣ качаетъ,
Грустную пѣсню тихо поетъ.

Л. Андрусонъ.

* * *

Мнѣ снилась женщина въ цѣпяхъ и оковахъ,
Съ отпечатномъ страданій на блѣдномъ лицѣ,
Съ безнадежностью болью въ глазахъ суровыхъ,
Какъ будто молящихъ о смертномъ концѣ.

Надменно высились угрюмыя стѣны,
И жуткая царила кругомъ тишина.
И хотѣлось ту женщину увезти изъ плѣна—
Туда, гдѣ Солнце. Туда, гдѣ Весна.

Хотѣлось припасть къ ней въ тоскѣ безудержной
И свой головой ей оковы разбить.
Мнѣ снилось—я ей крикнулъ свѣтло и мятежно:
„Ты будешь свободна! Будешь жить. Будешь жить."...

Оедоръ Благовъ.

А. Плюсо. СТАДО ВЪ ГРОЗУ.

ИТТА.

Разсказъ Евгенія Маурина.

(*Окончаніе*).

* * *

На слѣдующее утро я рѣшилъ тщательно разобраться въ самомъ себѣ. Я привыкъ все взвѣшивать, анализировать, учитывать... Нельзя было допустить, чтобы продолжалось дольше такое состояніе...

И я сказалъ себѣ: чего боюсь я, когда избѣгаю Итты? Только того, чтобы животная чувственность не ворвалась бы доминирующимъ мотивомъ въ мою жизнь? Но вѣдь это уже случилось... Все равно—я не способенъ ни о чемъ больше думать, кромѣ ея тѣла, ея ласкъ... Только одно спасеніе: утолить свое влеченіе, въ ласкахъ ея затушить зароненный ею огонь. И пресытившись, уставъ, я найду въ себѣ силы оттолкнуть ее съ своего пути, очистить духъ и отдаться чистымъ помысламъ...

И когда вечеромъ она пришла ко мнѣ, я понялъ, что всѣ два дня только этого и ждалъ, только этого и боялся, только на это и надѣялся...

И когда змѣиное тѣло ея сладострастными кольцами обвило меня, когда явью сталъ сонъ, когда сотни, тысячи, милліарды разъ я умиралъ въ агоніи, чтобы снова возродиться къ новымъ ласкамъ, къ новому безумію блаженства, то на мгновенье неясной зарницей блеснула мысль: развѣ не красота этотъ безгранно-широкій чувственный порывъ? развѣ естественъ тотъ ригоризмъ, съ которыми я давлю въ себѣ полное воспріятіе этой красоты?...

Но встрепенулся разсудокъ, и вспугнутой птичкой скрылась робкая мысль...

Скрылась!... О, зачѣмъ.... зачѣмъ?...

* * *

Итта осталась у меня два дня. Ушла съ счастливой, томной улыбкой... Опять пришла...

И съ тѣхъ поръ она стала часто то появляться, то снова уходить...

Чѣмъ руководствовалась она? Только чутьемъ, безумно тонкимъ, сверхъестественно-обостреннымъ чутьемъ обожествившейся самки... Она скрывалась неизмѣнно въ тотъ моментъ, когда чаша страстей не была еще испита до дна, когда еще плескались въ ней послѣднія струйки желаній... Приникала длительнымъ поцѣлуемъ... на мгновенье прижималась змѣиными извивами тѣла...

— Ты придешь, Итта?

— О да!...

— Когда?

— Развѣ я знаю!...

Томная улыбка... прощальный взглядъ... Сколько нѣги, граціозной томности страстной лѣни... Скрылась!

Но долго еще чувствуешь ее около себя...

* * *

... А я?...

Я былъ счастливъ. Тѣло мое, утомленное безплодными исканіями примиренія идеаловъ съ дѣйствительностью, сочетанія порывовъ духа съ велѣніями плоти, теперь отдыхало въ этомъ мятежѣ страстей. Правда, разумъ не засыпалъ, не поддавался обольщенію. Но онъ говорилъ мнѣ, что единственный путь къ подавленію этого мятежа—это утоленіе... И когда наступитъ пресыщеніе—оно принесетъ съ собою и освобожденіе...

И я внимательно, строго слѣдилъ за собой. Пыталъ каждый свой порывъ, каждую мысль, расчленялъ почти анатомическимъ ножемъ анализа каждое желаніе... Но пресыщенія не было—слишкомъ чутка, слишкомъ полна чувства красоты была Итта, чтобы допустить пресыщеніе, пока... пока это было въ ея власти...

И если голова моя мечтала о чистой дѣвушкѣ, полной духовной красоты, запросовъ, жизненныхъ интересовъ, то тѣло каждой фиброй своей, малѣйшей порой тянулось къ ласкамъ Итты...

Тогда я казался себѣ очень чистымъ, не такимъ развратнымъ, грубымъ, животнымъ, какъ всѣ... А теперь...

О какимъ бездарнымъ, сухимъ, узкимъ, пошлымъ представляется мнѣ теперь мой собственный образъ того времени!..

* * *

Полу-Мессалина, полу-Мадонна...

Безгранично развратная, безгранично цѣломудренная... Безконечно влюбленная въ свое тѣло, безконечно стыдливая, скромная... Властная и покорная... И вся пронизанная широкой, побѣдной красотой...

Все, что не красота, то причиняло ей физическое страданіе... Ласки, слова, движенія, мысли—все облечено было въ стройную гармонію прекраснаго...

— Какой ты не чуткій!—это было частой фразой въ ея устахъ. Но развѣ можно было сравниться съ ней въ чуткости?!

Когда, отдыхая отъ ласкъ, мы говорили съ нею о чемъ нибудь, обѣдали, сидѣли за утреннимъ завтракомъ—она не позволяла себѣ ни малѣйшаго нескромнаго намека, ни малѣйшей небрежности туалета. Однажды—незастегнутая пуговка пеньюара заставила ее густо покраснѣть...

Она вдругъ подняла глаза, встрѣтилась съ моимъ взглядомъ, тревожно осмотрѣлась, словно проснувшись, покраснѣла, схватила платокъ и закуталась до подбородка... Сѣла въ уголокъ, съежилась и прошептала усталымъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Любовь – священнодѣйствіе... Тѣло — его алтарь... Когда возносятся моленія, когда ароматъ курильницъ струится къ небу, когда въ вдохновенномъ экстазѣ жрецы простираютъ руки — тогда пусть отдернется завѣса, и обвѣянный божественнымъ сіяніемъ пусть предстанетъ алтарь, готовый къ воспріятію жертвоприношенія. Но что останется отъ алтаря, отъ его боговдохновеннаго величія, если его вынести на улицу, открыть взорамъ спокойной, равнодушной толпы? Грубо размалеванный ящикъ... нелѣпый сундукъ... Другъ мой сундуки — тамъ — она плавнымъ движеніемъ руки повела въ сторону города, словно указывая на всѣхъ женщинъ.

Вотъ какое кружево плела эта женщина изъ нашихъ отношеній... Вотъ какой красотой обвѣвала она ихъ...

* * *

Я помню, какъ однажды мы говорили о любви.

Она лежала на мѣховомъ коврѣ, купаясь въ лунныхъ лучахъ. Съ тихой нѣжностью я прильнулъ къ ея плечу... И думалъ о томъ, что пора кончить съ этими туманящими, узко-чувственными ласками... Она обняла меня рукой и спросила:

— Ты любишь меня?

— Итта, не спрашивай...

— Немножечко?... Капельку?...

— Нѣтъ, Итта, нѣтъ... Это не любовь... Любовь выше, чище, святѣе... А то, что влечетъ меня къ тебѣ — это... это болѣе грубое... животное... Мнѣ очень больно огорчать тебя, но я долженъ говорить правду: я не люблю тебя...

— Говорить правду! — она усмѣхнулась — почему долженъ? Развѣ красивая ложь не лучше уродливой правды? Милый, это узко... Да и не въ томъ дѣло: ты просто ошибаешься... Ты любишь, любишь, любишь меня!

— Итта, не обольщайся...

— Почему? Глупенькій, вѣдь мечта всегда прекраснѣе дѣйствительности...

— О, нѣтъ, Итта, о нѣтъ! Только истина, только правда, только дѣйствительность! Все, что не истина...

Какъ это часто бывало, когда я начиналъ говорить на чуждомъ ей языкѣ, она мягко, необидно перебила меня:

— Ты можешь сказать мнѣ, что такое любовь?...

— Любовь? Это когда... два человѣка... сливаются въ одну душу... Когда...

Она положила мнѣ на плечо руку.

— Молчи. Ты не скажешь. А я скажу тебѣ... Можетъ быть неясно, не точно... Но вѣдь любовь — это что-то очень большое, и очень маленькое... Ее не охватишь такъ. Но я скажу вѣрнѣе тебя...

На мгновенье задумалась уставилась, въ незримую даль и сказала:

— Любовь — это когда люди забываютъ, что у нихъ есть душа... Любовь — это порывъ, который все оправдываетъ, все очищаетъ... Самое гнусное преступленіе, сдѣланное во имя, ради любви — становится геройствомъ... Вотъ что такое любовь...

— Любовь — это смерть и воскресеніе, любовь — неутолимая жажда... Когда два тѣла становятся однимъ, когда общее желаніе, общая страсть, общее чувство одухотворяетъ ихъ — это любовь! Любовь — когда подъ ноги обладанія кидается все и всѣ... Любовь — это священнодѣйствіе, и алтарь его — тѣло...

— Мужчины и женщины любятъ неодинаково... Настоящая женщина — я — всегда готова для любимаго... Вся наша жизнь въ любви — порывъ, ширь, красота... Мужчины-же, какъ и ты — вы любите только моментами... И когда я говорю тебѣ: «ты любишь меня» я хочу сказать: «у тебя бываютъ моменты, когда ты безгранично мой». Сейчасъ ты ласкаешь меня — это нѣжность, это дань красотѣ моего тѣла, но это еще не любовь... Но недавно еще ты любилъ меня! О, какъ любилъ! О какъ любилъ ты меня!..

— Итта! даже вскочилъ я отъ негодованія. — Итта, одумайся, что ты говоришь! Грубый животный актъ ты называешь любовью!...

— Если онъ грубъ — это уже не любовь... Любовь — это красота... Любовь — это мощь... И когда это только простой актъ, когда два человѣка не умираютъ въ объятіяхъ другъ друга — это не любовь...

Такъ говорила Итта, такъ понимала она любовь, такъ она—любила меня...

Но для моей чистоты это было чуждо, непонятно...

О, сколько грубой пошлости въ чистотѣ!..

* * *

Меня часто оскорбляло въ Иттѣ то, что теперь представляется ея громаднымъ достоинствомъ: она была вся женщиной, совершенно, исключительно...

Правдивая, честная, въ мелочахъ она лгала.

Однажды я спросилъ ее, сколько ей лѣтъ.

— А какъ ты думаешь? улыбнулась она.

— Не знаю... двадцать семь, двадцать шесть...

— О, какъ ты меня старишь, капризно надула она губки. Мнѣ столько нѣтъ...

— А сколько?

— Это важно? имѣетъ значеніе?

— О, нѣтъ... Просто такъ...

— Мнѣ двадцать два... Не похоже?

— Ну почему же... Вы—восточныя женщины, всегда раньше созрѣваете...

Потомъ, изъ случайныхъ сопоставленій стало ясно, что ей не можетъ быть меньше двадцати семи. Помню, какое брезгливое чувство охватило меня при этомъ открытіи... Самка!, презрительно кинулъ я ей про себя...

А теперь мнѣ думается: развѣ не была она права, когда хотѣла скрыть свои года? Вѣдь она меня любила, хотѣла нравиться мнѣ... И разъ я спрашиваю о годахъ—значитъ придаю имъ значеніе...

Но какая узость въ этомъ... Развѣ у женщины можетъ быть возрастъ? Когда у ней появляется онъ, то она либо еще не стала женщиной, либо перестала ею быть...

Но это я говорю теперь... А вѣдь теперь я не нахожу уже необходимымъ имѣть «міровоззрѣніе»...

* * *

Итта любила стихи, умѣла читать ихъ... О, какъ она ихъ читала! Никогда не приходилось мнѣ больше слышать такого чтенія!..

Но только поэты пламенной любви, тонкихъ чувствъ и личныхъ настроеній были близки и понятны ей. Чистая лирика была ей скучна. Гражданская поэзія оскорбляла...

Я какъ сейчасъ помню нѣкоторыя интонаціи ея голоса... Какъ она читала: Я ее побѣдилъ, роковую любовь»!.. А Мережковскаго—«Пойми же наконецъ, пойми— я не хочу»... Дрожь брала!.. Мысли путались...

— Итта, сказалъ я ей однажды, тебѣ бы на сцену пойти! Какой талантъ гибнетъ въ тебѣ!..

Она посмотрѣла на меня любовно, мягко:

— Я была .. Но какъ некрасиво, какъ узко быть на сценѣ... Тамъ нѣтъ мѣста своему «я»... А что такое Итта безъ ея «я»?..

А Леда Мережковскаго... Десятки разъ читала она мнѣ ее, прекрасная, залитая зеленоватыми потоками луннаго свѣта... И никогда не было для меня довольно...

Какъ она начинала: «Я Леда, я—бѣлая Леда, я—мать красоты»...

Какъ извивалась она, когда читала про муки алчущей страсти Леды: «Вся преступная, вся обнаженная»...

Но вотъ и лебедь... Вакхическимъ ураганомъ подхватываетъ Итту-Леду...

...«Вотъ и лебедь ослѣпительный, бѣлый лебедь—мой супругъ»!..

Хрипъ агоніи... «Это смерть, но не боюсь»!..

...Нѣтъ... Не могу... Это выше моихъ силъ..

* * *

Если бы не помощникъ, мои офиціальныя дѣла пришли бы въ совершенный упадокъ. Я на скорую руку подписывалъ бумаги, разсѣянно выслушивалъ доклады о событіяхъ дня и старался скорѣе забыть про все это... Я или былъ съ Иттой, или думалъ про нее...

И когда я приходилъ въ канцелярію, то взгляды всѣхъ барышень съ боязливымъ любопытствомъ устремлялись ко мнѣ, а помощникъ старался глядѣть куда то вбокъ, чтобы не доказать виду, что онъ замѣчаетъ, какъ осунулся, извелся я, какимъ лихорадочнымъ блескомъ горятъ мои глаза, какъ трясутся руки и подергивается голова... Я оживалъ только съ Иттой; когда она входила ко мнѣ, я забывалъ про свои муки, рѣшеніе разстаться съ нею, скорбь по утраченной ясности, чистотѣ... И, проклиная ее пилъ сладкій ядъ ея объятій...

Тогда я думалъ, что это ея любовь изнуряетъ меня... О, нѣтъ! Только вѣчный анализъ, вѣчныя угрызенія совѣсти сжигали меня... И если бы я отнесся къ этой исторіи проще, естественнѣе... о, скольких несчастій я вообще избѣжалъ бы тогда!..

Дѣла не пришли въ совершенный упадокъ, но отсутствіе моего вліянія на ихъ ходъ стало замѣтно. У помощника не было той широты, того полета, которымъ отличалось мое веденіе ихъ. И въ правленіи что-то пронюхали. Въ письмахъ стали появляться туманные намеки... Пора было одуматься... Мнѣ не очень страшно было за свое положеніе, мной дорожили и простили бы временный туманъ, да и собственное состояніе не заставляло дрожать за свою судьбу... Но самолюбіе не мирилось съ тѣмъ, что эгоистическая страстишка, чувственное увлеченіе могутъ сбить съ пути меня—такого твердаго, сильнаго... И однажды я рѣшилъ сдѣлать надъ собой пробу. Я назначилъ себѣ дѣловую поѣздку... Тамъ, на пароходѣ, въ чужихъ городкахъ я не смогу увидѣть Итту, сползетъ съ меня этотъ гипнозъ, я отдохну, очищусь... И пріѣду сильнымъ, спокойнымъ, твердымъ ..

Наканунѣ я сказалъ ей:

— Простимся сегодня, Итта, завтра утромъ я ѣду...

— Надолго?

— На недѣлю, на десять дней...

— Куда?

Я назвалъ города. Она обняла меня, крѣпко поцѣловала и молча ушла. Я остался въ полнѣйшемъ недоумѣніи... Я ждалъ чего-то другого... Смутная тревога не дала мнѣ заснуть въ эту ночь.

* * *

Не сомкнувъ глазъ, я поѣхалъ на слѣдующее утро на пристань... Торопился со сборами, торопилъ извозчика... Куда?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь времени еще много, каюта заказана?..

Но меня сжигало нетерпѣніе, смутная надежда, неясныя опасенія. И я самъ боялся отдать себѣ ясный отчетъ въ нихъ...

На пристани ко мнѣ подошла Итта. Она была въ изящномъ дорожномъ костюмѣ, въ рукахъ ея былъ саквояжъ желтой кожи.

— Итта!—кинулся я къ ней навстрѣчу,—ты... пришла меня... проводить?

— Нѣтъ,—просто отвѣчала она,—я ѣду съ тобой.

Молча взялъ я у ней изъ рукъ саквояжъ и повелъ въ каюту. Тамъ я схватилъ ее въ объятія и цѣловалъ... цѣловалъ... цѣловалъ... Теперь я опять, какъ когда то, понялъ, чего ждалъ, чего боялся, на что надѣялся...

* * *

Это была поѣздка на пароходѣ въ обществѣ интересной дамы? Нѣтъ... это было вакхическое безуміе, это былъ истерическій припадокъ, кошмаръ маньяка—что угодно, но не поѣздка... О, до какихъ безграничныхъ вершинъ самоотреченности можетъ дойти дѣйствительно любящая женщина!..

И себя я не узналъ.. Итта сказала мнѣ когда-то, что мы, мужчины, можемъ любить только моментами... Теперь этотъ моментъ продолжался цѣлыхъ двѣ недѣли... Я любилъ ее, любилъ безгранично, безъ размышленій, безъ копаній въ себѣ, безъ яснаго представленія дѣйствительности...

На дѣла свои я махнулъ рукой... Кое-что случайно сдѣлалъ, попалось даже случайно одно блестящее дѣло... Но это было именно «случайно», безъ участія активной воли, сознанія... Да и тонуло въ общей массѣ того, что нужно было сдѣлать вообще.

Однажды, доставая что-то, я наткнулся на офиціальные бланки для отчетовъ о поѣздкахъ... Обнявъ Итту, я сказалъ ей жалобно-беззаботнымъ голосомъ:

— Ну, что я имъ могу написать?! Кого я видѣлъ?—Итту... Что дѣлалъ?—любилъ Итту... Но я боюсь, что имъ этого будетъ недостаточно...

Она прильнула ко мнѣ и вдругъ вздрогнула, поблѣднѣла слегка, отодвинулась... Весь вечеръ она была задумчива, грустна, вяло отвѣчала на мои ласки... словно уклонялась отъ нихъ... Но теперь уже я захватилъ ее, я заставилъ ее забыть свою тревогу, свою грусть, и скоро мы опять позабыли весь міръ.

* * *

Я не могъ бы теперь вспомнить деталей нашего путешествія. Все, что было до этого, все, что случилось потомъ—отчетливо-ясно запечатлѣлось у меня въ памяти... Но эти двѣ недѣли были какимъ-то бредомъ, кошмаромъ...

Только одинъ разговоръ запомнился мнѣ.

— Итта, сказалъ я, я никогда не вѣрилъ до сихъ поръ, чтобы можно было полюбить, увлечься съ перваго раза, съ одного взгляда... Я думалъ, что это бываетъ только въ романахъ, да и то плохихъ... А ты... Какъ могло это случиться... тогда... у Пети?

— У меня всегда такъ... Я вся во власти своихъ порывовъ. Только они и цѣнны мнѣ...

— Да, но почему именно я? Вѣдь Петя красивѣе меня, а ты такая поклонница формы...

— Для меня красота не въ лицѣ, не въ сложеньи, а въ цѣломъ образѣ... Милый, какъ можешь ты сравнивать себя съ Петей?! У него красивое лицо? Можетъ быть... Но онъ мелокъ, узокъ...

— Но вѣдь ты все-таки любила же его!

— Любила?.. Не знаю... Онъ красиво подошелъ ко мнѣ, увлекъ меня... Но съ каждымъ днемъ я все больше и больше чувствовала, что скоро, очень скоро уйду отъ него...

* * *

Былъ предзакатный лѣтній часъ... Съ неумолимой неотвратимостью бѣжалъ пароходъ къ пристани... И каждая верста, приближавшая меня къ городу, приносила какое-то странное облегченіе... И вдругъ... сразу... безпричинно... я—понялъ:

Послѣднія струйки желаній выпиты... Чаша пуста ..

Молча собрали мы свои вещи, молча пообѣдали... не въ каютѣ, какъ обыкновенно, а на палубѣ... Вернулись въ каюту... Молчали... долго... томительно...

Пароходъ засвистѣлъ на поворотѣ... Еще десять минутъ!..

Я взглянулъ на нее: грустная, блѣдная сидѣла гордая Итта въ уголкѣ дивана. Блѣдныя, красивыя руки безсильно свѣсились на колѣни... Гдѣ то близко отъ вѣкъ дрожали слезы...

Я подошелъ къ ней:

— Итта, сказалъ я, намъ нужно. .

Она вскочила, испуганная, трепещущая, зажала мнѣ рукой ротъ и задыхаясь прошептала:

— Молчи!.. Умоляю—молчи!.. Я боюсь того, что ты скажешь... Все равно—это придетъ... Но... не сейчасъ... Молчи... Умоляю...

И я видѣлъ что вся она трясется отъ безслезныхъ рыданій...

На пристани мы разстались... Твердымъ, плавнымъ шагомъ она пошла съ своимъ желтымъ саквояжемъ... Я замѣшкался... Потомъ вдругъ кинулся за ней, окликнулъ ее... Она обернулась... радостно, испуганно...

— Итта, задыхаясь говорилъ я, Итта... я... я... хотѣлъ сказать... спросить...

Она ждала... Самъ не зная, что я говорю, я докончилъ:

— ...Спросить... есть ли у тебя... мелочь на извозчика?..

Онн отвернулась и пошла дальше. Я видѣлъ, какъ она взяла извозчика, сѣла, уѣхала, не обернувшись... Исчезла...

Я почувствовалъ тревогу и облегченіе...

* * *

Дома я прямо отправился въ кровать... Но какую муку несла мнѣ эта одинокая темнота...

Я чувствовалъ себя усталымъ, только сна и хотѣлось мнѣ... И я ясно зналъ, что не засну, не могу заснуть...

Я послалъ Степана съ записочкой къ знакомому аптекарю—черезъ полчаса мнѣ принесли двѣ бѣленькихъ облатки... Я проглотилъ ихъ обѣ сразу... И больше ничего не помнилъ, не сознавалъ...

* * *

Было десять часовъ вечера, когда я легъ; было двѣнадцать часовъ дня, когда я проснулся...

Помню—первымъ сознательнымъ ощущеніемъ было радостное чувство быть дома, въ своей спальной, въ своей кровати... Потомъ явилось ощущеніе силы, отдыха, бодрости... Сначала въ головѣ немного шумѣло... Потомъ—все стало понемногу укладываться, проясняться, принимать стройныя очертанія.

Я вспомнилъ про свою неудачную, столь недѣловую поѣздку, обдумалъ, какъ ее исправить, тутъ же набросалъ планъ телеграммы правленію, обдумалъ ближайшую поѣздку... И только потомъ вспомнилъ объ Иттѣ... Но какъ!.. Какъ о чемъ то уже минувшемъ, бывшемъ... Какъ о снѣ, о которомъ не можешь рѣшить, былъ ли онъ радостенъ или тяжелъ....

И спокойно, холодно я думалъ:

Да, Итта женщина рѣдкая.. Но для меня она не подходитъ. Онъ вызываетъ слишкомъ сильную бурю чувствъ... Я не могу жить чувствами... чувственностью... Меня это грязнитъ, унижаетъ въ собственныхъ глазахъ...

И потомъ—все это мальчишество... Эта кошмарная поѣздка!.. Удастся ли исправить въ глазахъ правленія всю эту неудачную экспаду?.. Положимъ—да. Но рисковать изъ-за женщины положеніемъ! Да вѣдь просто нечестно, наконецъ, получать жало-

Ванъ Гутенъ. ЛАНДШАФТЪ (ГЕЛЬДРІЯ).

ванье и такъ запускать дѣла... Нѣтъ, нѣтъ—это вопросъ конченный... Я распустился за это время... Но бредъ кончился—пора проснуться...

И какъ будто бы все, что было, и на самомъ дѣлѣ происходило во снѣ, я всталъ спокойный, бодрый, дѣловитый... И пройдя энергичнымъ шагомъ свою половину, вышелъ въ контору, распахнулъ двери кабинета, спокойно и властно поздоровался съ подчиненными и съ холодной, корректной строгостью принялся за работу дня.

Я видѣлъ удивленіе, даже растерянность: меня не ожидали встрѣтить такимъ, какимъ я давно уже не былъ. Но я рѣшилъ всѣхъ ихъ сразу подтянуть и подобрать—за время моего безумія всѣ они распустились. И я принялъ отъ помощника отчетъ, сдѣлалъ ему нѣсколько сухихъ замѣчаній, далъ гонку счетоводу за маленькій безпорядокъ въ книгахъ, распушилъ двухъ барышень, такъ что у нихъ даже слезы на глазахъ выступили—и все это холодно, спокойно, корректно, властно... Въ душѣ моей ликовало: я былъ прежнимъ.

Сдѣлалъ нѣсколько дѣловыхъ визитовъ, былъ на биржѣ, обѣдалъ въ клубѣ среди нѣсколькихъ пріятелей, которыхъ давно не видалъ, вечеромъ написалъ для Итты записочку и велѣлъ Степану отдать ей, если придетъ.

Не помню теперь, что именно я писалъ ей... Помню только, что тонъ былъ ласковый, спокойный, рѣшительный... Я настаивалъ на томъ, что больше намъ видѣться не надо.

А на слѣдующій день снова уѣхалъ. Былъ въ отсутствіи дней пять, сдѣлалъ колоссальныя дѣла, радовался своей свободѣ, ухаживалъ на пароходѣ за попутчицами, былъ веселъ, шутилъ, смѣялся... Точно громадный моральный гнетъ свалился съ души...

Все было кончено—я радъ былъ своей властной силѣ!..

* * *

Дома меня ждала записочка:

«Не буду говорить жалкихъ словъ, не буду упрекать: ты далъ мнѣ столько счастія, сколько могъ. Но зачѣмъ же жестокость? За что? Вѣдь и я не виновата, что ты не можешь больше любить меня...

Ты не смѣешь, не имѣешь права такъ отталкивать меня. Я буду у тебя, я должна тебя видѣть—о, только видѣть! Только! Я не могу такъ сразу вытряхнуть тебя, какъ вытряхиваютъ крошки со скатерти, какъ стряхиваютъ насѣкомое... какъ хочешь стряхнуть съ своей жизни меня ты... Не бойся, я ни о чемъ не буду молить тебя. Конечно? Пусть... Но видѣть тебя—я должна.

* * *

И она пришла, приходила нѣсколько разъ. Она была то грустна, то старалась казаться веселой, то пыталась вернуть меня къ себѣ... Нѣсколько разъ плакала... плакала! гордая Итта!..

Все было напрасно... Все больше и больше тяготила меня эта исторія, я старался не бывать дома, но она меня видимо подстерегала...

Я терялся, не зналъ, какъ мнѣ быть съ ней... Когда я бывалъ съ ней холоденъ, она приходила въ бѣшенство... Стоило мнѣ изъ простого сожалѣнія сказать ей маленькое нѣжное слово, взять за руку—и она вся тянулась ко мнѣ, съ надеждой съ радостью...

Разъ она не вытерпѣла и кинулась цѣловать меня... Я брезгливо оттолкнулъ ее, пригрозилъ, что не пущу ее больше къ себѣ.

— Тогда... тогда... я... убью себя у твоего порога! Ты этого хочешь?..

И я понялъ, что дѣло идетъ къ страшной развязкѣ... Что нибудь должно было случиться... И чуть-чуть не случилось...

* * *

Я смотрю на бѣлый рубецъ у сгиба правой руки, и вся сцена какъ живая встаетъ въ моей памяти...

Бурная, нелѣпая сцена, полная упрековъ, обвиненій и моихъ холодныхъ, пренебрежительныхъ насмѣшекъ... Она все блѣднѣетъ... блѣднѣетъ...

«Ахъ такъ?!!»—хриплымъ комкомъ вырывается у ней...

Одна рука сильнымъ, быстрымъ движеніемъ загибаетъ мнѣ голову, въ другой сверкаетъ маленькій, острый кинжалъ... Инстинктивно поднимаю я правую руку... Кинжалъ скользитъ по сгибу кисти... Лѣвой рукой я вырываю кинжалъ, отбрасываю ее

отъ себя... Она отлетаетъ къ окну... Стоитъ тамъ испуганная, растерянная, точно проснувшаяся... Видно, что она не понимаетъ, какъ могла рѣшиться на это...

Я сажусь въ кресло, стараюсь унять платкомъ кровь — но такъ и выбиваетъ изъ-подъ бѣлаго полотна черновато-красный потокъ... Я начинаю иронизировать:

— Надѣюсь — отравленъ? Нѣтъ? Что же это вы! Во всѣхъ бульварныхъ романахъ такъ дѣлается... Эхъ вы! Поклонница красоты! Формы! Какая пошлость!

Она вся сгибается подъ моими холодными, небрежными словами... Медленнымъ, невѣрнымъ шагомъ отходитъ отъ окна, беретъ со стола сумочку, ищетъ тамъ чего то...

— У васъ тамъ можетъ быть еще и револьверчикъ приготовленъ?—продолжаю я. Не стѣсняйтесь, будьте какъ дома...

Она ничего не отвѣчаетъ, только смотритъ на меня... И отъ этого безжизненно-грустнаго взгляда слова застрѣваютъ у меня въ горлѣ.

Она достаетъ маленькій, чистый платочекъ, подходитъ къ мнѣ, беретъ раненную руку, отдергиваетъ мой платокъ, прикладываетъ свой, переворачиваетъ его, снова прикладываетъ... Подноситъ его, весь окровавленный, къ губамъ... цѣлуетъ...

— Прости! шепчетъ она, и уходитъ...

... И вспоминая теперь ея прощальный взглядъ, я беру свою правую руку, цѣлую бѣленькій рубецъ и шепчу:

— Итта! Прости меня!.. Итта!.. Итта!!!

* * *

Я увидѣлся съ нею только осенью, въ большомъ кабинетѣ ресторана, въ который попалъ совершенно случайно. Она не особенно перемѣнилась — только теперь во взглядѣ ея, въ манерахъ, въ безстыдномъ смѣхѣ появилось что то чужое мнѣ, кокоточное... Поздоровалась со мной она небрежно, безразлично... И сейчасъ же опять повернулась къ своему сосѣду — пріѣзжему московскому купцу, статному плечистому человѣку лѣтъ пятидесяти, очень красивому, крѣпкому и интеллигентному. Я сталъ искоса наблюдать за ними—она третировала его такъ, что мнѣ неловко было слушать... Нѣсколько разъ она встрѣчалась со мной глазами, каждый разъ досадливо отворачивалась, принималась еще наглѣе смѣяться, еще циничнѣе пить... Наконецъ не выдержала, встала, подозвала меня къ себѣ и, не обращая ни на кого вниманія, вышла со мной въ коридоръ.

— Вы не сердитесь на меня? тихо спросила она.

— Что же сердиться, Итта, спокойно отвѣтилъ я. Мы вели опасную игру...

— О, только не игру, перебила она меня, только не игру... У меня къ вамъ очень большая просьба... двѣ... Если не сердитесь, исполните ихъ...

— Пожалуйста... если могу...

— Милый, уйдите отсюда! Сейчасъ же, не прощаясь! Мнѣ хочется, чтобы въ вашей душѣ остался бы образъ прежней Итты, не теперешней...

— Итта, почему ты стала такой? спросилъ я ее, взявъ за руку. На мгновеніе она стала мнѣ странно-близкой...

— Я уже не могу быть иной, милый. Всю себя я отдала тебѣ... Ахъ, да что про это говорить... Теперь вторая просьба: милый, позволь мнѣ послѣдній разъ придти къ тебѣ.

— Итта, нужно ли это?

— Больше, чѣмъ нужно... Умоляю! Я не буду непріятной, навязчивой... Нѣтъ... Безъ отравленнаго кинжала и револьверчика! грустно усмѣхнулась она.

— Я буду очень радъ увидать тебя, Итта. Такъ завтра—къ ужину!

И я ушелъ...

* * *

Мы очень мирно, очень пріятно поужинали, говорили о разныхъ безразличныхъ вещахъ, и только когда Степанъ подалъ кофе и ликеры, она заговорила о цѣли своего прихода.

— Милый, сказала она, скажи мнѣ въ послѣдній разъ, что ты меня не хочешь полюбить...

Я взялъ ея руку и поцѣловалъ:

— Не не хочу, дорогая, а не могу... Я глубоко благодаренъ тебѣ за тѣ чудные часы...

— Милый, не надо фразъ!..

— Это не фраза, я съ благодарностью вспоминаю прошлое... Но, видишь ли ты, мы съ тобой расходимся во многомъ... Для меня любовь не означаетъ вакхической страсти... Я не могу жить одной чувственностью, она меня грязнитъ, утомляетъ...

— Пойми, что ты ошибаешься, что ты не знаешь себя, не понимаешь своего сердца...

— Итта!

— Да я не принимаюсь за старое, милый. Я просто хочу все сдѣлать, что могу. Вѣдь пойми—сегодня послѣдній вечеръ...

— Почему?

— Потому что завтра я должна дать окончательный отвѣтъ этому купцу. Онъ беретъ меня на содержаніе...

— Итта! Ты... ты...

— Да, я иду на это. Но что же дѣлать? Послѣ тебя я никого больше любить не могу... Ты взялъ меня всю, безъ остатка... Повѣрь мнѣ, милый... Такъ что-же мнѣ остается? Убить себя? И пойми, почему я завела объ этомъ рѣчь: вѣдь я всѣмъ своимъ существомъ ясно чувствую, что ты все таки любишь меня, только не сознаешь этого... Твоя любовь подавлена чѣмъ то другимъ внѣшнимъ... Это слетитъ... Какъ ты будешь мучиться тогда! О, меня ты не забудешь никогда.....

Я молчалъ... Тогда я не понималъ еще, какъ безумно права была она...

Она встала, ласково, тихо прильнула ко мнѣ, поцѣловала меня въ губы... Я обнялъ ее и приласкалъ, какъ сестру...

— Прощай, мой единственный! грустно сказала она и пошла.

У дверей она обернулась:

— Скажи... у тебя цѣлъ... тотъ... кинжалъ?

— Я могу сейчасъ найти его... Захвати...

— Нѣтъ, не надо. Я хотѣла только просить тебя, не бросай его, оставь его на память о моей любви и... безуміи...

— Но я хотѣлъ бы, чтобы и у тебя было что-нибудь на память обо мнѣ...

— О, у меня есть...

Она растегнула одну пуговку лифа и вытащила маленькій шелковый мѣшечекъ.

— Что это такое, Итта?

— Тутъ? Тутъ платокъ, пропитанный твоей кровью, милый ..

Она ушла...

* * *

Ушла, и словно что-то унесла—все въ моей жизни пошло сумбурнымъ потокомъ...

Сначала двѣ крупныхъ дѣловыхъ неудачи по странной, фатальной, ничѣмъ неоправдываемой разсѣянности... Затѣмъ—скандалъ съ Петей...

Я сидѣлъ въ ресторанѣ съ знакомой дамой. Подходитъ Петя, опирается руками о столъ, покачивается, смотритъ наглыми глазами на мою даму... Онъ блѣденъ, исхудалъ, сильно пьянъ...

— Ну, а жидовка-то гдѣ?—вызывающе говоритъ онъ мнѣ...

Я и теперь не могу понять, почему, какъ могъ я измѣнить обычной сдержанности... На пьяную грубость невмѣняемаго человѣка я отвѣтилъ ударомъ по лицу...

О, какъ безконечно пошло разыгралась вся эта исторія!.. Драка... Скандалъ.. Протоколъ....

Исторія попала въ газеты, надѣлала много шума... Черезъ нѣсколько дней изъ Москвы пришла телеграмма: въ ней было мое увольненіе...

* * *

Съ головокружительной быстротой понеслись событія... Короткая, безумная страсть къ холодной, мѣщански-добродѣтельной женщинѣ... Безумныя траты... Бездѣльничество... Попытка поправить дѣла биржевой игрой... Полный крахъ... Отъ когда-то большого состоянія остаются жалкія крохи...

Унизительное исканіе заработка... Служба за гроши... А потомъ добровольныя цѣпи... Тина жалкаго, мѣщанскаго, безкрасочнаго существованія... Привычка къ рюмочкѣ... Согнулся когда то гордый станъ... Властный блескъ глазъ сталъ робкимъ, тусклымъ... Появился заискивающій смѣшокъ...

И все время—этотъ тихій, зловѣщій звонъ заржавленныхъ цѣпей...

* * *

Чѣмъ ниже я падалъ, тѣмъ чаще, ярче, больнѣе вспоминалась мнѣ Итта... Все отчетливѣе и отчетливѣе выростала она около меня, и чѣмъ тусклѣе, слизистѣе становилось настоящее, тѣмъ ярче, красочнѣе вставали въ душѣ ея черты, улыбки, словечки, жесты... И тихой мечтой, нѣжной грезой, пламенной любовницей витаетъ она около меня... Она со мной, я обнимаю ее, она прижимается ко мнѣ всей грудью... какъ цѣловалъ я ее когда-то... какъ цѣлую теперь... А точеныя руки!... Эти мерцающіе страстью глаза...

Около двери слышны шаги... И я вижу, что обнимаю не Итту, а воздухъ...

* * *

Около двери слышны шаги... Дверь скрипитъ отворяется... Входитъ «она»... На ней байковая штопанная нижняя юбка, грязная, незастегнутая ситцевая кофточка стоптанныя туфли на босыхъ ногахъ... Жидкіе волосы въ папильоткахъ, а на плоскомъ носу – пенснэ .. Если бы я смѣлъ, я бы сталъ смѣяться...

Она подходитъ ко мнѣ грузно садится на стулъ, начинаетъ что то говорить, скучно трескуче, пошло...

Я дѣлаю видъ, что внимательно слушаю, смотрю на выцвѣтшія обои, на мѣщанскія фотографіи, на «русскую красавицу» съ продырявленнымъ носомъ, что улыбается со стѣны изъ потрескавшейся, почернѣвшей, золоченной рамки... украдкой кидаю трусливый взглядъ на этажерку, гдѣ за старыми газетами притаилась бутылочка... Сейчасъ же спохватываюсь... начинаю въ тактъ кивать головой и изрѣдка вставляю:

— Ну да, дорогая... Ну конечно, дорогая...

А въ груди болѣзненно-страстнымъ воплемъ замеръ жалобный стонъ:

— Итта!... Итта!!.....

Евг. Мауринъ.

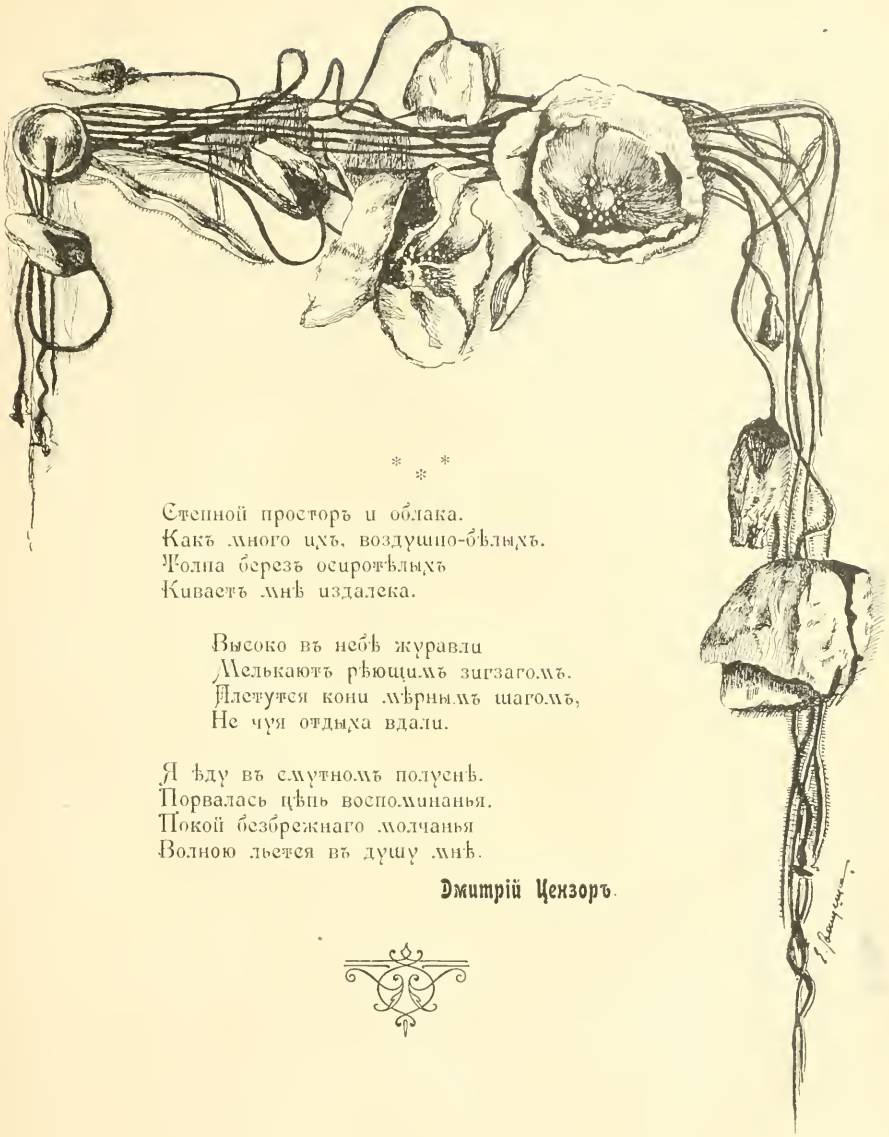
* * *

Я сегодня во снѣ видѣлъ сердце твое
Въ ароматныхъ гирляндахъ цвѣтовъ,
Я сегодня во снѣ видѣлъ сердце твое,
Какъ въ оковахъ изъ розъ и шиповъ.

И на тканяхъ израненыхъ видѣлъ я кровь,
Кровь струилась и слезы текли,
И кровавымъ огнемъ въ немъ пылала любовь,
Какъ пурпурное солнце вдали.

И не могъ я тотъ грозный огонь погасить,
Твое сердце не могъ я спасти.
И пришелъ я къ тебѣ: если въ силахъ простить,
Дорогая! забудь все, прости.

Н. Корецкій



* * *

Степной просторъ и облака.
Какъ много ихъ, воздушно-бѣлыхъ.
Толпа березъ осиротѣлыхъ
Киваетъ мнѣ издалека.

Высоко въ небѣ журавли
Мелькаютъ рѣющимъ зигзагомъ.
Плетутся кони мѣрнымъ шагомъ,
Не чуя отдыха вдали.

Я ѣду въ смутномъ полуснѣ.
Порвалась цѣпь воспоминанья.
Покой безбрежнаго молчанья
Волною льется въ душу мнѣ.

Дмитрій Цензоръ.

У. Чекъ. ПОХИЩЕНІЕ.

МАСКАРАДЪ.

Старый графъ Закржевскій въ послѣднее время утратилъ свое обычное спокойствіе. Какой-то бѣсъ вселился въ него и шепталъ ему въ ухо ужасныя подозрѣнія. Онъ не спускалъ глазъ съ своей молодой жены, и ему казалось, что она на каждомъ шагу обманываетъ его. Все, что только имѣло съ графиней малѣйшее соприкосновеніе, возбуждало въ немъ дикую ревность, и, можетъ быть, не напрасно. Графиня ненавидѣла его, и ея великолѣпные черные глаза, обращаясь къ нему, сверкали огнемъ самой злой, неукротимой ненависти. Она ненавидѣла его за то, что онъ старъ, за то, что онъ купилъ ее у ея обнищавшихъ родителей, за то, что онъ требовалъ у нея любви и слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ. Она часто выѣзжала изъ дому, тайно отъ графа, и онъ былъ увѣренъ, что въ эти часы, гдѣ-то съ кѣмъ-то, она ему измѣняетъ. Казалось, если-бы онъ могъ убѣдиться въ этомъ—онъ бы менѣе мучился. Мучительнѣй всего было подозрѣвать и не знать...

Однажды ночью, обуреваемый своими подозрѣніями, графъ зашелъ въ комнаты жены. Графини нигдѣ не было. Потрясенный ея исчезновеніемъ, онъ бросился въ людскую и разбудилъ кучера.

— Куда возилъ графиню?

— Въ общественное собраніе...

— Что тамъ сегодня?

— Маскарадъ... велѣли пріѣхать за ними въ три часа...

— Запрягай сейчасъ!. Я ѣду туда-же!..

Но безъ маски нельзя было ѣхать. Графиня увидитъ его, и тогда нельзя будетъ ее выслѣдить. Онъ обшарилъ всѣ комнаты. Въ дѣтской нашелъ маленькую тирольскую шапочку съ пѣтушиными перьями и дѣтскую картонную маску: лицо юноши, съ алыми щеками, красными губами и черными, вздернутыми усиками—отчаянно глупая маска!. Надѣвъ то и другое, графъ торопливо вышелъ въ переднюю. Швейцаръ, подавая ему шубу, давился отъ смѣха и кусалъ себѣ губы.

— Его свѣтлость съ ума спятилъ!—проговорилъ онъ, запирая за графомъ дверь...

Маскарадъ въ полномъ разгарѣ. Залъ, освѣщенный тысячью электрическихъ лампъ, сіяетъ. По блестящему паркету скользятъ пестрыя, фантастическія пары. Воздухъ насыщенъ ароматомъ духовъ, запахомъ женскаго тѣла, звуками игривой мазурки.

Здѣсь слишкомъ много движенія. Графъ, увлекаемый толпой масокъ, переходитъ изъ одного конца зала въ другой, заглядываетъ въ лицо каждой маски и съ тоской думаетъ: „Она-ли?.. Кажется, нѣтъ... А, можетъ быть, она“?..

Онъ забился въ уголъ и выглядываетъ изъ-за широкой, зеленой пальмы. На него никто не обращаетъ вниманія, и онъ радъ этому: ему никто не мѣшаетъ искать...

Изъ щелокъ его маски видны его тяжело и подозрительно блуждающіе глаза, полные лихорадочнаго нетерпѣнія и тоски ревности. Вотъ, они заблестѣли, остановились и впились въ женщину, высокую, граціозную маску. Они любуются ею, цѣлуютъ ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сверкаютъ бѣшенной яростью. Они сіяютъ счастьемъ и въ то же время плачутъ отъ внутренной боли...

А стройная, граціозная маска, въ роскошномъ костюмѣ водяной нимфы, блистая прекрасными, обнаженными плечами, сладострастно изгибаетъ тонкій, упругій станъ, переходя изъ однихъ объятій въ другія, весело шебечетъ и такъ много обѣщаетъ и направо и налѣво живой рѣчью, веселымъ смѣхомъ, блескомъ глазъ, сіяющихъ изъ разрѣзовъ бѣлой маски, какъ два маленькихъ черныхъ солнца. Она танцуетъ почти со всѣми, но за ней неотступно ходитъ красавецъ—гвардейскій офицеръ, и въ перерывахъ, среди танцевъ, онъ цѣлуетъ ея руки, и она съ видимымъ удовольствіемъ слушаетъ то, что говоритъ онъ ей; ея глаза ласкаютъ и поощряютъ его...

Дикое, мучительное чувство ревности защемило въ груди графа и отуманило его разсудокъ. Онъ бросился изъ-за своей пальмы, никого не видя, кромѣ этой прекрасной водяной нимфы и гвардейскаго офицера. Расталкивая толпу локтями, онъ уже приближался къ нимъ, но смѣшно качавшіяся надъ его головой пѣтушинныя перья тирольской шапочки привлекли вниманіе цѣлой оравы чертенятъ, которые не могли отказать себѣ въ удовольствіи позабавиться имъ. Они быстро окружили его тѣснымъ кольцомъ, оттѣснили въ самый дальній уголъ и тамъ вихремъ закружились вокругъ него.

Сбитый съ толку неожиданностью такого нападенія, онъ стоялъ въ центрѣ ихъ круга, и фигурка его имѣла жалкій и вмѣстѣ комичный видъ. Глупая, юношеская маска рѣзко не гармонировала съ его сѣдыми волосами. Тамъ, гдѣ кончалась она, видны были морщины—темныя, крупныя, отвисшія печальные спутники безсильной старости. И это странное, нелѣпое сочетаніе молодости и старости въ одномъ лицѣ было безобразно и смѣшно и вселяло въ чертенятъ, танцовавшихъ вокругъ него, неукротимую, шумную веселость. Еще живѣе, еще бѣшеннѣй закружились они, когда онъ сталъ бросаться во всѣ стороны, чтобы прорвать ихъ кругъ. И пѣтушиныя перья, прыгавшія надъ его головой, вызывали гомерическій хохотъ и неодолимое желаніе еще и еще потѣшаться надъ нимъ...

Ему удалось, наконецъ, вырваться изъ круга жестокихъ весельчаковъ. Но водяная нимфа куда-то безслѣдно исчезла. Онъ рыскалъ по всѣмъ заламъ, какъ звѣрь, прошмыгивая между танцующими парами, протискиваясь въ каждую группу масокъ, но нигдѣ ея не было. Измученный, въ конецъ уставшій старикъ, потерявъ надежду найти ее, уже хотѣлъ ѣхать домой—и вдругъ, увидѣлъ ее.

Она сидѣла въ томъ углу, откуда раньше наблюдалъ онъ за ней, сидѣла одна за пальмой, и когда онъ подошелъ къ ней—устало подняла глаза и встала, чтобы уйти. Онъ схватилъ ее за руку и гнѣвно прошепталъ:

— Поѣдемъ сейчасъ домой...

Она удивленно посмотрѣла на него и выдернула руку.

Ахъ, да! Эта маска, которая закрываетъ его лицо!.. Графиня не узнала его. Онъ уже поднялъ руку, чтобы сорвать эту ужасную, душившую его маску—но сзади него вдругъ зазвенѣли шпоры. Гвардейскій офицеръ взялъ нимфу объ руку, и они тотчасъ же скрылись, смѣшавшись съ толпой.

Графъ метнулся въ ту сторону и побѣжалъ, но толпа чертенятъ снова замѣтила его и помчалась за нимъ. Вотъ, онъ въ раздѣвальной, около водяной нимфы. Онъ настигъ ее и хватаетъ за руку.

— Я—графъ...—шепчетъ онъ ей на ухо...

Она какъ-будто не слышитъ его, съ негодованіемъ отдергиваетъ руку и отвѣчаетъ гнѣвнымъ шепотомъ:

— Отстань, несносная противная маска! Что тебѣ нужно отъ меня!..

И обращается къ офицеру, смѣясь;

— Посмотри, какая глупая маска!..

Офицеръ то же смѣется, беретъ его за руку, отводитъ въ сторону и строго говоритъ ему:

— Не приставай, иначе плохо будетъ...

— Я—мужъ ея!—хочетъ крикнуть старикъ:—я графъ Закржевскій!..

Но языкъ его прилипъ къ небу, и руки не подымаются, чтобъ сорвать маску. Онъ не можетъ это сдѣлать, потому что на него смотритъ цѣлая орава чертенятъ, потому что это опозоритъ его родовитое имя, давъ неистощимую тему для сплетенъ и пересудовъ. И если втайнѣ онъ уже опозоренъ, то пусть хоть онъ одинъ знаетъ это, пусть эта маска, которая душитъ его и жжетъ, какъ огнемъ, его лицо, сохранитъ эту тайну. Пусть смѣются теперь надъ его маской, но лицо его будетъ скрыто отъ насмѣшекъ и издѣвательствъ...

Графъ не замѣтилъ, какъ уѣхала водяная нимфа. Чертенята снова увлекли его въ залъ и тамъ, окруживъ его тѣснымъ кольцомъ, завертѣлись вокругъ него въ бѣшенной пляскѣ. Онъ стоялъ, теребилъ въ рукахъ перчатки, и уже не пытался бѣжать, а только ежился отъ ревматической боли въ спинѣ, горбился и кашлялъ. Его глупая маска смѣялась, а его лицо подъ ней плакало. Всѣ видѣли смѣхъ его маски, и никто не видѣлъ его слезъ. Пѣтушиныя перья смѣшно прыгали надъ его головой — и всѣ смѣялись...

Вернувшись домой, графъ, не снимая маски, прошелъ на половину жены. Она была уже дома и, казалось, глубоко спала, закинувъ голыя руки за голову. Около кровати, на креслахъ, лежало платье, сброшенное ею передъ сномъ. Это было обыкновенное бѣлое бальное платье. Тутъ-же, на столикѣ, лежала черная полумаска. Графъ былъ въ большомъ недоумѣніи. Кто-же та, въ платьѣ водяной нимфы и въ бѣлой маскѣ? Неужели онъ ошибся?..

Графиня во снѣ тихо улыбалась...

Вл. Ленскій.

* * *

Огромная люстра виситъ надъ землей
Съ померкшимъ небеснымъ кадиломъ,
И мутно подъ тонкой дрожащею мглой
Въ краю сердцу путника миломъ.
Какъ будто угроза не дремлющей, злой,
Но все сокрушающей силы
Таится за этой дрожащею мглой
И вѣетъ мнѣ холодъ могилы.
Иду. Ни души. Только жуть съ тишиной—
Сопутники доли унылой—
Идутъ по пятамъ неотступно за мной,
Какъ горе за жизнью постылой.
И кажется мнѣ, что въ избушкѣ сырой,
Прощаясь съ деревнею милой,
И плачетъ, и жалобно стонетъ больной,
Теряя послѣднія силы.

П. Ч—евъ.

В. Дембъ-Бретонъ. МУЧИМЫЯ ТРЕВОГОЙ.

Въ Дроздовской гимназіи.

(Продолженіе).

Въ частной своей жизни Петруха далеко былъ не чуждъ разнымъ общечеловѣческимъ слабостямъ и между прочимъ любилъ «убить муху» и былъ записнымъ картежникомъ-преферансистомъ «по крупной», при чемъ въ проигрышѣ на завтра оказывались, конечно, виновными всѣ тѣ, кого на ихъ несчастіе онъ вызывалъ отвѣчать по преподаваемымъ имъ предметамъ.

Слѣдующими по старшинству фигурами были: около Ѳаворова — преподаватель древнихъ языковъ и преимущественно латинскаго —Нууль, а около Петрухи Скоромникова — разбитый параличемъ словесникъ Дубровъ.

Войцѣхъ Осиповичъ Нууль, нѣмецкій славянинъ или славянскій нѣмецъ, ибо происходилъ отъ помѣси чеха съ нѣмкой и въѣхалъ изъ Австріи въ Россію, призванный въ числѣ другихъ своихъ компатріотовъ по столь удачно подсказанной Катковымъ Толстому мысли — одурманить пылкую русскую молодежь всеотупляющимъ ядомъ классической белиберды, — былъ хотя и ничѣмъ особеннымъ не выдѣлявшимся изъ ряда себѣ подобныхъ классиковъ-чеховъ, но свое педагогическое самолюбіе вѣсилъ даже не пудами, а берковцами, обладалъ безграничнымъ самомнѣніемъ, презиралъ въ душѣ все русское юношество и «благорасполагался» исключительно только къ тѣмъ изъ своихъ учениковъ, которые были способны всегда и непрестанно передъ нимъ унижаться до окончательной потери всякаго человѣческаго достоинства. — Злопамятный и мелочно-мстительный, онъ не прощалъ никогда и никому не только какой нибудь рѣзкости, а тѣмъ болѣе дерзости, но даже и обыкновеннаго, сколько нибудь самостоятельнаго и независимаго тона.

И къ несчастію всѣхъ, такъ или иначе навлекшихъ на себя его неудовольствіе, этотъ строптивый германо чехъ былъ фактически въ совѣтѣ величиною очень большой, такъ какъ почему-то пользовался весьма замѣтнымъ вліяніемъ на совокупную двоеглавую власть гимназіи, т. е. инспектора и директора

По крайней мѣрѣ тотъ-же Евгеній Алексѣевичъ Черноярцевъ, общій другъ гимназистовъ и тайный посредникъ между ними и педагогическимъ совѣтомъ, нерѣдко острилъ на счетъ Нууля такъ:

—«Вотъ удивительный человѣкъ этотъ Войцѣхъ Нууль: въ сущности онъ — нечто

иное, какъ нуль, а у насъ въ гимназіи — руль, ибо часто именно онъ направляетъ по волнамъ нашего вѣчно кипящаго мертвой зыбью со многими подводными камнями и мелями моря всю эту нашу дрянную и по всѣмъ швамъ текущую грузную педагогическую посудину!»

Такъ или иначе, но въ словахъ Черноярцева была большая доля правды, потому что ежегодно изъ-за Нууля вылетала изъ гимназіи пара—другая учениковъ и преимущественно изъ старшихъ классовъ.—«Го-во-рилъ э-тотъ чехъ съ осо-бен-нымъ ак-цен-томъ и съ при-вич-кою ви-го-ва-ри-вать от-чет-ли-во всѣ о-кон-ча-нія» и при этомъ имѣлъ обыкновеніе почти каждую фразу начинать непремѣнно съ союза «и», произносимаго имъ съ нѣкоторымъ визгливымъ выкрикиваньемъ.

Павелъ Павловичъ Дубровъ, въ скороговоркѣ выходившій всегда «Палъ Палычъ», былъ какой-то несуразной полурасхлябанной руиной, которому давно уже надоѣло и опротивѣло не только преподаваніе словесности въ гимназіи, но и рѣшительно все въ мірѣ, начиная отъ собственнаго на половину уже одервенѣвшаго отъ паралича тѣла.

Да онъ, строго говоря, и не «преподавалъ», а только «дотягивалъ» остающіеся ему до полной пенсіи два года службы.

Всегда и всѣмъ недовольный, болѣзненно брюзжащій тяжкодумъ, Палъ Палычъ очень мало говорилъ вообще, а тѣ немногія мысли, которыя ему по неизбѣжной необходимости приходилось выражать въ словахъ, — онъ произносилъ очень тихо, какъ-то въ растяжку и не цѣлыми законченными словами, а скорѣе только корнями, и суффиксами словъ, потому что всѣ рѣшительно окончанія онъ проглатывалъ. Это у него весьма просто и естественно объяснялось двумя причинами: косностью ума и неповоротливостью языка, замѣтно пришибленнаго параличемъ.

Теперь станетъ понятнымъ то поистинѣ трагикомическое положеніе, въ которомъ оказался Палъ Палычъ Дубровъ, обязанный при такихъ своихъ особенностяхъ физическихъ и духовныхъ преподавать... именно словесность, т. е. предметъ, особенно нуждающійся прежде всего и раньше всего если даже не въ бойкомъ, то хоть по крайней мѣрѣ въ достаточно подвижномъ органѣ рѣчи—языкѣ!

И при всемъ этомъ онъ обладалъ еще одною совершенно мало понятной особенностью, какой-то необыкновенной идіосинкразіей боязни всякихъ идей и понятій о единеніи силъ, общеніи, солидарности, о всякаго рода союзахъ и вообще—обо всемъ томъ, что по самому даже отдаленному смыслу напоминало собою сочетаніе лицъ, силъ, капиталовъ, явленій и вообще какихъ-бы то ни было факторовъ въ одно цѣлое для борьбы за существованіе не порознь, a viribus unitis.

Стоило ученику провести на словахъ или въ сочиненіи какой-нибудь намекъ на нѣчто подобное, и въ мало поворотливомъ вообще представленіи Палъ-Палыча моментально-же вставалъ нѣкій грозный призракъ чего-то прямо таки ужаснаго, какого-то страшнаго чудища въ родѣ легендарнаго жупела, и онъ рѣзко обрывалъ зарапортовавшагося окрикомъ, если дѣло происходило на словахъ, при устномъ отвѣтѣ, или-же оскоблялъ и зачеркивалъ красными чернилами злополучную мысль-фразу, если она попадалась въ ученической тетради.

При этомъ онъ никакихъ объясненій не давалъ, а говорилъ, или писалъ всегда со стереотипной точностью буквально одно и то-же: «Большая погрѣшность противъ логическаго смысла. Ваша задача должна быть—стать грамотными, а не мудрствовать витіевато и лукаво». И больше ничего.

Вообще слова «ломка», «логическій смыслъ» и въ особенности слово «погрѣшность» которымъ онъ называлъ всякое уклоненіе отъ обыденной нормы,—напримѣръ,—грамматическую и синтаксическую ошибку, невѣрную мысль и даже букву ять, написанную не обыкновеннымъ общепринятымъ начертаніемъ, а болѣе рѣдкимъ, съ флажкомъ наверху—были самыми употребительными и излюбленными словами его очень не длиннаго и почти исключительно суффиксно-корневого словаря.

Вѣроятно поэтому и мѣстная частная женская гимназія, куда за совершеннымъ недостаткомъ въ городѣ учителей-словесниковъ онъ попалъ въ преподаватели, очень мѣтко охарактеризовала этотъ единственный въ своемъ родѣ педагогическій раритетъ слѣдующимъ четырехстишіемъ:

Нашъ безсловесный учитель словесности
Точно разбитый органъ дребезжитъ;
Труситъ союзовъ и все про «погрѣшности»
Ноетъ, сипитъ, и хрипитъ, и брюзжитъ.

Эти семь фигуръ,—а именно: директора Аггея Дроздова, инспектора Аркадія Ижеесинскаго, законоучителя Саввы Орнаментова и педагоговъ: Ираклія Ѳаворова, Петра Скоромникова, Войцѣха Нууля и Павла Дуброва были всегда главенствующими и наиболѣе типичными въ инквизиторскомъ ареопагѣ, именуемомъ въ уставѣ учебныхъ заведеній педагогическимъ совѣтомъ.

Остальныя—болѣе безцвѣтныя, а потому можетъ быть и менѣе злокачественныя играли въ этомъ балаганѣ законности второстепенныя роли и сами по себѣ (но не въ ареопагѣ, гдѣ они всегда присоединялись къ ядовитымъ) особенной ядовитостью не отличались.

И только двое, на всю гимназію двое, были свѣтлыми точками этого мрачнаго скопища.—Эти двое—учитель физики, Евгеній Алексѣевичъ Черноярцевъ, и учитель чистописанія Наумъ Ивановичъ Сорокинъ —вѣчные заступники и печальники о 446 ученикахъ (не вѣрнѣе-ли мученикахъ?) ввѣреннаго Дроздову учрежденія,—сидѣли обыкновенно рядомъ на самомъ концѣ этого страшнаго стола и оттуда иногда до хрипоты распинались, возражая противъ суровыхъ и грозныхъ резолюцій старшихъ отцовъ-инквизиторовъ.

И нужно отдать имъ справедливость; бывали случаи, когда этимъ двумъ борцамъ за дѣтей и юношей, обыкновенно виноватыхъ только въ томъ, что они, по пути къ свѣту образованія, осмѣлились нарушить покой всѣхъ этихъ господъ инквизиторовъ и поступивши въ гимназію, стать ихъ учениками, да еще, пожалуй, въ томъ, что у каждаго изъ этихъ дѣтей было и сердце, и нервы, и мозги, и голосъ, а въ жилахъ текла не безцвѣтная и холодная жижица, а настоящая молодая и горячая кровь, удавалось, послѣ долгихъ споровъ защитить отъ этой бездушной инквизиціи попавшаго въ ея цѣпкія лапы даже послѣ того, какъ секретаремъ совѣта была уже внесена въ журналъ грозная резолюція о тройкѣ въ поведеніи или, еще хуже, объ изгнаніи его изъ гимназіи.

Въ этомъ году обязанности секретаря педагогическаго совѣта, соединенныя съ нѣкоторой прибавкой къ содержанію, исполнялъ равнодушнѣйшій и безразличнѣйшій ко всему міру и всему въ мірѣ человѣкъ-нейтралитетъ,—Михаилъ Митрофановичъ Барказовъ, учитель латинскаго языка и ариѳметики въ младшихъ классахъ, который любилъ и интересовался въ жизни только однимъ—богемскимъ пивомъ, а ко всему остальному былъ такъ же безгранично равнодушенъ, какъ, напримѣръ, къ состоянію миндалевидныхъ железъ въ горлѣ японскаго микадо.—Этотъ Барказовъ начиналъ свой день съ пива, продолжалъ пивомъ и заканчивалъ пивомъ. Онъ самъ нерѣдко любилъ говорить, что, если бы все выпитое имъ за всю жизнь пиво возможно было собрать и влить въ соотвѣтствующій басейнъ, то въ этомъ басейнѣ могъ-бы свободно помѣститься и не стать на мель любой океанскій пароходъ съ полнымъ грузомъ!

Послѣ этого не должно быть удивительнымъ, что этотъ непочтенный секретарь непочтеннаго совѣта ходилъ всегда въ какомъ-то полуосовѣломъ состояніи и все, что говорилъ, писалъ и дѣлалъ,—онъ говорилъ, писалъ и дѣлалъ совершенно машинально, по привычкѣ, и не отдавая себѣ въ этомъ ни малѣйшаго отчета.—Поэтому онъ могъ-бы совершенно спокойно внести въ графу опредѣленій совѣта все, что угодно,—напримѣръ,—постановленіе о возбужденіи ходатайства передъ Попечителемъ объ увольненіи его самого, Михаила Барказова, въ отставку, или даже о преданіи его-же смертной казни черезъ повѣшенье, и при этомъ ни рука его, ни даже пенснэ, вѣчно торчащее на его носу, не дрогнули-бы ни на секунду! Онъ никогда и ни по какому поводу своего голоса не подавалъ, а при подсчетѣ голосовъ въ рѣдкихъ случаяхъ разногласій между членами ареопага его голосъ tacito consensu присчитывался къ голосамъ въ смыслѣ мнѣнія Аггея Платоновича.

И это вѣроятно былъ самый удобный с е к р е т а р ь, такъ какъ все, что происходило въ совѣтахъ и было занесено имъ въ протоколъ засѣданія, оставалось для него самого глубочайшей тайной, въ полномъ смыслѣ этого слова с е к р е т о м ъ, о которомъ онъ даже, при наличности самой злой воли, никогда-бы не могъ разгласить, или разболтать!

С. Качіони.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

Шопенъ.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

У этого замѣчательнаго человѣка, какъ и у всякаго обыкновеннаго, было дѣтство, юношество, былъ періодъ умственной и духовной зрѣлости, но только никогда не было ни физической, ни душевной старости. Въ музыкѣ Шопенъ родился юношей и умеръ тѣмъ же. Ни одинъ композиторъ не запечатлѣлъ свое творчество такой юношеской свѣжестью, какъ Шопенъ, и зато ни одному изъ композиторовъ не подражали въ свое время и даже теперь съ такой откровенностью, какъ тому же Шопену. Подражателей теперь Бетховену, Моцарту, Мендельсону найдется мало, а если найдутся такіе, то на обложкахъ произведеній ихъ найдутся и соотвѣтствующія обозначенія: «in modo antico» или «classico», но писать à la Шопенъ и теперь для многихъ является желательнымъ и заманчивымъ.

Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, кто какъ пишетъ и кто кому подражаетъ, а въ томъ, что Шопенъ дѣйствительно создалъ цѣлую эпоху того романтическаго направленія, которое и въ настоящее время не утратило ни своего значенія, ни своей жизненности. И въ произведеніяхъ такого рода Шопенъ выразилъ съ удивительною яркостью и силою всѣ свои душевные порывы и волненія такъ могуче, оригинально, глубоко и увлекательно и съ такой силой вдохновенія, какъ только можетъ выразить мечтательная душа геніальнаго художника. Творчество художника обыкновенно тѣсно связано съ его личной жизнью. Естественно, что и въ творчествѣ Шопена отразился его личный характеръ, на складъ котораго, помимо чисто внѣшнихъ условій его жизни, вліяли еще и событія общественнаго и политическаго характера того времени. Послѣднія, пожалуй, всего болѣе отразились на характерѣ всего творчества геніальнаго композитора.

Шопенъ былъ полякъ. Его отецъ, впрочемъ, былъ французъ, переселившійся въ Варшаву какъ разъ въ то время, когда Варшава была ареной бурной политической жизни. Увлеченный общимъ движеніемъ, французъ-полякъ отчаянно дрался въ рядахъ Костюшко за національную независимость. Вскорѣ, однако, изъ солдата онъ превратился въ учителя французскаго языка въ Варшавскомъ лицеѣ.

Къ этому времени относится появленіе на свѣтъ и будущаго автора безсмертныхъ балладъ и полонезовъ. О дѣтствѣ маленькаго Шопена извѣстно только то, что онъ былъ общимъ любимцемъ въ семьѣ, и что при звукахъ музыки громко рыдалъ. Къ 6 лѣтнему мальчику регулярно являлся учитель музыки чехъ, и за годъ успѣлъ развить въ своемъ ученикѣ восторженное преклоненіе передъ Бахомъ. Такимъ образомъ, семилѣтній вундеркиндъ выросъ на Бахѣ, игралъ и понималъ его. Какъ разъ обратно современнымъ вундеркиндамъ, которые сначала «ковыряютъ» Шопена, а потомъ уже иногда съ отвращеніемъ играютъ Баха.

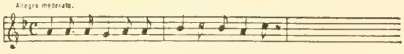
Одновременно съ успѣхами въ фортепіанной игрѣ у 7-лѣтняго Шопена появляются уже и свои польки и мазурки. А въ 14 лѣтъ онъ прошелъ уже полный курсъ контрапункта и теоріи композиціи съ учителемъ Эльснеромъ, который часто игралъ юному Шопену свои сочиненія, написанныя на народныя польскія пѣсни. Пѣсни эти имѣли сильное вліяніе на творчество Шопена. Онъ сталъ прислушиваться и къ звукамъ скрипки, раздававшимся изъ корчмы, и къ звукамъ свирѣли пастуха, и къ пѣснямъ деревенскихъ дѣвушекъ, и впечатлѣнія отъ всѣхъ этихъ пѣсенъ онъ выразилъ прежде всего въ своихъ мазуркахъ. Въ нихъ впервые выразился у Шопена польскій національный духъ и проявились индивидуальныя черты его творчества, съ его характерными пѣвучими, нѣжными, мечтательными мелодіями, полными какой то затаенной тоски и безотчетной грусти. Въ это же время появляются и другія его произведенія: «Рондо», «Полонезъ» и знаменитыя «Варіаціи для фортепіано» съ оркестромъ, я которыхъ Шуманъ восторженно воскликнулъ: «шляпы долой передъ геніемъ»! «Варіаціи» эти написаны на тему изъ «Донъ-Жуана» Моцарта.

Въ какомъ бы порывѣ увлеченія ни

F. Chopin

Lithauisches Lied

Allegro moderato.



было произнесено это восклицаніе, но его оправдалъ вскорѣ Шопенъ не только передъ Шуманомъ, но и передъ всѣмъ свѣтомъ. Талантъ всегда ищетъ простора. Искалъ его и Шопенъ; и не потому только, что Варшава не могла уже болѣе удовлетворять его музыкальнымъ вопросамъ, но и потому, что онъ сознавалъ, какой еще сложный путь предстоитъ ему пройти для своего выясненія и опредѣленія.

Случилось, однако, такъ, что Парижъ навсегда отнялъ у Варшавы Шопена—эту гордость всего польскаго народа. И отнялъ какъ разъ въ то время, когда сердце каждаго поляка горѣло любовью къ своей родинѣ. Шопенъ былъ уже въ Вѣнѣ, по дорогѣ въ Парижъ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Извѣстіе о немъ страшно поразило Шопена: на время въ немъ умеръ пылкій музыкантъ и проснулся горячій патріотъ. Оставаясь въ Вѣнѣ, Шопенъ въ одиночествѣ страдалъ за родину и за родныхъ. И это 8-мѣсячное пребываніе въ Вѣнѣ было неблагопріятно и для его творчества: Шопенъ за это время ничего не написалъ...

По дорогѣ въ Парижъ, въ Штутгартѣ Шопенъ узналъ о взятіи Варшавы. Это извѣстіе какъ будто пробудило въ немъ опять музыканта, и онъ тутъ же написалъ знаменитый свой C-moll-ный этюдъ, который называютъ обыкновенно «революціоннымъ». Онъ производитъ сильное впечатлѣніе. Въ стремительныхъ его пассажахъ слышится какой-то крикъ отчаянія и глубокой тоски... Острое чувство боли подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, вызванныхъ тяжелыми думами объ участи его родины, на время улеглось въ Шопенѣ, какъ только онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Новый міръ, новые горизонты раскрылись передъ нимъ. Завязались знакомства съ поэтами, художниками, литераторами, музыкантами. Не могло, конечно, пройти безслѣдно для Шопена знакомство и соприкосновеніе съ такими именами, какъ Викторъ Гюго, Жоржъ-Зандъ, Мейерберъ, Россини, Листъ, Берліозъ и другъ. Какъ бы то ни было, но первые 5—6 лѣтъ пребыванія въ Парижѣ, слѣдуетъ считать наиболѣе счастливымъ временемъ въ жизни Шопена и наиболѣе плодотворнымъ. Въ это время появилась большая и лучшая часть его сочиненій. Среди нихъ были уже: полонезы и ноктюрны, скерцо и баллада. Самой же лучшей порой его творчества нужно признать то время, когда Шопенъ и Жоржъ-Зандъ безумно любили и принадлежали другъ другу. Къ этому времени относится, въ числѣ прочихъ произведеній, грандіозный, блестящій полонезъ As-dur. Онъ почти программенъ—до такой степени все въ немъ картинно изображено: дефилированіе войскъ, шумъ приближающейся конницы (crescendo октавъ въ лѣвой рукѣ въ средней части полонеза), стукъ подковъ лошадей, бряцаніе оружія. Охлажденіе къ нему Жоржъ-Зандъ и послѣдовавшій вскорѣ окончательный разрывъ ускорили смерть Шопена. 17 октября 1849 года не стало Шопена.

Въ исторіи музыкальнаго искусства имя Шопена безсмертно. Творецъ балладъ расширилъ средства музыкальнаго языка новыми пріемами въ мелодіи, гармоніи, модуляціяхъ, ритмѣ и въ особенности въ разнаго рода пассажахъ до чрезвычайности капризныхъ и оригинальныхъ. Индивидуальность Шопена очень яркая и какъ-то сразу узнается. Выразить ее словами трудно. Самъ Шопенъ, по разсказу Листа, опредѣлилъ сущность своего творчества польскимъ словомъ «жаль»—непереводимымъ на русскій языкъ. Преобладающій элементъ въ его сочиненіяхъ несомнѣнно славянскій, но въ музыкѣ своей Шопенъ соединилъ и французское изящество и итальянскую красоту и пѣвучесть мелодіи. Какъ композиторъ, Шопенъ глубоко оригиналенъ.

И совершенно понятны восклицанія покойнаго Рубинштейна въ его музыкальныхъ лекціяхъ о Шопенѣ: «Удивительный! Чудно! Дивно! Ничего лучше сочитать нельзя».— И тутъ же прибавилъ: «Я скажу вамъ по поводу Шопена еще два своихъ парадокса. Первый—что, по моему мнѣнію, съ Шопеномъ прекратилось музыкальное творчество, и второй—что если бы Россія, завоевавъ Польшу, ничего другого не пріобрѣла, кромѣ права называть Шопена своимъ подданнымъ, то и этимъ можно гордиться».

Unison.

Синематографы и ихъ культурное значеніе.

Повсемѣстное распространеніе электро-театровъ, дошедшее до поразительныхъ размѣровъ, по всей видимости, не есть дѣло преходящее. Нѣтъ данныхъ, которыя показывали бы, что въ публикѣ наступаетъ насыщеніе этимъ родомъ зрѣлищъ. Наоборотъ, количество синематографовъ въ странѣ неуклонно увеличивается, и они безостановочно распространяются вездѣ, вплоть до самыхъ незначительныхъ захолустьевъ.

Объясненіе огромнаго успѣха синематографовъ вполнѣ понятно: они даютъ иллюзію дѣйствительности въ ни съ чѣмъ несравнимой степени. Кромѣ того, эта иллюзія, эта «живая фотографія», даетъ еще комбинаціи такихъ сценъ и зрительныхъ эффектовъ, какіе въ дѣйствительности одному человѣку увидѣть невозможно. Какое-нибудь длительное и на большомъ пространствѣ происходящее событіе синематографъ снимаетъ въ разныхъ мѣстахъ и, если нужно, одновременно.

Къ сожалѣнію, та «фотографія жизни», которую даетъ синематографъ, представляя изумительную по точности и цѣльности в н ѣ ш н ю ю иллюзію, самой жизни касается мало, такъ какъ 90% показываемыхъ имъ картинъ имѣютъ не только вымышленный, но даже логически и физически невозможный характеръ. Вслѣдствіе этого электрическіе театры лишены всякаго культурнаго значенія и даже, наоборотъ, содержатъ въ себѣ антикультурное и вредное вліяніе на массы, такъ какъ пріучаютъ ихъ къ безсмысленнымъ и неестественнымъ зрѣлищамъ. Стоитъ только обойти въ любой вечеръ вестюбюли московскихъ или какихъ бы то ни было иныхъ электро-театровъ и пересмотрѣть программы представленій, чтобы поразиться тѣмъ моремъ глупости и вздора, которые преподносятся публикѣ съ экрановъ. Въ программѣ каждаго представленія имѣется обыкновенно, не менѣе одной «драмы», изображающей какія-нибудь адскія похожденія шайки поджигателей или операціи контрабандистовъ, рисующія самыя безсмысленныя и самыя невѣроятныя вещи, разсчитанныя только на внѣшній эффектъ. Другія излюбленныя пьесы синематографическаго репертуара заключаются въ созданіи «сюжета», который заставляетъ дѣйствующихъ лицъ скрываться отъ когонибудь бѣгствомъ. Эти сюжеты, достойные изобрѣтательской способности дѣтей младшаго возраста, неизмѣнно начинаются съ того, напримѣръ, что уличные жулики крадутъ у подъѣзда велосипедъ или телѣжку разносчика, начинается погоня, къ которой неизвѣстно почему примыкаютъ всякіе прохожіе. Эта нелѣпая и невѣроятная погоня происходитъ въ такомъ неизмѣнно быстромъ темпѣ, какой въ дѣйствительности невозможенъ, вся толпа гонящихся скатывается съ горъ, перепрыгиваетъ съ легкостью резиноваго мячика черезъ огромные заборы, мигомъ переплываетъ рѣки и озера и т. д.

Образцами синематографическаго «моюра» являются «состязаніе въ гримасахъ» или «губной клей» и т. д. Содержаніе послѣдняго «юмореска» заключается въ томъ, что одна горничная, по требованію своей госпожи, смазываетъ губами нѣсколько десятковъ конвертовъ, послѣ чего, поцѣловавшись съ однимъ человѣкомъ, она с к л е и л а с ь съ нимъ губами. Когда склеившихся съ трудомъ, наконецъ, разнимаютъ, оказывается, что женщину оторвали отъ мужчины вмѣстѣ съ его усами.

Эта белиберда представляетъ типичный примѣръ репертуара «живой фотографіи».

Надо сказать, что нелѣпый репертуаръ отнюдь не составляетъ принадлежности исключительно русскихъ синематографовъ. Я одинаково встрѣчалъ его въ Лозаннѣ и Генуѣ, въ Берлинѣ и Ниццѣ и т. д.

Извѣстно, что главнѣйшими фабрикантами и поставщиками лентъ, т. е. репертуара для синематографовъ, являются нѣсколько французскихъ фирмъ, которыя содержатъ огромныя труппы артистовъ, разыгрывающія для синематографовъ всевозможныя пьесы, и къ услугамъ которыхъ огромные парки съ горами, озерами и самымъ разнообразнымъ и богатымъ ассортиментомъ декоративныхъ, и настоящихъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Промышленники, изготовляющіе репертуаръ, безъ сомнѣнія, заботятся лишь объ одномъ: чтобы ихъ пьесы были занимательны и давали возможность наилучше использовать всѣ эффекты, какіе имѣются въ техническомъ распоряженіи синематографовъ. Но дѣло въ томъ, что вмѣсто всей этой безсмыслицы и тѣмъ же путемъ можно построить репертуаръ синематографовъ не только на культурной, но даже на образовательной подкладкѣ. Прежде всего вмѣсто дикихъ авантюръ поджигателей и т. п. можно воспользоваться произведеніями классической литературы, изъ образцовъ которой легко было бы изображать тѣ или другія подходящія сцены. Во-вторыхъ, обширное и интересное поле для дѣятельности синематографовъ можетъ представить изображеніе путешествій и научныхъ экскурсій. Въ-третьихъ, этимъ же полемъ могли бы служить различныя демонстраціи изъ области космографіи, астрономіи, даже біологіи, уже не говоря объ археологіи, исторіи, исторіи искусствъ и особенно области прикладныхъ знаній.

Вообще, немного нашлось бы областей знанія, которыя не могъ бы иллюстрировать синематографъ. Но зато, къ сожалѣнію, и немного найдется областей знанія и даже просто областей культурной жизни, которыхъ современный синематографъ касался бы. Не постыдное ли явленіе, что пьесы, изображаемыя въ синематографахъ, очень часто по своему содержанію болѣе низменны и безсмысленны, чѣмъ фабулы цирковыхъ пантомимъ и представленій въ ярмарочныхъ балаганахъ?

Но это показываетъ зато, что безсмысленность репертуара электро-театровъ превосходитъ спросъ на примитивное зрѣлище даже со стороны самыхъ малотребовательныхъ слоевъ населенія.

Несомнѣнно, что синематографы привлекаютъ публику благодаря технической интересности зрѣлища, а не своимъ нелѣпымъ репертуаромъ. Но этотъ же успѣхъ синематографовъ, обусловливающій и ихъ огромную коммерческую выгодность, долженъ бы побудить многихъ культурныхъ дѣятелей изъ среды нашихъ капиталистовъ къ созданію синематографовъ съ культурнымъ репертуаромъ, какого заслуживаетъ это дѣйствительно интересное дѣло.

Въ успѣхѣ нѣтъ причинъ сомнѣваться.

Б.

100.000.000 руб.

Въ годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на министерство внутреннихъ дѣлъ тратилось менѣе 10 м. р.; теперь на содержаніе этого министерства требуется 100.000.000 р.

Шестидесятые года прошлаго столѣтія были эпохой великихъ реформъ, а слѣдовательно напряженной дѣятельности вѣдомства, руководившаго нашей внутренней политикой, и, несмотря на это, или, вѣрнѣе, благодаря этому, расходы на министерство внутреннихъ дѣлъ до 1869 г. ограничивались сравнительно ничтожной суммой: 1869 г.—8,9 м. р.; 1861 г.—8,9 м. р.; 1862 г.—9,3 м. р.; 1863 г.—8,7 м. р.; 1864 г.—11,5 м. р.; 1865 г.—12,0 м. р.; 1866 г.—15,7 м. р.; 1867 г.—15,4 м. р.; 1868 г.—17,3 м. рублей.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ «реакціонеры» уже праздновали полную побѣду; началось попятное движеніе; бюджетъ министерства внутр. дѣлъ въ 1869 г. сразу увеличился почти на 6 м. р., а за включеніемъ въ него почтово-телеграфныхъ расходовъ (13,3 м. р.) общая сумма его выразилась въ цифрѣ—36,3 м. р.; за исключеніемъ же почтово-телеграфныхъ расходовъ, смѣта на министерство = 23 м. руб.

По смѣтѣ 1909 г. на расходы министерства внутр. дѣлъ испрашивается ассигнованіе 156,2 м. р., а за исключеніемъ изъ нихъ почтово-телеграфныхъ расходовъ—100,4 м. р.

Ростъ расходовъ министерства исключительно находился въ зависимости отъ усиленія реакціонной политики правительства; деньги, ассигнуемыя по смѣтамъ, тратились главнымъ образомъ на борьбу съ внутреннимъ врагомъ; врагами же счи-

тались, въ смыслѣ абстрактномъ, свобода совѣсти, свобода слова, свобода печати, свобода собраній и стачекъ и конституціонныя мечтанія; въ смыслѣ же реальномъ—всѣ подданные государства «инако мыслящіе»...

Эта нудная борьба государства съ своими подданными, рвавшимися къ обезпеченію своихъ правъ на человѣческое существованіе, длилась десятки лѣтъ.

Жизнь превратилась въ мучительное существованіе.

Казалось, Россія стоитъ на краю гибели, полнаго духовнаго и физическаго вырожденія.

Нашъ великій писатель, М. Е. Салтыковъ, въ своей предсмертной запискѣ—«Забытыя слова»—очень талантливо выразилъ настроеніе русскаго обывателя: «Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски»...

Подъ давленіемъ полицейскаго режима воцарилось «молчаніе»...

Оно было описано въ одной изъ провинціальныхъ газетъ губерніи, которая, два года спустя, оказалась наиболѣе буйной, краснорѣчиво доказавъ, что молчаніе не всегда признакъ «успокоенія»...

«Русскій человѣкъ терпѣливъ. Не родитъ истощенная, вспаханная земля,—онъ молча стотысячной толпой переваливаетъ черезъ Уралъ на новыя земли. Пронесся огненный ураганъ и спалилъ соломенныя мазанки, или безпощадное солнце выжгло всю рожь и пшеницу,—онъ взваливаетъ на плечи лопату и молча разбредется во всѣ концы отечества ковырять за двугривенный мерзлую землю. Молча платитъ онъ разные сборы и поборы, молча вывозитъ на своихъ плечахъ всякихъ хищниковъ, крѣпко присосавшихся къ нему, молча наводняетъ хлѣбомъ русскіе и заграничные рынки и молча самъ хиретъ отъ недостатка хлѣба. Молчатъ деревни и села, молчатъ цѣлые города, застывшіе въ пугливомъ молчаніи»... «Въ уѣздныхъ городахъ, по вечерамъ, на улицахъ ни одной живой души, ставни крѣпко затворены, и такъ тихо, такъ удивительно тихо кругомъ, словно находишься не въ царствѣ живыхъ, а на пустынномъ кладбищѣ»... Оробѣлъ обыватедь до того, что «косится на каждаго встрѣчнаго» и «задавленный кругомъ нуждой и безпорядками жизни»... «никогда не рискуетъ громко пожаловаться, а если иной храбрецъ и подумаетъ раскрыть ротъ, то довольно, чтобы со стороны послышалось грозно «цыцъ!»... и ротъ закрывается навсегда».—"Страшно»... такъ заканчиваетъ свое повѣствованіе напуганный обыватель («Саратовскій Дневникъ»).

Въ такомъ кладбищенскомъ настроеніи началась русско-японская война; разгромъ арміи и флота пробудилъ народъ отъ вѣковой спячки; всѣ язвы бюрократическо-полицейскаго строя оголились; и кладбищенское молчаніе превратилось въ бурю негодованія.

Россія хочетъ жить...

Первый шагъ къ великому пробужденію народныхъ силъ, къ возрожденію его къ новой жизни и къ возстановленію его могущества въ области международныхъ отношеній,—это необходимость измѣненія нашей внутренней политики, въ смыслѣ упраздненія ея полицейскаго характера; и мы можемъ этого достигнуть не иначе, какъ путемъ крупнаго сокращенія расходовъ на полицію по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и передачей въ руки общественныхъ учрежденій, земскихъ и городскихъ, завѣдываніе всѣми дѣлами, касающимися охраны внутренняго порядка.

Само общество болѣе чѣмъ кто-нибудь заинтересовано въ охраненіи своихъ собственныхъ интересовъ. И оно уже ни въ какомъ случаѣ не способно къ смѣшенію того настоящаго общественнаго порядка, въ которомъ мы всѣ такъ нуждаемся, съ «кладбищенскимъ спокойствіемъ», господствовавшимъ до настоящаго времени.

Л. Булгъ.

Издательница О. П. Александрова. Редакторъ Н. В. Корецкій.

Юмористическіе разсказы

Выпускъ четвертый.

Забытые разсказы А. П. ЧЕХОВА *).

Аптекарская такса, или спасите: грабятъ!!

(«*Шутливый трактатъ на плачевную тему*»).

„Денегъ дай, денегъ дай и успѣха
ожидай"! Конфектная истина.

Въ реестрѣ движимаго и недвижимаго имущества, завѣщаннаго міру Каиномъ имѣется между прочимъ и «Аптекарская такса». О ней много говорили древніе и современники, но, благодаря, вѣроятно, недостатку въ людяхъ краснорѣчія, голоса ихъ могли быть слышимы только въ пустынѣ. Подлежитъ она вѣдѣнію фармаціи, фармакогнозіи, фармакопеи и фармакологіи. Въ послѣдней наукѣ она ставится наряду съ сильнодѣйствующими веществами. Какъ сильно дѣйствуетъ она на человѣческій организмъ, видно изъ того, что однократное употребленіе ея сильно раздражаетъ нервы, частое же употребленіе ведетъ къ карманной чахоткѣ (pneumonia carmanica).

Аптекарская такса имѣетъ особенность: она, признавая правила, не знаетъ исключеній. «Брать за все безъ исключенія — ея пароль. Она беретъ за приготовленіе лѣкарства, за лѣкарство, за смѣшеніе его, за взбалтываніе, насыщеніе, раздѣленіе на доли, за обертку, сигнатуру, ярлыкъ, печать, посуду, коробку, бумагу, связывающую нитку и пр.

a) За лѣкарства назначаетъ она цѣны изумительныя. Чтобы напиться до-пьяна краснымъ виномъ (vinum Gallicum rubrum), продающимся въ аптекѣ, мало штиглицкаго состоянія.

b) За приготовленіе лѣкарства до полуфунта берется 12 коп., а за фунтъ 24 коп. Приготовленіе это заключается въ простой переливкѣ изъ большой посуды въ маленькую. Влейте вы въ бутылку спирту, и за одну эту процедуру вы уже получаете 24 коп..! Подъ приготовленіемъ строго запрещается разумѣть настойки, раздѣленіе порошковъ, раздѣленіе массы на пилюли и другія, ужасно сложныя операціи. За все это берется особо. Такъ, за раздѣленіе порошковъ на доли за каждый порошокъ берется полторы копѣйки — гонораръ, какого не получалъ ни одинъ литераторъ на свѣтѣ.

c) За обертку товара не берутъ даже въ самой бѣдной лавчонкѣ, въ аптекѣ же это удовольствіе купно съ печатью и ниткой обходится въ гривенникъ. Если фунтъ хлѣба стоитъ 3 коп., то съ аптечной оберткой онъ стоитъ уже 13.

И такъ далѣе... Въ концѣ концовъ къ вечеру аптекарская касса наполняется доверху серебромъ и златомъ, изъ коихъ только одна сотая берется за лѣкарство. все же остальное—отъ лукаваго. Въ заключеніе вопросъ: куда хозяева аптекъ дѣваютъ такую массу денегъ?

Эти господа хозяева хвастаютъ, что вся ихняя выручка идетъ на содержаніе служащихъ, коихъ въ каждой аптекѣ много, и кои всѣ до единаго получили высшее образованіе, а стало-быть, и требуютъ высшей мзды. Мы же изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ знаемъ, что ни одна мало-мальски порядочная торговая фирма не платитъ своимъ служащимъ такъ мало жалованья, какъ аптеки.

---

*) Московскій журналъ „Сѣверное Сіяніе" перепечатываетъ нѣсколько разсказовъ Чехова, помѣщенныхъ въ „Будильникѣ" (за 1885 г.) „Мірскомъ Толкѣ" (1882 г.) и друг. журналахъ 80-хъ годовъ. Беремъ нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ.

Безнадежный.

Предсѣдатель земской управы Егоръ Федоровичъ Шмахинъ стоялъ у окна и со злобой барабанилъ по стеклу пальцами. Медленность, съ которой часы и минуты уходили въ вѣчность, приводила его въ злобное отчаяніе... Два раза онъ ложился спать и просыпался, раза два принимался обѣдать, пилъ разъ шесть чай, а день все еще только клонился къ вечеру.

Видъ, разстилавшійся передъ глазами предсѣдателя, казался ему сѣрымъ и скучнымъ. Сквозь голыя деревья запущеннаго сада виднѣлся крутой глинистый берегъ.. На полъ-аршина ниже его бѣжала выпущенная на волю рѣка. Она спѣшила и рвалась, словно боялась чтобы ее не вернули назадъ и не заключили въ ледяные оковы. Изрѣдка на глаза Шмахину попадалась запоздавшая бѣлая льдинка, тоже спѣшившая безъ оглядки.

— Сѣсть бы на эту льдину, да куда-нибудь... къ чорту...

Шмахину было скучно и душно. Стоялъ онъ передъ окномъ, глядѣлъ на постылую картину и вспоминалъ, что подъ вечеръ у непремѣннаго члена Ряблова составляется винтъ, что у Маріи Николаевны въ этотъ день празднуется рожденіе ея Петички... Поѣзжай онъ въ одно изъ этихъ мѣстъ, онъ и не замѣтилъ бы, какъ прошло бы скучное время... Но какъ было ѣхать, если разливавшаяся рѣка затопила всѣ дороги и если усадьба была окружена цѣпью зажоръ и овраговъ, полныхъ воды? Шмахинъ чувствовалъ себя, какъ въ тюрьмѣ... Долго стоялъ онъ передъ окномъ... Наконецъ мысль, что у Рябова сѣли уже безъ него винтить и что у Маріи Николаевны уже сидятъ за чаемъ и толкуютъ про холеру и Гератъ, стала невыносимой.

Идя къ жестянкѣ съ табакомъ, онъ взглянулъ въ уголъ и на кругломъ столикѣ замѣтилъ шашечную доску.

— Нешто въ шашки поиграть? а?

Разставивъ на доскѣ черныя и бѣлыя костяшки, Шмахинъ сѣлъ у круглаго столика и сталъ играть самъ съ собой. Партнерами были правая и лѣвая руки.

— Ты какъ пошелъ... Гм... Постой, братецъ... А я эдакъ! Ладно-съ... увидимъ-съ...

Но лѣвая рука знала, что хочетъ правая, и скоро Шмахинъ потерялъ счетъ въ рукахъ и запутался.

— Илюшка!—крикнулъ онъ.

Вошелъ высокій худой малый въ потертомъ засаленномъ сюртукѣ и въ рваныхъ сапогахъ съ барскими голенищами.

— Ты что тамъ дѣлаешь?—спросилъ баринъ.

— Ничего-съ... На сундукѣ сижу...

— Поди, въ шашки партію сыграемъ! Садись!

— Что вы-съ?—ухмылялся Илюшка. Нешто можно-съ?

— Поди, болванъ! Садись!

— Ничего, мы постоимъ-съ...

— Говорятъ — садись, ну и садись! Ты думаешь, мнѣ пріятно, если ты дубиной торчишь?

Илюшка нерѣшительно и продолжая ухмыляться сѣлъ на край стула и застѣнчиво замигалъ глазами.

— Ходи!

Илюшка подумалъ и сдѣлалъ мизинцемъ первый ходъ.

— Вы такъ пошли... — задумался Шмахинъ, рукой прикрывая подбородокъ. Ну, а я этакъ! Ходи, тля!

Илюшка сдѣлалъ другой ходъ.

— Тэкъ-съ... Понимаемъ, куда ты, харя, лѣзешь... Понимаемъ... Какъ, однако, отъ тебя лукомъ воняетъ! Ты этакъ, а я... этакъ!..

Игра затянулась. Шмахину повезло на первыхъ же порахъ... Онъ бралъ шашку за шашкой и лѣзъ уже въ дамки, но соображать и вникать въ игру мѣшала ему одна неотступная мысль...

Пріятно вести борьбу и побѣдить человѣка равнаго,— думалъ онъ,— человѣка, который въ общественномъ смыслѣ стоитъ съ тобой на одной точкѣ... А какой мнѣ

интересъ Илюшку побѣждать? Побѣдишь его или не побѣдишь — одинъ чортъ: никакого удовольствія... О, взялъ шашку и улыбается! Пріятно барина обыгрывать! Еще бы! Лукомъ воняетъ, а небось радъ старшему напакостить!

— Пошелъ вонъ! крикнулъ Шмахинъ.

— Чего-съ?

— Пошелъ вонъ!!! — крикнулъ Шмахинъ, багровѣя. — Разсѣлся тутъ, тварь этакая!

Илюшка выронилъ изъ рукъ шашку, удивленно поглядѣлъ на барина и, пятясь назадъ, вышелъ изъ гостиной. Шмахинъ взглянулъ на часы: было только безъ десяти семь. До ужина и до ночи оставалось еще часовъ пять... Въ окна застучали крупныя дождевыя капли. Въ саду хрипло и тоскливо промычала черная корова а шумъ бѣгушей рѣки былъ такъ же монотоненъ и меланхоличенъ, какъ и часъ тому назадъ. Шмахинъ махнулъ рукой и, толкаясь о дверные косяки, поплелся безъ всякой цѣли въ свой кабинетъ.

Боже мой!—думалъ онъ. Другіе, ежели скучно, выпиливаютъ, спиритизмомъ занимаются, мужиковъ касторкой лѣчатъ, дневники пишутъ, а одинъ я такой несчастный, что у меня нѣтъ никакого таланта. Ну что мнѣ сейчасъ дѣлать? Что? Предсѣдатель я земской управы, почетный мировой судья, сельскій хозяинъ и... все-таки не найду чѣмъ убить время... Развѣ почитать что нибудь?

Шмахинъ подошелъ къ этажеркѣ, заваленной книжнымъ хламомъ. Тутъ были всевозможные судебные указатели, путеводители, распространенный, но не разрѣзанный еще журналъ «Садоводство», поваренная книга, проповѣди, старые журналы... Шмахинъ нерѣшительно потянулъ къ себѣ номеръ «Современника» 1859 г. и началъ его перелистывать.

— «Дворянское гнѣздо»... Чье это? Ага! Тургенева! Читалъ... Помню... Забылъ, въ чемъ тутъ дѣло, стало-быть, еще разъ можно почитать. Тургеневъ отлично пишетъ.. м-да...

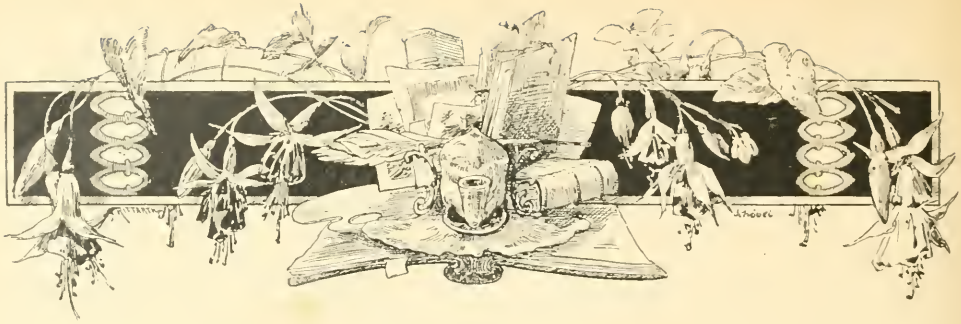
Шмахинъ разлегся на софѣ и сталъ читать... И его тоскующая душа нашла успокоеніе въ великомъ писателѣ. Черезъ десять минутъ въ кабинетъ вошелъ на цыпочкахъ Илюшка, подложилъ подъ голову барина подушку и снялъ съ его груди раскрытую книгу...

Баринъ храпѣлъ...

„Моя она".

«Она, какъ авторитетно утверждаютъ мои родители и начальники, родилась раньше меня. Правы они, или нѣтъ, но я знаю только, что я не помню ни одного дня въ моей жизни, когда бы я не принадлежалъ ей и не чувствовалъ надъ собой ея власти. Она не покидаетъ меня день и ночь; я тоже не выказываю поползновенія удрать отъ нея,—связь, стало-быть, крѣпкая, прочная... Но не завидуйте, юная читательница!.. Эта трогательная связь не приноситъ мнѣ ничего, кромѣ несчастій. Во-первыхъ, моя «она», не отступая отъ меня день и ночь, не даетъ мнѣ заниматься дѣломъ. Она мѣшаетъ мнѣ читать, писать, гулять, наслаждаться природой... Я пишу эти строки, а она толкаетъ меня подъ локоть и ежесекундно, какъ древняя Клеопатра не менѣе древняго Антонія, манитъ меня въ ложу. Во-вторыхъ, она разоряетъ меня, какъ французская кокотка. За ея привязанность я пожертвовалъ ей всѣмъ: карьерой, славой, комфортомъ... По ея милости я хожу раздѣтымъ, живу въ дешевомъ номерѣ, питаюсь ерундой, пишу блѣдными чернилами. Увы, все пожираетъ она, ненасытная! Я ненавижу ее, презираю... Давно бы пора развестись съ ней, но не развелся я до сихъ поръ не потому, что московскіе адвокаты берутъ за разводъ четыре тысячи... Дѣтей у насъ пока нѣтъ... Хотите знать ея имя? Извольте... Оно поэтично и напоминаетъ Лилю, Лелю, Нелли...

«Ее зовутъ—Лѣнь».



СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 10-й.

	стр.
Колыбельная пѣсня. Стихотвореніе *Л. Андрусона*	246
Мнѣ снилась женщина. *Стихотвореніе О. Благова*	246
Итта. Разсказъ *Е. Маурина*	247
Я сегодня во снѣ видѣлъ сердце твое. Стих. *Н. В. Корецкаго*	256
Стихотвореніе *Дм. Цензора*	257
Маскарадъ. Разсказъ *Вл. Ленскаго*	258
Огромная люстра виситъ надъ землей. Стих. *И. Ч—ева*	260
Въ дроздовской гимназіи. Повѣсть *С. Качіони*	261
Шопенъ. (Къ столѣтію со дня рожденія)	264
Синематографы и ихъ культурное значеніе	268
100.000.000 рублей. Статья *Л. Буха*	269
Забытые разсказы А. П. Чехова. Юмористическіе разсказы, выпускъ 3-й.	13

Картины:

1. **Конецъ Сарданапала,** картина исполненная радужной печатью.
2. **Пейзажъ.** Автотипія.

Продолжается подписка на журналъ „Пробужденіе“ на 1909-й годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) **6** р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города **7** р., на полгода **4** р., на 3 мѣсяца **2** р., На одинъ мѣсяцъ **58** коп.

Издательница *О. П. Александрова.* Редакторъ *Н. В. Корецкій.*

Типографія т-па „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39, соб. д.

КНУТЪ ГАМСУНЪ
Знаменитый Норвежскій писатель

№ 11. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.
Литературно-художественный журналъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 11-й.

	стр.
Утро. Стихотвореніе *Сергія Городецкаго*	271
Брошенная роза. Стихотвореніе *А. Ганслика*	272
Ночью (Lotti). Разсказъ *П. Гнилосекаго*	273
Когда ты устанешь. Стих. *К. Лютикова*	278
Ушедшей. Стихотвореніе *А. Рославлева*	279
Въ Дроздовской гимназіи. Повѣсть *С. Качѣни*	280
У тихой пристани. Стих. *А. Миклашевскаго*	287
Миніатюры. 1. Слѣпая. 2. Дорожка. 3. Умеръ. Соч. *Виктора Гофмана*	288
Мертвое море. Бедуинская легенда *А. Лонгарета*	291
Н. Г. Чернышевскій Статья *А. Фомина*	293
Женщина въ Соединенныхъ Штатахъ. Избирательное право женщинъ	295
Юмористическіе разсказы. Выпускъ 5-й. **Почему Гоголь сжегъ „Мертвыя души“.** Фантазія О. Л. Д'Ора	17

Картины:
1. **Одна картина, исполненная красками.**
2. Непробудный сонъ. Автотипія.

Приложеніе: Книга 7-я. **К. Ф. Рылѣевъ—Избранныя сочиненія.**

Продолжается подписка на журналъ „Пробужденіе“ на 1909-й годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) 6 р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р. На одинъ мѣсяцъ 58 коп.

Издательница *О. П. Александрова*. Редакторъ *Н. В. Корецкій*.

В. Сенъ. ІЮНЬСКОЕ УТРО.

Утро.

Ты отошелъ въ кривыя тѣни,
А на челѣ небесъ взошла
Передразсвѣтныхъ откровеній
Чуть зацвѣтающая мгла.

И цѣломудренныя чаши
Вздымаютъ чуткіе цвѣты,
Сіянье утренняго краше,
Яснѣй лазурной высоты.

И тлѣютъ въ облакѣ стыдливомъ
Просвѣты алаго огня.
И день въ теченьи молчаливомъ
Поетъ: узнаешь и меня.

Сергѣй Городецкій.

М. Шмидтъ. УДАРЪ МОЛНІИ.

Брошенная роза.

Увядшая роза лежитъ подъ окномъ.
Порывистый вѣтеръ уныло гудитъ:
Изъ тучъ молньеносныхъ и ливень, и громъ...
Береза, качаясь, на розу глядитъ,
Какъ смятъ и оборванъ пунцовый цвѣтокъ...
Какъ дождь его хлещетъ, хоронитъ песокъ.
И вотъ она гордо вѣтвями шумитъ:

„— О, роза, ты сорвана дерзкой рукой
Съ роднаго куста, безсердечно легко,
Но прежней сіяла-бъ цвѣтущей красой,
Когда бы росла ты, какъ я—высоко!"
—„Всѣмъ жребій одинъ! И твой пышный уборъ
Сорветъ непогода иль острый топоръ,
Хотя ты корнями вросла глубоко!"

А. Тангелинъ.

Г. Моттъ. ДОЧЕРИ ЛОТА.

НОЧЬЮ... (LOTTI.)

... Безконечныя воспоминанія съ самыми мелкими подробностями петербургской жизни, отрывки разговоровъ, чьи-то лица, далекія, туманныя. .

Все это потокомъ хлынуло сегодня на Горина и отъ безсонницы онъ безпрерывно ворочался на кровати. А въ широкое венеціанское окно его комнаты заманчиво глядѣла полная луна, свободно и смѣло посылая свои лучи по чистому воздуху. Горинъ въ послѣднее время часто проводилъ безсонныя ночи въ этихъ думахъ. И часто первые утренніе блѣдно-розовые лучи, нерѣшительно пробираясь въ лабиринтѣ трубъ и крышъ, встрѣчались съ его усталымъ тоскующимъ взглядомъ.

— Ну и сегодня навѣрное на всю ночь это...—рѣшилъ онъ, въ сотый разъ пытаясь утомить мозги безцѣльнымъ припоминаніемъ цитатъ изъ Маркса, Бебеля, Каутскаго. Убѣдившись, что все это не помогаетъ, Горинъ поднялся и сталъ быстро одѣваться.

— Пойду бродить... это все таки лучше... скорѣй успокоюсь...

Промелькнули темные переходы, лѣстницы и заспанный consierge, сверкнулъ рядомъ ауэровскихъ горѣлокъ монпарнасскій вокзалъ, вотъ онъ уже и на «Бульмишѣ». Быстро стучатъ словно чьи то чужіе шаги по каменнымъ плитамъ. И въ темпъ съ ними усиленно бьется сердце. А мысли все бѣгутъ, бурнымъ потокомъ и кругомъ такая тоска,— тоска одинокаго человѣка въ большомъ незнакомомъ городѣ. Вотъ позднее café. Около него въ освѣщеніи оконныхъ рефлекторовъ виднѣются зазывающія женскія кофточки, шляпки и юбки съ шуршащими dessous. .

Мимо пробѣжала съ громкимъ хохотомъ цѣлая кавалькада студентовъ, осѣдланныхъ кокотками. Медленно проѣхалъ извозчичій фіакръ. Извнутри его несется цѣлый ураганъ безстыднаго крика и хохота. Въ окно фіакра, отчаянно болтаясь, высунулись женскія ножки въ черныхъ ажурныхъ чулкахъ. На крышѣ рядомъ съ кучеромъ примостились два студента и громко орутъ какую-то бульварную пѣсню.

Чужое мальчишеское веселье заражало всю улицу. Прохожіе положительно помирали отъ смѣха. И даже солидный sergent de ville не могъ сдержать улыбку при взглядахъ на почтенныхъ буржуа, присѣдавшихъ къ землѣ отъ спазмовъ хохота.

Горинъ на минуту остановился, невольно улыбнувшись веселью шалуновъ, но затѣмъ ему стало тоскливѣе, отъ сознанія, что онъ такъ одинокъ здѣсь, въ чужомъ городѣ. И эта безсонная тоска все гнала его туда, впередъ на освѣщенныя улицы, avenues, boullevards...

Всего только мѣсяцъ, какъ онъ покинулъ кипучую, бурную Россію, а между тѣмъ грустное прозябаніе эмигрантской колоніи уже убило въ немъ жизнерадостность и энергію. Вмѣсто этого на душѣ была тяжелая, грызущая тоска и раздраженность. Горинъ пересталъ бывать въ латинскомъ кварталѣ и избѣгалъ даже проходить по улицамъ, заселеннымъ русскими.

— Лучше одиночество, чѣмъ эта постоянная грызотня, споры «политиковъ»...— рѣшилъ онъ. А настроеніе между тѣмъ все ухудшалось.

Отъ темнаго силуэта Hotel de Ville понеслись звуки колокола. Два часа. Вотъ и широкая свѣтлая rue de Rivoli. Усталыя кокотки злыми глазами заглядываютъ въ лицо и говорятъ заученымъ темпомъ:

— Viens cheri... viens mons coco...

Злыя холодныя маски, словно фабричный узоръ—незмѣнныя, размѣренныя... Горинъ не отвѣчая тоскливо смотрѣлъ имъ въ глаза и шелъ дальше. А вслѣдъ ему слышался тотъ же деревянный, усталый голосъ.

— Un diable... vrai cochon... laisser sans repondre, vagabond...

Незамѣтно для себя Горинъ очутился у Madeleine... Здѣсь было пусто; кокотки ушли уже съ бульвара; онѣ сходились къ центру ночной жизни — Monmartre. Усталыя ноги Горина ныли отъ усиленной ходьбы. Опустившись на скамейку, онъ вытянулся во весь ростъ.

Сонные каштаны тихо шевелили вѣтвями, наводя дремоту. Сквозь смеженныя вѣки Горинъ видѣлъ, какъ около него прошлась раза два какая-то изящная женская фигурка. На третій разъ она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ, вынула маленькій художническій альбомъ и быстрыми штрихами стала зарисовывать. Горинъ притворился спящимъ, а самъ изподтишка разсматривалъ незнакомку. Она была невысока ростомъ, повидимому великолѣпно сложена.

Горину не хотѣлось прерывать это молчаливое созерцаніе банальными фразами, которыя такъ и просились на языкъ. Онъ предчувствовалъ нѣчто не обыденное и боялся разрушить свои иллюзіи неосторожнымъ словомъ, неловкой фразой. Художница задумалась надъ какимъ-то штрихомъ. Въ это время ея уголекъ выпалъ. Она пригнулась къ землѣ и стала искать. Горинъ открылъ глаза.

— Можетъ быть надо помочь?—сказалъ онъ незнакомкѣ невозможнымъ французскимъ языкомъ. Художница отъ неожиданности вздрогнула, но улыбнулась и покачала головой.

— Какъ вамъ не стыдно... Такъ напугали... Я думала, вы спите...—проговорила она съ легкимъ южнымъ акцентомъ.

— А я совсѣмъ забылъ объ этомъ...

— То есть о чемъ же это?..

— Что надо притворяться спящимъ. Когда вы стали искать, я рѣшилъ, что вамъ надо помочь.

— Боже, какъ вы любезны и галантны... Это совсѣмъ не похоже на парижскаго апаша...

— Почему же это я апашъ?—шутливо обижаясь сказалъ Горинъ.

— А развѣ я ошиблась? Кто же еще спитъ на бульварныхъ скамейкахъ?

— Можно и не быть апашемъ...

— Конечно, это глубокая истина...—засмѣялась незнакомка, — но судя по вашему костюму въ этомъ почти не можетъ быть сомнѣній.

— Вотъ и ошиблись... Просто я вышелъ погулять, дома тоска, скучно... усталъ и прилегъ...

— Неужели здѣсь скучно?...

— Пока не привыкнешь—очень... Не знаю, какъ дальше будетъ... а пока мочи нѣтъ...

— Знаете... въ этомъ вы пожалуй сходитесь со мной... Мнѣ тоже скучно здѣсь. Откуда вы сюда попали?

— Развѣ объ этомъ еще надо спрашивать? По моему насъ, русскихъ, такъ легко отличать въ массѣ, мы такъ типичны каждый въ отдѣльности, что и спрашивать не приходится.

Ларвинъ. НЕПРОБУДНЫЙ СОНЪ.

— Ну, въ васъ русскаго типа мало, вы скорѣй на итальянца похожи... Скажите вашу профессію.

— Журналистъ.

— Да?.. Великолѣпно... какъ я рада, значитъ bohemiene!.. Направленіе?..

— Лѣвый...

— Еще лучше. Сочувствую. Значитъ весело проведемъ время. Мнѣ пришла хорошая идея. Хотите мнѣ позировать?

— Какъ?..

— En nature... Я думаю вы не будете стѣсняться разностью половъ... Это васъ не смутитъ, и надѣюсь не наведетъ ни на какія дурныя мысли?... Правда?..

— Какъ вамъ сказать...—нерѣшительно проговорилъ Горинъ,—въ моей журналистской практикѣ это первый разъ случается. Но я пожалуй готовъ попробовать. Когда же вы хотите начать?..

— Да сейчасъ же. Возьмемъ же фіакръ и en avant!

— То есть какъ же это?... ночью?.. теперь...

— Мой этюдъ я рисую углемъ, при лунномъ свѣтѣ. Мнѣ надо видѣть васъ именно теперь.

Какъ загипнотизированный Горинъ подозвалъ фіакръ, посадилъ свою спутницу и захлопнулъ дверцу. Затѣмъ онъ обошелъ съ другой стороны и усѣлся самъ.

Кучеръ хлопнулъ бичемъ и колеса загудѣли по асфальту.

Горинъ сидѣлъ въ углу и улыбался собственнымъ мыслямъ. Онъ чувствовалъ что то особенное Вотъ оно около него это молодое женское тѣло. Иногда при поворотахъ фіакра онъ ощущаетъ прикосновеніе маленькой изящной ботинки. Ему хочется закрыть глаза и лишь однимъ воображеніемъ мысленно осязать ее.

Незнакомка молчитъ и только отъ времени до времени спрашиваетъ, вглядываясь въ туманныя очертанія улицъ.

— Гдѣ мы?

Горинъ отвѣчаетъ, но ему хочется говорить больше, долго, о чемъ-нибудь задушевномъ близкомъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Зачѣмъ вамъ?..

— Такъ... скажите...

— Зачѣмъ?..

Незнакомка иронически улыбается и говоритъ, слегка прищуря глаза, спокойнымъ разсуждающимъ тономъ.

— Зачѣмъ банальность? Развѣ не лучше такъ вотъ... одинъ разъ увидѣть... и потомъ уже больше никогда не встрѣчаться... Жить только мечтой... Зачѣмъ имя?..

— Чтобъ хоть въ мечтѣ назвать васъ, выговорить мечту, сказать...

— Ну... хорошо... она говоритъ это тихо, беззвучно,—Lotti... Теперь разскажите мнѣ что-нибудь тихонько...

— Что я разскажу вамъ?

— Про себя... Почему вы уѣхали изъ Россіи. Бѣжали навѣрное, какъ большая часть вашихъ соотечественниковъ...

— Да, отъ русской полиціи. .

— Понимаю—значитъ, вы революціонеръ?

— Почти—да, но не совсѣмъ,—только въ теоріи.

— Ужасно... значитъ оправдываете и бомбы, и насиліе, и убійство?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то. Я революціонеръ въ области духа и насильственнымъ переворотамъ не сочувствую. Человѣческой природѣ противно насиліе. Измѣнятъ свой строй люди, только убѣдившись въ необходимости этого, по взаимному соглашенію. Человѣкъ достигнетъ той высшей ступени, когда самая мысль объ насиліи покажется ему анахронизмомъ.

— Почему же, однако, васъ преслѣдовали если вы ничего такого не дѣлали? удивилась Lotti.

— А я-то развѣ знаю?—спросилъ ее въ свою очередь Горинъ.

Lotti улыбнулась и замолчала. Проѣхали нѣсколько минутъ молча, вдругъ фіакръ остановился.

— C'est ici monsieur!..

— Вотъ и пріѣхали.

Горинъ отворилъ дверцу, помогъ сойти и расплатился съ кучеромъ. Толстый consierge оглядѣлъ ихъ недовольнымъ взглядомъ, но его успокоила монета, полученная отъ Lotti. Они вошли въ широкое, большое ателье. Двѣ оттоманки, покрытыя яркими коврами, два, три мольберта, какіе-то столы съ ящиками, прессами, эстампный станокъ. Lotti прошла за перегородку.

— Я сейчасъ, подождите минутку,—послышался оттуда ея свѣжій, слегка вибрирующій голосъ. Она вышла одѣтая въ бархатную рабочую блузу.

— Ну, что же вы стоите,—улыбаясь сказала она?—теперь ваша очередь. Пожалуйста, туда же, откуда я вышла... и приготовьтесь къ позѣ, надо раздѣться.

— Какъ, совсѣмъ?

— Сегодня, пожалуй, будетъ довольно до пояса. Я буду рисовать только торсъ. Но поторопитесь... часа черезъ полтора уже будетъ дневной свѣтъ. Для работы намъ остается очень мало времени,—добавила она ему вслѣдъ.

Хорошенькая голубая кроватка стояла въ самомъ углу. Около нея нѣсколько низкихъ мягкихъ креселъ. По стѣнѣ висѣли разныя принадлежности женскаго туалета. У шкафа въ строгомъ порядкѣ стояло нѣсколько паръ изящныхъ ботинокъ и туфелекъ—самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ. Послѣ грязи латинскаго квартала, послѣ приторныхъ будуаровъ кокотокъ—въ этой уютной дѣвичьей спальнѣ на Горина пахнуло чѣмъ-то радостнымъ. Онъ съ жгучимъ любопытствомъ прикасался къ ея шелковымъ платьямъ. Его раздражалъ и опьянялъ ихъ элегантный, заманчиво-дразнящій видъ. Горинъ раздѣлся и посмотрѣлъ на себя въ зеркало. Оттуда на него глянули словно чьи-то чужіе глаза, блестѣвшіе какъ раскаленные угольки. Онъ снова осмотрѣлъ комнатку Lotti. И вдругъ ему страшно захотѣлось поцѣловать крохотный сафьяновый башмачекъ, небрежно лежавшій у кровати на пушистомъ козьемъ мѣху.

Онъ сталъ на колѣни и прижался къ нему губами. Каблучекъ слегка царапнулъ его щеку, но это только обострило наслажденіе. По всему тѣлу какъ будто прошла электрическая искра. Горинъ чувствовалъ, что весь горитъ однимъ безумнымъ желаніемъ любить.

Въ вискахъ стучало и онъ весь вздрагивалъ.

— Ну что, monsieur Горинъ, вы скоро?—крикнула ему Lotti изъ мастерской.

— Сейчасъ иду, глухо отвѣтилъ ей Горинъ, самъ удивляясь особой хриплости въ голосѣ.

Lotti сидѣла, складывая въ папку угольные рисунки. Горинъ подошелъ къ ней и заглянулъ черезъ плечо.

— Хотите смотрѣть? но только поскорѣе... скоро ужъ и разсвѣтъ...

Чьи-то лица, напряженные мускулы, натянутыя позы, мучительныя, неестественныя... быстро мелькали передъ Горинымъ.

— Вотъ и все,— весело захлопнула папку Lotti.—Теперь... становитесь на помостъ. Нагните голову... подымите лѣвое плечо... отставьте ногу... Вотъ такъ... еще немножко влѣво... Не шевелитесь.

Они молчали цѣлыхъ пятнадцать минутъ. Lotti лихорадочно зарисовывала контуры тѣла и, казалось, совершенно не была расположена болтать. Горинъ, все еще не могъ привести свои мысли въ порядокъ.

Что же она, наконецъ, хочетъ отъ меня? Теперь ночь... Привозить къ себѣ молодого оборванца только затѣмъ, чтобы воспользоваться имъ для натуры? Нѣтъ, это довольно странно. Можетъ быть, она только такъ... нерѣшительна. Натура, конечно, это только предлогъ...

А можетъ быть, она хочетъ только подразнить, разжечь и потомъ уйти? Только поиграть чужой страстью? Неужели она еще не поняла, какъ сильно дѣйствуетъ вся эта обстановка, ночь и больше всего она, сама...

Такъ издѣваться надъ чувствомъ... прямо преступно... подумалъ Горинъ. Нѣтъ... хорошо же... я ее заставлю... стоитъ ли еще нѣжничать, церемониться...

Но вѣдь она одна, беззащитна... шепнулъ ему кто-то извнутри. Воспользоваться этимъ не менѣе гадко и преступно..

Мысли бурныя, однѣ другимъ противоположныя неслись ураганомъ, перебивая другъ друга. Голова, какъ налитая свинцомъ, тяжело клонилась внизъ. Мускулы отъ неудобной позы вытянулись, устали и слегка закоченѣли.

— Надо отдохнуть, хриплымъ голосомъ сказалъ Горинъ.

— Какой вы нѣженка оказывается,—улыбнулась Lotti.—А туда же, спитъ на скамейкѣ...

— Все-таки это удобнѣе, чѣмъ стоять въ невозможной позѣ.

— Что, развѣ неудобно?

— Да. Кажется, будто вы нарочно изображаете самыя мучительныя положенія тѣла.

— Въ неудобной позѣ у васъ тѣло живетъ... дышетъ... А дай только вамъ усѣсться, улечься, какъ тѣло застынетъ, превратится въ антихудожественный трупъ. Впрочемъ, ничего не подѣлаешь, садитесь, отдохните...

Lotti прилегла на оттоманку, подперевъ щеку рукой и вытянувъ свои маленькія ножки.

Горинъ, сойдя съ помоста, остановился въ нерѣшительности и съ острымъ чувствомъ любопытства, какъ бы только что очнувшись, смотрѣлъ на Lotti.

— Что же вы стоите?—на оттоманкѣ мѣста хватитъ...

Горинъ улыбнулся, замѣтивъ, какъ отъ его взгляда кровь хлынула къ щекамъ Lotti. Неловко усѣлся у ея ногъ. Рука его нечаянно коснулась ея шелковаго чулка.

И съ безумной силой его охватилъ прежній пылъ, взрывъ страсти.

Плохо сознавая, что дѣлаетъ, Горинъ положилъ ея ножки себѣ на колѣни и прижался къ нимъ горячей щекой. Онъ на мгновенье остановился и затѣмъ, задыхаясь, началъ цѣловать ихъ.

Lotti, гнѣвная, пылающая, быстро вскочила съ оттоманки, пытаясь защититься руками, но Горинъ, тщетно стараясь поцѣловать, какъ пьяный съ силой схватилъ ее въ объятья, сжимая въ борьбѣ ея молодое тѣло своими желѣзными мускулами.

— Остановитесь!.. уйдите!.. Мерзавецъ! — крикнула ему Lotti и съ ненавистью плюнула въ тянувшіяся къ ней его страстныя губы.

Горинъ опомнился. Какъ побитый щенокъ, шатаясь онъ всталъ съ оттоманки.

«Такъ... значитъ нарвался... теперь скандалъ... узнаютъ въ колоніи, конечно, будутъ смѣяться... и зачѣмъ только было ѣхать»?.. подумалъ онъ тоскливо.

Горинъ испытывалъ одновременно и стыдъ неудачной попытки и бѣшеную ненависть къ ней. «Видѣла позоръ... насмѣялась надо мной».

Безпорядокъ костюма еще болѣе подчеркивалъ его волненіе и растерянность.

— Вонъ отсюда...

— Не могъ... не сдержался, сталъ животнымъ...

— Молчите... лучше бы вспомнили о вашемъ отвращеніи къ насилію... Жалкій лгунъ...

Горинъ молча одѣлся и уже готовый къ выходу стоялъ передъ Lotti, сидѣвшей на оттоманкѣ съ закрытыми глазами и закушенными губками...

— Что же, значитъ... уже никогда больше не увидимся... конечно, не стоило и спрашивать... вы не простите...

— А развѣ этимъ можно поправить то, что случилось?..

— Можетъ быть, все-таки, вы когда-нибудь... поймете...

— Не стоитъ понимать-то. Всѣ вы одинаковы... Лишній разъ я ошиблась... Думала вотъ, наконецъ, человѣкъ не такой, какъ другіе.. оригинальный... идейный. А вы... нѣтъ, скучно... Все та же сѣрая трафаретка. Въ началѣ говорите хорошія слова, возмущаетесь... насиліемъ... Гдѣ же ваши фразы... о свободѣ личности?

Горинъ, понуривъ голову, молчалъ, но потомъ поднялъ глаза на Lotti и грустно сказалъ:

— Значитъ... уйти...

— Да и поскорѣе...—брезгливо сказала она, глядя въ окно, гдѣ занимался холодный разсвѣтъ.

Захлопнулись двери, открытыя заспаннымъ консьержемъ и Горинъ пасмурный, тоскливый вышелъ на улицу...

Навстрѣчу сонно двигались фіакры съ спящими кучерами. Усталыя проститутки еще назойливѣе приставали къ рѣдкимъ прохожимъ.

Горинъ, ничего не видя, возбужденный, разстроенный шелъ куда-то впередъ.

Вотъ опять... Оборвалась красивая сказка, не слышно изящной мелодіи, такъ далекой отъ условностей рынка, лжи прейскурантовъ, отъ грязи продажныхъ ласкъ.

Рѣдкій гость угрюмой жизни, шаловливый случай улыбнулся ему, а онъ «не угадалъ момента»...

Но только-ли не угадалъ? Не больше? Разорванъ причудливый узоръ легкой грезы, ускользнуло счастье.

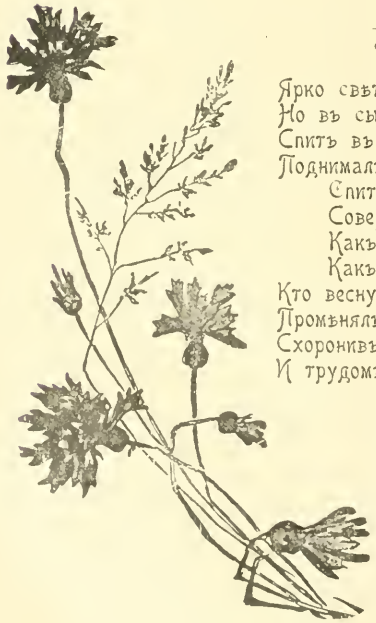
Почему?..

И. Тимковскій.

* * *

Когда ты устанешь, потухнутъ глаза,
Чело избороздятъ морщины
И иней покроетъ твои волоса
Отъ скорби, страданій, кручины;
Когда твое сердце устанетъ желать
И будешь какъ я одинока,
А старость неслышно тихонько, какъ тать,
Къ тебѣ подойдетъ издалека!
Ты вспомни меня и къ себѣ позови,
Какъ прежде съ тобой буду друженъ.
Теперь... веселись, наслаждайся, живи...
Пока же тебѣ..... я не нуженъ!

К. П. Льсниковъ.



У тихой пристани.

Ярко свѣтитъ солнце надъ крестами,
Но въ сырой могилѣ-мракъ и холодъ.
Спитъ въ ней тотъ, кто сильными руками
Поднималъ всю жизнь тяжелый молотъ...
Спитъ въ ней тотъ, кто путь свой терпѣливо
Совершалъ, съ судьбой за счастье споря,—
Какъ грозой надломленная ива,
Какъ пловецъ въ пучинѣ грозной моря...
Кто весну, движенье, солнце, звуки
Промѣнялъ на мракъ и тлѣнъ могилы,
Схоронивъ нужды жестокой муки
И трудомъ надорванныя силы...
Спи жъ, бѣднякъ, обиженный судьбою:
Здѣсь тебя не будетъ мучить голодъ...
Подъ могильной каменной плитою
Поднимать не надо тяжкій молотъ!

А. Миклашевскій.

Ушедшей.

Гляжу на облачко сквозное
И на весеннюю эмаль,
Гдѣ ты, дитя мое больное,
Моя любовь, моя печаль.
Я помню паркъ опустошенный
И вѣтра шалаго испугъ;
Твой взоръ, отъ жизни отрѣшенный
И восковую блѣдность рукъ.
Туманы сизые летѣли,
Вода рябилась въ колеѣ
И листья мокрыя желтѣли
Въ грязи, на платьѣ, на скамьѣ.
Дождь моросилъ, березка гнулась
И галки падали вдали.
Вздохнула ты и улыбнулась
Весеннимъ горестямъ земли.
Чуть выпалъ снѣгъ, тебя не стало,
Но мнилось—ты не умерла,
А въ даль, гдѣ солнце отдыхало,
Полями бѣлыми ушла.
И вотъ весна, весна и пѣсни.
Смѣется дѣвственная высь...
Любовь, печаль моя, воскресни!
Гдѣ ты, дитя мое, вернись!

Александръ Рославлевъ.

Г. Де-Куль. ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ.

Въ Дроздовской гимназіи.

(*Окончаніе*).

Пока шли вопросы «текущіе» исполнительнаго, распорядительно-хозяйственнаго и учебно-воспитательнаго свойства засѣданіе совѣта тянулось вяло: говорилъ исключительно только одинъ директоръ да изрѣдка вставлялъ свое слово инспекторъ и предлагаемыя Дроздовымъ резолюціи въ формѣ лаконическихъ: «исполнить», «утвердить», «сообщить», «принять къ свѣдѣнію», «то же» —утверждались и одобрялись совѣтомъ безмолвно кивками головъ, или даже просто молчаніемъ и такъ же безмолвно вписывались секретаремъ-машиной Барсазовымъ въ графѣ протокола «опредѣлили» противъ соотвѣтствующаго мѣста графы «слушали».

Но вотъ, наконецъ, покончивъ съ «текущими» дѣлами, Аггей Платоновичъ слегка откашлялся и сразу же принялъ какой-то задумчиво-оффиціальный и озабоченно-непроницаемый видъ, точь-въ-точь такой, какой имѣютъ врачи въ моментъ начала хлороформированія больного передъ трудной операціей, во время которой пацієнтъ можетъ скончаться подъ ножомъ.—Видъ этотъ былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ господамъ педагогамъ и на столько не предвѣщалъ самъ по себѣ ничего добраго, что Черноярцевъ, взглянувшій случайно на Дроздова въ этотъ самый моментъ, наклонился сейчасъ-же къ Сорокину и шепнулъ ему:

— «Смотрите-ка, Наумъ Ивановичъ,—нашъ Аггей что-то «потускнѣлъ» опять вдругъ: вѣрно распинать кого нибудь собирается».

— «Что-жъ, ему не привыкать стать этимъ душеспасительнымъ дѣломъ заниматься»—отвѣчалъ тотъ.

«Заступники» насторожились, а директоръ тѣмъ временемъ уже началъ слѣдующее:

— «Теперь, господа, я долженъ, къ сожалѣнію, освѣдомить васъ объ одномъ весьма прискорбномъ инцидентѣ, который имѣлъ мѣсто въ нашей гимназіи сегодня, но который въ то-же время важенъ не самымъ событіемъ своимъ, не единичнымъ, такъ сказать, проявленіемъ во внѣ, а своею сущностью, не оставляющей сомнѣнія въ томъ, что духъ нынѣшняго всеобщаго шатанія мысли и стремленіе противодѣйствовать всѣмъ самымъ разумнымъ начинаніямъ правительства проникаетъ уже въ стѣны и нашего, бывшаго до сихъ поръ вполнѣ цѣломудреннымъ, въ этомъ смыслѣ, учрежденія»...

— «Предисловіе грозное,»—шепнулъ Черноярцевъ Сорокину.

— «Но и вполнѣ современное... Очевидно, предстоитъ Иродово избіеніе младенцевъ»—отвѣтилъ ему въ тонъ Наумъ Ивановичъ.

А директоръ продолжалъ:

— «И я долженъ сказать, что, какъ я самъ совершенно безошибочно убѣдился путемъ продолжительныхъ личныхъ наблюденій,—недобрыми апостолами и, такъ сказать, первыми провокаторами этого пагубнаго движенія у насъ въ гимназіи являются трое изъ восьмого класса,—а именно—Кочетовскій—Михаилъ, Прутковъ—Иванъ и въ особенности Кудлавинъ—Борисъ. По моему горячему убѣжденію три этихъ господина, а въ особенности, повторяю, послѣдній, являются у насъ чѣмъ-то въ родѣ карчей, торчащихъ тамъ и сямъ среди русла нашей всегда спокойной и тихой учебной рѣки и представляютъ, такимъ образомъ, несомнѣнную опасность для того корабля знаній, который благодаря вашимъ, господа, просвѣщеннымъ трудамъ величаво плыветъ по лону этой тихой рѣки и управленіе которымъ начальству благоугодно было ввѣрить мнѣ подъ строгой отвѣтственностью за его цѣлость и за совершенную безопасность плаванья».

— «Жертвы опредѣлились»,—шепнулъ неугомонный Черноярцевъ Сорокину.

— «И вопросъ ставитъ сразу-же круто»,—отвѣчалъ тотъ.

Разсказавъ затѣмъ о случаѣ «столь грубаго нарушенія правилъ о формѣ», сдѣланнаго названными тремя гимназистами, директоръ указалъ, что Кочетовскому и Пруткову уже за одно это, если не считать даже ранѣе бывшихъ случаевъ нарушенія ими формы («нѣсколько разъ являлись въ классъ въ черныхъ брюкахъ; носятъ пояса безъ установленныхъ бляхъ и гораздо шире указаннаго образца; на воротникахъ куртокъ не имѣютъ положенныхъ по формѣ двухъ серебряныхъ пуговицъ и вообще проявляютъ растлѣвающе дѣйствующій и на другихъ пошибъ на столь опасное для ихъ возраста франтовство, несомнѣнно отвлекающее ихъ отъ разумныхъ и благодѣтельныхъ задачъ образованія» и проч., и проч.), надлежитъ за содѣянное уменьшить въ текущей второй четверти отмѣтку за поведеніе на два балла, т. е. поставить каждому по тройкѣ.

— «Что-же касается Кудлавина—Бориса»,—продолжалъ Дроздовъ, нахмурившись вдругъ больше прежняго,—«то по отношенію къ нему вопросъ представляется значительно серьезнѣе и обыкновенныя мѣры дисциплинарнаго взысканія, хотя-бы даже и самаго строгаго, въ примѣненіи къ этому господину, по моему горячему убѣжденію, были-бы совершенно безцѣльными и въ смыслѣ педагогическаго воздѣйствія не дали-бы, нужно думать, никакого желаннаго результата... Тутъ ужъ во имя общаго блага и авторитета самаго учрежденія, т. е. гимназіи, неизбѣжно обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ, дабы сразу-же и съ корнемъ вырвать самый источникъ заразы, могущей несомнѣнно погубить потомъ десятки и десятки другихъ неповинныхъ, если мы быстрымъ и рѣшительнымъ пріемомъ не положимъ этому конецъ теперь-же... По крайней мѣрѣ, какъ это ни грустно и какъ ни больно, но я со своей стороны безъ всякихъ колебаній высказываюсь за совершенное удаленіе этого господина изъ гимназіи и буду настаивать на этомъ всѣми зависящими отъ меня средствами»...

Онъ пріостановился на минуту, а въ это время среди всеобщаго гробового молчанія съ конца стола раздался вопросъ Черноярцева:

— «По какимъ-же собственно причинамъ, Аггей Платоновичъ, вы считаете столь необходимымъ исключить Кудлавина за нѣсколько мѣсяцевъ передъ самымъ окончаніемъ имъ курса? Вѣдь, меньше чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ онъ и безъ того ушелъ-бы».

— «А вотъ-съ по какимъ»,—отвѣчалъ, возвысивъ голосъ Дроздовъ, подчеркивая этой приставкой «съ» свое очевидное неудовольствіе по поводу столь неумѣстной пытливости вопрошавшаго (вѣдь молчатъ-же другіе?!).—«Кудлавинъ значительно усугубилъ свой поступокъ всѣмъ послѣдующимъ поведеніемъ.—Въ отвѣтъ на мою укоризненную рѣчь классу онъ позволилъ себѣ издѣвательство грубое, наглое, безпримѣрное! Онъ ни больше, ни меньше, какъ въ отвѣтъ на мои слова запѣлъ громко какую-то антиправительственную пѣсенку, чѣмъ вызвалъ разнузданное гоготаніе цѣлаго класса въ присутствіи почтеннаго Ираклія Гермогеновича и своимъ деморализирующимъ примѣромъ, очевидно, свелъ къ нулю все то доброе, что я посѣялъ въ сердцахъ учениковъ своей рѣчью... Это-ли не возмутительный образецъ его отношенія въ лицѣ моемъ, ужъ не скажу къ человѣку, имѣющему по своему отечески—попечительному отношенію ко всѣмъ нимъ полное право расчитывать на особенное уваженіе, а прямо уже къ представителю правительственной власти и власти высшей?!.

Но онъ не остановился и на этомъ, а пошелъ въ своей возмутительной наглости еще дальше и, какъ вы видите, зашелъ слишкомъ далеко, почти до открытаго возмущенія противъ всѣхъ властей! Не взирая на отеческое назиданіе, сдѣланное сейчасъ-же ему Ираклiемъ Гермогеновичемъ, который постарался, какъ онъ мнѣ передавалъ, обратиться къ лучшей сторонѣ его сердца,—къ его чувству гражданина, и указалъ, что онъ своимъ безпримѣрнымъ поведеніемъ попираетъ и оскорбляетъ священную для всѣхъ самую русскую государственную идею,—этотъ милостивый государь вслѣдъ затѣмъ осмѣлился явиться ко мнѣ въ канцелярію и въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей нагло предъявить требованіе, чтобы я предоставилъ ему право хожденія въ цивильномъ платьѣ!.. Это что же такое, какъ не явное противодѣйствіе правительству!.. Если у этого безумца хватаетъ наглости мнѣ, директору, непосредственно предъявлять такое изъ ряда вонъ выходящее по дерзости требованіе нарушить самые основные законы, то что-же,—спрашиваю я васъ, онъ можетъ позволить себѣ съ обыкновеннымъ, такъ сказать, заурядnымъ человѣкомъ и гражданиномъ? И если мы сегодня спустимъ такое неслыханное глумленіе надъ закономъ и властью, то развѣ мы не въ правѣ будемъ ожидать, что завтра же тотъ же Кудлавинъ, да кромѣ него еще и десятокъ другой горячихъ головъ, увлеченныхъ его заразительнымъ, а главное оставшимся безнаказаннымъ примѣромъ, явятся сюда съ требованіемъ присылать отъ себя депутатовъ въ нашъ педагогическій совѣтъ; тамъ дальше еще, пожалуй, потребуютъ представительнаго образа правленія,—благо это теперь такъ въ модѣ и чуть ли не поощряется со стороны тѣхъ, кому бы это надлежало вѣдать и пресѣкать вмѣсто того, чтобы тѣшить конституціоннаго бѣса разныхъ разнузданныхъ безумцевъ и дозволять имъ играть къ общему соблазну столь не шуточными словами и понятіями! Нѣтъ, господа, нашъ долгъ и педагогическій и еще шире долгъ гражданскій быстро и рѣшительно поставить предѣлъ такому глумленію и сберечь остальныхъ 445 отъ заразы, изгнавъ одного. А что въ дѣйствіяхъ Кудлавина была именно сознательная политическая неблагонадежность, такъ это ясно какъ день изъ того, что не успѣлъ еще я разъяснить ему все безуміе его поступка, какъ онъ уже публично въ корридорѣ на глазахъ всей гимназіи нанесъ оскорбленіе Ивану Ильичу, крикнувъ ему передъ всѣми, нѣсколько разъ слово «шпіонъ» «рыжая язва» и еще что-то въ этомъ родѣ! Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, что названіе «шпіонъ»—это обычная кличка, которою соціалисты всѣхъ сортовъ и оттѣнковъ до террористовъ включительно надѣляютъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ закона и долга, свято чтущихъ присягу. И вотъ этотъ безумецъ называетъ перваго же почтеннаго труженика, попавшагося ему на глаза не какимъ-нибудь другимъ словомъ, а именно этимъ излюбленнымъ словомъ людей его партіи и за что? Безъ всякой причины, за то только, что онъ—одинъ изъ представителей закона и порядка! Нѣтъ, господа, я самъ не сторонникъ крайнихъ мѣръ и прекрасно сознаю всю серьезность предлагаемаго мною возмездія, но мы переживаемъ теперь такое тяжелое время всеобщей разладицы, все вокругъ насъ такъ сплошь отравлено ядомъ свободомыслія и возмутительнаго отрицанія всѣхъ тѣхъ идеаловъ, всего того, что вѣками стояло не зыблемо и всегда считалось священнымъ, все такъ расшатано и перековеркано,—что мы во имя блага родины, во имя охраненія основъ и во исполненіе велѣній нашей гражданской совѣсти должны это сдѣлать, мы не имѣемъ права колебаться, мы обязаны такъ-же твердо и рѣшительно, какъ даемъ огрѣзать себѣ зараженный гангреной палецъ, чтобы спасти себѣ жизнь, изгнать этого одного, чтобы спасти сотни и сотни другихъ!»

Аггей Платоновичъ кончилъ и съ сознаніемъ исполненнаго гражданскаго долга откинулся на спинку своего кресла.

На нѣсколько секундъ воцарилось глубокое безмолвіе, которое было затѣмъ нарушено общимъ замѣчаніемъ священника, отца Саввы Орнаментова:

— «Что относительно эпохи, то, высокоуважаемый Аггей Платоновичъ, вы изволили со свойственною вамъ проницательностью замѣтить и охарактеризовать совершенно безошибочно и справедливо: по истинѣ какое-то нелѣпое время, безумное время, страшное время...Никто не можетъ быть увѣреннымъ днесь, что будетъ на утро... Вотъ ужъ именно по писанію: «Не уявися, что будемъ»! И гдѣ конецъ, и когда конецъ и въ чемъ-же, наконецъ, конецъ,—не знаемъ... Какой-то безмѣрный хаосъ душъ, какая-то непроглядная тьма мысли, сумятица чувствъ и несущійся изъ края въ край нашей бѣдной русской земли вихрь страстей!.. Истинное безвременіе»!!.

И почтенный іерей, закончивъ свою тираду, поправилъ широкіе рукава своей шелковой рясы, тщательно разгладилъ бороду и глубоко вздохнулъ.

— «Но, Аггей Платоновичъ», — сказалъ Сорокинъ,—«разъ ужъ мы обсуждаемъ теперь такую крутую мѣру, какъ исключеніе Кудлавина изъ гимназіи,—то по правилу— десять разъ отмѣрь, а одинъ разъ отрѣжь скажемъ такъ: ужъ не слишкомъ-ли въ серьезъ мы принимаемъ всѣ эти его можетъ быть только случайныя и даже по несдержанности темперамента мальчишескія выходки? И не совершимъ ли мы еще бо́льшее по тѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ, какія сама собой вызоветъ такая крайняя мѣра, какъ исключеніе, зло? Вѣдь, что-же дальше предстоитъ Кудлавину? Золотая рота! И за что въ сущности?—За то, что у него можетъ быть нѣсколько болѣе горячій, чѣмъ у другихъ, темпераментъ?!.

«Ну, это ужъ Наумъ Ивановичъ, пусть господа преподаватели обсудятъ, какъ хотятъ»,—рѣзко сказалъ директоръ и нетерпѣливо вынулъ изъ кармана часы и посмотрѣлъ на нихъ, желая очевидно указать этимъ, что на переливаніе изъ пустого въ порожнее у него слишкомъ мало времени. «Я свое мнѣніе высказалъ, какъ это мнѣ было ни тяжело и ни прискорбно, совершенно открыто и откровенно, но я, конечно, ужъ по самой идеѣ совѣщаній коллегіальныхъ далекъ отъ мысли навязывать его вамъ или вообще кому либо... Если вы признаете Кудлавина столь желательнымъ и столь полезнымъ для всей гимназіи, то вы можете свободно высказаться въ этомъ смыслѣ»,— закончилъ онъ саркастически.

— Позвольте, Аггей Платоновичъ,—вмѣшался и Черноярцевъ, — «тутъ у насъ выходитъ прежде всего какая-то путаница понятій... Вѣдь, п о л е з н а-то должна быть прежде всего гимназія, а не кто нибудь для гимназіи,—т. е., стало быть, мы Кудлавину, а не намъ Кудлавинъ... Вѣдь, кажется, это такъ, коллеги?

Дроздовъ какъ-то презрительно подернулъ плечами при этомъ вопросѣ, а всѣ остальные смолчали.

И только одинъ неизмѣнный Наумъ Ивановичъ Сорокинъ поспѣшилъ поддержать товарища восклицаніемъ:

— Конечно, конечно... Мы для него, а не онъ для насъ!..

Но Дроздовъ прекрасно зналъ ареопагъ своихъ инквизиторовъ, эту всегда чуткую къ е г о желаніямъ и е г о мнѣнію и всегда послушную е м у машину, и потому не смутился этими двумя противорѣчіями. Онъ пригласилъ участвующихъ къ обсужденію вопроса, но не простымъ отобраніемъ голосовъ, а каждому поставилъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

— Батюшка! Потрудитесь высказать совѣту ваше мнѣніе о Кудлавинѣ.

— Оно, конечно, — отвѣчалъ Савва Орнаментовъ, — рѣзокъ онъ, рѣзокъ весьма и даже, можно сказать, многошумящъ... Вотъ и въ вопросахъ религіозныхъ и догматическихъ, — о постѣ, напримѣръ, о посѣщеніи церковныхъ службъ и вообще объ общественныхъ богослуженіяхъ,—онъ склоненъ весьма къ вольнодумству и къ критикѣ осудительной не по разуму... При этомъ нерѣдко на философа Соловьева ссылается, подкрѣпляя цитатами изъ его сочиненій разныя тамъ свои весьма смѣлыя и весьма даже вразрѣзъ съ духомъ истиннаго православія идущія мысли... Оно для него и не своевозрастно, ибо, какъ извѣстно, господинъ Соловьевъ, у котораго умъ за разумъ зашелъ въ философскихъ мудрствованіяхъ, во многомъ идеѣ папизма послужилъ и вообще къ католицизму замѣтное тяготѣніе имѣлъ...

Словоохотливый іерей и не замѣчалъ, какимъ звѣремъ смотрѣлъ на него черезъ столъ при этихъ словахъ католикъ Войцѣхъ Нууль.

— Вотъ и въ бесѣдахъ иногда, — продолжалъ между тѣмъ священникъ, — которыя мнѣ приходится вести съ ними, онъ высказывалъ мнѣнія и мысли, совершенно неподобающія для истиннаго сына православной церкви... И вообще неоднократно обнаруживалъ какое-то критиканствующее и неодобрительное къ порядкамъ отношеніе, ясно указывающее, что для него нѣтъ ничего незыблемаго, прочнаго, не подлежащаго обсужденію... Въ своемъ кощунствѣ однажды зашелъ такъ далеко, что извѣстное догматическое выраженіе «обличеніе невидимыхъ» истолковалъ въ томъ смыслѣ, что разумъ-де и философское созерцаніе обязаны о б л и ч а т ь, т. е. укорять и порицать все непонятное и бездоказательно навязываемое въ нашемъ православномъ ученіи!.. У этого юноши, говоря фигурально, вообще какой-то блудный языкъ и подозрительный умъ, а, значитъ, и направленіе, не соотвѣтствующее истиннымъ видамъ правительства...

Впрочемъ, со всею должною справедливостью долженъ сказать, что уроки онъ готовитъ аккуратно и отвѣчаетъ толково...

— А вы что скажете, — Аркадій Петровичъ? — обратился Дроздовъ къ инспектору, считая мнѣніе священника поданнымъ за исключеніе Кудлавина.

Ижеесинскій дважды развелъ руками и какъ-то нерѣшительно произнесъ:

— Я, конечно, готовъ... Отецъ Савва охарактеризовалъ Кудлавина—Бориса по-моему совершенно правильно... Противодѣйствуетъ... Замѣтно противодѣйствуетъ... И, наконецъ, эта выходка съ антиправительственной пѣсней... Это несомнѣнно вызывающій образъ дѣйствій... Онъ видимо нахватался гдѣ-то недоброкачественнаго духовнаго матеріала и не переварилъ его...

— Неблагонамѣренъ, — отчеканилъ съ жандармской прямолинейностью Ѳаворовъ,— «и можетъ растлѣвающе повліять на всѣхъ другихъ.

— Я присоединяюсь къ большинству,—произнесъ пѣвецъ таинственной «трампапиштьі», Петруха Скоромниковъ и заерзалъ на креслѣ.

— И э́-то-же я́с-но,—взвизгнулъ Войцѣхъ Нууль,—что та́-кой у́-че-никъ не́-у-добенъ для пра́-ви-тельственна-го за́-ве-де-нія... Э-то-же пря́-мо кра́-моль-никъ, отъ ко́-то-ра-го на́д ле-житъ йз-ба́-вить-ся... Онъ не́-дав-но лично мнѣ на́ мое о́-бик-но-венное за́-мѣ-ча-ніе о не́-при-ли-чіи смѣ-ха во врѣ-мя у́-рока, ко́г-да я е́-му по́-гро-зилъ за́-пи сать въ ко́н-ду-итъ,—съ на́г-лос-тію о́т-вѣ-чалъ, что для не́-го ко́н-ду-итъ ни́-че-го не зна́-читъ...

— Но позвольте, Войцѣхъ Осиповичъ,—спросилъ Черноярцевъ,— а за что вы ему сдѣлали замѣчаніе?

— И, по́-вто-ряю, — отчеканилъ руль совѣта, — «за не́-при-лич-ный смѣхъ на у́-ро-кѣ.

— А мнѣ говорилъ весь классъ,—не унимался Черноярцевъ,—что Кудлавинъ вовсе не смѣялся, а только улыбнулся случайно... Мой урокъ былъ вслѣдъ за вашимъ и я прекрасно помню эту исторію».

— «И ну тамъ у́-либ-ка, й-ли смѣхъ,— о́-то-же все ра́в-но»,—отвѣчалъ нѣмецкій славянинъ, — и мнѣ не́-ког-да би́-ло ра́з-би-раться въ э́томъ, а толь-ко на мо́-е за́-мѣ-ча-ніе о не́-при-ли-чіи та́ко-го по́-ве-де-нія у́-че-никъ мнѣ во́з-ра-жалъ съ ви́-зы-вающимъ ви́-домъ... И ко́г-да-же я по́-вто-рилъ ка́-кую-то е́-го фра́-зу, по́д-ра-жая е́-го рѣ-чи, то онъ съ на́г-ло-стію ска́-залъ мнѣ, что онъ не въ пе́р-вомъ кла́с-сѣ и что-бы я не смѣлъ пе́ре-драз-ни-вать е́-го... И я то́г-да-же за та́-кія сло́-ва при́-гро-зилъ е́-му ко́н-ду-и-томъ, а онъ мнѣ на э́то о́т-вѣ-тилъ то, что я у́-же до́-кла-ды-валъ со́-вѣту о́бъ е́-го бе́з-бо яз-нен-нос-ти пе́-редъ ко́н-ду-и-томъ.

— Такъ выходитъ, коллега, — вставилъ Сорокинъ,—что вы же сами его вывели на это, потому что вы же сами передразнили его.

— И я у́-же не зна́-ю, на что я е́-го ви́-велъ, но о́-то со́-вер-шен-но вѣ́р-но, что о́нъ ме́-ня ви́-велъ изъ всѣ-чес-ка го те́р-пѣ-нія и я ви́-нуж-ден-нымъ о́-ка-зал-ся пре́-кра-тить у́-рокъ по при́-чи-нѣ ве́сь-ма си́ль-на-го не́р-вна-го во́з буж-де-нія и э́-то са́-мо-е я йз-ло-жилъ въ ко́н-ду-и-тѣ.

— Вотъ что записано по этому поводу въ кондуитѣ — вставилъ Ижеесинскій и, открывъ книгу бытія, прочелъ:

На урокѣ латинскаго языка ученикъ Кудлавинъ — Борисъ до такой степени неуважительно отнесся къ замѣчаніямъ преподавателя о классной дисциплинѣ, что преподаватель отъ волненія принужденъ былъ прекратить занятія съ половины урока. Кудлавинъ—Борисъ приблизительно выразился въ такомъ родѣ: онъ не въ первомъ классѣ, можетъ улыбаться на урокахъ и преподаватель не смѣетъ дѣлать ему замѣчаній, а записи въ кондуитъ для него ничего не значатъ».

— Вообще, какъ оказывается, очень миленькій экземпляръ, — насмѣшливо вставилъ Дроздовъ, — и художествъ за нимъ достаточно... Я не знаю, изъ-за чего отстаиваютъ его такъ Евгеній Алексѣевичъ и Наумъ Ивановичъ... Ваше мнѣніе, Павелъ Павловичъ?

— Мудрству... лукав... Обнаружива... чисто соціалистическ... воззрѣн... во всѣхъ работ... — отвѣчалъ, не торопясь, безсловесный учитель словесности, проглатывая по обыкновенію всѣ до одного окончанія словъ. Очевидны... сторонни... всяки... преступны... союзо... и ассоціац... Я во всяк... случа... присоединя... къ вашем... мнѣні...

Онъ, кажется, хотѣлъ было прибавить еще что-то, но рѣчь вышла и безъ того

уже непосильно для него длинной и языкъ почтеннаго Палъ Палыча видимо отказался служить ему въ одинъ разъ такъ непривычно долго.

Остальные четверо педагоговъ (всѣхъ отцевъ-инквизиторовъ засѣдало ровно тринадцать) не сказали ничего, ограничившись лишь тѣмъ, что кивнули головами, въ сторону Дроздова, желая этимъ показать, что они присоединяются къ его мнѣнію.

— Стало быть вопросъ объ исключеніи Кудлавина можно считать рѣшеннымъ окончательно и...—Онъ слегка запнулся и, обращаясь уже непосредственно къ двумъ крайнимъ, Черноярцеву и Сорокину,—докончилъ:

— . . . . . и единогласно?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Черноярцевъ,— мы съ Наумомъ Ивановичемъ думаемъ нѣсколько иначе и вполнѣ солидарно полагаемъ, что, судя по всему слышанному, Кудлавина прогонять изъ гимназіи и, закрывая ему путь къ высшему образованію, коверкать всю эту только еще начинающуюся молодую жизнь совершенно не за что.

«Вѣчная оппозиція этихъ двухъ вольнодумцевъ»,—подумалъ съ досадой Дроздовъ, а громко сказалъ:

— Ну, стало быть, не единогласно, а большинствомъ одинадцати противъ двухъ.

— Но, позвольте, Аггей Платоновичъ, вы о комъ же собственно заботитесь и кому желаете принести пользу этимъ исключеніемъ? Ужъ не самому же юношѣ, надѣюсь?»

«Да, несомнѣнно у него громадная заручка въ округѣ и я таки сильно промахнулся, поторопившись послать о немъ конфиденціальный отзывъ»—мелькнуло въ головѣ директора и онъ холодно отвѣтилъ Черноярцеву:

— Заботчусь объ остальныхъ и о чистотѣ духа ввѣренной моимъ заботамъ гимназіи, стараясь во время удалить изъ нея всякій недоброкачественный и вообще нежелательный элементъ. А пользу принесу этимъ исключеніемъ прежде всего намъ же самимъ и это, кажется, такъ понятно.

— Простите меня, но я совершенно отказываюсь уразумѣть это... При чемъ же тутъ мы-то?

— А вотъ-съ при чемъ: если его выпустимъ мы, такъ сказать, подъ нашей фирмой и за нашей бандеролью, то и въ дальнѣйшемъ за всѣ его поступки и дѣянія да и вообще за все его направленіе будемъ въ отвѣтѣ мы же. Мы его аттестуемъ зрѣлымъ, выставимъ ему полный баллъ за поведеніе, а онъ съ мѣста же на первомъ курсѣ университета противоправительственную пропаганду поведетъ... Съ кого-же, позвольте васъ спросить, по этому поводу отчета потребуютъ? Кому въ вину вмѣнятъ эту дурно направленную голову? Конечно, съ насъ же и прежде всего въ первую голову съ меня-съ! А два-три-пятокъ такихъ молодчиковъ и вотъ вамъ въ министерствѣ мнѣніе готово и красненькій крестикъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ памятки поставленъ... Что же по-вашему съ этимъ мы должны или нѣтъ считаться?

— Ну, да,—произнесъ насмѣшливо учитель физики,—стало быть рѣчь идетъ о благоразумномъ самосохраненіи... Это опять на счетъ собственной шкурочки!.. Теперь мнѣ, конечно, все это становится болѣе понятнымъ...

Вѣрно, эта каналья помощнику попечителя сродни или какой нибудь тамъ большой рыбѣ въ министерствѣ», думалъ въ это время Аггей Платоновичъ, «иначе развѣ онъ осмѣлился бы говорить что нибудь подобное?! Вѣдь не можетъ же этотъ дуракъ не понимать, что я его за такія слова могу въ три рожна согнуть»?!

— Ну, вы, Евгеній Алексѣевичъ, можете себѣ альтруизмомъ пробавляться, сколько вамъ угодно, а у насъ всѣхъ службой живущихъ,—дѣти-съ!.. Мы себѣ свою линію будемъ вести въ соотвѣтствіи съ тѣми указаніями, которыя намъ преподаны господиномъ Попечителемъ и на словахъ, и въ десяткахъ циркуляровъ общихъ и конфиденціальныхъ.

И затѣмъ рѣшительнымъ тономъ, указывающимъ на то, что онъ не желаетъ дальше продолжать этотъ споръ съ Черноярцевымъ, директоръ обратился къ Сорокину и спросилъ его:

— А вы, Наумъ Ивановичъ, послѣ всѣхъ этихъ нашихъ дебатовъ къ кому же присоединитесь,—къ намъ всѣмъ, или къ одному Евгенію Алексѣевичу?

Добрякъ учитель чистописанія не смутился, какъ этого ожидалъ Дроздовъ,— такой прямой постановкой вопроса съ противоположеніемъ всѣхъ одному.

— Я, Аггей Платоновичъ, ни къ вамъ, ни къ Евгенію Алексѣевичу, а самъ по себѣ думаю, что все это въ сущности—выѣденное яйцо! А я бы по крайнему своему

разумѣнію присадилъ бы мальца эдакъ часиковъ на пять, на шесть въ карцеръ, если онъ тамъ нафордыбачилъ въ чемъ,—да и шабашъ... А то за что же въ самомъ дѣлѣ жизнь ему портить? Глупъ еще малый, если пѣсни на урокахъ распѣваетъ да съ преподавателями, которые могутъ его въ баранiй рогъ согнуть резонится... А что въ штатскомъ пальто ходилъ, такъ можетъ быть у него форменнаго-то теплаго и нѣтъ вовсе, а морозы вонъ вѣдь какіе стоятъ... Изъ стараго, поди, выросъ, а новое справить не на что: вѣдь на него по нынѣшнимъ временамъ чуть не сорокъ цѣлковыхъ потребуется... А гдѣ ихъ взять? Отецъ-то у него судейскій какой-то,—такъ велики ли у нихъ достатки? Вѣдь судейскіе нынче-то, говорятъ, взятокъ больше не берутъ, не то, что въ доброе старое время... Право, карцеромъ бы ограничиться! Самое любезное дѣло. отсидитъ полную порцію,—вся дурь изъ головы выйдетъ...

Аггей Платоновичъ нахмурился и, обратившись къ Барказову, произнесъ:

— Такъ запишите, Михаилъ Митрофановичъ: тѣмъ двумъ, Кочетовскому и Пруткову, уменьшить отмѣтку въ поведеніи за текущую четверть на два балла, а этого, Кудлавина,—исключить.

Черноярцева и Сорокина при этихъ словахъ передернуло, а Нууль съ ехиднымъ злорадствомъ сказалъ:

— И э-то е-му бу-детъ по-лез-но... По кра-ней мѣ-рѣ сей бе-зо-яз-нен-ный го-спо-динъ на со-бствен-ной шку-рѣ у-бѣ-дит-ся, что ко-ну-и-тъ не пу-зырь изъ мы-ла... Ихъ по-д-тя-нуть всѣхъ да-в-но у-же по-ра, й-бо ра-пус-ти-лись вѣсь-ма и вся-чес-кимъ во-ль-но-дум-ствомъ на-чи-ни-лись. И для о-сталь-ныхъ о-стра-стка, бу-детъ хо-ро-ша-я, да-бы не по-за бы-ва-лись... Вѣсь-ма дѣйст-витель-но-е «memento mori»!

— Кудлавинъ — Борисъ и не могъ бы быть другимъ — вставилъ и свое замѣчаніе Праклій Гермогеновичъ Ѳаворовъ, — потому что и семья его такая же вольнодумствующая, какъ и онъ. Его отецъ—членъ суда и, кичась своей независимостью и, какъ онъ всегда увѣряетъ всѣхъ (я это слышалъ отъ него самого въ клубѣ) несмѣняемостью, вѣчно либеральничаетъ, и все и всѣхъ критикуетъ... Это вѣдь онъ, Аггей Платоновичъ, кажется, нашу учительскую назвалъ «Аггіевой конюшней»? Это вы про него мнѣ разсказывали?

Дроздовъ густо покраснѣлъ. Простоватый вопросъ подкуренной ладаномъ французской оглобли, видимо, былъ ему совсѣмъ не понутру: само собой получалось налицо очень вѣроятное объясненіе очевидно не совсѣмъ безпристрастныхъ настояній директора гимназіи, уязвленнаго въ своемъ профессіональномъ самолюбіи отцомъ Кудлавина, на непремѣнномъ исключеніи сына обидчика изъ этой самой гимназіи.

Но вопросъ уже былъ заданъ, истина обнаружилась и Аггей Платоновичъ отвѣчалъ:

— Да, это онъ. Это было на нашемъ литературномъ утрѣ. Вотъ Иванъ Ильичъ лично самъ слышалъ. Иванъ Ильичъ, разскажите совѣту, какъ это было?»

«Рыжій», сидѣвшій съ другимъ надзирателемъ, жердеобразнымъ «сипаемъ», за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ, услышавъ обращеніе къ себѣ директора, быстро всталъ съ мѣста и, слегка покраснѣвши, но неизвѣстно, отъ чего,—отъ сознанія-ли исполненнаго долга и важности переданныхъ имъ свѣдѣній, или-же оттого, что обнаружилась его не идеально красивая шпіонская роль въ этомъ дѣлѣ,—не совсѣмъ связно разсказалъ:

— На литературномъ утрѣ въ антрактѣ между первымъ и вторымъ отдѣленіями, когда я находился по порученію господина инспектора въ верхнемъ коридорѣ для наблюденія за учениками, какой-то господинъ, о которомъ я потомъ освѣдомился, что это—отецъ нашихъ учениковъ восьмого и второго классовъ, Кудлавинъ, проходя съ Предсѣдателемъ Окружнаго Суда, господиномъ Кожевниковымъ, по коридору мимо дверей учительской, обратился къ нему и въ полъ-голоса сказалъ,—а я какъ разъ шелъ почти рядомъ съ нимъ, но нѣсколько сзади и былъ, по распоряженію господина директора, безъ формы, въ черномъ сюртукѣ, такъ что онъ, не зная меня въ лицо, не могъ и знать, что я принадлежу къ гимназической корпораціи. Поэтому я отчетливо и слышалъ его слова. Онъ сказалъ, указывая рукой на учительскую:

— «А вотъ это—современная Аггіева конюшня... Въ древности были Авгіевы конюшни, которыя очистилъ отъ навоза Геркулесъ; ну ужъ а эту, Дроздовскую Аггіеву навозницу, ручаюсь вамъ, и десятокъ Геркулесовъ не очистятъ! Эту, чтобы очистить отъ живого навоза, копошащагося въ ней, лучше всего или пушками обстрѣлять, или, еще вѣрнѣе, попросту сжечь!» Я про это счелъ своимъ долгомъ тогда же доложить господину директору.

И «Рыжій» съ сознаніемъ исполненнаго долга сѣлъ опять на свое мѣсто.

— Такъ вотъ гдѣ, коллега, собака-то была зарыта, — шепнулъ Черноярцевъ Сорокину. — Аггеюшко-то нашъ отомстилъ Кудлавину-отцу за оскорбленіе дьявольски...

— А какъ же? Не по коню, такъ по оглоблѣ, — отвѣчалъ ему въ тонъ Сорокинъ, и прибавилъ:

— «Хорошіе, честные люди всегда такъ поступаютъ».

И добродушный Наумъ Ивановичъ какъ-то безнадежно махнулъ рукою...

. . . . . .

Засѣданіе педагогической инквизиціи было окончено. Она сдѣлала свое злое дѣло, выбросила за бортъ корабля, несущаго дѣтей въ обитель свѣта и знаній, ни въ чемъ неповиннаго юношу и теперь спокойно расходилась.

Машинообразный секретарь, Михаилъ Митрофановичъ Барказовъ, который по обыкновенію и представленія не имѣлъ, какую страшную резолюцію онъ занесъ въ протоколъ собственной рукой, передалъ книгу постановленій совѣта въ руки «Рыжему» и, забывъ все и всѣхъ въ мірѣ, торопился теперь въ клубъ, гдѣ онъ уже полтора десятка лѣтъ состоялъ безсмѣннымъ хозяйственнымъ старшиною, чтобы проблагодушествовать до двухъ часовъ ночи за кружкой богемскаго пива.

А всѣ остальные инквизиторы, точно хищныя птицы съ кровавой пирушки, разлетались, скрытые покровомъ ночи изъ подъѣзда гимназіи въ разныя стороны...

И ни у одного, буквально ни у одного изъ нихъ, кромѣ добряка учителя чистописанія, старика Сорокина, и молодого, живого сердцемъ и полнаго горячей любви къ дѣтямъ, Черноярцева, даже не шелохнулось въ сердцѣ чувство сострадапія къ этому безотвѣтному, изъ-за выѣденнаго яйца вышибленному изъ колеи жизни юношѣ, Кудлавину-Борису.

Напротивъ, двое изъ нихъ прямо-таки торжествовали въ душѣ...

Войцѣхъ Нуль, шагая по улицѣ домой и вспоминая свою стычку съ ученикомъ, мысленно потиралъ руки отъ удовольствія и при этомъ думалъ:

— «И мы тѐ-перь по́-смот-римъ, гдѣ тво́-я бе́з-бо-яз-нен-ность, гру́-бый ма́ль-чиш-ка... Иж-де-ну-ли вонъ!.. Э-то тѐ-бѣ по тво́-имъ за́-слу-гамъ... И пусть же тѐ-перь дру́-гіе ма́ль-чу-га-ны тве́р-до зна́-ютъ, что ко́г-да пре́-по-да-ва-тель Ну́ль при́-гро-зитъ ко́-му ко́н-ду-и-томъ, то на́д-ле-житъ мо́л чать, й-ли про́-сить по́-ми-ло-ванья у не́-го, а не спѣ́-си виться»!..

А директоръ, перечитывая въ то же время протоколъ засѣданія, думалъ:

«Ну-съ, почтенный господинъ папаша-критикъ, что вы запоете, когда завтра вамъ Дроздовская Аггіева навозница пришлетъ въ награду за ваше остроуміе извѣщеніе объ исключеніи изъ этой самой навозницы вашаго чадушка?!.. Получите и распишитесь!.. Коемуждо по дѣломъ его.. Посмотримъ, осмѣлитесь-ли вы еще когда нибудь тронуть того, кто изъ васъ въ любую минуту можетъ сокъ выжать, не взирая на всю вашу независимость и несмѣняемость?.. А попробуете, такъ не забудьте, что въ этой самой навозницѣ имѣется еще и во второмъ классѣ экземпляръ вашего-же отродьица, Кудлавинъ-Леонидъ»!..

Въ первомъ часу ночи, ложась спать, Аггей Платоновичъ по обыкновенію вымылъ руки и, стоя съ полотенцемъ около лежавшей уже въ постели и читавшей газету жены, говорилъ ей со страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ:

— «Ахъ, Глашенька, если-бы ты знала, сколько нервовъ, сколько нервовъ нужно для этой нашей проклятой службы!.. И какъ измочаливается человѣкъ, желающій быть на высотѣ своего педагогическаго призванія»!..

А черезъ три-четыре улицы отъ зданія гимназіи и казенной квартиры директора мать только-что исключеннаго ученика, Кудлавина-Бориса, до самой зари не могла сомкнуть глазъ, ожидая съ замираніемъ сердца на завтра результата сегодняшняго засѣданія педагогическаго совѣта...

С. Качіони.

Г. Коленъ. ЭПИЗОДЪ ИЗЪ НАШЕСТВІЯ ВЪ 1814 году.

МИНІАТЮРЫ.

Слѣпая.

Всѣ, еще минуту передъ тѣмъ шумные и веселые, внезапно смутились и замолчали. Всѣхъ поразила, что-то больное затронувъ въ душѣ, эта встрѣча маленькой слѣпой дѣвочки въ радостный, солнечный день. Даже самая хорошенькая и самая веселая изъ барышенъ, та, чья голова была окутана въ желтую кружевную чадру, купленную прошлою осенью у стараго татарина въ Гурзуфѣ,—стала вдругъ неожиданно серьезной и грустной. Трогательно-красивою нѣжностью повѣяло внезапно отъ ея грацiознаго смущенія. Заботливо наклонилась она надъ маленькой дѣвочкой, положивъ ей на плечо свою руку.

— Ты ничего не видишь?—спросила она и въ голосѣ ея вдругъ зазвучало что то теплое и матерински-ласковое, чего не было въ немъ прежде.

Дѣвочка, не отвѣчая, порывалась итти далѣе.

— Да какъ же ты пойдешь?—Развѣ ты знаешь дорогу? Гдѣ ты живешь?—спрашивала она съ безпомощнымъ испугомъ.—Знаешь ты дорогу домой?—громче повторила она еще разъ.

— Знаю,—какъ-то разсѣянно и равнодушно отвѣтила та и двинулась впередъ. Она шла съ помощью палки, придерживаясь время отъ времени о загородку дачныхъ палисадниковъ. Лицо ея было приподнято кверху, и слѣпые глаза, словно какіе-то бѣлые, слѣпые цвѣточки,—тянулись къ солнцу. Казалось, солнце указывало ей путь.

— И какъ это можно пускать слѣпую одну!—жалостливо промолвила одна изъ дамъ.

— Несчастная,—прошептала другая.

Всѣ постояли еще нѣкоторое время, смотря вслѣдъ удаляющейся вдоль дачныхъ загородокъ дѣвочкѣ съ приподнятыми прямо къ жгучему, ослѣпительному солнцу бѣлыми слѣпыми глазами.

Вошли въ лѣсъ. Словно какая-то сумрачно-величавая колоннада раскинулся лѣсъ, чутко оберегая робкую таинственность тишины. Здѣсь не такъ жарко, не такъ жгуче и ослѣпительно. Расплавленное золото полуденныхъ лучей не проникаетъ сюда,—рас-

пластавшись вверху на склонившихся другъ къ другу вершинахъ сосенъ. Лишь нѣсколько блещущихъ искръ и горячихъ солнечныхъ капель случайно залетѣло сюда, повиснувъ на бронзовыхъ стволахъ сосенъ и янтарно-желтой скамейкѣ.

— Какъ хорошо здѣсь,—сказалъ пожилой господинъ въ свѣтломъ фланелевомъ костюмѣ, дѣлая глубокій вздохъ и подымая лицо къ голубому, нѣжно-яркому небу. — Какъ роскошенъ міръ! И всего этого лишены слѣпые,—добавилъ онъ, опять возвращаясь къ тому же.

Всѣ вздохнули. Образъ слѣпой дѣвочки еще не исчезъ. Барышни шли задумчиво и молчаливо, держась подъ руку. Мужчины разсѣянно подбрасывали на ходу своими изящными тросточками нерастоптанные камни темно-краснаго песку вдоль расчищенныхъ дорожекъ парка.

— Почему, однако, такъ жалѣемъ мы эту дѣвочку?—вдругъ спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей, тотъ, что шелъ возлѣ барышни съ желтой чадрою. Всѣ обратились къ нему.

— Что, собственно,—слѣпота? Отсутствіе одного изъ органовъ воспріятія. Но почему, владѣя нашими жалкими пятью чувствами, мы полагаемъ, что находимся въ обладаніи всѣми возможными способами познанія міра, а не воспринимаемъ отъ него лишь ничтожнѣйшую часть, лишь скуднѣйшій намекъ на его навсегда закрытую для насъ роскошь? Въ сущности мы жалки не менѣе этой дѣвочки, ибо мы всѣ такіе же безпомощные, тянущіеся къ солнцу слѣпцы...

Лѣсъ окончился. Открылся широкій лугъ, весь до верху затопленный изступленнымъ солнечнымъ сіяніемъ. Неподвижная, зачарованная была тишина. Казалось, горячее золото лучей держало все незримо окованнымъ. Словно какая-то прозрачно-яркая, лучистая лава низринулась въ міръ, погрузивъ его весь въ хрустальное, въ золотое оцѣпененіе.

Дорожка.

Былъ вечеръ душнаго, пыльнаго городского іюльскаго дня. Улицы уже становились замѣтно пустыннѣе; тѣ, кто наполняли ихъ днемъ суетой и движеніемъ, спѣшили теперь покинуть запыленныя городскія стѣны, чтобы хотя мелькомъ посмотрѣть на багряно-желтый закатъ—гдѣ-нибудь тамъ, передъ золотымъ просторомъ безбрежнаго поля. Все рѣже и рѣже сотрясали опускавшуюся надъ городомъ тишину—нелѣпые стуки громоздкой телѣги, да четкій мелкій перебой запоздавшихъ пролетокъ.

Какими усталыми, какими измученными казались чахлыя деревца по обѣимъ сторонамъ городского бульвара. Ихъ слабыя вѣтви тянулись другъ къ другу, какъ бы ища поддержки или стремясь разсказать полушопотомъ что-то важное и неотложное. Не спѣшили ли они передать другъ другу радостную вѣсть, что жаркій, пышный день, наконецъ, потухаетъ, что на темнѣющемъ небѣ прорѣзаются первые звѣзды и вечерняя влажность уже близка?

Я былъ усталымъ и вмѣстѣ съ деревьями я радостно вдыхалъ свѣжѣющій воздухъ. Не хотѣлось идти. Не хотѣлось въ комнату, гдѣ я жилъ уже такъ давно, что казалось, ничто новое, ничто неожиданное не можетъ создаться въ моей жизни, пока я не оставлю этой комнаты. Упасть бы въ траву, обративъ къ нему лицо и грудь, и лежать такъ до тѣхъ поръ, пока земля не наполнитъ тѣло новыми силами!..

Ясно помню, въ эту минуту я внезапно замѣтилъ слѣва узенькую боковую дорожку, казавшуюся темной и тѣнистой. Деревья, обрамлявшія ее, были какъ будто гуще, пышнѣй и свѣжѣе, чѣмъ эти поникшія деревца на главномъ проходѣ бульвара. Мгновеніе я колебался, остановившись нерѣшительно: я такъ усталъ, мнѣ больно было идти. Но затѣмъ медленно и лѣниво я все же свернулъ на боковую дорожку.

Она не была такою тѣнистой, какою рисовалась сначала, и деревья по бокамъ ея оказались такими же жалкими и усталыми, какъ и всѣ деревья, видѣнныя мною въ этотъ вечеръ. Навстрѣчу мнѣ, какъ-то неровно и слегка наклонившись впередъ, шла женщина. Она была въ черномъ и видимо спѣшила. Помню, приближаясь къ ней, я почувствовалъ, что сердце мое внезапно взволнованно забилось и, чѣмъ ближе я къ ней подходилъ, тѣмъ оно билось сильнѣй и сильнѣе. Поровнявшись съ нею, я намѣренно взглянулъ ей въ лицо. Она была очень блѣдна—съ большими, черными,

мечтательными и слегка безжизненными глазами. Она не отвела своего взгляда, и когда, пройдя мимо, я обернулся, въ то же самое мгновеніе почему-то обернулась и она, и мы почувствовали, что наши взгляды соприкоснулись. Сердце мое забилось неистово, я круто повернулся и пошелъ слѣдомъ за ней.

Думали ли вы когда-нибудь о томъ, что можетъ значить въ цѣлой жизни человѣка узенькая, боковая дорожка, по которой такъ легко можно было и не пройти или пройти двумя минутами позже?..

Умеръ.

Сегодня, послѣ довольно продолжительнаго разговора о благодѣтельности лѣтняго отдыха въ деревнѣ, между фразой о нестерпимости городской пыли и жалобой на однообразную скудость лѣтнихъ развлеченій въ городѣ, меня внезапно спросили: «А слышали ли вы, что умеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ»?

Я вздрогнулъ. Нѣтъ, я этого не слышалъ. Значитъ, вотъ что случилось здѣсь, пока я отдыхалъ въ тихой деревнѣ вдали отъ городскихъ шумовъ и ежедневныхъ новостей. Мнѣ казалось сначала, что я этому не вѣрю, хотя уже въ первый мигъ я почувствовалъ глухой и мучительный испугъ, какое-то острое и возмущенное раздраженіе, словно совершилось что-то нелѣпое и чудовищное, чего уже нельзя исправить.

Затѣмъ, въ отвѣтъ на мои поспѣшные и взволнованные разспросы, мнѣ были переданы подробности, показавшіяся мнѣ столь же возмутительными и ужасными, какъ и первое сообщеніе, сдѣланное равнодушнымъ тономъ—между фразой о нестерпимости городской пыли и жалобой на однообразіе лѣтнихъ городскихъ развлеченій...

* * *

Когда, послѣ этого, я вышелъ на улицу, она вся была затоплена ослѣпительнымъ солнцемъ. Казалось, солнце пришло въ изступленіе, въ какое-то неистовство пламенныхъ ликованій.

... Да, ничто не измѣнилось. Солнце ликуетъ какъ прежде и даже ярче и изступленнѣе, и смерть одного ничего не мѣняетъ. Пусть даже душа его была полна кипучей избыточной жизни,—міръ все такъ же полонъ, хотя болѣе и нѣтъ его.

Умеръ... Но вѣдь онъ любилъ жизнь и не хотѣлъ умереть. Значитъ, это совершилось вопреки его волѣ? Почему же мы говоримъ, что онъ умеръ, а не убитъ—кѣмъ-то болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ, не считавшимся съ нимъ и его волей?

А солнце ликуетъ. Не такъ же ли ликовало оно и въ тотъ день, когда обезображенный предсмертною пыткой, безпомощно и мучительно умиралъ онъ?..

Но что же дѣлалъ я въ это время? Съ страстнымъ напряженіемъ старался я воскресить въ своей памяти роковой день и даже часъ, когда совершилось непоправимое. Неужели и я былъ такъ же спокоенъ и равнодушенъ, какъ и природа? Неужели не мучила меня безсознательная тоска и не влекла къ нему въ тѣ минуты? Но я не помнилъ ничего. Повидимому, это былъ день, какъ всѣ, съ пустымъ, спокойнымъ и лѣнивымъ времяпровожденіемъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ каждаго изъ остальныхъ дней этого лѣтняго отдыха въ отдаленной деревнѣ.

И съ горькимъ недоумѣніемъ вспомнилъ я наши разговоры съ умершимъ о міровомъ всеединствѣ, о единомъ началѣ всего сущаго, о неразрывной связи душъ съ міромъ и между собою...

Викторъ Гофманъ.

Мертвое море.

(Бедуинская легенда).

Пустыня расширилась передъ моимъ взоромъ и увлекла меня въ свою глубь. Я шелъ къ Мертвому морю. Солнце жгло изсохшую темно-сѣрую землю, и даль неба, казалось, изнывала отъ его лучей. Глубокое безмолвіе обнимало холмы и обрывы, опускалось въ пропасть и словно чего-то искало на днѣ ея.

Я шелъ и, чудилось мнѣ, что брожу я по землѣ, на которой нѣкогда стоялъ міръ и недавно еще расплылись его послѣднія краски, заглохли оторвавшіеся отъ умершей жизни и растерянно блуждавшіе въ пространствѣ звуки.

Изъ глубины оврага глянули на меня обломки мраморныхъ римскихъ колоннъ. На мигъ колыхнулись и поплыли, быстро исчезая, картины древняго Рима. Я увидѣлъ величественныя арки, мраморные фонтаны, услышалъ шелестъ обвѣваемыхъ вечерней прохладой деревьевъ... Въ глазахъ моихъ блеснули бѣлыя одѣянія мучениковъ и мученицъ... Живые факелы зажглись...

Комокъ засохшей земли сорвался и умирающій шорохъ его замеръ въ глубинѣ оврага. Вдали грустно кивнула мнѣ пальма. Она словно о чемъ-то говорила безмолвію пустыни и печаленъ и безнадеженъ былъ ея видъ...

Я шелъ и видѣлъ развалины какихъ-то странныхъ, загадочныхъ башенъ и арокъ, видѣлъ необъятную сѣро-желтую землю и чувствовалъ ея горячее, тяжелое дыханіе.

Словно кровью умиравшаго въ небѣ солнца далекія облака окрасились красно-багровымъ цвѣтомъ.

Небо точно вдрогнуло и выше поднялось надъ землей. За переваломъ, возлѣ разрушеннаго мавзолея, кочующіе бедуины раскинули свои шатры. Темнолицые мальчики готовили къ наступавшему вечеру костры и гдѣ-то въ сторонѣ блуждало ржаніе коней.

Тамъ, за ними, за крутыми обрывами, стальнымъ холоднымъ цвѣтомъ блеснуло Мертвое море. Оно, казалось, было покрыто сизо-сѣрымъ саваномъ. И, чудилось, было оно родственно этой пустынѣ и умерло оно давно, давно... И безмолвіе пустыни, склонившись, стоитъ надъ нимъ и стережетъ его безжизненное тѣло...

Я приблизился къ шейху. Онъ приложилъ руку къ сердцу, потомъ ко лбу и пригласилъ меня въ свой шатеръ.

Вечеръ, словно узникъ, крадучись, вышелъ изъ глубины неба и, почуявъ волю, расплылся въ воздухѣ, и рожденныя имъ темныя тѣни поползли съ обрыва къ морю.

Мы сидѣли въ шатрѣ. Старый шейхъ говорилъ мнѣ о Мертвомъ морѣ, разсказывалъ старую бедуинскую легенду.

Давно, давно это было, такъ давно, что ни одинъ мулла и дервишъ не можетъ сказать, когда. На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ пустыня, жили люди, и радовался имъ въ небѣ Аллахъ. И когда восходило солнце, и начинался день, все живое въ той странѣ ликовало вмѣстѣ съ нимъ и искорки его лучей свѣтились въ глазахъ женщинъ и мужчинъ, старцевъ и дѣтей. И много ихъ было, но жили они какъ братья и равны были всѣ и не знали ни войнъ, ни набѣговъ, ни вражды, ни злобы.

Дивные сады покрывали страну и пальмы украшали каждое жилище. И это Мертвое море было большимъ и живымъ и восторженно шумѣли его волны. Море

посылало ихъ, своихъ вѣстниковъ, посылало съ глубокимъ привѣтомъ. И радостно бросались они на берегъ и шептали о дивной жизни, которая развертывалась надъ страной.

Онѣ, эти волны, приносили людямъ множество рыбы, и ею они питались.

Пѣвцы и музыканты прислушивались къ величественнымъ, чаровавшимъ сердце пѣснямъ моря и разносили ихъ по всей странѣ.

Изгнанники и лучшіе люди изъ двухъ странъ приходили сюда и здѣсь исцѣлялись ихъ страждущія души и море подымало ихъ, какъ свои волны, и вѣяло на нихъ мощью, которая таилась въ его глубинѣ.

Люди, жившіе въ той странѣ, называли своей родиной міръ и братьями всѣхъ добрыхъ людей, населявшихъ его, всѣхъ страдающихъ, всѣхъ угнетенныхъ. И никто изъ нихъ не думалъ, откуда онъ и какого племени, и когда ихъ спрашивали объ этомъ, они отвѣчали: мы дѣти Аллаха.

А тамъ далеко за этой страной была другая, и грозный, злой повелитель жилъ въ ней, и угналъ онъ рабовъ своихъ. Узналъ онъ, что гдѣ-то есть страна, гдѣ всѣ равны и живутъ благословенные Аллахомъ, замѣтилъ, что слухи объ этой странѣ доходятъ до его рабовъ, и злоба подняла его. Созвалъ онъ своихъ низкихъ муллъ и муэдзиновъ и приказалъ имъ на всѣхъ площадяхъ и во всѣхъ мечетяхъ объявить народу, что въ странѣ той живутъ шайтаны, живутъ и губятъ правовѣрныхъ. Зашумѣли обманутые рабы, и тогда повелитель вооружилъ ихъ и повелъ въ походъ.

Въ лунный вечеръ звѣзды склонились съ неба и о чемъ-то шептали людямъ чудесной страны. И вся она казалась въ тотъ вечеръ дивнымъ видѣніемъ звѣздъ, красивыя живописныя одѣянія покрывали стройныя фигуры женщинъ и мужчинъ, и были они прекрасны, какъ пальмы, кивавшія имъ своими верхушками. Звучали арфы и, вторя неземнымъ голосамъ людей, величественно пѣли волны моря.

И вдругъ дрогнула земля и море словно притаилось. Умолкли голоса и арфы выпали изъ державшихъ ихъ рукъ и разбились и умирающіе аккорды рванулись въ небо и, умирая, словно молили его о спасеніи.

Ржаніе множества коней и дикіе крики варваровъ разнеслись по странѣ.

Море гнѣвно зашумѣло и выбросило на берегъ утесы и скалы.

Могучіе юноши подняли ихъ и понесли къ стѣнамъ. Неравенъ былъ бой, и тѣ, что уцѣлѣли, бросились къ морю, и оно приняло ихъ въ свою глубь.

Въ послѣдній разъ со стономъ и скорбнымъ крикомъ упали на землю волны.

Море не вынесло гибели любимыхъ людей и умерло. И умерла въ немъ вся рыба и рѣки, орошавшія страну, высохли. И вскорѣ увяли деревья въ садахъ и умерли и холодными трупами легли на землю пальмы. Страна превратилась въ пустыню, и варвары, покорившіе ее, съ проклятьями побѣжали изъ нея и много ихъ погибло подъ развалинами рухнувшихъ жилищъ.

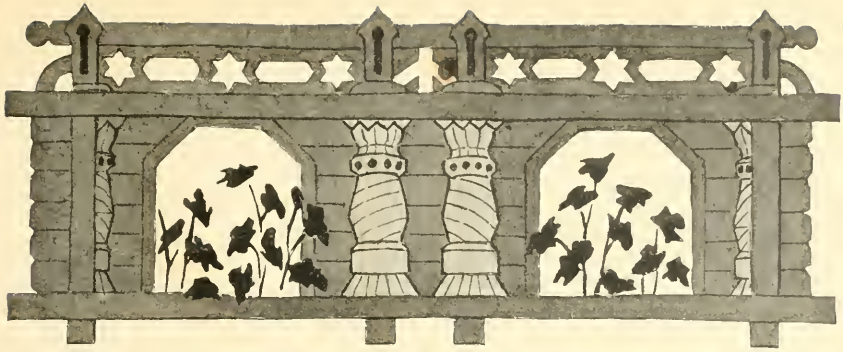
И много-много времени прошло съ тѣхъ поръ, а земля и море попрежнему мертвы. И лишь въ лунныя ночи грустнымъ видѣніемъ оживаетъ море и до разсвѣта разсказываетъ о былой странѣ и дивныхъ людяхъ, населявшихъ ее.

Старый шейхъ умолкъ. Опустѣли чашки, потухли трубки кальяновъ. Лагерь спалъ и кой гдѣ изъ шатровъ неслись заунывные восточные напѣвы. Мы вышли изъ шатра. Въ небѣ стояла луна и блѣднымъ золотистымъ свѣтомъ озаряла море. Съ тихимъ шумомъ пронесся вѣтерокъ, и море, казалось, шепнуло о чемъ-то съ страдающей грустью глядѣвшей на меня пустынѣ, шепнуло ея поблѣднѣвшему простору. Словно готовясь въ далекій таинственно-печальный путь, море чуть всколыхнулось и выше поднялась его даль. И мнилось, вотъ - вотъ уплыветъ оно, и далекіе холмы пустыни и даль ея безмолвно молили его не покидать ихъ. Узкая золотившаяся полоска тянулась къ пустынному мертвому берегу и сверкавшіе на ней блестки казались очами ушедшихъ, по сказанію, въ глубь моря женщинъ и дѣтей чудесной страны...

Старый шейхъ указалъ рукой на море, потомъ на небо. Изъ груди его со стономъ вырвался громкій крикъ: Аллахъ, Аллахъ...

И крикъ его рванулся въ безмолвіе пустыни и, точно пораженный чѣмъ то, мгновенно замеръ...

Антонъ Ловенгардтъ.



Литературные портреты.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Въ продолженіи всей нашей исторіи пало множество жертвъ деспотическаго произвола бюрократіи. Если среди ихъ были люди активно, съ оружіемъ въ рукахъ выступавшіе на борьбу, то было и немало такихъ, которые не были активными борцами, которые боролись не оружіемъ, а перомъ. Пробуждая общественную мысль, совѣсть, они для бюрократіи являлись не менѣе опасными, чѣмъ первые, и оно не задумывалось отстранять ихъ съ пути, хотя бы даже не было юридически обоснованныхъ обвиненій. Человѣкъ былъ опасенъ и этого было достаточно.

Такой жертвой палъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Это былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ людей, человѣкъ выдающагося ума, разносторонне образованный, исполненный высокихъ порывовъ и стремленій. Выступивъ въ литературу, Чернышевскій сразу же завоевалъ первенствующее положеніе въ журналистикѣ, сдѣлался вождемъ и руководителемъ общества. Но когда его духовныя силы достигли полнаго развитія, когда его вліяніе на умы сдѣлалось громадно, бюрократія, увидѣвъ въ немъ опаснаго себѣ врага, арестовало его. Несмотря на то, что въ рукахъ бюрократіи не было никакихъ фактическихъ, юридически-доказанныхъ обвиненій,—что теперь выяснилось изъ опубликованнаго недавно „Слѣдственнаго дѣла“ писателя,—она продержала его около двухъ лѣтъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости и затѣмъ сослало въ Сибирь. Вся дальнѣйшая жизнь Чернышевскаго прошла въ ссылкѣ и на поселеніи; уѣхавъ сравнительно молодымъ, полнымъ силъ и надеждъ, онъ вернулся старикомъ, усталымъ, утомленнымъ, съ разрушенной вѣрой, надеждами.

Такъ погибъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, о которомъ даже несклонный къ расточенію незаслуженныхъ похвалъ, знаменитый создатель историческаго матеріализма К. Марксъ отозвался въ предисловіи къ одному изъ изданій „Капитала“, какъ о выдающимся умѣ, великомъ ученомъ. Правительство, запретивъ вплоть до недавняго времени даже упоминаніе въ печати полностью фамиліи писателя, препятствуя изданію его сочиненій, думало, что онъ будетъ забытъ обществомъ и потомствомъ, но оно жестоко ошиблось: слишкомъ велико то духовное наслѣдство, которое оставилъ онъ, чтобы онъ могъ быть забытымъ. Прошли года и многое перемѣнилось въ русской жизни, явилась возможность выпустить полное собраніе сочиненій писателя, которое закончилось недавно. Его выходъ—цѣлое событіе:—предъ нами предсталъ во всей полнотѣ одинъ изъ выдающихся дѣятелей нашего умственнаго развитія, надъ сочиненіями котораго долгое время тяготѣла рука бюрократіи. Благодаря опубликованію всѣхъ работъ Чернышевскаго съ одной стороны, и касающихся его дѣятельности и эпохи матеріаловъ, съ другой, мы можемъ теперь посмотрѣть на него въ извѣстной степени въ исторической перспективѣ, подвести итогъ его значенія въ исторіи нашего умственнаго развитія. Окидывая общимъ взоромъ его дѣятельность, мы видимъ, что не было такой области, гдѣ онъ ни сказалъ бы чего нибудь своего, ни внесъ бы новыхъ началъ въ сознаніе общества, ни

оказалъ бы своего вліянія на дальнѣйшій ростъ тѣхъ или иныхъ идей, взглядовъ. Въ краткой журнальной замѣткѣ нѣтъ возможности подробно обрисовывать значеніе Чернышевскаго въ исторіи русской общественной мысли: столь оно широко и значительно. Отмѣтимъ его лишь въ общихъ чертахъ.

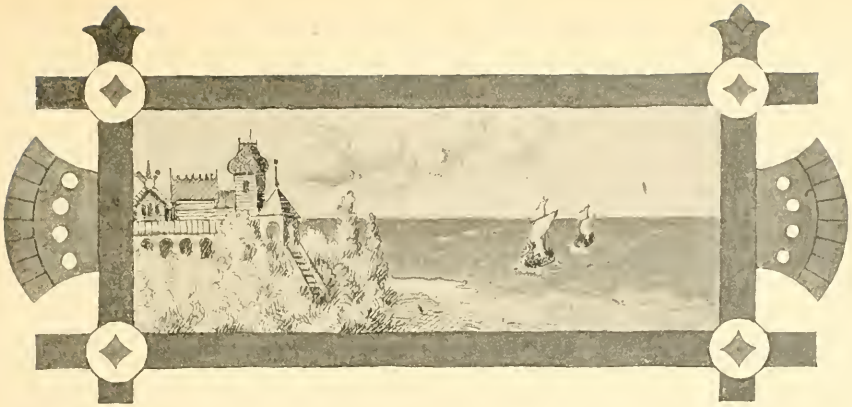
Выступивъ на литературное поприще въ 1853 году, Чернышевскій сначала всецѣло отдается критической дѣятельности, которую оставляетъ въ 1857 году, когда обращаетъ исключительно свое вниманіе на вопросы общественно-экономическаго характера. За непродолжительное время критической дѣятельности онъ, однако, успѣлъ сдѣлать многое, оказать громадное вліяніе на литературу и критику. Разрушая въ своихъ статьяхъ взглядъ на искусство, какъ на нѣчто отвлеченное, не связанное съ реальными потребностями жизни, указывая, что главная цѣль искусства заключается въ служеніи человѣчеству, въ распространеніи свѣта и правды, Чернышевскій много способствовалъ нашей литературѣ сдѣлаться окончательно выразительницей общественнаго мнѣнія, отраженіемъ русской дѣйствительности, подняться на высоту органа общественнаго сознанія, встать на которую она такъ мучительно добивалась въ продолженіе всего своего развитія.

Еще больше сдѣлалъ Чернышевскій въ области общественно-экономическихъ вопросовъ. Кромѣ цѣлаго ряда цѣнныхъ научныхъ выводовъ, онъ является у насъ въ Россіи создателемъ научнаго соціализма, по пути котораго пошло дальнѣйшее развитіе нашей общественной мысли. Зачатки соціалистическихъ идей мы уже видимъ у декабристовъ, петрашевцевъ, Герцена, но вплоть до Чернышевскаго этотъ соціализмъ въ русской мысли являлся утопическимъ, только онъ старался найти научныя основы, положилъ основаніе реальному, научному соціализму. Вмѣстѣ съ этимъ писатель заложилъ фундаментъ тому общественно-экономическому ученію, которое потомъ получило названіе народничества и, на-ряду съ марксизмомъ, явилось главнымъ содержаніемъ послѣдующихъ десятилѣтій нашего общественнаго развитія и, переживъ сложную эволюцію, дошло до насъ въ воззрѣніяхъ прямыхъ потомковъ народниковъ.

Велико вліяніе Чернышевскаго и въ области этическихъ вопросовъ. Писатель видѣлъ, что современное ему общество обезличено, сковано мертвыми традиціями и, хорошо понимая, что каждое общество можетъ двигаться впередъ лишь тогда, когда его будутъ составлять свободныя, самобытныя личности, онъ поставилъ своею цѣлью—пробудить въ нашемъ обществѣ въ его большинствѣ личность, разрушить тѣ узы, которыя связывали ее, не давали ей возможности свободно развиваться. Правда, „разумный эгоизмъ“, который проповѣдывалъ писатель, по существу не выдерживаетъ критики, его утвержденіе, что человѣкъ дѣлаетъ добро потому, что это ему выгодно, глубоко ошибочно, но тѣмъ не менѣе эти идеи, по существу несостоятельныя, оказали громадное, благотворное вліяніе на общество: онѣ говорили ему, что каждый человѣкъ имѣетъ право на счастье, онѣ разрушали тѣ вѣковыя, традиціонныя цѣпи, которыя связывали свободное развитіе личности.

Уже изъ общихъ указаній обрисовывается громадное значеніе Чернышевскаго въ исторіи русской общественной мысли. Онъ жилъ и работалъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Это были годы, которые съ одной стороны завершали старый періодъ исторіи общества—подготовительный, съ другой стороны начинали новый. До 60-хъ годовъ идетъ постепенное сплоченіе общественныхъ силъ, кропотливая работа разрушенія крѣпостныхъ устоевъ. Въ 60-е годы стояла задача—подвести итогъ этой предыдущей работѣ общества, переоцѣнить окончательно былыя цѣнности, нанести рѣшительный ударъ старому строю. И эти годы произвели громадную критическую работу, подъ ихъ усиліями пали, наконецъ, крѣпостническіе устои. И въ этой работѣ видную роль сыгралъ Чернышевскій. Вездѣ, гдѣ только было можно, онъ стремился бороться съ укоренившимися общественными предразсудками, внести вмѣсто ихъ въ сознаніе общества новыя идеи, новыя начала. Разрушительная работа писателя тѣсно связывалась съ созидательной. И въ этой переоцѣнкѣ цѣнностей, съ одной стороны, и въ созданіи новыхъ началъ въ сознаніи общества, которыя легли въ основаніе дальнѣйшаго развитія общественныхъ идей, съ другой,—значеніе Чернышевскаго въ исторіи русской общественной мысли.

А. Фоминъ.



Женщина въ Соединенныхъ Штатахъ.

Соединенные Штаты—страна феминизма. Тутъ онъ царитъ вполнѣ, составляетъ изъ себя офиціальную, національную организацію. Поэтому интересно прослѣдить, какіе получились отъ него результаты.

Прежде всего женщина въ Америкѣ совершенно свободна. Браки тамъ заключаются и расторгаются съ необыкновенною быстротою. Такъ съ 1905 г. насчитывали 70.000 разводовъ. Нерѣдко можно встрѣтить сорокалѣтнюю даму, которая разводилась ровно шесть разъ. Такихъ американцы называютъ «рецидивистками».

Женщина встрѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Насчитываютъ 34.579 музыкантшъ, 11.000 художницъ, 25.000 учительницъ, 1.000 телеграфистокъ. 1.150 «проповѣдницъ», 5.000 женщинъ врачей, 888 журналистокъ, 19 гидовъ, 39 женщинъ-химиковъ, 1.000 адвокатовъ и 279 сыщицъ, 51 женщина конюховъ, 45 шоффероръ и 185 женщинъ кузнецовъ.

Эта любопытная статистика доказываетъ, что женщина въ Америкѣ не брезгаетъ самымъ непривлекательнымъ трудомъ. Она даже предпочитаетъ мужскую работу. Модистки и горничныя крайне рѣдко встрѣчаются въ Соединенныхъ Штатахъ. Послѣдними бываютъ лишь француженки, шведки и ирландки.

Женщины зарабатываютъ въ Америкѣ отъ 12 до 20 долларовъ въ недѣлю. Нѣкоторыя изъ нихъ зарабатываютъ до 4000 рублей на наши деньги въ годъ. Всѣ эти работницы группируются въ клубахъ. Многія женщины своимъ заработкомъ поддерживаютъ семью и мужей. Впрочемъ, бываетъ это лишь въ низшемъ классѣ. Въ высшемъ эта необходимость исчезаетъ—женщина тамъ почти не работаетъ.

Избирательное право женщинъ.

Кто внимательно слѣдитъ за современной общественной жизнью, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ является лишь вопросомъ времени. Раньше или позже, но политическое неравенство между полами должно пасть, женщина должна войти въ политическую жизнь, какъ равноправный мужчина, политическій факторъ.

Послѣдніе годы особенно много посодѣйствовали разрѣшенію женской избирательной проблемы. Какъ обстоитъ теперь дѣло въ разныхъ странахъ міра можно видѣть изъ интересной сводки приводимой въ «S. Monatshefte» знатокомъ вопроса, Валли Цеплера. Помимо Финляндіи, говоритъ она, и небольшого англійскаго острова Мэнъ (островъ этотъ лежитъ въ Ирландскомъ морѣ, имѣетъ самостоятельное управленіе. Около 60 тыс. жителей), женщины пользуются въ Европѣ избирательнымъ правомъ только въ Норвегіи. Въ истекшемъ году право это было дано

всѣмъ женщинамъ, имѣющимъ годовой доходъ въ размѣрѣ не менѣе 200 рублей.

Помимо этихъ странъ наибольшія надежды на предоставленіе избирательнаго права женской половинѣ населенія имѣются въ настоящее время по отношенію къ Англіи. Извѣстно заявленіе новаго главы министерства Асквита о томъ, что правительство не станетъ противиться подобной реформѣ избирательнаго права. Такъ какъ нижняя палата еще въ апрѣлѣ сего года во второмъ чтеніи высказалась за предоставленіе избирательныхъ правъ женщинамъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и мужчинамъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ этотъ въ скоромъ времени будетъ урегулированъ законодательнымъ путемъ, несмотря на упорную оппозицію палаты господъ. О томъ какъ обстоитъ дѣло въ Даніи, видно изъ того, что здѣсь обѣими законодательными палатами принятъ недавно законъ о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ въ общинномъ самоуправленіи. Согласно новому закону права женщинъ въ этой области совершенно уравнены съ правами мужчинъ; необходимо отмѣтить, что уравненіе это отчасти произошло путемъ урѣзыванія избирательныхъ правъ мужчинъ, главнымъ образомъ, рабочихъ. Правительственный законопроектъ не имѣлъ въ виду подобной «реформы». Реакціонная нотка была внесена въ этотъ законъ вслѣдствіе компромисса между правительствомъ и большинствомъ палаты, не пожелавшаго поддержать первоначальный правительственный проектъ, пользовавшійся также симпатіями крайней лѣвой.

Лишь недавно только въ Швеціи весьма незначительнымъ большинствомъ были отклонены предложенія о введеніи женскаго избирательнаго права. За предложеніе высказались, кромѣ соціалдемократической, также либеральная партія и т. н. партія Линдгагена. (Оберъ-бургомистра Стокгольма).

Въ Австріи вопросъ этотъ пока еще не вышелъ за предѣлы обсужденія его заинтересованными группами. Такъ, напримѣръ, недавно имъ занялась 3-я конференція соціалдемократическихъ женщинъ, созванная на 6 и 7 апрѣля въ Вѣнѣ. Въ принятой резолюціи введеніе избирательнаго права для женщинъ признано дѣломъ неотложно-необходимымъ и рѣшено начать самую широкую пропаганду въ его пользу, какъ въ парламентахъ, такъ и среди членовъ партіи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ во Франціи соберется международная конференція по вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ; въ связи съ этой конференціей будетъ засѣдать конгрессъ, на которомъ назначенъ обмѣнъ мнѣній по вопросу о гражданскихъ и политическихъ правахъ женщинъ.

Идеи соціальнаго и политическаго освобожденія женщинъ проникаютъ и въ Италію, несмотря на сравнительную экономическую отсталость этой страны. Такъ напримѣръ, въ число требованій выставленныхъ первымъ итальянскимъ съѣздомъ женщинъ, засѣдавшемъ въ серединѣ апрѣля въ Римѣ, единогласно было включено и требованіе избирательнаго права женщинъ.

Въ Сѣверной Америкѣ женщины пока пользуются избирательными правами лишь въ четырехъ штатахъ. Тѣмъ не менѣе неутомимая агитація постепенно пробиваетъ бреши въ укрѣпленныя позиціи противниковъ политическихъ правъ женщинъ. Интересно, что въ Америкѣ цѣлый рядъ парламентовъ отдѣльныхъ штатовъ неоднократно высказывался за введеніе женскаго избирательнаго права; народное голосованіе, однако, отклоняло эти вотумы.

Въ противоположность другимъ государствамъ, Германія въ этомъ вопросѣ занимаетъ выжидательное положеніе. Во время бюджетныхъ преній настоящаго года въ рейхстагѣ соціалдемократической фракціей было внесено предложеніе о предоставленіи женщинамъ политическихъ правъ. Изъ депутатовъ другихъ партій за это предложеніе голосовали только 2 либерала, пасторъ Науманъ и Потгофъ. Такой же незавидный успѣхъ имѣлъ циркулярный запросъ, разосланный кандидатамъ въ члены прусскаго ландтага со стороны нѣмецкаго союза женскаго избирательнаго права. Изъ всѣхъ кандидатовъ, за исключеніемъ соціалдемократическихъ, только 2 отвѣтили въ благопріятномъ смыслѣ.

О томъ, каково положеніе въ Россіи авторъ не пишетъ, но объ этомъ русскіе читатели и сами достаточно освѣдомлены.

Издательница О. П. Александрова. Редакторъ Н. В. Корецкій.

Юмористическіе разсказы

Выпускъ пятый.

Почему Гоголь сжегъ „Мертвыя души“.

Невѣроятная фантазія О. Л. Д'Ора.

I.

Николай Васильевичъ въ послѣдній разъ пробѣжалъ начисто переписанную «поэму» и улыбнулся.

— Кажется, ничего-съ!—сказалъ онъ, откинувъ назадъ длинные волосы:—Не хуже первой части.

Онъ застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы, свернулъ трубочкой тетрадь, сунулъ ее въ задній карманъ и подумалъ:

— Надо снести въ редакцію.

— А въ какую?—вдругъ промелькнуло у него въ головѣ.

Николай Васпльевичъ задумался.

— Понесу въ «Вѣстникъ Европы»,—рѣшилъ онъ:—Старѣйшій журналъ... Тамъ будутъ очень рады, что вторая часть «Мертвыхъ душъ» попала къ нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже трясся на извозчикѣ, направляясь въ редакцію «Вѣстника Европы».

Моросилъ мелкій дождь. Кляча демонстративно тащилась пѣшкомъ.

Извозчикъ хлесталъ ее кнутомъ и ругался, какъ извозчикъ.

II.

Въ «Вѣстникѣ Европы» все было пропитано непроходимой ученостью.

Открылъ Гоголю дверь молодой магистръ философіи, снялъ пальто приватъ-доцентъ, а доложилъ о немъ редактору экстраординарный профессоръ.

Самъ редакторъ, заслуженный ординарный профессоръ, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, истекая ученостью.

Нѣсколько десятковъ мухъ летали на полу, на столѣ и на окнахъ безъ всякихъ признаковъ жизни.

Бѣдняжки! Онѣ случайно залетѣли въ эту тихую обитель мудрости и пали, пораженныя скукой.

— Повѣсть принесъ!—сказалъ, немного оробѣвъ, Гоголь.

— Очень пріятно!—улыбнулся редакторъ.

Отъ улыбки редактора родился докторъ философіи.

— Ваша повѣсть изъ жизни еще неизвѣстныхъ наукѣ птицъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Гоголь:—Птицы не моя спеціальность.—У меня второй томъ «Мертвыхъ душъ».

— А! Очень пріятно! А развѣ первый томъ уже вышелъ?

Гоголь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на редактора.

— Первый томъ вышелъ полъ-вѣка тому назадъ. Вѣдь я Гоголь!..

— Гоголь! Гоголь!..

Редакторъ приложилъ палецъ ко лбу и сталъ что-то припоминать.

— Гоголь?.. Какъ будто слыхалъ это имя. Впрочемъ, это не важно. Такъ ваша повѣсть не изъ жизни птицъ? Очень жаль! Что-же, она изъ жизни насѣкомыхъ?

— Нѣтъ! Она изъ жизни...

— Пресмыкающихся? Отлично! Нашъ журналъ предпочитаетъ научную беллетристику. Читатель читаетъ и учится. Читаетъ и учится...

— Мои «Мертвыя души»,—сразу выпалилъ Гоголь:—изъ жизни людей.

Лицо ученаго редактора вытянулось.

— Если вы пишете изъ жизни людей,—заворчалъ онъ сердито, то зачѣмъ вы пришли къ намъ? Неужели вы не знали, что мы сами по себѣ, а люди сами по себѣ?..

— Да вы-бы хоть прочли!—взмолился Гоголь.

— И читать не стану, и глядѣть даже на вашу рукопись не хочу,—сердито заявилъ редакторъ:—Возьмите свою повѣсть и идите съ Богомъ.

III.

— Теперь куда?—думалъ Гоголь, выходя изъ редакціи «Вѣстника Европы».

И тутъ-же рѣшилъ:

— Пойду въ «Русское Богатство».

Чрезъ часъ авторъ «Мертвыхъ душъ» былъ въ редакціи вышеназваннаго журнала.

— Принимаютъ?—спросилъ Гоголь швейцара.

— Принимаютъ то, принимаютъ, только...

Швейцаръ замялся.

— Что «только»? Говорн прямо.

Швейцаръ понизилъ голосъ и дружески посовѣтовалъ:

— Только вы, баринъ, воротничекъ снимите.

— Это почему-же?

— Не любятъ они, чтобы въ воротничкахъ къ нимъ приходили. «Буржуками» ихъ называютъ... Право, вы-бы сняли. Ужъ такая, значитъ форма, чтобы безъ воротниковъ...

Гоголь снялъ воротникъ и галстухъ.

— Теперь отлично!—радостно воскликнулъ швейцаръ.—Теперь смѣло идите. Не сумлѣвайтесь.

Редакторъ «Русскаго Богатства» ласково встрѣтилъ Николая Васильевича.

— Принесли что нибудь?

Гоголь откровенно признался, что принесъ. При этомъ онъ вытащилъ изъ кармана тетрадь.

— «Воспоминанія ссыльнаго»?—спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ, это...

— Что же, «Воспоминанія изъ тюремной жизни»?

— Нѣтъ,—нетерпѣливо отвѣтилъ Гоголь.

— Неужели «Воспоминанія каторжника»?

Глаза редактора засіяли радостью.

— Нѣтъ!—произнесъ съ болью въ сердцѣ Гоголь.—У меня вторая часть моихъ «Мертвыхъ душъ».

Глаза редактора потухли.

— А, «Мертвыя души»!.. Это тамъ, гдѣ чиновники и помѣщики. Такъ кажется?

— Такъ, такъ! О Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Маниловыхъ...

— Не надо!—сказалъ рѣшительно редакторъ.—Не подходитъ. Вы намъ что нибудь изъ жизни ссыльныхъ принесите.

— Но я никогда не былъ сосланъ,—робко проговорилъ Гоголь.

— А вы постарайтесь!—посовѣтовалъ редакторъ.—Вы еще не такъ стары. Поживите въ Нарымскомъ, потомъ и пришлете намъ ваши «воспоминанія». Мы и напечатаемъ.

Редакторъ всталъ, давая этимъ понять, что аудіенція кончилась. Гоголь вышелъ.

IV.

— Въ «Современный Міръ»!—приказалъ Гоголь извозчику.

Извозчикъ былъ грамотный, самъ писалъ передовицы въ «Колоколѣ» и «Русскомъ Знаменн», и поэтому зналъ, гдѣ находятся редакціи журналовъ и газетъ.

Вскорѣ Гоголь съ замирающимъ сердцемъ входилъ въ редакцію «Современнаго Міра».

— Садитесь!—пригласилъ редакторъ.

Гоголь сѣлъ и положилъ рукопись на столъ.

— Бытовая?—спросилъ редакторъ.

— Да, бытовая! Изъ жизни взято...

Редакторъ поморщился.

— У насъ по бытовой части Потапенко орудуетъ. Очень хорошій писатель Можетъ быть, вы насчетъ мистицизма что нибудь напишете? А? Спросъ есть, а мистиковъ мало. Попробуете?

— Попробую!—мрачно пробурчалъ Гоголь.—Только теперь прочтите вторую часть «Мертвыхъ душъ», кажется не дурно вышло...

— Хорошо, прочту.

Редакторъ углубился въ чтеніе. Черезъ полчаса онъ поднялъ голову и, въ упоръ посмотрѣвъ на Гоголя, сказалъ:

— Не подходитъ!

— Почему?—спросилъ упавшимъ голосомъ Гоголь.

Редакторъ пожалъ плечами и сталъ объяснять:

— Во-первыхъ, стиль у васъ шероховатый. Почитайте Сергѣева-Ценскаго и увидите, что значитъ стиль. Не мѣшаетъ вамъ, Николай Васильевичъ, поучиться у него. Кромѣ того, у васъ языкъ какой то не русскій.

— У меня языкъ не русскій!..

Гоголь поднялся со стула.

— Да, да. Чему вы такъ удивляетесь? Ваши «Мертвыя души» написаны не по-русски. Почитайте Ремезова и сами убѣдитесь, что я правъ «У плющихъ заваракили въ маконькія»; «Подъ заборомъ колючая куевдилась». Вотъ это русскій языкъ! А у васъ ни одной характерной русской фразы...

Гоголь сталъ откланиваться.

— Напишите что нибудь мистико-декадентское!—крикнулъ ему вслѣдъ редакторъ «Современнаго Міра».—Тогда посмотримъ.

V.

— Дѣло скверно!—подумалъ Гоголь.

— Попытаюсь еще въ «Образованіи»!—подумалъ онъ.—Можетъ быть, тамъ возьмутъ.

Не теряя времени, онъ направился въ редакцію «Образованія».

— Повѣсть?—спросилъ весело редакторъ.

Гоголь утвердительно кивнулъ головою.

— Братъ съ сестрой живетъ?

Гоголь не понялъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ?—не давалъ ему опомниться редакторъ.— Кто же съ кѣмъ живетъ: отецъ съ дочерью? Бабушка съ внукомъ?

— Я... я,—виновато началъ Гоголь.

Но редакторъ продолжалъ сыпать вопросами.

— Или, можетъ быть, ваши герои гомосексуалисты? Еще лучше. Эта область въ вашей беллетристикѣ еще недостаточно разработана.

— У меня «Мертвыя души»...

Редакторъ подпрыгнулъ отъ удовольствія.

— Мертвыя души?—воскликнулъ онъ, схвативъ руку Гоголя.—Это геніально! Ваши герои мертвецы! Вы описываете развратъ у мертвецовъ. Поздравляю васъ. Вы перекузмили Кузьмина!..

— Не то! Не то!—еле удалось выкрикнуть Гоголю.—Вы ошиблись. У меня рѣчь идетъ о Чичиковыхъ, Ноздревыхъ.

— А вотъ какъ!..

Редакторъ «Образованія» съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Гоголя.

— Значитъ, у васъ порнографіи и въ поминѣ нѣтъ?

— Нѣтъ! Стану я этой дрянью заниматься...

Редакторъ брезгливо отодвинулъ «Мертвыя души» и сказалъ, не глядя на Гоголя:

— Возьмите. Намъ подобныхъ вещей не надо...

Гоголь схватилъ тетрадь и выбѣжалъ на улицу.

VI.

Домой пришелъ Гоголь поздно ночью и долго шагалъ по комнатѣ.

— Всѣ забраковали!—думалъ онъ съ горечью.—Всѣ и «Вѣстникъ Европы» и «Современный Міръ», и «Русское Богатство», и «Образованіе».

Онъ со злостью посмотрѣлъ на тетрадку, которую положилъ на столъ.

— А еще Пушкинъ хвалилъ!

Гоголь чуть-чуть улыбнулся и подумалъ:

— Посмотрѣлъ бы я на тебя, братъ Пушкинъ, въ редакціяхъ нашихъ толстыхъ журналовъ. Прошли-ли бы твоя «Полтава», твой «Онѣгинъ» или «Кавказскій плѣнникъ»?

Онъ быстрѣе зашагалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, трудно намъ соперничать съ Арцыбашевыми, Кузьмиными, Блоками, Цензорами, Потемкиными и кошкодавами, — проговорилъ онъ вслухъ.

Гоголь затопилъ каминъ и когда затрещали дрова и пламя вспыхнуло, освѣтивъ комнату, онъ взялъ со стола «Мертвыя души» и со вздохомъ бросилъ ихъ въ огонь...

О. Л. Д'Оръ.

Къ свѣдѣнію Г.г. подписчиковъ.

Контора журнала «**ПРОБУЖДЕНІЕ**», не имѣя возможности опредѣлить количество годовыхъ подписчиковъ для того, чтобы приступить **къ скорѣйшему воспроизведенію** главной преміи **„Альбома для фотографическихъ портретовъ“**, находитъ необходимымъ напомнить Г.г. подписчикамъ, пользующимся разсрочкой платежа, **о взносѣ денегъ за второе полугодіе**, которыя **должны быть присланы** въ Редакцію **не позднѣе 25-го Іюня**.

Лицамъ, не уплатившимъ къ этому времени подписную цѣну **полностью**, высылка дальнѣйшихъ №№ **будетъ немедленно прекращена** и позднѣйшія заявленія о желаніи продолжать подписку **приняты не будутъ**, т. к. не поступающій въ розничную продажу журналъ «**ПРОБУЖДЕНІЕ**» и преміи къ нему **будутъ печататься** съ № 13-го въ количествѣ экземпляровъ, **не превышающемъ числа подпи[illegible]иковъ**, уплатившихъ въ указанный срокъ за весь годъ.

Издательница О. П. Александрова. Редакторъ Н. В. Корецкій.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39, соб. д.

Тициан.

АНДРОМЕДА.

№ 12. ПРОБУЖДЕНІЕ 1909.

Литературно-художественный журналъ.

Готовится къ выходу въ свѣтъ

ПОВОЕ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

Европейскіе художники

200 отдѣльныхъ картинъ (автотипій)

знаменитыхъ Европейскихъ художниковъ,

исполненныхъ черной и цвѣтными красками, на плотной альбомной глазированной бумагѣ.

Всѣ картины будутъ выданы Гг. подписчикамъ единовременно въ двухъ изящныхъ художественныхъ папкахъ и могутъ служить по своему воспроизведенію прекраснымъ настольнымъ и стѣннымъ украшеніемъ каждаго кабинета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 200 картинъ-автотипій въ двухъ изящныхъ папкахъ 3 рубля. За 100 картинъ въ изящной папкѣ 2 рубля. Пересылка за счетъ конторы „ПРОБУЖДЕНІЕ".

О выходѣ въ свѣтъ изданія будетъ объявлено своевременно.

Высылка подписныхъ денегъ не обязательна

и по выходѣ въ свѣтъ, всѣмъ лицамъ приславшимъ заблаговременно заявленіе, изданіе будетъ выслано съ наложеніемъ платежа безъ повышенія цѣны.

Названія картинъ обозначены на 3 страницѣ обложки.

Маріи-Бре. СОНЪ.

Южная ночь.

Я помню ночь, прекрасную, какъ сказки.
Она—тиха, полна волшебныхъ сновъ.
Весь міръ горѣлъ безумьемъ страсти ласки.
Истомой... нѣгою... дышалъ небесъ покровъ
Молчало все и чутко притаилось,
Какъ бы боясь нарушить ночи сонъ.
Внизу волна лукаво серебрилась...
Дыханьемъ розъ былъ воздухъ напоенъ.
Но чу! Вотъ звукъ... пронесся... оборвался...
И вдругъ опять широкою волной
Понесся вдаль, все шире раздавался
И вновь умолкъ, смущенный тишиной.
То былъ пѣвецъ волшебной южной ночи,
Ея любимецъ, гордый менестрель
Онъ пѣлъ для ней и за ея лишь очи
Съ любовью бралъ любимую свирѣль.
И пѣснь неслась, волною сладострастья
Рвалася въ высь. Желаніемъ горя,
Пѣвецъ молилъ о мигѣ только счастья,
Пока взойдетъ холодная заря.
И долго въ тишинѣ неслися чудо-звуки,
Мольбой любви и страстію дыша,
То полны торжества, то тихой нѣжной муки.
О юга ночь! Какъ дивно хороша!

К. П. Лысниковъ.

Л. Прентанъ. ПРОБУЖДЕНІЕ ИСТОЧНИКА.

Любовь Клеопатры.

„...и съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила„.
Пушкинъ.

1.

...Въ дыму кадильницъ свѣтлосинемъ
Подобенъ храму сталъ чертогъ,
Но кинутъ взоромъ знакъ рабынямъ—
Онѣ ушли, и онъ, какъ богъ.

2.

Далекій факелъ—синь зарницы,
Напѣвенъ плескъ фонтанныхъ струй,
И жжетъ, какъ боль, уста царицы
Нераздѣленный поцѣлуй.

3.

Въ ея очахъ пылаютъ грозы,
И въ смертоблещущей красѣ
Она предъ нимъ, какъ вѣнчикъ розы,
Открытый утренней росѣ....

4.

Но и въ напрасномъ ожиданьѣ
Ей робость юности мила,
И вотъ, зовущее касанье
Сомкнулось вкругъ его чела.

5.

Но, отстранивъ объятья смѣло,
Безумецъ молвитъ ей въ отвѣтъ:
—Царица, смертно только тѣло,
Но для любви могилы нѣтъ.

6.

Я отвергаю ложе страсти
И счастья ласкъ твоихъ не чту
Затѣмъ, что въ жаждѣ высшей власти
Хочу плѣнить твою мечту!

7.

И оскорбленная царица,
То боязлива, то гнѣвна,
Едва затеплилась денница,
На казнь взирала у окна.

8.

Когда-жъ могилѣ предавали
Безумца дерзостнаго трупъ,
Слова любви, какъ стонъ, ниспали
Съ ея печально-сжатыхъ губъ.

И часто съ пристальностью строгой
Она, въ полуночныхъ мечтахъ,
Искала образа иного
Въ дышавшихъ страстію чертахъ!

Петръ Муринскій.

Ж. Желиберъ. ВЪ ОЖИДАНІИ ХОЗЯИНА.

Нить Аріадны.

(Современныя метаморфозы).

Красивая молодая Елизавета съ ненавистью и страхомъ служила одною прислугою у стараго развратнаго ростовщика Георгія Кандуполо.

Она была взята изъ Воспитательнаго дома, и голубая кровь одного изъ ея родителей сказывалась въ нервныхъ ноздряхъ ея изящнаго прямого носа, въ тонкихъ бровяхъ и маленькой рукѣ; а красная грубая кровь другого—въ ея ростѣ, широкой груди и низкомъ упрямомъ лбѣ,—что дѣлало ее красавицей, возбуждающей зависть у богатыхъ клiентовъ Кандуполо.

Она попала къ нему 16-лѣтней дѣвченкой, когда жива была еще его жена, старая вѣдьма съ крючковатымъ носомъ и пучкомъ сѣдыхъ волосъ на подбородкѣ. Она сидѣла въ креслѣ на колесахъ, постоянно съ палкой въ рукѣ, и Елизавета возила ее по всѣмъ четыремъ комнатамъ, а старуха за всякую малость ругала ее и била палкой.

— Ничего, Лизавета,—говорилъ ей старый Кандуполо,—она скоро сдохнетъ. Потерпи немного.

Его голосъ звучалъ ласково, изъ-подъ густыхъ бровей на нее устремлялся горячій взглядъ, и ей становилось страшно.

Но, запуганная съ дѣтства, совершенно не знающая жизни, она думала, что этотъ домъ—единственное ея убѣжище, и рабски покорно мирилась съ своей долей.

Старуха померла, и старикъ послѣ ея похоронъ напился и, пьяный, сказалъ Елизаветѣ:

— Видишь, и подохла. Я зналъ. Ну, вотъ ты и одна. Ну, вотъ и береги меня. Что, любишь стараго?—И дрожащими руками онъ обнялъ ее и приблизилъ къ лицу ея синія холодныя губы.

Въ немъ была тайная сила власти надъ нею. Высокій, жилистый, худой, съ длинной сѣдой бородой, съ крючковатымъ носомъ и острыми темными глазами подъ нависшими бровями, могъ ли онъ нравиться расцвѣтающей красавицѣ.

Жилистыя руки съ крючковатыми пальцами, синія губы съ холодной склизкой чешуей могли ли дать ей наслажденія ласки. Но она послушно шла на его зовъ и

равнодушно отворачивалась отъ молодыхъ и красивыхъ, статскихъ и военныхъ щеголей, которые посѣщали стараго грека, чтобы брать у него деньги за векселя, за драгоцѣнныя вещи, за рискъ фамильной честью и за страхъ уголовнаго суда.

Одинъ гусарскій ротмистръ говорилъ Елизаветѣ:

— Брось стараго черта. Я тебя барыней сдѣлаю, пыль на тебя не опустится, въ шелкѣ ходить будешь. Брось.

Елизавета только улыбнулась и отвела въ сторону протянувшуюся къ ней руку.

— Нѣтъ, его нельзя мнѣ оставить. Никакъ нельзя,—сказала она тихо.

Вечеромъ старый горбоносый грекъ укладывалъ въ открытое бюро толстыя пачки денегъ и гортаннымъ голосомъ говорилъ стоящей въ дверяхъ Елизаветѣ.

— Соблазнялъ дуракъ.

— Что тамъ. Болталъ только...

— Дуракъ. На тебѣ заклятіе—мнѣ служить, а онъ лѣзетъ. Захочу, обращу его въ осла, въ кошку. Немощь ничтожная. Чья ты? Ну, чья?

Онъ захлопнулъ крышку бюро и устремилъ на Елизавету блестящій взглядъ.

Лицо ея поблѣднѣло, она задрожала и, идя къ нему, говорила:

— Твоя, твоя...

— И помни это. Заклятіе на тебѣ,—какъ въ полуснѣ слышала она его голосъ.

Жили они затворниками.

Парадная дверь запиралась на ключъ, на тяжелый дверный крюкъ, на толстую цѣпь и никто не входилъ черезъ нее сразу.

Рѣзкій голосъ Кандуполо спрашивалъ черезъ дверь, кто звонитъ. Потомъ Елизавета открывала дверь настолько, насколько допускала короткая цѣпь и, когда Кандуполо убѣждался въ безопасности, Елизавета впускала посѣтителя.

Задняя дверь на лѣстницу изъ кухни запиралась тоже на засовъ и крючекъ, а когда наступало время спать, дверь изъ передней въ комнаты замыкалась на замокъ, комната, гдѣ стояло бюро съ деньгами и сундукъ съ вещами, запиралась тяжелымъ желѣзнымъ болтомъ; вторая дверь изъ кухни на черный холъ замыкалась тоже, и всѣ ключи осторожный грекъ бралъ съ собою.

— Такъ, Лизавета, намъ спокойнѣе,—говорилъ онъ, совершивъ обходъ по комнатамъ,—злые люди, какъ волки зимою, такъ и рыщутъ. Вотъ моего друга знатный офицеръ убилъ. И подумать нельзя.—И онъ разсказывалъ ей процессъ Ландсберга.

Кромѣ кліентовъ у нихъ никого не бывало. Елизавета справлялась по хозяйству одна, да и хозяйство было незатѣйливо, и дни ея текли монотонно, какъ падающія изъ крана капли воды.

Душа ея дремала, страсти спали и немногія книжки, которыя она читала, не будили ея воображенія.

Однажды, когда послѣ всѣхъ предосторожностей, Кандуполо ушелъ по дѣламъ изъ дому и Елизавета осталась одна,—съ черной лѣстницы раздался звонокъ.

Елизавета подошла къ двери и окликнула. Ей отвѣтилъ веселый мужской голосъ.

— Не бойсь. Капитанъ Дунинъ письмо съ экстрой шлетъ. Чтобы отвѣтъ ему.

— Самого дома нѣтъ,—отозвалась черезъ дверь Елизавета.

— Подождемъ, коли нѣтъ,—весело отвѣтилъ голосъ.

— Этого никакъ нельзя.

— Ахъ ты дѣло какое,—съ досадою выкликнулъ за дверью,—возьмите письмо тогда, сдѣлайте милость. Я послѣ зайду.

Елизавета рѣшилась открыть дверь.

Въ кухню вошелъ бравый солдатъ-денщикъ; молодое съ черными усами лицо его дышало здоровьемъ и силою, черные глаза глядѣли съ наглостью, крѣпкія красныя губы обличали энергію. Онъ взглянулъ своими наглыми глазами на Елизавету и сказалъ.

— Здравія желаемъ. Ну, и попасть къ вамъ, словно крѣпость взять.

— Здравствуйте,—отворачиваясь отъ его взгляда, отвѣтила Елизавета.—давайте письмо ваше.

— Сей минутъ. — Денщикъ, не сводя загорающагося восхищеніемъ взгляда, полѣзъ въ карманъ за письмомъ и доставъ его, проговорилъ:—а подождать не дозволите. Такъ бы это расчудесно было. Я бы вамъ и помогъ, ежели что надо.

Елизавета вспыхнула подъ его взглядомъ и смутилась.

— Нѣтъ, нѣтъ и думать нечего. Дайте письмо и идите.

— Э-эхъ—вздохнулъ денщикъ,—получите-съ. Вѣкъ бы не ушелъ отъ васъ—прибавилъ онъ тихо.

Елизавета сердито нахмурилась и сняла съ петли дверной крючокъ.

— Когда за отвѣтомъ-то придтить,—спросилъ денщикъ.

— Ввечеру. Въ 6 часовъ приходите.

— Прощенья просимъ.

Денщикъ вышелъ, Елизавета заперла за нимъ дверь и безсильно опустилась на табуретку.

Что это съ ней сдѣлалось. Въ первый разъ подъ взглядомъ мужскихъ глазъ сердце ея забилось, и она потеряла самообладаніе. Въ первый разъ ее охватило чувство и страха, и тайной радости, и неяснаго желанія...

Она чувствовала, что произошло что-то роковое, что вдругъ бросило ее къ этому бравому солдату, но ни сознать, ни формулировать не могла этихъ странныхъ новыхъ ощущеній.

Кондуполо вернулся къ обѣду. Она подала на столъ кушанья, сѣла сама и отдала ему письмо.

— Отъ Дунина. Такъ,—сказалъ грекъ, разрывая конвертъ и читая письмо. Потомъ покачалъ головою и сказалъ:—дуракъ, развѣ это можно письмомъ.

— Что сказать, коли за отвѣтомъ придетъ,—спросила Елизавета.

— Сказать. А скажи, пусть завтра къ вечеру придетъ. Самъ придетъ. Ишь хочетъ на слово денегъ взять, по письму этому. Ты напиши вексель. Да...

— А писать не будете.

— Чего писать-то. Скажи, завтра вечеромъ и все.

Послѣ обѣда онъ ушелъ спать, а Елизавета стала въ тоскливомъ нетерпѣніи ждать прихода денщика и, когда въ кухнѣ звякнулъ звонокъ, она тотчасъ очутилась у дверей и, безъ обычныхъ предосторожностей, сняла крюкъ.

— Наше вамъ,—сказалъ, входя, денщикъ и протянулъ руку. Елизавета подала свою, и онъ задержалъ ее, нагло смотря ей въ лицо и сверкая бѣлыми зубами изъ подъ черныхъ усовъ.

Невольная улыбка пробѣжала по лицу Елизаветы, но она тотчасъ нахмурилась и рѣзко выдернула руку.

— Скажите своему барину, чтобы пришелъ завтра вечеромъ самъ. Вотъ и отвѣтъ—сердясь на себя, сердито сказала она.

— Ладно. А мнѣ какой отвѣтъ будетъ,—и денщикъ шагнулъ къ Елизаветѣ.

Она въ ужасѣ отшатнулась и рѣзко сказала:

— Теперь йдите, а то самъ придетъ.

— Такъ-то, — покорно сказалъ денщикъ, — ну, прощенья просимъ. Въ другой разъ можетъ смилостивитесь, а я сохнуть по васъ буду. Вотъ.—Онъ тряхнулъ головою, надѣлъ фуражку и вышелъ.

Всю ночь безъ сна провела Елизавета, разметываясь по постели. Такъ и стоитъ передъ ней рослая фигура, съ красивымъ открытымъ лицомъ, съ наглымъ ласковымъ взглядомъ съ сверкающими бѣлыми зубами.

На другое утро она получила отъ него письмо.

Въ началѣ письма было написано: «ты лети письмо къ тому, кто милъ сердцу моему», а самое письмо описывало пылкую любовь, а въ концѣ, передъ подписью «погропъ неизмѣнный Степанъ Кречетовъ», было написано, что онъ непремѣнно придетъ къ ней, хотя бы за то жисти поришился».

Елизавета скомкала письмо, спрятала его за пазуху и весь день была, какъ не своя.

Старый грекъ наложилъ на нее заклятіе, а этотъ, что же. Неужели и онъ колдунъ.

Двѣ недѣли прошло. Хозяинъ уходилъ и возвращался. Въ эти часы его отсутствія Елизавета замирала въ ожиданіи, но Степанъ Кречетовъ не появлялся.

Кондуполо обѣдалъ, спалъ, потомъ считалъ деньги или вмѣстѣ съ Елизаветой переглядывалъ взятыя подъ залогъ вещи, потомъ запиралъ двери, укладывался спать— и Елизавета оставалась одна въ своей комнатѣ съ горячечной мечтой о Кречетовѣ. Гдѣ онъ? Отчего не идетъ? И грудь ея волновалась и вся она трепетала невѣдомымъ желаніемъ ласки и страсти.

И онъ пришелъ. Пришелъ, когда не было стараго грека, и Елизавета сразу очутилась въ его объятіяхъ и трепетала подъ его поцѣлуями всѣмъ своимъ упругимъ, горячимъ тѣломъ.

Онъ пришелъ и овладѣлъ ею сразу.

Весь пылъ молодой крови, всю таившуюся доселѣ страсть пробудили въ Елизаветѣ его ласки.

Едва уходилъ старый грекъ, она отворяла двери на черную лѣстницу и впускала своего Степана, и ихъ охватывало безуміе.

Она передавала ему всю свою доселѣ сѣрую скучную жизнь и, трепеща на его груди, говорила:

— Возьми меня отсюда, отъ этого стараго чорта. Я тебѣ слугой буду, словомъ не поперечу.

Степанъ Кречетовъ лежалъ, закинувъ свою красивую голову и говорилъ:

— Можно. Какъ этто со службы выйду, мы съ тобой и поженимся.

— Милый ты мой,—страстно прижималась къ нему Елизавета.

Первымъ отъ угара страсти очнулся Кречетовъ, и среди поцѣлуевъ и объятій началъ осторожно распрашивать Елизавету объ ея хозяинѣ.

Она разсказывала ему о сундукѣ, полномъ драгоцѣнныхъ вещей, о бюро, въ которомъ пачками лежатъ деньги и свертками золотыя монеты.

У Степана загорались глаза.

— Ишь, старый чортъ,—говорилъ онъ,—для чего-жъ онъ деньги не въ банкѣ держитъ.

— Ему завсегда ихъ надо подъ рукой имѣть, — объясняла Елизавета, — господа пріѣзжаютъ, давай сейчасъ... Одному онъ князю Тугаеву сорокъ тысячъ выложилъ. Вотъ онъ какой.

— Сорокъ тысячъ,—пробормоталъ Степанъ—ахъ, ты старый песъ...

— А двѣ, три, пять, такъ это за пустое...

— За пустое. Ахъ ты, лысый чортъ...

Однажды, послѣ бурной вспышки страсти, онъ, лаская Елизавету, сказалъ ей:

— Жениться-то, женимся, а на что жить будемъ.

— Проживемъ. Работать буду,—прошептала Елизавета.

— Дура, проживемъ съ работы. Ты въ кухаркахъ, я въ лакеяхъ. Ты на Васильевскомъ, я подъ Лаврой. Въ годъ два раза увидимся. Нѣшто жизнь это.

— Работу найдемъ, чтобы дома...

— Въ углу. Наше вамъ размерси. Нѣтъ, ты вотъ что...

Елизавета подняла голову и заглянула ему въ лицо. Онъ отвернулся и заговорилъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ лучше помоги этого дьявола обдѣлать.

— Убить!—въ ужасѣ прошептала Елизавета.

— Зачѣмъ. Пущай живетъ, собака. Такъ взять малость..

Елизавета испуганно прижалась къ нему.

— Страшно.

— Потому что глупая,—сказалъ Степанъ. И послѣ этого при каждомъ свиданіи повторялъ ей то же.

— Да какъ же сдѣлаю я это-то?—спросила наконецъ Елизавета.

Степанъ сразу оживился.

— Слушай. Ты это гдѣ у него какой ключъ, все знаешь. Хорошо. Теперь я дамъ тебѣ порошку и опять синее стекло на лампу. Какъ значитъ, ты увидишь, что у него большія тысячи припасены, ты ему въ чай порошокъ, а къ себѣ на лампу синее стекло. Знакъ, значитъ. Я и приду. Поняла. Ты не бойсь. Это не отрава. А я для отвода, значитъ, я тебя потомъ свяжу и ротъ заткну. Ты потомъ плети, что знаешь. И все...а тамъ, посля, и поженимся. Въ Москву аль въ Варшаву уѣдемъ. А любить буду...

— Неси порошокъ то,—сказала рѣшительно Елизавета.

Старый Кандуполо былъ веселъ.

— Гляди, Лизавета, князь деньги отдалъ. Въ мѣсяцъ я три тысячи нажилъ съ него. Сегодня давай мадеру нашу.

Вечеромъ онъ считалъ деньги и раскладывалъ ихъ пачками въ бюро.

Елизавета была блѣдна и только глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Хе-хе-хе. Вотъ старый Кандуполо,—говорилъ, смѣясь грекъ,—сюда пріѣхалъ губками торговать, теперь у Георгія Кандуполо полмиліона. Прежде Кандуполо, что

собака былъ, теперь ему вездѣ почетъ. Давай чай пить, Лизавета, потомъ спать будемъ. Ты иди ко мнѣ нынче. Старый Кандуполо не обидитъ тебя. Давай чай и ромъ, давай.

— Иди,—сказала чуть слышно Елизавета.

Она всыпала порошокъ и налила старику чая, доливъ его ромомъ.

Старикъ шутилъ и смѣялся, а потомъ, шатаясь пошелъ въ свою спальню, говоря:

— Ты сейчасъ приходи, Лизавета...

Семенъ Кречетовъ каждый вечеръ пробирался во дворъ и смотрѣлъ на окно Елизаветы.

И вдругъ сегодня оно озарилось синимъ свѣтомъ.

Кречетовъ дождался, когда на лѣстницѣ дворникъ загасилъ огонь, и осторожно, какъ кошка, шмыгнулъ, въ подъѣздъ, а потомъ пробрался до завѣтной двери.

— Ты,—услышалъ онъ шепотъ и скользнулъ въ отворенную дверь.

А. Заринъ.

Старая пѣсня.

Шли по камнямъ. Говоръ струй.
Ты запуталася въ платьѣ,
Пала въ гибкія объятья,
Окрылился поцѣлуй.
Неожиданный и звонкій,
И зардѣлся профиль тонкій
Въ голубомъ зерцалѣ струй...

Такъ родилася любовь...
Такъ родилась пѣсня эта:
Стары радости поэта,
Какъ бунтующая кровь,
Какъ огонь лобзанья жадный,
Такъ же старъ и ключъ прохладный.
Какъ стара сама любовь.

Валентинъ Горянскій.

Стихотворенія въ прозѣ.

ТА, КОТОРУЮ ЛЮБЛЮ, И ТА, КОТОРУЮ НЕНАВИЖУ.

Есть женщина, которую я люблю, и есть женщина, которую ненавижу.

Обѣихъ я отличу въ многочисленной толпѣ и поблѣднѣю, если внезапно услышу ихъ голосъ.

Обѣ красивы и молоды, но одну люблю, а другую ненавижу.

Вамъ нравится море, когда свѣтитъ солнце и волны, переливаясь огнями, плавно набѣгаютъ на берегъ, спѣшатъ обратно и оставляютъ кружево пѣны, тутъ-же смываемое новой волной?

Воздухъ прозраченъ и что-то нѣжное плыветъ и охватываетъ васъ, и уноситъ мечты къ далекому, бѣлѣющему парусу.

Вамъ кажется, что съ этимъ парусомъ, рѣющимъ, какъ крыло чайки, связаны ваши надежды...

Но когда солнце подернуто туманомъ и волны безъ красокъ, сѣрыя и глухія, мрачно несутся къ берегу, заливаютъ его мутной пѣной и, словно досадуя на что-то, возвращаются вспять, чтобы снова вернуться съ такой же скукой и злобой,—вы ненавидите море, хотя и тогда не можете не признать его капризной красоты.

Не видно паруса. Онъ гдѣ-то потонулъ въ слѣпой мглѣ непогоды.

У васъ нѣтъ надежды.

Такъ и обѣ женщины, заставляющія тревожно биться мое сердце.

Первая окрыляетъ надеждами и въ лучахъ ея теплаго взора отражается моя мечта, далекая—какъ бѣлѣющій парусъ.

Вторая губитъ ихъ и въ темной глубинѣ ея непривѣтливаго, туманнаго взгляда нѣтъ мѣста для моей грезы... И меня не уноситъ мечта въ безконечныя дали... И я чувствую, что нѣтъ простора моей свободѣ..

Я связанъ...

И вотъ одну женщину я люблю, а другую ненавижу.

ТА, КОТОРУЮ БОЮСЬ.

Не знаю... не умѣю этого объяснить. Но вы помните...

Это съ вами не разъ бывало въ вашей жизни.

Вы стоите у рѣки, чтобы броситься въ нее и поплыть, разсѣкая широкими взмахами рукъ кристальныя, быстрыя воды.

Тепло. Красиво.

Вамъ ничто не мѣшаетъ. Но вы чего-то боитесь и не рѣшаетесь.

Васъ тянетъ окунуться, но вы такъ и не можете побѣдить странной своей боязни.

Вы негодуете на себя, а между тѣмъ уходите подальше отъ рѣки и завидуете тѣмъ, кто плаваетъ и нѣжится въ гибкихъ, нѣжныхъ волнахъ. И въ душѣ у васъ ревнивое чувство...

У меня нѣтъ вообще страха ни къ кому и ни къ чему, но зато есть женщина, которую я боюсь такой же непонятной боязнью.

Мы познакомились при одной встрѣчѣ; мы говорили и, казалось, незамѣтныя струны уже соединили насъ невидимыми узами, а затѣмъ... затѣмъ почему-то эта роковая боязнь всякій разъ отдаляла дальнѣйшія встрѣчи.

Я издали смотрѣлъ на нее, ловилъ украдкой взглядъ, который околдовывалъ меня удивительными чарами, и я отступалъ, словно боясь утонуть въ бездонной стремнинѣ.

Ее окружали поклонники, и это терзало меня.

Безконечно-убѣдительные доводы рушились при одномъ ея взглядѣ и, главное, этотъ взглядъ не отталкивалъ, а звалъ, и въ немъ было столько непонятной грусти, неразгаданной тайны.

Я проходилъ около ея дома, когда зналъ, что она сидитъ у окна.

Какъ-то даже услышалъ свое имя, робко прозвучавшее въ сиреневой тишинѣ ея уснувшаго сада.

Я увѣренъ, что она меня ждетъ и теперь.

И я боюсь не только ея, но и того, что когда-нибудь сумѣю одолѣть эту боязнь и пойду къ ней.

Странно, но я люблю мою боязнь...

Вы помните?.. Что-нибудь похожее бывало, вѣдь, въ вашей жизни?

РАЗЪ ВЪ ГОДУ.

Устраивалось такъ, что мы видѣлись одинъ разъ въ году, не больше и не меньше.

На многолюдномъ званномъ обѣдѣ я нашелъ у своего прибора карточку съ фіалками, гдѣ стояло имя дамы, которую я долженъ былъ вести къ столу.

Мы не были знакомы.

Насъ представили.

У нея по лицу разлилась скука, а у меня навѣрно въ углахъ рта лежала тѣнь разочарованія.

Обѣденный столъ утопалъ въ душистыхъ, нарядныхъ цвѣтахъ.

Роскошная комната была залита красивыми огнями.

Даже серебряная дорожка на столѣ свѣтилась разноцвѣтными электрическими лампіонами среди вѣтокъ папоротника.

Нельзя было подумать, что на дворѣ зима, вьюга, непроглядная темень.

Мечта переносилась къ югу. Хотѣлось жизни и радости.

Я рѣшилъ быть веселымъ и быстро согналъ скуку съ лица моей дамы.

Я разсмотрѣлъ ее. Ея тонкія черты, благородство линій невольно напрашивались на сравненье, и я намекнулъ, что ея профиль напоминаетъ античную камею.

Пріятная лесть нравится женщинамъ, особенно когда она сказана въ искреннемъ порывѣ и не основана на лжи...

И этотъ день былъ однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни.

Черезъ годъ повторился такой-же званный обѣдъ, и я опять увидѣлъ ее.

У своего прибора я нашелъ карточку съ именемъ другой дамы.

Я пустился на хитрость.

Обмѣнять карточки было дѣломъ какой-нибудь минуты.

Она замѣтила это и просіяла.

— Я пріѣхала только для васъ, несмотря на простуду...

Но простуда дѣлала ея глаза такими выразительными!..

И этотъ день тоже хранится въ моихъ воспоминаніяхъ.

Опять черезъ годъ, къ сожалѣнію, не было званнаго обѣда.

Я напрасно ждалъ его, и вдругъ на улицѣ вижу мою «камею».

Мы оба сразу остановились. Это вышло по обоюдному влеченію.

Прогулка... разговоръ... Незамѣтно промчалось время.

— Неужели мы такъ и будемъ встрѣчаться только разъ въ году?.. Заходите сейчасъ ко мнѣ...

Я не могъ почему-то и сталъ прощаться у ея подъѣзда.

Она надула губки. Это не шло къ ней. Лицо «камеи» должно быть строгимъ.

—Ну, приходите завтра,—въ дверяхъ шепнула она.

Мы разстались, а когда наступилъ слѣдующій день, я отложилъ посѣщеніе еще на день, потомъ еще... Спустя недѣлю, думалъ:

«Нѣтъ, лучше разъ въ году!.. Тогда останется ярче и сильнѣе воспоминаніе»..

Я ЛИШИЛСЯ ДРУГА.

Я лишился друга.

Вы скажете:

—Кого-же потеряли? Пріятеля? брата? любовницу? сестру? добраго товарища?

Я отвѣчу, но вы будете смѣяться, а мнѣ грустно...

Я лишился маленькаго звѣрка съ красивой пушистой шерстью, который такъ часто смотрѣлъ на меня холодными, умными глазами съ зеленымъ фосфорическимъ блескомъ, словно пронизывая, сидѣлъ у меня въ комнатѣ, урчалъ у камина, то часами, какъ іогга, погружался въ неподвижное созерцаніе и размышленіе.

Каждое утро онъ вскакивалъ на подоконникъ и съ любопытствомъ разглядывалъ сквозь зимнія рамы летающихъ на свободѣ голубей и, вѣроятно, вспоминалъ приволье минувшаго лѣта въ деревнѣ.

Я чувствовалъ себя виноватымъ, что, какъ тюремщикъ, держалъ его въ пятомъ этажѣ высокаго каменнаго дома...

Небо, крыши и стѣны...

Онъ узнавалъ мой голосъ и отвѣчалъ на него взглядомъ или мурлыкалъ, или ласкался ко мнѣ пушистымъ хвостомъ.

Когда хотѣлъ рѣзвиться,—изгибался и прыгалъ, подобно дикой пантерѣ.

А когда повѣяло весной—исчезъ.

Я не знаю, гдѣ онъ.

Какъ только вхожу въ комнату, она кажется пустой, точно не хватаетъ чьей-то души...

Вы смѣетесь, а мнѣ грустно...

Я лишился друга и я, право, не знаю, почему люди должны считаться лучше животныхъ.

Земля задыхается отъ крови и стоновъ мученичества.

Человѣкъ шагаетъ по трупамъ.

Человѣкъ властвуетъ на землѣ.

Человѣкъ мучитъ и убиваетъ.

Не истерзалъ-ли и тебя кровожадный человѣкъ?..

Мнѣ грустно. Я лишился друга...

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Матиньонъ. МОРФИНИСТКИ.

Нечистая совѣсть.

Возвращаясь со службы домой, Петръ Петровичъ Колобковъ зашелъ въ табачный магазинъ купить табаку и гильзъ. Онъ любезно поздоровался съ хозяиномъ магазина и даже освѣдомился о его здоровьѣ, на что толстый и рыжій купецъ Масловъ отвѣтилъ не менѣе любезно, степенно поглаживая свою красную бороду:

— Благодарствуйте. Какъ ваше-съ?...

Послѣ этого Петръ Петровичъ небрежно бросилъ почтительно склонившемуся за стойкой приказчику:

— Осьмушку... знаете, какой я курю... и гильзъ...

Пока приказчикъ отпускалъ ему, въ магазинъ зашелъ еще одинъ покупатель, которымъ занялся самъ хозяинъ.

— Сорокъ пять копѣекъ,—сказалъ приказчикъ, подавая Колобкову пакетъ.

Петръ Петровичъ, не спѣша, досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него полтинникъ и положилъ его около кассы на резиновую щетку. Но купецъ былъ занятъ покупателемъ, а Петръ Петровичъ вспомнилъ, что ему еще нужны спички и потребовалъ цѣлую пачку. Такъ какъ теперь приходилось уплатить уже больше полтинника, то онъ, положивъ рубль, полтинникъ взялъ обратно.

Отпустивъ покупателя, Масловъ подошелъ къ кассѣ и коротко спросилъ:

— Сколько?

Приказчикъ видѣлъ, что Петръ Петровичъ уже клалъ раньше деньги на резинку и рѣшилъ, что за табакъ и гильзы уже получено, и потому отвѣчалъ:

— Пачка спичекъ—десять копѣекъ ..

Петръ Петровичъ хотѣлъ было возразить, но какъ-то не успѣлъ. Масловъ быстро, бросивъ его рубль въ кассу, выложилъ ему прямо въ руку девяносто копеекъ сдачи, и когда деньги уже были въ его рукѣ, онъ почувствовалъ, что теперь уже какъ-будто неловко говорить о томъ, что съ него не получили за табакъ и гильзы. Зажавъ деньги въ кулакѣ, онъ взялъ свою покупку и торопливо простившись, вышелъ изъ магазина.

Сначала онъ даже доволенъ былъ тѣмъ, что ему табакъ и гильзы на этотъ разъ ничего не стоили. «Такъ ему и нужно, пускай лучше смотритъ»,—подумалъ онъ съ усмѣшкой, подходя къ воротамъ своего дома. Но тутъ онъ остановился, испугавшись пришедшаго вдругъ ему въ голову предположенія: «А если Масловъ вспомнитъ? Подумаетъ, что я смошенничалъ, нарочно положилъ полтинникъ, а потомъ принялъ его обратно!.. Нѣтъ, чортъ съ нимъ! Нужно заплатить»...

Онъ повернулся и пошелъ назадъ. Подойдя къ двери магазина, онъ увидѣлъ сквозь стекло Маслова, разговаривавшаго съ кѣмъ-то черезъ стойку и прошелъ мимо. «Навѣрно, обо мнѣ, подлецъ, говоритъ!»—подумалъ онъ съ раздраженіемъ: «Будетъ, каналья, теперь трезвонить по всему городу!.. Да только кто-жъ ему повѣритъ? У него нѣтъ никакихъ доказательствъ... А впрочемъ, бросить ему въ его рыжую морду эти сорокъ пять копеекъ! Пусть знаетъ, что не всѣ такіе мошенники, какъ онъ»!..

Петръ Петровичъ снова вернулся къ магазину и сквозь стекло двери увидѣлъ, что Масловъ все еще разговариваетъ съ кѣмъ-то, перегнувшись черезъ стойку и какъ-будто сообщая что-то по-секрету, съ хитрой улыбочкой. Петръ Петровичъ уже не сомнѣвался въ томъ, что въ магазинѣ рѣчь шла о немъ, и отъ злости у него такъ сжался кулакъ, что онъ едва удержался, что бы не хватить имъ по стеклу со всей силы. «А! Ты такъ? Хорошо! Ни одной копейки не заплачу!»—рѣшилъ онъ и уже безъ колебаній направился домой.

За обѣдомъ, пересиливая непріятное чувство досады и смутной тревоги, онъ, съ дѣланнымъ смѣхомъ, разсказалъ женѣ, какъ было дѣло. Жена его тоже посмѣялась и порадовалась, что вотъ, остались въ карманѣ сорокъ пять копеекъ.

— Какъ найденыя!—сказала она, разливая въ тарелки щи.

Но въ концѣ обѣда она вдругъ спросила:

— А если онъ спохватится? Неловко, вѣдь...

— Вотъ еще, глупости!—возразилъ, сердясь, мужъ:—мнѣ-то какое дѣло, что онъ передалъ?..

Послѣ обѣда онъ легъ отдыхать, съ газетой въ рукахъ. Но въ душѣ у него было тоскливо и тревожно, мысли все вертѣлись около купца Маслова, и онъ не понималъ ни одной прочитанной строчки. Ему рисовался табачный магазинъ, дверь котораго ежеминутно отворялась, и рыжій купецъ, перегнувшись черезъ стойку, съ ехидной усмѣшечкой, сообщалъ шепоткомъ каждому покупателю: «Представьте себѣ, Петръ Петровичъ-то... Колобковъ, а? Вотъ, никогда-бы не подумалъ, чтобы онъ могъ замошенничать у меня сорокъ пять копеекъ!.. И какъ ловко продѣлалъ эту махинацію-то! А? Положилъ полтинничекъ, а потомъ взялъ его назадъ! Петръ Петровичъ-то... Колобковъ... А?.. Только вы ужъ никому не разсказывайте. Богъ съ нимъ. Мнѣ не обѣднѣть, ему не разбогатѣть съ этихъ сорока пяти копеекъ... А все-таки, я его считалъ порядочнымъ человѣкомъ... Вѣдь, чиновникъ, въ государственномъ банкѣ служитъ! А»?..

«Подлецъ этакій!»—думалъ Петръ Петровичъ, со злостью отшвыривая газету: «Пожалуй, чего добраго, еще по начальству донесетъ!.. Отнести-бы ему эти проклятыя сорокъ пять копеекъ»!.. Но это представлялось теперь уже совершенно невозможнымъ. Масловъ, вѣроятно, уже полгороду успѣлъ разсказать, и если Петръ Петровичъ отнесетъ ему эти деньги, купецъ будетъ злорадствовать и снова будетъ всѣмъ разсказывать: «А знаете? Петръ Петровичъ-то .. Вѣдь, сознался! Принесъ-таки! Совѣсть, вишь, зазрила!.. Ну что-жъ? Лучше поздно, чѣмъ никогда, хотя все-же оно не тово... порядочные люди такъ не дѣлаютъ»...

У Петра Петровича отъ злости и тоски даже подъ ложечкой засосало. Онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и, накрывъ голову газетой, старался заснуть; но всѣ его старанія не приводили ни къ чему. Ему представлялось, что весь городъ жужжитъ, какъ пчелиный улей, говоря о его продѣлкѣ въ табачномъ магазинѣ, словно у всѣхъ жителей города больше и не было никакого другого дѣла, какъ только говорить о немъ. Всѣ мерзавцы, плуты, мошенники, воры!»—злился Петръ Петровичъ, сжимая кулаки: «А туда-же, судить берутся, и кого? Можетъ быть, самаго честнаго человѣка во всемъ городѣ!».. Но тутъ передъ нимъ вдругъ всплыло широкое, красное лицо съ рыжей бородой и багровымъ носомъ; купецъ Масловъ хитро усмѣхался и подмигивая, ехидно спрашивалъ: «Ой ли, самаго честнаго?».. Петръ Петровичъ вышелъ изъ себя и круто повернувшись на спину, ожесточенно плюнулъ, мысленно предназначая этотъ плевокъ въ ненавистную физіономію купца Маслова.

— Чего плюешься, не глядя! услыхалъ онъ сердитый окрикъ жены:—Не нашелъ другого мѣста, чтобъ плюнуть, болванъ этакій!—Она сердито протирала передникомъ глаза.

Петръ Петровичъ поднялся и сѣлъ на кровати.

— А ты чего торчишь надо мной? Что тебѣ здѣсь надо?..

— А то, что если хочешь идти въ театръ, такъ пора и перестать дрыхнуть. то-же, манеру выдумалъ—плеваться!..

Петръ Петровичъ вчера еще взялъ два билета на «Ревизора», и если бы за нихъ не были заплачены деньги, онъ охотно не пошелъ-бы въ театръ. Ему было совсѣмъ не до «Ревизора».

— А развѣ пора?—уныло спросилъ онъ.

— Сейчасъ пробило семь,—сказала жена, взбивая передъ зеркаломъ волосы:—а въ восемь начало...

Петръ Петровичъ нехотя поднялся съ кровати и сталъ одѣваться съ такимъ видомъ, словно ему предстояло идти на эшафотъ...

По дорогѣ въ театръ онъ строго сказалъ женѣ:

— Ты, смотри, не проболтайся тамъ...

— О чемъ это?—удивленно спросила жена.

— Да о Масловѣ! Забыла, что-ли?..

— Да что о Масловѣ? Скажи толкомъ!

— А то, что онъ передалъ мнѣ... сорокъ пять копеекъ!..

Жена засмѣялась.

— Эко важное дѣло! Я и думать забыла...

— Память у тебя куриная!—буркнулъ Петръ Петровичъ, передергивая плечами отъ ея скрипучаго смѣха.

«Тоже, жена называется!»—сердито думалъ онъ: «Подруга жизни, чортъ побери! А случись у мужа бѣда—ей и горя мало. Думать забыла!»..

Въ театръ они пришли, когда занавѣсъ уже былъ поднятъ, и въ зрительномъ залѣ было темно. Пробираясь на свое мѣсто, Петръ Петровичъ, къ своему ужасу, замѣтилъ, что почти весь партеръ оглянулся и посмотрѣлъ на него. И даже изъ ложъ на него уставились бинокли. Онъ весь похолодѣлъ, и въ полномъ изнеможеніи опустившись на свой стулъ, съежился и закрылъ глаза. И такъ просидѣлъ все первое дѣйствіе, ничего не видя и не слыша...

Когда наступилъ антрактъ и зрительный залъ освѣтился—онъ открылъ глаза и увидѣлъ въ среднемъ проходѣ партера купца Маслова, разговаривавшаго съ частнымъ повѣреннымъ Лобановымъ. Масловъ держалъ того за пуговицу и шепталъ ему что-то въ ухо, улыбаясь и какъ-будто подмигивая лѣвымъ глазомъ въ сторону Петра Петровича. Лобановъ слушалъ его, тоже улыбаясь и вдругъ повернулъ голову и посмотрѣлъ прямо на Петра Петровича.

«Такъ и есть!—съ тоской подумалъ Петръ Петровичъ: «Погубитъ меня эта рыжая скотина»!.. Онъ сразу ослабѣлъ и почувствовалъ себя совершенно больнымъ.

— Мнѣ нездоровится что-то,—сказалъ онъ женѣ, дѣлая кислую физіономію:—ты оставайся, а я пойду домой...

Онъ пошелъ къ выходу, едва держась на ногахъ и испытывая сильную неловкость въ спинѣ, на которую, ему казалось, были устремлены тысячи глазъ. У вѣшалки онъ, однако, раздумалъ ѣхать домой. Страшно было оставаться въ театрѣ, но еще болѣе страшнымъ представлялось очутиться дома одному, наединѣ со своимъ безпокойствомъ и тоской. Онъ рѣшилъ пойти въ клубъ. Тамъ онъ засталъ трехъ товарищей по службѣ, встрѣтившихъ его радостными восклицаніями. Имъ не доставалъ четвертый партнеръ для преферанса. «Они еще ничего не знаютъ»,—радостно подумалъ Петръ Петровичъ, садясь за столъ.

Но тоска и тревога не оставляли его весь вечеръ. Онъ путался въ мастяхъ, дѣлалъ ошибки и немилосердно проигрывалъ. «Придетъ-ли сюда Масловъ»?—думалъ онъ со страхомъ, нервно вздрагивая и оглядываясь на каждаго входящаго въ залъ.

— Вы сегодня какой-то странный,—сказалъ одинъ изъ партнеровъ.

— И плохо глядите,—добавилъ другой.

Петръ Петровичъ тоскливо посмотрѣлъ по сторонамъ и вдругъ поблѣднѣлъ и уронилъ карты на столъ. Въ сосѣдней комнатѣ ему послышался голосъ Маслова. «Нарочно пришелъ сюда, мерзавецъ, чтобы всѣмъ разсказывать!»—пронеслось у него въ головѣ. Онъ быстро подсчиталъ свой проигрышъ и положилъ деньги на столъ.

— Мнѣ нездоровится,—сказалъ онъ шепотомъ:—я пойду..

Онъ хотѣлъ выйти медленно, съ достоинствомъ, но едва всталъ со стула, какъ ноги его неудержимо понесли, и онъ стремглавъ бросился къ двери. Уже за дверью онъ услыхалъ ехидный вопросъ Маслова:

— Не холера-ли схватила Петра Петровича?..

Пріѣхавъ домой онъ тотчасъ-же раздѣлся и легъ въ постель, не отвѣчая на разспросы жены, обезпокоенной его блѣдностью и страннымъ, полусумасшедшимъ взглядомъ испуганно бѣгающихъ глазъ. Спалъ онъ тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ, и ему всю ночь представлялись какіе-то длинные, темные корридоры, по которымъ онъ носился въ ужасѣ, убѣгая отъ Маслова, Лобанова и всѣхъ обывателей города, преслѣдовавшихъ его съ дикими криками:

— Ату его! Держи! Держи!..

Проснулся онъ на разсвѣтѣ, весь въ холодномъ поту, и рѣшилъ больше не спать, чтобы не видѣть во снѣ такихъ ужасовъ. «Сегодня воскресенье—лучше днемъ посплю»,—утѣшалъ онъ себя. И до девяти часовъ пролежалъ съ открытыми глазами...

Но днемъ ему не удалось поспать. Въ этотъ день они были званы на крестины къ Рябовскимъ и не пойти было совершенно невозможно: Рябовскій былъ непосредственнымъ начальствомъ Петра Петровича въ государственномъ банкѣ. Но хуже всего было то, что за обѣденнымъ столомъ у Рябовскихъ Петру Петровичу пришлось сидѣть прямо противъ купца Маслова, котораго раньше тамъ не было, по крайней мѣрѣ, до обѣда, Петръ Петровичъ не видѣлъ его среди гостей. Углубившись въ свою тарелку, онъ услышалъ вдругъ кѣмъ-то произнесенную фразу, отъ которой его передернуло съ ногъ до головы. Кто-то сказалъ:

— Пустое-съ. Передавать приходится при сдачѣ, только убытокъ-то отъ этого небольшой...

Петръ Петровичъ поднялъ глаза на говорившаго и безсильно опустилъ вилку, которой готовился отправить въ ротъ жирный кусокъ баранины. Противъ него сидѣлъ Масловъ, неизвѣстно какъ и откуда взявшійся. «Слѣдитъ за мной»!—въ ужасѣ подумалъ Колобковъ: «куда я—туда и онъ»...

— Ты видишь?—шепнулъ онъ женѣ, сидѣвшей рядомъ съ нимъ, незамѣтно кивая ей въ сторону Маслова.

— Кого?—спросила та, переставъ ѣсть и оглядывая весь столъ.

— Масловъ здѣсь!—шепнулъ Петръ Петровичъ, съ выраженіемъ неподдѣльнаго ужаса въ глазахъ.

— А почему-жъ ему не быть здѣсь?—спокойно сказала жена, снова принимаясь за ѣду:—Онъ шуринъ Рябовскому...

— Да-съ,—продолжалъ Масловъ, обращаясь къ своему сосѣду:—убытокъ, говорю я, отъ передачи небольшой, потому что всякій, кому передашь, ежели онъ человѣкъ порядочный, тотчасъ-же, или спустя нѣкоторое время, самъ замѣтитъ и вернетъ. Конечно, бываютъ и такіе, которые не только что не вернутъ, а еще и въ амбицію входятъ, когда скажешь; дескать, мы не мошенники какіе...

Петру Петровичу показалось, что Масловъ, при послѣднихъ своихъ словахъ, подмигнулъ въ его сторону. Для него было несомнѣнно, что эта фраза была пущена купцомъ именно по его адресу, и отъ обиды и злости у него перекосило лицо и потемнѣло въ глазахъ. Приподнявшись со стула, онъ вытеръ губы салфеткой и тяжело дыша и заикаясь, тихо спросилъ:

— Вы это н-на кого-же... на-намекаете?..

Масловъ удивленно посмотрѣлъ на него, потомъ засмѣялся:

— Шутникъ вы, Петръ Петровичъ,—и при этихъ сдовахъ, по своей привычкѣ, снова подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— Прошу не насмѣхаться надо мной!—вспылилъ Петръ Петровичъ, выведенный изъ себя этимъ подмигиваньемъ.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу:

— Извольте сейчасъ-же сказать, кого вы только-что обозвали мошенникомъ! — крикнулъ онъ сдавленнымъ голосомъ, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Всѣ замолчали, съ любопытствомъ прислушиваясь къ начинающемуся скандалу. Масловъ то-же разсердился, побагровѣлъ и, положивъ вилку и ножъ на тарелку, взялъ руки въ бока.

— Чего вы ко мнѣ привязались? — грубо спросилъ онъ, вращая налившимися кровью глазами.

— Нѣтъ, вы скажите! — уже пронзительно, тонкой фистулой кричалъ Петръ Петровичъ:—Я протестую!..

*В. Лувет*ъ.

РАСПНИ ЕГО!

Жена дернула его за фалду сюртука, но онъ гнѣвно отмахнулся отъ нея, продолжая кричать и бить кулакомъ по столу:

— Оставь! Пусть онъ скажетъ! Пусть скажетъ, говорю тебѣ!..

Онъ захлебнулся, закашлялся, безпомощно замахалъ руками и, опрокинувъ стулъ, выбѣжалъ въ переднюю. Жена бросилась за нимъ. Они уѣхали не окончивъ обѣда.

Дорогой жена сердито спрашивала его:

— Съ чего это ты привязался къ нему? Кажется и выпилъ-то немного!.. И что это съ тобой, скажи, ради Бога?.. Скандалъ-то какой поднялъ!..

Петръ Петровичъ мрачно молчалъ, подавленный случившимся. «Самъ себя выдалъ»,—думалъ онъ, не слушая жены:—«теперь ужъ конецъ»!..

Дома, раздѣвшись, онъ легъ въ постель и сталъ тихо стонать. Ему казалось, что онъ умираетъ, и на всѣ вопросы жены что съ нимъ, онъ тихо, плачущимъ тономъ, говорилъ:

— Умираю отъ человѣческой подлости.. Всѣ подлецы и мерзавцы... И ты за одно съ ними...

Къ ночи у него опять появился страхъ преслѣдованія. Ему уже казалось, что его обвиняютъ въ какомъ-то неслыханномъ преступленіи, и что его ищутъ по всему городу, чтобы арестовать и посадить въ тюрьму. Обливаясь холоднымъ потомъ, онъ ждалъ, что вотъ, раздастся звонокъ и придутъ за нимъ судебныя и полицейскія власти. И онъ мучительно ломалъ себѣ голову, придумывая, куда-бы спрятаться, чтобы его не могли найти...

На разсвѣтѣ проснувшись отъ какого-то скрипа не то двери, не то половицы, жена Колобкова приподнялась на постели и увидѣла, что кровать мужа пуста. Ей показалось, что въ платяномъ шкафу что-то шевелится. Она встала и подошла къ шкафу. Тамъ кто-то тихо, сдержанно дышалъ.

— Что это, Господи, съ нимъ?—прошептала она и, перекрестившись дернула дверцу.

Раздвинувъ платья, она увидѣла мужа, въ одномъ бѣльѣ, прижавшагося на корточкахъ, къ углу шкафа.

— Тсс...—таинственно зашипѣлъ на неё Петръ Петровичъ, приложивъ указательный палецъ къ губамъ и испуганно поводя сумасшедшими глазами:—Тссс....

Утромъ онъ былъ водворенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ онъ находится и сейчасъ, числясь въ разрядѣ тихихъ, но безнадежно-больныхъ...

В.І. Ленскій.

Весною.

И лазурная ночь благодатной весны,
И мерцанье звѣздъ, и сіянье луны...
И дыханье цвѣтовъ, и шептанье вѣтвей.
И задумчивый лѣсъ, и въ лѣсу соловей...
И въ оврагѣ лѣсномъ тихій говоръ ручья,
Подъ шептанье вѣтвей, подъ напѣвъ соловья...

Викторъ Мюръ.

С.-Петербургъ. ПРІЮТЪ ДЛЯ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Два внука.

Разсказъ ***В. Суворовой.***

Сергѣй Николаевичъ Грабовъ допивалъ утренній чай въ своей маленькой казарменной квартиркѣ, собираясь идти на ученье, когда денщикъ подалъ ему письмо, внушительно докладывая:

— Такъ что отъ ея высокопревосходительства, очень нужное-съ, Никифоръ принесъ.

Сергѣй Николаевичъ удивленно поднялъ брови.

«Отъ maman, такъ рано!—подумалъ онъ.—Навѣрно какая-нибудь непріятность».

Онъ уже давно привыкъ къ тому, что тамъ, въ роскошномъ родительскомъ особнякѣ на Фурштадтской, его вспоминаютъ только въ томъ случаѣ, если считаютъ нужнымъ напомнить ему объ исполненіи какой-нибудь свѣтской обязанности, или же распечь его за упущеніе одной изъ этихъ безчисленныхъ обязанностей.

Поэтому онъ не безъ опасенія вскрылъ узкій атласистый конвертикъ, отъ котораго по его кабинету пронеслась струя какого-то невообразимо нѣжнаго аромата. Однако на этотъ разъ содержаніе письма оказалось совершенно неожиданнымъ.

«Дорогой Сережа!—противъ обыкновенія, по-русски, торопливымъ, неровнымъ почеркомъ писала ему мать.—У меня къ тебѣ большая просьба, которую я умоляю тебя немедленно исполнить. Вчера утромъ Алексъ заболѣлъ, и бѣдному крошкѣ съ каждымъ часомъ все хуже и хуже. У него перебывали всѣ знаменитые дѣтскіе доктора, но ихъ діагнозы и совѣты такъ противорѣчивы, что у меня просто голова идетъ кругомъ. И потомъ они всѣ такъ небрежны и равнодушны, такъ откровенно интересуются только своимъ гонораромъ, что я возмущена до глубины души. Не лучше-ли пригласить какого-нибудь неизвѣстнаго, но добросовѣстнаго врача? Я помню, ты недавно говорилъ Татти Волоцкой, что видѣлъ у какихъ-то своихъ знакомыхъ очень хорошаго молодого доктора. Ради Бога привези его поскорѣй. Если умретъ этотъ безцѣнный малютка, я, право, не переживу его».

Не на шутку встревоженный этимъ совершенно необычнымъ посланіемъ своей всегда спокойной и величаво-холодной матери, Сергѣй Николаевичъ поспѣшно накинулъ пальто и, вскочивъ на перваго попавшагося извозчика, помчался на Пески, гдѣ жилъ хорошо ему знакомый дѣтскій докторъ Ивановъ.

Этотъ молодой, даровитый, страстно увлекающійся своимъ дѣломъ врачъ вну-

шалъ ему почти благоговѣйное чувство съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ спасъ жизнь его собственному обожаемому сынишкѣ, задыхавшемуся въ дифтеритѣ.

«Зачѣмъ maman приплела тутъ «какихъ-то знакомыхъ»?—вспомнилъ вдругъ молодой человѣкъ.—Неужели она не догадывается, что я познакомился съ Ивановымъ у кроватки моего ребенка? Не можетъ быть, она такъ проницательна! Впрочемъ, вѣдь мой Юрикъ—дитя любви; о такихъ неприлично и думать порядочной женщинѣ, а смотрѣть на него, какъ на своего внука, ей даже и въ голову не придетъ. Странно все это»!

И онъ горько улыбнулся, вспоминая тѣ страшные дни, когда его сынъ былъ на волоскѣ отъ смерти. Это случилось въ самый разгаръ зимняго сезона и, какъ нарочно, самымъ тревожнымъ днемъ было злополучное 4 декабря, день именинъ этой ненавистной ему княжны Babette, на которой и его, и ея родители мечтаютъ женить его. Съ мучительной тоской возясь у постельки умиравшаго Юрія, онъ искренно позабылъ объ ея существованіи и не только не поѣхалъ на традиціонный балъ, на которомъ она уже двѣнадцатый годъ выставляла свои блѣдныя красы, но даже и днемъ не заѣхалъ поздравить именинницу. Зато какую бурную сцену пришлось ему выдержать черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда онъ, блѣдный, осунувшійся отъ долгой бессонницы, изболѣвшій душою за свою Соню, свою дорогую подругу, пришелъ провѣдать родителей! Желая оправдаться въ своей забывчивости, онъ наивно объявилъ причину ея. Надо было видѣть, что тутъ сдѣлалось съ его матерью. Въ первую минуту она онѣмѣла, словно отъ неслыханнаго оскорбленія, а потомъ, задыхаясь и трагическимъ жестомъ указывая ему на дверь, крикнула:

— Уходи!.. Сейчасъ уходи!.. Да какъ ты смѣлъ мнѣ говорить о своей... о своихъ sales amours?.. Ты не въ казармѣ!.. Ты не умѣешь уважать свою мать!

Вотъ этихъ жестокихъ, грубыхъ словъ о томъ, что ему дороже всего на свѣтѣ, онъ никогда не забудетъ. За что такое отношеніе къ его любви? Ну, они не желаютъ, чтобы онъ женился на Сонѣ, они считаютъ ее неподходящей ему невѣстой и со своей точки зрѣнія даже правы; но вѣдь она вовсе и не требуетъ женитьбы. Такъ неужели же нельзя оставить его послѣ этого въ покоѣ, неужели онъ не имѣетъ права отдать свое сердце тѣмъ, кому хочетъ? И какое безсердечіе именно въ ту минуту, когда онъ едва держался на ногахъ отъ перенесенныхъ страданій, такихъ серьезныхъ, такихъ святыхъ страданій! Впрочемъ, какъ онъ смѣлъ горевать о сынѣ, который не носитъ имени Грабовыхъ? Ахъ, ужъ это имя! И почему они имъ такъ кичатся? Чѣмъ же прославились ихъ предки? Одинъ былъ «нещадно битъ батогами» за утайку соболей, присланныхъ Іоанну Грозному; другой отдалъ Богу душу во время неумѣренныхъ возліяній на «всепьянѣйшемъ соборѣ» Петра Великаго; третьяго Суворовъ слезно умолялъ убрать изъ его штаба за безнадежное «немогузнайство»; а дальше было и того хуже. Почему же ему вмѣняютъ въ священнѣйшій долгъ такъ чтить это имя, что въ жертву его призрачному блеску онъ долженъ приносить свои завѣтныя мечты? И какимъ образомъ можетъ его осквернить такая безупречная дѣвушка, какъ его Соня, вся вина которой только въ томъ, что она бѣдна и не носитъ громкой фамиліи? Отчего же, въ такомъ случаѣ, Babette достойна носить столь славное имя, эта полудѣва Babette, надъ похожденіями которой онъ, еще будучи пажемъ, хохоталъ до слезъ?

— Куда теперь прикажете, ваше благородіе, направо, или налѣво? прервалъ его размышленія извозчикъ, въѣзжая въ назначенную ему тихую улицу Песковъ.

Сергѣй Николаевичъ очнулся и, указавъ ему домъ, въ которомъ жилъ докторъ, торопливо выскочилъ изъ саней и вбѣжалъ въ подъѣздъ. Ивановъ, къ счастью, оказался дома, и, спустя нѣсколько минутъ, молодые люди уже неслись по свѣже-накатанной дорогѣ на Фурштадтскую.

— Пожалуйста, Дмитрій Павловичъ, не обращайте вниманія, не обижайтесь, если maman что-нибудь не такъ скажетъ,—смущаясь и краснѣя, обратился Грабовъ къ своему спутнику:—она, знаете-ли, человѣкъ немолодой, и притомъ такъ разстроена... она обожаетъ Алешу. Вѣдь, понимаете, единственный внукъ...

— То есть какъ же это единственный? — въ искреннемъ недоумѣніи возразилъ докторъ.—А вашъ-то Юрочка?

— Да, конечно, но вѣдь въ свѣтѣ на это смотрятъ иначе, чѣмъ мы съ вами,— со вздохомъ объяснилъ Сергѣй Николаевичъ.

Ивановъ не рѣшился продолжать этого щекотливаго разговора и, прищуривъ глаза, сталъ смотрѣть въ сторону.

Вскорѣ они пріѣхали на Фурштадтскую и вошли въ великолѣпный вестибюль обширнаго грабовскаго дома, гдѣ были встрѣчены монументальнымъ раззолоченнымъ швейцаромъ.

— Что, какъ маленькій баринъ?—встревоженно спросилъ Грабовъ.

— Плохо-съ, ихъ высокопревосходительства изволятъ очень безпокоиться насчетъ доктора,—отвѣчалъ важный стражъ, вопросительно скосивъ глаза на невзрачную фигурку Иванова и предоставляя тому собственноручно снять свое «вѣтромъ подбитое пальтишко».

— Вотъ я и привезъ доктора, теперь, Богъ дастъ, все будетъ хорошо—сказалъ Сергѣй Николаевичъ и обратился къ своему спутнику:—пойдемте, Дмитрій Павловичъ, я васъ проведу.

Идти имъ пришлось довольно долго. Миновавъ нѣсколько обширныхъ гостиныхъ и пройдя длинный коридоръ, они вступили въ большую квадратную комнату, всю залитую солнечнымъ свѣтомъ. Молодой врачъ одобрительно оглядѣлъ это помѣщеніе: выкрашенныя нѣжно-голубой масляной краской стѣны; высокія окна, выходящія въ садикъ и задрапированныя бѣлоснѣжной кисеей; обтянутый бѣлымъ съ голубымъ линолеумомъ полъ; бѣлые шкафы; мягкій диванъ, обитый голубымъ сафьяномъ; миніатюрная дѣтская мебель изъ бѣлаго камыша; идеальная чистота и веселый, уютный видъ комнаты,—все это очень понравилось Иванову, до сихъ поръ практиковавшему въ семьяхъ средняго круга и никогда не видавшему такихъ дѣтскихъ.

— Это игральная комната Алеши,—пояснилъ ему Грабовъ.—А спитъ онъ рядомъ. Присядьте тутъ пожалуйста, я пойду предупредить maman.

Но какъ разъ въ эту минуту одна изъ дверей отворилась, и въ комнату быстро вошла стройная, величавая дама въ богатомъ темномъ капотѣ. Сергѣй Николаевичъ испугался, взглянувъ на мать, до такой степени она была сама на себя непохожа: набрежная прическа, покраснѣвшіе глаза, неподкрашенное и потому вдругъ показавшееся ему страшно постарѣвшимъ лицо,—все это было настолько необычно для Елены Владиміровны, для этого «beanglacon», какъ ее смолоду прозвали въ свѣтѣ, что у молодого человѣка сердце внезапно сжалось болѣзненной жалостью и ему, едва ли не въ первый разъ въ жизни, захотѣлось приласкать мать, всегда бывшую такой чужой для него.

— Мамочка... нѣжно заговорилъ онъ, подходя къ ней.

— Здравствуй, Сережа— разсѣянно отвѣчала она.—Ты привезъ доктора? Благодарю васъ, докторъ, что такъ скоро пріѣхали.

И она крѣпко пожала руку Иванова.

— Вы уже согрѣлись послѣ улицы?—торопливо заговорила она.—Такъ пойдемте пожалуйста скорѣе къ нашему Bèbè.

«Какъ сильно должна быть огорчена maman, чтобы такъ измѣниться! Неужели Алешѣ до такой степени плохо»? думалъ Грабовъ, входя за матерью и докторомъ въ дѣтскую.

Эта комната была нѣсколько меньше первой, но точно такъ же устроена, съ тою лишь разницей, что здѣсь голубой цвѣтъ былъ замѣненъ блѣдно-золотистымъ. У нарядной постельки маленькаго больного стояли двое мужчинъ: одинъ, пожилой, съ правильнымъ и благообразнымъ лицомъ, заботливо склонился надъ кроваткой; другой, повидимому совсѣмъ еще молодой, но удивительно поношенный и безцвѣтный, съ брезгливо скучающимъ видомъ, смахивалъ воображаемыя пылинки со своего безукоризненнаго утренняго костюма. То были отецъ и братъ Сергѣя Николаевича, какъ сразу догадался Ивановъ. Подлѣ нихъ въ кокетливыхъ chauffeuses сидѣли двѣ молодыя женщины и, словно забывъ о присутствіи тяжело занемогшаго малютки, громко болтали между собою. Одна изъ нихъ, въ длиннѣйшемъ воздушномъ пеньюарѣ, похожемъ на какое-то розовое облако, была жена Петра Николаевича Грабова и мать Алеши; въ ея же собесѣдницѣ, затянутой въ темное англійское платье строжайшаго стиля, молодой офицеръ, къ крайнему своему недоумѣнію и неудовольствію, узналъ неизбѣжную княжну Babette.

«Эта еще къ чему пожаловала»? подумалъ онъ, холодно кланяясь ей и моментально принимая тотъ деревянный видъ, который съ нѣкоторыхъ поръ сталъ напускать на себя въ свѣтскихъ гостиныхъ.

— Ахъ, это ужасно, Сергѣй Николаевичъ!—залепетала княжна, протягивая ему руку.—Ce cher petit! Я обожаю дѣтей, и вдругъ...

— Если вы ихъ такъ обожаете, то очень хорошо сдѣлаете, говоря немножко потише,—съ досадой отрѣзалъ молодой человѣкъ, цѣлуя руку невѣсткѣ и отходя къ постелькѣ Алеши.

Молодая женщина съ ужасомъ вскинула на него своими красивыми, злыми глазами, но княжна, не смутившись, засмѣялась и успокоила свою пріятельницу:

— Не сердитесь, милая Мери, онъ не виноватъ, что его такъ избаловали. Enfant chéri des dames... запѣла она вполголоса и, лукаво сверкнувъ глазами, что-то зашептала на ухо младшей Грабовой, кисло улыбающейся ей въ отвѣтъ.

Между тѣмъ Сергѣй Николаевичъ, не заботясь о произведенномъ имъ впечатлѣніи, подошелъ къ кроваткѣ племянника, котораго только-что посадили, а докторъ тщательно мылъ руки, приготовляясь осматривать его.

Больно, больно кольнуло въ сердце молодого человѣка при видѣ этого крошечнаго созданьица. Худой, какъ скелетъ, до прозрачности блѣдный, съ какимъ-то желтымъ пухомъ вмѣсто волосъ на слишкомъ большой головѣ, Алеша былъ очень некрасивъ; его же огромные, тусклые глаза, не мигая смотрѣвшіе вдаль, производили положительно жуткое впечатлѣніе: казалось, то смотритъ не трехлѣтній малютка, растущій въ холѣ, а глубокій старецъ, все потерявшій и во всемъ извѣрившійся. Онъ не плакалъ, не капризничалъ, а, понурившись, сидѣлъ неподвижно и терпѣливо давалъ съ собой дѣлать все, что угодно.

Ивановъ долго, внимательно и необыкновенно бережно осматривалъ ощупывалъ вялое, безкровное тѣло малютки, а когда онъ, снова уложивъ его и прикрывъ одѣяльцемъ, поднялъ голову, то у него было такое сердитое и нахмуренное лицо, что даже княжна Babette моментально притихла. Видно было, что, возмущенный равнодушіемъ родителей маленькаго страдальца, докторъ собирался рѣзко, со злорадствомъ изложить имъ всю безпощадную правду; но его взглядъ прежде всего упалъ на бабушку—и онъ сразу смягчился. Красивое лицо Елены Владиміровны, по которому тихо струились слезы, выражало такой тоскливый страхъ, такую пламенную мольбу о помощи, что молодой врачъ не рѣшился сказать эту правду при ней и съ напускною веселостью заговорилъ:

— Ничего, мы живо поправимъ этого юношу. У него просто небольшая ангина, съ которой нетрудно справиться. А только попала-то она на слишкомъ благопріятную для нея почву. Вашъ внукъ—почтительно обратился онъ къ старшей Грабовой—очень слабый и малокровный ребенокъ, и я бы посовѣтовалъ немедленно измѣнить весь его режимъ, отвезти его въ Швейцарію, гдѣ бы онъ постоянно былъ на свѣжемъ воздухѣ, и со временемъ онъ окрѣпнетъ.

— Пожалуйста, докторъ, разскажите мнѣ подробно, что я должна дѣлать. Я вамъ безусловно вѣрю, я сама отвезу его, куда хотите, лишь бы онъ поправился. Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ,—съ лихорадочной торопливостью заговорила Елена Владиміровна, уводя Иванова изъ дѣтской.

Сергѣй Николаевичъ прошелъ за ними и, пока его мать совѣщалась съ докторомъ, присѣлъ въ смежной съ ея кабинетомъ библіотекѣ. Совѣщаніе это продолжалось довольно долго. Наконецъ Ивановъ снова показался въ библіотекѣ, нѣсколько сконфуженный впервые полученной имъ очень крупной ассигнаціей.

— Мы вмѣстѣ выйдемъ?—спросилъ Грабовъ, вставая со стула.

— Вѣдь вамъ надо на службу?

— Надо-то надо, но утреннее ученье я все равно ужъ пропустилъ и поѣду въ полкъ только къ двумъ часамъ. Теперь же, если вы свободны, поѣдемте завтракать къ Сонѣ. Кстати вы взглянете на Юрика.

— Съ удовольствіемъ,—согласился докторъ, оживляясь.

Молодые люди одѣлись, вышли, сѣли на извозчика, и лишь тогда Сергѣй Николаевичъ, въ упоръ глядя на своего спутника, спросилъ:

— Вы нашли у Алеши только ангину?

— Ну, да, у него дѣйствительно ангина, которую крѣпкій ребенокъ перенесъ бы шутя, а у него всякій пустякъ осложняется тѣмъ, что онъ такой слабенькій. Впрочемъ—вдругъ спохватился Ивановъ, густо покраснѣвъ и гнѣвно нахмуриваясь,—что-жъ это я съ вами комедію играю? вамъ я скажу правду: вашъ братъ... мерзавецъ, чуть не сорвалось у него съ языка, но онъ во время сдержался... очень легкомысленный

человѣкъ. Ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало жениться. Алеша неизлечимъ, какъ ни горько въ томъ признаться. У него скоро откроется туберкулозъ, при которомъ онъ въ лучшемъ случаѣ протянетъ года полтора—два. Да и маменька тутъ не безъ грѣха, потому что ребенокъ сложенъ такъ неправильно, что я ручаюсь за множество неосторожностей, которыя она продѣлывала, ожидая его рожденія.

— Да, она тянулась въ корсетъ съ героизмомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія,—горько улыбаясь подтвердилъ молодой офицеръ.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Эхъ, кабы моя воля, такъ я бы такихъ родителей...

Онъ не докончилъ, лишь энергичнымъ жестомъ пояснивъ свою мысль, и перемѣнилъ разговоръ:

— И вы напрасно предостерегали меня насчетъ своей матушки. Она пресердечная женщина, и такая простая.

— Да, я ее сегодня самъ не узналъ,—задумчиво проговорилъ Сергѣй Николаевичъ.—Она сильно страдаетъ отъ боязни потерять внука. Насъ она такъ не любила. Впрочемъ, она была тогда такъ молода и красива, ею восторгался весь Петербургъ, за ней бѣгали принцы и короли... ей было не до насъ. Наше дѣтство было невеселое, холодное. Смѣшно сказать, но первый человѣкъ, отъ души приласкавшій меня, былъ старый корпусный дядька съ такими корявыми руками, что онѣ царапали мнѣ кожу, когда онъ гладилъ меня по головѣ. Однако это не мѣшало мнѣ любить его со всѣмъ пыломъ первой любви. Зачѣмъ же меня осуждаютъ—съ внезапной страстностью воскликнулъ онъ—за то, что, когда я выросъ и мнѣ неудержимо захотѣлось серьезной, всепоглощающей привязанности, захотѣлось семейной, теплой атмосферы, постояннаго присутствія милаго, любящаго существа, которому была бы нужна моя забота, въ которое я могъ бы положить весь смыслъ моей жизни,—что я тогда сошелся съ чудной, достойной глубочайшаго уваженія дѣвушкой. И вѣдь вотъ что особенно противно: ихъ возмущаетъ не незаконность этихъ отношеній—о, нѣтъ, напротивъ, они смѣются надъ тѣми мужчинами, которые не имѣютъ такъ называемыхъ aoenaures galantes,—а именно то, что это для меня не шуточное приключеніе, а любовь на всю жизнь, что я осмѣливаюсь уважать какую-то госпожу Николаеву, какъ свою жену, и что я обожаю своего сынишку! Ихъ бѣситъ мое серьезное отношеніе къ Сонѣ, этихъ дамъ, которымъ мужья измѣняютъ съ самаго медоваго мѣсяца. Да чѣмъ же я виноватъ, если не могу жить такъ, какъ живетъ мой братецъ, который за нѣсколько часовъ до своей свадьбы завтракалъ у какой-то цирковой феи, которую тогда содержалъ!

Сергѣй Николаевичъ вдругъ замолчалъ и смущенно провелъ рукою по лбу.

— Однако я раскипятился! Простите, голубчикъ, ужъ очень на сердцѣ накипѣло, и не ради себя, а ради Сони и Юрика.

— Я васъ вполнѣ понимаю! — воскликнулъ докторъ, сочувственно слушавшій его.—Но почему же вы въ такомъ случаѣ не оборвете этого разомъ?

— То-есть вы хотите сказать, почему я не женюсь на Сонѣ? Да развѣ дѣло за мною? Она сама не соглашается, говоря, что и такъ вполнѣ счастлива и не желаетъ вносить раздоръ въ нашу семью. Впрочемъ, я надѣюсь, что она согласится, когда Юрику будетъ пора учиться. О себѣ она не думаетъ, а о ребенкѣ позаботится.

Въ это время сани поровнялись съ домомъ, въ которомъ жила Софія Александровна Николаева съ сыномъ. Остановивъ извозчика и расплатившись съ нимъ, Грабовъ съ докторомъ поднялись во второй этажъ. Едва вступивъ въ прихожую этой небольшой уютной квартирки, молодой офицеръ сразу почувствовалъ, какъ всѣ непріятности далеко отлетѣли отъ него, словно въ самомъ воздухѣ этого тихаго гнѣздышка было что-то успокоительное.

В. Суворова.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

А. И. ГЕРЦЕНЪ.
(въ молодыхъ годахъ).

Литературные портреты.

Герценъ.

«Открытая, вольная рѣчь—великое дѣло: безъ вольности рѣчи нѣтъ вольнаго человѣка»,—писалъ въ 1863 г. въ своемъ воззваніи «Братьямъ на Руси» по поводу открытія вольной русской типографіи въ Лондонѣ нашъ «великій изгнанникъ» «Отчего мы молчимъ? Неужели намъ нечего сказать? Или мы молчимъ только оттого.. что мы не смѣемъ говорить? Дома нѣтъ мѣста свободной рѣчи,—она можетъ раздаться индѣ, если только ея время пришло»... «Дверь вамъ открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться, или нѣтъ?».

И въ первое время передъ творцомъ русской свободной прессы мучительно стоялъ вопросъ: да пришло ли дѣйствительно это желанное время? «Отвѣта не было или хуже: до меня доходили одни порицанія, одинъ лепетъ страха»,—писалъ Герценъ. Онъ не находилъ поддержки даже среди друзей. Престарѣлый артистъ Щепкинъ готовъ былъ стать передъ нимъ на колѣни съ мольбой остановиться, «пока есть время». «Какая можетъ быть польза отъ вашего печатанія? Вы сгубите бездну народа, сгубите вашихъ друзей»,—говорилъ М. С. Щепкинъ при свиданіи съ Герценомъ въ Лондонѣ. Но съ присущимъ энтузіазмомъ и вѣрой Герценъ, не встрѣчая отклика на родинѣ, тягостно молчавшей, «какъ изумленное дитя», тѣмъ не менѣе писалъ и печаталъ. «Три года мы печатали,—вспоминалъ Герценъ,—не только не продавъ ни одного экземпляра, но не имѣя возможности почти ни одного экземпляра послать въ Россію». Однако, его зовъ, какъ «дальній благовѣстъ», возвѣщавшій, что «заутреня народнаго воскресенія начинается и для Руси», пробудилъ и спящихъ россіянъ. «Привѣта съ родины далекой дождался голосъ одинокій». Тогда удесятерились «надежды и силы». Знаменитое письмо Герцена 10-го марта 1855 г. Императору Александру II, получившее широкую огласку, какъ бы пробило брешь въ прежнемъ тягостномъ молчаніи. Призывы даровать «вольную рѣчь», уничтожить «цензурныя колодки», правда, были еще преждевременны. Но Герценъ не ошибся,—пришло время «печатать по-русски внѣ Россіи».—20 іюля 1885 г. вышла первая книга герценскихъ періодическихъ сборниковъ, названныхъ въ память литературнаго альманаха декабристовъ «Полярной Звѣздой». «Съ бьющимся сердцемъ ожидалъ я послѣдствій,—писалъ Герценъ.—Вѣра моя начала оправдываться. Я сталъ вскорѣ получать письма, испо-

ненная симпатіи, юной горячей, театради стиховъ и разныхъ статей». Несмотря на всѣ строгости, количество требованій изъ Россіи увеличилось до того, что расходы по вольной типографіи скоро уже стали покрываться продажей русскихъ книгъ.

Итакъ, свободное русское слово раздалось въ Россіи. И «въ далекой Сибири читается «Полярная Звѣзда»—писалъ Герцену декабристъ Якушкинъ. Явились и корреспонденты, явились сотрудники, въ число которыхъ записались лучшія литературныя силы освобождающейся Россіи. Юнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ изгнанника; вѣра росла; «впередъ, впередъ»,—звалъ онъ русское общество.

Еще такъ недавно «гласъ вопіющаго въ пустынѣ одинъ раздался на чужбинѣ», и уже «Полярная Звѣзда» не можетъ удовлетворить растущей потребности въ свободномъ словѣ. Событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить налету, обслуживать тотчасъ». Герценъ предпринимаетъ въ качествѣ дополненія къ «Полярной Звѣздѣ» изданіе новаго повременнаго органа, своего знаменитаго «Колокола». Газетѣ суждено было сыграть огромную общественную роль, принести незамѣнимыя услуги русскому освобожденію. Какими скромными кажутся теперь требованія, выставленныя на знамени свободной прессы въ «эпоху великихъ реформъ». Мы считаемъ,—писалъ Герценъ въ № 1-мъ «Колокола»,—«первымъ необходимымъ, неотлагательнымъ шагомъ: освобожденіе слова отъ цензуры, освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ! Освобожденіе податнаго состоянія—отъ побоевъ!» И однако сколько силъ, сколько энергіи пришлось потратить, сколько перенести боли человѣку, всей душой жившему событіями, которыя разыгрывались на аренѣ отдаленной родины, перенести все это для того, чтобы не имѣть возможности сказать: «Нынѣ отпущаеши», ждать «перемѣнъ существенныхъ» и дождаться китайскихъ тѣней». Дѣйствительно, «волная рѣчь—великое дѣло»: «недаромъ за нее люди оставляютъ отечество, бросаютъ достояніе».

И призывая русское общество «впередъ»,—«толчекъ данъ, ледъ тронулся»,—все сильнѣе звучалъ, раскачиваясь, звонъ герценскаго Колокола. Онъ обличалъ «смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное». Ѣдкая сатира возбуждала иногда недовольство даже лицъ, близкихъ Герцену. «Смѣхъ,—отвѣчалъ на это Герценъ,—одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего, что отжило». «Мы слишкомъ легко пугаемся свободнаго слова, мы не привыкли къ нему. Посмотрите, что печатаютъ объ Англіи... Фамусовъ давно заткнулъ бы уши и закричалъ бы: «Подъ судъ, подъ судъ»! А Англія молчитъ и слушаетъ И съ безпощадной прямотой Колоколъ бичевалъ дореформенную Россію. Свободное слово напоминало всѣмъ, что «сдавленный паръ взрываетъ машину, если не умѣютъ его направить». Колоколъ получилъ огромное вліяніе, онъ руководилъ общественной мыслью: въ то время, когда подневольная русская пресса не могла еще говорить объ условіяхъ освобожденія крестьянъ, т. е. касаться основой реформы, долженствовавшей положить новый фундаментъ для молодой Россіи, Колоколъ указалъ путь, по которому должно идти освобожденіе. Его звонъ достигалъ «самыхъ высшихъ сферъ».

Въ недавно вышедшей работѣ г. Вѣтринскаго о Герценѣ собраны многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о значеніи Колокола. Письмо Герцена къ императрицѣ Маріи Александровнѣ о воспитаніи наслѣдника, его протестъ «противъ превращенія учебной въ кордегардію», производитъ, по воспоминаніямъ Никитенко, автора извѣстнаго «Дневника», «сильное впечатлѣніе при Дворѣ». Герцену передавали, что «императрица плакала надъ письмомъ». Получивъ при дворѣ права гражданства, Колоколъ своими обличеніями приводитъ къ пересмотру судебныхъ дѣлъ, похороненныхъ въ клоакѣ дореформеннаго правосудія. Колоколъ, это—теперь единственный голосъ, къ которому прислушивается правительство»,—писалъ Ю. Самаринъ. Колоколомъ грозятъ властямъ. Что скажетъ Колоколъ, какъ отзовется Колоколъ? Вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ всѣ, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всѣхъ классовъ». Обличенія Колокола наводили панику на всѣхъ, кому было что скрывать,—таковъ общій отзывъ современниковъ. «Колоколъ—власть»,—говорилъ Герцену самъ Катковъ. О вліяніи Колокола ходятъ легенды. Извѣстенъ разсказъ, какъ московскіе актеры потребовали отъ Гедеонова задержанное жалованье объщаніемъ пожаловаться Колоколу: одинъ старецъ «прежняго закала» будто бы даже умеръ, увидавъ свое имя въ герценской газетѣ. Колоколъ становится настольной книгой дѣятелей крестьянской реформы. «Въ Твери, по словамъ А. М. Унковскаго, не было дома, въ которомъ не было бы Колокола. Его раздавалъ даже жандармскій полковникъ. Въ теченіе 2—3 лѣтъ у большинства дворянъ перемѣнился весь образъ мыслей

подъ вліяніемъ Колокола». Берлинскіе книгопродавцы, по словамъ Никитенко, «брались доставлять сколько угодно герценскихъ изданій прямо на-домъ». Изъ Россіи къ Герцену шелъ «ливень» посланій. Корреспонденты являлись самые неожиданные. Горчаковъ съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ Колоколѣ отчетъ о тайномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу. Въ числѣ корреспондентовъ находится даже жандармскій подполковникъ Громека: онъ посылаетъ Герцену копіи съ письма Шувалова къ шефу жандармовъ Долгорукову, думая тѣмъ самымъ «угодить графу». Къ 1861 г. Колоколъ достигъ зенита своей славы. Подъ давленіемъ Колокола правительство опубликовываетъ государственный бюджетъ. Герценъ начинаетъ печатать матеріалы о сектантствѣ, правительство считаетъ необходимымъ допустить обсужденіе этихъ вопросовъ и въ русскихъ изданіяхъ; Герценъ начинаетъ печатать переводъ на русскій языкъ библіи; синодъ вынужденъ дѣлать то же и т. д.

Бюрократія боялась герценскаго пера: является даже попытка—въ противовѣсъ вліянію Колокола основать за границей собственную оффиціозную газету; въ Колоколѣ было передано сообщеніе, что бюрократія прибѣгаетъ даже «къ перепечатанію непріятныхъ номеровъ Колокола для представленія ихъ выскопоставленнымъ лицамъ». По истинѣ изданія Герцена составили «эпоху въ жизни Россіи».

Поворотомъ въ популярности Колокола было, какъ извѣстно, польское возстаніе, выраженіе солидарности съ нимъ со стороны Герцена. Герценъ оказался одинокъ. «Россія явнымъ образомъ сорвалась съ пути, на который попала въ 1855 году»,—писалъ Герценъ въ Колоколѣ.—«Ревъ, вой, шипѣніе казеннаго свирѣпаго патріотизма заглушаютъ всякое человѣческое слово. Образованная Россія оказалась гораздо болѣе варварской, чѣмъ Россія народная»... «Пока продолжается этотъ «запой» кровью, для чего наша рѣчь? Съ кѣмъ намъ говорить, для кого писать, печатать?» Какъ ни тяжело было это великому публицисту, онъ все же не могъ бросить оружія. Надежды и здѣсь окрыляли его. «Прошлое обязываетъ. Мы имѣли довольно голоса и смѣлости, чтобы начать рѣчь... Мы ее продолжали среди рукоплесканій сверху и снизу,—надобно имѣть духъ продолжать ее, пока пьяные не отрезвятся. Продолжать для того, чтобы не умолкъ послѣдній протестъ»... Широкіе общественные круги отшатнулись отъ своего руководителя: тиражъ Колокола палъ съ 2.000—2.500 экз. до 500 въ 1863 г. и не поднимался уже выше 1000. Связи съ родиной ослабѣвали; уменьшилось и число корреспондентовъ. Но тѣмъ не менѣе Герценъ долго не сдавался.

Выпускалъ № 1 Колокола, онъ далъ обѣтъ, что Колоколъ «гудѣть не перестанетъ, пока, спугнувъ ночные сны, изъ колыбели тишины Россія бодро не воспрянетъ». Герценъ звалъ не только слушать Колоколъ, но и «самимъ звонить въ него».

Потерявъ прежнее вліяніе на своихъ современниковъ, Герценъ хотѣлъ обратиться со своимъ призывомъ къ «новой средѣ», онъ хотѣлъ прибавить «слово дальнихъ странниковъ къ тому, чему ихъ (русскую молодежь) учитъ Чернышевскій». Онъ сошелся съ этой цѣлью съ новой эмиграціей, собравшейся на берегу Женевскаго озера. Однако, отношенія не ладились... Старое и новое поколѣніе хотѣли идти различными путями. Молодому поколѣнію не нравилась видимая устойчивость Герцена; послѣдній не одобрялъ методы, къ которымъ прибѣгали новые революціонные кружки. Много горькаго и обиднаго пришлось услышать прежнему божеству русской общественности. «Герценъ годится уже теперь только на то, чтобы быть убитымъ на баррикадѣ, на которую онъ, впрочемъ, никогда не пойдетъ». Велікій изгнанникъ саркастически отвѣчалъ тѣмъ, которые готовы называть «Стюарта Милля «ракаліей», «стараго Дарвина за измятое жабо» хлестать «въ усъ да въ рыло»...

Новая неудача заставляетъ Герцена измѣнить цѣль изданія Колокола. Онъ ясно сознаетъ, что издавать прежній Колоколъ «при новомъ взмахѣ Россіи» нельзя, несмотря на то, что его слово все еще по прежнему вызываетъ тревогу въ правительственныхъ кругахъ: «Я продолжаю быть въ модѣ, и Opinion Nat. пишетъ въ настоящемъ нумерѣ о томъ, что всякій день таинственная рука кладетъ Александру II Колоколъ подъ салфетку». Эти слова относятся къ началу 1866 г., но уже черезъ годъ русскіе говорятъ Герцену, что «въ Петербургѣ и Москвѣ рѣшительно никто Колокола не читаетъ и что его вовсе нѣтъ». «Сталъ жерновъ! Воды нѣтъ, а мы надрываемся вертѣть»... Наконецъ, 1-го іюля 1867 г. вышелъ послѣдній № 244—245-й Колокола. Издатели его временно пріостановили. Ему суждено было возобновиться съ другой цѣлью. Черезъ годъ началъ выходить журналъ Герцена подъ старымъ заголовкомъ уже на французскомъ языкѣ. «Намъ кажется, что въ эту минуту полезнѣе

говорить о Россіи, чѣмъ говорить съ нею». Но и французскій Колоколъ не встрѣтилъ удачи. «Caro mio,—писалъ Герценъ Огареву,—намъ пора въ отставку и приняться за что-нибудь другое, за большія сочиненія или за длинную старость... Жерновъ останавливается все больше и больше,—мы вяло толчемъ воду, окруженные... смѣхомъ и подлой завистью. Россія глуха. Посѣвъ сдѣланъ, она прикрыта навозомъ,—до осени дѣлать нечего».

Колоколъ умеръ, а въ 1869 г. была издана и послѣдняя книга «Полярной Звѣзды». Вмѣстѣ съ тѣмъ сгущались тучи реакціи. «Свободной Россіи мы не увидимъ»,—съ безотраднымъ чувствомъ говорилъ Герценъ. Единственнымъ утѣшеніемъ ему служили вѣра въ будущее, увѣренность, что «идея не погибнетъ»: «Мы—ранніе сѣятели, ничего изъ нашего посѣва не пропадало, но растетъ и пробивается». Въ этомъ Герценъ не ошибся.

Недавно вышедшее изслѣдованіе г. Вѣтринскаго напомнило еще разъ намъ о заслугахъ могикана русской общественной мысли. Теперь на книжномъ рынкѣ появилось воспроизведеніе герценскаго Колскола: вышла первая часть, заключающая 22 нумера, отъ 1-го іюля 1857 года по 1 сентября 1858 годъ. И съ благоговѣніемъ открываешь хартіи, гдѣ раздавался благовѣстъ былого властителя думъ, незабвеннаго Искандера, зовущій «живыхъ на похороны всего дряхлаго, отжившаго, безобразнаго, рабскаго, невѣжественнаго въ Россіи». «Vivos voco»,—таковъ былъ эпиграфъ герценскаго Колокола. («Р. В.»).

С. М—ъ.

Люблю.

О, дѣвочка моя, твои слова такъ скрытны,
Но я въ глазахъ твоихъ всѣ тайны уловлю.
Я твой подвижный станъ, прямой и беззащитный,
Какъ радостно—свѣтло, такъ ласково люблю.
Когда къ твоей рукѣ я тихо прикасаюсь,
Замѣтила ли ты,—все переходитъ въ сонъ?
Тобою я давно безмолвно восхищаюсь,
Дѣвичествомъ твоимъ лучисто осѣненъ.
Пока—молчали мы, но разъ мы были рядомъ.—
— Ахъ, что-то и влекло и отстраняло насъ,—
И долго я смотрѣлъ любующимся взглядомъ
Въ сіянье темное твоихъ лучистыхъ глазъ.
И вдругъ твой взоръ поймалъ, такъ нѣжно заблестѣвшій,
Какъ будто вся душа, дрожа, въ него вошла.
И вся смутилась ты, стыдливо покраснѣвши,
И вновь потухшій взоръ поспѣшно отвела.
О, дѣвочка моя, мы связаны тѣмъ взглядомъ,
Замѣтила ли ты,—все переходитъ въ сонъ?
Я навсегда хочу съ тобой остаться рядомъ,
Дѣвичествомъ твоимъ лучисто осѣненъ.
Сегодня вечеромъ, когда нашъ знакъ прощальный—
Прикосновенье рукъ я ласково продлю.
О, дѣвочка, пойми, что я душой печальной
Тебя и радостно и ласково люблю.

Викторъ Гофманъ.

ОБѢДЪ ВЪ ПРІЮТѢ ДЛЯ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Законъ насилія и законъ любви.

Статья Л. Н. Толстого.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почему пишу—Всѣмъ ясна бѣдственность жизни христіанскихъ народовъ—Причина этого—отсутствіе общаго пониманія жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія.—Средство избавленія отъ бѣдствій—принятіе истиннаго христіанскаго ученія.

Судъ-же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы. (11. 111 19—21).

Нѣтъ несчастія хуже того, когда человѣкъ начинаетъ бояться истины, чтобы она не обличила его.

Блезъ Паскаль.

Слава добрыхъ въ ихъ совѣсти, а не въ устахъ людей.

Пишу я то, что пишу, только потому, что зная то одно, что можетъ освободить людей христіанскаго міра отъ тѣхъ страшныхъ тѣлесныхъ страданій и, главное, отъ того духовнаго развращенія, въ которыхъ оно все дальше и дальше погрязаетъ, я, стоя на краю гроба, не могу молчать.

Въ наше время не можетъ не быть ясно для всѣхъ мыслящихъ людей,—не однихъ русскихъ людей, но всѣхъ народовъ христіанскаго міра, съ своей все увеличивающейся нуждою бѣдныхъ и роскошью богатыхъ, съ своей борьбой всѣхъ противъ всѣхъ, революціонеровъ противъ правительствъ, правительствъ противъ революціонеровъ, порабощенныхъ народностей противъ поработителей, борьбы государствъ между собою, запада съ востокомъ, съ своими все растущими и поглощающими силы народа вооруженіями, своей утонченностью и развращенностью,—что жизнь такая не можетъ продолжаться, что жизнь христіанскихъ народовъ, если она не измѣнится, неизбѣжно будетъ становиться все бѣдственнѣе и бѣдственнѣе.

Это ясно многимъ, но къ сожалѣнію люди часто не видятъ причины этого бѣдственнаго положенія и еще менѣе видятъ средство избавленія. Причиною этого положенія признаются многія, самыя разнообразныя условія, предлагаются и самыя разнообразныя средства избавленія.

А между тѣмъ причина одна, одно и средство избавленія.

Причина бѣдственнаго положенія христіанскихъ народовъ—отсутствіе среди христіанскихъ народовъ общаго имъ всѣмъ высшаго пониманія смысла жизни, вѣры, и вытекающаго изъ нея руководства поведеніемъ. Средство избавленія отъ этого бѣдствен-

наго положенія, и средство не фантастическое, не искусственное, а самое естественное, состоитъ въ усвоеніи людьми христіанскаго міра открытаго имъ 19 вѣковъ тому назадъ высшаго, соотвѣтствующаго теперешнему возрасту человѣчества пониманія жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія, т. е. *христіанскаго ученія въ его истинномъ смыслѣ.*

I.

Разъединенность и бѣдствія происходятъ отъ отсутствія вѣры и вытекающаго изъ нея руководства поведенія.—Христіанство было принято сначала въ извращенномъ видѣ, и это привело къ тому, что въ наше время люди живутъ безъ всякой религіи—Въ народѣ—безсознательное невѣріе; у образованныхъ людей—сознательное отрицаніе вѣры.

> Одно изъ самыхъ грубыхъ суевѣрій есть суевѣріе научныхъ людей о томъ, что человѣкъ можетъ жить безъ вѣры.
>
> Истинная религія есть такое установленное человѣкомъ отношеніе къ окружающей его безконечной жизни, которое связываетъ его жизнь съ этою безконечностью и руководитъ его поступками.
>
> Если ты сознаешь, что у тебя нѣтъ вѣры, знай, что ты въ самомъ опасномъ положеніи, въ которомъ только можетъ находиться человѣкъ въ этомъ мірѣ.

Люди могутъ жить и живутъ свойственной людямъ разумной и согласной жизнью только тогда, когда соединяются пониманіемъ смысла жизни, т.-е. вѣры въ одно и то же, одинаковое, удовлетворяющее большинство ихъ пониманіе смысла жизни и вытекающее изъ этого пониманія руководство въ поступкахъ. Когда-же случается то, что и не можетъ не случаться (такъ какъ объясненіе смысла жизни и вытекающее изъ него руководство поведенія никогда не бываетъ послѣднимъ, а постоянно все болѣе и болѣе уясняется),—когда случается то, что пониманіе смысла жизни, ставшее болѣе точнымъ и опредѣленнымъ, требуетъ вытекающаго изъ этого уясненія иного, чѣмъ прежнее, руководства поведенія, жизнь-же народа или народовъ продолжаетъ идти по прежнему, то жизнь такихъ народовъ бываетъ и разъединенной и бѣдственной. И разъединенность эта и бѣдственность, не переставая, увеличиваются по мѣрѣ того, какъ люди, не усваивая свойственнаго времени религіознаго пониманія и вытекающаго изъ него руководства поведенія, продолжаютъ жить по руководству, вытекающему изъ прежняго, отжитаго уже пониманія жизни и, кромѣ того, вмѣсто того, чтобы усвоить свойственное времени религіозное пониманіе, стараются искусственно придумать такое пониманіе жизни, которое оправдывало бы ихъ устройство жизни, несоотвѣтствующее уже духовнымъ требованіямъ большинства людей.

Повторялось это много разъ въ исторіи, но никогда, я думаю, этотъ разладъ между образомъ жизни людей, отставшимъ отъ религіознаго уясненія смысла жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія, не былъ такъ великъ, каковъ онъ теперь среди христіанскихъ народовъ, не принявшихъ открытаго имъ христіанскаго ученія въ истинномъ его значеніи и вытекающаго изъ этого ученія руководства поведенія, а живущихъ и продолжающихъ жить прежней языческой жизнью.

Разладъ этотъ въ жизни христіанскихъ народовъ въ особенности великъ, я думаю, потому, что объясненіе пониманія жизни, внесенное христіанствомъ въ сознаніе народовъ, слишкомъ далеко опередило складъ жизни народовъ, принявшихъ его, а потому и вытекающее изъ него руководство поведенія было слишкомъ противоположно не только личнымъ привычкамъ людей, но и всему складу жизни языческихъ народовъ, принявшихъ христіанское ученіе.

Отъ этого то и произошла та поразительная разъединенность, безнравственность, бѣдственность, неразуміе жизни христіанскихъ народовъ.

Произошло это отъ того, что люди христіанскаго міра, принявъ, подъ видомъ христіанства, церковное ученіе, очень скоро перестали вѣрить въ это ученіе, не замѣнивъ его никакимъ другимъ. Такъ что люди христіанскаго міра, все больше и больше освобождаясь отъ вѣры въ извращенное христіанское ученіе, дошли наконецъ до того положенія, въ которомъ они находятся въ настоящее время, что большинство ихъ не имѣетъ никакого объясненія смысла своей жизни, то-есть никакой религіи, вѣры и никакого общаго руководства поведенія. Большинство людей, рабочій народъ, хотя

по внѣшности и держится старой церковной вѣры, уже не вѣритъ въ нее, не руководствуется ею въ жизни, а держится только преданія по привычкѣ и ради приличія. Меньшинство же, такъ называемые образованные классы большей частью или уже сознательно не вѣрятъ ни во что и только ради политическихъ цѣлей нѣкоторые изъ нихъ притворяются, что вѣрятъ еще въ церковное христіанство, или же—самое малое меньшинство—искренно вѣрятъ въ ученіе, несовмѣстимое съ жизнью и отставшее отъ нея, и разными сложными софизмами стараются оправдать свою вѣру.

Въ этомъ главная и единственная причина переживаемаго въ наше время христіанскими народами бѣдственнаго положенія.

Бѣдственное положеніе это усиливается еще тѣмъ, что такъ какъ это состояніе невѣрія продолжается уже много времени, сдѣлалось то, что среди людей христіанскаго міра тѣ изъ нихъ, которымъ это положеніе безвѣрія выгодно, всѣ властвующіе классы, либо самымъ безсовѣстнымъ образомъ притворяются, что вѣрятъ въ то, чему не вѣрятъ, и не могутъ вѣрить, либо, въ особенности наиболѣе развращенные изъ нихъ ученые, прямо проповѣдуютъ, что для людей нашего времени совсѣмъ и не нужно какого бы то ни было смысла жизни—вѣры, ни какого бы то ни было вытекающаго изъ вѣры руководства поступковъ, а что единственный основной законъ жизни человѣческой есть законъ развитія и борьбы за существованіе, и что поэтому жизнь людей можетъ и должна быть руководима только похотями и страстями людскими или естественными влеченіями.

Въ этомъ-то безсознательномъ невѣріи народа и сознательномъ отрицаніи вѣры такъ называемыхъ людей христіанскаго міра и заключается причина бѣдствій людей этого міра.

II.

Вражда между людьми рабочими и нерабочими; между порабощенными народностями и ихъ поработителями.—Нѣтъ нравственныхъ основъ, вытекающихъ изъ религіи, которыя могли бы противодѣйствовать этой животной борьбѣ.

> Человѣкъ обладаетъ непреодолимымъ стремленіемъ вѣрить, что его не видятъ, когда онъ ничего не видитъ—какъ дѣти, которыя закрываютъ глаза, чтобы ихъ не увидѣли.
>
> *Лихтенбергъ.*

> Люди нашего времени вѣрятъ, что вся безсмысленность и жестокость нашей жизни съ безумнымъ богатствомъ нѣсколькихъ, съ завистливой озлобленной нищетой большинства, съ насиліемъ, вооруженіями и войнами, не видны никому, и что ничто не мѣшаетъ намъ продолжать жить такою жизнью.
>
> Заблужденіе не перестаетъ быть заблужденіемъ отъ того, что большинство раздѣляетъ его.

Люди христіанскаго міра, принявъ подъ видомъ христіанскаго ученія извращеніе его, замѣнившее язычество и сначала отчасти удовлетворявшее людей своими новыми формами, перестали со временемъ вѣрить и въ это извращенное христіанство и дошли наконецъ до того, что остались безъ всякаго религіознаго пониманія жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія. А такъ какъ безъ такого общаго всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, общаго большинству людей пониманія смысла и вытекающаго изъ него общаго руководства поступковъ жизнь людей не можетъ не быть неразумной и бѣдственной, то чѣмъ дальше продолжалась такая жизнь людей христіанскаго міра, тѣмъ она становилась все болѣе и болѣе неразумной и бѣдственной. И жизнь эта въ наше время дошла до той степени неразумія и бѣдственности, при которой она не можетъ уже продолжаться въ прежнихъ формахъ.

Большинство рабочаго народа, лишеннаго земли, и потому возможности пользоваться произведеніями своего труда, ненавидятъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Землевладѣльцы и капиталисты, зная отношеніе къ себѣ рабочихъ, боятся и ненавидятъ ихъ. Увеличиваются не могущія имѣть конца вооруженія народовъ противъ народовъ, затрачивающія все бо́льшіе и бо́льшіе труды рабовъ рабочихъ на сухопутныя, водяныя, подводныя, воздушныя сооруженія, имѣющія цѣлью только приготовленія къ международнымъ массовымъ убійствамъ. И убійства эти совершались, совершаются и

не могутъ не совершаться, такъ какъ всѣ христіанскіе народы (не какъ люди, а какъ народы) соединенные въ государства, ненавидятъ другъ друга и другія нехристіанскія государства и всякую минуту готовы наброситься другъ на друга.

И это не все. Всѣ эти бѣдствія не показывали бы еще то, что жизнь христіанскихъ народовъ не можетъ продолжаться въ томъ же направленіи. Бѣдствія эти могли бы быть случайнымъ временнымъ явленіемъ, если-бы среди этихъ народовъ было какое-нибудь общее имъ всѣмъ религіозное руководящее начало. Но этого то и нѣтъ.—нѣтъ ничего подобнаго общему руководящему религіозному началу среди народовъ христіанскаго міра.

Есть ложь религіозная, и не одна, а нѣсколько различныхъ враждебныхъ между собою. Есть ложь научная—и тоже много разныхъ враждебныхъ другъ другу. Есть лжи политическія, международныя, партійныя. Есть лжи искусства, лжи преданій и привычекъ; есть много самыхъ разнообразныхъ лжей, но руководства, вытекающаго изъ религіознаго міровоззрѣнія, нѣтъ никакого. И люди христіанскаго міра живутъ какъ животныя, руководствуясь въ своей жизни одними личными интересами и борьбой другъ съ другомъ, тѣмъ только отличаясь отъ животныхъ, что животныя остаются съ незапамятныхъ временъ съ тѣмъ же желудкомъ, когтями и клыками: люди же переходятъ и все съ большей и большей быстротой отъ грунтовыхъ дорогъ къ желѣзнымъ, отъ лошадей къ пару, отъ устной проповѣди и письма къ книгопечатанію, къ телеграфамъ, телефонамъ, отъ лодокъ съ парусами къ океанскимъ пароходамъ, отъ холоднаго оружія къ пороху, пушкамъ, маузерамъ, бомбамъ, военнымъ аэропланамъ. И жизнь съ телеграфами, телефонами, электричествомъ, бомбами и аэропланами, и съ ненавистью всѣхъ противъ всѣхъ, руководимая не какимъ-либо соединяющимъ людей духовнымъ началомъ, а напротивъ, разъединяющими всѣхъ животными инстинктами, пользующимися для своего удовлетворенія умственными силами—становится все безумнѣе и безумнѣе, все бѣдственнѣе и бѣдственнѣе.

Л. Н. Толстой.

Истерія у женщинъ и дѣвушекъ.

Истерія является одною изъ самыхъ распространенныхъ среди женщинъ болѣзней, но только проявленія ея не всегда приписываютъ болѣзненному состоянію. Это происходитъ вслѣдствіе того, что въ болѣе легкихъ случаяхъ обыкновенно даже и не обращаются къ врачу, да и притомъ проявленія истеріи имѣютъ почти всегда чисто психическую форму. Истерички обыкновенно отличаются весьма обидчивымъ, раздражительнымъ и сварливымъ характеромъ, и если онѣ при при этомъ еще физически сравнительно здоровы, то все это считается ихъ недостатками, а ни какъ не проявленіями болѣзни.

Причинами истеріи могутъ быть малокровіе и блѣдная немочь, слѣдствіемъ которыхъ является плохое питаніе всей нервной системы. Но эта болѣзнь можетъ быть вызвана и психическими причинами, напримѣръ неудачнымъ супружествомъ. Наконецъ истерія можетъ быть наслѣдственной или же явиться слѣдствіемъ ненормальнаго уклада жизни. Но безусловно, для своего дальнѣйшаго развитія она нуждается въ извѣстной обстановкѣ и отсутствіи дѣятельности, такъ какъ больныя этой болѣзнью встрѣчаются лишь среди лицъ обезпеченныхъ классовъ и сравнительно рѣдко среди простого народа Усиленная физическая дѣятельность, не оставляющая времени, для всевозможныхъ мечтаній и фантазій служитъ очень плохой почвой для развитія истеріи.

Современный соціальный и экономическій строй жизни безусловно долженъ быть причиной распространенія этой болѣзни. Напримѣръ, въ этомъ много виновато безбрачіе, которое все болѣе распространяется среди высшихъ и среднихъ классовъ общества. Неправильное воспитаніе и нездоровыя привычки также вызываютъ и усиливаютъ эту болѣзнь. Подростающія дѣвочки высшихъ и среднихъ классовъ обыкновенно обременены усиленнымъ исключительно умственнымъ трудомъ и ведутъ сидячій образъ жизни, почти не бывая на воздухѣ. Слѣдствіемъ этого является малокровіе и дурное питаніе всего организма, что губительно

отражается и на всей нервной системѣ, особенно въ періодъ развитія дѣвочекъ.

Истерія можетъ и не сопровождаться какими либо физическими недомоганіями. Въ этихъ случаяхъ она приноситъ болѣе вреда окружающимъ, чѣмъ самой больной Лживость, сварливость, капризы истерики дѣлаютъ ее бичомъ всѣхъ близкихъ. Подобныя больныя обыкновенно очень склонны къ интригамъ, сплетнямъ, очень эгоистичны, безвольны и готовы употребить какія угодно средства для достиженія своихъ большею частью мелкихъ цѣлей. Онѣ страдаютъ по большей части слабостью памяти и черезчуръ сильнымъ развитіемъ фантазіи, благодаря чему онѣ лгутъ даже вполнѣ безсознательно. Всѣ впечатлѣнія не оставляютъ слѣда въ ихъ душѣ, ничто не можетъ глубоко затронуть ихъ и онѣ никогда не обладаютъ прочными, стойкими убѣжденіями.

Если къ истеріи примѣшиваются еще какія либо физическія недомоганія, то ее бываетъ труднѣе опредѣлить благодаря разнообразію симптомовъ. Однѣхъ напр. преслѣдуетъ какой-либо запахъ, другія не выносятъ шума, особенно громкихъ разговоровъ, третьи не переносятъ яркаго дневного свѣта. Иногда истерички жалуются на боль въ той или другой части тѣла или суставѣ, у нихъ появляются сердцебіеніе, ускоренный пульсъ, затрудненное дыханіе, боли въ желудкѣ и т. д., при чемъ врачи при изслѣдованіи подобныхъ больныхъ не находятъ никакихъ болѣзненныхъ измѣненій въ ихъ организмѣ, которыя соотвѣтствовали бы подобнымъ симптомамъ. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ истерія сопровождается даже серьезными эпилептическими явленіями.

Мигрени являются постоянными спутниками истеріи, очень часто она сопровождается и ишіасомъ (болѣзнь сѣдалищнаго нерва) и болями личныхъ нервовъ. Боль въ спинѣ почти никогда не отсутствуетъ у подобныхъ больныхъ.

Относительно истеріи можно скорѣе всего сказать, что гораздо легче предупредить зло, чѣмъ излѣчить его. Поэтому, подростающія дѣвочки и молодыя дѣвушки должны расти подъ исключительно внимательнымъ надзоромъ. Дѣвочки и молодыя дѣвушки должны все свободное отъ занятій время проводить на воздухѣ въ движеніи и заниматься спортомъ. Не слѣдуетъ позволять имъ сидѣть долгое время за книгой или ручной работой. Чтеніе молодыхъ дѣвушекъ должно подвергаться строгому контролю. Не слѣдуетъ давать имъ въ руки сомнительные романы и вообще книги съ эротическимъ направленіемъ. Нужно употреблять всѣ силы, чтобы выработать у молодыхъ дѣвушекъ силу воли и стремленіе къ высшимъ, чистымъ идеаламъ. Необходимо, чтобы дѣвушки вели правильный, нормальный образъ жизни. Пища должна быть обильна, питательна, но ни въ какомъ случаѣ не возбуждающая. Нужно внимательно слѣдить въ этомъ возрастѣ какъ за физическими, такъ и за нравственными недомоганіями, напр. плаксивостью, экзальтированностью, черезчуръ сильной впечатлительностью и т. д., которыя могутъ быть первыми симптомами развивающейся болѣзни.

Вполнѣ развившаяся истерія почти неизлѣчима. Отсутствіе силы воли у подобныхъ больныхъ безусловно мѣшаетъ ихъ выздоровленію. Леченіе гипнозомъ даетъ очень хорошіе результаты при истеріи.

Очень благотворно дѣйствуетъ также перемѣна обстановки и условія жизни въ подходящихъ для такихъ больныхъ санаторіяхъ.

Кромѣ раціональнаго питанія всей нервной системы, для подобныхъ больныхъ необходимъ правильный трудъ. Особенно хорошіе результаты даютъ легкія работы въ саду и полѣ. Онѣ возбуждаютъ аппетитъ, усиливаютъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ и отвлекаютъ вниманіе больной отъ самой себя и своихъ болѣзней. Кромѣ того жизнь среди природы и общеніе съ ней имѣютъ огромное нравственное значеніе. Необходимо предохранять больную отъ всякихъ физическихъ и нравственныхъ возбужденій. Относиться къ ней нужно спокойно и властно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягко и толково.

Иногда въ пожилыхъ годахъ истерика проходитъ и сама собой, но такъ какъ она особенно ярко проявляется въ лучшіе годы жизни женщины и отравляетъ существованіе и ей, и ея близкимъ, то нужно усиленно бороться съ этой болѣзнью и всѣми силами стараться предупредить ее и отнюдь не дать ей развиться.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ 12-й.

	стр.
Южная ночь. Стихотвореніе К. Лѣсникова	297
Любовь Клеопатры. Стихотвореніе *П. Муринскаго*	298
Нить Аріадны. Разсказъ *А. Зарина*	299
Старая пѣсня. Стихотвореніе *В. Горянскаго*	303
Стихотворенія въ прозѣ. *В. Уманова-Каплуновскаго*	304
Нечистая совѣсть. Разсказъ *Вл. Ленскаго*	307
Весною. Стихотвореніе *В. Мюра*	311
Два внука. Разсказъ *В. Суворовой*	312
Герценъ. Статья *С. М—а*	317
Люблю. Стихотвореніе *В. Гофмана*	320
Законъ насилія и законъ любви. Статья *Гр. Л. Н. Толстого*	321
Истерія у женщинъ. Статья	324

Картины:
1. **Распни его!..** Автотипія Лувета.
2. **Разрушеніе Содома,** картина исполненная красками.

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ.

Лица, не уплатившія полностью годовую цѣну должны внести деньги не позднѣе 1-го іюля, т. к.. съ этого времени, не поступающій въ розничную продажу журналъ „Пробужденіе“ будетъ печататься въ количествѣ экземпляровъ, не превышающемъ числа имѣющихся годовыхъ подписчиковъ. Позднѣйшія заявленія о желаніи продолжать подписку приняты не будутъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) 6 р., съ доставкой и пересылкой во всѣ города 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 58 коп.

Издательница *О. П. Александрова.* Редакторъ *Н. В. Корецкій.*

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39, соб. д.

AP
50
P74
g.4, vyp.1-12
Probuzhdenie
g. 4, vyp. 1-12

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED